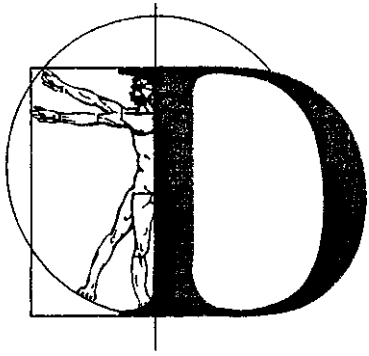
П С И Х О Л О Г И Я



disciplinae

В.В. РОМАНОВ

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Рекомендовано Министерством общего
и профессионального образования
Российской Федерации
в качестве учебника для студентов,
обучающихся по юридической специальности
и юридическому направлению

МОСКВА
ЮРИСТЪ
1998

УДК 159.9:34(075.8)
ББК88.4
Р69

Рецензенты:

Академик РАН,
доктор психологических наук, профессор *П.В. Сергеюк*

Действительный член Академии военных наук,
заслуженный юрист Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор *А.А. Тер-Акопов*

Романов В.В.

Р69 Юридическая психология: Учебник. — М.: Юристъ, 1998. — 488 с.: ил.

ISBN 5-7975-0054-X (в пер.)

Автор учебника В.В. Романов — доктор психологических наук, кандидат юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации. Учебник подготовлен в соответствии с типовой учебной программой по юридической психологии, содержит рекомендации психологического характера. Материал изложен с учетом нового (на 1 января 1998 г.) законодательства. Прилагаются учебная программа и тематический план по курсу юридической психологии.

Для студентов, аспирантов, преподавателей юридических вузов и факультетов, а также для работников правоохранительных органов (следователей, прокуроров, судей), адвокатов.

УДК 159.9:34(075.8)
ББК 88.4

ISBN 5-7975-0054-X

© «Юристъ», 1998
© Романов В.В., 1998

От автора

Реформирование российского общества, становление новой государственности, фундаментальное обновление законодательства, осуществляемая в стране судебная реформа, направленная на усиление защиты прав и свобод граждан, создание эффективно действующей рыночной экономики, борьба с преступностью потребовали квалифицированного правового обеспечения, обусловили социальную значимость юриспруденции, повысили в целом авторитет правовой науки, сделали профессию юриста наиболее массовой и популярной, особенно среди молодежи.

В свою очередь возросшая потребность общества в юристах высшей квалификации привела к появлению многочисленных государственных, ведомственных, частных и других учебных заведений юридического профиля, в которых далеко не всегда имеются отвечающая современным требованиям учебно-методическая база, необходимые учебные, методические материалы, а также в должной мере подготовленный преподавательский состав по различным, особенно узкопрофилированным дисциплинам, к числу которых можно отнести и юридическую психологию.

В целях оказания научно-методической помощи таким вузам, а также унификации всей системы высшего юридического образования под эгидой Ассоциации юридических вузов страны началась работа, направленная на повышение качества юридического образования, насыщения его новыми научными технологиями, учебными программами, методическими разработками, учебниками, соответствующими не только современному уровню развития правовой науки, но и новому законодательству, практике его применения.

В этом русле также начата научно-методическая работа и в области юридической психологии. Прежде всего была разработана и принята типовая учебная программа по данной дисциплине с учетом требований Госстандарта по направлению 52.14.00 и специальности 02.11.00 «Юриспруденция», рекомендованная Советом по правоведению Учебно-методического объединения университетов Российской Федерации (см. приложение), изданы Методические рекомендации по курсу «Юридическая психология», включающие курс лекций, советы методического характера по каждой теме, рекомендуемую литературу, а также тематический план, одобренные Советом по правоведению УМО университетов Российской Федерации для использования в учебном процессе.

Поэтому настоящий учебник, в отличие от ранее изданных, полностью соответствует этим последним документам, прежде всего новой общевузовской учебной программе по данной дисциплине, И вторая особенность, отличающая его от других учебников по юридической психологии, состоит в том, что при изложении материала учтены все самые последние (на 1 января 1998 г.) нововведения в ныне действующее законодательство. Отдельные разделы учебника содержат психолого-правовой анализ целого ряда норм нового уголовного, гражданского законодательства. Их психологический комментарий позволит работникам прокуратуры, суда, органов правовой помощи населению использовать сведения из области психологии при решении практических вопросов в уголовном и гражданском процессе.

При подготовке учебника автор использовал свой многолетний опыт работы в органах прокуратуры, участия в проведении судебно-психологических экспертиз по уголовным делам, а также более чем двадцатилетний опыт преподавания юридической психологии на военно-юридическом факультете, в Международном независимом эколого-политологическом университете.

Создание учебника было бы невозможно без постоянной помощи, которую автор имел на кафедре криминалистики Военного университета со стороны своих коллег — проф. В.Н. Абрамина, доц. И.А. Гамалеева, проф. В.И. Киреева, начальника кафедры полковника юстиции А.П. Парфененкова, заведующего кафедрой уголовной политики МНЭПУ проф. А.А. Тер-Акопова. Автор выражает свою искреннюю признательность сотрудникам Генеральной прокуратуры РФ, прежде всего государственному советнику юстиции 3-го класса В.Л. Поляковой, юридическому колледжу — специализированного Института юриспруденции МГУ им. М.В. Ломоносова за постоянное внимание к экспериментально-психологическим исследованиям, которые проводились в прокуратуре и колледже и позволили расширить научную базу учебника, а также старшему научному сотруднику НИИ Генеральной прокуратуры РФ М.В. Крозу, с которым совместно написана глава 11 учебника.

Хочется также высказать глубокую благодарность заслуженному деятелю науки РФ, доктору юридических наук, проф. А.Р. Ратинову, доктору психологических наук М.М. Коченову, кандидату психологических наук Н.И. Наенко, директору Института прикладной психологии, кандидату медицинских наук Л.Н. Собчик за их ценные советы и научные идеи, которыми они делились с автором.

В учебнике использованы фрагменты различных тестовых методик (Д. Равена, С. Розенцвейга, Г. Роршаха и др.), рисунки В.Е. Хилла, некоторые карикатуры Х.Бидструпа.

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

ВВЕДЕНИЕ В ЮРИДИЧЕСКУЮ ПСИХОЛОГИЮ

Глава 1
ПРЕДМЕТ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Предмет юридической психологии, ее структура и содержание как прикладной отрасли психологической науки. Правовая, судебная, криминальная, пенитенциарная психология, их место в системе юридической психологии. Задачи, решаемые юридической психологией. Краткий экскурс в историю развития и становления юридической психологии. Методологические основы, принципы научного познания психических явлений в юридической психологии. Ее междисциплинарные связи с другими отраслями психологической и правовой науки.

§ 1. Предмет, содержание, задачи юридической психологии

Предмет юридической психологии. Известно, что психология (от греч. psyche — душа, logos — учение, наука) — это наука о закономерностях развития и функционирования психики как особой формы жизнедеятельности человека, которая проявляется в его отношениях с окружающимит его людьми, с самим собой, с окружающим его миром в целом.

Естественно, формы жизнедеятельности человека, его межличностные контакты, области, в которых эти контакты возникают и развиваются, весьма обширны. И этим разнообразием отношений прежде всего объясняется достаточно большое число различных прикладных отраслей психологической науки, призванных оказывать непосредственную помощь людям в их профессиональной деятельности, в той или иной специальной области общественной практики[1]. Достаточно назвать хотя бы некоторые такие прикладные отрасли психологической науки, которые особенно бурно развиваются в настоящее время: педагогическую и медицинскую психологию, инженерную психологию и психологию труда, военную, авиационную, космическую, социальную психологию, психологию спорта и т.д. Среди них свое место прочно занимает и юридическая психология[2].

Что является предметом юридической психологии, какова его природа? Что она должна изучать? Все эти вопросы о ее природе, предмете, месте и взаимоотношениях с различными отраслями психологии и правоведения, отмечает А.Р. Ратинов, не абстрактно академические, а являются важными прежде всего с практической точки зрения, поскольку от их решения зависят «пределы компетенции юридической психологии и смежных наук, перспективы исследований, пригодность научных реко-

[1] См.: *Ратинов А.Р.* Судебная психология для следователей. М., 1967. С. 9.
[2] См.: *Ярошевский М.Г.* История психологии. 2-е изд. М., 1976. С. 424—428.

мендации, организация и содержание профессиональной подготовки специалистов»[1].

Юридическая психология является одной из прикладных, «пограничных» отраслей психологической науки, возникшей в результате межнаучной интеграции на стыке психологических и правовых знаний[2]. Поскольку «материнской» для юридической психологии является психологическая наука, то юридическую психологию есть все основания отнести в разряд естественно-научных отраслей знания.

Однако в связи с тем, что юридическая психология зародилась и длительное время развивалась в недрах юридической науки и практики, ее обоснованно рассматривают среди правовых наук наряду с такими научными отраслями знаний, как уголовное право и уголовный процесс, криминалистика и криминология и некоторые другие. С этой точки зрения можно говорить о двойственном, психолого-правовом характере юридической психологии, ее предмета. Именно поэтому, как тонко подметил А.М. Столяренко, юридическая психология должна в своей «юридической части» понимать предмет так, как понимает свой предмет юридическая наука, а в «психологической части» — так, как понимает свой предмет психологическая наука[3]. Это одна сторона вопроса. И вторая, не менее важная сторона, которую следует иметь в виду, говоря о предмете юридической психологии, это те стержневые понятия, основные категории, которые необходимо видеть, без чего беспредметно вообще вести какой-либо разговор о любой прикладной отрасли психологической науки, в том числе и о юридической психологии.

Такими категориями, которые рассматриваются в каждой прикладной отрасли психологии, составляют как бы ее стержень, являются: понятие *«личность субъекта»* — участника той или иной профессиональной деятельности, общественной практики и собственно сама *деятельность,* которой занят человек и которая предъявляет к нему, к его психике свои особые, специфические требования. Именно эти два очень емких по своему содержанию понятия лежат в основе понимания предмета любой прикладной отрасли психологической науки, среди которых юридическая психология, разумеется, не является исключением. Оба эти понятия определяющим образом влияют на содержание, структуру различных прикладных отраслей психологической науки, в том числе и тогда, когда мы рассматриваем их в качестве учебных дисциплин.

Таким образом, личность и деятельность, деятельность и личность — неважно в какой последовательности — вот то главное, принципиально важное, от чего следует исходить, на что нужно обращать первоочередное внимание при построении курса юридической психологии и как прикладной отрасли психологической науки, и в качестве

[1] *Ратинов А.Р.* Методологические вопросы юридической психологии // Психологический журнал. 1983. Т. 4, № 4. С. 108.

[2] См.: *Ратинов А.Р.* Юридическая психология и проблемы борьбы с преступностью // Вопросы борьбы с преступностью. М.. 1983. Вып. 38. С. 40.

[3] *Столяренко А.М.* Проблемы и пути развития юридической психологии // Психологический журнал. 1988. Т. 9, № 5. С. 77.

учебной дисциплины, что, естественно, не совсем одно и то же. Как справедливо пишет в этой связи А.В. Дулов о судебной психологии, что полностью относится и к юридической психологии, она «призвана изучать не только психические явления у отдельных участников процесса осуществления правосудия, отношения между ними, но она должна исследовать психологические особенности самой деятельности, связанной с осуществлением правосудия в целом, ее отдельных функций»[1].

Интересно, что при всем разнообразии определений предмета юридической (судебной) психологии тем не менее большинство ученых правоведов, психологов, работающих в этой области, сходятся во мнении, что если психология в качестве фундаментальной науки о психике человека исследует наиболее общие закономерности психической деятельности людей в целом, то юридическая психология изучает те же закономерности психики человека, различные психические явления, но не вообще, а в сфере различных (уголовно-правовых, гражданско-правовых и пр.) правоотношений или, как еще иногда говорят, в системе «человек — право».

Таким образом, суммируя различные точки зрения на предмет юридической психологии, можно дать следующее определение:

Предметом юридической психологии являются различные явления психики, индивидуально-психологические особенности личности участников правоотношений, вовлеченных в сферу правоприменительной деятельности, социально-психологические закономерности этой деятельности, воздействующей на психику и поведение участвующих в ней людей.

Содержание юридической психологии. Говоря о содержании юридической психологии, необходимо иметь в виду, что это понятие подразумевает, с одной стороны, одну из прикладных отраслей психологической науки, а с другой — учебную дисциплину. При общем предмете объем юридической психологии как научной отрасли знания, безусловно, шире объема материала, охватываемого юридической психологией в качестве учебной дисциплины, которая преподается в том или ином вузе с учетом его специализации, времени, отводимого на ее изучение, наконец, в зависимости от учебной программы, составленной в данном учебном заведении. Учебный предмет (учебная дисциплина), писал А.Р. Ратинов, не обязательно должен быть самостоятельной наукой. Им может быть и часть науки и даже вообще не наука[2].

Если же говорить о содержании юридической психологии как отрасли психологической науки, то она включает в себя помимо разработки общих для нее вопросов (предмет, система, методы и т.д.) проблематику, относящуюся к психологии нормативно-правовой регуляции, психологи-

[1] *Дулов А.В.* Введение в судебную психологию. М., 1970. С. 57; см. также: *Шахриманьян И.К.* К вопросу о предмете и структуре советской юридической психологии /,/ Психологический журнал. 1983. Т. 4, № 6. С. 112.

[2] *Ратинов А.Р.* О предмете юридической психологии // Вопросы борьбы с преступностью. 1977. №26. С. 88.

ческого обеспечения применения норм права, правотворчества, к правовому сознанию «как результату психического отражения правовой действительности, источнику правовой активности людей и внутреннему регулятору их юридически значимого поведения»[1]. Психологические аспекты правосознания, составляющие *правовую психологию,* по мнению А.Р. Ратинова, выполняют в юридической психологии концептуальную роль и являются стержневыми для нее в целом и для ее отдельных разделов.

Особенно актуальны для теории и практики борьбы с правонарушениями психологические исследования оперативно-розыскной, следственно-прокурорской, судебной, исправительно-профилактической деятельности различных государственных правоохранительных органов: суда, прокуратуры, органов внутренних дел, органов безопасности, исправительно-трудовых учреждений, а также органов правового обеспечения и правовой помощи (нотариата, адвокатуры) населению, юридическим лицам.

Дифференцированный подход в исследованиях психологических особенностей профессиональной деятельности сотрудников этих органов в недрах юридической психологии позволил постепенно сформировать отдельные направления, которые стали ее разделами и даже вылились в самостоятельные учебные дисциплины в тех вузах, где целенаправленно готовят специалистов определенного профиля для предстоящей работы в соответствующих правоохранительных, государственных органах.

С этой точки зрения в содержательной структуре юридической психологии, являющейся родовым понятием, можно видеть такие разделы или самостоятельные блоки, как *судебная психология* (наиболее старая часть юридической психологии, некогда до оформления последней существовавшая самостоятельно), *психология оперативно-розыскной деятельности, исправительно-трудовая психология* или в наиболее общем виде — *психология профессиональной деятельности юриста.*

Одним из центральных разделов юридической психологии является раздел, посвященный психологии личности субъектов, участвующих в правоприменительной деятельности: не только юристов в том или ином процессуальном положении, но и многих других субъектов различных правоотношений, вовлеченных в сферу профессиональной деятельности юристов.

Среди субъектов этих правоотношений заметной фигурой являются те, кто вступает в конфликт с законом, как в сфере уголовно-правовых, так и в сфере административных, гражданско-правовых отношений. Поэтому в качестве одного из самостоятельных разделов юридической психологии в личностном блоке выделился раздел, получивший название *криминальной психологии,* включающий в себя проблемы личности преступника, психологические особенности отклоняющегося, противоправного поведения, в том числе членов различных преступных групп, организованных преступных формирований.

Разумеется, любая наука не стоит на месте. Развивается и юридическая психология. Следовательно, будут появляться в ней и новые,

[1] *Ратинов А.Р.* Методологические вопросы юридической психологии // Психологический журнал. 1983. Т. 4, № 4. С. 110—111.

самостоятельные направления. Уточнение их границ, несомненно, будет способствовать более четкому решению постоянно возникающих вопросов относительно системы юридической психологии и ее содержания. Схематически в наиболее общем виде система юридической психологии представлена на рис. 1.1.

Рис. 1.1. Система юридической психологии

Структура юридической психологии в качестве учебной дисциплины, или, как еще говорят, учебного предмета, представленная в учебнике, разработана в основном в соответствии с Программой, рекомендованной Советом по правоведению Учебно-методического объединения университетов Российской Федерации[1]. Данная программа ориентирована в первую очередь на подготовку юристов по прокурорско-следственной, судебной специализации. Она также может успешно использоваться с небольшими дополнениями и при подготовке будущих юристов, ориентированных в дальнейшем заниматься адвокатской деятельностью по уголовным и гражданским делам.

Итак, Программа по юридической психологии в качестве учебной дисциплины включает в себя следующие четыре основных раздела[2].

Раздел I. Введение в юридическую психологию. В него входят общие вопросы: предмет, содержание, задачи, методы, место и связи юридической психологии с другими естественными и правовыми науками.

Раздел И. Личность в сфере правоохранительной деятельности. Раздел включает в себя: понятие личности в психологической и правовой науке; психические познавательные процессы, их закономерности,

[1] Программы спецкурсов юридических дисциплин. Часть III Уголовно-правовой цикл. М.: Изд-во Юридического колледжа МГУ, 1996. С. 217—230.

[2] См. Приложение к настоящему учебнику.

проявляемые в деятельности юристов; эмоции, чувства, психические состояния, воздействие их на человека в его значимом с правовой точки зрения поведении; индивидуально-психологические особенности личности, использование знаний о них юристом в своей юридической деятельности. Завершает данный раздел тема, посвященная судебно-психологической экспертизе, ее возможностям в уголовном и гражданском процессе при изучении личности различных участников процесса.

Раздел III. Криминальная психология. Раздел состоит из трех основных тем: психологии преступного поведения (преступления), психологии личности преступника и психологии группового преступного поведения (психология преступной группы)[1].

Раздел IV. Психология профессиональной деятельности юриста. В данном разделе рассматриваются социально-психологические особенности правоохранительной деятельности юристов, ее профессиограмма, психограмма личности юриста, дается структурный анализ их труда. Применительно к следственным, судебным действиям даются практические рекомендации психологического характера, направленные на повышение их эффективности и качества, оценка получаемых с их помощью доказательств.

Отдельные вопросы, составляющие содержание правовой психологии, излагаются в разделах, в которых рассматриваются проблемы, связанные с правовым сознанием различных участников процесса, т.е. там, где об этом идет речь, например, когда говорится о правосознании юриста и др., с психологическим обеспечением применения норм права, с психологией нормативно-правовой регуляции отношений сторон.

Представленная выше типовая учебная программа юридической психологии, разумеется, не может рассматриваться в качестве окончательного варианта, не подлежащего никаким изменениям и дополнениям. Понятно, что с развитием самой юридической психологии будет происходить и соответствующая трансформация программы обучения по ней будущих юристов.

Кроме того, как уже отмечалось, многое зависит от специализации обучаемых, от той будущей профессиональной деятельности, к которой их готовят, наконец, от учебного времени, выделяемого на изучение предмета в том или ином вузе, — факторе тоже немаловажном.

В свое время на это справедливо обращал внимание И.К. Шахриманьян, писавший о том, что необходимо разрабатывать соответствующие учебные дисциплины по юридической психологии для различных юридических вузов и средних специальных учебных заведений с учетом их максимальной специализации и характера будущей профессиональной деятельности выпускников[2]. Например, для тех, кто, получив юридичес-

[1] Данный раздел в типовом варианте Программы имел иное название. Тема, посвященная личности преступника, в нем отсутствовала. С учетом обоснованных замечаний раздел пришлось переструктурировать, объединив в нем традиционную криминальную проблематику с тем, чтобы обучаемые воспринимали этот блок проблем как единое целое.

[2] См.: *Шахриманьян И.К.* К вопросу о предмете и структуре юридической психологии // Психологический журнал. 1983. Т. 4, № 6, С. 114—117.

кое образование, направляется служить в исправительно-трудовые учреждения, курс юридической психологии, разумеется, будет существенно отличаться по своему содержанию и по своей профессиональной направленности. И это хорошо понимают те, кто готовит кадры юристов для этих учреждений. Аналогичный подход, очевидно, имеет место и при подготовке юристов для использования их в органах обеспечения безопасности, налоговой службы и налоговой полиции и т.п.

Задачи юридической психологии. Задачи юридической психологии во многом обусловлены теми задачами, которые стоят в целом перед правовой наукой, теми практическими вопросами, которые решают юристы в своей повседневной профессиональной деятельности. В то же время следует иметь в виду: психологическая помощь юридической психологии правовой науке, правоохранительным органам определяется ее предметом, т.е. она должна оказываться в рамках ее научной компетенции. Исходя из этого можно сформулировать следующие основные задачи, которые стоят перед ней:

• разработка психологических основ уголовно-правового, гражданско-правового, административно-трудового, семейного законодательства и процесса его применения, психологических основ нормативно-правовой регуляции в целом различных правоотношений, в которых значительную роль играет так называемый человеческий фактор, без оценки которого нельзя объективно принять то или иное правовое решение, затрагивающее интересы и права граждан;

• психологическое обеспечение правоохранительной деятельности юристов различной специализации, наиболее эффективного применения ими норм права, оказание им психокоррекционной помощи в их повседневной работе в условиях значительных нервно-психических перегрузок; одним из направлений является разработка профессиограмм правоохранительной деятельности юристов различной специализации, создание надежной системы профессионального психологического отбора на службу в правоохранительные органы;

• исследование психологических аспектов противоправного (преступного) поведения людей, разработка мер психологического воздействия на таких лиц в целях предупреждения преступности, разоблачения тех, кто причастен к совершенным преступлениям;

• изучение психологических особенностей, мотивов совершения наиболее опасных видов преступлений против жизни и здоровья граждан, имущественных преступлений, а также преступлений техногенного характера, повлекших массовую гибель людей, нанесших значительный ущерб окружающей среде, производственной деятельности и т.п.:

• совместное с криминологами изучение личности тех, кто совершает преступления; в русле данной проблематики разработка психологических критериев «вменяемости — невменяемости» как комплексной правовой, психиатрической, патопсихологической проблемы; в ходе ее исследования особое внимание должно быть обращено на изучение лиц с низким уровнем социальной адаптации, имеющим различные психические аномалии, находившихся в экстремальных (особых) состояниях

психики, снижающих их способность к осознанно-волевому поведению, к социально ориентированному поведению в ситуациях выбора особенно субъектами, проявляющими личностную незрелость, отставание в своем интеллектуальном, психическом развитии; самостоятельным направлением в проведении комплексных исследований судебных психологов со специалистами в области инженерной психологии в рамках проблемы «вменяемость — невменяемость» является разработка психологических критериев специальной (профессиональной) вменяемости, психологического соответствия личности оператора требованиям его профессиональной деятельности в экстремальных условиях, когда психофизиологические качества последнего оказались несоответствующими требованиям экстремальных условий или нервно-психическим перегрузкам (п. 2 ст. 28 УК РФ);

• изучение закономерностей социально-психологических процессов, происходящих в обществе, внутригрупповых, межличностных отношений среди людей негативного характера, групповой и организованной преступности, круговой поруки и т.п., влияния этих явлений на личность, поведение людей; разработка методов психологического характера борьбы с организованной преступностью;

• исследование проблем правового сознания в нашем обществе, разработка приемов и методов формирования правового сознания различных социальных слоев и групп населения, общественно полезных социальных установок, мотивов, лежащих в основе законопослушного поведения граждан;

• дальнейшее развитие института судебно-психологической (комплексной психолого-психиатрической) экспертизы, расширение ее возможностей, разработка новых направлений ее исследований;

• совместная с криминологами разработка мер профилактической работы, направленных на сокращение преступности в стране.

Научная разработка, решение юридической психологией перечисленных выше проблем и задач в конечном итоге направлено на достижение главной цели — оказание психологической помощи юристам в повышении эффективности и качества их профессиональной деятельности.

§ 2. Краткий исторический обзор развития юридической психологии

Юридическая психология прошла в нашей стране долгий и непростой путь развития, который продолжается и поныне. Проблемы личности преступника, психологические особенности противоправного поведения человека, доказывание его вины в совершенном преступлении давно привлекали и продолжают привлекать общественное внимание.

Использование научных знаний в этих областях с привлечением достижений психологии имеет более чем двухвековую историю, начало которой относится к концу XVIII в. В это время все острее стал ощущаться недостаток одних только правовых знаний при рассмотрении в судах наиболее сложных уголовных дел, установлении вины подсуди-

мых. В связи с этим появилась потребность в привлечении дополнительных знаний из естественных наук, в том числе из области психологии.

Свидетельством этого является одна из первых работ, которую можно с полным основанием внести в библиографию юридической психологии, написанную в 1792 г. немецким естествоиспытателем К. Экартсгаузеном (1752—1803) «О необходимости психологических познаний при обсуждении преступлений». Его перу принадлежат и другие труды («Судейские истории», «Кодекс или законоположение человеческого разума»), написанные чуть позже, которые были посвящены защите нарушенных прав человека и были проникнуты духом гуманизма. В том же 1792 г. выходит книга другого немецкого ученого, философа И.Х. Шауманна (1768—1821) «Мысли о криминальной психологии», в которой автором была предпринята попытка психологического анализа отдельных уголовно-правовых понятий.

В начале XIX в. появляются работы: И. Гофбауера «Психология в ее основных применениях к судебной жизни» (1808), И. Фридрейха «Систематическое руководство по судебной психологии» (1835), в которых наряду с «психологическим освещением личности преступника, вопросов вины и некоторых других содержались отдельные положения, относящиеся к психологии уголовного судопроизводства»[1]. Достаточно подробный обзор развития юридической (судебной) психологии, ее литературы содержится также и в других работах[2].

В XIX в. основное внимание обращается к проблеме личности преступника, чему в немалой степени способствовали труды известного итальянского психиатра и криминолога, основоположника так называемой антропологической школы, автора теории «прирожденного преступника» Ч. Ломброзо (1836—1909). При всей научной несостоятельности теоретических обоснований Ч. Ломброзо и его последователей о существовании прирожденных свойств, определяющих заранее, что данному человеку суждено быть преступником, дискуссии по этому поводу, справедливая критика этих взглядов его оппонентами стимулировали интерес к личности преступника вообще, активизировали дальнейшие исследования в области проблем, лежащих на стыке правовой науки, в частности уголовного права, криминалистики, и психиатрии, психологии (патопсихологии), что привело в последующем к разработке нового направления, получившего потом название *криминальной психологии.*

Существенный вклад в развитие и самостоятельное оформление криминальной психологии в качестве научной области знания в начале XIX в. внесли другие немецкие ученые: Ю. Фридрих, написавший в 1915 г. работу «Значение психологии в борьбе с преступностью», П. Ка-

[1] *Ратинов А.Р.* Судебная психология для следователей. С. 5.

[2] См.: *Болтунов А.* О судебной психологии. М., 1916. С. 1—2; *Дулов А.В.* Введение в судебную психологию. М., 1970. С. 5—29; *Васильев В.Л.* Юридическая психология. М., 1991. С. 15—29; *Еникеев М.И.* Основы общей и юридической психологии. М., 1996. С. 217—225.

уфман — «Психология преступности» (1912), Ф. Вульфен — «Психология преступника» (1926).

Другое направление научных исследований, по существу ставших основой той области научных знаний, которое впоследствии оформилось в виде *судебной психологии,* было связано с разработкой психологических проблем уголовного процесса, расследования преступлений, проведения следственных и судебных действий. И здесь на первом месте стоят работы известного немецкого криминалиста Г. Гросса: «Руководство для судебных следователей как система криминалистики» (1892), а также его «Криминальная психология» (1898), значительная часть которой посвящалась психологическим основам судебной деятельности, психологии допроса свидетелей и обвиняемых. В последней своей работе Г. Гросс использовал обширный исследовательский материал, накопленный экспериментальной психологией (исследования известных психологов В. Вундта, Г. Эббингауза, А. Бине и др.) в интересах криминалистики.

Таким образом, к началу XX в. наметились два основных направления в прикладных психологических исследованиях, проводимых в интересах правоохранительной деятельности: криминальная и судебная психология. В последующем оба направления объединились в рамках одной прикладной отрасли психологической науки, получившей общее название — судебной психологии. Такое название определялось тем, что данная отрасль психологии была призвана оказывать помощь суду в установлении истины, выполнять функцию психологического обеспечения судопроизводства в широком смысле этого слова.

В этот же период проводились различные экспериментальные работы, особенно в области психологии свидетельских показаний, стали создаваться соответствующие лаборатории, выходить специальные журналы. Так, в Лейпциге в 1903—1906 гг. Г. Гросс издавал «Доклады по психологии показаний». Проблема психологии свидетельских показаний стала ведущей в области психологических исследований.

Следующее направление, которое привлекало в этот период пристальное внимание ученых и практиков, сосредоточилось на «диагностике ложных показаний», «диагностике причастности» к совершенному преступлению (М. Вертхеймер и др.). В последующем данная проблема в 20-х гг. получила дальнейшее развитие и в России в работах А.Р. Лурии.

В конце XIX в. экспериментальные исследования свидетельских показаний способствовали постановке вопроса об использовании психологических знаний непосредственно в ходе предварительного расследования, судебного рассмотрения уголовных дел с привлечением специалистов-психологов, т.е. встал вопрос о введении в уголовный процесс судебно-психологической экспертизы.

Говоря о судебной психологии, нельзя также не упомянуть и о таком прикладном направлении, оказавшем влияние на ее развитие, как *психотехника* (В. Штерн, Г. Мюнстерберг и др.), которая в начале XX в. все больше привлекала внимание психологов, работавших в области психологии труда. С помощью исследований в этой области были созданы благоприятные предпосылки для изучения профессиональных качеств следовате-

лей, судей с целью разработки практических рекомендаций по отбору и обучению сотрудников органов предварительного следствия и суда.

В 1912 г. в Германии состоялся юридический конгресс, на котором судебная психология получила официальное признание в качестве «необходимой составной части первоначального образования юристов».

Интерес к использованию психологических знаний в уголовном процессе проявлялся не только в таких передовых по тому времени странах, как Германия, Франция, но и в России. Так, уже в 1806—1812 гг. в Московском университете читался курс «Уголовной психологии». Особое воздействие на пробуждение общественного правосознания в России, на проявление интереса к личности участников судопроизводства и в первую очередь к личности подсудимого оказала судебная реформа 1864 г. В судопроизводстве утвердились принципы независимости и несменяемости судей, состязательности судебного процесса, равноправия сторон. Стал функционировать суд присяжных. Была создана независимая от государственной власти адвокатура. В результате возникли объективные условия для более широкого использования в уголовном процессе исследований из области психологии, патопсихологии, психиатрии.

В 1874 г. в Казани публикуется первая в России монография, специально посвященная судебной психологии. Ее автор профессор психиатрии Казанского университета А.У. Фрезе (1826— 1884) полагал, что предметом судебной психологии является «применение к юридическим вопросам наших сведений о нормальном и ненормальном проявлении душевной жизни»[1].

Большое влияние на пробуждение общественного, профессионального интереса к возможностям психологии в праве, в правоприменительной деятельности судебных органов, к зарождающейся судебной психологии оказали взгляды известного правоведа Л.И. Петражицкого (1867—1931), эмигрировавшего после революции из России. Л.И. Петражицкий, преувеличивая роль подсознательной, эмоциональной сферы психики в поведении людей, попытался разработать «психологическую теорию права», интерпретировав право с позиции психологии. Это была своего рода попытка слияния психической материи с правовой.

Согласно его концепции, определяющая роль в жизни общества принадлежит психическим факторам, прежде всего эмоциям, эмоциональным переживаниям людей. В основе порождения правовой нормы лежат психологические механизмы, эмоции, всевозможного рода подсознательные эмоциональные импульсы, которые в последующем на рациональном уровне перерабатываются сознанием. Вследствие этого сущность правовой реальности отражается в тех психических переживаниях (эмоциях), которые она содержит в себе, благодаря чему психическое становится субстанцией, частью правового, обеспечивая динамику юридического[2].

[1] *Фрезе А.У.* Очерки судебной психологии. Казань, 1874; см. также: *Еникеев М.И.* Основы общей и юридической психологии. М., 1996. С. 220.

[2] *Исаев И.Л.* Из истории юридической психологии в России. Рациональное и иррациональное в психологической теории права Л.И. Петражицкого // Психологический журнал. 1986. Т. 7, №4. С. 131.

Как писал Л.И. Петражицкий, «право есть психический фактор общественной жизни, и оно действует психически. Его действие состоит, во-первых, в возбуждении или подавлении мотивов к разным действиям и воздержаниям (мотивационное или импульсивное действие права), во-вторых, в укреплении и развитии одних склонностей и черт человеческого характера, в ослаблении и искоренении других, вообще в воспитании народной психики в соответствующем характеру и содержанию правовых норм направлении (педагогическое действие права)»[1]. В этой связи право рассматривалось им как продукт «бессознательно-удачного социально-психического давления в направлении социально-необходимого поведения»[2]. Хотя приведенные выше взгляды Л.И. Петражицкого и вызывали справедливую критику, тем не менее нельзя не отметить того, что его «психологическая теория права» в свое время сыграла положительную роль в развитии правовой науки, привлекла внимание ученых и практиков юристов к психологическим аспектам противоправного поведения, в целом — судопроизводства, и в конечном итоге ускорила формирование судебной психологии в качестве самостоятельной прикладной отрасли психологической науки.

С созданием суда присяжных, независимой адвокатуры возникли объективные условия, позволившие привносить в уголовный процесс новые достижения из области естественных наук, в том числе и психологии. Поэтому многие видные юристы, известные судебные ораторы и прежде всего такие, как А.Ф. Кони, Ф.Н. Плевако, В.Д. Спасович, А.И. Урусов, Л.Е. Владимиров и др. прибегали к использованию психологических знаний при оценке доказательств в суде, по существу пропагандируя возможности судебной психологии, необходимость использования ее в уголовном процессе.

Говоря о всевозрастающем интересе в этот период в общественной жизни России среди ее наиболее передовой и образованной части населения к психологическим знаниям, их роли и значении в судопроизводстве, нельзя не сказать о вкладе в этот процесс пробуждения массового сознания известных русских писателей Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова, А.М. Горького, Л.Н. Андреева и др. Как справедливо отмечает А.В. Дулов, произведения классиков русской литературы «помогали полнее выявлять психологические проблемы судопроизводства, в частности привели к постановке вопроса о необходимости исследования психики осужденных, а также рассматривать осуждение не только как наказание, но и осуществлять перевоспитание осужденных»[3]. В 1910 г. Л.Е. Владимиров опубликовал свою работу «Психологическое исследование в уголовном суде», в которой писал о необходимости использования подлинно научных психологических знаний при рассмот-

[1] *Петражицкий Л.И.* Введение в изучение права и нравственности. Основы эмоциональной психологии. СПб., 1907. С. 7.

[2] *Петражицкий Л.И.* К вопросу о социальном идеале и возрождении естественного права // Юридический вестник. 1917. Вып. 2. С. 50.

[3] *Дулов А.В.* Введение в судебную психологию. М., 1970. С. 16.

рении уголовных дел в судах, когда требуется выяснять «силу страсти, под влиянием которой действовал подсудимый», психическое состояние подсудимого «при отсутствии достаточности мотива», силу аффекта, «насколько этот аффект мог потемнить сознание»[1]. Высказанные Л.Е. Владимировым идеи в дальнейшем положили начало разработке проблем судебно-психологической экспертизы. Интересно, что Л.Е. Владимировым вводится в научный обиход термин «психология уголовного процесса», под которым он понимал «психологическое обследование как совершенного преступления, так и доказывания»[2].

Многое сделал в распространении психологических знаний в России известный общественный деятель, выдающийся русский юрист А.Ф. Кони, написавший ряд работ, в которых рассматривались психологические особенности поведения свидетелей, подсудимых в суде, содержались советы психологического характера представителям прокуратуры при поддержании обвинения в суде.

Становление и развитие судебной (ныне юридической) психологии тесно связано с именами таких выдающихся отечественных психиатров и психологов, как В.М. Бехтерев (1857—1927), С.С. Корсаков (1854—1900), В.П. Сербский (1855—1917). В 1907 г. по инициативе В.М. Бехтерева и Д.А. Дриля, также много сделавшего в изучении личности преступника, был создан Научно-учебный психоневрологический институт, в программу которого входила разработка курса «Судебной психологии». В 1909 г. в рамках этого института создается Криминологический институт. С этого времени судебная психология стала развиваться в России как самостоятельная прикладная отрасль психологии.

В первые годы после революции интерес к проблемам судебной психологии не ослабевает. Об этом свидетельствуют материалы I и II Всероссийских съездов по психоневрологии, состоявшихся в начале 20-х гг. В те же годы в ряде крупных городов — Москве, Ленинграде, Киеве, Одессе, Харькове, Минске, Баку — организуются кабинеты для проведения криминально-психологических исследований и кабинеты научно-судебной экспертизы, целью которых было изучение личности преступника и психологии преступления.

В 1925 г. в Москве создается первый в мире Государственный институт по изучению преступности и преступника. В эти годы издается целый ряд интересных работ по судебной психологии. Наиболее значительные из них принадлежали перу таких известных в то время ученых, как А.Е. Брусиловский[3], С.В. Познышев[4], К.И. Сотонин[5]. Так, С.В. Познышев стремился с помощью психологической науки объяснять причи-

[1] *Владимиров Л.Е.* Психологическое исследование в уголовном суде. М., 1901. С. 119—120.

[2] *Владимиров Л.Е.* Учение об уголовных доказательствах. СПб., 1910. С. 191.

[3] *Брусиловский А.Е.* Судебно-психологическая экспертиза. Предмет, методика и пределы. Харьков, 1929.

[4] *Познышев С.В.* Криминальная психология. Преступные типы. Л., 1926.

[5] *Сотонин К.И.* Очерк криминальной психологии. Казань, 1925; *Сотонин К.И.* Психограмма судебного следователя // Интеллектуальный труд. М., 1925.

ны совершения различных преступлений. Он полагал, что преступления совершаются под влиянием, с одной стороны, «окружающих личность внешних, и прежде всего, социальных условий, а с другой стороны, того, что организм данного субъекта получил в наследство от предков»[1]. Как он полагал, в праве имеется целая система прикладных психологических наук, которые следует объединить под названием «криминальная психология». Одна из этих научных отраслей, изучающая психические процессы, «находящие свое выражение в судебном и досудебном исследовании преступления», и должна, по его мнению, называться судебной психологией или, как он потом уточнил, уголовно-процессуальной психологией.

Интересные исследования в конце 20-х гг. провел А.Р. Лурия в лаборатории экспериментальной психологии, созданной в 1927 г. при Московской губернской прокуратуре. С помощью разработанного им метода «сопряженной моторной динамики» ему удалось выявлять «симптомы скрываемой ситуации» обследуемых лиц, подозреваемых в причастности к совершенным преступлениям. Полученные им результаты помогли создать прибор, который впоследствии получил название полиграфа или лай-детектора[2].

Заметной вехой в развитии судебной психологии явился прошедший в 1930 г. I Всесоюзный съезд по изучению психологии, на котором была создана специальная секция по судебной психологии. На ней были обсуждены доклады А.С. Тагера «Об итогах и перспективах изучения судебной психологии» и А.Е. Брусиловского «Основные проблемы психологии подсудимого в уголовном процессе». Участники съезда пришли к общему выводу о необходимости дальнейшего развития трех основных направлений судебной психологии: *криминальной* — изучающей психологию преступления и личности преступника, *пенитенциарной* — исследующей поведение лиц, отбывающих уголовное наказание, а также лиц, осуществляющих исправительную деятельность, и *процессуальной* — занимающейся изучением деятельности участников уголовного судопроизводства на разных его стадиях[3].

Благодаря высокому уровню научных исследований отечественных ученых судебная психология в нашей стране к началу 30-х гг. представляла собой «авторитетную и обширную область науки, имеющую предметом изучения психологические предпосылки преступления, быт и психологию различных групп преступников, психологию свидетельских показаний и судебно-психологическую экспертизу, психологию заключенного («тюремная психология») и т.п.»[4]. Однако в начале 30-х гг. по отечественной психологии ударила первая волна репрессий, которая сопровож-

[1] *Познышев СВ.* Указ. соч. С. 6.

[2] *Лурия А.Р.* Экспериментальная психология в судебно-следственном деле // Советское право. 1927. № 2 (20). С. 84—100; *Лурия А.Р.* Психология в определении следов преступления // Научное слово. 1928. № 3. С. 79—104.

[3] *Ратинов А.Р.* Судебная психология для следователей. С. 8.

[4] *Петровский А.В.* История советской психологии. Формирование основ психологической науки. М., 1967. С. 181.

далась физическим уничтожением многих видных ученых. Не избежала этой участи и судебная психология. Вторая волна пришлась на конец 40-х — начало 50-х гг. Репрессиям был придан идеологизированный характер борьбы с «бездарным космополитизмом, за верность марксизму-ленинизму» и пр.[1], поскольку в годы проведения массовых репрессий, судебного произвола государственной власти ее партийной олигархии не были нужны исследования в области судебной психологии.

Как пишет А.Р. Ратинов, в этот период «исследование центральных проблем судебной психологии, таких, как мотивация поведения обвиняемого в процессе расследования, влияние общественной атмосферы на формирование показаний и пр. неизбежно опровергло бы известный тезис об особом доказательственном значении признания обвиняемого в делах о государственных преступлениях»[2]. Поэтому представители психологической науки были вынуждены отойти в сторону либо попросту были изолированы от вопросов следственной и судебной практики. Открытые ранеекабинеты, институты по изучению преступника и преступности в стране были свернуты. Само название судебной психологии (как и криминологии) оказалось вычеркнутым. «Так был заморожен процесс взаимного обогащения психологии и права. Некоторые вопросы судебной психологии, оставшись «бесхозными», были приняты в лоно судебной психиатрии»[3].

Возрождение судебной психологии в нашей стране началось в 60-е гг. С 1964 г. во всех юридических вузах вводится преподавание судебной психологии в качестве обязательной составной части профессиональной подготовки юристов. В этот период в ряде работ процессуально-криминалистического характера начинают вводиться психологические знания, с помощью которых их авторы обосновывают те или иные явления правового характера, дают рекомендации по проведению различных следственных действий.

Характерной особенностью данного процесса являлось то, что эти знания из области психологии стали привносить в правовую науку, как правило, ученые-юристы, хорошо знающие особенности правоохранительной деятельности и те трудности, с которыми сталкиваются на практике работники правоохранительных органов (А.Н. Васильев, Л.М. Карнеева, С.С. Ордынский, С.Я. Розенблит и др.). И это, несомненно, выделяло в лучшую сторону многие такие работы. Однако в ряде работ того периода, к сожалению, далее психологического комментария отдельных юридических вопросов дело не шло, что придавало им чисто умозрительный, по выражению А.М. Столяренко, «психолого-комментаторский характер» на уровне житейской, но отнюдь не научной психологии[4]. Например, описания юридической деятельности, профессии юриста строились на основе здравого смысла без каких-либо ре-

[1] *Петровский А.В., Ярошевский М.Г.* История и теория психологии. Т. 1. Р. н/Д., 1996. С. 229—230.

[2] *Ратинов А.Р.* Судебная психология для следователей. С. 8.

[3] Там же. С. 8.

[4] *Столяренко А.М.* Проблемы и пути развития юридической психологии // Психологический журнал. 1988. Т. 9, № 5. С. 77.

комендаций: каким образом, на основе каких четко разработанных критериев проводить отбор абитуриентов в юридические вузы и кандидатов на службу в правоохранительные органы. Как потом справедливо отметил А.Р. Ратинов, одна из слабых сторон исследований в области юридической психологии проявлялась тогда в бедности ее методического материала[1]. В результате юридическая психология, пишет А.М. Столяренко, все еще была значительно ближе к юридической науке, чем к психологической, представляя собой «психологизирующую юриспруденцию», а не юридическую психологию[2].

Заметной вехой в становлении и дальнейшем развитии судебной психологии явилась монография А.Р. Ратинова «Судебная психология для следователей», опубликованная в 1967 г., оказавшая свое положительное влияние на многие последующие публикации в этой области, в том числе и на подготовленные позднее учебники по юридической (судебной) психологии разных авторов, придерживающихся различных взглядов на то, какой ей быть: А.В. Дулов (1975), В.Л. Васильев (1991), М.И. Еникеев (1996).

В 1971 г. в стране проводится первая Всесоюзная конференция по проблемам судебной психологии. В обществе психологов СССР создается секция судебной психологии. Во Всесоюзном институте по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности организуется сектор психологических проблем борьбы с преступностью. В ряде ведущих юридических вузов страны создаются кафедры юридической психологии. Во ВНИИ общей и судебной психиатрии им. В.П. Сербского начала функционировать психологическая лаборатория. Периодически стали проводиться межвузовские научно-практические конференции по юридической психологии. Создается Координационный совет, вводится научная специальность «юридическая психология». Начинает функционировать специализированный Ученый совет по присуждению ученых степеней по данной специальности. Активизируется научно-исследовательская работа по различным проблемам юридической психологии, среди которых приоритетное развитие получили:

• методологические вопросы (предмет, методы, задачи, междисциплинарные связи юридической психологии с другими науками);

а психологические аспекты нормативно-правовой регуляции, содержания отдельных институтов, понятий, норм нового законодательства, особенно в области уголовного и гражданского права;

• психологическая расшифровка правосознания «выполняющего концептуальную роль, являющегося стержневым для юридической психологии в целом и ее отдельных разделов» (А.Р. Ратинов);

• дальнейшая, более углубленная разработка криминальной психологии и прежде всего психологии личности преступника;

[1] *Ратинов А.Р.* Актуальные задачи психологии права // Психологический журнал. 1987. Т. 8. № 1. С. 15—16.

[2] *Столяренко А.М.* Указ. соч. С. 75.

о изучение психологических особенностей преступлений, которые появились в последние десятилетия, профессиональной преступности, в том числе группового характера, в целом — проблем насилия, агрессии, жестокости, ставших наиболее актуальными в последние годы;

о психологическое изучение и на этой основе практическое обеспечение профессиональной деятельности сотрудников правоохранительных органов различной специализации (прокуратуры, суда, исправительно-трудовых учреждений и т.д.);

о изучение дополнительных возможностей, которыми может располагать судебно-психологическая экспертиза в уголовном и гражданском процессе.

Понятно, что не все перечисленные выше направления разрабатываются в равной мере. Значительно отстают научные исследования психологического характера в области гражданского судопроизводства, семейного, трудового, предпринимательского права и в некоторых других отраслях правоприменительной деятельности. Отсутствует система подготовки кадров судебных психологов, специалистов с высшим психолого-правовым образованием, до сих пор в стране не создан институт судебно-психологической экспертизы, в ряде правоохранительных органов отсутствует профессионально-психологический отбор. Однако хочется верить, что эти и другие проблемы будут решаться.

§ 3. Методологические проблемы юридической психологии

Анализируя пути развития отечественной психологической науки, Л.С. Выготский в конце 20-х гг. писал о том, что «психология не двинется дальше, пока не создаст методологии»[1]. Сказанное столь же актуально и для юридической психологии как одной из прикладных отраслей психологической науки, которая не может развиваться без методологического обеспечения концепции своей системы, собственного предмета изучения.

Методология помогает избрать правильное направление в развитии науки, выработать методику исследований, дать мировоззренческую интерпретацию получаемых результатов, осуществить структурирование знаний. Особенно велика роль методологических разработок на начальном этапе становления любой научной отрасли знания, тем более прикладного характера.

Заинтересованность психологии (и в неменьшей степени юридической психологии) в разработке методологических проблем объясняется сложностью, многоплановостью предмета исследования, накоплением «огромного количества эмпирического материала, который просто невозможно охватить без новых методологических подходов»[2]. Особая ак-

[1] *Выготский Л.С.* Исторический смысл психологического кризиса: Методологическое исследование // Собр. соч. М., 1982. Т. 1. С. 418.

- *Зинченко В.П., Смирнов С.Д.* Методологические вопросы психологии. М., 1983. С. 29.

туальность разработки методологических вопросов ощущается там, где имеются прямые выходы теоретических, экспериментально-психологических исследований юридической психологии в практику (вопросы судебно-психологической экспертизы, психологические аспекты борьбы с различными преступлениями, психологический отбор в правоохранительные органы и т.д.). Именно здесь возникает особая ответственность за публикуемые результаты и выводы о сущности психологического и детерминантах его развития.

Научные принципы познания. Содержанием методологии науки являются идейно-теоретические, мировоззренческие позиции, принципы, определяющие подходы к изучаемым явлениям, методы исследования, объясняющие различные феномены, а также получаемые результаты в ходе проводимых исследований.

Юридическая психология, как и любая другая наука, опирается на следующие научные принципы познания: объективное исследование любых, в том числе психических явлений; детерминизм, причинная (каузальная) обусловленность различных проявлений психики; системность и, наконец, принцип изучения психики в ее развитии, в тесном единстве сознания и деятельности.

Принцип объективного исследования психики. Данным принципом руководствуются при изучении психических явлений по их объективным показателям, проявляющимся в процессе какой-либо деятельности. В основе указанного принципа лежит идея о единстве сознания, психики и деятельности. Психика человека изучается путем исследования объективных показателей проявления психических процессов в той или иной, в том числе и в противоправной, деятельности человека. Данный подход нацеливает следователя, суд на установление объективных признаков деяния и по ним — на выявление психических свойств и состояний человека. Как писал видный отечественный психолог С.Л. Рубинштейн, «деятельность человека обусловливает формирование его сознания, его психических связей, процессов и свойств, а эти последние, осуществляя регуляцию человеческой деятельности, являются условием их адекватного выполнения»[1]. Такой подход к исследованию психики, ее проявлений предостерегает от субъективизма в оценке поведения и личности индивида.

Принцип детерминизма, причинной (каузальной) обусловленности ***психических явлений.*** Принцип детерминизма помогает объяснять изучаемые психические феномены закономерным взаимодействием доступных эмпирическому контролю факторов, различных обстоятельств, которые предшествуют какому-то событию, вызывают его[2]. Например, признавая важную роль в формировании личности наследственных факторов, ее индивидуально-психологических свойств, особенностей нервной системы, необходимо видеть значительное влияние на

[1] *Рубинштейн С.Л.* Принципы и пути развития психологии. М., 1959. С. 251
[2] *Петровский А.В., Ярошевский М.Г.* Указ. соч. С. 291.

поведение субъекта социальных, общественных отношений, окружающей его микросреды.

Благодаря принципу детерминизма удается глубже вникать и более всесторонне анализировать причины и условия, способствующие совершению преступлений, целенаправленно вести правовую воспитательную работу с лицами, встающими на путь нарушений правопорядка, положительным образом воздействовать на формирование их правосознания.

Принцип системности в изучении и объяснении психических явлений. Данный принцип научного познания побуждает исследователя рассматривать различные психические явления, психику в целом как единое целое, состоящее из множества взаимодействующих между собой элементов. В свою очередь психика в процессе развития проходит различные этапы изменения своей структуры, в то же время стремясь к самосохранению, поддержанию своего внутреннего равновесия (гомеостаза). Данное положение лежит в основе функционирования, как мы говорим, психической «нормы», «нормальной», т.е. адаптированной к внешним условиям психической деятельности. И если приходится объяснять какое-либо проявление психики человека в его поведении, мы не можем не учитывать ее в целом. Например, раздумывая над тем, был аффект у обвиняемого в момент совершения противоправных действий или нет, окончательный ответ можно дать лишь после изучения особенностей его психики в целом, т.е. с учетом индивидуально-психологических особенностей психики данного конкретного лица.

Кроме того, системный подход позволяет объяснять и соотносить различные понятия, выявлять зависимость поведения человека от многих факторов, от его прошлого и настоящего, составлять прогноз его будущего. Без системного анализа невозможно ответить на так часто возникающий в судебной практике вопрос: зачем он так поступил?

Принцип изучения психики, сознания в развитии, в единстве сознания и деятельности. Психика человека, его сознание на всем протяжении жизненного пути подвергаются постоянному воздействию окружающей среды и, следовательно, не остаются как нечто застывшее, раз и навсегда данное. Они являются отражением тех внешних социальных воздействий, которым подвергается человек. Это принципиально важное положение нередко помогает объяснить, почему данный субъект совершил то или иное преступление.

Говоря о методологических принципах психологической науки, играющих важную роль в юридической психологии, нельзя забывать и те основополагающие принципы, лежащие в основе правовой науки, действующего законодательства, которыми также должен руководствоваться исследователь в области юридической психологии. Эти принципы хорошо известны юристам. Они введены законодателем в уголовный закон. Это *принципы законности, равенства граждан перед законом, принципы вины, справедливости, гуманизма* (ст. 3—7 УК РФ).

Составной частью методологии науки является учение о методах познания. В юридической психологии используются различные методы научного познания. Некоторые из них, такие, например, как наблюде-

ние, эксперимент, являются общенаучными. Однако каждая наука модифицирует, приспособляет общенаучные методы к своим потребностям, своему предмету и задачам исследования.

Рассматривая методы познания, установления истины, следует иметь в виду, что одни из них применяются только в научных исследованиях (например, при проведении научного эксперимента в целях определения порога чувствительности зрительного анализатора человека в условиях ограниченной видимости и т.д.), другие же используются и в практической деятельности, разновидностью которой является, в частности, расследование преступлений. Если общая психология специально создает психологические методы для достижения научных целей, то ее прикладные отрасли, в частности юридическая психология, разрабатывают и применяют методы познания прежде всего для решения практических вопросов.

Методы изучения личности не должны противоречить этическим нормам, ущемлять права граждан, гарантированные Конституцией РФ, противоречить требованиям уголовно-процессуального закона, принципу законности. Более подробно они рассматриваются в главе 3 учебника.

Междисциплинарные связи юридической психологии. Как уже отмечалось, судебная (ныне юридическая) психология возникла в ответ на запросы практики борьбы с преступностью на стыке правовой и психологической наук. Поэтому она носит, безусловно, комплексный, междисциплинарный характер. Прежде всего она связана с *общей психологией* и по отношению к ней находится в ряду аналогичных ей научных дисциплин, которые Л.С. Выготский называл отраслями прикладной психологии (педагогическая, медицинская и др.).

Тесные связи юридическая психология поддерживает также и с *социальной психологией.* Такие ее разделы, как социально-психологические проблемы личности, являются базовыми в изучении психологических аспектов деятельности следователя, состава суда, психологии преступной группы и некоторых других вопросов[1]. Многие положения юридическая психология заимствует из области *педагогической, медицинской, инженерной психологии, психологии труда, управления* и применительно к решению своих частных задач[2]. В то же время, поскольку юридическая психология обслуживает различные виды профессиональной деятельности юристов в определенном правовом (процессуальном) режиме, она не может быть, несмотря на свой естественно-научный характер, и вспомогательной правовой наукой, связанной с ее различными отраслями. Причем юридическая психология не только поддерживает с ними междисциплинарные связи, но и оказывает им уникальную помощь, выполняя по отношению к ним познавательную функцию. Это определяется прежде всего гносеологической природой установления

[1] *Андреева Г.М.* Социальная психология: Учебник для вузов. М., 1996. С. 348—351.

[2] *Ратинов А.Р., Богомолова С.Н., Волков В.В. и др.* Юридическая психология и проблемы борьбы с преступностью // Вопросы борьбы с преступностью, 1983. Вып. 38. С. 41.

истины при расследовании (рассмотрении) уголовных дел, в ходе разрешения различных гражданско-правовых споров в суде, поскольку это — не что иное, как разновидность всеобщего процесса познания, осуществляемого с учетом закономерностей психических познавательных процессов, в целом познавательной деятельности человека.

«Многие процессы и явления, изучаемые... юридической наукой, — указывает Б.Ф. Ломов, — не могут быть до конца поняты без раскрытия роли в этих процессах и явлениях тех факторов, которые определяются как психологические, без знания «механизмов» индивидуального и группового поведения людей, закономерностей формирования стереотипов поведения, без анализа психологических свойств и особенностей личности, ее способностей, характера, межличностных отношений и т.д.»[1].

В этой связи в первую очередь следует указать на интегративные связи юридической психологии с *наукой уголовного процесса*, изучающей сущность и принципы уголовного процесса, развитие и основные черты уголовно-процессуального права, правовое положение участников процесса, проблемы теории доказательств, познания истины по уголовным делам, порядок уголовно-процессуальной деятельности от ее начала до завершения, правила деятельности органов расследования, прокуратуры и суда при производстве по уголовным делам.

Основным содержанием уголовно-процессуальной деятельности, проводимой правоохранительными органами, является процесс расследования (рассмотрения) уголовных дел, носящий исследовательский, познавательный характер, в ходе которого путем доказывания устанавливается истина по делу. То есть, доказывание истины в уголовном процессе представляет собой не что иное, как разновидность всеобщего процесса познания со всеми присущими ему закономерностями и особенностями психолого-гносеологического характера.

Как справедливо указывает А.Р. Ратинов, «судебная психология проникает в сферу уголовно-процессуальной теории, помогая в решении наиболее сложных вопросов доказательственного права, раскрывая психологический механизм оценки доказательств, формирования внутреннего убеждения, рекомендуя оптимальный с точки зрения психологии порядок доказывания и всего уголовного судопроизводства»[2]. Аналогичных взглядов придерживаются и другие ученые, считающие, что «многие институты процессуального права вообще не могут быть познаны с достаточной глубиной без применения закономерностей, установленных судебной психологией»[3].

Ряд принципиально важных положений уголовно-процессуального закона, таких, как независимость судей с подчинением их только закону, гласность, непосредственность, устность и непрерывность судебного разбирательства (ст. 16, 18, 240 УПК РСФСР), вырабаты-

[1] *Ломов Б.Ф.* Теория, эксперимент и практика в психологии // Психологический журнал. 1980. Т. 1, № 1. С. 8.

[2] *Ратинов А.Р.* Судебная психология для следователей. С. 13.

[3] Например: *Дулов А.В.* Введение в судебную психологию. М., 1970. С. 119.

вались на протяжении длительного периода под влиянием практики уголовного судопроизводства, которая со всей очевидностью показала, в какой огромной мере психические процессы, сами условия восприятия судом обстоятельств, подлежащих доказыванию, влияют на объективность установления истины и принятия судебных решений.

Поэтому при анализе норм уголовно-процессуального закона, регулирующих процесс доказывания, установления истины по делу, с точки зрения психологии обращают на себя внимание в первую очередь два аспекта этого регулирования. Во-первых, отражение в ряде уголовно-процессуальных норм психологических закономерностей, учет которых обеспечивает объективность, доброкачественность процесса познания истины по делу, достоверность получаемых результатов. И во-вторых, наличие гарантий, призванных оградить от различных негативных влияний процессы мышления, памяти, принятия решений различными участниками уголовного процесса[1]. И хотя законодатель не прибегает к собственно психологическим терминам, процедура расследования (рассмотрения) уголовного дела, вобрав в себя накопленный человечеством опыт, учитывает роль психологических факторов в установлении истины по делу. И в этом процессе все более серьезную помощь правоохранительной деятельности будет оказывать психологическая наука, которая должна перейти от распространенного психологического комментария отдельных явлений или процессов, психологического всеобуча работников правоохранительной системы к *психологическому обеспечению уголовно-процессуальной деятельности* как единой целостной системы.

Психологическое обеспечение уголовно-процессуальной деятельности (поэтапное психологическое сопровождение ее стадий) в виде постоянно оказываемой психологической помощи должностным лицам правоохранительных органов должно стать принципом правоохранительной деятельности в стране. А это в свою очередь предполагает *создание психологической службы в системе правоохранительных органов,* укомплектованных соответствующими специалистами в области юридической психологии с возложением на эту службу обязанности оказывать не только периодическую консультативную, но самое главное — постоянную практическую помощь работникам этих органов, например, при выезде на место происшествия, во время проведения обыска и других следственных, розыскных действий, при психологическом отборе лиц в правоохранительные органы, при проведении профилактических мероприятий и т.п.

Аналогичным образом можно проследить тесную связь юридической психологии и *гражданского процесса*, который осуществляется с соблюдением тех же принципов судопроизводства, что и уголовный процесс: независимость судей с подчинением их только закону, гласность,

[1] *Морщакова Г.М.* Психологические истоки судебных ошибок и внутреннее убеждение судей // Эффективность правосудия и проблема устранения судебных ошибок. М., 1975. Ч. II, гл. VII. С. 7—8.

непосредственность, устность и непрерывность судебного разбирательства (ст. 7, 9, 146 ГПК РСФСР). Хотя гражданский процесс имеет и свои особенности, в том числе и с познавательной, психологической точек зрения. Например, если в уголовном процессе материалы предварительного следствия уже содержат модель подлежащего исследованию правонарушения, то «в гражданском процессе мысленная модель фактов, подлежащих установлению, создается самим судьей в ходе подготовки дела»[1].

Тесные междисциплинарные связи также имеют место между юридической психологией и наукой *уголовного права* в изучении целого ряда уголовно-правовых проблем, носящих комплексный характер. Например, к ним можно отнести вопросы, связанные с субъектом, субъективной стороной преступления: психологические особенности личности преступника, его эмоционально-волевая, мотивационная сфера, уровень интеллекта, актуальные психические состояния, которые сопутствуют совершению некоторых преступлений, влияют на то, в какой мере субъект преступления руководит своими действиями и отдает отчет своим поступкам.

Уголовный кодекс РФ, введенный в действие в 1997 г., содержит целый ряд новых понятий, имеющих сугубо психологический либо комплексный психолого-правовой характер. Вот некоторые из них: уголовная ответственность лиц с психическим расстройством, не исключающим вменяемость (ст. 22); «деяние, совершенное по легкомыслию» (ст. 26); несоответствие «психофизиологических качеств требованиям экстремальных условий или нервно-психическим перегрузкам» (ч. 2 ст. 28); устойчивость, сплоченность как признаки преступной группы (ч. 3, 4 ст. 35), психическое принуждение (ст. 40); особая жестокость (п. «д» ст. 105, п. «б» ст. 111, п. «в» ст. 131); аффект, длительная психотравмирующая ситуация (ст. 107, 113); психические страдания (ч. 1 ст. 117); беспомощное состояние потерпевшей стороны (ч. 1 ст. 131, ч. 1 ст. 132) и т.д. Этот перечень подтверждает, какой тесной должна быть связь научных исследований в области уголовного права с психологической наукой и ее прикладной отраслью — юридической психологией.

Подобные связи юридической психологии можно проследить и при анализе гражданско-правовых норм, отдельных ее положений с такой наукой, как *гражданское право*. Так, проблема компенсации морального вреда в случае причинения гражданину «нравственных страданий» не может быть всесторонне исследована и решена без учета психологического фактора, тем более что суды должны оценивать все это с учетом «индивидуальных особенностей лица, которому причинен вред» (ст. 151, 1101 ГК РФ).

Не менее актуальной в гражданском праве становится проблема признания сделок недействительными вследствие необычного состоя-

[1] Подробнее см.: *Резниченко И.М.* Психологические вопросы подготовки и судебного разбирательства гражданских дел. Владивосток. 1983. С. 4.

ния психики гражданина, сниженного интеллекта, дефектов его волеизъявления, а также ошибок восприятия, связанных с пониженным уровнем чувствительности тех или иных анализаторов (зрительных, слуховых и пр.), с повышенной внушаемостью, т.е. качеств, которые способствуют введению в заблуждение человека при принятии им решений правового характера (см. ст. 177, 178 ГК РФ).

Все еще недостаточно изученными остаются смежные проблемы психолого-правового характера в области *семейного, трудового права* (законодательства).

Самая тесная связь юридической психологии установилась с *криминалистикой,* особенно с ее разделами, посвященными следственной тактике и методике расследования преступлений. Однако в этом интеграционном процессе необходим более высокий качественный уровень, который привел бы, о чем уже говорилось выше применительно к уголовно-процессуальной деятельности, к созданию системы психологического обеспечения внедрения и реализации рекомендаций криминалистики (и не только следственной тактики, но и всех ее трех частей) в деятельность правоохранительных органов.

Для этого необходимо:

более широкая и квалифицированная методическая (по сравнению с настоящим положением) помощь специалистов (экспертов)-психологов в процессе расследования (рассмотрения) уголовных дел;

введение института судебного психолога в систему республиканских, областных (краевых), окружных (им приравненных) правоохранительных органов для оказания психологической помощи должностным лицам этих органов в проведении следственных, розыскных действий, в расследовании особо сложных групповых преступлений.

Весьма тесная связь существует между юридической психологией и *криминологией.* Важнейшие разделы криминологической науки просто не могли бы развиваться без опоры на ее разделы, касающиеся психологии личности. Особое внимание криминологов привлекают именно «те особенности личности преступника, которое связаны с его преступным деянием, объясняют его совершение» (направленность, ценностные ориентации, основные потребности, интересы, отношение к нормам морали, уровень правосознания, психические и психофизиологические особенности)[1].

Традиционные связи поддерживаются между юридической психологией и *судебной психиатрией,* особенно в пограничных областях знаний человеческой психики, находящейся между психической нормой и психической патологией, о чем свидетельствует развитие такого междисциплинарного вида совместных исследований, которое определилось в качестве комплексной психолого-психиатрической экспертизы[2].

[1] *Кудрявцев В.Н.* Причины правонарушений. М., 1976. С. 190—191.

[2] Подробнее см.; *Кудрявцев И.А.* Судебная психолого-психиатрическая экспертиза. М., 1988.

Междисциплинарные связи юридической психологии с различными отраслями правовой науки представлены на схеме (рис. 1.2).

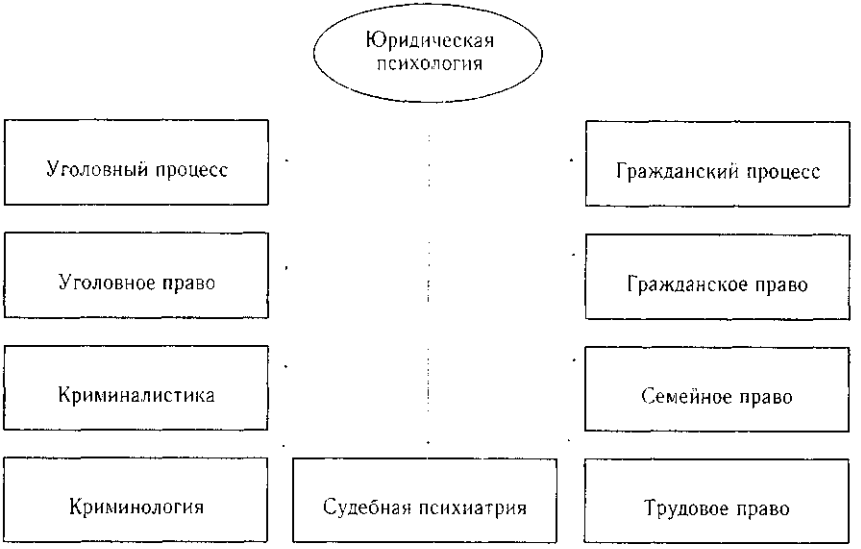


Рис. 1.2. Междисциплинарные связи юридической психологии с различными отраслями правовой науки

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Что составляет предмет юридической психологии?
2. Назовите составные части юридической психологии.
3. Какие задачи призвана решать юридическая психология?
4. Какие этапы развития прошла юридическая психология?
5. Каким образом общественно-политические взгляды в России во второй половине XIX в. оказали влияние на формирование судебной психологии?
6. Назовите имена известных ученых, юристов, общественных деятелей, внесших свой вклад в развитие юридической психологии у нас в стране и за рубежом.
7. Перечислите основные принципы научного познания, используемые в юридической психологии.
8. Какое место занимает юридическая психология в системе общенаучных знаний, какие у нее существуют междисциплинарные связи с другими отраслями психологической и правовой науки?
9. В чем проявляется взаимосвязь юридической психологии с уголовным и гражданским процессом, уголовным и гражданским правом, криминалистикой и криминологией? Покажите это с помощью психолого-правового анализа отдельных норм права.

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

ЛИЧНОСТЬ В СФЕРЕ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Глава 2
ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Понятие личности в психологии и юриспруденции. Правовое значение данного понятия. Индивид, личность, субъект правоохранительной деятельности. Процесс формирования личности, критерии ее оценки. Черты, качества, факторы, тип личности. Факторный и типологический анализ личности. Психологическая структура и содержание личности.

§ 1. Понятие личности в психологической и правовой науке

Индивид, личность, субъект деятельности. Личность — фундаментальное понятие, одна из центральных проблем в психологии, имеющая ярко выраженный междисциплинарный характер.

Понятие личности нередко заимствуется из психологии, трансформируется представителями различных, в том числе и правовых, наук (уголовное, гражданское право, криминология, криминалистика и др.), широко использующих его применительно к субъектам различных правоотношений. Характерной чертой употребления данного понятия в юридической литературе является более расширительное толкование его содержания (по сравнению с тем, как оно трактуется в психологии), некоторое его смещение к таким понятиям, как субъект, лицо, человек. Эту особенность следует иметь в виду, чтобы правильно ориентироваться во всех этих терминах изучающим юридическую психологию, которая, с одной стороны, опирается на фундаментальные, принятые в психологии понятия, а с другой — должна учитывать терминологию законодательных актов, подзаконных источников права.

Неоднозначность данной проблемы усугубляется еще и тем, что в психологической науке до сих пор не создано единой общепризнанной теории личности, отсутствует и общий взгляд на ее определение, распространены различные, порой противоположные подходы к раскрытию ее структуры и содержания. Все это создает определенные трудности не только для психологов, но и для правоведов, юристов, занимающихся практической деятельностью, для которых понятия: личность субъекта правоотношений, личность участников уголовного, гражданского процесса, личность виновного, потерпевшего и тому подобное наполнены вполне конкретным, в том числе и психолого-правовым, содержанием.

Стоит взглянуть на целый ряд законодательных актов, чтобы убедиться в этом. Например, одним из основополагающих принципов уголовного судопроизводства является провозглашение в виде правовой нормы принципа «неприкосновенности личности» (ст. 11 УПК РСФСР). Или: при назначении вида и размера наказания судам предписывается учитывать не только характер, тяжесть, последствия преступления, но

и «личность виновного» (ч. 3 ст. 60 УК РФ). Термин «личность виновного» употребляется в уголовном законе и в контексте с условным осуждением (ч. 2 ст. 73 УК РФ). Целый раздел (VII) Особенной части УК РФ посвящен «преступлениям против личности».

Аналогичная картина имеет место и в гражданском праве, когда речь идет о защите достоинства личности гражданина в случаях причинения ему неправомерными действиями морального вреда, нравственных страданий (см., например, ст. 150—152, 1099—1101 ГК РФ).

Анализируя подобные формулировки, содержащиеся в законодательных актах, различных литературных источниках психологического и правового характера, невольно задаешься вопросом: что же представляет собой личность, каковы ее признаки, критерии и содержание? Попытаемся ответить на все эти вопросы.

Если рассматривать человека с самого начала его появления на свет, то о нем в научном плане можно говорить лишь как об *индивиде* — представителе вида homo sapiens, который имеет обусловленные природой особенности или присущий ему генотип. В последующем его индивидные, генотипические свойства получают дальнейшее развитие. Постепенно включаясь в систему существующих в обществе отношений (сначала в семье, потом в школе и т.д.), человек подвергается неизбежному воздействию окружающей его социальной среды, в той или иной мере адаптируется к ней, к социальным условиям своего бытия. То есть происходит постепенный процесс его социализации, формирования его личности. Вот почему считается, что человек не рождается личностью, а ею становится[1]. С этой точки зрения по сравнению с понятием *индивид* понятие *личность* — качественно более новое образование, появляющееся значительно позже рождения человека, вступающего в отношения с окружающими его людьми[2].

Этимологически термин *личность* происходит от слова личина (persona — лат.) или маска, в которой актер выступал на сцене древнегреческого, а потом древнеримского театра. То есть первоначальный смысл данного понятия сводился к чисто внешним проявлениям определенной, заданной сценарием пьесы ролевой индивидуальности театрального персонажа, выразителем которого была та или иная маска, театральная роль. В последующем это внешнее проявление индивидуальности сохранилось и стало использоваться в определении личности, человека, выступающего в той или иной социальной роли.

Таким образом, если понятие «индивид» указывает на связь человека с природой, то понятие «личность» — на связь человека с обществом, социальной средой. Поэтому в настоящее время понятие «личность» уже не рассматривается вне зависимости от внешнего социального окружения человека, от того, как он воспринимается со стороны, как проявляет себя

[1] См.: *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. В 2 т. М., 1989. Т. II. С. 245; *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975. С. 176.

[2] См.: *Гиппенрейтер Ю.Б.* Введение в общую психологию: Курс лекции. М., 1988. С. 235.

в ооществе, каков его индивидуальный стиль поведения в самом широком спектре ситуаций, в конечном итоге — в какой мере он включен в общественные отношения. Вот, к примеру, одно из таких определений: «личность есть внешнее проявление индивидуальности — как человек воспринимается окружающими и как он на них воздействует»[1]. В данном определении содержится, пожалуй, то наиболее общее и наиболее важное, что объединяет разнообразные подходы многих авторов к раскрытию понятия личности. А определений личности, кстати, очень много. Американский психолог Г. Олпорт насчитал их порядка пятидесяти в психологии, философии, социологии, теологии, в юриспруденции, что лишний раз подтверждает интерес к этому понятию, многогранность самой феноменологии личности и уникальность ее организации.

Как справедливо пишут исследователи данной проблемы, психологический феномен личности следует рассматривать исходя из различных предпосылок. Поэтому ни одно определение личности не может дать исчерпывающего представления о ней, но каждое из них освещает определенные стороны данного явления. Использование множества разнообразных определений расширяет и углубляет наше понимание личности, дает новую информацию, позволяя приблизиться к пониманию глубины и содержания данного явления[2]. Такого подхода к понятию личности придерживаются многие психологи.

Так, при описании личности представителями различных научных школ и направлений используются следующие теоретические подходы:

биологический — личность изучается прежде всего с точки зрения генетических предпосылок ее формирования и эволюционного развития, их влияния на поведенческие, социальные аспекты развития индивида, благодаря чему отдельные черты, свойства личности передаются человеку по наследству, т.е. отдельные элементы, составляющие содержание личности, имеют врожденный, наследственно обусловленный характер;

экспериментальный — изучение личности идет от исследования перцептивных, познавательных процессов, высшей нервной деятельности человека, их роли в поведении в различных ситуациях;

социальный — изучается социальная среда, социальные роли, общественно-исторические, культурные условия, воздействующие на формирование личности человека, который рассматривается и описывается как составная часть общества, как продукт общественного развития;

гуманистический — в основе данного подхода лежит стремление в каждом человеке видеть личность, а в самой личности — ее духовное начало; с этих позиций исследуются ведущие признаки, отражающие ее основные свойства, внутреннюю структуру, которые сопоставляются с поведенческими, социальными характеристиками индивида.

[1] *Креч Д., Кратчфилд П., Ливсон Н.* Элементы психологии: Учебник. Нью-Йорк, 1974. Цитируется по: Психологическое самообразование. Читая зарубежные учебники. Проблемы психологии личности. М., 1992. С. 5.

[2] Там же. С. 8.

Какому из этих подходов отдать предпочтение? Думается, все они могут быть полезны в зависимости от задач, которые ставит перед собой исследователь. Одно дело, если разрабатывается собственно теория личности, и несколько иное, если решаются какие-то частные вопросы сугубо практического характера.

Если исследователь придерживается биологического подхода, то для него, очевидно, приоритетом в изучении личности являются генетические, наследственные факторы, оценка их роли в развитии и становлении личности. Такого взгляда придерживаются многие психоаналитики, начиная с 3. Фрейда и К. Юнга.

Напротив, адепты жесткого социального детерминизма, в частности представители марксистской школы, сущность личности человека целиком сводят к совокупности общественных отношений, которые проявляются в ней, решительно отодвигая в сторону биологические, психофизиологические факторы, наследственно обусловленные особенности психики, хотя эти факторы, очевидно для каждого, не стоят в стороне от процесса формирования личности.

Чтобы избежать ненужных крайностей, следует придерживаться целостного подхода к определению данного феномена, рассматривая личность в качестве такого сочетания многообразных признаков, в котором неразрывно слились все реальности: и биологическая, и психологическая, и, разумеется, социальная, характеризующие в своей совокупности каждого конкретного человека в его отношениях с обществом и поэтому помогающие выделить его среди других.

В основе понимания личности в качестве единого целого (биологического, психического и социального) лежит положение С.Л. Рубинштейна, согласно которому внешние причины, социальный опыт человека действуют, преломляясь через внутренние условия, его психику, сознание. «При объяснении любых психических явлений, — писал он, — личность выступает как воедино связанная совокупность внутренних условий, через которые преломляются все внешние воздействия»[1].

Данная формула — *«внешнее действует через внутреннее»,* раскрывающая характер воздействия на психику внешних, социальных причин, преобразующее влияние личности на социальные процессы, дополняется формулой, предложенной другим известным отечественным психологом А.Н. Леонтьевым: *«внутреннее... действует через внешнее и этим само себя изменяет»*[2].

Взятые вместе оба эти подхода диалектически дополняют друг друга, достаточно полно отражают развитие психики, процесс формирования личности. «В этом взаимодействии биологическая природа человека участвует как необходимое условие протекания, развертывания внутренних психических процессов. Поэтому понятно, что изменение физиологических параметров изменяет и характер протекания психических процессов, что может сказываться на формировании сложных

[1] *Рубинштейн С.Л.* Бытие и сознание. М., 1957. С. 308.
[2] *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975. С. 181.

психических образований, включая и личность человека»[1]. Поэтому наиболее взвешенным выглядит утверждение о том, что в человеческой личности нельзя все сводить только либо к социальному, либо к биологическому. Иначе невозможно будет объяснить, почему человек сам для себя выбирает ту или иную, отвечающую его устремлениям, потребностям, внутренним побуждениям и влечениям деятельность, а в последующем и социальную среду, круг общения, образ жизни, которые в еще большей мере оттачивают его личность, заостряя те или иные его психофизиологические особенности и которые в конечном итоге определяют его дальнейшее развитие[2].

На протяжении всей жизни человека происходит непрерывный процесс формирования его личности под влиянием социальной среды и воспитания. Со своей стороны, субъект относится к этим внешним воздействиям не пассивно, а активно, сознательно. Такое активное, целенаправленное отношение к окружающему миру выражается прежде всего в поступках, поведении человека, в том числе, к сожалению, и антиобщественного характера.

Поскольку в современном обществе имеют место различные негативные социальные явления, разного рода преступления, личность человека может заслуживать не только положительной, но и отрицательной оценки, как, например, личность субъекта, совершившего преступление.

Когда говорят о личности того или иного субъекта, всегда подразумевают ее уникальность, своеобразие, отличие от других. Именно в индивидуальных различиях многие находят ключ к пониманию проблемы личности. «Индивидуальность, — пишет А.В. Петровский, — проявляется в чертах темперамента, характера, привычках, преобладающих интересах, в качествах познавательных процессов (восприятия, памяти, мышления, воображения), в способностях, индивидуальном стиле деятельности и т.д. Нет двух людей с одинаковым сочетанием указанных психологических особенностей — личность человека неповторима в своей индивидуальности»[3].

И хотя оба понятия (индивидуальность и личность) весьма близки друг к другу, тем не менее они не тождественны. Употребляя термин «индивидуальность» по отношению к кому-либо, мы подразумеваем человека яркого, т.е. выделяющегося среди других определенным своеобразием. Но когда мы специально подчеркиваем, что данный человек является еще и личностью, это означает нечто большее. «Личностью в специфическом смысле этого слова, — пишет С.Л. Рубинштейн. — является человек, у которого есть свои позиции, свое ярко выраженное сознательное отношение к жизни, мировоззрение, к которому он пришел в итоге большой сознательной работы». И далее: «глубина и богатство личности предполагает глубину и богатство ее связей с миром, с другими людьми... Личностью является лишь человек, который относит-

[1] *Братусь Б.С.* Аномалии личности. М., 1988. С. 77.
[2] См.: *Асмолов А.Г.* Психология личности. М., 1990. С. 161.
[3] *Петровский А.В.* Введение в психологию. М., 1995. С. 388.

ся определенным образом к окружающему, сознательно устанавливает это свое отношение так, что оно выявляется во всем его существе»[1].

Аналогичного взгляда на личность придерживается и Л.И. Божович, которая в личности видит также человека, достигшего «определенного, достаточно высокого уровня своего психического развития. Самая существенная характеристика его, когда он действительно становится личностью, — пишет Л.И. Божович, — заключается в том, что он способен господствовать над случайностями и изменять обстоятельства жизни в соответствии со своими целями и задачами; он способен также сознательно управлять и самим собой»[2]. Именно отсутствие или недоразвитость этих личностных качеств у человека свидетельствуют о том, что он не может «в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) или руководить ими»[3] либо действует «по легкомыслию» (ст. 26 УК РФ).

Таким образом, *личность — это человек со своими взглядами и убеждениями, проявляющий свою уникальную целостность, единство социально-психологических качеств в межличностных, общественных отношениях, сознательно участвующий в той или иной деятельности, понимающий свои действия и способный руководить ими.*

Именно в этом смысле понятие личности используется в юридической литературе, в правовых актах в одном смысловом ряду с такими терминами, как субъект правоотношений, гражданин, участник, лицо, т.е. как человек право- и дееспособный. Более того, когда в юридической литературе говорят о личности применительно к различным субъектам той или иной (в том числе и противоправной) деятельности, подчеркивается включенность последних в систему существующих в обществе правоотношений в определенной социальной роли: будь то следователя, прокурора, судьи, защитника либо обвиняемого (подсудимого), свидетеля, потерпевшего и т.д. И это следует иметь в виду, когда мы используем в юридической психологии, в правовой науке понятие личности.

Методологически правильный подход к раскрытию понятия личности, ее структуры и содержания, выбор объективных критериев их оценки для более точного описания личности того или иного субъекта позволяют ответить и на ряд других вопросов, которые должны разрабатываться юридической психологией. А именно: каким требованиям должна отвечать личность юриста? Иначе говоря, кто по своим личностным качествам способен освоить юридическую профессию, успешно заниматься ею, а кого с учетом индивидуально-психологических особенностей личности не следует допускать к работе в сфере правоохранитель-

[1] *Рубинштейн С.Л.* Бытие и сознание. М., 1957. С. 241—242.

[2] *Божович Л.И.* Психологические закономерности формирования личности в онтогенезе. Избр. психол. труды. М., 1995. С. 56.

[3] Данная формулировка из ст. 21 и 22 УК РФ. К сожалению, законодатель не ввел в уголовный закон четкий психологический критерий ограниченной вменяемости, вместо этого предоставив возможность самим судам субъективно оценивать степень вины правонарушителя с недоразвитой, инфантильной личностью, признавая либо отвергая в его действиях «легкомыслие».

ной деятельности. Об этой проблеме подробно пойдет речь в главе 11 нашего учебника.

Процесс формирования личности. Каким образом происходит формирование личности? Где истоки личностного начала в человеке и когда появляется личность? Какие признаки помимо включенности индивида в систему межличностных, общественных отношений могут свидетельствовать о состоявшейся личности, каковы критерии этого? Вот те вопросы, которые не могут нас не интересовать. От того, насколько правильно ответим на них, во многом будет зависеть психолого-правовая оценка противоправных действий, понимание психологических критериев вменяемости и невменяемости, определение меры наказания не только с учетом содеянного, но и особенностей личности виновного, как того требует законодатель. Попытаемся ответить на поставленные вопросы.

Специалисты в области детской психологии отмечают, что уже к четвертому месяцу жизни ребенка появляются качественно новые формы реагирования на приходящие к нему извне сигналы в виде положительных (улыбка) либо отрицательных (выражение тревожности) реакций при восприятии им людей. Данное обстоятельство свидетельствует о самой ранней, начальной организации первого опыта общения индивида, о появлении у него начавшей формироваться способности к различению. Уже в эти первые месяцы ребенок неосознанно начинает руководствоваться принципом реальности, и в его подсознании начинают проявляться первые проблески его Я. В возрасте 8—9 месяцев у ребенка отмечают такой хорошо известный эмоциональный феномен, как страх перед незнакомыми людьми, что вызывает у него аффективно окрашенные формы реагирования. В этот же период у него формируются собственные телесные ощущения, зрительные, тактильные и проприоцептивные виды восприятия, т.е. начинается процесс разграничения себя и среды, себя и ближайшего окружения.

Наблюдая за поведением ребенка в начале второго года, у него можно заметить пробуждающийся интерес к новым, незнакомым людям, элементы подражания. А уже приблизительно с трех лет происходит активное формирование его Я. В это же время начинается известный многим по наблюдениям за детьми очень важный с точки зрения развития личности период негативизма, когда ребенок противится всякому давлению извне, как бы желая все, о чем ему говорят, делать наоборот, поступая так только ради того, чтобы показать свой характер, утвердить себя и, не побоимся сказать, проявить первые едва заметные ростки своей пробуждающейся личности. По существу, это своего рода первое опробование своего собственного Я в качестве субъекта межличностных (обычно семейных) отношений с теми, кто его непосредственно окружает. Но это еще, понятно, далеко не личность.

Хорошо известны наиболее заметные периоды в жизни человека, оставляющие свой отпечаток на формировании его личности (ранний детский возраст, детство, отрочество, юность, зрелость, старость), а

также главные жизненные кризисы, связанные с переходом от одного возраста к другому[1].

Критерии оценки личности. Наблюдая за развитием человека, мы используем определенные критерии, которые позволяют оценивать уровень сформированности его личности. Каковы эти критерии? Один из них, отмеченный выше, это ощущение своего Я, которое лежит в основе представления ребенка о самом себе. Постепенно человек начинает ощущать себя субъектом своих восприятий, эмоциональных состояний, действий, наконец, чувствовать свое тождество и неразрывность с тем, чем он был накануне. Это система возникших представлений о самом себе, или, как говорят психологи, концепция собственного Я, образа самого себя, который по мере накопления жизненного, социального опыта эволюционирует и, по мнению американского психолога К. Роджерса, становится «реальным Я» человека или его Я-образом.

Таким образом, Я-образ представляет собой динамическое образование личности индивида. В жизни у человека периодически происходит смена множества его образов самого себя. *Все* это является результатом весьма продолжительного и очень важного процесса самопознания, который предполагает развитие у человека определенных познавательных способностей, интеллекта. Как отмечает Ю.Б. Гиппенрейтер, «всякое знание о себе уже фактом своего получения меняет субъекта: узнав нечто о себе, он становится другим»[2]. Поэтому всякое продвижение к самопознанию человека, закрепленное в его Я-образе, представляет весьма значимый шаг в его развитии, в построении им своей собственной системы взаимоотношений, прежде всего с самим собой, а также взаимодействия с другими людьми.

Напротив, неадекватный, искаженный «образ самого себя» может свидетельствовать об определенном интеллектуальном отставании субъекта, о его сниженной критичности, задержке психического, личностного развития, что немаловажно учитывать при оценке личности виновного, потерпевшего(ей), особенно когда с первого взгляда бывают непонятны до конца мотивы поведения. Кстати, иногда стремление человека отстоять собственный Я-образ может выступать в качестве побудительной силы (мотива), толкающей его на те или иные поступки, в том числе и противоправного характера.

Разрыв переживаемых эмоций, их избыточность, связанные с ощущениями человеком своего Я-образа, утрата (даже частичная!) этого Я нередко свидетельствуют о начавшемся процессе личностной дезинтеграции и даже о возможном распаде личности, обусловленном какими-то серьезными расстройствами психики[3].

[1] Подробнее см.: *Петровский А.В.* Введение в психологию. С. 423—431; *Годфруа Ж.* Что такое психология. В 2 т. М., 1992. Т. 2. С. 43—45.

[2] *Гиппенрейтер Ю.Б.* Введение в общую психологию: Курс лекций. М., 1988. С. 302.

[3] См.: *Мейли Р.* Структура личности // Экспериментальная психология / Под ред. П. Фресс и Ж. Пиаже. М., 1975. Вып. V. С. 271—274.

Одним из важнейших элементов Я-образа является такое личностное образование как «мое». Это не только само тело человека и *его* части, но и любые другие объекты, при утрате которых он чувствует себя лишенным чего-то очень важного для него. Размытые границы между «мое» и «не мое» могут говорить о еще далеко не завершившемся процессе формирования личности, сниженной критичности, о личностной незрелости человека или, как говорят, инфантилизме личности — явлении, чаще встречаемом при рассмотрении в судах правонарушений, совершаемых несовершеннолетними, молодыми людьми.

Наряду с реальным Я в сознании человека может присутствовать и его идеальное Я, т.е. тот образ, в котором он склонен представлять, видеть себя, кем бы ему хотелось стать в результате реализации своих возможностей. К этому идеальному Я и стремится приблизиться Я реальное. Между этими двумя образами имеет место динамическое взаимодействие. Человек стремится сблизить представления о самом себе, о своем реальном Я со своим идеальным Я-образом, с тем, каким бы ему хотелось быть. Поэтому «личность уравновешена тем лучше, чем больше согласия, или конгруэнтности, между реальным Я человека и его чувствами, мыслями и поведением, что позволяет ему приблизиться к своему идеальному Я»[1].

Наличие или отсутствие гармонии между этими двумя образами является важным критерием оценки личности. Слишком большое их несоответствие может стать причиной серьезных трудностей, переживаемых человеком, его нервно-психической неуравновешенности, повышенной тревоги, неадаптивных форм поведения, что также чаще всего служит показателем личностной незрелости, отставания субъекта в психическом развитии, его социальной неадаптивности.

Близким, но не тождественным по содержанию с Я-образом является понятие «сила Я» (фактор *С* по 16-ФЛО Р.Б. Кеттелла), с помощью которого определяется сбалансированность реального Я и Я-образа субъекта. Понятие «сила Я» отражает внутреннее равновесие личности, ее цельность, развитые адаптивные качества. Высокое значение фактора С свидетельствует об отсутствии инфантильности в структуре личности субъекта, его эмоциональной стабильности, зрелости. Такие люди смело смотрят фактам в лицо, уверены в себе, постоянны в своих планах, желаниях, не поддаются случайным колебаниям настроения, хорошо осознают требования действительности, видят и правильно оценивают свои недостатки, легко адаптируются к новым условиям[2]. Все это имеет не последнее значение при оценке личности кандидатов, отбираемых на учебу в юридические вузы, на службу в органы юстиции.

Следующим важным критерием оценки уровня развития личности субъекта является сформированность его самооценки. *Самооценка* — это оценка человеком самого себя, своих качеств, способностей, своего

[1] *Годфруа Ж.* Указ. соч. С. 39—40.

[2] *Мельников В.М., Ямпольский Л.Т.* Введение в экспериментальную психологию личности. М., 1985. С. 33.

места среди других людей. Это своего рода проекция его реального «Я» на идеальное. Она свидетельствует об удовлетворенности либо неудовлетворенности субъекта самим собой. Поэтому самооценка также влияет на поведение человека, его взаимоотношения с окружающими, на проявление им своей сформировавшейся личности.

Так, слишком завышенная самооценка может говорить не только о незавершившемся процессе формирования личности (равно как и об отсутствии должного воспитания), но и о серьезных отклонениях от психической нормы. Известно, например, что больные шизофренией чаще оценивают себя более высоко, чем психически нормальные люди. Человек с завышенной самооценкой обычно переоценивает себя, свои возможности, что служит иной раз причиной конфликтных отношений с окружающими, отвергающими его завышенные притязания на всеобщее признание, на более высокий социальный статус. Все это в еще большей мере усугубляет характер межличностных отношений, способствует свертыванию контактов с окружающими людьми, самоизоляции субъекта, развитию у него таких отрицательных личностных качеств, как излишняя подозрительность, повышенная обидчивость, чрезмерная мнительность, нарочитое высокомерие, отчуждение, замкнутость (аутизм).

Заниженная самооценка также оказывает негативное влияние на формирование личности только в ином направлении, способствуя формированию у субъекта устойчивой неуверенности в себе, повышенной тревожности, беспочвенным самообвинениям, пассивному поведению, в конечном итоге — появлению комплекса неполноценности.

Для объективной оценки личности субъекта помимо его самооценки необходимо также учитывать *действительную оценку личности группой*. Установлено, что значительное повышение самооценки личности сопряжено со снижением ожидаемой ее оценки группой. А повышение оценки, которую дает субъект окружающим, ведет к повышению и реальной оценки его личности со стороны окружающих. Напротив, субъект с высокой самооценкой, с низкой оценкой его окружающими и низкой ожидаемой оценкой группы представляет тип конфликтной личности, склонной приписывать себе достоинства, а окружающим недостатки. Стоит представить такого человека в роли руководителя, к примеру органа прокуратуры, и уже можно будет прогнозировать, сколь неблагоприятный психологический микроклимат установится в коллективе, который он возглавит.

Соотношение этих трех оценок определяет психическое самочувствие субъекта в группе, влияет на успешность его профессиональной деятельности, на социальный статус. Человек «должен считаться с ними даже тогда, когда не подозревает о наличии этих показателей, ничего не знает о действии психологического механизма оценок и самооценки. По сути своей это перенесенный внутрь человеческой личности (интериоризированный) механизм социальных контактов, ориентаций и ценностей. С его показаниями человек сверяется, вступая в общение, активно действуя. Эта проверка происходит преимущественно бессознательно, а личность подстраивается к режимам поведения, определяемым этими

индикаторами»[1]. К этой проблеме мы еще вернемся при рассмотрении вопросов, относящихся к психологическим закономерностям профессионального общения юриста.

Следующим критерием оценки личностной зрелости субъекта является *уровень его притязаний*, тесно связанный с самооценкой. В психологии под уровнем притязаний понимается, с одной стороны, уровень трудностей, преодоление которых является целью для субъекта, а с другой — желаемый уровень самооценки личности (уровень Я-образа). Стремление повысить самооценку, когда у человека есть возможность свободного выбора степени трудности принимаемых решений, порождает внутренний конфликт двух противоположных тенденций: либо повысить свои притязания ради достижения максимального успеха, либо снизить их до такого уровня, который абсолютно гарантирует от неудачи. Часто уровень притязаний устанавливается где-то между чересчур трудными и легко достижимыми целями с тем, чтобы самооценка личности не пострадала.

Установление субъектом оптимального уровня притязаний во многом определяется зрелостью его личности, объективно взвешенной оценкой своих возможностей, знаний, опыта, личностных качеств. Вот почему человек, принимающий важные решения и в то же время значительно переоценивающий эти факторы, нередко демонстрирует свою личностную незрелость, выглядит беспочвенным прожектером, на которого нельзя полагаться в серьезных делах. С другой стороны, тот, кто существенно занижает собственный уровень притязаний, выглядит малоактивным, безынициативным, от которого чаще всего не приходится ожидать больших успехов в деятельности. Изучение уровня притязаний людей помогает оценивать их личность, понимать мотивы поведения.

Тесную связь с Я-образом, самооценкой, уровнем притязания личности имеет *самоуважение* человека, в котором отражается соотношение его собственных притязаний и реальных достижений. Чем выше успех, достигаемый субъектом, и ниже уровень его притязаний, тем в большей мере возрастает его самоуважение, являющееся наряду с другими отмеченными выше факторами важным критерием оценки сформированности и зрелости его личности. Процесс развития личности, как справедливо подмечено, предполагает постоянную трансформацию Я-образа, самооценки, самоуважения человека, в конечном итоге, — динамику его самосознания.

Таковы основные критерии оценки уровня развития и сформированности личностной зрелости человека, которыми не исчерпывается еще в полной мере само определение личности, о чем речь пойдет впереди.

§ 2. Структура и содержание личности

Всестороннее и полное раскрытие структуры и содержания личности предполагает поиск наиболее точных и в то же время удобных с практической точки зрения способов ее исследования и описания.

[1] *Петровский А.В.* Введение в психологию. С. 412—413.

В экспериментальной психологии наибольшее распространение получили следующие подходы к содержательному описанию личности:

описание личности по ее чертам, качествам, сведенным в отдельные факторы (так называемый факторный анализ личности);

описание личности в зависимости от ее типа (так называемое типологическое описание личности).

Черты, качества, факторы личности. Первоначально наиболее активно развивалось направление, в котором исследовались отдельные черты или качества личности. Последние рассматривались как независимые друг от друга признаки, например: умный, общительный, настойчивый и т.д.

При таком подходе в понятие *качество личности* вкладывается определенная, длительно существующая, отдельно взятая, стабильная характеристика конкретного человека, постоянно проявляющаяся в его поведении независимо от ситуаций. Обычно то или иное качество, черта бывают выражены в большей или меньшей степени либо они могут вообще не проявляться.

С помощью специально разработанных методик отдельные качества (или свойства) личности могут быть не только выявлены, но и благодаря тому, что они поддаются измерению, сопоставляться, подвергаться ранжированию. Это позволяет сравнивать людей по выраженности у них того или иного качества. Изучая определенное качество, черту, мы как бы соотносим его с границами выраженности данного качества у других лиц и в соответствии с этим даем им различную оценку по этому качеству.

Понятно, что качественные характеристики у людей встречаются самые разнообразные. Они могут быть связаны с их интеллектом, темпераментом, способностями, интересами, социальными отношениями, особенностями характера и т.д. Поэтому, чтобы удобнее было пользоваться ими при описании личности того или иного человека, наиболее общие, близко расположенные друг к другу качества сводятся воедино в какой-то один общий для них *фактор.*

С помощью *факторного анализа* значительно упрощается описание большого количества однородных черт личности интересующего нас субъекта, легче отыскиваются связи между свойствами его характера и поступками, точнее составляется прогноз относительно его дальнейшего поведения, в том числе и в критических, экстремальных ситуациях. Такое описание свойств личности с помощью факторного анализа, например, имело место при составлении словаря терминов на английском языке, используемых при описании личности. С этой целью было проанализировано около 18 000 слов, из которых отобрали примерно 4500 слов, обозначающих черты личности, а также наиболее важные устойчивые характеристики поведения человека, которые были сведены в синонимичные группы.

В последующем эта работа легла в основу широко применяемого до настоящего времени созданного в 1946 г. Р.Б. Кеттеллом 16-факторного личностного опросника. Р.Б. Кеттелл еще более сократил (до 171 признака) список черт личности и в итоге получил набор из 36 биполярных

различных личностных признаков (например, эмоциональная устойчивость — неустойчивость, настойчивость — покорность, беспечность — озабоченность и т.д.). Каждой биполярной паре характеристик им были даны развернутые определения[1].

Тип личности. В дальнейшем указанное выше направление было дополнено введением понятия *тип личности (личностный тип).*

Личностные типы — это качественно различающиеся категории, к которым можно относить различных людей в зависимости от ведущих, наиболее устойчивых свойств, положенных в основу той или иной классификации. Такой подход позволяет дать в наиболее общем виде психологический портрет человека, выделив в нем ведущую роль какого-то одного ярко выраженного свойства, организующего вокруг себя ряд других качеств. В любом случае, понятие «личностный тип» предполагает существование определенной связи, корреляции между отдельными чертами личности, совокупность которых и характеризует тот или иной тип.

Существует большое число разнообразных *типологий личности.* Одни из них в своей основе имеют свойства темперамента, другие — те или иные поведенческие характеристики человека и т.д. Поэтому принадлежность человека к тому или иному личностному типу имеет относительный характер — смотря под каким углом зрения его рассматривать. Кроме того, необходимо также иметь в виду, что любая типология дает весьма обобщенный *психологический профиль личности,* очерчивает лишь некие общие границы, в которые может быть помещен индивид, даже не представляющий собой «чистый» в соответствии с принятой классификацией тип личности. В этих случаях говорят, что он «похож» на данный тип личности, находится ближе всего к нему. Как тонко подмечено, каждый чем-то похож на всех, чем-то на некоторых и чем-то не похож ни на кого.

И все же, при всей относительности данного подхода, определение типологической принадлежности человека имеет большое значение, особенно когда хотят выделить наиболее главные, ведущие свойства личности и по ним спрогнозировать его поведение. Тем более что типология человека сохраняется независимо от происходящих в его жизни перемен. Остановимся кратко на некоторых из наиболее известных типологических характеристиках личности, оказавших влияние на современные представления о личности.

К одной из наиболее ранних относится известная типология древнегреческого врача Гиппократа (IV в. до н.э.), который делил всех людей по темпераменту на следующие четыре типа: сангвиников, флегматиков, холериков и меланхоликов — в зависимости от сочетания основных, как ему представлялось, жидкостей человеческого организма. При всей своей научной несостоятельности с точки зрения современных воззрений на роль крови, желчи, различных гормональных выделений и т.п. в жизнедеятельности организма, классификация людей по этим

[1] Подробнее см. главу 3.

четырем типам темперамента до сих пор нередко используется, особенно в научно-популярной литературе[1].

Следующая попытка вывести психологическую типологию была предпринята в начале 20-х гг. нашего века немецким врачом-психиатром, психологом Э. Кречмером (1888—1964), опубликовавшим в 1921 г. свой широко известный труд «Строение тела и характер», в котором проблема «соотношения души и тела», психического и физического была центральной. Ученый обратил внимание, что два наиболее распространенных психических заболевания — шизофрения и маниакально-депрессивный психоз чаще наблюдаются у людей с определенным типом телосложения. В дальнейшем он перенес эту, с его точки зрения, закономерность и на психически здоровых людей.

Так, наблюдая за больными с различными психическими расстройствами, Кречмер заметил, что среди них чаще встречаются лица, имеющие «три постоянно повторяющихся главных строения тела»: пикническое, астеническое и атлетическое (рис. 2.1). Причем эти морфологические типы ученый видел и в популяции психически здоровых людей.

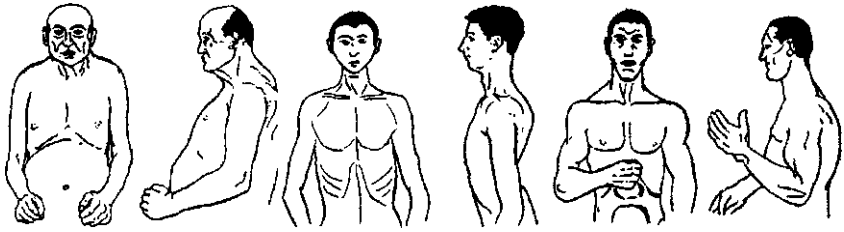


Рис. 2.1. Конституциональные типы по Э. Кречмеру:
а — пикнический, *б* — астенический, *в* — атлетический

У лиц, больных шизофренией, по мнению Кречмера, чаще наблюдается *астеническое* (или лептосомное — буквально узкотелое) *телосложение* (см. рис. 2.1,б). Они худощавы, узкоплечи. У них сравнительно с общими размерами тела длинная узкая плоская грудь, неразвитая мышечная и жировая ткани с явным отставанием веса от длины тела. Причем такой тип телосложения наблюдается не только среди больных, страдающих шизофренией, но и у психически здоровых людей, которых Кречмер назвал *шизоидами* (или *шизотимиками)* за их внешнее сходство с больными шизофренией и за ярко выраженные черты *«шизоидного» характера*.

Такими наиболее выраженными чертами характера шизоидов, с его точки зрения, являются: замкнутость, эмоциональная холодность, отчужденность, сдержанность в проявлении эмоций, несмотря на то, что у них тонко чувствующая натура. Они полностью погружены в мир

[1] Подробнее см. главу 6 учебника.

собственных переживаний, застенчивы, внутренне отгорожены от окружающих.

Страдающие маниакально-депрессивным психозом чаще имеют так называемый *пикнический склад телосложения.* У них средний рост, плотная фигура, более развитая по отношению к телу грудь, крупная голова, широкое с мягкими чертами лицо, выступающий живот. Такой тип людей, по мнению Кречмера, имеет *«циклоидный» характер.* Они общительные и добросердечные, веселые и остроумные, беспечные, любят жизнь, прагматики. У них часто меняется настроение. Их чувства открыты и понятны окружающим. С ними легко общаться.

К этим двум главным конституциональным типам Кречмер добавил *атлетический и диспластический типы,* имеющие не столь характерные черты, чтобы связывать их с определенными психическими характеристиками, как это было сделано им при описании астеников и пикников. Так, к атлетическому типу Кречмером были отнесены люди среднего или высокого роста, с развитой грудной клеткой, мускулатурой, широкоплечие, статные с сужающейся книзу формой туловища и т.д.[1].

Завершая краткое изложение взглядов Кречмера, следует отметить, что в психической норме корреляция между приведенными выше типами личности и строением тела не была выражена столь заметно, как в клинике. Хотя в целом, в весьма обобщенной форме, можно говорить о том, что «пикники», как правило, действительно имеют «циклотимический» характер, «астеники» (лептосомы) чаще наделены чертами «шизоидного» (шизотимического) характера. Значение популярной в свое время теории Кречмера состоит в том, что она сыграла роль своеобразного стимула для проведения последующих исследований в поисках связей между телосложением человека и структурой его личности.

В 1927 г. была предложена типология личности американским психологом Шелдоном, который также обозначил три соматических типа, два из которых весьма напоминают циклотимиков и шизотимиков Кречмера. и предложил свою систему определения людей в соответствии с разработанными им шкалами с использованием «трех психофизиологических компонентов личности», или, как он их называл, темпераментов.

Среди других известных типологий личности следует назвать классификацию, предложенную в 1923 г. швейцарским психологом и психиатром К.Г. Юнгом (1875—1961), делившим людей на *интровертов* и *экстравертов.* В психологии *интроверсия — экстраверсия* рассматриваются как способы адаптации человека к окружающему миру. Если *интровертированный тип личности* преимущественно ориентируется на субъективные факторы, собственные переживания, свой внутренний мир, то э*кстравертированный тип* — на внешние обстоятельства, окружающие его объекты. Такая внутренняя (субъективная) или внешняя (объективная) ориентация формирует ту или иную психическую установку личности по отношению ко всему происходящему.

[1] Подробнее см.: *Кречмер Э.* Строение тела и характер. М., 1995. С. 353, 354, 362, 450, 517.

Таким образом, говоря в общих чертах, *интроверт* — это человек, у которого преобладает субъективная ориентация, его интересы в значительной мере обращены внутрь, к собственным идеям, образам, созданным его воображением, к своей внутренней духовной жизни. Это — чувствительный, малообщительный, внешне сдержанный, скрытный, безучастный или просто неуверенный в себе, порой необоснованно застенчивый индивид.

Экстраверт, напротив, ориентирован на внешнее окружение, на объективный мир вещей и явлений. Это деятельный, активный, прагматичный, общительный человек, легко вступающий и поддерживающий межличностные контакты.

Такое обобщенное деление людей на экстравертов и интровертов вошло в обыденное сознание. Однако «чистые» интровертированные или экстравертированные типы (так же, как и «чистые» сангвиники, холерики и пр.) встречаются намного реже, чем смешанные с преобладанием той или иной направленности. Впрочем, и сам Юнг отмечал, что каждый индивид в той или иной мере обладает «механизмами» как интроверсии, так и экстраверсии. «Внешние обстоятельства и внутреннее предрасположение очень часто благоприятствуют одному механизму и ограничивают и ставят препятствия другому. Отсюда, естественно, происходит перевес одного механизма. Если это состояние каким-нибудь образом становится хроническим, то вследствие этого и возникает тип, т.е. привычная установка, в которой один механизм постоянно господствует, не будучи в состоянии, конечно, полностью подавить другой...»[1]

Дополнительно к этим двум установкам Юнгом были выделены еще четыре психологические функции, а именно: мышление, эмоции, ощущения, интуиция. Как писал Юнг, «если привычно господствует одна из этих функций, то появляется соответствующий тип. Поэтому я различаю мыслительный, эмоциональный, сенсорный и интуитивный типы. Каждый из этих типов, кроме того, может быть интровертированным или экстравертированным, смотря по своему поведению по отношению к объекту»[2].

Используя классификацию Юнга, перейдем к более подробному описанию выделенных им восьми личностных типов.

Экстравертированный мыслительный тип личности. Лица, принадлежащие к данному типу, свои решения, поступки ставят в зависимость от своих интеллектуальных выводов. Причем их интеллектуальные оценки, точка зрения нередко становятся догматически застывшими, а иные, чуждые им взгляды отвергаются либо отодвигаются на задний план. Эмоции, переживания занимают у них второстепенное место, а иногда и просто подавляются. Среди этих лиц можно встретить крупных реформаторов, государственных, общественных деятелей, активных, деятельных людей, фанатично преданных какой-либо собственной идее.

[1] *Юнг К.Г.* Психологические типы. М., 1992. С. 6—7.
[2] *Юнг К.Г.* Указ. соч. С. 7.

Экстравертированный эмоциональный тип личности. Данный тип, в отличие от предыдущего, наиболее распространен среди женщин. У лиц этой группы эмоциональная сфера доминирует над мышлением, которое по отношению к чувствам играет вспомогательную роль. Поэтому их чувства отличаются пылкостью, сниженной рационалистичностью, в большей мере демонстративностью, чем глубиной переживаний.

Оба описанных выше типа названы Юнгом *рациональными,* поскольку жизнь этих людей в значительной мере подвержена разуму, сознательно-волевому контролю. В отличие от них два последующих типа личности отнесены автором рассматриваемой классификации к *иррациональным типам,* поскольку они основывают свои действия «не на суждениях разума, а на абсолютной силе восприятия»[1]. К ним относятся:

Экстравертированный сенсорный тип личности. Для лиц данной группы характерной чертой является ориентация на получение новых ощущений, наслаждений от жизни в различных ее проявлениях.

Экстравертированный интуитивный тип личности. У лиц данного типа мышление и чувствование уступают интуитивному восприятию различных новых жизненных обстоятельств. У них «тонкое чутье» к зарождающимся явлениям. Часто эти люди воодушевляют своими идеями других, но сами никогда не доводят их до конца. Под воздействием «симптома навязчивости» они легко увлекаются, нередко разбрасываются в своих начинаниях и в силу этого непостоянны. Среди них, как считает Юнг, много предпринимателей, политиков. Более распространен данный тип личности, по его мнению, среди женщин.

Интровертированный мыслительный тип личности. Юнг пишет, что как Дарвина можно было бы отнести к экстравертированному мыслительному типу, так Канта — к противоположному интровертированному мыслительному типу. Если первый из них оперирует фактами, стремится к расширению сферы познания, то второй в своем поведении, в высказываемых суждениях основывается на субъективном факторе, критическом подходе ко всевозможным явлениям, к углублению познания. Суждения последнего кажутся холодными, негибкими, с оттенком превосходства над другими, особенно над теми, кто не принимает их, отчего многими он не понимается и отвергается, что в конечном итоге приводит человека интровертированного мыслительного типа к самоизоляции.

Интровертированный эмоциональный тип личности. Как замечает Юнг, сказанное о предыдущем типе можно отнести и к данному типу личности — только в этом случае все, что «там продумывалось», «здесь прочувствуется». Люди данного типа в большей части молчаливы, труднодоступны, непонятны, меланхоличны. Мотивы их поступков нередко скрыты. В общении они сдержаны, холодны, эгоистичны, индифферентны до равнодушия к несчастию или благополучию других. Среди них можно встретить людей, отличающихся мнительным честолюбием, злобной жестокостью.

[1] *Юнг К.Г.* Указ. соч. С. 57.

Интровертированные мыслительный и эмоциональный типы личности Юнгом относятся к *рациональным,* поскольку в основе поведения людей, принадлежащих к данным типам, лежат «разумные суждения», основанные как на объективных, так и на субъективных факторах.

Интровертированный сенсорный тип. Это иррациональный тип личности, поскольку определяющим в поведении таких людей являются не объективное видение происходящего, а субъективные ощущения, в основе которых лежат первоначально сформированные, нередко искаженные образы и представления, возникшие в результате «бессознательной деятельности фантазии». Вследствие этого воспринимаемые ими объекты часто недооцениваются, а происходящие явления искажаются. Вследствие искаженного восприятия такой тип личности с трудом понимается окружающими. Он отдален от них, поскольку находится во власти своих искаженных, субъективных восприятий, возникших образов и фантазий.

Интровертированный интуитивный тип, как и предыдущий, относится к *иррациональному типу* личности. Развитая интуиция еще больше отдаляет его мышление от того, что он видит, а его самого от реальной действительности, окружающих его людей. Вследствие этого такие люди выглядят мало приспособленными к жизни.

Мы не случайно столь подробно остановились на концепции Юнга. В свое время разработанная им типология была положительно воспринята многими учеными и послужила научной базой для проведения дальнейших исследований проблемы личности, а введенные им в научный оборот термины, выражающие такой важный личностный фактор, как *«экстраверсия — интроверсия»* используются и поныне. Кроме того, типологическая модель личности Юнга помогает человеку лучше понять себя, окружающих его людей, увидеть трудности, которые возникают у него в процессе межличностного общения, т.е. служит своеобразным инструментом для психологической ориентации в обществе[1].

Среди продолживших разработку типологических моделей личности Юнга следует назвать известного английского психолога Г.Ю. Айзенка (род. в 1916 г.), создавшего несколько отличающуюся модель личности, основанную также на факторе «экстраверсия — интроверсия», но дополненную им таким важным элементом, как *«личностная адаптация»* в виде эмоционально-волевой *«стабильности — нестабильности».* В последующем данная характеристика получила название *фактора невротизма.*

По схеме Айзенка на одном полюсе находится тип личности, отличающийся нервно-психической устойчивостью, эмоциональной зрелостью, прекрасной адаптивностью. На другом — эмоционально неустойчивый личностный тип с низким уровнем адаптации к социальным условиям. Данная характеристика (фактор невротизма) стала рассматриваться Айзенком наряду с фактором «экстраверсии — интроверсии» в виде оси

[1] Подробнее см.: *Шарп Д.* Типы личности. Юнговская типологическая модель. ронеж, 1994.

второго двумерного личностного пространства. Таким образом, по Г.Ю. Айзенку, каждому индивиду соответствует какая-то одна точка в этой системе координат, пользуясь которой можно выделить четыре типологические модели личности: а) *интровертированный — стабильный,* б) *интровертированный — нестабильный,* в) э*кстравертированный — стабильный,* г) *экстравертированный — нестабильный.*

Так, ведущими свойствами экстравертированной нестабильной личности являются: эмоциональная неустойчивость, склонность к конфликтам, агрессивным формам реагирования. Напротив, интровертированный нестабильный тип выделяется своей избыточной стеснительностью, замкнутостью, неуверенностью в своих действиях и поступках.

Понятие личности успешно разрабатывалось также и в России. Первоначальное развитие взглядов на природу личности на рубеже конца XIX — начала XX вв. происходило в рамках философии, социологии, психофизиологии, физиологии высшей нервной деятельности. Существенный вклад в этот процесс внесли П.К. Анохин, В.М. Бехтерев, А.Ф. Лазурский, П.Ф. Лесгафт, И.П. Павлов, И.М. Сеченов, А.А. Ухтомский и другие ученые.

Понятие «личностного» тогда нередко выступало в таких категориях, как «целостность», «гармоничность», «свобода», «сознание», «душа», «воля». В этот период стали формироваться психологические концепции личности, сочетающие философские и конкретно-психологические взгляды на человека.

В 1915 г. А.Ф. Лазурским (1874—1917) была предложена первая в России классификация личности. Он полагал, что такая классификация должна быть не только психологической, но и психосоциальной в широком смысле. В основу своей классификации ученый положил принцип активного приспособления личности к окружающей социальной среде в зависимости от «степени одаренности» индивида, под которой понимал «прирожденный запас физических и духовных сил» человека, «запас его нервно-психической энергии», его психической активности[1]

«В то время как бедно одаренные индивидуумы, — писал Лазурский, — обычно всецело подчиняются влияниям среды, ограничиваясь в лучшем случае чисто пассивным приспособлением к ее условиям и требованиям, натуры богато одаренные стремятся, наоборот, активно воздействовать на окружающую их жизнь, приспособляя и переделывая ее сообразно своим запросам и стремлениям»[2], т.е. он полагал, что личности различаются по преобладанию в их структуре внешних либо внутренних источников развития или, как он их называл, экзо- и эндопсихикой. Поэтому главным принципом, положенным в основу созданной им классификации личностных типов на две большие группы, было

[1] Мы еще вернемся к этому очень важному принципу «активного приспособления к окружающей среде» при рассмотрении понятия стресса, его влияния на поведение человека, при изложении типологии личности преступника и увидим, насколько плодотворными были взгляды русского ученого.

[2] *Лазурский А.Ф.* Классификация личностей // Избранные труды по психологии. М., 1997. С. 8.

деление людей по их проявлениям или отношениям, которые он назвал *эндопсихическими* и *экзопсихическими*.

Идея отношения к среде в понимании личности была важным шагом вперед по сравнению с прежним взглядом на личность как на совокупность только лишь психических функций. По мнению Лазурского, эндопсихические отношения личности выражают «как бы внутренний механизм человеческой личности». Это так называемая им эндопсихика, включающая в себя темперамент, характер, умственную одаренность человека, его способности к восприятию, память, мышление, воображение, внимание, эмоционально-волевую устойчивость, психомоторику и т.п.

Экзопсихические проявления личности по своему содержанию определяются отношениями субъекта к окружающей его среде, происходящим вокруг него явлениям, духовным благам, т.е. отражают систему отношений личности к окружающему миру. Создавая свою классификацию личностных типов, Лазурский в ее основу кладет степень выраженности, интенсивности вышеупомянутых проявлений, относя человеческие личности на разные (от высшего к низшему) уровни психического развития.

Отношения личности и окружающей среды, а следовательно, и отношения между эндо- и экзопсихическими проявлениями на разных уровнях неодинаковы. На низшем уровне психического развития личности влияние внешней среды является преобладающим. «Подчиняя себе слабую, разрозненную психику малоодаренного человека, — пишет А.Ф. Лазурский, — среда накладывает на нее свой отпечаток, насильственно приспособляя ее к своим запросам и требованиям... В результате личность часто не дает и того немногого, что она могла бы дать при более самостоятельном и независимом отношении к окружающему. Общая приспособленность ее к окружающей среде оказывается настолько неполной и нестойкой, общий вес и ценность ее в социальной жизни настолько незначительными, что представителей низшего уровня можно в общем охарактеризовать как недостаточно приспособленных».

В противоположность этому люди, находящиеся на среднем психическом уровне, обладают гораздо большей способностью адаптироваться к окружающей среде, найти в ней свое место и использовать ее в своих целях. «Более сознательные, обладающие большей работоспособностью и инициативой, они выбирают себе род занятий, соответствующий их склонностям и задаткам, работают продуктивно и с интересом и в конце концов, будучи полезными обществу, успевают в то же время обеспечить себе не только материальное благосостояние, но и некоторый комфорт, физический и духовный. Их можно назвать поэтому приспособившимися»[1].

Кроме того, к третьему высшему личностному типу Лазурский относит людей в еще большей степени талантливых, творческих, одаренных, которые не только прекрасно приспосабливаются к окружающей среде, но и подчиняют ее себе, видоизменяют «сообразно своим собственным влечениям и потребностям»[2].

[1] *Лазурский А.Ф.* Указ. соч. С. 18.
[2] Там же. С. 18.

На низшем уровне психического развития личности, в зависимости от преобладания интеллектуальных, эмоциональных либо волевых процессов, Лазурский выделяет следующие личностные типы:

рассудочные — склонные к бесплодному резонерству, обстоятельному обсуждению поступков, мотивов их совершения, их последствий с преобладанием формы над содержанием;

аффективные — подвижные, чувственные с преобладанием органических влечений и потребностей, мечтатели;

активные — энергичные низшего порядка, характеризующиеся импульсивностью и беспорядочностью своих действий, покорно-деятельные, упрямые, аффективно-извращенные, активно-извращенные (насильники), жестокие.

В основе деления людей на среднем уровне психического развития лежит доминирующее развитие психических процессов. Благодаря этому, по мнению Лазурского, для данного типа лиц важнее не то, что они делают, а сам процесс их деятельности, то, как они ею занимаются. К подобным личностным типам он относит:

непрактичные — теоретики-идеалисты, ученые, люди творческого труда, религиозные деятели и пр.;

практики-реалисты — общественные деятели, лица, стремящиеся к власти, хозяйственники и т.п.

Наконец, высший уровень психического развития личности, при котором полностью доминирует ее «экзопсихическая сторона», а эндопсихика составляет лишь естественную ее подоснову. Необходимым признаком представителей данного высшего уровня является осознанная творческая направленность их бытия.

Завершая свою типологию, Лазурский дает развернутую программу эмпирических исследований характерологических особенностей личности, которая оказала существенное влияние на последующие работы психологов, посвященные характерологии. Серьезное влияние оказали исследования Лазурского также и на учение о личности преступника, на создание классификации преступных типов в трудах отечественных криминологов (С.В. Познышев и др.).

Широко известна типологическая модель личности, в основу которой положено учение И.П. Павлова (1849—1936) о соотношении свойств нервной системы, которые уравновешивают состояние организма, психики во взаимоотношениях с окружающей средой. Различные свойства нервной системы человека влияют на особенности его условно-рефлекторной деятельности, темперамента. Комбинации этих свойств с преобладанием процессов возбуждения или торможения образуют четыре основных типа нервной системы, лежащих в основе четырех традиционных типов темперамента (сангвинический, флегматический, холерический и меланхолический). В зависимости от типа темперамента стали говорить о личности сангвиника, флегматика, холерика, меланхолика.

В настоящее время широкое распространение получила типология личностных типов в зависимости от ведущих, наиболее ярко выраженных (акцентуированных) свойств характера (К. Леонгард, А.Е. Личко и др.)[1].

Различные личностные типы можно увидеть и при рассмотрении более частных задач, связанных с исследованием личности в результате применения психологом той или иной психодиагностической методики, позволяющей выявить те или иные характерные особенности личности, например направленность ее мотивации, уровень самооценки, притязаний и т.д.

Психологическая структура личности. Первым у нас в стране к разработке структуры личности подошел С.Л. Рубинштейн (1889—1960), который в 1940 г. писал о том, что «в психическом облике выделяются различные сферы или области черт, характеризующие разные стороны личности»[2]. В последующем в теорию личности свой вклад внесли известные советские психологи Б.Г. Ананьев, А.Г. Ковалев, А.Н. Леонтьев, В.Н. Мясищев, К.К. Платонов и другие. Несмотря на несколько различные подходы к этому вопросу, все они подчеркивали решающее влияние на формирование личности, ее структуры социальных факторов, ее связей с обществом, включенность субъекта в межличностные, общественные отношения.

Как писал Б.Г. Ананьев (1907—1972), структура личности складывается постепенно в процессе социального развития индивида, являясь своеобразным продуктом этого развития. Структура личности, по его мнению, включает наиболее общие и актуальные для жизнедеятельности и поведения человека комплексы его органических свойств, многократно опосредованные социальными условиями. Наиболее важный из этих комплексов — интеллектуальный, служащий показателем умственного развития субъекта, сформированности у него вербального и невербального (абстрактно-логического) интеллекта, внимания, способности к обучению. В реальном развитии человека его социальные функции, общественное поведение, мотивация, подчеркивал он, всегда связаны с процессом отражения им окружающего мира, познанием общества, других людей и самого себя[3].

Другой известный психолог А.Г. Ковалев полагал, что развитие структуры личности идет от разрозненных свойств к сложным интегральным образованиям: направленности, способностям, характеру[4]. К этим сложным структурным элементам Ковалев относит и темперамент, который он называет «структурой природных свойств». Все они, по его мнению, составляют своеобразный духовный облик и характер человека.

Наибольший интерес для изучающих юридическую психологию может представлять близкая к приведенным выше взглядам концепция

Более подробно вопросы, имеющие отношение к темпераменту, характеру, рассматриваются в главе 6 учебника.

[2] *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. Т. II. С. 102.

[3] *Ананьев Б.Г.* Избранные психологические труды. В 2 т. М., 1980. Т. I. С. 150—152.

[4] *Ковалев А.Г.* Психология личности. Л., 1963. С. 38.

К.К. Платонова, названная им *динамической структурой личности* в виде ее четырех составных компонентов или подструктур. Его концепция удобна в практическом отношении при изучении личности преступника, различных участников процесса, при составлении психологической характеристики лиц, отбираемых в правоохранительные органы. Она проста и понятна для юриста-практика и поэтому стоит на ней остановиться.

Итак, согласно данной концепции, структура личности включает в себя следующие основные подструктуры[1].

Подструктура направленности. Она представлена совокупностью наиболее устойчивых и социально значимых качеств личности субъекта: его мировоззрения, идейных убеждений, нравственных принципов, ценностных ориентаций, интересов, идеалов. Все эти качества социально обусловлены. Они представляют собой преломление социального в сознании человека и формируются главным образом в процессе воспитания.

Направленность личности тесно связана с правосознанием, особенно в той части, которая определяет отношение субъекта к соблюдению норм права. Изучение направленности личности индивида позволяет определить его социальные воззрения, образ мыслей, уровень его нравственного развития, ведущие мотивы, желания, нравственные чувства. Знание направленности личности позволяет во многом прогнозировать поступки и поведение человека.

Подструктура опыта. Данная подструктура включает в себя знания, навыки, умения, привычки. Она также в значительной мере формируется под воздействием социальных факторов, хотя и не без влияния некоторых биологически обусловленных свойств: способности к быстрому запоминанию, определенных физических данных, лежащих в основе образования двигательных навыков, и т.п. Через данную структуру личность наиболее отчетливо проявляется в своем развитии, в выборе ведущих форм деятельности, в достижении определенных результатов. Обычно эту подструктуру называют индивидуальной культурой (или подготовленностью), формирующейся в процессе обучения.

Успешность овладения знаниями и умениями во многом определяется способностями человека. Большую роль в приобретении знаний, опыта играют направленность личности, мотивация.

Подструктура психических форм отражения. Она объединяет индивидуальные особенности психических процессов (психических функций): ощущений, восприятия, памяти, мышления. И хотя указанные процессы развиваются в ходе овладения человеком знаниями и навыками, тем не менее они в значительной мере обусловлены биологическими, наследственными факторами. Сюда же относятся и такие формы отражения, как эмоции, чувства, которые проявляются в психических состояниях, переживаемых человеком в процессе какой-либо деятельности.

Платонов К.К. Структура и формирование личности. М., 1986.

Психические познавательные процессы: восприятие, память, внимание, мышление и другие формы отражения действительности вместе с приобретенными человеком знаниями и опытом во многом определяют такое сложное интегративное образование личности, как интеллект, положительно коррелирующий с умственным развитием.

Подструктура темперамента и других биологически обусловленных свойств. Они определяются половыми, возрастными, конституционально-биохимическими, наследственно обусловленными признаками, особенностями нервной системы индивида и зависят от физиологических, нейродинамических, морфологических особенностей мозга.

Различные черты и свойства личности, входящие во все названные подструктуры, образуют две наиболее общие подструктуры: *характер* и *способности,* понимаемые как общие интегративные качества личности, которые более подробно рассматриваются в последующих главах учебника.

Все эти вышеперечисленные подструктуры тесно связаны между собой и проявляются в виде единого целого, выражающего такое сложное интегративное понятие, как личность.

Теперь после того как мы раскрыли содержание личности, ее основные структурные компоненты, необходимо показать, каким образом, с помощью каких методов проводится измерение, оценка личностных качеств и в целом — личности субъекта при решении задач, возникающих в процессе профессиональной деятельности юриста.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Что такое личность?
2. Основные научные подходы к изучению личности человека.
3. Раскройте правовое значение понятия личности.
4. В чем состоит процесс развития и формирования личности человека?
5. По каким критериям оценивается уровень сформированности личности?
6. Что представляют собой черта, фактор, тип личности?
7. Раскройте психологическую структуру личности.

Глава 3
МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ ЛИЧНОСТИ В ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Методы изучения личности, применяемые юристами в правоохранительной деятельности. Методы психологической диагностики; требования, предъявляемые к ним. Классификация наиболее распространенных психологических методов, используемых психологами в правоохранительной деятельности, возможности этих методов.

§ 1. Методы изучения личности в профессиональной деятельности юриста

Выбор методов изучения личности субъектов различных правоотношений в профессиональной деятельности юриста, как и адекватность самих методов, во многом зависят от целей, которые стоят перед ним, от характера вопросов, требующих разрешения. Некоторыми методами юристы пользуются самостоятельно без какой-либо посторонней помощи, другие же могут применяться только лишь специалистами в области психологии, как это, например, бывает при проведении судебно-психологической экспертизы, в ходе профессионального психологического отбора лиц на службу в правоохранительные органы, а также абитуриентов в некоторые юридические учебные заведения.

Остановимся на группе методов, которыми широко пользуются не только психологи в своих исследованиях, но и сами юристы в своей практической деятельности в процессе расследования преступлений, в ходе рассмотрения уголовных дел, гражданско-правовых споров в суде.

Беседа. Основное назначение беседы состоит в том, чтобы в процессе общения с субъектом получить необходимую информацию о нем и других лицах. В ходе беседы составляется мнение об индивидуальном развитии человека, его интеллекте, психическом состоянии, о его отношении к тем или иным событиям, людям. И хотя с помощью беседы далеко не всегда удается получить исчерпывающую информацию, тем не менее она помогает лучше узнать субъекта, определить по отношению к нему наиболее правильную тактическую линию поведения.

Во время беседы юристу следует произвести благоприятное впечатление на своего партнера по общению, пробудить у него интерес к обсуждаемым вопросам, желание отвечать на них и участвовать в диалоге. Кроме того, беседа помогает юристу продемонстрировать свои положительные качества, стремление объективно разобраться в тех или иных явлениях. Поэтому она является важным инструментом налаживания и поддержания психологического контакта с лицами, которых предстоит допрашивать.

Вопросы, относящиеся непосредственно к личности того, с кем проводится беседа, не следует задавать в самом ее начале. Лучше, если они

возникнут естественно как следствие разговора на более нейтральные по своему содержанию темы.

Наблюдение. В психологии различают прямое и косвенное наблюдение. По характеру контактов с изучаемыми объектами наблюдение подразделяется на непосредственное и опосредованное, по характеру взаимодействия — включенное и невключенное (со стороны) наблюдение.

Метод наблюдения широко используется и в юридической практике в познавательных целях, например следователем в ходе проведения следственных действий. Так, во время осмотра места происшествия, обыска, допроса, следственного эксперимента, предъявления для опознания следователь имеет возможность целенаправленно наблюдать за поведением интересующих его лиц, их эмоциональными реакциями и в зависимости от этого менять тактику своего поведения.

Наряду с этим следователь использует информацию и от опосредованного наблюдения. Сопоставление результатов непосредственного и опосредованного наблюдения за поведением тех или иных лиц в различных условиях позволяет получить дополнительную информацию.

В ходе наблюдения юрист может столкнуться и с наиболее распространенными ошибками (так называемый гала-эффект, или эффект ореола), приводящими к преувеличению или преуменьшению выраженности наблюдаемых им фактов, с «ошибками усреднения», с ошибками, возникающими в результате логически некорректных умозаключений, под воздействием профессиональной деформации, эффекта группового, внушающего давления.

В целях повышения достоверности наблюдения, нейтрализации ошибочных суждений необходимо строже относиться к своим выводам, объективно фиксировать полученные конкретные результаты, не поддаваясь искушению судить о сложных явлениях на основании первых, порой поверхностных впечатлениях[1].

Метод самонаблюдения (интроспекции). Данный метод возник на рубеже XIX—XX вв. Он состоит в том, что исследователь одновременно является и испытуемым, наблюдающим за собой, и лицом, фиксирующим все, что с ним происходит во время эксперимента. В практической деятельности юриста самонаблюдение носит вспомогательный характер.

Самонаблюдение может использоваться юристом как метод самопознания, позволяющий ему выявлять свои характерологические особенности, свойства личности с тем, чтобы лучше контролировать собственное поведение, вовремя нейтрализовывать у себя, например, проявление ненужных эмоциональных реакций, вспышек раздражительности в экстремальных условиях, обусловленных нервно-психическими перегрузками.

Экспериментальный метод. Эксперимент является одним из распространенных методов изучения личности. Например, следователь в соответствии со ст. 183 УПК РСФСР вправе производить *следствен-*

[1] Подробнее см.: *Петровский А.В.* Введение в психологию. С. 88—96.

ный эксперимент. В некоторых случаях целью такого эксперимента является получение данных о способности лица воспринимать то или иное явление, какой-либо предмет в определенных условиях. В результате этого следственным путем удается получить информацию психологического содержания о качественной стороне процессов восприятия у свидетеля, а также и по некоторым другим вопросам.

Широко используется экспериментальный метод при проведении *судебно-психологической экспертизы* в целях исследования психических процессов испытуемого: восприятия, памяти, мышления, внимания. С помощью специально разработанных экспериментально-психологических методик (тестов) исследуются количественные и качественные характеристики психических процессов.

«Биографический» метод. Основное назначение данного метода состоит в сборе сведений о фактах и событиях, имеющих социально-психологическое значение в жизни человека, с момента его рождения и до того периода, который интересует следователя, суд. В ходе допросов свидетелей, хорошо знающих данного субъекта, во время бесед с ним выясняются сведения о его родителях, социальной среде, в которой он рос и воспитывался, его взаимоотношениях с окружающими, о его учебе, работе, интересах, склонностях, перенесенных заболеваниях, травмах, характере. В необходимых случаях изучаются различные медицинские документы, характеристики из школы, с места работы, личное дело, письма, дневники и т.д.

Метод обобщения независимых характеристик. Перечисленные выше методы существенно дополняются методом обобщения независимых характеристик. Данный метод позволяет увидеть личность во всех ее проявлениях, оценивать человека объективно, с разных сторон, исключив субъективное к нему отношение. Так, например, чтобы наиболее полно охарактеризовать субъекта, совершившего преступление, бывает недостаточно одной лишь характеристики с его последнего места работы. Существенно дополнят представление о нем характеристики с других мест, где он учился или работал, мнение о нем его родных, знакомых. И хотя в каждой из этих характеристик могут содержаться элементы одностороннего подхода к оценке его личности, в целом же, поскольку все эти сведения независимы друг от друга, они позволяют составить о виновном объективное мнение.

Анализ результатов деятельности. Данный метод в совокупности с другими особенно широко применяется при изучении личности разыскиваемых преступников. Например, по результатам преступной деятельности судят не только о степени общественной опасности содеянного, но и об определенных характерологических особенностях личности, интеллекте, психическом состоянии, в котором мог находиться обвиняемый в момент совершения преступления, о мотивах преступления.

В последние годы в качестве разновидности данного метода стал применяться *метод составления психологического портрета преступника,* с помощью которого составляется психолого-криминалистическая характеристика разыскиваемого преступника, включающая в

себя не только его психологические, но и поведенческие и даже чисто внешние, физические признаки.

Весьма эффективным методом изучения личности является *судебно-психологическая экспертиза,* которой специально посвящена глава 7 учебника.

§ 2. Краткое введение в область психологической диагностики

Термин «психологическая диагностика» (психодиагностика) означает постановку психологического диагноза относительно психических особенностей, свойств, состояний человека специалистом-психологом с использованием различных психологических, тестовых методик (тестов). Применение методов психодиагностики требует от специалиста психологического образования и соответствующей подготовки. Использование психологических тестовых методик непрофессионалами (даже с компьютерным обеспечением обработки результатов тестирования) может привести к печальным последствиям, проще говоря, к дискредитации самой идеи тестирования[1].

В таком случае возникает вопрос, насколько нужны юристу знания о методах психологической диагностики, процедуре тестирования, о самих тестах? Данный вопрос стал приобретать практическое значение с возрождением в конце 60-х гг. в нашем уголовном процессе судебно-психологической экспертизы. В этой связи можно однозначно ответить, что такие знания юристу, безусловно, нужны в таком объеме, который позволял бы ему профессионально грамотно ставить вопросы перед экспертом-психологом при разрешении правовых вопросов, насыщенных психологическим содержанием, а также оценивать заключения судебно-психологической экспертизы по уголовным и гражданским делам.

Предыстория психодиагностики, тестирования, уходит далеко в глубь веков. Известно, что еще в Древнем Вавилоне в середине III тысячелетия до н.э. проводились испытания интеллектуального характера лиц, отбираемых на государственную службу в качестве писцов. Подобного рода испытания устраивались и в Древнем Египте для тех, из кого готовили жрецов. Помимо оценки внешних данных кандидатов, их интеллекта оценивались такие качества, как умение слушать и молчать, вести беседу, эмоциональная устойчивость в условиях воздействия на них огня, угрозы смерти, страха.

В Древней Греции активным сторонником отбора в созданную им школу был известный ученый, математик Пифагор (VI в. до н.э.), который для оценки интеллектуальных способностей молодых людей, отбираемых в эту школу, использовал математические задачи. В Древнем Китае еще за 2200 лет до н.э. также существовала довольно развитая система проверки способностей кандидатов, отбиравшихся на должнос-

[1] Психологическая диагностика: проблемы и исследования / Под ред. К.М. Гуревича. М., 1981. С. 3.

ти правительственных чиновников. Аналогичные факты известны из истории Древней Индии, средневекового Вьетнама[1].

Подлинно научная разработка методов исследований в психологии началась в первой четверти XIX в. с использования измерительных приемов немецким физиком и психологом Г.Т. Фехнером (1801 —1887) при изучении им ощущений человеком света, цвета, звука, запаха. Задавая внешние стимулы, ученый стал определять разностные пороги ощущений, взяв за эталон измерения едва заметные в них различия. Благодаря такому подходу Фехнеру удалось квантифицировать психические явления, которые он исследовал. Квантифицированному ряду значений, характеризующему исследуемый процесс, он поставил определенный ряд чисел. Этот числовой (символический) ряд позволил ему рассматривать в абстрагированном виде степень выраженности проявлений изучаемого процесса. Такой числовой ряд получил название *«шкала»*. С тех пор *принцип шкалирования* положен в основу многих тестовых методик, с помощью которых исследуются различные психические процессы, качества, свойства личности[2].

Дальнейшее развитие психодиагностики связано с именем выдающегося немецкого психолога В. Вундта (1832—1920), создавшего в 1879 г. первую в мире экспериментальную психологическую лабораторию, в которой стали изучаться закономерности ощущений, время реакции человека на различные раздражители, ассоциативные связи, внимание.

К началу XX в. одной из актуальных задач становится изучение способностей людей и исследование в связи с этим их индивидуальных различий. Работа в данном направлении была начата известным английским ученым Ф. Гальтоном (1822—1911), который явился инициатором использования методов статистики в психологии. Занимаясь изучением наследственности, он в 1884—1885 гг. стал проводить измерения физиологических возможностей организма людей, находившихся в близком родстве, их сенсомоторных функций, психических свойств по семнадцати показателям, применив методы математической статистики при анализе выявляемых им индивидуальных различий. При этом он полагал, что с помощью тестов сенсорного различения можно получить данные об интеллектуальном развитии человека, его одаренности. Как писал Гальтон, «информация о внешних событиях поступает к нам только от наших органов чувств, и чем лучше эти органы улавливают различия, тем обширнее поле, на котором могут действовать наши интеллект и рассудок»[3]. Заслуга ученого состояла в том, что он первым применил оценочные шкалы, анкетирование и технику свободных ассоциаций, предложив использовать в психологии метод корреляций.

[1] Подробнее см.: Общая психодиагностика. Основы психодиагностики, немедицинской психотерапии и психологического консультирования / Под ред. А.А. Бодалева, В.В. Столина. М., 1987. С. 25.

[2] *Петровский А.В.* Введение в психологию. С. 101; см. также: *Немов Р.С.* Психология: Учебник. Кн. 3. Экспериментальная педагогическая психология и психодиагностика. М., 1995. С. 73—83.

[3] Цит. по: *Анастази А.* Психологическое тестирование. М., 1982. Кн. 1. С. 21.

Существенный вклад в создание системы психологического тестирования внес американский ученый, зачинатель тестирования Дж. М. Кеттелл (1860—1944), впервые употребивший в научной литературе термин «умственный тест». Им была создана серия тестов, измерявших уровень интеллектуального развития человека, его психомоторики, сенсорных функций. С помощью его тестов стали измерять мышечную силу, скорость движения, объем внимания, память и некоторые другие психофизиологические функции. Измерением памяти у школьников, их умственных способностей занимался также немецкий психолог Г. Эббингауз (1850—1909).

Дальнейшее развитие психологического тестирования связано с именами таких известных ученых, как немецкий психолог Э. Крепелин, создавший тесты в виде простейших арифметических операций, предназначенных для измерения памяти, утомляемости, отвлекаемости (1895), французский психолог А. Бине (1857—1911), продолживший исследования интеллекта, умственного развития детей, и другие ученые.

С началом второй мировой войны в США в связи с массовым призывом в армию новобранцев возникла необходимость оценивать их пригодность к службе в различных родах войск по уровню интеллекта. Для этих целей были разработаны тесты, пригодные для группового тестирования призывников. Так появились известные армейские «Альфа»- и «Бета»-тесты. Наряду с тестами интеллекта стали разрабатываться тесты достижений, различного рода тесты-опросники. Среди них наибольшую известность приобретают личностный опросник Г. Айзенка, 16-факторный личностный опросник Р.Б. Кеттелла, Миннесотский многофакторный личностный опросник Дж. Маккинли и С. Хатуэя (MMPI), которые в последующем были адаптированы к нашим социально-культурным условиям и стали успешно применяться не только при проведении судебно-психологической экспертизы, но и при приеме на работу в правоохранительные органы.

Интересные работы в области психологической диагностики проводились и в России. В 1910 г. Г.И. Россолимо (1860—1928), оценивая психические процессы и свойства личности, разработал методику количественной их оценки, а также создал графическую систему измерений психологического профиля индивида. В 1928 г. А.П. Болтунов предложил измерительную шкалу для исследования умственного развития школьников. Известны имена и других выдающихся отечественных ученых: И.Н. Шпильрейна (1891 —1937), разрабатывавшего проблемы диагностики профессиональной пригодности, Н.А. Бернштейна (1896—1966), исследовавшего психомоторику человека, С.Г. Геллерштейна (1896—1967), изучавшего закономерности сенсомоторных реакций и др. Однако в 30-е гг. из-за непонимания серьезности психологического обследования с применением различных тестовых методик исследования в этой области в нашей стране были прекращены, а ученые, их проводившие, подверглись репрессиям.

Термин *тест* на русский язык переводится как «испытание», «проверка», «критерий». В психологии в качестве тестов применяются стан-

дартизированные психодиагностические методики, с помощью которых удается получать сопоставимые количественные и качественные характеристики степени выраженности тех или иных изучаемых свойств личности. С использованием тестов измеряются различия психологического характера между людьми или между отдельными реакциями у какого-то одного индивида в разных условиях.

Разработка и использование любых тестов должны отвечать следующим основным требованиям:

надежности, исключающей промахи в виде грубых нарушений процедуры измерения, а также различного рода случайные или систематические ошибки сбора данных и их измерения;

валидности (или адекватности), т.е., в какой мере тест измеряет то психическое качество, для оценки которого он предназначен;

стандартизации, представляющей линейное или нелинейное преобразование тестовых оценок, смысл которого состоит в замене исходных оценок новыми, производными, облегчающими понимание результатов тестирования;

практичности в виде достаточной простоты, экономичности, эффективности использования и практической ценности для множества различных ситуаций (испытуемых) и видов деятельности.

Применение тестов специалистами предполагает соблюдение ими целого ряда процедурных требований, о чем должен знать юрист, оценивающий результаты тестирования, изложенные в акте судебно-психологической экспертизы. Тестирование должно проводиться в благоприятных для испытуемого условиях с точки зрения времени, обстановки обследования, его самочувствия, отношения к нему психолога, профессионально грамотно ставящего перед ним задачи и проводящего обследование.

Отступления от этих обязательных требований могут свидетельствовать о недостаточной научной компетентности специалиста-психолога и негативно повлиять на оценку его заключения судом.

§ 3. Классификация психологических методов (тестов) исследования личности

В настоящее время известно большое число разнообразных тестовых методик, рассматривать которые в учебнике по юридической психологии нецелесообразно. Тем более что в судебной практике абсолютное большинство из них не применяется. Однако юристу важно иметь общее представление о тех тестах, которые чаще других используются психологами при проведении судебно-психологической экспертизы, при профессиональном отборе на службу в правоохранительные органы. Юристу необходимо понимать сам подход, выбираемый психологом при обследовании той или иной личности, принципы отбора психодиагностических методик применительно к той задаче, которую ему предстоит решать по заданию юриста.

Условно существующие тесты и прежде всего те из них, которыми пользуются специалисты (эксперты) психологи в сфере правоохранительной деятельности, условно можно разбить на четыре большие группы.

Первая группа — психофизиологические методы диагностики функциональных состояний индивида. С их помощью исследуются разнообразные показатели работы центральной, вегетативной нервной системы человека-оператора. К ним относятся электрофизиологические показатели: электроэнцефалограмма, электромиограмма, кожно-гальваническая реакция, электрокардиограмма. В эту же группу можно также включить методики, фиксирующие биохимические изменения в организме при различных экстремальных состояниях психики. Например, в качестве информативных признаков при диагностике стресса выявляют повышенное содержание в крови и моче так называемых гормонов стресса — адреналина и норадреналина. Поскольку для измерения всех этих характеристик функциональных состояний, влияющих на психику человека, необходима специальная аппаратура, тестовые методики данной группы иногда называют аппаратурными методами исследования [1].

Указанные психофизиологические методы чаще применяются при проведении судебно-психологической экспертизы по уголовным делам о нарушениях правил эксплуатации каких-либо сложных технических устройств, транспортных средств и т.п., когда решается вопрос о том, соответствовал ли по своим психофизиологическим качествам управлявший ими оператор экстремальным условиям деятельности или нервно-психическим перегрузкам, т.е., в конечном итоге, когда стоит вопрос о виновном либо невиновном причинении вреда (см. ст. 28 УК РФ). Поэтому, подбирая эксперта-психолога для проведения судебно-психологической экспертизы по делам данной категории, необходимо предварительно выяснить, владеет ли он аппаратурными методами исследования функциональных состояний человека.

Вторая группа — интеллектуальные психологические тесты, с помощью которых исследуется интеллектуальный уровень развития человека. К этой же группе можно отнести методики, позволяющие оценивать сформированность у испытуемого познавательных процессов: мышления, памяти, восприятия, внимания, а также развитие речи, его отдельные навыки, умения, способности.

Интеллект (буквальный перевод с латинского intellectus — разумение, понимание, постижение) — относительно устойчивая структура умственных способностей индивида, отождествляемая со стилем его мышления, стратегией принимаемых решений в проблемных ситуаци-

[1] Подробнее см.: *Игнатов Н.А., Мишурин В.М.* и др. Приборы и методики психофизиологического обследования водителей автомобилей. М., 1978; *Волохов В.Ф., Власов В.Д.* Психологическая экспертиза операторов с некоторыми заболеваниями внутренних органов и нервной системы. М., 1979; Основы инженерной психологии: Учебник для техн. вузов / Под ред. Б.Ф. Ломова. М., 1986.

ях, требующих от субъекта нестандартного подхода, высокого уровня познавательной активности[1].

Исследование интеллекта, как уже отмечалось, связано с именем французского психолога А. Бине, создавшего для этих целей тестовые задачи различной степени трудности. Один из первых его тестов состоял из 30 таких задач, предназначенных для изучения рассудительности и понятливости ребенка. Эти качества ученый считал главными составляющими интеллекта. В последующем для оценки интеллекта им было введено понятие *умственного возраста.*

Последняя редакция шкалы А. Бине (1911 г.) была доработана в США, где испытуемых начали классифицировать по степени умственного развития, используя в этих целях понятие intelligent quotient (IQ), переводимое как *коэффициент умственного развития,* с помощью которого стали оценивать отношение между умственным и хронологическим возрастами. Это отношение (а не разницу между ними) назвали коэффициентом интеллекта, который является постоянной величиной. В последующем результаты обследования испытуемого стали сравнивать со средним результатом его возрастной группы. Созданная методика стала инструментом измерения интеллектуальных способностей, а также использовалась в качестве критерия валидности новых интеллектуальных тестов. Этим в значительной степени объясняется тот факт, что IQ стал представляться символом интеллекта[2].

Среди различных тестовых методик, которые начали появляться и которые стали использовать IQ, следует прежде всего назвать тест американского клинического психолога Д. Векслера *«Шкала Векслера для измерения интеллекта взрослых» (WA/S).* Тестовая батарея Векслера состоит из 11 различных заданий — субтестов, из которых первые шесть являются вербальными. Приведем кратко для общего представления эти субтесты в порядке их предъявления испытуемому по их названиям[3].

«Общая осведомленность». Субтест включает 29 вопросов, ответы на которые требуют самых разнообразных знаний, дающих представление о способности субъекта сохранять их в долговременной памяти, о приобщении его к культуре, его общей образованности. Например: «При какой температуре кипит вода?», «Кто написал «Фауст»?» и т.д.

«Понятливость». Ответы на 14 вопросов данного субтеста характеризуют практическое мышление испытуемого, его жизненный и социальный опыт, здравый смысл. Например: «Почему закон не разрешает вступление в брак до определенного возраста?» Некоторые вопросы

[1] Психология: Словарь / Под ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. 2-е изд. М., 1990 С. 142.

[2] См.: Психологическая диагностика. Проблемы и исследования / Под ред. К.М. Гуревича. М., 1981. С. 52.

[3] Содержание теста дается по следующим работам: *Кабанов М.М., Личко А.Е., Смирнов В.М.* Методы психологической диагностики и коррекции в клинике. М., 1983. С. 146—150; Практикум по психодиагностике. Конкретные психодиагностические методики. М., 1989. С. 104—112.

требуют толкования пословиц. Ответы оцениваются в зависимости от полноты и степени обобщения.

«Арифметика». 14 заданий данного субтеста представляют арифметические задачи разной степени сложности, которые решаются устно в ограниченное время, что требует от испытуемого концентрации внимания, оперативной памяти, сообразительности.

«Сходства». Субтест состоит из 13 вопросов-заданий, выполняя которые необходимо установить общность различных понятий, что требует от испытуемого развитого вербального абстрактно-логического мышления, определенного образовательного уровня.

«Повторение цифр». Задания на воспроизведение испытуемым возрастающих рядов цифр сначала в прямой, а затем в обратной последовательности позволяют оценивать его способность концентрировать внимание, объем его кратковременной памяти.

«Словарь». Данный субтест содержит 40 слов разной степени трудности и частоты употребления, например «зима, ремонт, регулировать, тирада» и т.д. Он позволяет проверить понимание испытуемым содержания этих слов, выявляет его словарный запас, культуру речи, особенности мышления.

«Кодирование». Данный субтест и последующие задания являются невербальными. «Кодирование» (или «цифровые символы») состоит в том, что испытуемому предлагается образец, в котором каждой цифре по порядку соответствует определенный знак. После небольшой тренировки испытуемый должен, пользуясь образцом, подставить знаки в пустые клетки под цифрами, которые теперь уже даются в беспорядке. Субтест проверяет сохранность визуальной перцепции, скорость формирования навыков, зрительную память, обучаемость, быстроту реакций и моторную активность испытуемого.

«Недостающие детали». Испытуемый должен заметить и указать отсутствующую существенную деталь на предъявляемых ему рисунках. Субтест проверяет перцептивные способности субъекта, его умение видеть существенное.

«Узор из кубиков». Задания субтеста побуждают испытуемого в ограниченное время воспроизводить с помощью кубиков, стороны которых окрашены в красный и белый цвета, геометрический узор, изображенный на листе бумаги. С помощью данного субтеста проверяется конструктивное мышление, аналитические способности испытуемого.

«Расположение картинок». Испытуемому предлагается набор картинок расположить последовательно, следуя определенному сюжету. Субтест позволяет установить особенности мышления, способность испытуемого анализировать, понимать причинно-следственные связи, ориентироваться в событиях.

«Складывание фигур». Испытуемый из отдельных фрагментов, частей должен собрать фигуру того или иного предмета. Выполнение задания требует как конструктивного, так и эвристического мышления.

После выполнения всех заданий проводится подсчет и оценка результатов, которые поддаются как качественному, так и количественно-

му анализу. Тест позволяет оценить две важные стороны интеллекта: вербальное, абстрактно-логическое и невербальное предметно-образное мышление, дать суммарную оценку общего уровня интеллекта.

Другим хорошо известным тестом, позволяющим устанавливать коэффициент интеллекта, является *Шкала прогрессивных матриц Дж. Равена*. Тест разработан в Англии в 30—40-е гг. и получил широкое распространение благодаря тому, что не зависит от образовательного, культурного уровня испытуемых, их национальной принадлежности и т.п. Тест Равена предназначен для исследования интеллекта субъекта, выявления его способности логически мыслить, находить существенные связи между предметами и явлениями, для определения уровня умственной работоспособности.

Комплект методики, построенной на невербальном материале, состоит из 60 заданий — графических рисунков (матриц), разделенных на пять серий (от «А» до «Е») по 12 заданий в каждой из них, и регистрационного бланка, который заполняется обследуемым (рис. 3.1). Задания усложняются последовательно от серии к серии. Матрица представляет собой графическое изображение, в котором имеется пробел, и набор фигур — вставок, одна из которых, если ее поместить в этот пробел, восстанавливает логическую целостность изображения. При решении задачи обследуемый должен указать на регистрационном бланке номер этой вставки.

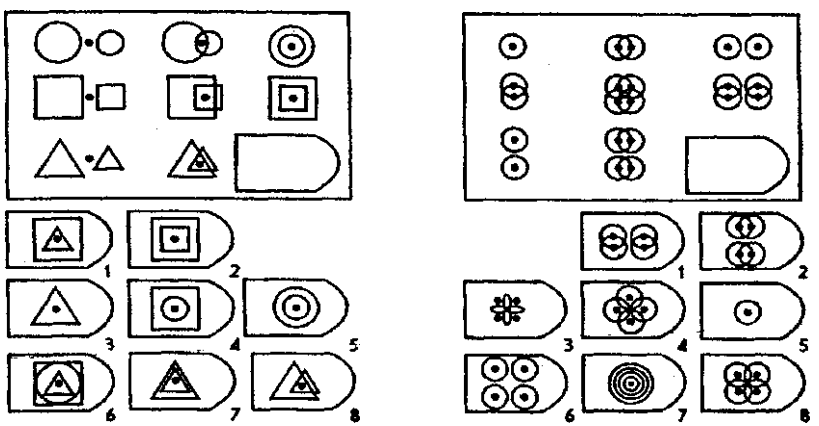


Рис. 3.1. Образцы матриц теста Дж. Равена

При разработке теста был реализован принцип «прогрессивности», заключающийся в том, что выполнение предшествующих заданий является своеобразной подготовкой обследуемого к выполнению последующих, благодаря чему происходит обучение выполнению более трудных заданий.

Результаты, полученные с помощью данной методики, зависят от способности обследуемого логически мыслить, особенностей его вос-

приятия, пространственного воображения, умственной работоспособности, умения концентрировать внимание, от сосредоточенности, сообразительности. Низкие результаты по методике позволяют выявлять лиц со сниженным интеллектом. С помощью ключа-шаблона подсчитывается число правильных ответов в каждой серии и по тесту в целом. Полученный результат (суммарный балл по методике) переводится в стандартные баллы коэффициента интеллектуального развития (IQ).

Результаты применения данного теста на прокурорских работниках, студентах и слушателях некоторых юридических вузов показали, что его можно успешно использовать в батарее с другими тестами при отборе кандидатов в правоохранительные органы, на должности руководящего состава, а также абитуриентов в юридические вузы.

Третья группа включает личностные, так называемые анкетные тесты в виде опросников, предназначенных для измерения и оценки индивидуально-психологических особенностей личности путем получения от испытуемого односложных ответов (типа верно — неверно или да — нет — не уверен) на строго определенные вопросы-утверждения. Например: «я редко беспокоюсь о своем здоровье», «я никогда не нарушал закона» («да, верно» либо «нет, не верно»). В подобных случаях испытуемый лишен возможности давать произвольные ответы. Поэтому подобного рода опросники (вопросы) называются закрытыми. Выбор краткого ответа на какой-либо вопрос зависит от степени выраженности того или иного свойства у испытуемого. Благодаря этому лицо, подвергающееся тестированию, сообщает о себе такие сведения, анализируя которые можно довольно точно определить свойства его характера, некоторые способности, ведущие мотивы поведения, направленность личности.

Среди данной группы методов исследования личности большое распространение получили: Миннесотский многопрофильный личностный опросник MMPI в виде двух адаптированных к нашей социокультурной среде вариантов: СМИЛ (стандартизированный метод исследования личности Л.Н. Собчик) и ММИЛ (методика многостороннего исследования личности Ф.Б. Березина), 16-факторный личностный опросник Р.Б. Кэттелла (16-ФЛО), опросник Г. Айзенка (EPI), патохарактерологический диагностический опросник (ПДО) для подростков А.Е. Личко и некоторые другие[1].

Названные методики отличаются своей надежностью, практичностью, высоким уровнем достоверности. Поэтому их используют не

[1] См.: *Березин Ф.Б., Мирошников М.П., Соколова Е.Д.* Методика многостороннего исследования личности (структура, основы интерпретации, некоторые области применения). М., 1994; *Бурлачук Л.Ф., Морозов С.М.* Словарь-справочник по психологической диагностике. Киев, 1989; *Кабанов М.М., Личко А.Е., Смирнов В.М.* Методы психологической диагностики и коррекции в клинике. Л., 1983; *Кулагин Б.В.* Основы профессиональной психодиагностики. М., 1984; *Мельников В.М., Ямпольский Л.Т.* Введение в экспериментальную психологию личности. М., 1985; Психологическая диагностика. Проблемы и исследования / Под ред. К.М. Гуревича. М., 1981; *Собчик Л.Н.* Стандартизированный многофакторный метод исследования личности: Методическое руководство. М., 1990.

только при проведении судебно-психологической экспертизы, но и при проведении профессионального психологического отбора в различных правоохранительных ведомствах, в ряде юридических вузов страны при приеме абитуриентов на учебу. Они хорошо зарекомендовали себя, дополняют друг друга и нередко берутся в качестве базовых в одной батарее в сочетании с другими тестами.

Указанные тесты удобны еще и тем, что могут применяться в ходе психологического обследования достаточно больших групп испытуемых, например при приеме абитуриентов на учебу, а результаты их тестирования быстро обрабатываться с помощью ЭВМ.

Ниже на примере использования двух из этих выше перечисленных тестов (16-ФЛО и СМИЛ) покажем, как это делается психологами и, самое главное, какую информацию из этого может получить юрист в своей профессиональной деятельности.

16-факторный личностный опросник Р.Б. Кеттелла (16-ФЛО) предназначен для диагностики широкого круга личностных характеристик обследуемых, их психологических особенностей. С его помощью можно оценить уровень интеллектуального развития, а также такие особенности личности, которые могут привести к социально дезадаптивному поведению, алкоголизации, способствовать возникновению различного рода психических отклонений.

Методика Р.Б. Кеттелла предназначена для обследования психически здоровых людей. Методика содержит 16 шкал — факторов, диагностирующих личностные особенности обследуемых. Размерность показателей каждой шкалы после обработки данных составляет от 1 до 10 баллов (стенов). Низкие значения по шкалам методики соответствуют 3—4 стенам и ниже, высокая выраженность диагностируемых факторами качеств эквивалентна значениям 7—8 стенов и выше. Каждый фактор теста биполярен и позволяет судить о степени выраженности того или иного свойства личности.

Факторы методики позволяют получать представления о следующих личностных особенностях.

Фактор А. Высокие значения по фактору (А+) свидетельствуют о легкости общения обследуемого с людьми, гибкости, эмоциональной лабильности, высокой социальной адаптивности, приспособляемости, добросердечности, чуткости, доверчивости, беспечности, естественности и непринужденности поведения, готовности к сотрудничеству, богатстве и яркости эмоциональных проявлений. Лица с высокими показателями по фактору А хорошо уживаются в коллективе, активны в установлении контактов, любят работать с людьми.

Низкие значения по фактору (А-) означают замкнутость, эмоциональную холодность, скрытность, неразговорчивость, подозрительность, сдержанность, осторожность, слабость эмоциональных проявлений, эгоистичность. Люди с такими качествами формальны в контактах с окружающими, сторонятся их, не интересуются общественной жизнью, не идут на компромиссы, стараются работать одни, предпочитают

«общаться» с книгами. В делах они точны, обязательны, но в поведении недостаточно гибки.

Фактор В. Высокие значения по фактору (В+) свидетельствуют о развитом интеллекте, способности обследуемого к логическому анализу, абстрактному мышлению, его умении быстро усваивать новый материал, широких интеллектуальных интересах.

Низкие значения фактора (В-) являются показателем того, что у испытуемого невысокий уровень интеллектуального развития, снижены умственные способности.

Фактор С. Высокие показатели фактора (С+) отражают эмоциональную устойчивость, зрелость, умение управлять своими эмоциями, настроением, постоянство интересов, уверенность в себе, реалистичность по отношению к жизни, настойчивость и упорство в достижении целей. Высокие оценки по фактору свойственны лицам, смело смотрящим в лицо фактам, постоянным в своих планах и привязанностях, не поддающимся случайным колебаниям настроения. На вещи такие люди смотрят серьезно и реалистично, хорошо сознают требования действительности, не скрывают от себя собственных недостатков, отличаются высоким уровнем социальной адаптации.

Низкие значения фактора (С-) диагностируют эмоциональную неустойчивость, невротизм, ипохондричность, повышенную тревожность. Лица с (С-) неспособны контролировать свои эмоции, в особенности проявлять их в социально приемлемой форме, они переменчивы, неустойчивы в интересах и склонностях, легко расстраиваются, стремятся уклониться от ответственности, капризны, не доводят дело до конца. Чаще чувствуют себя беспомощными, усталыми и неспособными справиться с жизненными трудностями.

Фактор Е. Высокие значения фактора (Е+) демонстрируют выраженную склонность к самостоятельности, доминированию, лидерству, властность, независимость, смелость, самоуверенность. Люди с высокими значениями по фактору Е действуют смело, энергично. Они игнорируют социальные условности, живут по собственным законам, активно отстаивают свою самостоятельность.

Низкие значения фактора (Е-) означают конформность, зависимость, неуверенность в себе, робость, скромность, послушность, осторожность. Лица с низкими факторными оценками не стремятся отстоять свою точку зрения, следуют за более сильными, не верят в себя и в свои способности, пассивны.

Фактор F. Высокий балл по фактору (F+) свидетельствует об активности, бодрости, беспечности, свободе поведения, жизнерадостности, общительности, энергичности субъекта. Лица, имеющие высокие показатели по данному фактору, обычно легко относятся к жизни, верят в удачу, не заботятся о будущем. Как правило, это оптимисты.

Низкие значения фактора (F-) демонстрируют у испытуемых озабоченность, скованность, сдержанность, беспокойство о будущем. Люди с низкими значениями по данному фактору часто озабочены последствиями своих ПОСТУПКОВ, постоянно ожидают всевозможных неудач

и несчастий. Поэтому они, как правило, тщательно планируют свои действия. Они апатичны и молчаливы, выглядят печальными, избегают общества, пессимистичны.

Фактор G. Высокие значения фактора (G+) выявляют у обследованных лиц: дисциплинированность, обязательность, стремление к соблюдению нравственных норм и правил поведения в обществе, ответственное отношение к делу, добросовестность. Такие люди точны и аккуратны в делах, любят порядок, педантичны. Высокая добросовестность у них обычно сочетается с хорошим самоконтролем.

Низкий балл по фактору (G-) отражает недобросовестность, небрежность, легкомысленность, безответственность. Лица с низкими показателями по данному фактору склонны к непостоянству, ленивы, эгоистичны, стараются не следовать общественным требованиям, негативно относятся к соблюдению моральных норм, способны на обман, могут вести себя нечестно.

Фактор H. Высокий балл по фактору (H+) свидетельствует о смелости, общительности, отзывчивости, дружелюбии, импульсивности, беззаботности. Лица с высокими оценками по данному фактору решительны, невосприимчивы к угрозе. Они свободно вступают в контакты, не испытывают трудностей в общении, не теряются в неожиданных ситуациях. Такие люди часто становятся лидерами, особенно в случаях, когда деятельность группы связана с риском. Они легко овладевают профессиями, где необходимо хорошо ориентироваться в эмоционально напряженной обстановке.

Если испытуемый продемонстрировал низкий балл по фактору (H-), это говорит о его робости, застенчивости, сдержанности, чувствительности к угрозе, боязливости. Такие люди не уверены в своих силах, возможностях, необоснованно терзаются чувством собственной неполноценности, сдержаны в проявлении своих эмоций, не любят работать в коллективе, обычно смущаются в присутствии лиц противоположного пола.

Фактор I. Высокие показатели фактора (I+) характеризуют испытуемого как человека мягкого, сентиментального, эмоционального, чувствительного к внешним воздействиям, нежного, обладающего утонченным вкусом, образным, художественным восприятием мира, богатым воображением, романтическим складом характера. Высокие оценки по фактору обычно имеют люди, склонные к художественной деятельности: артисты, музыканты, писатели и т.д.

Низкие значения фактора (I-), напротив, свидетельствуют о практичности, жесткости, независимости, несентиментальности субъекта, присущем ему рациональном восприятии действительности. Такие лица, как правило, подчиняют чувства рассудку, эмоционально устойчивы, к жизни подходят с расчетом, не доверяют первым ощущениям и интуиции.

Фактор L. Высокий балл показателя (L+) означает излишнюю подозрительность, недоверчивость, раздражительность, завистливость, тревожность. Лица с высокими оценками по фактору L относятся к людям с предубеждением, настороженно, никому не доверяют, неоткро-

венны. В коллективе держатся обособленно, завидуют успехам других, не терпят конкуренции, не поддаются влиянию других людей, не склонны разделять групповые нормы и цели.

Низкие значения фактора (L-) говорят о доверчивости, бескорыстии, покладистости, уступчивости испытуемого. Люди с низкими оценками по фактору откровенны с окружающими, легко уживаются в коллективе, веселы, независтливы, не стремятся к конкуренции, доминированию.

Фактор М. Испытуемые, получившие высокие оценки по фактору (М+), характеризуются мечтательностью, склонностью к фантазированию, непрактичностью, экстравагантностью, аутичностью, неуравновешенностью. Подобные оценки присущи лицам с богатым воображением, ориентированным на свои желания, не обращающим внимания на повседневные дела и обязанности, интересующимся отвлеченными, абстрактными проблемами. Высокие оценки по фактору обычно имеют представители творческих, художественных профессий.

Низкие оценки по фактору (М-) говорят о практичности, уравновешенности, зрелости субъектов. Такие оценки свойственны людям здравомыслящим, хорошо разбирающимся в житейских делах, трезво оценивающим происходящее, надежным в практических вопросах.

Фактор N. Высокие оценки по фактору (N+) диагностируют выраженность таких качеств субъекта, как проницательность, эмоциональная сдержанность, расчетливость в поведении, способность оценивать мотивы поведения других людей, хитрость. Лица с высокими оценками по фактору N обычно ведут себя холодно и рационально, не поддаются эмоциональным порывам. Прежде чем предпринять что-либо, точно и хладнокровно оценивают возможные варианты, хитро и умело строят свои отношения, склонны к интригам, скептичны.

Лица, получившие низкие баллы по фактору (N-), отличаются наивностью, открытостью, прямотой, иногда доходящей до бестактности, непосредственностью, естественностью поведения. Подобные люди не умеют хитрить и ловчить, не вникают в мотивы поведения окружающих, ведут себя просто, естественно, грубовато.

Фактор О. Высокие оценки по фактору (0+) свидетельствуют о переживаниях субъектом чувства вины, печали, о его озабоченности, беспокойстве, впечатлительности, напряженности, подверженности стрессу. Данный фактор оценивает скорее настроение и состояние человека, нежели глубинные свойства его личности. Так, высокий балл по фактору диагностирует доминирующий тревожно-депрессивный фон настроения. Такие люди всегда подавлены, тяготятся дурными предчувствиями, склонны к необоснованным самоупрекам, недооценивают собственные возможности, плохо справляются с жизненными неудачами, ипохондричны.

Лица с низкими оценками по фактору (0-) обычно уверены в себе, демонстрируют спокойствие, безмятежность настроения, жизнерадостность, бесстрашие, беззаботность, расслабленность. Низкие оценки ха-

рактерны для веселых, довольных жизнью людей, уверенных в собственном успехе и в своих силах.

Фактор Q_1. Высокие значения показателя (Q_1+) говорят о гибкости мышления испытуемого, радикализме его суждений и оценок. Лица с высокими оценками по данному фактору имеют разнообразные интеллектуальные интересы, хорошо информированы, ничего не принимают на веру, не склонны к морализированию, недогматичны, легко воспринимают новые идеи, отличаются критичностью мышления, никому не доверяют.

Низкие оценки по фактору (Q_1-) выявляют ригидность установок, консерватизм взглядов. Такие люди не любят перемен, являются противниками нововведений. Они догматичны, склонны к нравоучениям и наставлениям, следуют традициям и опыту авторитетов.

Фактор Q_2. Высокая оценка по фактору (Q_2+) свидетельствует о том, что испытуемый отличается самостоятельностью, самодостаточностью, независимостью от группы. Лица с подобными оценками по собственной инициативе не ищут контактов с окружающими, предпочитают все делать самостоятельно, не нуждаются в поддержке и одобрении других людей, готовы пожертвовать любыми удобствами, лишь бы сохранить свою независимость.

Низкий балл по фактору (Q_2-) характеризует зависимость от группы, несамостоятельность субъекта. Лица, получившие низкие оценки, ориентируются на групповое мнение, нуждаются в поддержке окружающих, в совете, одобрении.

Фактор Q_3. Высокие значения фактора (Q_3+) свидетельствуют о выраженном самоконтроле, волевых качествах субъекта. Подобные оценки говорят об его организованности, умении хорошо контролировать свои эмоции и поведение. Такие люди хорошо осознают социальные требования, стараются их аккуратно выполнять, заботятся о своей общественной репутации. Они действуют планомерно и упорядоченно, упорно преодолевают препятствия, стремятся довести начатое дело до конца.

Низкий балл (Q_3-), напротив, диагностирует отсутствие должного самоконтроля, спонтанность, импульсивность. Деятельность лиц, имеющих низкие оценки по данному фактору, неупорядоченна, хаотична. Они часто теряются, действуют бессистемно, не умеют организовать свое время, руководствуются своими импульсивными побуждениями, а не групповыми нормами, нередко игнорируя последние.

Фактор Q_4. Высокий показатель (Q_4+) означает, что у испытуемого выражены следующие особенности: сильное внутреннее напряжение, фрустрированность, возбужденность, раздражительность, эмоциональная неустойчивость. Человек с высокой оценкой по фактору Q_4 беспокоен, неусидчив, чувствует себя усталым, разбитым, но в то же время не может оставаться без дела даже во время отдыха.

Противоположное значение фактора (Q_4-) отражает низкое внутреннее напряжение, расслабленность, апатичность, спокойствие, медлительность, удовлетворенность, отсутствие сильных побуждений и

желаний у субъекта. Лица с низкими значениями по фактору чаще безразличны к удачам и неудачам, невозмутимы, не стремятся к достижениям и переменам, довольны существующим положением дел[1].

Во время тестирования с помощью 16-ФЛО Кеттелла испытуемому выдается регистрационный бланк и брошюра, содержащая 187 вопросов-утверждений. На каждый вопрос может быть только один из трех предложенных вариантов ответа, которые даны в брошюре (большинство из них: да — не уверен — нет).

«На выходе» программа позволяет получить графический профиль личности обследованного (в стенах) и текстовой материал с описанием характерных личностных особенностей, расшифровывающих график[2].

Стандартизированный метод исследования личности (СМИЛ). Методика представляет собой модифицированный Л.Н. Собчик вариант разработанного американскими психологами Дж. Маккинли и С. Хатуэем теста MMPI[3].

Тест предназначен для количественной и качественной оценки структурных компонентов личности, характерологических особенностей, нервно-психической, эмоциональной устойчивости, особенностей мышления, межличностного поведения, ведущих потребностей, мотивационной направленности, компенсаторных возможностей обследуемого, его психического состояния в момент тестирования. СМИЛ также позволяет прогнозировать уровень социальной, профессиональной адаптации личности, сформировать коррекционный подход к субъекту.

СМИЛ, как и 16-ФЛО Кеттелла, является многофакторным методом исследования личности. В отличие от других вариантов адаптации теста MMPI данная методика в большей степени ориентирована на изучение психически здоровых лиц. Существенным отличием СМИЛ от 16-ФЛО является наличие специальных показателей, выявляющих и количественно оценивающих установку обследуемого представить себя в «лучшем свете», либо просто уклониться от откровенных ответов.

СМИЛ состоит из трех оценочных шкал (L, F, K), позволяющих определить степень надежности и достоверности полученных результатов, и десяти базисных шкал, раскрывающих структуру личности обследуемого. Кроме того, методика допускает использование более 200 дополнительных шкал.

[1] Подробнее см.: *Мельников В.М., Ямпольский Л.Т.* Введение в экспериментальную психологию личности. М., 1985. С. 29—57.

[2] Подробнее практические результаты использования 16-ФЛО приводятся в гл. 11 учебника.

[3] *Собчик Л.Н.* Стандартизированный многофакторный метод исследования личности: Методическое руководство. М., 1990; *Собчик Л.Н., Лукьянова Н.Ф.* Изучение психологических особенностей летного состава стандартизированным методом исследования личности. М., 1978: см. также: *Березин Ф.Б., Мирошников М.П., Соколова Е.Д.* Методика многостороннего исследования личности (структура, основы интерпретации, некоторые области применения). М., 1994.

Результаты тестирования с помощью СМИЛ представляются также в виде графического профиля личности. Показатели шкал даются в стандартных Т-баллах. Горизонтальная линия на графике, проходящая на уровне 50 Т-баллов, отражает усредненные данные. Подобным же образом на графике проведены линии на уровне 30 Т — 70 Т-баллов, что соответствует условным нижней и верней границам нормы[1].

Шкала 1 (сверхконтроля) выявляет тенденцию к повышенному самоконтролю. С помощью данной шкалы измеряется близость испытуемого к астено-невротическому типу личности.

Значительное повышение профиля по данной шкале выявляет избыточный контроль над собственными высказываниями, поведением, повышенную осторожность. Крайняя степень выраженности такого самоконтроля иногда выливается в постоянную сосредоточенность на своем здоровье. Для лиц с высокими показателями по шкале 1 забота о нем нередко приобретает сверхценный характер, в результате чего снижается их активность, обедняются интересы. Такие люди становятся пассивными, безынициативными, отличаются негибким, консервативным мышлением[2].

Шкала 2 (депрессии) свидетельствует о том, насколько выражены у субъекта пессимизм, неудовлетворенность собой, пониженный фон настроения. Высокие значения шкалы наблюдаются у лиц чувствительных, застенчивых, стеснительных, подверженных тревожному состоянию, частым колебаниям настроения, сомневающихся, неуверенных в себе. Они отличаются добросовестным отношением к делу, старательны, обязательны, но с трудом принимают решения.

Шкала выявляет склонность субъекта к волнениям, его заниженную самооценку, скептицизм, фиксированность на своих неудачах, разочарованиях, пассивность позиции. Высокие показатели по шкале 2 могут быть связаны с ситуацией резкого разочарования после пережитой неудачи или в связи с заболеванием, нарушившим привычный ход жизни, личные планы. В случае подъема показателей шкалы (65—70 Т и выше) выявляются: склонность субъекта к острому переживанию неуспеха, обостренное чувство вины, неуверенности в себе, состояние депрессии.

Умеренное повышение показателей шкалы с наступлением зрелого возраста рассматривается как естественный «нажитой скептицизм» в противовес незрелому, беспечному отношению к проблемам лиц молодого возраста, у которых чаще встречаются низкие показатели шкалы 2 и высокие шкалы 9.

Шкала 3 (эмоциональной лабильности) выявляет склонность к быстрой смене переживаний, яркость эмоциональных проявлений при отсутствии их достаточной глубины, демонстративность поведения с тенденцией снискать признание и положительную оценку у окружающих. Лица данного типа обычно очень чувствительны к реакциям дру-

[1] Подробнее см. § 3 главы 11 учебника.

[2] Здесь и далее интерпретация шкал дается в соответствии с методическим руководством Л.Н. Собчик.

гих людей, легко вживаются в различные роли. Умеренное повышение показателей шкалы в линейном профиле указывает на живость эмоций, мягкость и теплоту в общении с окружающими, гибкое поведение в группе, хорошую житейскую приспособляемость.

Высокие значения шкалы (выше 75 Т) свойственны лицам истероидного типа, склонным проявлять повышенную нервозность, избыточно демонстративным, драматизирующим события.

Шкала 4 (импульсивности) в пределах нормативного разброса показателей характеризует испытуемого как активного субъекта, нацеленного на достижение поставленных целей, уверенного в себе, стремящегося к достижению успехов, с высоким уровнем притязаний, смелого, решительного, самостоятельного, независимого.

С повышением показателей шкалы (70 Т и выше) активность субъекта может сопровождаться сниженным самоконтролем, раскованностью, спонтанностью поведения, характеризоваться высоким уровнем побуждений к достижению целей с пренебрежением общепринятыми нормами поведения, отсутствием щепетильности в вопросах морали, эгоцентричностью позиции, стремлением к доминированию, эмоциональной незрелостью. В любом случае высокие показатели шкалы 4 являются признаком плохой социальной адаптации с выраженной напряженностью, неудовлетворенностью, доминированием в поведении агрессивных реакций.

Таким образом, значительное повышение показателей шкалы 4 (70 Т и выше) выявляет неконформность установок, эгоцентризм, сниженный самоконтроль, агрессивность, легко ранимое честолюбие, стремление к завоеванию авторитета любой ценой, неумение использовать накопленный опыт, что особенно важно видеть, оценивая поступки испытуемого.

Шкала 5 (мужественности — женственности). Показатели данной шкалы интерпретируются различным образом в зависимости от пола испытуемых. Высокие показатели шкалы у мужчин выявляют определенную утонченность натуры, эстетическую направленность, чувствительность, впечатлительность, некоторую сентиментальность. Мужчины с высокими значениями данной шкалы «хорошо ладят с людьми, способны точно чувствовать оттенки межличностных отношений, правильно учитывать их в своем поведении, умеют эффективно излагать свои мысли, потому легко склоняют людей к своей точке зрения»[1].

Низкие показатели шкалы 5 (50 Т и ниже) для мужчин свидетельствуют о простоте в общении, грубоватой манере поведения, высказываний, отсутствии чувствительности, определенной черствости характера.

У женщин высокие значения шкалы 5 выявляют такие черты, как мужественность, решительность, стремление к самостоятельности, отсутствие потребностей в глубокой дружеской привязанности, постоянстве. Они наделены трезвым складом ума, самоуверенны, могут проявлять в общении агрессивность, невыдержанность. Напротив, женщины,

[1] *Мельников В.М., Ямпольский Л.Т.* Указ. соч. С. 91.

имеющие низкие показатели шкалы 5, отличатся мягким характером, свойствами, традиционно приписываемыми лицам женского пола.

Шкала 6 (ригидности) при высоких значениях отражает склонность субъекта к негибкой системе разрешения различных проблем с догматическим упорством. Таких лиц отличает большой эгоцентризм, самодовольство, чрезмерное самомнение. В интеллектуальной деятельности ригидность проявляется в недостаточной подвижности, замедленном темпе мыслительных процессов, сопровождаемых излишней детализацией, педантизмом суждений. Высокие значения шкалы 6 (более 70 Т) у обследуемых свидетельствуют о наличии у них повышенной подозрительности, необоснованной ревности, соперничестве, догматической приверженности какой-либо идее, которая руководит ими вопреки здравому смыслу, справедливому мнению окружающих. Поведение таких лиц характеризуется неистовым упорством, конфликтностью, готовностью к аффективным реакциям в ответ на любое возражение, реальное или даже мнимое негативное действие по отношению к ним. «Кто не согласен с ними, кто думает иначе, по-своему, тот или глупый человек, или враг»[1].

Поскольку такие лица активно насаждают свои взгляды, несмотря на справедливое критическое отношение к ним окружающих, у них нередко складываются конфликтные отношения на работе, в семье. По своему характеру они агрессивны, злопамятны, безжалостны, мстительны, и в силу этого при высоких значениях шкалы 6 относятся к так называемому паранойяльному типу личности, одержимому «сверхценными» идеями.

В норме при умеренном повышении шкалы 6 у таких лиц наблюдается стремление преодолеть трудности с помощью продуманного плана, с использованием накопленного опыта, с разумным упорством и целенаправленностью. Они практичны, аккуратны в работе, упорны в достижении поставленной цели, устойчивы к стрессу, стремятся к лидерству и при развитом интеллекте могут проявить себя в качестве незаурядных руководителей.

Шкала 7 (тревожности) диагностирует лиц с чертами тревожно-мнительного характера. При высоких показателях шкалы 7 тревожность является устойчивой чертой характера. Лица данного типа отличаются неуверенностью в себе, определенной нерешительностью. Обычно ведущей у них является тенденция к тщательной перепроверке своих поступков и проделанной работы. Они весьма обязательны и ответственны за порученное дело, ориентированы на мнение группы. У них развиты чувство долга, приверженность к общепринятым нормам. В поступках таких людей часто наблюдаются альтруистические побуждения, избыточно самокритичное отношение к себе. Поэтому они гораздо труднее для самих себя, чем для других.

В норме повышение шкалы 7 свидетельствует о некоторой неуверенности, склонности к волнениям при стрессе (даже по не заслужива-

[1] *Мельников В.М., Ямпольский Л.Т.* Указ. соч. С. 92.

ющим внимания причинам), о совестливом, чутком отношении к окружающим, повышенном чувстве вины.

Низкие показатели шкалы указывают на отсутствие осторожности в поступках, неосмотрительность, отсутствие щепетильности в вопросах чести и совести, эгоцентризм, грубость, жестокость.

Шкала 8 (индивидуалистичности) выявляет выраженность индивидуального, субъективного начала в поведении, оригинальность, парадоксальность мышления, причудливость эмоционального реагирования.

В нормативном профиле личности шкала 8 в качестве ведущей при хорошем интеллекте свидетельствует о творческой направленности, независимых взглядах, суждениях человека.

Высокие показатели шкалы 8 (около 75 Т) свойственны людям, высказывающим своеобразные суждения. Такие лица склонны к фантазированию, в большей мере ориентированы на собственное видение явлений.

Дальнейшее возрастание показателей шкалы 8 (выше 75 Т) связано с расплывчатостью, непродуктивностью мышления, сопровождаемого выхолощенным резонерством, которым нередко маскируется интеллектуальная несостоятельность. Все это может свидетельствовать о шизоидных чертах характера и даже о возможном психическом расстройстве.

Низкие показатели шкалы 8 (ниже 50 Т) встречаются у лиц, лишенных фантазии, интуиции, мыслящих шаблонно, руководствующихся здравым смыслом.

Шкала 9 (оптимистичности, активности). Высокие показатели шкалы отражают оптимизм, жизнелюбие, активность, инициативность, энтузиазм, стремление субъекта быть в центре внимания, разговорчивость, легковесное отношение к различным проблемам, хвастливость, завышенную самооценку. При показателях выше 70 Т шкала 9 свидетельствует о беззастенчивости, ненадежности моральных установок личности, быстро вспыхивающем недружелюбии к окружающим при малейшем ограничении ее потребностей. Повышение профиля по шкале 9 усугубляет другие характеристики, свойственные высоким показателям шкал 3, 4, 6, 8.

Низкие показатели шкалы 9 (45 Т и ниже), особенно при высоких значениях шкал 2 и 7, связаны с пассивностью обследуемого, отсутствием у него уверенности в себе.

0 (нулевая) шкала (интроверсии — экстраверсии) определяет степень вовлеченности субъекта в социальную среду. Высокие показатели данной шкалы выявляют интроверсию, большую обращенность испытуемого в мир собственных переживаний, замкнутость, неразговорчивость, нежелание вступать в межличностные контакты с людьми. Большие значения данной шкалы могут также являться признаком внутренней дисгармоничности, стремления скрыть от окружающих своеобразие своего характера, неловкость, застенчивость. Если такие лица и создают впечатление общительных, то это дается им ценой значительного напряжения.

Напротив, низкие показатели шкалы (40—45 Т) демонстрируют не только общительность, но и отсутствие застенчивости, а при значениях

ниже 40 Т отражают избыточное дружелюбие, неразборчивость в межличностных контактах.

Комплект теста СМИЛ, как и 16-ФЛО, состоит из брошюры-опросника, содержащей 566 утверждений, и регистрационного бланка, разграфленного на клетки в соответствии с числом этих утверждений. Каждое утверждение предполагает дихотомическую систему ответов: да, верно — нет, не верно (согласен — не согласен). Методика может также использоваться в компьютерном варианте. Она употребляется при индивидуальном и групповом обследовании.

Данная программа позволяет получить графический профиль личности испытуемого, текстовой интерпретатор профиля, включающий описание ведущих личностных особенностей, оценку достоверности результатов тестирования, а также числовые значения дополнительных шкал в Т-баллах.

Общее правило оценки данных, получаемых с помощью СМИЛ, сводится прежде всего к тому, чтобы профиль личности интерпретировался как единое целое в совокупности показателей всех шкал. Полученные данные по каждой шкале справедливы лишь в том случае, если остальные шкалы профиля, в том числе и шкалы достоверности (L, F, K), подтверждают качество, выявляемое той или иной шкалой.

В норме показатели по всем шкалам профиля близки к средней линии на уровне 50—60 Т. Любое отклонение от средней линии выявляет степень выраженности тех или иных характерологических особенностей. Нормальным повышением считается результат в пределах 6 Т. Высоким является показатель от 70 до 80 Т. Очень высоким, заслуживающим пристального внимания, является показатель шкалы 80 Т и выше.

Любое значительное повышение профиля (выше 80 Т-баллов) требует пристального внимания к личности обследуемого с возможным проведением консультации невропатолога и других специалистов (психиатра, медицинского психолога)[1].

Четвертая группа — проективные (прожективные) тесты, в основе построения которых лежит механизм проекции. В психологии проекция (буквальный перевод с латинского projectio — бросание от себя) — это психический процесс бессознательного перенесения, приписывания субъектом другим людям своих собственных качеств, состояний, взглядов, идей, доминирующих потребностей, мотивов, «значащих переживаний», «личностных смыслов». Проекция может также выражаться в неправильных, ошибочных умозаключениях, принимаемых решениях, обусловленных каким-то прежним, ранее усвоенным, иногда негативным опытом. Эти психические явления в виде стимулов, побуждений бывают настолько скрыты, что часто не отражаются в сознании человека, хотя их влияние на его поведение чрезвычайно велико. Поэтому, чтобы глубоко разобраться, почему человек поступил так, а не иначе, нужно выявить эти проекции, а за ними и его скрытые побуждения, импульсы, чувства, состояния.

Более подробно о применении СМИЛ см. в главе 11 учебника.

Этой цели служат различные проективные вербальные и невербальные (рисуночные, цветовые) методы (тесты).

Как пишет Е.Т. Соколова, «проективные методики позволяют опосредованно, моделируя некоторые жизненные ситуации и отношения, исследовать эти личностные образования, выступающие прямо или в форме различных личностных установок». Эти методики выявляют не просто какую-то одну психическую функцию, а «своего рода модус личности в ее взаимоотношениях с социальным окружением»[1]. Они характеризуются глобальным подходом к оценке личности. Внимание психолога фокусируется на общей картине личности как таковой, а не на измерении ее отдельных свойств, как это, например, имеет место при применении анкетных тестов.

В практике проведения судебно-психологических экспертиз по уголовным делам среди данной группы тестов наибольшее распространение получили: тематический апперцептивный тест (ТАТ), методика изучения фрустрационных реакций человека С. Розенцвейга, методика чернильных пятен Г. Роршаха, цветовой тест Люшера и некоторые другие методики. Рассмотрим некоторые из них.

Тематический апперцептивный тест (ТАТ). Данный тест является одним из распространенных невербальных проективных методов исследования личности.

В психологии апперцепция — это свойство, закономерность восприятия, проявляющееся в зависимости от прошлого опыта человека, его психической жизни, индивидуально-психологических особенностей личности.

Впервые ТАТ был описан в 1935 г. американским психологом-клиницистом Г. Мерреем и применен для изучения фантазий. В настоящее время в юридической практике тест применяется чаще всего, когда перед экспертом-психологом ставится вопрос о том, какими индивидуально-психологическими особенностями характеризуется личность обвиняемого (подсудимого и т.д.), о его мотивационной сфере, ведущих потребностях, побуждениях, толкнувших его на противоправный путь. С помощью ТАТ выявляются причины расстройств процессов смыслообразования, появления внутренних конфликтов, психосоматических заболеваний, неврозов, психотических расстройств.

Материалы ТАТ включают в себя 30 стандартных таблиц с изображением на них достаточно неопределенных картин с человеческими фигурами. Причем чувства и действия этих персонажей выражены с различной степенью ясности, что допускает большую свободу и разнообразие их интерпретаций. На некоторых таблицах имеются сюжеты, специально рассчитанные на то, чтобы вызывать у испытуемого фантазии депрессивного, суицидального либо, напротив, агрессивного характера, выявлять сексуальные, семейные конфликты и т.д.

Тестирование с помощью ТАТ проводится в два приема с небольшим интервалом, но в один день. Сначала обследуемому лицу предъяв-

[1] *Соколова Е.Т.* Проективные методы исследования личности. М., 1980. С. 9, 12.

ляются первые десять таблиц (все они пронумерованы). На втором сеансе ему предъявляется еще десять таблиц, специально подобранных в зависимости от пола и возраста. Такой дифференцированный подход способствует наибольшей идентификации испытуемым себя в изображенных на картинках персонажах, поскольку все они близки ему по половозрастным признакам[1].

При предъявлении таблиц испытуемому предлагается по каждой изображенной на них картинке придумать рассказ, в котором нашло бы отражение то, что думают и чувствуют ее персонажи, чего они хотят, к чему стремятся, что привело их к тому, что изображено, и чем все это для них окончится. При этом психолог побуждает испытуемого дать волю своей фантазии. Процедура тестирования, ответы испытуемого, паузы, интонации, мимические и другие реакции испытуемого фиксируются.

Наибольшую сложность ТАТ представляет для интерпретации рассказов испытуемого. Поэтому психолог, проводящий тестирование, должен иметь о нем необходимые сведения (семейное, социальное положение, возраст, образование, профессия). Существуют различные принципы интерпретации, концептуальные подходы к анализу результатов тестирования с помощью ТАТ, которыми должен руководствоваться психолог (в учебнике по юридической психологии нет необходимости их рассматривать). Однако в любом случае юристу необходимо знать, что психолог, применяющий ТАТ, помимо знания психологии в объеме полученного им высшего образования, должен еще иметь и соответствующую подготовку, опыт работы с данным методом. Кроме того, следует также иметь в виду, что данный тест целесообразно применять в совокупности с другими методами, например из группы анкетных личностных методик (16-ФЛО, MMPI и др.).

В качестве иллюстрации того, какую помощь может оказать ТАТ эксперту-психологу, проводящему судебно-психологическую экспертизу по уголовному делу, в конечном итоге — правоохранительным органам в установлении истины, можно привести один пример из следственной практики. Некто С. с целью избавиться от своей семьи и от соответствующих алиментных обязательств совершил убийство жены, двоих детей и родителей жены. Будучи изобличенным в этом убийстве, С. заявил, что содеянному им преступлению предшествовала ночная ссора с женой, во время которой та, якобы, обвиняла его в супружеской неверности, оскорбляла словами, унижающими его мужское достоинство. Под воздействием этих тяжких для него оскорблений, как пояснил С, он почувствовал признаки аффективного возбуждения, схватил топор и нанес им смертельные удары жене, затем ее спящим родителям и своим детям.

Вот как объяснил происшедшее виновный:

> ...в постели между мной и женой по поводу наших интимных отношений возникла ссора, перешедшая во взаимные оскорбления. Под воздейст-

[1] См.: *Кабанов М.М.* и др. Методы психологической диагностики и коррекции в клинике. Л., 1983. С. 117.

вием ее оскорблений в свой адрес я вскочил с кровати в каком-то непонятном состоянии. В этот момент у меня выключилось из памяти, что я сделал, как схватил топор... Помню только, что стою с топором, а что-то красное расползается вокруг головы Светланы. Я понял, что произошло что-то ужасное... Я был как в тумане. Не отдавая отчета, но руководствуясь возникшим страхом, я оказался в комнате тестя. Он не то сидел, не то вставал с постели. Я сходу нанес ему удар топором куда-то в область шеи. Сколько я нанес ему ударов, не помню. Работал как автомат. В таком же диком состоянии я вошел в комнату, где лежала теща... и т.д.[1]

Для того чтобы разоблачить надуманные преступником объяснения, досконально исследовать мотивационную сферу, характерологические особенности его личности, установить подлинные мотивы убийства и доказать его вину в полном объеме, по делу была проведена комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза. В ходе обследования обвиняемого экспертом-психологом использовались разнообразные психодиагностические тестовые методики, в том числе и тематический апперцептивный тест. В этой связи уместно привести выдержки из заключения комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы из материалов уголовного дела С.[2].

«По проективной личностной методике ТАТ у испытуемого выступают ориентированность на признание и успех, властолюбие, практицизм, высокий уровень притязаний. Благоприятное развитие и исход получают темы, связанные с работой, личными достижениями. В темах, связанных с межличностными отношениями семейного характера и особенно отношениями с противоположным полом, исход неопределенный или неблагоприятный, ...отчетливо выступают конфликты и трудности, эгоцентрическая позиция испытуемого...»

Испытуемому были предъявлены таблицы (дается перечень предъявленных таблиц и объяснения к ним С). Например:

«Таблица 13М (рис. 3.2). По мнению испытуемого, на ней изображен момент нервного расстройства, ревности, нервного возбуждения. Мужчина совершил преступление, насколько я понял, он задушил свою жену или любовницу. Ну, теперь он осознал, что натворил, и переживает. Это видно по его отчаянной позе, состоянию... у испытуемого звучат темы вины, раскаяния. Однако депрессивный фон при этом у него не является по-настоящему глубоким, т.е. эти темы вызываются легко и носят несколько внешний и даже показной характер».

В качестве вывода по результатам применения ТАТ эксперты констатировали: «Таким образом, личность испытуемого выступает как внутренне дисгармоничная, с высокой тенденцией к самоутверждению, успеху, властолюбивая, агрессивная, с высоким, но недостаточным внешним социальным контролем, с зоной конфликтов в области межличностных отношений, особенно с лицами противоположного пола. Его отношения с людьми холодно

[1] Здесь и далее материалы уголовного дела цитируются без внесения каких-либо стилистических исправлений.

[2] Авторами психологической части экспертизы являются: руководитель отдела медицинской психологии Научно-исследовательского психоневрологического института им. В.М. Бехтерева проф. И.М. Тонконогий, научный сотрудник И.Н. Гильяшева.

рационалистичны и лишены внутренней свободы и непосредственности, стиль их определяется жесткой авторитарностью и властностью».

Отмеченные в акте экспертизы особенности характера С. (замкнутость, эмоциональная холодность, подозрительность, жесткая авторитарность при внутренней эмоциональной нестабильности, неудовлетворенности с тенденцией в сложных конфликтных ситуациях обвинять других, эгоцентризм и эгоизм) во многом помогли суду понять психологические причины совершенного им преступления, разобраться в его мотивационной сфере, исключить всякие сомнения относительно состояния аффекта у подсудимого при совершении убийства, что было особенно важно по данному делу.

Методика чернильных пятен Роршаха. Тест создан швейцарским психиатром Г. Роршахом в 1921 г. для диагностического исследования личности в целом. Он первым заметил связь между фантазиями и типом личности.

Материал данного проективного невербального теста состоит из десяти стандартных таблиц, выполненных в виде двусторонних симметрично расположенных пятен в серо-черных, черно-красных и пастель-

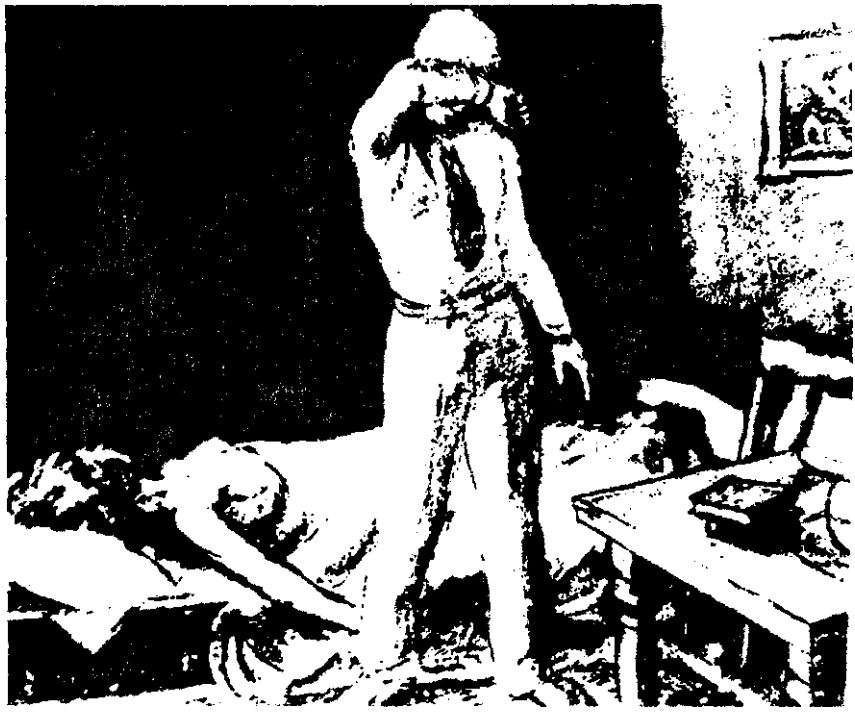


Рис. 3.2. Таблица 13М Тематического апперцептного теста

ных тонах в результате складывания листа, на который попал краситель, пополам. Предъявляя испытуемому таблицы с пятнами, психолог просит рассказать его, что он видит, на что может быть похоже пятно. Рассматривая пятно, испытуемый должен проинтерпретировать его изображение как имеющее какое-то определенное содержание. На рис. 3.3 показана одна из таблиц теста Роршаха.

Экспериментируя, Г. Роршах выделил два основных типа испытуемых. Оказалось, что одни из них более склонны воспринимать пятна в виде образов людей, животных, предметов, находящихся как бы в движении (так называемый «двигательный» тип восприятия); другие же испытуемые отмечают цветовой аспект («цветовой» тип восприятия).

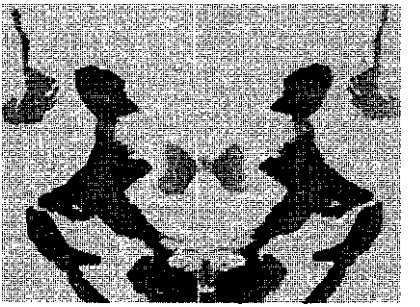


Рис. 3.3. Таблица III теста Г. Роршаха «Два человека»

Тип восприятия или переживаний воспринимаемых образов, по Г. Роршаху, помогает раскрыть особенности эмоциональной, познавательной, интеллектуальной сферы, стиль межличностных отношений человека. Одни характеризуются тем, что для них ведущими побуждениями являются их внутренние стимулы, а не влияние окружающей среды. Напротив, у лиц, относимых к противоположному типу, в качестве ведущих стимулов их активности выступает внешняя среда.

Интерпретация результатов ответов испытуемого в ходе тестирования с помощью теста Г. Роршаха является наиболее сложной процедурой, требующей специальной подготовки психолога, опыта применения данного теста, знаний психологического смысла основных детерминант теста.

Цветовой тест Люшера. Тест, разработанный швейцарским психологом М. Люшером, относится также к классу проективных невербальных методик, предназначенных в первую очередь для изучения неосознаваемых субъектом тенденций, личностных особенностей, мотивации, которые проявляются в работе испытуемого с предлагаемым ему слабо структурированным стимульным материалом[1]. Данная методика, как и выше описанные проективные тесты, исключает мотивационные искажения, влияние культурно-образовательных факторов на поведение обследуемого во время тестирования.

При создании теста в его основу была положена теория восприятия цвета М. Люшера, согласно которой существует тесная ассоциативная взаимосвязь между цветовыми предпочтениями человека и его актуаль-

[1] *Собчик Л.Н.* Метод цветовых выборов. Модифицированный цветовой тест Люшера: Методическое руководство. М., 1990.

ным психическим состоянием, мотивационно-потребностной сферой, некоторыми характерологическими, личностными особенностями.

Данный тест также широко применяется в ходе проведения судебно-психологической экспертизы, при профессиональном психологическом отборе в правоохранительных органах, для оценки актуального психического состояния обследуемого в момент тестирования, его индивидуально-психологических особенностей. Сопоставление получаемых результатов с помощью цветового теста Люшера с данными по тестам СМИЛ и 16-ФЛО позволяет более глубоко и комплексно изучить личностные особенности испытуемого, определить степень совпадения осознаваемых и неосознаваемых им тенденций, оценить уровень его волевого самоконтроля во время обследования.

Поскольку в процессе обследования с помощью цветового теста встречается большое разнообразие сочетаний цветовых пар, группировок цветов, размещенных на различных позициях, для интерпретации полученных результатов используются специальные таблицы.

Среди вербальных проективных психологических тестов, чаще других встречающихся в актах судебно-психологической экспертизы по уголовным делам, прежде всего можно назвать следующие.

Методика изучения фрустрационных реакций С. Розенцвейга. Впервые она появилась в 1944 г. под названием теста рисуночной ассоциации. Тест предназначался для измерения фрустрационной толерантности, т.е. способности человека переносить состояние психической напряженности, вызванное непреодолимыми трудностями на пути к достижению поставленной цели[1].

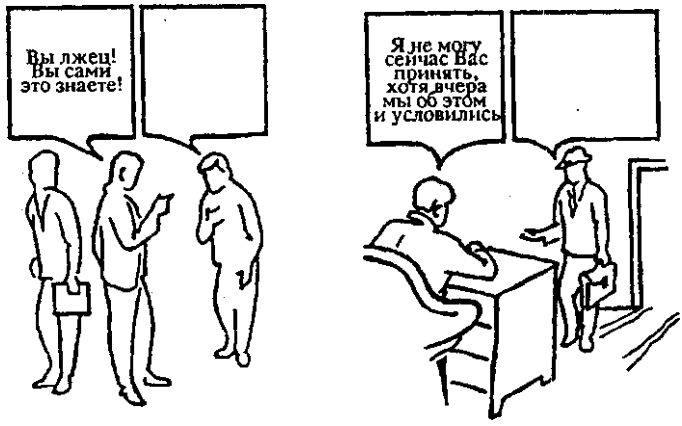
Тест позволяет выявлять фрустрационную толерантность субъекта, стереотипы эмоционального реагирования, модальность его эмоций раздражения, гнева в условиях межличностных конфликтных отношений, трудностей, возникающих в разнообразных жизненных ситуациях, и благодаря этому дает возможность прогнозировать поведение человека[2].

Стимульным материалом теста являются 24 стандартные карточки со схематическими контурными рисунками двух-трех людей, один из которых обращается к другому (рис. 3.4). Испытуемому предлагается ответить на обращение одного из участников диалога первыми пришедшими ему в голову словами.

Каждый ответ испытуемого оценивается по двум критериям: по направленности реакции отвечающего и типу его реагирования. Благодаря этому ответы испытуемого выявляют устойчивые характеристики его фрустрационных реакций, направленных либо на окружающую его среду в виде различных требований к ней, либо на самого себя в каче-

[1] Подробно понятие фрустрации рассматривается в главе 5 учебника.

[2] Здесь и далее материал излагается по методическому пособию: *Тарабрина Н.В.* Экспериментально-психологическая методика изучения фрустрационных реакций. Л., 1984; см. также: *Тарабрина Н.В.* Методика изучения фрустрационных реакций // Иностранная психология. 1994. Т. 2, № 2(4). С. 68.



а *б*

Рис. 3.4. Примеры межличностных конфликтных ситуаций, вызывающих фрустрацию (из теста С. Розенцвейга): *а* — ситуация «обвинения», *б* — ситуация «препятствия».

стве виновника происходящего, либо нейтральных по своему содержанию и форме выражения.

С этой точки зрения реакции по направленности делятся на: экстрапунитивные (внешнеобвиняющие), инропунитивные (самообвиняющие) и импунитивные (малозначащие, нейтральные).

По типу реакции подразделяются на: реакции с «фиксацией на препятствии», с «фиксацией на самозащите» и с «фиксацией на удовлетворении потребности».

Из сочетания этих шести категорий получают девять возможных факторов и два дополнительных варианта. Типы реакций обозначаются различными символами. В соответствии с ними каждый ответ испытуемого записывается на специальном бланке в ту или иную графу.

В ситуациях «препятствия» (см. рис. 3.4) реакция субъекта обычно направлена на «фрустрирующую личность». В ситуациях «обвинения» реакция испытуемого чаще является выражением протеста, отвержения обвинения или упрека и выступает в качестве настойчивого самооправдания.

После того как все ответы подсчитаны и проанализированы, определяется показатель, названный «степенью социальной адаптации», который затем переводится в проценты[1]. Количественная величина социальной адаптивности рассматривается в качестве меры индивидуальной адаптации субъекта к своему социальному окружению. Каждому человеку присущ определенный «профиль фрустрационных реакций», оценивая который можно прогнозировать наиболее вероятное поведение испытуемого в стрессогенных условиях.

[1] Система подсчета и оценки фрустрационных реакций проводится по специальной таблице «стандартных ответов».

По данным Н.В. Тарабриной, лица, отличающиеся высокой степенью социальной адаптации, например летчики, имеют среднее значение данного показателя на уровне 60—65% (для сравнения, невротики — 48% и ниже). У лиц со сниженным уровнем социальной адаптации в конфликтных ситуациях доминируют реакции экстрапунитивной (внешнеобвиняющей) направленности с «фиксацией на препятствии», что свидетельствует об отсутствии у них способности адекватно оценивать окружающую обстановку, их повышенной требовательности к окружающим по сравнению со сниженной требовательностью к себе, о неумении в целом разрешать конфликты.

Результаты применения данной методики могут быть особенно полезны при проведении судебно-психологической экспертизы в ходе расследования преступлений против жизни и здоровья, чести и достоинства граждан, поскольку помогают лучше понять причины неадекватно агрессивного поведения человека, мотивы его необъяснимого с точки зрения здравого смысла жестокого поведения.

Методика незаконченных предложений. Данная методика также широко применяется в экспертной практике по уголовным делам, поскольку позволяет исследовать мотивационную сферу личности, отдельные свойства, установки, ценностные ориентации испытуемого, уровень его притязаний и другие особенности в зависимости от того, какие слова или незавершенные предложения включены в методику.

Незавершенные предложения формулируются таким образом, чтобы спровоцировать испытуемого на ответы, относящиеся к исследуемым свойствам личности. Методика считается достаточно информативной, поскольку допускает большое разнообразие ответов. В экспертной практике встречаются различные варианты данной методики. Так, широко применяется методика из 60 незавершенных предложений, которые распределяются на 15 групп, каждая из которых включает четыре незаконченных предложения, предназначенных для выяснения отношений испытуемого к родителям, лицам противоположного пола, к окружающим людям и т.д. Например: «Думаю, что мой отец редко...», «Если все против меня...», «Если бы я занимал руководящий пост...», «Знаю, что глупо, но боюсь...», «Когда мне начинает не везти, я...» и т.д. Результаты тестирования, полученные с помощью данной методики, доступны не только качественному, но и количественному анализу.

Безусловно, приведенные выше тестовые методики не исчерпывают все их многообразие. Однако они дают представление о характере работы судебного психолога, привлекаемого к исследованию тех или иных вопросов психологического характера, без которых невозможно квалифицированно принять решение по делу.

Таким образом, мы кратко рассмотрели основные, наиболее распространенные психодиагностические тестовые методики, которые встречаются в экспертной практике, показали возможности отдельных методик, о которых необходимо иметь представление юристу, когда приходится оценивать результаты работы специалистов в области судебной психологии, привлекаемых в уголовный или гражданский процессы для

решения тех или иных вопросов психологического характера, о чем пойдет речь в последующих главах учебника.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Назовите методы изучения личности, используемые в правоохранительной деятельности.
2. Раскройте содержание понятия «психодиагностика», что она дает юристу?
3. Что такое тест, каким требованиям он должен отвечать?
4. Какие Вам известны наиболее распространенные тестовые методики, применяемые при проведении судебно-психологической экспертизы?

Глава 4
ПСИХИЧЕСКИЕ (ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЕ) ПРОЦЕССЫ, УЧЕТ ИХ ЗАКОНОМЕРНОСТЕЙ ЮРИСТОМ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Перцептивные процессы: ощущения и восприятие, их роль и значение в профессиональной деятельности юриста. Память, мышление, воображение. Этапы мнемической, мыслительной деятельности, способы активизации памяти и мышления участников уголовного и гражданского процессов. Роль внимания в работе юриста.

§ 1. Ощущения и восприятие. Их роль и значение в профессиональной деятельности юриста

Как уже отмечалось, одной из содержательных сторон личности является подструктура психических форм отражения, которая включает психические, познавательные процессы, имеющие ярко выраженный индивидуальный характер и в силу этого во многом определяющие личностные особенности человека. К ним прежде всего относятся перцептивные процессы: ощущения, восприятие, с помощью которых человек принимает сигналы окружающего мира, отражает свойства, различает признаки вещей, ощущает состояние собственного организма[1]. Рассмотрим их более подробно.

Ощущения. Простейшей формой психического отражения являются ощущения. *Ощущение — это элементарный психический познавательный процесс непосредственного отражения отдельных свойств предметов и явлений материального мира, а также состояния собственного организма человеком.*

В ощущениях проявляются познавательные, эмоциональные и регуляторные функции психики. Ощущения всегда эмоционально окрашены, поскольку связаны с жизнедеятельностью организма, сигнализируя человеку о характере и силе воздействий. Ощущения не только связывают нас с внешним миром, являются основным источником познания, но и выступают основным условием нашего психического развития. Например, в искусственно создаваемых условиях сенсорной изоляции, лишающей субъекта ощущений, его психическая жизнь, сознание существенно нарушаются, вследствие чего могут появляться галлюцинации, навязчивые идеи и другие расстройства психики.

В настоящее время насчитывается большое количество разнообразных ощущений, которые классифицируются следующим образом:

ощущения, отражающие свойства предметов, явлений внешней среды (экстероцептивные) в результате воздействия раздражителя не-

[1] *Лурия А.Р.* Ощущения и восприятие: Материалы к курсу лекций по общей психологии. М., 1975. С. 5.

посредственно на анализатор (контактные) или на расстоянии от него (дистантные);

ощущения, фиксирующие состояние внутренних органов (интероцептивные);

ощущения, отражающие положение нашего тела (проприоцептивные) и характер его движения (кинестетические).

К контактным экстероцептивным ощущениям относятся, например, вкусовые, осязательные ощущения. Зрительные, слуховые, обонятельные являются разновидностью дистантных экстероцептивных ощущений.

Обычно в «чистом» виде отдельные ощущения появляются редко, поскольку раздражители действуют сразу на несколько анализаторов, вызывая целую гамму разнообразных ощущений. Примером таких сложных ощущений могут быть вибрационные, температурные, болевые ощущения.

По силе и длительности воздействия выделяют слабые, средние и сильные ощущения, измеряя которые можно судить в целом о чувствительности тех или иных анализаторов к определенным раздражителям, что имеет самое непосредственное отношение к оценке показаний свидетелей о том, что и как они слышали, видели и т.д.

Чтобы правильно оценивать показания свидетелей, других участников уголовного, гражданского процесса, необходимо знать об основных закономерностях, свойствах ощущений, которые влияют на формирование показаний. К этим свойствам ощущений необходимо отнести следующие.

Чувствительность анализатора[1].Это способность психики к отражению свойств предметов, явлений с большей или меньшей точностью. Чувствительность анализатора (зрительного, слухового и т.д.) определяется минимальной силой стимула, который различает человек, а также минимальной разницей между двумя стимулами, способными вызвать изменения в ощущении.

Минимальная сила раздражителя, способная вызвать ощущение, называется *нижним абсолютным порогом чувствительности,* который характеризует уровень абсолютной чувствительности анализатора к раздражителю. Между абсолютной чувствительностью и величиной порога существует обратно пропорциональная зависимость: чем ниже порог ощущения, тем выше чувствительность.

Наряду с нижним существует *верхний абсолютный порог чувствительности,* определяемый максимальной силой раздражителя, когда ощущение возникает адекватно действующему раздражителю. Дальнейшее увеличение силы раздражителя вызывает ощущение боли.

[1] Анализатор — это сенсорная система, с помощью которой осуществляется анализ и синтез раздражителей. Анализатор состоит: из рецептора, преобразующего энергию раздражителя в нервный процесс; проводящих путей в виде центростремительных и центробежных нервов; корковых отделов головного мозга, в которых происходит переработка нервных импульсов. Подробнее см.: *Петровский А.В.* Введение в психологию. М., 1995. С. 121.

Нижний и верхний пороги определяют *зону чувствительности анализатора* к соответствующему раздражителю.

Кроме того, существует *порог чувствительности к различению (разностный порог),* определяемый минимальной величиной различения силы (большей или меньшей) двух раздражителей. С возрастанием силы раздражителя величина порога различения (разностный порог) возрастает.

У людей эти пороги чувствительности (нижний, верхний, разностный) индивидуальны. В зависимости от возраста и других обстоятельств они меняются. Острота чувствительности нарастает с возрастом, достигая максимума к 20—30 годам. На временные отклонения чувствительности от обычной нормы влияют такие факторы, как время суток, посторонние раздражители, психическое состояние, утомление, болезнь, беременность у женщины и т.д. Оценивая качество ощущений свидетеля, обвиняемого, необходимо также выяснять, не подвергался ли субъект воздействию побочных раздражителей (алкоголя, наркотических или подобных им фармакологических веществ), которые повышают либо резко притупляют чувствительность анализаторов.

Все это следует учитывать при допросах, во время следственных экспериментов, проводимых в целях проверки качества ощущений. Например, исследуя вибрационную чувствительность у подозреваемого в симуляции глухоты, можно довольно просто изобличить его во лжи. Достаточно за спиной «больного» бросить на пол небольшой предмет, чтобы проверить его симулятивное поведение. Действительно больной человек с пораженным слухом с ненарушенной вибрационной чувствительностью ответит на этот раздражитель. Симулянт же, если он не знает о развитом вибрационном ощущении глухих, не среагирует на этот раздражитель. Разумеется, после такой предварительной пробы подозреваемый должен быть направлен на судебно-психологическую либо комплексную медико-психологическую экспертизу[1].

Анализируя свидетельские показания, основанные на ощущениях, следует помнить, что в рецепторную деятельность различные искажения могут вноситься подпороговыми раздражителями, которые хотя и не вызывают четких ощущений в силу своей незначительной величины, однако создают, особенно при неоднократном воздействии, очаг возбуждения в коре головного мозга, способный вызывать галлюцинаторные образы, различные ассоциативные связи с ранее зафиксированными ощущениями. Иногда это проявляется у свидетелей в том, что первоначальный образ, какое-то смутное ощущение в последующем трансформируется как бы в реальное явление. Причем такие возникшие ложные образы, нечеткие ощущения бывают настолько стойкими, что начинают влиять на формирование ошибочных свидетельских показаний. И следователю (суду) в подобных случаях приходится прилагать значительные усилия, чтобы разобраться в том, что именно соответствует истине, а что является добросовестным заблуждением допрашиваемого.

[1] См.: *Кертес И.* Тактика и психологические основы допроса. М., 1965. С. 32.

На возможные искажения в ощущениях также может оказывать влияние так называемый *сенсорный эффект,* т.е. тот фоновый шум, который периодически бывает в каждом анализаторе. Это ощущение сенсорным органом самого себя независимо от того, воздействует на него в данный момент какой-либо раздражитель или нет. Значение сенсорного эффекта возрастает при воздействии раздражителей, имеющих небольшую силу, когда трудно бывает отличить самопроизвольное сенсорное возбуждение анализатора от ощущения какого-либо слабого сигнала. В подобных случаях возникает ситуация перцептивной неопределенности, которая чаще всего предрасполагает к принятию ошибочных решений, особенно в экстремальных ситуациях в системе «человек — машина», встречающихся во время происшествий, связанных с эксплуатацией различных технических устройств, транспортных средств.

Адаптация. Данная закономерность выражается в изменениях чувствительности анализатора под длительным воздействием раздражителя в виде понижения или повышения порога чувствительности. В результате адаптации ощущение может полностью исчезать, особенно в процессе продолжительного действия раздражителя. Примерами этого могут служить: адаптация к запаху обонятельного анализатора у человека, длительное время работающего с пахучими веществами; слуховая адаптация к постоянно воздействующим шумам и т.д.

В некоторых случаях в результате адаптации может наступать притупление ощущений под воздействием сильного раздражителя, например временное снижение чувствительности зрительного анализатора, после того как мы из полутемного помещения попадаем в условия яркой освещенности (световая адаптация). Эти виды адаптации называют негативными, так как приводят к снижению чувствительности анализаторов. Отрицательное воздействие оказывает адаптация к свету и темноте, особенно в условиях тусклого освещения. В этих условиях у водителей автотранспортных средств увеличивается время реакции, ухудшается локализация движущихся объектов. Темновая адаптация приводит к задержке передачи сигнала от затемненного глаза в мозг. Отсрочка в передаче сигнала ведет к тому, что человек видит предмет как бы с некоторым запозданием, что иногда способствует возникновению аварийных ситуаций на дорогах с интенсивным встречным автомобильным движением[1].

Однако проявление адаптации не всегда носит отрицательный характер. Нередко чувствительность анализатора в результате адаптации может не только понижаться, но и значительно повышаться. Например, так случается при воздействии слабого раздражителя на зрительный анализатор в полутемном помещении (при устойчивости к темновой адаптации) или на слуховой анализатор в условиях полной тишины, когда наш слуховой анализатор начинает фиксировать довольно слабые звуковые раздражители (слуховая адаптация). Иначе говоря, чувстви-

[1] См.: *Грегори Р.Л.* Глаз и мозг. Психология зрительного восприятия. М., 1970. С. 92.

тельность анализаторов под воздействием слабых раздражителей повышается, а под действием сильных — снижается.

Данную закономерность необходимо учитывать в следственной (судебной) практике при оценке свидетельских показаний, когда, к примеру, субъект, стремящийся ввести следователя (суд) в заблуждение, ложно утверждает, что он не видел каких-либо объектов, поскольку «было темно». На самом же деле с учетом продолжительности его пребывания в условиях относительной темноты и появления у него темновой адаптации это может быть и не совсем так. Известно, что человек, попавший в затемненную комнату, через 3—5 мин. начинает различать проникающий туда свет, видеть предметы. Через 20—30 мин он уже достаточно хорошо ориентируется в темноте. Пребывание в абсолютной темноте повышает чувствительность зрительного анализатора к свету за 40 мин в 200 тысяч раз[1].

Степень адаптации наших анализаторов различна. Высока адаптируемость у обонятельных, тактильных анализаторов. Несколько медленнее адаптируются вкусовые, зрительные ощущения.

Взаимодействие ощущений. В повседневной жизни на наши рецепторы воздействует масса раздражителей, под влиянием которых мы постоянно испытываем различные ощущения. В результате взаимодействия разных ощущений чувствительность анализаторов изменяется: либо возрастает, либо снижается. Этот механизм взаимодействия ощущений может влиять на полноту и объективность свидетельских показаний, на качество следственного эксперимента. Например, в условиях воздействия очень сильного шума авиационного мотора световая чувствительность сумеречного зрения может падать до 20% своего прежнего уровня[2]. Также значительно понижается зрительная чувствительность при воздействии на обонятельный рецептор неприятного запаха. Последнее обстоятельство следует иметь в виду при осмотре места происшествия, трупа со значительными трупными изменениями, во время эксгумации. В подобных случаях приходится прилагать дополнительные усилия к выполнению на должном уровне всего объема работы, чаще делать перерывы.

Общая закономерность подобных явлений состоит в том, что слабые раздражители одной анализаторной системы повышают чувствительность других анализаторов при взаимодействии ощущений, а сильные — понижают ее. Это явление называется *сенсибилизацией.*

Кроме того, в процессе взаимодействия ощущений под влиянием одного раздражителя могут появляться ощущения иной модальности, характерные для другого раздражителя, не воздействующего в данный момент на анализатор. Данное явление получило название *синестезия.* Например, у некоторых лиц под воздействием звуковых раздражителей могут возникать яркие зрительные образы, различные вкусовые ощущения и т.д.

[1] См.: Общая психология / Под ред. В.В. Богословского и др. М., 1981. С. 187.
[2] См.: *Кравков С.В.* Взаимодействие органов чувств. М.: Л., 1948. С. 17.

Известный отечественный психолог А.Р. Лурия описал такую необычайную чувствительность у некоего Ш. Идя как-то с ним из института, А.Р. Лурия поинтересовался у Ш., не забудет ли тот дорогу. «Что вы, — ответил Ш., — разве можно забыть? Ведь вот этот забор. Он такой соленый на вкус и такой шершавый, и у него такой острый и проницательный звук...»[1].

При взаимодействии ощущений может иметь место явление, называемое *контрастом ощущений.* Это происходит в тех случаях, когда один и тот же раздражитель ощущается анализатором в зависимости от качественных характеристик другого раздражителя, действовавшего на этот же анализатор одновременно с ним или последовательно (например, последовательный контраст вкусовых ощущений). Иногда контрастные явления приводят к ошибкам в ощущениях, а следовательно, и в свидетельских показаниях.

Последовательные образы. Нередко при длительном воздействии на анализатор раздражитель продолжает ощущаться даже после того, как он прекратил свое действие. Какое-то время человек его еще «видит», «слышит» и т.д. Эти ощущения в виде последовательных образов имеют значение при оценке решений, принимаемых в экстремальных условиях.

Закономерность наших ощущений в виде последовательных зрительных образов использована при создании кинематографического эффекта, как бы движущегося на экране изображения. Критическая частота мельканий, когда мы перестаем замечать смену кадров, соответствует 30 вспышкам в секунду и более. При кинопроекции обычно частота мельканий достигает 72 вспышек в секунду, и мы видим объекты в движении, не замечая последовательно сменяющихся проекций. При низкой же частоте мельканий вспышек, например 5—10 раз в секунду, возможно появление ярких световых пятен, неподвижных фигур, причем этот эффект может быть исключительно отчетливым. Стимуляция сетчатки зрительного рецептора яркими вспышками света иногда доходит до того, что начинает вызывать неприятные ощущения, приводящие к головной боли и тошноте[2].

Знание данной закономерности может пригодиться, например, при оценке действий водителя, не справившегося с управлением машины в темное время суток в условиях интенсивного встречного движения транспорта.

Пространственная локализация раздражителя. Пространственная рецепция осуществляется с помощью дистантных анализаторов, ощущающих сигнал на расстоянии. Обычно в этом процессе участвует несколько анализаторов с подключением контактных рецепторов. В некоторых случаях возможны искажения в результате взаимодействия ощущений, особенно под влиянием анализатора ведущей модальности.

[1] *Лурия А.Р.* Маленькая книжка о большой памяти. (Ум мнемониста). М., 1968. С. 24.

[2] См.: *Грегори Р.Л.* Указ. соч. С. 123—124.

На точность пространственной локализации раздражителя в значительной степени может влиять положение тела, головы.

Определенную дезорганизацию в рецепторную деятельность, в ощущения своего тела, пространства вносят необычные состояния, условия деятельности, например невесомость. Вот, как описывает свои ощущения в этом состоянии наш первый космонавт Ю.А. Гагарин, который в первые секунды невесомости, по его словам, «почувствовал, что самолет перевернулся и летит в таком перевернутом положении... В течение всего периода невесомости, — вспоминает он, — испытывал неприятное, труднохарактеризуемое, незнакомое ранее ощущение неестественности и беспомощности... Мне казалось, что изменилась не только обстановка в самолете, но и что-то во мне самом. Чтобы избавиться от этого неприятного ощущения, пробовал в невесомости писать, дотягиваться руками до различных предметов. Все это выполнял без особых затруднений. Тем не менее чувство беспомощности, неуверенности не проходило и мучило меня»[1].

Каждый человек имеет свой индивидуальный уровень развития чувствительности, определенные качественные характеристики анализаторных систем, составляющие сенсорную организацию его личности. Существенное влияние на работу органов чувств оказывает тип нервной системы субъекта. Люди с сильной нервной системой обнаруживают большую выносливость и устойчивость, чем люди со слабой нервной системой, однако последние наделены большей чувствительностью (Б.М. Теплов, А.Р. Лурия). Изменяя интересы, установки субъекта с помощью аутотренинга, речевой инструкции, меняющей значимость раздражителя путем придания ему важного «сигнального» значения, можно добиваться повышения или понижения чувствительности анализатора, подчинять ее целям и задачам деятельности.

Профессиональная деятельность предъявляет повышенные требования к сенсорной организации юриста. В его деятельности ведущими видами чувствительности являются прежде всего зрительная, слуховая, обонятельная.

Болезненные органические ощущения оказывают отрицательное влияние на функционирование различных анализаторов, снижают уровень их чувствительности, что отражается в целом на всей деятельности юриста. В качестве примера можно привести выдержку из служебной характеристики на одного молодого следователя, в которой отмечалось, что наблюдающееся у него «повышенное внимание к болезненным ощущениям, развитая на этой почве мнительность в отношении своего здоровья отрицательно влияют на его служебную деятельность, мешают ему выдерживать связанные с работой физические и психологические перегрузки».

Безусловно, профессиональная деятельность предъявляет повышенные требования к сенсорной организации сотрудников правоохранительных органов. Поэтому юристам, особенно прокурорско-следст-

[1] *Гагарин Ю.А., Лебедев В.И.* Психология и космос. М., 1981. С. 142.

венным работникам, необходимо уметь управлять своими ощущениями: стимулировать положительные и волевыми усилиями нейтрализовать воздействие на психику отрицательных ощущений.

Восприятие. Более совершенной формой отражения по сравнению с ощущениями является восприятие.

Восприятие — это психический процесс отражения предметов и явлений во всей совокупности их свойств и признаков при непосредственном воздействии этих объектов на органы чувств.

В ходе восприятия в сознании человека возникает целостный образ различных предметов и явлений. Знание закономерностей процессов восприятия помогает лучше понимать механизм формирования свидетельских показаний, выявлять психологические истоки ошибок следователя, суда и на этой основе давать рекомендации по повышению эффективности их правоохранительной деятельности.

В зависимости от ведущей роли того или иного анализатора можно назвать следующие виды восприятия: зрительные, слуховые, обонятельные, вкусовые, кинестетические.

Исходя из организации процессов восприятия выделяют произвольное (преднамеренное) и непроизвольное восприятие. Как правило, наиболее эффективно произвольное восприятие, называемое также наблюдением. Юристу следует вырабатывать в себе такое производное от данного вида восприятия качество, как наблюдательность.

К свойствам и закономерностям восприятия относятся следующие.

Предметность, целостность, структурность восприятия. В повседневной жизни человека окружают разнообразные явления, предметы, наделенные различными свойствами. Воспринимая их, мы изучаем их в целом. Такое предметное восприятие оказывает регулирующее воздействие на познавательную деятельность человека, на развитие его перцептивных способностей.

Наглядно проявление данной закономерности перцептивной деятельности можно проследить при рассматривании рис. 4.1. Пятна, не связанные контуром, создают образ собаки (см. рис.4.1*,а).* Причем мы отличаем пятна на теле собаки от сходных пятен фона. И даже в тех случаях, когда пятно вообще не является изображением конкретного предмета, наше сознание стремится найти в нем сходство с каким-то объектом, наделить его некоторой предметностью, как это, например, имеет место при рассматривании бесформенных пятен теста Г. Роршаха (см. рис. 4.1, *б),* напоминающим многим испытуемым летучую мышь. В зависимости от особенностей восприятия, личного опыта человека у него подсознательно очень часто происходит своеобразный перебор признаков пятна. Наконец, среди них выделяются ведущие признаки и в конце концов в зависимости от нашего воображения мы делаем вывод, что пятно напоминает какой-то предмет, например бабочку, летучую мышь и т.д.

Все это, может быть, выглядело бы как просто развлекательные опыты, если бы в жизни, в более сложных условиях практической деятельности не проявлялись те же самые закономерности восприятия. Например, следователь, осмотрев труп со смертельными повреждениями

Рис. 4.1. Предмет восприятия

головы, должен исследовать и орудие убийства, изъятое у подозреваемого, выявить на изъятом предмете основные, ведущие признаки, выделяющие его в качестве орудия убийства, с помощью которого причинена строго определенной конфигурации черепно-мозговая травма. И если следователь видит среди ведущих признаков совсем не те или вовсе не замечает нужные из них, то и результат его поисков будет отрицательным: на орудии преступления не будут обнаружены микроследы-наложения, т.е. те признаки, на основании которых можно доказать причастность подозреваемого лица к совершенному преступлению. Эту, казалось бы, простую истину, наглядно иллюстрирующую перцептивные истоки некоторых профессиональных ошибок следователя, не следует забывать. На данную закономерность восприятия обращал внимание известный французский психолог Ж. Пиаже, который писал, что «восприятие осуществляется не путем копирования или точного измерения, а как бы уподобляется процессу отбора, при котором запечатлеваются не все точки или микросегменты фигуры, а лишь те, на которые пал выбор; в этом случае выбранные элементы или микроэлементы, т.е. те, которым было отдано предпочтение, будут переоцениваться в сравнении со всеми остальными»[1].

В отличие от ощущений в результате восприятия складывается целостный образ предмета, явления, в том числе и такого сложного, как преступление. В силу этой закономерности человек обычно при недостатке информации стремится сам восполнить недостающие элементы воспринятого объекта, что иногда приводит к ошибочным суждениям. Поэтому при допросе свидетелей нужно выяснять не только, что они, к примеру, видели, слышали, но и на чем основаны их утверждения о тех или иных свойствах воспринятого ими объекта.

Фресс П., Пиаже Ж. Экспериментальная психология. Вып. VI. С. 21.

Активность восприятия. Обычно процесс отбора, синтеза признаков предмета носит избирательный, целенаправленный поисковый характер. В этом процессе действует активное организующее начало, подчиняющее себе весь ход познания. Проникая в изучаемое явление, мы по-разному группируем его сенсорные свойства, выделяем необходимые связи. Это придает преднамеренный, активный характер восприятию. Активность восприятия выражается в участии эффекторных (двигательных) компонентов анализаторов: движение руки при осязании, движение зрачков глаз, перемещение тела в пространстве относительно изучаемого предмета познания. При восприятии знакомых предметов перцептивный процесс может быть в той или иной мере свернут.

Осмысленность восприятия. Восприятие у человека тесно связано с его мышлением, поскольку перцептивные образы нередко имеют разное смысловое значение. Мы не только воспринимаем, но и одновременно с этим изучаем предмет познания, пытаемся найти объяснение его сущности. «Сознательно воспринять предмет — это значит мысленно назвать его, т.е. отнести воспринятый предмет к определенной группе, классу предметов, обобщить его в слове»[1].

Осмысленный характер воспринимаемых образов можно проиллюстрировать графическими рисунками, на которых обычно изображаются так называемые неоднозначные двухмерные фигуры, создающие своеобразный эффект «стереографической двусмысленности», вызывающие у зрителя впечатление объема, благодаря чему двухмерное плоскостное изображение превращается в трехмерный объект. Например, в зависимости от того, как осмысливаем фигуру (рис. 4.2), как воспринимаем ее, мы по своему желанию видим попеременно то лестницу, спускающуюся вниз, то уступчатый карниз, поднимающийся вверх справа налево. И хотя в том и другом случае проекция изображения на сетчатке глаза остается неизменной, мы видим попеременно два совершенно различных объемных объекта, имеющих чисто внешнее контурное сходство.

Хорошо прослеживается активная роль нашего мышления при рассматривании изображения фигуры на рис. 4.3, известной как куб Неккера (по имени исландского ученого, впервые описавшего свойства этой фигуры). Небольшим волевым усилием можно произвольно «переворачивать» этот куб в пространстве, попеременно меняя положение его ближней и дальней к зрителю вертикальных плоскостей.

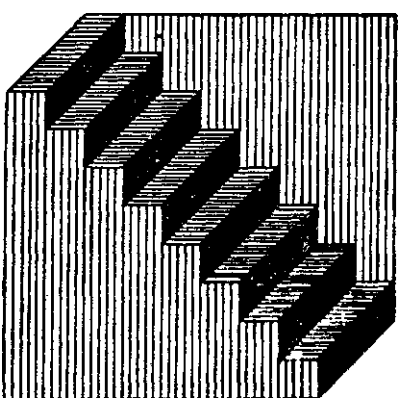


Рис. 4.2. Лестница Шредера

[1] *Петровский А.В.* Введение в психологию. С. 141.

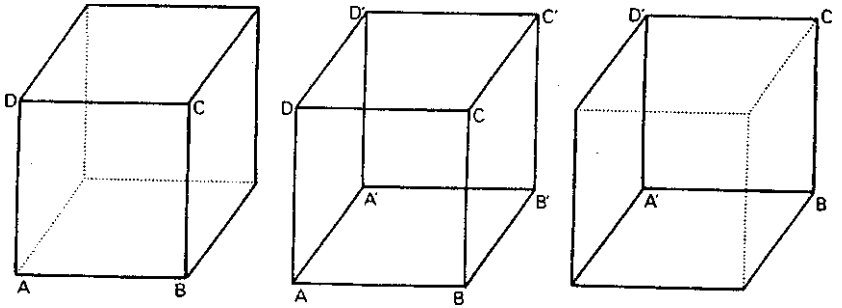


Рис. 4.3. Куб Неккера

Благодаря активной роли нашего мышления, диктующего, что нужно нам видеть, мы начинаем избирательно реагировать именно на те визуальные стимулы, на основе которых и создается определенный, «нужный» нашему сознанию предметный образ, отличающийся от других перцептивных образов. Таким образом, осмысленный, избирательный перцептивный процесс приводит нас к тому, что *образ восприятия* переходит в *образ сознания* (в том числе, как нередко случается, и в ошибочный образ), под воздействием которого мы оказываемся в дальнейшем, к сожалению, и тогда, когда благодаря этому совершаем досадные промахи и ошибки в познавательной деятельности.

Активная роль мышления в процессах восприятия дала основание известному английскому психологу Р.Л. Грегори, посвятившему многие годы изучению закономерностей зрительного восприятия, образно назвать наш зрительный анализатор «разумным глазом», подчеркнув неразрывную связь зрительного восприятия с мышлением и обратив внимание на регуляцию перцептивной деятельности мыслительными процессами. «Восприятие, — писал он, — своего рода мышление. И в восприятии, как и в любом виде мышления, достаточно своих неоднозначностей, парадоксов, искажений и неопределенностей. Они водят за нос даже самый разумный глаз, поскольку именно они являются причинами ошибок (и сигналами ошибок) как в наиболее конкретном, так и в наиболее абстрактном мышлении»[1].

Благодаря такому механизму восприятия человек нередко, даже не осознавая, видит то, что хочет видеть, а не то, что объективно есть на самом деле. Этим свойством восприятия можно в ряде случаев объяснить многие изъяны поисковой деятельности следователя во время осмотра места происшествия, когда он «видит» далеко не все то, что необходимо для установления истины. Это подтверждает и проведенный нами анализ нераскрытых дел, связанных с убийствами. Одна из причин того, что некоторые тяжкие преступления оказываются нераскрытыми, лежит именно в отсутствии должной перцептивной организации

[1] *Грегори Р.Л.* Разумный глаз. С. 68.

зрения, в психологической неподготовленности следователя к такому многоплановому восприятию, каким является восприятие обстановки места происшествия.

Существенной стороной осмысленности перцептивной деятельности является *вербализация* воспринятого. «Процесс восприятия предмета никогда не осуществляется на элементарном уровне, в его состав всегда входит высший уровень психической деятельности, в частности речь»[1].

Вербализация увиденного обостряет восприятие, помогает выделить существенные признаки и их отношения. Пожалуй, нет лучшего способа увидеть объект, чем заставить себя воспроизвести его, используя различные способы. При этом велико значение не только монологической внутренней или устной, но и письменной речи. Вот почему требование законодателя о протоколировании следственных действий, изготовлении слепков и оттисков следов, вычерчивании планов и схем имеет под собой не только криминалистическую, но и психологическую основу.

Практика убедительно подтверждает: посредственное качество протокола осмотра места происшествия, как правило, свидетельствует о поверхностной познавательной деятельности следователя. То есть, уже на начальном перцептивном уровне нередко создаются предпосылки для возникновения в последующем очень серьезных осложнений по делу[2].

Организация поля восприятия. Существенное значение в перцептивной стороне познавательной деятельности имеет также организация поля восприятия, благодаря чему отдельные элементы объединяются в единое целое и в результате возникает целостный образ изучаемого объекта.

Человек всегда стремится организовать поле восприятия таким образом, чтобы видеть тот или иной образ, связанный с его прежними представлениями, некоторыми знакомыми ему предметами, с определенными личными предпочтениями, установками. Иногда это приводит к воссозданию некоего синтетического образа, далеко не соответствующего, особенно в деталях, тому реальному предмету, который воспринимается.

Активное мыслительное организующее начало перцептивного процесса особенно легко выявляется при рассматривании рис. 4.4. С небольшим напряжением можно произвольно различным образом группировать зрительную информацию, переходя от одного варианта к другому, выявляя хотя и простейшие, но различные образы: группировки из четырех квадратов, из девяти, крест из двух рядов квадратов, рассекающий поле по вертикали и горизонтали, при том что проекция данного чередования квадратов на сетчатке глаза нисколько не меняется.

Тенденция к мысленной организации зрительного поля положена в основу разработанной в криминалистике методики использования идентификационного комплекта рисунков для получения собирательных ри-

[1] *Лурия А.Р.* Ощущения и восприятия. М., 1975. С. 47.

[2] К этому мы еще вернемся, когда будем говорить о психологии осмотра места происшествия.

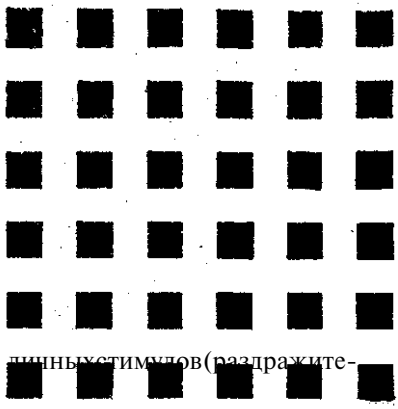


Рис. 4.4. Организация восприятия

сованных портретов разыскиваемых лиц по показаниям свидетелей с использованием различных фрагментов человеческого лица.

Апперцепция. Данное свойство проявляется в особой зависимости восприятия от содержания психической жизни человека, особенностей его личности, опыта, знаний, интересов. В течение жизни человек постоянно подвергается воздействию различных стимулов (раздражителей). Постепенно у него накапливается определенный перцептивный опыт взаимодействия с ними, предметный, интеллектуальный опыт определения (узнавания) количественных и качественных характеристик различных раздражителей, своего рода банк *перцептивных гипотез,* позволяющий ему быстро реагировать на действия всевозможных стимулов, своевременно выбирая из этого, условно говоря, банка ту из гипотез, которая более всего соответствует качественным характеристикам очередного стимула. С обогащением перцептивного опыта процесс определения характера раздражителя и выработки реакции на него с последующим принятием решения приобретает все более свернутый характер. И чем богаче такой опыт, чем разнообразнее накопленные перцептивные гипотезы, тем быстрее происходит восприятие и опознание стимула.

Простейшим наглядным примером смены перцептивных гипотез в процессе восприятия является чередование зрительных образов, когда мы рассматриваем, например, графические рисунки с так называемой пиктографической двусмысленностью (рис. 4.5). В первом случае это известный рисунок В.Е. Хилла «Моя жена и теща», на котором попеременно видятся то пожилая, то молодая женщины; на втором рисунке — то лицо индейца, то фигура мальчика-эскимоса в зимней одежде.

Перцептивные гипотезы могут приобретать чувственную форму, и тогда мы видим не столько объект, сколько саму перцептивную гипотезу. Не этим ли психологическим феноменом объясняются те очевидные ошибки, когда следователь «видит» на месте происшествия следы не убийства, а самоубийства, хотя фактически материальная обстановка противоречит такому «видению»?

Особенно быстрые ответы и решения приходят на привычные, знакомые человеку сигналы. Но так бывает далеко не всегда, особенно когда субъект контактирует с новым объектом кратковременно. Вспомним, как иногда медленно выбирает свидетель из группы предъявленных ему для опознания лиц. В этой ситуации восприятие людей и сличение их с ранее воспринятым образом разыскиваемого проходит как

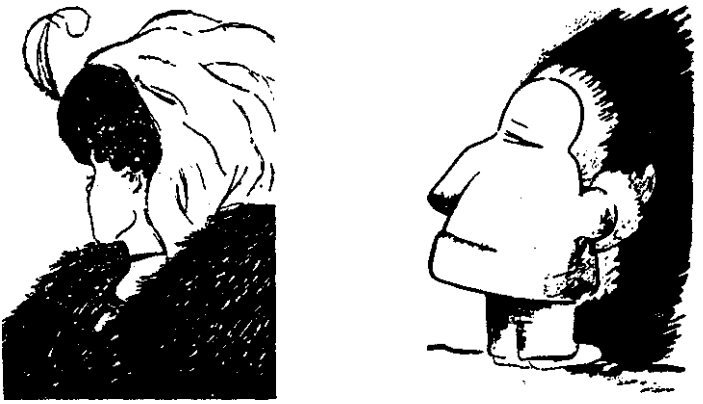


Рис. 4.5. Примеры пиктографической двусмысленности

бы в несколько этапов. Запечатленный в сознании образ прежде воспринятого человека наряду с другими образами (гипотезами) в ответ на новый стимул (предъявление следователем лиц для опознания) подтверждается не сразу.

К данному вопросу мы еще вернемся в последнем разделе учебника при рассмотрении психологических особенностей проведения следственных действий.

Константность восприятия. Данное свойство состоит в способности перцептивной системы воспринимать объекты с определенным, близким к реальному постоянством их формы, величины, цвета и т.д., независимо от условий, в которых это происходит. Например, под каким бы ракурсом мы ни смотрели на тарелку, независимо от ее проекции на сетчатку глаза в виде круга или эллипса, она все равно воспринимается круглой. Белый лист бумаги и при ярком свете, и в условиях пониженной освещенности воспринимается белым.

Константность восприятия вырабатывается в процессе усвоения человеком жизненного, профессионального опыта. Она является необходимым условием его жизнедеятельности, обладая механизмом обратной связи, с помощью которого перцептивная система постоянно подстраивается к нужному объекту и условиям его восприятия. Однако константность сохраняется лишь до определенных пределов. При резком изменении освещения, при воздействии на воспринимаемый предмет контрастного по цвету фона константность может нарушаться, а это, в свою очередь, может приводить к отдельным ошибкам в свидетельских показаниях.

Разрушающее воздействие на константность может оказывать состояние эмоциональной напряженности, например аффект. Поэтому, допрашивая свидетеля, целесообразно выяснить не только особенности воспринятого им объекта, т.е. что он видел, слышал, но и его состояние, а также условия, в которых протекала его перцептивная деятельность,

и только после этого следует давать оценку его утверждениям о форме, величине, цвете и других свойствах того или иного предмета.

Иллюзии. Искажение воспринятых предметов является одной из наиболее интересных проблем, с которой сталкивается следователь во время проведения следственных действий, в процессе оценки показаний свидетелей. Так как значительное количество информации участники уголовного процесса получают с помощью зрительного анализатора, наибольшую актуальность приобретают зрительные иллюзии.

Причины иллюзий носят как объективный, так и субъективный характер. К объективным предпосылкам появления иллюзий относятся: отсутствие контрастности между предметом и фоном, эффект иррадиации, приводящий к тому, что светлые предметы выглядят большими по сравнению с такими же по размеру темными предметами и т.д. Например, белый квадрат на черном фоне кажется большим, чем такой же квадрат, но на белом фоне (рис. 4.6,*а*). Совершенно одинаковые по диаметру круги, обрамленные разными по диаметру кружками, кажутся также разными (рис. 4.6,*б*). Параллельные линии, пересеченные линиями, пересекающимися в центре, воспринимаются непараллельными (рис. 4.6,*в*) и т.п.

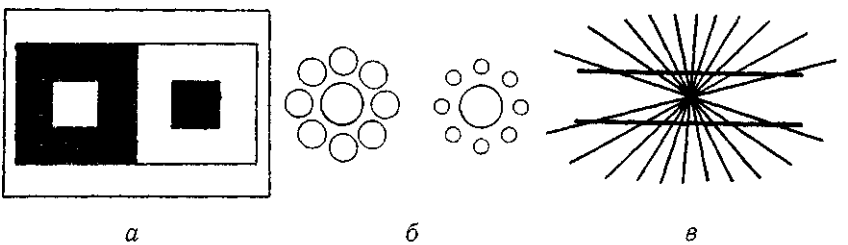


Рис. 4.6. Примеры зрительных иллюзий

К причинам субъективного характера, способствующим появлению иллюзий, следует отнести адаптацию анализаторов, утомление рецепторного механизма и т.п.

Если иллюзии возникают под влиянием реально воздействующих сенсорных раздражителей, но ошибочно расшифрованных нашими анализаторами, то это галлюцинации — результат патологических нарушений перцептивных процессов, приводящих к тому, что возникновение образов не обусловлено в данный момент воздействием каких бы то ни было объектов на рецепторы.

Особенности восприятия различных объектов.

Восприятие предметов. Ведущую роль в восприятии материальных объектов играют зрительные, тактильные, кинестетические анализаторы. Наиболее информативными признаками предметов являются их форма, величина, а также взаимное расположение предметов в пространстве.

Поскольку 90% информации мы получаем с помощью зрения, рассмотрим некоторые особенности зрительного восприятия предметов. Известно, что восприятие предметов, лиц происходит двояким образом. Простые, хорошо знакомые объекты воспринимаются обычно сразу. Так бывает, например, при узнавании свидетелем различных предметов, которые он хорошо запомнил (симультанное узнавание). В других, более сложных случаях процесс восприятия предмета носит развернутый, осмысленный характер (сукцессивное узнавание). Иногда свидетелю удается запомнить характерные опорные признаки предметов, людей, например отдельные броские черты, дефекты лица. И прежде чем ему предъявят для опознания людей, он может назвать эти признаки. Но так бывает далеко не всегда.

В процессе восприятия зрачок глаза совершает как бы ощупывающие предмет мелкие движения, останавливаясь на его различных точках, выделяя смысловые центры. В основе механизма восприятия лежит свойство нашего зрительного анализатора при строго неподвижном фиксированном положении зрачка через 1—2 *с* утрачивать полученное изображение на сетчатке глаза. Поэтому зрачок самопроизвольно находится в постоянном движении, перемещая тем самым проекцию отражаемого объекта по различным смежным участкам сетчатки. Это первый вид движения глаза. Второй вид проявляется в более крупных движениях глаза с одной информативной точки на другую, напоминая скачкообразные (саккадические) или плавные (дрейфовые) перемещения.

Поскольку движение глаз, сопровождающее перцептивную деятельность, тесно связано с мышлением, наблюдение за человеком с «бегающими глазами» может подсказать следователю об активизации зрительного восприятия, мыслительных процессов, связанных с той ситуацией, в которой оказался субъект, подозреваемый в даче ложных показаний при предъявлении изобличающих его доказательств. Многопредметность восприятия, стремление в ограниченный отрезок времени «схватить» главные, существенные признаки предъявленных доказательств, поведение самого следователя могут вызвать у такого лица ускоренное движение зрачков глаз. Все это может свидетельствовать о его повышенном интересе к возникшей в кабинете следователя ситуации, о его личной заинтересованности в результатах расследования.

При восприятии сложных, многомерных объектов меняется направление взора с выделением наиболее важных «узлов» и деталей. Таким образом, полнота зрительного восприятия во многом обеспечивается движением, перемещением относительно друг друга воспринимаемого объекта и зрительного рецептора.

Чтобы больше расширить возможности зрительного восприятия, следует изменять не только положение зрачка, но и сам предмет относительно глаза, преодолевая иной раз те отрицательные эмоции, которые возникают при контактном осмотре не очень приятных с эстетической точки зрения криминалистических объектов.

Основными факторами, влияющими положительно или отрицательно на восприятие сложных объектов, каким, в частности, может быть место происшествия, являются:

перцептивная задача, стоящая перед следователем, формирующая, по существу, целевую установку его предстоящей деятельности;

сюжетное осмысление им возникшей ситуации;

объективная и субъективная (с точки зрения самого следователя) значимость отдельных признаков места происшествия;

и наконец, опыт следователя (апперцепция) и особенности его мышления.

Анализируя воспринятые свидетелем различные события, мы также наблюдаем воздействие на его перцептивные процессы перечисленных выше закономерностей, что иногда приводит к полным или частичным искажениям (иллюзиям).

Например, по одному уголовному делу об автопроисшествии разыскивалась автомашина, на которой вечером был совершен наезд на людей. Очевидец события некто Н., смотревшая вслед удалявшейся на большой скорости с места происшествия машине, утверждала, что это был «грузовик с прицепом в виде фургона, покрытого брезентом». В результате кропотливой розыскной работы установили автомашину, на которой действительно был совершен наезд, однако никакого прицепа у нее не было. Только благодаря тому, что следователь критически отнесся к показаниям свидетельницы, допустив возможность искажения ее зрительного восприятия, дело не зашло в тупик. Осматривались не только грузовые автомашины с прицепами, но и подобного типа машины без прицепов. В последующем свидетельница объяснила ошибку своего восприятия тем, что «хлопающий на ветру сзади кузова быстро ехавшей машины брезент тента» создал у нее искаженное представление о том, что машина была с прицепом. Подобных примеров следственная практика знает немало. Это, по существу, те «поразительные эффекты зрительных искажений, которые не нарастают, а возникают мгновенно. Они необычайно реалистичны, практически неизменны при повторениях и почти одинаковы для всех, кто их когда-либо наблюдал»[1].

Говоря о восприятии объектов, следует также упомянуть еще и об искажающем влиянии фона как на конфигурацию, так и на цвет предмета.

Восприятие пространства. Более сложным видом перцептивной деятельности, по сравнению с восприятием отдельных предметов, является восприятие пространства, которое включает в себя как отражение формы, величины, взаимного расположения предметов, их рельефа, так и удаленности и направления, в котором они расположены относительно друг друга. По некоторым уголовным делам, таким, например, как дела об автопроисшествиях, восприятие и правильная оценка пространственных координат движущихся объектов имеет исключительно важное значение.

[1] *Грегори Р.Л.* Разумный глаз. С. 92.

В основе пространственного восприятия лежит деятельность вестибулярного, глазодвигательного аппаратов, участие бинокулярного зрительного восприятия, ощущения мышечных усилий от сведения зрительных осей на фиксируемом предмете (конвергенция) и ощущения от изменения преломляющей способности хрусталика глаза путем изменения его кривизны (аккомодация). Также активную роль в восприятии пространства в сочетании со зрительным анализатором играют слуховые, тактильные, кинестетические анализаторы. Большое влияние на точность пространственного восприятия оказывает опыт.

Существенно облегчают восприятие пространства дополнительные зрительные сигналы, т.е. система пространственных координат, с помощью которой мы как бы расчленяем пространство на его составные элементы и затем оцениваем их в отдельности. Поэтому, когда свидетель затрудняется определить в целом пространственное поле, можно воспользоваться этой системой, предложив ему последовательно определить расстояние до отдельных точек, а уж затем, суммировав данные анализа, попытаться определить искомую величину.

Также большое значение для восприятия пространства имеют: положение субъекта относительно воспринимаемого объекта, условия восприятия, воздействие посторонних раздражителей. Например, наличие теней на предметах способствует более точному восприятию. Расположение свидетеля в плоскости оси движущегося транспорта по сравнению с положением свидетеля перпендикулярно направлению его движения при прочих равных условиях может привести к большему искажению пространственного восприятия движущегося объекта.

Восприятие времени — это отражение в сознании человека последовательности, длительности, скоротечности явлений действительности. Это, наконец, ориентировка человека в самом времени. В основе восприятия времени лежат ритмические процессы жизнедеятельности организма.

На восприятие последовательности событий влияют следующие факторы: перцептивная установка субъекта, выражающаяся в готовности его к восприятию событий; объективная упорядоченность событий, проявляющаяся в естественной организации стимулов; упорядоченность событий самим субъектом с использованием определенной последовательности событий, обладающих какими-то значимыми для субъекта признаками. Например, экспериментальным путем установлено: если на нас одновременно воздействуют два стимула, то тот из них, к восприятию которого мы подготовились, будет восприниматься в качестве предшествующего, более раннего стимула. Точно также раздражитель, к которому мы проявляем интерес, будет воспринят как предшествующий по сравнению с другим, «неинтересным» стимулом[1]. Это свойство восприятия объясняет причину появления некоторых ошибок в

[1] См.: *Фресс П., Пиаже Ж.* Экспериментальная психология. Вып. VI. С. 92.

свидетельских показаниях, особенно о фактах, существенно отдаленных от момента допроса.

Значительное влияние на восприятие продолжительности какого-либо события во времени также может оказать степень занятости субъекта в данный временной интервал. Время, заполненное активной деятельностью, кажется протекающим намного быстрее, по сравнению со временем, не заполненным интересными делами, проведенным в ожидании неприятных событий, занятым малоинтересными, однообразными действиями. Особую роль в оценке времени играет мотивация. Время, насыщенное деятельностью, направленной на удовлетворение личностно значимых мотивов, воспринимается более коротким.

Также меняется восприятие продолжительности времени в зависимости от возраста. Это влияние, как считают некоторые авторы, проявляет себя при восприятии длительностей свыше одного дня. Для людей преклонного возраста время течет быстрее, чем для ребенка. Поэтому при допросе свидетелей мы можем столкнуться с расхождениями в их показаниях.

Как показывает следственная практика, нередко восприятие времени свидетелем, потерпевшим, обвиняемым происходит в состоянии эмоциональной, психической напряженности, что также оказывает искажающее влияние на оценку продолжительности события. Подобное можно наблюдать, например, при допросе обвиняемого, который находился в момент совершения преступления в состоянии аффекта. В таких ситуациях можно использовать разработанный в психологии прием оценки времени по методу воспроизведения. В этих случаях в ходе следственного эксперимента обвиняемому (потерпевшему, свидетелю) предлагается воспроизвести те действия, которыми он был занят в интересующий период. Одновременно проводится хронометрирование. Оценивая данный метод, следует сказать, что он хотя и точнее обычной количественной оценки субъектом продолжительности событий, но все же не исключает ошибок, которые могут колебаться в пределах 12—28%.

Иногда при расследовании преступлений, связанных с применением огнестрельного оружия, возникает необходимость оценить интервалы между услышанными выстрелами. Предлагая свидетелям дать временную оценку интервалов, мы нередко сталкиваемся с существенными искажениями в оценках их длительности. В основе таких искажений лежат психологические закономерности восприятия времени.

Дело в том, что короткие интервалы, не превышающие 0,5 с, практически не воспринимаются. При интервалах в 0,5—1 *с* границы выстрелов и интервал образуют единство. И лишь при интервалах свыше 1 с преобладающим является восприятие интервала. Наряду с этими эмпирически установленными данными известно, что короткие интервалы переоцениваются, а длинные — недооцениваются. Интервал кажется более коротким, если первый выстрел был более громким. И наоборот, он кажется более длинным, если второй выстрел слышался сильнее первого. Это явление связано с тем, что при одинаковой длительности

громкий звук кажется более длительным. Интервалы, ограниченные высокими звуками, кажутся более длинными, чем интервалы, ограниченные низкими звуками[1]. Чтобы помочь свидетелю с наибольшей точностью определить интервалы между выстрелами, следует не только попросить его дать количественную оценку, но и предложить отстукиванием воспроизвести интервалы между выстрелами с одновременным хронометрированием следователем его действий. Практика показывает, что оценки интервалов свидетелем в первом и втором случаях будут существенно отличаться друг от друга.

По одному уголовном уделу важно было установить интервал между двумя выстрелами. Допрошенный по делу свидетель А. заявил, что он слышал два выстрела, похожих на хлопки, с интервалом в 20—30 *с*. Когда же следователь предложил ему постукиванием воспроизвести услышанные хлопки выстрелов, оказалось, что интервал между ними не превышал и 5 с. Следовательно, метод воспроизведения оказался точнее в 4—6 раз метода количественной оценки интервалов. В связи с этой особенностью некоторые авторы рекомендуют: прежде чем задавать вопрос о продолжительности интервала, предложить свидетелю постукиванием обозначить границы интервала с одновременной фиксацией его в единицах времени[2].

Восприятие движения — это отражение в сознании человека изменений положения предмета в пространстве: его скорости, ускорения и направления. Поскольку восприятие движения в своей основе имеет восприятие предметов и пространства, то в нем участвуют те же анализаторы (зрительный, слуховой, кинестетический и т.п.).

Движение воспринимается нами на основе непосредственного восприятия и восприятия, опосредствованного умозаключением, когда скорость движения при определенных перцептивных способностях человека восприниматься им не может, а о ее параметрах можно судить по результатам движения объекта. В последнем случае воспринимается, по существу, не сама скорость, а результат движения и по нему уже дается оценка скорости. С этим явлением следователь сталкивается при расследовании автопроисшествий. В подобных случаях свидетели, добросовестно заблуждаясь, иногда судят о скорости автомашины по результатам аварии и той динамичной обстановке, в которой она произошла. Трупы, кровь, деформированный транспорт, визг тормозов, сильные удары могут значительно исказить восприятие скорости, полностью подчинить ее оценку ошибочным умозаключениям.

Поэтому, выясняя скорость движения, следует поинтересоваться: на основании чего свидетель пришел к тому или иному выводу; каков его личный опыт восприятия движущихся объектов. Ответы на эти вопросы объяснят причины его возможных ошибок в показаниях о скорости движения транспорта.

[1] См.: *Фресс П., Пиаже Ж.* Экспериментальная психология. Вып. VI. С. 99—102.
[2] См.: *Кертес И.* Тактика и психологические основы допроса. М., 1965. С. 64.

Не полагаясь целиком на метод количественной оценки, можно прибегнуть к методу сравнения. Во время следственного эксперимента водителю предлагается ехать определенное расстояние сначала со скоростью 10, затем 20, 30, 40 и т.д. километров в час. Сравнивая скорости движения, свидетель может определить, в какой момент скорость машины примерно соответствует той скорости, с которой она ехала раньше.

Индивидуальные различия людей, особенности их восприятия обусловливают необходимость проведения в некоторых случаях судебно-психологических исследований перцептивных способностей свидетеля, потерпевшего для последующей более точной оценки их показаний следователем, судом.

К тому, как проявляются закономерности перцептивных процессов, мы еще вернемся при рассмотрении психологических особенностей проведения следственных (судебных) действий, таких, как осмотр места происшествия, предъявление для опознания и некоторые другие в последнем разделе нашего учебника.

§ 2. Память. Учет юристом закономерностей памяти участников процесса

Понятие и значение памяти, Память — один из основных психических процессов, без которого не может быть индивидуального развития, становления личности. «Без памяти мы были бы существами мгновения. Наше прошлое было бы мертво для будущего. Настоящее, по мере протекания, безвозвратно исчезало бы в прошлом. Не было бы ни основанных на прошлом знаний, ни навыков. Не было бы психической жизни, смыкающейся в единстве личного сознания, и невозможен был бы факт по существу непрерывного учения, проходящий через всю нашу жизнь и делающий нас тем, что мы есть»[1].

Память — сложное психическое явление, проявляющееся в способности человека запоминать, сохранять в сознании и в последующем воспроизводить различные обстоятельства, имевшие место в прошлом. Память включает в себя ряд процессов: запечатление и сохранение, узнавание и воспроизведение, а также забывание. Она проявляет себя в любом психическом процессе, поскольку в деятельности человека актуализируется его прошлый опыт и знания. Память связана с восприятием, мышлением, с ориентированием человека во времени и среде. Она играет решающую роль в развитии самосознания личности, обеспечивая ее целостность и единство.

Велика роль памяти в профессиональной деятельности юриста. Его память должна отличаться достаточным объемом, прочностью запоминания, точностью воспроизведения важных для него обстоятельств, высокой мобилизационной готовностью припоминать требуемые сведения и факты в нужный момент. Важную роль играет память в формировании

[1] *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. В 2 т. М., 1989. Т. I. С. 302.

свидетельских показаний. Умение извлекать из памяти свидетелей, потерпевших, обвиняемых информацию, пользуясь знаниями о закономерностях запоминания, сохранения и воспроизведения, является профессионально важным качеством следователя, прокурора, судьи, адвоката.

Виды памяти. По характеру психической активности различают: образную (зрительную, слуховую, двигательную и т.д.), эмоциональную и вербально-логическую память.

Образная память основана на различных представлениях, зрительных, слуховых, вкусовых и других образах. Это наиболее активный вид памяти свидетелей, очевидцев происшествия. Возникающие в памяти представления сопровождаются различными эмоциями, которые оставляют след в нашем сознании. Особой разновидностью образной памяти является двигательная память.

Двигательная память — это память, в основе которой лежат процессы запоминания, сохранения в сознании двигательных актов, совокупности движений, передвижения человека в пространстве. Иногда свидетели, затрудняясь определить время какого-либо события, вспоминая характер и очередность своих действий, дают очень важные показания о длительности того или иного события, его последовательности и о других, связанных со своими действиями обстоятельствах.

Эмоциональная память состоит в запечатлении и сохранении в сознании переживаний и чувств. Она тесно связана с образной памятью. Эмоциональная память является необходимой предпосылкой в развитии способности к сочувствию и сопереживанию.

Вербально-логическая память — это вид памяти, основным содержанием которой являются наши мысли, выраженные в словесной форме. Вербально-логическая память — ведущий вид памяти. Особенно велика ее роль в процессе обучения, в деятельности, например следователя, расследующего сложное, многоэпизодное дело.

По целям деятельности выделяют память непроизвольную и произвольную.

Непроизвольная память чаще всего сопровождает деятельность, которая не преследует цели запомнить и сохранить сопутствующие ей обстоятельства. Обычно данный вид памяти проявляет себя в ситуации допроса свидетеля, который случайно оказался очевидцем какого-либо происшествия.

Произвольная память опосредована целью и задачами запечатлеть, сохранить в сознании, а иногда и воспроизвести какие-то факты, знания. Это наиболее продуктивный вид памяти. Поэтому юрист должен обладать развитой произвольной памятью и умело использовать ее в своей профессиональной деятельности.

И наконец, по продолжительности закрепления и сохранения следов раздражителей память подразделяют на кратковременную, долговременную и оперативную.

Кратковременная память характеризуется очень коротким временем сохранения следов после однократного воздействия раздражителя. Воспроизведение следа с помощью кратковременной памяти воз-

можно в первые секунды после восприятия. В результате повторения она постоянно обновляется и может преобразовываться в долговременную память.

Долговременной памяти присуще длительное сохранение полученных знаний, приобретенных навыков. Она безгранична по времени, действует в течение всей жизни человека. В долговременной памяти материал семантически обрабатывается и организуется. Происходит его смысловое структурирование. Это одна из причин того, что мы с помощью ключевых слов, имеющих смысловую связь с заложенным в долговременную память материалом, извлекаем нужную информацию. В долговременной памяти хранится очень большой объем информации. Вся сложность состоит в том, чтобы получить доступ к ней. И этим искусством должен владеть юрист.

Оперативная память обеспечивает сохранение и воспроизведение той информации, которая необходима для достижения цели определенного действия, с выполнением которого она перестает функционировать. Она включает в себя некоторые признаки как долговременной, так и кратковременной памяти, занимая среди них промежуточное место. Велика роль оперативной памяти в деятельности следователя, занятого расследованием уголовного дела. С окончанием предварительного следствия многие детали по делу полностью утрачиваются из памяти как потерявшие актуальность и значение.

Закономерности памяти и их проявление в профессиональной деятельности юриста. Мнемическая деятельность (от «мнемоника» — искусство запоминания) складывается из следующих процессов: запоминание, воспроизведение, забывание.

Запоминание — это процесс памяти, в результате которого происходит закрепление и сохранение в сознании новой информации. Запоминание начинается с запечатления различных сенсорных признаков, образов, в процессе которого происходит их отбор, кодирование и включение в систему уже усвоенных знаний.

Объем памяти у людей в зависимости от индивидуальных особенностей, возраста различен. Установлено, что в среднем человек запоминает 7 (± 2) отдельных элементов из десяти. Люди с хорошей памятью удерживают 7—9 элементов, люди с плохой памятью — всего лишь 4—5 изолированных элементов. Существенное влияние на запоминание оказывает семантическая (смысловая) организация материала, благодаря которой количество элементов, которые мы запоминаем, может увеличиваться. В этом проявляется положительная роль вербально-логической памяти, которая очень тесно связана с мышлением.

Элементарной формой непроизвольного запоминания как одной из разновидностей образной памяти являются *последовательные образы.* Это те результаты отражения, которые сохраняются в сознании в течение очень короткого времени после того, как раздражитель уже перестал действовать на анализатор. Поэтому последовательные образы представляют собой проявление кратковременной памяти в элементар-

ной форме. Чаще всего последовательные образы появляются в результате воздействия на зрительные, слуховые анализаторы.

Для следственной, судебной практики могут представлять интерес *наглядные (эйдетические) образы*. Некоторые люди обладают способностью непроизвольно запечатлевать какой-либо объект настолько хорошо, что для них не составляет никакого труда воспроизвести его потом во всех мельчайших подробностях, как будто они его продолжают видеть перед собой. «Отличие эйдетических образов от последовательных образов заключается в том, что они сохраняются без всяких изменений четкости, не обнаруживают никаких явлений расплывания и флюктуации, могут произвольно вызываться в любой момент, в том числе и через очень большие промежутки времени, после того, как они были зафиксированы»[1]. И если такой способностью обладает свидетель, у следователя, незнакомого с. этим явлением, могут возникнуть сомнения в отношении правдивости его показаний только на том основании, что они отличаются гораздо большими подробностями, чем показания других лиц. Чаще эйдетические образы возникают в детском и юношеском возрасте.

Наконец, запечатление может происходить в виде *образов-представлений*. У каждого человека в памяти содержится большое количество самых различных представлений. И когда, например, следователь спрашивает свидетеля, не видел ли он нож у подозреваемого, у допрашиваемого возникает в сознании определенный образ ножа. Если он действительно видел нож, то возникший образ будет наделен какими-то признаками, отличающими его от всех других предметов (не ножей), либо выделяющими его среди различных ножей. Как считал наш известный ученый А.Р. Лурия, образы-представления состоят из следов различных восприятий (зрительных, осязательных и т.д.).

Множественность признаков образа, усвоенных в ходе повседневной практики, делает представление о нем гораздо богаче, чем просто его внешний вид. Это объясняется тем, что представление несет на себе печать интеллектуальной переработки впечатления о предмете. Возникает его обобщенный образ. «В образе-представлении наша память не пассивно сохраняет отпечаток раз воспринятого, но проделывает с ним глубокую работу, объединяя целый ряд впечатлений, анализируя содержание предмета, обобщая эти впечатления, объединяя собственный наглядный опыт со знаниями о предмете»[2].

Образ-представление является, по существу, свернутым продуктом нашей перцептивной и мнемической деятельности с вычленением в нем его наиболее обобщенных, существенных признаков. Представление о предмете является результатом глубокой переработки хранящегося в памяти образа. Эта закономерность образной памяти, связанная с продуцированием образов-представлений, должна побуждать следователя

[1] *Лурия А.Р.* Внимание и память. М., 1975. С. 65.
[2] Там же. С. 68.

критически оценивать показания любого свидетеля, какими бы убедительными они ни казались.

Образы-представления могут возникать не только у свидетеля, но и у следователя, например во время осмотра места происшествия. Искаженно трансформируясь в результате интеллектуальной переработки следователем, такие представления иной раз могут увести его далеко в сторону от истины.

Определенные искажения при запоминании события преступления может носить эмоциональная память, особенно память, связанная с отрицательно окрашенными аффективными переживаниями, в результате которых некоторые события могут гиперболизироваться, а иногда, наоборот, вообще вытесняться из сознания. Однако эмоциональная память играет не только отрицательную, но и положительную роль, являясь своего рода пусковым механизмом в последующем припоминании событий.

Запоминание всегда связано с действиями человека, его целевой установкой, которой они сопровождались. Этим во многом объясняется избирательный характер мнемической деятельности. Хорошо запоминается то, что включено в целенаправленную деятельность. Опыты отечественных психологов П.И. Зинченко, А.А. Смирнова убедительно доказали существование этой закономерности памяти: непроизвольно запоминается лучше то, что имеет прямое отношение к достижению поставленной цели, к решению конкретной задачи, что особенно связано с преодолением препятствий на пути к достижению этой цели. Включение новой деятельности также положительно влияет на запоминание. Среди различных действий лучше запоминаются те промежуточные действия, которые находятся в русле целенаправленной, мотивированной деятельности.

Исследования памяти этими учеными подтвердили плодотворность деятельностного подхода, суть которого состоит в том, что психические явления (в данном случае память) необходимо рассматривать под углом зрения структуры, последовательности, предметного содержания деятельности. Более того, и сами психические явления, в частности память, также становятся видами деятельности со своими мотивами, сопутствующими им целями. Это дает ключ к пониманию психологии свидетельских показаний, лежащего в их основе преднамеренного или, что чаще бывает, непреднамеренного запоминания важных для дела обстоятельств. Вот почему «некоторые из показаний людей, бывших случайными свидетелями происшествия, оказываются так бедны, а иногда и недостаточно достоверны»[1].

В ходе исследования памяти было установлено еще одно любопытное явление, имеющее также значение для психологии свидетельских показаний, которое получило название «эффекта Зейгарник» по имени отечественного психолога Б.В. Зейгарник, изучавшей зависимость запоминания от эмоционально-мотивационной сферы. Общий вывод, к которому она пришла, состоял в том, что незавершенные, прерванные дей-

[1] *Лурия А.Р.* Внимание и память. С. 81.

ствия запоминаются почти в два раза чаще, чем законченные. Данная закономерность связана с тем, что эмоционально окрашенные впечатления, сопровождающие незавершенные действия, вызывают более стойкие очаги возбуждения в коре головного мозга. Поэтому, опрашивая свидетеля, который затрудняется что-то вспомнить, следует спросить, чем он занимался в интересующий следователя период, помочь ему вспомнить важные для дела обстоятельства, отталкиваясь от его занятий, личных дел.

В тех случаях, когда приходится допрашивать свидетелей о фактах, расположенных в определенном временном ряду, мы можем встретиться с так называемым фактором края. Как показали опыты, первые и последние элементы в ряду удерживаются в памяти лучше, чем элементы, расположенные в середине. Хуже всего запоминаются элементы, несколько смещенные от центра к концу ряда. Это связано с тормозящим влиянием, которое оказывают элементы друг на друга.

Тормозящее воздействие предшествующих элементов на последующие называется *проактивным* («вперед действующим») торможением. Тормозящее влияние последующих элементов на предыдущие — *ретроактивным* («назад действующим») торможением. Под воздействием этих видов торможения средние элементы хуже всего сохраняются в памяти. Чтобы их все же восстановить, следует активизировать вербально-логическую память свидетеля, попытаться найти связи между выпавшими из памяти элементами и теми из них, которые сохранились в сознании.

Если при анализе свидетельских показаний мы чаще имеем дело с непроизвольной памятью, то в работе самого юриста гораздо больший удельный вес занимает произвольная, долговременная и оперативная память. Характер профессиональной деятельности юриста диктует необходимость удержания в памяти продолжительное время (определяемое хотя бы сроками расследования, рассмотрения дела в суде) различных фактов, событий. Поэтому в ряде случаев прокурор, следователь, судья и т.д. должны, пользуясь определенными приемами, повышать качество запоминания. Перечислим некоторые приемы, улучшающие запоминание, которые могут использоваться в практической деятельности юриста:

• смысловая (семантическая) организация материала с выделением в нем основных опорных пунктов, слов;

• составление плана, в котором раздельно отражаются: исходная информация; что необходимо сделать; вопросы, подлежащие выяснению; при запоминании сложного материала смысловая группировка материала проводится по различным основаниям: по интересующим следователя лицам, по расследуемым эпизодам;

• составление вспомогательных схем и таблиц с графическим отражением связей между различными элементами схемы, с фиксацией временных и пространственных координат исследуемого события;

• сравнение сходных явлений, фактов, например выявление общего и расхождений в показаниях свидетелей, документах и в других источниках доказательств;

• классификация, систематизация материала; неоценимую помощь данный прием может оказать юристу в изучении следственной и судебной практики, текущего законодательства и других нормативных материалов.

Воспроизведение можно охарактеризовать как процесс памяти, в результате которого актуализируется ранее усвоенный материал. В психологии изучены два основных вида воспроизведения: узнавание и собственно воспроизведение (припоминание).

Узнавание — это воспроизведение объекта при повторном его восприятии с опорой на запечатленный образ данного объекта. Узнавание может быть непроизвольным (с чем мы сталкиваемся постоянно в нашей житейской практике) и произвольным процессом. Типичным примером узнавания является опознание лиц, предметов свидетелями. Узнать объект — это значит включить его в систему ранее усвоенных знаний, идентифицировать его с помощью имеющегося в нашем сознании образа. Существуют разные уровни узнавания. Наиболее элементарный из них — ощущение знакомости, которое возникает при восприятии какого-либо объекта. Однако отождествить его на данном уровне невозможно.

Собственно воспроизведение проводится без вторичного предъявления объекта. Оно также бывает непроизвольным, например в ходе обычной деятельности, которой занят человек, и произвольным, когда свидетелю предлагается рассказать о том, что ему известно по делу. В тех случаях, когда воспроизведение затруднено и требуются усилия в решении непродуктивной задачи, мы говорим о *припоминании.* Разновидностью воспроизведения являются *воспоминания,* связанные с извлечением из памяти событий, образов прошлого из жизни человека, общества.

В следственной практике в целях активизации памяти свидетелей, потерпевших используются возможности и узнавания, и собственно воспроизведения. Например, свидетелю предлагается, осмотрев предъявленные предметы, рассказать, есть ли среди них искомый, по каким признакам он его опознает, при каких обстоятельствах он его ранее видел. Примером комбинированного вида воспроизведения может служить выход обвиняемого на место преступления с одновременным пояснением подробностей своего пребывания там.

Особое криминалистическое значение приобретает особенность воспроизведения, получившая в психологии название *реминисценции,* сущность которой состоит в усилении в памяти новых смысловых связей при отсроченном воспроизведении. Проведенные отечественным психологом Б.П. Красилыциковым исследования выявили реминисценцию в 40,5% опытов. Более того, в ряде случаев наблюдалось улучшение качества воспроизведения не только во второй, но и в третий раз. Данное явление объясняется процессами торможения в коре головного мозга, которые появляются сразу же после события под влиянием сильного раздражителя, каким может быть акт преступного поведения. И лишь после угасания этих процессов заторможенные следы начинают

восстанавливаться в сознании. Поэтому повторные допросы свидетелей, потерпевших с интервалом в несколько дней и более нередко дают положительные результаты.

Воспроизведение строго индивидуально. Объем, последовательность воспроизведения зависят от отношения субъекта к воспринимаемым событиям, его интереса, интеллекта, возраста, жизненного опыта, занятий. Однако, несмотря на индивидуальные особенности личности, в каждом случае прослеживаются общие тенденции искажения воспринятой реальности.

Английский психолог Ф.Ч. Бартлетт установил закономерности, влияющие на искажение воспринятых образов при передаче перцептивной информации людьми друг другу в процессе их общения между собой. Каждый опыт с определенным постоянством подтверждал тенденцию опускать испытуемыми побочные детали. В процессе добросовестного воспроизведения выявлялось большое количество неточностей относительно расположения предметов, происходило их смещение к центру. Наблюдалась большая путаница и забывание качественной характеристики предметов, особенности их цвета, размера и формы. При воспроизведении фраз отмечалось искажение формулировок. Это позволило сделать вывод, что запоминание с воспроизведением является в большей степени реконструкцией, чем точным повторением[1]. Данная закономерность воспроизведения является одной из причин появления слухов, формирования ошибочных мнений, добросовестных заблуждений свидетелей.

Объем, последовательность воспроизведения зависят от отношения субъекта к воспринимаемым событиям, от его интересов, интеллекта, возраста, жизненного опыта.

У некоторых лиц в процессе воспроизведения может проявляться такое качество, как склонность к фантазированию, т.е. стремление сознательно или бессознательно дополнить запечатленные в памяти образы элементами вымысла. Это явление чаще наблюдается у несовершеннолетних, особенно у малолетних свидетелей. Отрицательно влияет на процесс воспроизведения внушаемость, подверженность субъекта чужому воздействию без достаточно критического отношения к фактам и событиям.

Большое влияние на качество воспроизведения оказывают также и объективные факторы: обстановка, в которой проходит допрос, формулировка вопросов следователем и некоторые другие обстоятельства.

Забывание — процесс памяти, обратный запоминанию и сохранению. Забывание тем активнее, чем реже усвоенный материал используется человеком в своей деятельности. На забывание действуют и другие факторы: ослабление интереса к усвоенному материалу, перенапряжение нервно-психической деятельности, употребление алкоголя, недо-

[1] См.: *Бартлетт Ф.Ч.* Человек запоминает: Хрестоматия по общей психологии. М., 1979. С. 96—102.

статок сна. Также влияет на забывание проактивное и ретроактивное торможение.

В процессе расследования преступлений следователю приходится допрашивать людей с нарушениями памяти (амнезия). Чаще наблюдаются нарушения памяти на текущие события у людей преклонного возраста. Однако это не является абсолютным правилом. Среди них есть люди, ведущие активную, творческую жизнь, которые сохраняют хорошую профессиональную память.

Серьезное разрушающее воздействие на память оказывают травмы головного мозга, например при автомобильных авариях. Вследствие этого события, которые предшествовали травме и следовали за ней, в памяти полностью или частично утрачиваются. Обычно травма черепа с потерей сознания вызывает полное забывание того, что ей предшествовало *(ретроградная амнезия)* и тех событий, которые следовали за ней *(антероградная амнезия)*.

В одной из своих работ А.Р. Лурия описывает случай с мотоциклистом, попавшим в аварию на 78 км дороги. В результате травмы из его памяти выпали все воспоминания начиная с 64 км пути. Если учесть, что скорость его движения была 60 км в час, то получается, что травма привела к потере следов в памяти, возникших за 10—15 мин до аварии. На этом основании ученый приходит к важному для следственной практики выводу: «человеку нужно 10—15 мин, чтобы следы памяти прочно закрепились, или, как принято говорить в психологии, «консолидировались»[1].

Последующие эксперименты, при проведении которых в качестве раздражителя использовалась резкая световая вспышка, подтвердили эту закономерность, т.е. необходимость определенного времени на закрепление следов в памяти. Со всей очевидностью проявилось также разрушающее воздействие на процесс запоминания сильных, травмирующих память раздражителей, что, безусловно, надо учитывать при проведении допросов потерпевших.

Приемы активизации памяти участников уголовного и гражданского процессов. Зная закономерности запоминания, воспроизведения и забывания, особенности различных видов памяти, прокурор, следователь, судья, адвокат могут активизировать память участников процесса в целях установления истины по делу. К приемам активизации памяти можно отнести:

• создание объективных условий, исключающих воздействие на свидетеля посторонних раздражителей, вызывающих отрицательно окрашенные эмоции, снимающих состояние эмоциональной напряженности; этому способствует спокойный, заинтересованный в установлении истины тон допроса, исключение слов и выражений, травмирующих психику допрашиваемого;

• обращение к образной памяти, использование следователем, судом наглядности, умелое сочетание узнавания с собственно воспроизведением; характерным примером такого приема является допрос сви-

[1] *Лурия А.Р.* Внимание и память. С. 50.

детеля на месте происшествия, предъявление ему во время допроса необходимых фотографий, схем, оживляющих его образную память;

• использование вида памяти, который у допрашиваемого развит лучше либо который является у него доминирующим в конкретной ситуации, например эмоциональной памяти при восприятии убийства, двигательной памяти при установлении временных параметров исследуемого события и т.д.;

• установление опорных (ключевых) мест в запечатленном событии и смысловых (семантических) связей между ними, выявление между разрозненными фактами ассоциаций по смежности во времени и в пространстве, по сходству, по контрасту;

• оказание помощи свидетелю и другим лицам в воспроизведении события в прямом или обратном хронологическом порядке; при допросе свидетеля следует спросить о фактах, имевших место накануне интересующего события, а также о том, что произошло потом, либо, наоборот, начав допрос с конца интересующих событий;

• проведение в необходимых случаях повторных допросов в расчете на возможную реминисценцию.

§ 3. Мышление и воображение. Их роль в деятельности юриста

Мышление и его роль в деятельности юриста. Среди различных познавательных процессов, представляющих собой отражение в сознании человека объективной реальности, высшим и наиболее сложным процессом является мышление, которое активно влияет на формирование личности.

Мышление — это опосредованное отражение в сознании человека существенных свойств, связей и отношений предметов и явлений окружающего мира. Среди других психических процессов мышление является наиболее сложным познавательным процессом, благодаря которому в сознании человека отражаются не только форма, но и сущность тех или иных объектов, их внутренние связи и закономерности развития. Благодаря мышлению мы судим о предметах, явлениях по их внешним проявлениям. Например, не зная еще о том, кто совершил преступление, следователь при осмотре места происшествия по результатам преступной деятельности опосредованно составляет мнение о возможных свойствах личности преступника, определяет круг возможно причастных к совершенному преступлению лиц.

Процесс мышления не исключает перцептивных процессов. Более того, во многих случаях чувственное познание является своеобразным толчком к активизации мышления, которое начинает функционировать, когда чувственное познание оказывается бессильным и необходимо выйти за его пределы, решить более сложную, чем перцептивная, задачу, найти ответы на вопросы в сложной, проблемной ситуации, не исключающей нескольких альтернативных вариантов решения.

Поэтому мышление можно определить еще и как процесс решения задачи, поиска выхода из проблемной ситуации, устраняющий неопределенность в деятельности субъекта познания. Ситуация неопределенности, кого бы она ни касалась — следователя или преступника, побуждает к активной мыслительной деятельности.

Нестандартные задачи, допускающие различные варианты решений, выбор оптимального пути достижения цели, пробуждают *творческое мышление* как наиболее сложный вид мыслительной деятельности. В мышлении участников судопроизводства проявляется социальный опыт людей. Поэтому их мышление носит социальный характер.

Виды мышления. В психологии принята следующая условная классификация видов мышления: наглядное, практическое (наглядно-действенное, наглядно-образное) и вербально-логическое (дискурсивное).

Наглядное, практическое мышление. Оно чаще проявляется в практической деятельности людей. При опоре человека на приобретенные знания, навыки, опыт мышление помогает принимать различные решения о том, как поступить в сложившихся условиях. Данный вид мышления лежит в основе многих репродуктивных действий, которые совершает человек, получивший определенный социальный и профессиональный опыт, например опыт совершения действий следователя, отыскивающего с помощью различных технических средств криминалистики следы на месте происшествия.

При наглядно-образном мышлении субъект познания чаще прибегает к образному представлению окружающего мира, мыслит образами. Важную роль играет наглядно-образное мышление в процессе обучения.

Вербально-логическое (дискурсивное) мышление. Более сложной формой по сравнению с наглядно-образным, наглядно-действенным является вербально-логическое мышление, «посредством которого человек, опираясь на коды языка, оказывается в состоянии выходить за пределы непосредственного чувственного восприятия внешнего мира, отражать сложные связи и отношения, формировать понятия, делать выводы и решать сложные теоретические задачи»[1].

Данный вид мышления служит основным средством сложной познавательной деятельности человека, в том числе, разумеется, и юриста. Подчеркивая его важную роль, необходимо отметить, что вербально-логическое мышление всегда связано с языком, речью, с понятиями, которые имеют различные смысловые связи, скрытые за каждым нашим словом. Вот почему, следя за тем, что и как говорит человек, мы нередко составляем мнение о характере его мыслительной деятельности, оцениваем уровень развития его мышления в целом.

Прибегая к данному виду мышления, мы широко используем отвлеченные понятия, обобщенные категории. Путем рассуждений, построения различных логических операций выявляем закономерности изучаемых явлений, отношения между объектами, прогнозируем дальнейшее

[1] *Лурия А.Р.* Речь и мышление. С. 19.

развитие событий, благодаря чему выходим за пределы непосредственного, чувственного познания мира.

Особенно велика роль дискурсивного мышления при доказывании виновности лица в совершении преступления, при установлении причин преступности, при решении других вопросов, требующих глубокого анализа, вскрытия внутренних связей и противоречий в исследуемых явлениях, фактах.

Одним из проявлений дискурсивного мышления в следственной практике являются *рефлексивные рассуждения,* основанные на анализе следователем собственных мыслей и сопровождаемые имитацией рассуждений и действий обвиняемого, подозреваемого, свидетеля. «Так, следователь отражает в динамической модели конфликтной ситуации и себя самого, и подследственного, имитирует ход его мыслей и его поведение и, оперируя этой моделью, принимает решение. При этом он должен представить не только самого себя с точки зрения подследственного, но и представления самого подследственного о себе в понимании следователя»[1]. Преимущество в ходе рефлексивных рассуждений позволяет следователю управлять процессом принятия своих решений и решений подследственного. При этом не следует забывать, что к рефлексивным размышлениям прибегает не только следователь, но и обвиняемый. Поэтому следователь с помощью своего дискурсивного мышления должен превзойти его в ранге рефлексии.

Развитые в достаточной мере перечисленные выше виды мышления позволяют следователю, судье творчески решать сложные, проблемные задачи по уголовным делам, при разрешении гражданско-правовых споров. Поэтому, когда специалист решает нестандартные задачи наиболее коротким и рациональным способом при наличии других возможных вариантов, говорят о его умении творчески мыслить, о выраженном у него *творческом (эвристическом) мышлении,* о его способности находить оптимальные решения, устанавливать совершенно новые закономерности и свойства явлений, предметов. В настоящее время появилось самостоятельное направление в науке — эвристика как совокупность знаний о творческих способностях человека, помогающих ему находить истину не путем простого перебора различных вариантов решения, а двигаясь к цели наиболее кратчайшим путем.

Например, расследуется преступление в ситуации обнаружения трупа со следами насильственной смерти. При минимальной исходной информации можно заподозрить в причастности к убийству достаточно большое количество лиц и после долгих поисков путем их проверки выйти на того, кто совершил преступление. Однако это время можно значительно сократить, наиболее рационально определив последовательность проведения следственно-розыскных действий.

[1] *Ратинов А.Р.* Теория рефлексивных игр в приложении к следственной практике Правовая кибернетика. М., 1970. С. 189.

Исследования Н.Л. Гранат и Д.П. Котова показали, что опытные следователи значительно сокращают путь к истине, не прибегая подобно ЭВМ к механическому перебору всех возможных вариантов[1].

Как пишет А.В. Петровский, «мышление никогда не работает по способу такого слепого, случайного, механического перебора всех или некоторых возможных вариантов решения. По ходу мышления хотя бы в минимальной степени предвосхищается, какой именно признак рассматриваемого объекта будет вычленен, проанализирован и обобщен. Отнюдь не любое, не безразлично какое, а лишь определенное свойство объекта выступает на передний план и используется для решения. Остальные же свойства просто не замечаются и исчезают из поля зрения... Следовательно, хотя бы минимальное, самое приблизительное и совсем предварительное предвосхищение неизвестного в процессе его поисков делает излишним слепой, механический перебор всех подряд или многих свойств рассматриваемого объекта»[2].

Аналогичную мысль в отношении следственного мышления высказывает и А.Р. Ратинов. «Концепция механического перебора вариантов по методу «проб и ошибок» не оправдывает себя, — считает он, — ибо полный перебор всех возможностей в сложных случаях неосуществим, неэффективен и не соответствует реальному процессу решения мыслительных задач человеком... Исследование методом перебора применимо лишь в процессе ориентировки в ходе первоначальных следственных действий при чрезвычайно ограниченном объеме информации»[3]. И это тем более оправдано, если у следователя имеется достаточно знаний и профессионального опыта.

В этом проявляется способность человеческого разума к свертыванию мыслительных операций, когда длинная цепь рассуждений заменяется одной обобщающей операцией, которую характеризуют направленность, избирательность, детерминированность мышления.

Как считают некоторые ученые, мысль исследователя в процессе познания должна не только углубляться в предмет познания, но и как бы скользить по его поверхности, задерживаясь не только на нем, но и около него. В подобных случаях, по аналогии с «боковым» зрением, говорят о так называемом боковом мышлении как о разновидности творческого мышления. Такое мышление освобождает нас от привычных, ранее усвоенных суждений, принявших догматические формы, извлекая из нашей памяти различные ассоциации, которые ведут нашу мысль в совершенно ином направлении, неожиданно подсказывая нужное решение. «Боковое мышление оказывается действенным и помогает найти решение проблемы при одном непременном условии: проблема должна стать устойчивой целью деятельности, стать доминантной»[4]. Только

[1] См.: *Гранат Н.Л.* О механизмах следственного мышления // Вопросы судебной психологии: Материалы Всесоюзной конференции по судебной психологии. М., 1971. С. 79—81.

[2] *Петровский А.В.* Введение в психологию. С. 213.

[3] *Ратинов А.Р.* Судебная психология для следователей. С. 120.

[4] *Лук А.Н.* Психология творчества. М., 1978. С. 13.

тогда, когда мысль о нераскрытом преступлении и возможных путях установления истины будет в сознании следователя постоянно активизировать его мыслительную деятельность, только тогда можно рассчитывать на продуктивность такого мышления.

Существенную роль в процессе творческого мышления играет *интуиция,* т.е. знание, возникающее как бы неосознанно за пределами тех или иных привычных стереотипов мышления, логических программ, принятых алгоритмов решения задач. Обычно интуиция проявляет себя в проблемных ситуациях, требующих нестандартных решений.

Этапы мыслительной деятельности в процессе творческого поиска. Мышление появляется, когда в создавшейся проблемной ситуации возникает задача, не имеющая готового решения. Такая задача может выступать как цель деятельности, например задача — раскрыть преступление, установить истину по делу. Чтобы мышление активизировать, необходима соответствующая мотивация мыслительной деятельности. И чем она сильнее, тем более продуктивно мышление.

Рассмотрим подробнее этапы мыслительного процесса.

Подготовительный этап. На данном этапе осознается определенная цель деятельности, формулируются вопросы, которые предстоит решить. У следователя этот начальный этап мыслительной деятельности нередко предшествует возбуждению уголовного дела.

Ориентирование в условиях задачи. За подготовительным этапом следует анализ возникшей проблемной ситуации, ее составных частей, их связей, предпринимаются первые попытки объяснить их причинную обусловленность. Поскольку исходных данных бывает недостаточно, эти объяснения чаще носят гипотетический (предположительный) характер. Данный этап мышления имеет место, например, в процессе изучения поступивших к следователю материалов, исходных данных о каком-либо совершенном преступлении. В это время строятся гипотетические суждения, выдвигаются версии о механизме происшедшего события, о возможно причастных к нему лицах и т.д. Все эти суждения, версии соотносятся с имеющейся информацией, и те из них, которые не подтверждаются, отбрасываются.

Определение путей, средств и методов решения задачи. На данном этапе определяется направления поисков, а также способы решения частных задач, что обычно отражается в развернутом плане расследования по уголовному делу.

Решение задачи. Решение познавательных задач по делу продолжается на всем протяжении следствия. На каждом этапе расследования преступления следователь активно использует результаты всей своей предшествующей деятельности по делу, новую поступающую к нему информацию. Применительно к различным следственным ситуациям следователь использует те или иные тактические комбинации, своеобразную программу деятельности в виде определенной совокупности следственно-розыскных действий, нацеленных на раскрытие преступления.

Сопоставление полученных результатов с исходными условиями задачи. Если полученные результаты соответствуют объективным

условиям задачи и получают доказательственное подтверждение, мыслительный процесс завершается; если же нет — продолжается до тех пор, пока не будет достигнут положительный результат, соответствующий поставленной задаче.

В ходе мыслительного процесса широко используются различные операции: анализ, синтез, сравнение, обобщение, абстрагирование, индукция, дедукция и др.

Характеристика мыслительной деятельности юриста (следователя, прокурора, судьи). Многие вопросы, в разрешении которых принимают участие юристы, имеют остроконфликтный характер. Все это, безусловно, не может не оказывать определенного влияния на характер мышления юриста. Перечислим основные качества, которыми оно должно характеризоваться.

Познавательная активность, легкость генерирования идей. В этом свойстве проявляются поисковая активность сознания, отражение в нем различных явлений, их свойств и связей. Например, приступая к расследованию преступления, следователь активно стремится найти нужные доказательства, выдвигая различные идеи, объясняющие суть происшедшего. Важную роль в этом процессе играет желание и умение взглянуть на исследуемое событие под разными углами зрения, проанализировав различные варианты объяснения данного явления.

Познавательная активность мышления следователя проявляется также в способности к «сцеплению» идей — свойстве мышления объединять различные, порой ничем внешне не связанные сведения и на этой основе находить новые объяснения происшедшего.

Глубина, широта мышления. Эти качества дополняют друг друга. Глубина мышления определяется степенью проникновения в сущность изучаемого объекта. Напротив, широта мышления характеризуется охватом не только границ изучаемого явления, но и смежных с ним областей познания. Если юрист не привык глубоко вникать в исследуемые события, у него вырабатывается поверхностное отношение к делу. При отсутствии широты мышления, затратив много времени и сил на изучение отдельных, частных вопросов, можно упустить главное.

Прогностичность, рефлексивность мышления. Данное качество тесно связано с активностью мышления, его глубиной и широтой. Принимая решение по любому делу, опытный юрист всегда предвидит последствия своих действий, прогнозирует возможное поведение участников процесса, иных лиц, заинтересованных в результатах рассмотрения спора, готовит соответствующие контрдоводы, аргументы для того, чтобы отстоять собственную точку зрения или вовремя от нее отказаться, предусмотрев заранее дополнительные, компромиссные варианты.

Гибкость, подвижность мыслительных процессов. То есть способность увидеть изучаемый объект под новым углом зрения, обнаружить его новые свойства, предназначение, способность своевременно переключаться с одного изучаемого явления на другое. В противном случае говорят об инертности, ригидности мыслительных процессов. Ригидность (скованность) мышления связана с функциональной фикси-

рованностью, при которой субъект познания в изучаемом объекте упорно видит только какие-то одни признаки, не замечая других. Такая фиксированность, например, нередко препятствует качественному осмотру места происшествия, иногда приводит к ошибочным оценкам личности заподозренного в преступлении, заставляет следователя длительное время заниматься проверкой бесплодных версий. Напротив, юрист, наделенный живостью, гибкостью, критичностью мышления, в состоянии своевременно разглядеть допущенные ошибки и быстро перестроиться в своей поисковой деятельности, отказавшись от прежних стереотипов мышления.

Самостоятельность мышления. Данное качество мышления проявляется в самостоятельном, критическом отношении юриста к различным явлениям, в его умении невзирая на чужие мнения заметить в процессе расследования (рассмотрения любого дела в суде) неисследованные вопросы, по-новому взглянуть на установленные факты, дав им соответствующую правовую оценку.

Напротив, склонность в своих суждениях и поступках не отличаться от других, боязнь показаться «белой вороной», недостаточно квалифицированным специалистом, вызвать негативное к себе отношение из-за своих взглядов, а также повышенная тревожность — качества, существенно снижающие эффективность мыслительной деятельности юриста, свидетельствующие о конформности его мышления.

Способы активизации мыслительной деятельности юриста. Кратко остановимся на некоторых из них.

Стимуляция мотивов мыслительной деятельности. В любой деятельности, чтобы достичь поставленной цели, необходимо сильное желание, четкое осознание, актуализация потребности в достижении этой цели. Осознание того, что без активизации мышления не может быть достигнута цель, что поставленная субъектом задача должна быть решена, является важным стимулом мыслительного процесса. Например, получив сложное уголовное дело, следователь своим эмоционально-волевым настроем должен сформировать в своем сознании установку — раскрыть преступление. Осознанию этой необходимости придается личностный смысл, вербализируемый примерно в таких словах: «Я должен раскрыть данное преступление, я не имею права не выполнить поставленную задачу...». Переходя затем в подсознание, данная установка становится важным стимулом, сильным побудительным мотивом, своего рода доминантой мыслительной деятельности, направленной на раскрытие преступления.

Активное включение в поисковую деятельность. Известно, что плодотворные мысли чаще появляются тогда, когда человек увлечен своей работой. Важно сделать первый шаг. В последующем достигаются промежуточные результаты, которые вызывают положительные эмоции, стимулирующие дальнейшую познавательную активность.

Начинающему следователю, получившему материалы сложного уголовного дела, можно рекомендовать: активно включайтесь в расследование, не откладывайте дело даже под самыми благовидными предлогами «на потом». Необходимо приступать к выполнению следственных

действий, какими бы трудоемкими они ни казались. После этого постепенно начнут вырисовываться и первые контуры отдельных фактов, появятся какие-то новые детали, придут и первые успехи. А это, в свою очередь, принесет удовлетворение работой, станет положительным фактором, активизирующим мышление.

Вербализация мыслительных процессов в сочетании с упорядочением информации. Нередко рассуждения вслух, обмен мнениями с коллегами по поводу изучаемого явления обостряют проблему, вскрывают имеющиеся в ней скрытые противоречия и неполноту знаний о ней. Этому также помогают классификация, систематизация полученной информации.

Метод проигрывания ролей. Данный метод применяется в целях раскрытия преступления, лучшего понимания поведения лиц, участвовавших в исследуемом событии. Мысленно проигрывая роли различных сторон, на время отождествляя себя с ними, следователь пытается понять мотивы и поведение преступника, потерпевшего, старается найти ответы на другие вопросы. Эффективность метода повышается, если в мысленном моделировании принимает участие другой работник прокуратуры в качестве собеседника. Данному методу сопутствуют рефлексивные рассуждения. Метод проигрывания ролей помогает также прогнозировать процесс рассмотрения любого спора в суде.

Отсрочка. В процессе познания истины возникают ситуации, при которых, несмотря на большие усилия, задача все же остается нерешенной. В подобных случаях бывает полезно на короткое время отложить поиск решения, переключившись на другой вид деятельности. Иногда просто рекомендуется на время отвлечься, побывать в гостях, в театре, на выставке, посмотреть спортивные соревнования и т.п. Подсознательно мысли сами начнут возвращаться к предмету познания, неожиданно появятся и новые подходы к проблеме, нестандартные решения.

Метод группового стимулирования мыслительных процессов. Хотя обычно следователь самостоятельно расследует уголовное дело, в сложных случаях, когда расследование заходит в тупик, бывает целесообразно передать дело для изучения другому, более опытному работнику прокуратуры, чтобы он поделился своими мыслями и суждениями по данному вопросу со следователем, в производстве которого находится это уголовное дело.

В некоторых случаях, когда к обсуждению дела привлекаются другие прокурорские работники, оно может принять коллективный характер. Эффективность такого подхода во многом зависит от методики проведения обсуждения. Важно, чтобы стиль обсуждения способствовал раскрепощению мыслительной деятельности всех его участников, чтобы опытные работники своим тоном, манерой поведения не подавляли, не сковывали своих более молодых коллег, а наоборот, вовлекали их в дискуссию.

В литературе описан так называемый *метод мозговой атаки,* применяющийся при решении сложных проблем. Основные правила его сводятся к исключению категорических суждений, чем поощряется свободное ассоциирование идей во время дискуссии всех ее участников. В

этих случаях допускаются любые предложения. Чтобы эти правила соблюдались, участники обсуждения делятся на две независимые друг от друга группы: группа генерации идей и группа их оценки. Если участники первой группы только предлагают идеи, то участники второй проводят после выдвижения идей их критический отбор. При этом руководитель обсуждения должен играть роль доброжелательного собеседника, одинаково проявляющего интерес к суждениям каждого участника независимо от его служебного положения и опыта.

Конечно, речь не идет о полном копировании этой методики в работе юристов, хотя некоторые ее приемы были бы полезны, особенно при групповом (бригадном) методе расследования, разрешении какой-либо сложной конфликтной ситуации правового характера.

Воображение и его значение в деятельности юриста.

Воображение — это психический процесс, состоящий в создании новых образов объектов, явлений на основе имеющихся знаний и представлений. Воображение занимает как бы промежуточное положение между восприятием, мышлением и памятью. Оно всегда сопутствует творческой, поисковой мыслительной деятельности следователя, судьи. Воображение, как и мышление, возникает в проблемной ситуации, когда необходимо решить творческую задачу, выразить свое отношение к определенным фактам, предметам. Поэтому процесс воображения сопровождается различными эмоциями, переживаниями человека.

Особенно велико значение воображения в деятельности следователя, направленной на раскрытие преступления, когда отсутствие исчерпывающей информации, неопределенность ситуации побуждают его к мысленной реконструкции механизма совершенного преступления, образа разыскиваемого преступника. С помощью воображения, которое в известной мере может компенсировать недостаток сведений, следователю удается активизировать мышление, находить правильные решения, прогнозируя конечные результаты своих действий.

Большое влияние воображение, склонность к фантазированию оказывают на процесс формирования и искажения свидетельских показаний. И это, безусловно, необходимо учитывать юристам, участвующим в уголовном или гражданском процессе.

С точки зрения активности, действенности воображение бывает *пассивным* и *активным (воссоздающим, творческим).* В правоприменительной деятельности у различных лиц чаще проявляется активное, воссоздающее воображение. Так, у свидетелей во время допроса обычно функционирует активное, воссоздающее воображение, направленное на создание образов, представлений тех лиц, фактов, явлений, которые они наблюдали в прошлом. Если эти образы соответствуют воспринятым объектам, показания свидетеля представляют большую ценность для установления истины и служат доказательством по делу.

К сожалению, иногда воображение бывает настолько активным, что у свидетелей начинает проявляться качество, известное как *склонность к фантазированию.* Под этим понятием в юридической психологии подразумевается непреднамеренное (неумышленное) воссозда-

ние свидетелем образов, не соответствующих тем объектам, которые они воспринимали. Такое искажающее фантазирование чаще проявляется у детей в силу особенностей развития их психики. Однако склонность к фантазированию может быть и у некоторых взрослых свидетелей, искренне стремящихся оказать помощь следствию, суду в установлении истины.

Искажения как результат аналитико-синтетического характера воображения могут проявляться в различных формах синтезирования образов. Наиболее распространенной формой искажения представлений у потерпевших, у лиц, переживших страх, аффект, находящихся в состоянии посттравматического стрессового расстройства, является *гиперболизация воспринятого,* которая выражается в преувеличении, изменении размера, формы и других качеств объекта. Например, люди, на которых совершено нападение, нередко преувеличивают рост, силу преступника и другие его особенности.

Чаще искаженные представления в результате активного воображения возникают у людей впечатлительных, эмоционально подвижных. Живое воображение иногда способствует некоторым расстройствам психической деятельности, особенно под влиянием психотравмирующих обстоятельств. В медицинской, следственной практике известны случаи, когда человек начинает ощущать болезненные симптомы, практически оставаясь здоровым. Эти психогенные расстройства получили название *ятрогении,* т.е. нежелательные изменения и расстройства психики в результате неправильного поведения врача. Наряду с ними вследствие неправильной, подчас невежественной оценки функциональных особенностей своего организма у мнительных по характеру людей иногда возникают различные пагубные самовлияния — *эгогении.*

Эти факторы (ятрогения и эгогения) в сочетании с искаженным воображением, повышенной тревожностью в некоторых случаях столь сильно травмируют психику, что человек может решиться на самоубийство. Поэтому, в подобных случаях следователь должен обращать внимание на особенности психики лица, покончившего жизнь самоубийством. Искаженное воображение иногда также является одной из причин различных противоправных конфликтов на семейно-бытовой почве.

Под влиянием искаженного образа, мнимой опасности человек может неадекватно реагировать на совершенно нейтральные раздражители, действуя в соответствии с созданной его воображением ситуацией нападения на него. Этому в значительной мере, как показывает практика, может способствовать посттравматическое, стрессовое расстройство психики субъекта. Поэтому при расследовании происшествий, возникающих на этой почве, необходимо обращать внимание на особенности психики обвиняемого, потерпевшего, свойства их мышления и воображения и другие обстоятельства.

Активное, творческое воображение — профессионально важное качество личности юриста. Особенно оно необходимо следователю, познавательная деятельность которого связана с прогнозированием ее ре-

зультатов, поведения различных участников уголовного процесса в ситуациях наибольшей неопределенности.

Например, осматривая место происшествия, следователь должен представить себе, что здесь могло быть, как вели себя участники преступного события. Если не известен виновный, по отдельным следам следователь стремится составить себе его образ, с тем чтобы потом более целенаправленно вести его розыск. Отдельные черты разыскиваемого, по крупицам собранные путем допросов многочисленных свидетелей, дополняют созданный воображением следователя образ.

Готовясь к предстоящему допросу неизвестного лица, следователь может представить, как тот будет реагировать на подготовленные вопросы, какие возражения допрашиваемый будет высказывать, как будет себя вести и в зависимости от этого намечает свою тактическую линию поведения.

Также активно проявляет себя воображение при подготовке к обыску и в ходе его проведения, когда следователь пытается по отдельным отрывочным данным составить себе общую картину обыскиваемого помещения и в соответствии с этим планирует все необходимые поисковые мероприятия.

Положительное влияние на развитие и плодотворность воображения юриста оказывают приобретенные знания, опыт, чтение художественной и специальной литературы, знакомство с произведениями искусства.

§ 4. Внимание в профессиональной деятельности юриста

Внимание. Направленность психических познавательных процессов обеспечивает выделение в изучаемых объектах существенных признаков, наилучший контроль за ними в ходе любой деятельности. Такая направленная активность познавательных процессов, сознания человека получила название внимания.

Внимание — это психическое явление, состоящее в сосредоточенности сознания, отельных психических процессов на определенном объекте с одновременным отвлечением от посторонних раздражителей.

Благодаря вниманию человек отбирает нужную информацию, обеспечивает избирательность различных программ своей деятельности, сохраняет должный контроль над своими действиями. Первоначально внимание возникает как настороженность, своего рода готовность к восприятию того или иного объекта, постепенно перерастающая в его созерцание и дальнейшее углубленное изучение (С.Л. Рубинштейн).

Внимание проявляется в различных психических (восприятие, мышление), двигательных процессах. Не имея своего особого содержания, внимание сопутствует всякой деятельности как составной элемент этих процессов. Характеризуя динамику (направленность, избирательность) познавательных процессов, внимание неотделимо от них. С одной стороны, оно предстает как сложный познавательный процесс, тесно связан-

ный с психическими процессами, особенно с восприятием, памятью, мышлением. С другой стороны, внимание является психическим состоянием, в результате которого улучшается деятельность. Внимание порождается деятельностью и сопутствует ей. За ним всегда стоят потребности, интересы, желания, установки, направленность личности.

В условиях профессиональной деятельности юриста значение внимания особенно велико. Во-первых, оно непосредственно влияет на качество выполнения им своих функциональных обязанностей. Во-вторых, умение следователя, судьи, прокурора правильно определить качественную сторону внимания участников уголовного и гражданского процессов помогает более объективно оценить их показания.

Факторы, определяющие внимание. Факторы, обеспечивающие избирательный характер познавательных процессов, объем и устойчивость сознательной деятельности, могут быть объединены в две основные группы[1].

Внешние факторы, определяющие направленность внимания. К ним прежде всего относятся интенсивность, сила раздражителя. Любой сильный раздражитель (резкий звук, яркий свет, неприятный запах и т.д.) привлекает внимание человека. Особую роль в привлечении внимания играет *контраст раздражителей.* Поэтому, если субъект утверждает, что он не обратил внимание на какой-либо сильный раздражитель, то это может свидетельствовать о том, что он либо находился в каком-то необычном психофизиологическом состоянии, или просто не желает по какой-то причине говорить правду.

Другим внешним фактором, влияющим на качество внимания, может быть *новизна раздражителя* (абсолютная или относительная) либо вовсе полное отсутствие привычного раздражителя.

Одним из внешних факторов, положительно влияющих на общий уровень внимания, является структурно упорядоченная организация раздражителей, действующих на разные анализаторы. Поэтому в процессе любой деятельности необходимо обеспечивать наиболее рациональные формы организации потока информации (А.Р. Лурия). Данная рекомендация имеет особо актуальное значение, например для следователя, действующего в ситуации проведения обыска, осмотра места происшествия, когда умение организовывать свое внимание во многом обеспечивает качественное выполнение им своих служебных обязанностей, получение наиболее полного объема доказательственной информации.

Субъективные факторы, определяющие направленность внимания. К этим факторам относятся: соответствие внешних раздражителей потребностям человека, та значимость, которую он придает этим раздражителям. К субъективным факторам, влияющим на поддержание внимания, также относятся чувства, эмоции, которые вызываются воспринимаемыми объектами, интерес человека к изучаемому явлению. Сильный интерес делает соответствующие сигналы доминирующими,

[1] См.: *Лурия А.Р.* Внимание и память: Материалы к курсу лекций по общей психологии. Ч. III. М., 1975. С. 5.

тормозя при этом побочные раздражители, не относящиеся к сфере интересов человека.

Субъект, который совершает противоправные действия, находится под интенсивным воздействием внешних и субъективных факторов, которые порой мешают ему сосредоточиться и целенаправленно управлять своим вниманием на месте происшествия, в результате чего ему не удается полностью уничтожить или скрыть следы своей причастности к совершенному преступлению.

Усвоение следователем этой очевидной истины должно мобилизовывать все его интеллектуальные силы, знания, опыт на поиск следов преступления в самой, казалось бы, безнадежной с точки зрения раскрытия преступления следственной ситуации. При решении подобных сложных задач особую роль играют волевые усилия следователя, позволяющие ему сосредоточить свое внимание на тех или иных предметах обстановки места происшествия.

На уровень внимания в значительной степени влияют: общее состояние здоровья человека, психофизиологические расстройства, усталость, приводящие к снижению объема внимания, к появлению рассеянности.

Если внешние факторы во многом определяют уровень *непроизвольного внимания,* которое сказывается на процессах восприятия событий свидетелями, потерпевшими, то субъективные факторы, особенно воля, формируют высшую форму внимания, присущую человеку, — *произвольное внимание,* которым юрист должен управлять.

В процессе деятельности напряженность внимания изменяется и может наступить момент, когда для поддержания его на должном уровне уже не требуются волевые усилия. В таких случаях говорят о наиболее развитой, устойчивой, социально обусловленной форме внимания — *послепроизвольном внимании,* направляющем познавательные процессы человека в личностно значимой для него деятельности.

Характеристика внимания. Внимание представляет собой сложное психическое явление, наделенное целым рядом характеризующих его признаков, среди которых можно выделить следующие.

Объем внимания. Объем внимания определяется количеством изолированных элементов, одновременно воспринимаемых субъектом. Для взрослого человека объем внимания охватывает примерно 6 элементов. Если между этими элементами устанавливаются смысловые связи, то объем внимания возрастает. Однако чрезмерное увеличение объема внимания может отрицательно отразиться на его интенсивности и, следовательно, отрицательно повлиять на результаты деятельности. Данную особенность внимания следует учитывать во время осмотра места происшествия, обыска. Стремление быстрее завершить работу за счет расширения объема внимания, как правило, приводит к тому, что из поля зрения ускользают более мелкие объекты, различного рода следы и т.п.

Концентрированность и распределяемость внимания. Концентрированность внимания выражается в том, что при необходимости со-

знание человека, как правило, направляется на один объект или контролирует один вид деятельности.

Однако концентрация внимания на одном объекте приводит к положительному результату только в том случае, если субъект способен своевременно и последовательно переключать его и на другие объекты. Поэтому такие свойства внимания, как концентрированность, распределяемость, объем тесно связаны между собой.

Распределяемость внимания позволяет одновременно совершать несколько действий, следить за несколькими независимыми процессами. Умение распределять внимание является профессионально важным качеством юриста, особенно следователя, прокурора, судьи. В условиях возрастающих нагрузок, когда у следователя может находиться в производстве значительное количество уголовных дел, очень важно, чтобы эти дела со своими сроками движения постоянно были в сфере внимания следователя и по каждому из них он мог планировать и своевременно проводить следственные действия, укладываясь в установленные законом сроки расследования.

Устойчивость внимания. Данное качество внимания определяется продолжительностью сосредоточенности сознания на каком-либо одном объекте. Хорошо известно, что внимание подвержено периодическим непроизвольным колебаниям. Периоды таких колебаний в среднем составляют от 2 до 12 с. Они связаны с утомлением и адаптацией органов чувств. Это еще раз подтверждает, что внимание в своей физиологической основе неустойчиво.

С точки зрения решения практических задач нас больше интересуют колебания внимания, которые имеют место при продолжительных занятиях человека какой-либо деятельностью. Замечено, что в этих условиях непроизвольное отвлечение внимания от объекта происходит через 15—20 мин.

Наиболее простым способом поддержания устойчивости внимания является волевое усилие. Но оно действует до тех пор, пока не будут исчерпаны возможности психики, после чего неизбежно появляется состояние утомления, которое можно предупредить кратковременными перерывами в работе, особенно если она однообразна и сопряжена со значительными психофизиологическими перегрузками.

Можно также продлить устойчивость внимания на определенное время, если попытаться отыскать в том или ином предмете новые признаки, посмотреть на него как бы со стороны, под другим углом зрения. В ином случае наше сознание заходит «как бы в тупик», и тогда «создаются предпосылки для легкой отвлекаемости и неизбежно наступают колебания внимания»[1].

Таким образом, сохранить на должном уровне устойчивость внимания к изучаемому предмету можно, как бы заставляя этот предмет «развиваться» на наших глазах, чтобы он обнаруживал перед нами каждый

[1] *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии // Хрестоматия по вниманию. М., 1976. С. 235.

раз свое новое содержание. «Лишь изменяющееся и обновляющееся содержание, — пишет об этом процессе С.Л. Рубинштейн, — способно поддерживать внимание»[1]. Данное положение психологии лежит в основе разработанной в криминалистике динамической стадии осмотра места происшествия.

Переключаемость внимания. Устойчивость внимания не исключает его гибкости, переключаемости, лежащей в основе способности субъекта быстро ориентироваться в изменяющейся обстановке, перестраиваться по ходу запланированной работы.

Весьма распространенным приемом, позволяющим в течение всего рабочего дня поддерживать на должном уровне внимание, является смена действий (видов деятельности), например, чередование допросов с составлением процессуальных документов, изучение поступивших материалов с приемом посетителей.

Внимательность является профессионально важным свойством личности юриста. Внимательность формируется в ходе активного участия в профессиональной деятельности, в результате развития юристом воли, целеустремленности, осознания им важности решаемых задач. Внимание лежит в основе таких значимых в профессиональном отношении свойств личности юриста, как любознательность, наблюдательность, высокая работоспособность и творческая активность.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Что такое ощущение и восприятие? В чем их сходство и различие?
2. Виды ощущений, их основные свойства.
3. Виды восприятия, основные свойства, закономерности восприятия.
4. Значение перцептивных процессов в профессиональной деятельности юриста.
5. Что такое память?
6. Виды памяти, их характеристика.
7. Основные процессы памяти, учет закономерностей памяти юристом.
8. Мнемические приемы, улучшающие запоминание, использование их юристом в своей профессиональной деятельности.
9. Приемы активизации памяти участников судопроизводства.
10. Что такое мышление, его виды?
11. Охарактеризуйте вербально-логическое мышление, покажите его роль в деятельности юриста.
12. В чем состоят особенности творческого мышления?
13. Охарактеризуйте этапы мыслительного процесса. Как они проявляются в деятельности следователя?
14. Какими качествами должно отличаться мышление юриста?
15. Перечислите способы активизации мыслительной деятельности, которые могут использоваться юристами в своей профессиональной деятельности.
16. Что представляет собой воображение и каково его значение в деятельности юриста?
17. Что такое внимание? Перечислите характеризующие его признаки и виды.
18. Какие факторы влияют на объем и качество внимания?
10. Роль внимания в профессиональной деятельности юриста.

[1] *Рубинштейн С.Л.* Указ. соч. С. 235—236.

Глава 5
ЭМОЦИИ, ЧУВСТВА, ПСИХИЧЕСКИЕ СОСТОЯНИЯ, ИХ ПСИХОЛОГО-ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА

Общее представление об эмоциях, чувствах, психических состояниях. Состояния эмоциональной напряженности: тревоги, страха, стресса, фрустрации. Посттравматические стрессовые расстройства психики. Аффект и его разновидности. Страдания. Учет и правовая оценка эмоциональных состояний в уголовном и гражданском процессах при расследовании преступлений, в ходе разрешения гражданско-правовых споров в суде. Нейтрализация негативного воздействия на психику состояний эмоциональной напряженности.

§ 1. Общее представление об эмоциях, чувствах, психических состояниях

1. Установление истины по уголовным делам, разрешение гражданско-правовых споров в суде нередко сопровождаются различными эмоциональными явлениями, во многом определяющими поведение людей, их поступки. Некоторые психические, эмоциональные состояния, чувства тяжело переживаются, вызывают у них нравственные страдания, порой нанося им непоправимый моральный и даже физический вред. Иногда такие состояния могут проявляться в качестве побудительной силы, которая толкает человека к агрессивным формам реагирования, в том числе и к совершению противоправных действий насильственного характера.

Поэтому данное обстоятельство учитывается в практике борьбы с преступностью при решении вопросов, связанных с привлечением к уголовной ответственности, при назначении наказания, при изучении мотивационной сферы личности субъекта, совершившего преступление, во многом объясняющей причины его противоправного поведения.

Более того, в некоторых статьях Уголовного кодекса РФ необычные состояния психики признаются квалифицирующим признаком некоторых преступлений, например внезапно возникшее сильное душевное волнение (аффект), вызванное насилием, издевательством или тяжким оскорблением, либо иными противоправными или аморальными действиями (бездействием), а равно длительной психотравмирующей ситуацией, возникшей в связи с систематическим противоправным или аморальным поведением потерпевшего (ст. 107, 113 УК РФ). Необычное состояние психики виновного в момент совершения им преступления в некоторых случаях может учитываться судом в качестве обстоятельства, смягчающего наказание, — закон не запрещает этого (ст. 61 УК РФ).

При разрешении гражданско-правовых споров в ряде случаев следует также оценивать влияние различных эмоциональных состояний на поведение сторон в некоторых конфликтных ситуациях.

Все это, безусловно, требует понимания данного класса психических явлений, профессионально грамотной их оценки юристами при изучении поведения субъектов различных правоотношений, учета этих психических состояний в коммуникативных процессах с различными участниками процесса.

2. К наиболее простой форме рассматриваемых эмоциональных проявлений психики относятся эмоции (в буквальном переводе с латинского *emoveo* — потрясаю, волную).

Эмоция — это форма психического отражения окружающего мира в виде кратковременных переживаний человека, выражающих его субъективное отношение к происходящему. Эмоции имеют отчетливо выраженный ситуативный характер, т.е. выражают личностное оценочное отношение человека к складывающимся или возможным ситуациям[1]. Причем на возникновение эмоций существенное влияние оказывают необычность, новизна этих ситуаций. Поэтому любая новая, личностно значимая для субъекта ситуация нередко приобретает для него в той или иной мере эмоционально окрашенный тон.

Эмоции всегда связаны с удовлетворением либо неудовлетворением каких-либо важных для человека потребностей. Появлению эмоций также могут способствовать избыточная нереализованная мотивация субъекта, недостаток информации о каких-то значимых для него явлениях.См.: Выходя из-под контроля сознания, эмоции оказывают сильное воздействие на поведение человека, его настроение, мышление, нередко препятствуя осуществлению им своих намерений, выполнению профессиональных обязанностей, влияют на его здоровье. Иногда эмоциональные реакции носят довольно неопределенный, «диффузный» характер, смешиваясь, частично изменяясь, вследствие чего возникают новые эмоциональные состояния[2].

В результате этого человек может переживать целый комплекс эмоций, обусловленных не только удовлетворением физиологически важных для него потребностей, но и различными обстоятельствами, связанными с условиями его бытия. Например, такие эмоции, как гнев, отвращение и презрение образуют своеобразный эмоциональный комплекс враждебности, который может перерасти в чувство враждебности, лежащее в основе агрессивного противоправного поведения.

Доминирование в мотивационной сфере личности подобных эмоций по-разному влияет на поведение людей, увеличивая либо, напротив, уменьшая, с учетом, разумеется, и других факторов, вероятность совершения насильственных действий.

[1] См.: *Леонтьев А.Н.* Потребности, мотивы и эмоции: Конспект лекций. М.: Изд-во МГУ, 1971. С. 37.

[2] См.: *Рейковский Я.* Экспериментальная психология эмоций. М., 1979. С. 22, 96.

3. Более емким и в большей степени социально, интеллектуально насыщенным проявлением психики по сравнению с эмоциями являются *чувства,* которые так же, как и эмоции, представляют собой одну из форм психического отражения действительности, выражающую отношение человека к окружающему миру. Однако если эмоции чаще всего ситуативно обусловлены, то чувства в отличие от них в большей мере определяются социальными, нравственными, общественно-историческими условиями, влияющими на формирование личности, характеризуются большей устойчивостью, глубиной, продолжительностью переживаний. Именно поэтому мы говорим не об эмоциях, а о чувствах патриотизма, любви, сострадания, нравственного долга и т.д.

Воспитание чувств является важной задачей в формировании личности современного человека.

4. Длительное переживание эмоций (эмоциональных комплексов), чувств нередко переходит в довольно стойкие, сложные, порой внутренне противоречивые *эмоциональные состояния психики* (психические состояния), которые рассматриваются как целостные, динамические, относительно устойчивые личностные образования, во многом определяющие своеобразие психической жизни человека на определенном этапе его жизненного пути.

Эмоциональные состояния формируют *настроение,* окрашивающее продолжительное время психические процессы, определяющее направленность субъекта и его отношение к происходящим явлениям, событиям, людям.

Некоторые чувства, эмоциональные состояния становятся ведущими, доминирующими в структуре личности и в силу этого могут серьезно влиять на формирование характера.

В повседневной жизни эмоции и чувства своевременно сигнализируют человеку о воздействующей на него окружающей среде, свидетельствуют о происходящих в его организме процессах, изменениях. Иногда эмоция выступает в качестве признака какого-либо заболевания, которое она сопровождает[1]. Эмоции, чувства оказывают серьезное влияние на поведение, познавательную активность людей. «Давно известно, что эмоции, как и другие мотивационные состояния, влияют на восприятие. Обрадованный субъект склонен воспринимать мир сквозь «розовые очки». Для страдающего или опечаленного человека характерна тенденция интерпретировать замечания других как критические. Испуганный же субъект склонен видеть лишь пугающий объект (эффект «суженного» зрения). У разгневанного человека появляются лишь «сердитые мысли»[2].

Повышение эмоциональной напряженности воздействует на сознание, и постепенно познавательная активность может определяться уже не объективными условиями и реальными возможностями субъекта, а качеством, силой доминирующих у него эмоциональных переживаний, что

[1] См.: *Рейковский Я.* Указ. соч. С. 85.
[2] *Изард К. Е.* Эмоции человека. М., 1980. С. 21—22.

иногда приводит к свертыванию процесса познания и, как следствие этого, к субъективизации, одностороннему подходу к принятию решений.

Динамика эмоциональных состояний имеет фазовый характер. Возбуждение, активизация сменяются торможением, разрядкой, степень которых зависит от характера воздействующих раздражителей, от особенностей личности.

В случае возникновения ситуации, имеющей неопределенный, противоречивый характер, субъект может испытывать *двойственные (амбивалентные) эмоциональные состояния, чувства,* нарушающие его привычную деятельность, вызывающие озабоченность, повышенную тревожность. Такое психическое состояние может переживать, например, подозреваемый, когда испытываемые им угрызения совести, чувство вины за содеянное и одновременно страх перед наказанием сопровождаются надеждой избежать ответственности из-за недоказанности причастности его к совершенному преступлению.

Состояние повышенной тревожности, неопределенности отрицательно влияет на критическое осмысление сложившейся ситуации, лишает подозреваемого возможности обдуманно противодействовать усилиям следователя. Именно на это рассчитывал известный персонаж романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» следователь Порфирий Петрович, умышленно оставлявший в этом состоянии Раскольникова, не желая его, как он говорил, «психологически определять и успокаивать».

О переживании человеком сильных эмоциональных состояний свидетельствуют различные изменения в деятельности его нервной, эндокринной, сердечно-сосудистой систем, выражение лица, речь, психомоторика. Во многом это связано с вегетативной нервной системой, влияющей на функционирование внутренних органов, частоту сердечных сокращений, артериальное давление, ритм дыхания, интенсивность потоотделения и т.д.

Экспрессивная сторона эмоциональных состояний нередко бывает наполнена смысловым содержанием, что выражается в различных формах общения людей. Например, следователю приходится сталкиваться с таким довольно распространенным явлением, когда некоторые заподозренные лица умышленно, чтобы не проявить свою заинтересованность в деле, вызвать к себе жалость, убедить в своей непричастности к преступлению, скрывают подлинные переживания, симулируют эмоции и чувства, которых у них нет, с помощью мимики, жестов и т.п.

5. Эмоции, чувства оказывают большое влияние на эффективность правоохранительной деятельности юриста. Велика роль эмоциональных состояний в развитии межличностных отношений следователя, прокурора, судьи, защитника с различными участниками уголовного, гражданского процесса, в установлении с ними психологического контакта, взаимопонимания.

Владение языком эмоций и чувств — профессионально важное умение юриста. С одной стороны, оно выражается в способности распознавать эмоциональные проявления, переживания других лиц, выявлять си-

мулятивныи характер демонстрируемых ими чувств и эмоции, с другои — это умение проявляется в правильном выборе наиболее выразительных форм реагирования, в демонстрации юристом своего эмоционального состояния, адекватного той или иной коммуникативной ситуации.

Таким образом, эмоции, чувства, эмоциональные состояния являются фактором, повышающим либо, когда они игнорируются, напротив, понижающим результативность профессиональной деятельности.

Руководители правоохранительных органов должны заботиться о том, чтобы их подчиненные имели деловое, приподнятое настороение, создавать условия, исключающие появление у них негативных эмоций, и всячески поддерживать положительные психические состояния, к числу которых следует прежде всего отнести состояние деловой, познавательной активности.

§ 2. Состояния эмоциональной напряженности, их роль и значение в уголовном и гражданском процессах

К состояниям эмоциональной напряженности, активно влияющим на поведение лиц, вовлеченных в сферу правоохранительной деятельности, следует прежде всего отнести: состояния тревоги (тревожность), страха, стресса и его разновидности — фрустрации, аффект, а также страдания. Эти эмоциональные проявления чаще наблюдается в указанной сфере социально-правовых отношений именно потому, что многие конфликты между людьми, требующие строгого и четкого правового регулирования, связаны, как правило, с удовлетворением (либо, напротив, с неудовлетворением) тех или иных жизненно важных для них потребностей материального, социального, нравственного и т.п. характера. Более того, конфликтные ситуации, в которые вовлечены участвующие в них лица, нередко усугубляются опасностью для их жизни, здоровья, материального благополучия, неопределенной перспективой развития событий при отсутствии ясного осознания путей устранения возникшей опасности — существует ли она реально или имеет чисто субъективный характер. Рассмотрим данный класс психических явлений более подробно.

Состояние тревоги. *Состояние тревоги (тревога, тревожность) — особое эмоциональное состояние психической напряженности человека, возникающее в результате предчувствия им неопределенной, иногда неосознаваемой, неотвратимо приближающейся опасности.* Тревога вызывает активизацию внутренних ресурсов организма, психики человека до того, как наступает ожидаемое событие, помогая субъекту адаптироваться к изменяющимся условиям своего существования, выстоять в любой кризисной ситуации[1].

Тревога (состояние тревожности) нередко рассматривается в качестве эмоциональной реакции тревожного ожидания, несоразмерной

[1] См.: *Годфруа Ж.* Что такое психология. В 2 т. М., 1992. Т. И. С. 125.

опасности, в ряде случаев как реакция на воображаемую угрозу, возможную неудачу. То есть состояние тревожности часто бывает обусловлено не только самой ситуацией, имеющей место в действительности, но и тем, какой она представляется индивиду, какое он ей придает значение и какой смысл вкладывает в нее.

Поэтому роль субъективного фактора при оценке влияния состояния тревожности на поведение того или иного участника процесса исключительно велика. Одна и та же ситуация для одного субъекта может быть совершенно заурядной, не вызывающей никаких эмоций, а для другого — с учетом его индивидуально-психологических особенностей — явится источником сильных эмоциональных переживаний. В этом проявляется своего рода иррациональный характер тревожности, понимание которого помогает увидеть подлинные побуждения людей, их порой внутренне противоречивые, необъяснимые с точки зрения здравого смысла поступки, неадекватные формы поведения.

Весьма важная особенность данного эмоционального состояния психики объясняется еще и тем, что оно не лежит на поверхности в мотивационной сфере личности. Более того, состояние тревоги может даже и не осознаваться самим субъектом, что требует от суда еще большей проницательности на пути установления истины. Как метко подметила известная современная американская исследовательница личности К. Хорни, «тревога может быть определяющим фактором нашей жизни, оставаясь в то же самое время не осознанной нами». Вследствие этого «многие затруднения, — продолжает она, — обычно приписываемые чрезмерной работе, вызываются в действительности не самой работой, а порой тревогой, которая связана с работой или отношением к коллегам»[1].

В этой связи интересно отметить, что еще З. Фрейд с позиций психоанализа рассматривал состояние тревожности как «готовность к страху», как «страх ожидания», «боязливое ожидание». А поскольку это состояние в значительной мере связано с особенностями психики людей, отличающихся от других по складу своего характера большей чувствительностью, боязливостью, пессимизмом, нежели с объективными обстоятельствами, он называл тревожность «невротическим страхом» (в отличие от «реального страха»)[2].

Компонентами тревожного состояния обычно являются такие эмоции, как умеренный страх, стыд, вина и некоторые другие. Однако в этом комплексе эмоций доминирующими являются умеренно выраженные опасения, беспредметный страх по самым различным поводам.

О переживании субъектом состояния тревоги обычно свидетельствуют различные физиологические, а также определенные внешне наблюдаемые поведенческие признаки (напряженное выражение лица, сниженная активность, заторможенность), нарушения вегетативной нервной системы, познавательной деятельности, нередко проявляемые

[1] *Хорни К.* Невротическая личность нашего времени. М., 1993. С. 34—35, 37, 45.
[2] *Фрейд З.* Введение в психоанализ: Лекции. М., 1991. С. 250—252.

Рис. 5.1. Из серии«Самоубийство» (Х. Бидструп)

в неадекватной оценке угрожающей обстановки в сторону ее еще большего усложнения, в несоответствующих реальным условиям принимаемых решениях, вплоть до принятия решений суицидального характера. Весьма образно состояние глубочайшей тревоги, предрасполагающей к самоубийству, передал известный датский художник Х.Бидструп (рис. 5.1).

Эмоциональные реакции на опасность в состоянии тревоги могут сопровождаться такими физическими ощущениями, как дрожь, учащенное дыхание, сердцебиение, усиленное потовыделение, удушье, частые побуждения к мочеиспусканию, понос, рвота, в психологической сфере — чувство нетерпения и т.п. Все эти ощущения могут быть настолько интенсивными, что сильная тревога (равно как и страх) может завершиться сердечным приступом либо даже летальным исходом[1].

Человек, переживающий тревогу, ощущает свою беспомощность, неопределенность собственного положения, неуверенность, беззащитность перед надвигающейся опасностью. При этом состояние тревоги нередко усиливается в ситуации мотивационного конфликта, когда субъект, пытающийся найти правильное решение, находится под воздействием взаимоисключающих мотивов достижения и одновременно мотивов избегания (боязни) неудачи, что еще более отрицательно воздействует на его активность, а порой и парализует ее вовсе.

Поэтому сильную тревогу вполне обоснованно некоторые психологи называют самым неопределенным и поэтому самым мучительным состоянием эмоциональной напряженности, вызывающим у человека *страдания*[2]. Чрезмерное эмоциональное возбуждение, прежде всего тревоги, считают другие, — может привести к патологическим нарушениям, вплоть до появления симптомов некоторых психических расстройств и заболеваний[3]. «Интенсивная тревога является одним из самых мучительных аффектов, которые мы можем испытывать... Некоторые составляющие аффекта тревоги могут быть особенно непереносимыми для человека. Одной из них является беспомощность. Можно быть активным и храбрым перед лицом большой опасности. Но в состоянии тревоги чувствуешь себя — и на самом деле являешься — беспомощным»[4].

[1] См.: *Хорни К.* Указ. соч. — С. 33, 39—40.
[2] См.: *Собчак Л.Н.* Стандартизированный многофакторный метод исследования личности. М., 1990. С. 44.
[3] См.: *РейковскийЯ.* Указ. соч. С. 100.
[4] *Хорни К.* Указ. соч. — С. 37.

Все это, представляется, нужно учитывать при оценке психического состояния виновного по уголовным делам в качестве обстоятельства, смягчающего наказание, тем более что законодатель не исключает такой возможности (см., например, п. «е» ч. 1, ч. 2 ст. 61 УК РФ), при расследовании уголовных дел, связанных с самоубийствами, а также при разрешении гражданско-правовых споров, связанных с компенсацией морального вреда гражданину, перенесшему нравственные и физические страдания (ст. 151, 1101 ГК РФ).

Кроме того, говоря о состоянии тревоги как о факторе, вызывающем страдания у потерпевшего, следует обратить внимание на содержание ст. 117 УК РФ, предусматривающей уголовное наказание за истязание. Как видно из этой статьи уголовного закона, одним из составных элементов истязаний законодатель признает *«психические страдания»,* которые в свою очередь могут быть обусловлены состоянием тревоги, являющейся следствием различных насильственных действий, в том числе и психического характера, например в виде угроз совершить убийство, похитить ребенка и т.п. Поэтому установление того факта, что потерпевший в результате этих действий подсудимого пережил состояние сильной тревоги, послужившей причиной его психических страданий, может служить одним из доказательств виновности последнего по ст. 117 УК РФ.

Равнозначными по смыслу и значению с понятиями тревоги, тревожности в психологии являются термины *«волнение», «беспокойство»,* которые (особенно последнее) нередко употребляются либо как составные элементы состояния тревоги, либо в качестве синонимов в контексте с неблагоприятно развивающимися для субъекта или его близких событиями, хотя в этих терминах предусматриваются и некоторые смысловые оттенки. Так, если состояние тревоги (тревожность) имеет некоторый пессимистический оттенок, обусловленный ожиданием возможной опасности, то состояние волнения может связываться не только с негативными обстоятельствами, но и с ожиданием чего-то приятного, радостного.

Некоторые отличия имеются и между состояниями тревоги и беспокойства. В психологической литературе первое из них обычно употребляется в контексте с угрозой собственной личности, второе — в связи с переживаниями за других лиц.

Таким образом, состояние тревоги (тревожность) чаще бывает связано с ожиданием возможной опасности, неудачи. Оно сигнализирует человеку о надвигающейся угрозе и в этом смысле играет важную роль своеобразного «сторожа», побуждающего нас к целенаправленному поведению, поиску источников опасности и путей ее преодоления. С этой точки зрения тревога как вполне нормальное психическое состояние (если она не «зашкаливает») имеет положительное значение.

С другой точки зрения, состояние тревоги, как отмечалось выше, у некоторых людей, несмотря на то, что оно сигнализирует о надвигающейся опасности, вместо активности вызывает состояние беспомощности, неуверенности в своих силах. Это приводит к дезорганизации целе-

направленного поведения, свертыванию активности, снижению продуктивности деятельности, к появлению неврозов. В этом проявляется отрицательная роль состояния тревожности (тревоги).

Воздействие на психику, сознание человека состояния тревоги зависит не только от его индивидуально-психологических особенностей, его конституциональной предрасположенности к переживанию тревоги, но и от культурной, социальной среды, оказавшей ранее и продолжающей оказывать в данной ситуации свое огромное воздействие на рациональное мышление и поведение субъекта. Поэтому оценка судом состояния тревожности у того или иного участника процесса должна проводиться с учетом личности субъекта, его социального статуса, самооценки, ценностных ориентаций, уровня интеллектуального развития, приобретенного опыта и т.п.

Известно, например, что некоторые люди вообще не склонны остро переживать состояние тревоги. Она как бы неведома им, не проявляется у них даже в минуты реальной опасности. У таких лиц отсутствует должная осторожность и предусмотрительность в поведении, значительно снижен уровень самоконтроля. В большей мере это свойственно молодым, беспечным по своему характеру, социально незрелым людям, к тому же не имеющим достаточного жизненного опыта, а иногда и просто со сниженным уровнем интеллекта, с неразвитыми когнитивными, прогностическими способностями. Нередко эти качества отражаются на их легкомысленном, небрежном отношении к своим поступкам. При определенных условиях все это может способствовать совершению такими лицами противоправных действий по неосторожности. Такой оценочный подход не исключается содержанием ст. 26 УК РФ.

Кроме того, сниженный уровень тревожности у субъекта может благоприятствовать формированию так называемого *виктимного поведения*[1] потерпевших в ситуациях возможных сексуальных посягательств на них. Установлено, что трагическая развязка в подобного рода криминальных ситуациях в значительной мере бывает связана с так называемым «способствующим поведением» потерпевшей, составными элементами которого являются: легкое вступление будущей жертвы в контакт с незнакомыми людьми, легкомысленное, некритическое принятие ею различных знаков внимания от посторонних лиц, рискованность поведения в незнакомой обстановке и т.п.[2] И все это в значительной мере объясняется неразвитостью у потерпевшей тревожности, ее неспособностью ощущать тревогу в опасных для себя ситуациях, что говорит о ее потенциальной *психической беспомощности* перед лицом неожиданно возникающей опасности.

[1] Виктимология — учение о жертве преступления, наука о потерпевшем, потенциально обладающем способностью стать жертвой преступного посягательства.

[2] Подробнее см.: *Конышева Л.П.* Судебно-психологическая экспертиза психического состояния несовершеннолетней жертвы изнасилования: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1988. С. 17.

Именно поэтому отсутствие тревожности (наряду со сниженным интеллектом, с некоторыми другими особенностями личности) точно так же, как и высокий, значительно превышающий норму показатель тревожности, парализующий волю, активность потерпевшей, следует рассматривать в качестве одного из составляющих элементов психологического содержания такого уголовно-правового понятия, как *«беспомощное состояние потерпевшей»* (см. ст. 131, 132 УК РФ).

Опасность в случае тревоги обычно усиливается психологическими факторами, а беспомощность еще более усугубляется собственным отношением к ней человека. Эту закономерность важно учитывать при расследовании указанных выше преступлений, когда с точки зрения здравого смысла, житейской психологии невозможно объяснить поведение потерпевшей, а также когда требуется юридически грамотно оценить действия лица, находившегося в ситуации превышения необходимой обороны, крайней необходимости, а также в каких-либо иных экстремальных условиях деятельности.

При рассмотрении тревожности различают: *личностную тревожность (ЛТ)* в качестве константного, устойчивого свойства индивида и *ситуативную тревожность (СТ)* как временное состояние психики в виде реакции человека на возникшую угрозу, которая появляется и исчезает вместе с ней.

Личностная тревога в отличие от ситуативной определяется в первую очередь особенностями, свойствами характера, темперамента субъекта и отражает внутренний динамический конфликт его личности. Подмечено, что чем беззащитнее человек, тем большей представляется ему возникающая опасность, тем тревожнее он чувствует себя, тем шире круг ситуаций, которые переживаются им как угрожающие и вызывающие состояние тревоги.

Лица с высоким уровнем ЛТ проявляют повышенную тревожность даже в отношении мелких житейских проблем. Они более склонны к застреванию на негативных переживаниях, сопровождаемых чувством собственной вины, невыполненного долга и т.д. Такие люди из-за своей избыточной тревожности часто бывают нерешительными, неуверенными в себе, живут в постоянном беспокойстве, а иногда и в страхе за свое будущее. Они постоянно озабочены последствиями своих поступков, пребывают в ожидании всевозможных неудач, для защиты от которых принимают излишние меры предосторожности. Повышенная чуткость к опасности у них обычно сочетается с неверием в собственные силы и возможности. В то же время они весьма обязательны и ответственны, более склонны к частым сомнениям, перепроверке сделанного. Будучи в значительной мере подвластными средовым воздействиям, имеют сниженный порог сопротивляемости к стрессу[1].

[1] См.: *Мельников В.М., Ямпольский Л.Т.* Введение в экспериментальную психологию личности. М., 1985. С. 38; *Собчик Л.Н.* Указ. соч. С. 42—45; *Березин Ф.Б., Мирошников М.П., Соколова Е.Д.* Методика многостороннего исследования личности. М., 1994. С. 72—79.

Таким образом, если СТ — это типичное состояние эмоциональной напряженности, обусловленное конкретной ситуацией, то ЛТ в отличие от СТ — постоянное свойство характера, черта личности, проявляющаяся в склонности индивида испытывать тревогу вне зависимости от силы угрожающего фактора, в значительной мере влияющая на выработку им тактики поведения и всей своей жизненной стратегии в целом. Это приобретенная субъектом поведенческая диспозиция, побуждающая его воспринимать широкий круг объективно безопасных для него явлений в качестве угрожающих и реагировать на них повышением тревожности, объективно не соответствующей масштабу действительной опасности[1].

Повышенный уровень ЛТ свидетельствует также о сниженной эмоциональной устойчивости индивида, его невысоких социально-адаптивных качествах, недостаточной активности, целеустремленности в достижении успехов, что представляет несомненный интерес, когда проводится профессионально-психологический отбор на службу в правоохранительные органы.

Личностная тревожность развивается из ситуативной, особенно если последняя часто переживается человеком. В результате этого периодически повторяющееся состояние тревоги постепенно переходит в новое качество личности — свойство характера. Примером такой личности является небезызвестный персонаж рассказа А.П. Чехова «Человек в футляре» учитель Беликов, который угнетал всех своей «осторожностью, мнительностью, своими чисто футлярными соображениями» по всякому поводу, руководствуясь принципом «как бы чего не вышло».

Таким образом, личностная тревожность в свою очередь проявляется через ситуативную, которая дает для нее как бы выход в конкретных обстоятельствах. Поэтому, чтобы оценить уровень личностной тревожности человека, следует выявить у него ситуативные проявления тревоги.

Именно такой подход использован при конструировании целого ряда личностных опросных диагностических методик, о которых шла речь в главе 3 (MMPI, 16-ФЛО Р.Б. Кеттелла и др.), позволяющих выявлять и оценивать личностную тревожность как черту, свойство, особенность характера (низкое значение фактора F по 16-ФЛО; пик 2-й, 7-й шкалы в пределах нормативного профиля личности по MMPI) и одновременно как временное психическое эмоциональное состояние в виде ситуативной тревожности, например высокое значение фактора О по 16-ФЛО на момент обследования испытуемого.

Тревожность оказывает влияние на формирование личности, ее самосознание, самооценку, уровень притязаний, мотивы, побуждающие человека к различным формам активности. Периодически переживаемое субъектом чувство тревоги влияет на выработку им личностной стратегии поведения, на его поступки в состоянии стресса, фрустрации в условиях конфликтного выбора принимаемых решений, в том числе криминального характера. Последнее, безусловно, нельзя не учитывать

[1] См.: *Хекхаузен Х.* Мотивация и деятельность. В 2 т. М., 1986. Т. I. С. 247.

при оценке мотивов совершенного преступления, квалификации содеянного, индивидуализации наказания с учетом обстоятельств, смягчающих ответственность виновного.

Состояние тревожности нередко бывает связано с другими эмоциями, психическими состояниями, такими, например, как страх, состояние психической напряженности (стресс) и с некоторыми другими, часто предшествуя их появлению, являясь их своеобразной прелюдией.

Состояние (эмоция) страха. Весьма близкой по характеру своего происхождения к состоянию тревожности является эмоция страха. Как и тревога, страх также во многом связан с прогнозированием, ожиданием субъектом надвигающейся опасности. Однако в отличие от тревоги страх в большей мере является эмоциональной реакцией на конкретную, чаще объективно существующую, реальную угрозу. Как писал С.Л. Рубинштейн, «человеку может быть «вообще» тревожно, но боятся люди всегда чего-то...»[1].

3. Фрейд придавал большое значение страху, видя в нем проявление инстинкта самосохранения, «узловой пункт, в котором сходятся самые различные и самые важные вопросы, тайну, решение которой должно пролить яркий свет на всю нашу душевную жизнь»[2].

Страх, по мнению известного исследователя эмоциональных состояний Кэррола Е. Изарда, является наиболее опасной из всех эмоций[3]. Страх мешает людям использовать свои способности, добиваться поставленных целей, быть счастливыми и довольными. Переживание страха обычно варьируется от предчувствия опасности, боязни, до ощущения испуга, ужаса. В последнем случае ситуация, вызывающая интенсивный страх (аффект страха), может даже завершиться летальным исходом.

Обычно страх зарождается, когда источник тревоги невозможно устранить, и она переходит, постепенно трансформируясь, в состояние страха, который является своего рода производным продуктом воздействия на психику, сознание человека переживаемой им тревоги и ее интеллектуальной переработки.

Наиболее общими причинами появления страха считаются следующие: ощущение субъектом непреодолимой опасности для себя и своих близких, ощущение приближающейся неудачи, чувство собственной беспомощности, беззащитности перед ней.

Установление указанных факторов в суде при рассмотрении уголовных дел о преступлениях, содержащих угрозу, запугивание, при разрешении гражданско-правовых споров о признании недействительности сделок, совершенных под влиянием угрозы, заблуждения, когда лицо не было способно на должном когнитивном уровне понимать значение своих действий или руководить ими, может явиться, на наш взгляд, убедительным доказательством того, что субъект (потерпевший, граждан-

[1] *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. Т. II. С. 167.
[2] *Фрейд З.* Указ. соч. С. 251.
[3] *Изард К.Е.* Указ. соч. С. 313.

ский истец и т.д.) действительно пережил состояние страха. А это в свою очередь может быть использовано в процессе доказывания совершенного преступления, а также при признании недействительности сделки, причинении субъекту морального вреда.

Одной из распространенных причин, вызывающих у человека страх, является также физическая боль и прогнозируемые в связи с ней негативные последствия для его жизни, здоровья. Боль может вызывать *физические страдания,* которые в еще большей степени усугубляются страхом. Боль, страдания, страх создают, таким образом, определенный устойчивый эмоциональный симптомокомплекс.

Поэтому признаки страха, как и признаки сильной тревоги, свидетельствуют и о пережитом субъектом страдании. Вот почему, когда суду приходится решать вопросы, связанные с компенсацией морального вреда гражданину, с оценкой степени физических и нравственных страданий (ст. 151,1101 ГК РФ), установление (в необходимых случаях с помощью эксперта-психолога) факта, что пострадавший пережил эмоции страха (равно как и состояние сильной тревоги) может быть признано в качестве доказательства причинения ему *нравственных страданий.*

Кроме того, следует учитывать, что появление страха, как и состояния тревоги, во многом связано с индивидуальными особенностями человека, его возрастом, с так называемыми врожденными детерминатами, своего рода «природными стимулами», унаследованными или приобретенными им на своем жизненном пути, начиная с раннего детского возраста (страх одиночества, наказания, боязнь темноты и т.д.). Все это, безусловно, следует выяснять во время допроса тех или иных участников конфликтной ситуации, задавая вопросы об их субъективных переживаниях в интересующей следователя (суд) ситуации, об условиях формирования личности допрашиваемого.

Проявления страха во многом зависят от его глубины и выражаются в различных объективных, поведенческих признаках, а также в субъективных переживаниях человека (рис. 5.2). Внешними, поведенческими проявлениями, своего рода индикаторами сильного страха являются: испуганное выражение лица (широко открытые глаза, приподнятые брови, сдвинутые внутренние углы бровей, горизонтальные морщины на лбу, открытый, эллиптической формы рот, напряженные губы); напряжение мышц, сильно сокращающее число степеней свободы в движениях, двигательные расстройства, нарушения поведения от не требуемой обстоятельствами гиперактивности, импульсивности в виде совершения бесцельных, панических малоэффектив-

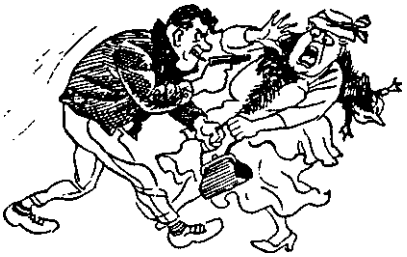


Рис. 5.2. Из серии «Плоды цивилизации» (Х. Бидструп.)

ных действий до состояния ступора, когда человек как бы застывает на месте, старается «уменьшиться», садится на корточки, обхватывает голову руками, принимая так называемую эмбриональную позу.

Субъективные переживания страха выражаются в расстройстве психических познавательных процессов: снижается уровень и острота восприятия, искажается оценка расстояния между предметами, их размеров и формы; нарушаются мышление, которое становится более узким по объему и более ригидным по содержанию, память; воспоминания о пережитом становятся фрагментарными, отрывочными; сознание носит суженный характер, в результате чего пострадавшие испытывают растерянность, ощущают оглушенность, не понимают до конца, что происходит. У них учащается дыхание, сердцебиение. Некоторые люди в состоянии сильного страха ощущают тошноту, головокружение, частые позывы к мочеиспусканию, теряют сознание[1].

Все эти признаки имеют немаловажное значение при расследовании преступлений против жизни и здоровья граждан в ходе доказывания: неосторожной формы вины; внезапно возникшего сильного душевного волнения (аффекта), какого-либо иного временного особого психического состояния в качестве обстоятельства, смягчающего наказание; превышения пределов необходимой обороны; в случаях, когда то или иное должностное лицо (оператор) не справилось со своими функциональными обязанностями в экстремальных условиях деятельности; при рассмотрении в суде вопросов о недействительности сделки, совершенной гражданином под воздействием угрозы (вызывающей страх) (ст. 179 ГК РФ), о компенсации морального вреда при причинении нравственных страданий потерпевшему (ст. 151, 1101 ГК РФ).

Особой разновидностью страха на уровне пограничных состояний психики, неврозов, психозов являются *фобии* (по греч. фобос — страх) — навязчивые неадекватные, иррациональные переживания, имеющие в своей основе боязнь конкретного содержания (высоты, открытого пространства, каких-либо животных, микробов и т.д.). Однако, несмотря на некоторые отклонения от средней психической нормы, человек все же сохраняет способность осознавать необоснованность терзающих его страхов, беспочвенность своих опасений по тому или иному поводу. В случае же полной утраты критического отношения к подобного рода страхам, понимания их неадекватности сложившейся ситуации и неразумности своих опасений речь уже может идти о том, что у субъекта проявляются признаки бреда, причиной которого обычно является более серьезное расстройство или заболевание психики.

Эмоции страха, нравственные страдания, переживаемые субъектом в той или иной криминальной ситуации, могут быть составным элементом мотивационной сферы личности, рассматриваться в качестве психологического мотива, побудительной силы, толкнувшей его на совершение преступления (убийства, причинения телесных повреждений и т.п.).

[1] *Александровский Ю.А.* Пограничные психические расстройства. М., 1993. С. 253—260; *Изард К.Е.* Указ. соч. С. 322—323.

Выявление субъективных и объективных признаков указанных эмоциональных состояний (тревожности, страха) является необходимым условием всестороннего исследования обстоятельств совершенного преступления, доказывания вины подсудимого, определения меры его ответственности.

Кроме того, изучив с помощью некоторых психодиагностических методик уровень личностной тревожности человека, его склонность к переживанию эмоций страха, можно сделать достаточно объективный прогноз относительно поведения субъекта в ситуациях повышенной сложности, дать оценку (разумеется, в совокупности с другими данными обследования) его профессиональной пригодности к правоохранительной деятельности.

Состояние эмоциональной напряженности (стресс). Длительно переживаемые эмоции тревоги, страха могут свидетельствовать о том, что субъект находится в состоянии психической напряженности или в состоянии стресса.

Стресс и его воздействие на сознание, деятельность современного человека — одна из актуальных проблем, которая в настоящее время привлекает внимание не только психологов, но и специалистов из других областей знаний.

В литературе понятия стресс (или эмоциональный стресс), психическая напряженность нередко употребляются как синонимы. Эти понятия характеризуют особенности психической деятельности, функционирования психики человека в сложных, экстремальных условиях[1]. Такими условиями деятельности могут быть как обстоятельства, связанные с совершением противоправных действий, так и сама процедура расследования, вызывающая состояние психической напряженности не только у обвиняемого, свидетеля, потерпевшего, но порой и у следователя, прокурора, адвоката, судьи.

В основе учения о стрессе лежит теория гемеостаза, т.е. относительного равновесия, постоянства внутренней среды организма в качестве важнейшего условия его жизнедеятельности. Это состояние равновесия поддерживается путем противодействия внешним (средовым) и внутренним факторам с последующей к ним адаптацией. Вот почему то, что теперь называют стрессом, ранее определялось основоположником учения о стрессе Г. Селье как общий адаптационный синдром-.

Таким образом, *стресс — это состояние психической напряженности, обусловленное адаптацией (приспособлением) психики человека, его организма в целом к сложным, изменяющимся условиям его жизнедеятельности.*

Возникая, стресс первоначально до известных пределов мобилизует внутренние резервы психики, всего организма человека, его приспособительные возможности, волевую, познавательную активность и в силу этого является своеобразным стимулирующим фактором, положитель-

[1] См.: *НаенкоН.И.* Психическая напряженность. М.. 1976. С. 7-
[2] Подробнее см.: *Селье Г.* Стресс без дистресса. М., 19S2.

но влияющим на эффективность его жизнедеятельности. За счет этого, особенно на первых порах, обычно улучшаются показатели выполнения субъектом не только простых, но и более сложных для него задач. Именно в этом проявляется *мобилизующий эффект стресса.*

Однако при длительном воздействии неблагоприятных факторов, по мере истощения защитных, адаптационных резервов организма стресс может привести к противоположному — отрицательному результату и оказать разрушительное, дезорганизующее влияние на психику, нередко приводящее к расстройству ее деятельности, вплоть до полного срыва. С этой точки зрения можно говорить о *деструктивном воздействии стресса* на психику, сознание, общее самочувствие человека.

Рис. 5.3. Из серии «Самоубийство» (Х. Бидструп)

Эмоциональный стресс может сопровождаться эмоциями гнева (ярости), страха (ужаса), горя (страдания), тревоги, подавленности, депрессии, что внешне проявляется в мимике, жестах, речи, поведении человека (Рис. 5.3).

Важно отметить, что возникновение психической, эмоциональной напряженности (стресса) часто бывает связано с необходимостью решения человеком субъективно важных и сложных задач, в которых для него заключен глубоко личностный смысл. Этому в значительной мере способствуют актуальные для субъекта, сверхбыстрые изменения социальной среды, экстремальные условия деятельности: острый дефицит времени, сил и средств; неопределенность сложившейся ситуации, неполная информированность о происходящих событиях; остроконфликтный выбор решения, особенно при несовместимых побуждениях; избыточная мотивация социального происхождения; завышенная самооценка субъекта при отсутствии у него реальных возможностей для достижения поставленной цели.

Физическими стрессорами могут быть высокие температуры, различного вида промышленные интоксикации, шумы и т.п. Стресс может возникать под воздействием монотонности трудового процесса, длительной изоляции, одиночества, неудачного выбора профессии, межличностных конфликтов и т.п. Сильным стрессором может явиться реально воспринимаемая человеком угроза его жизни, здоровью, благополучию, а также аналогичная угроза его родным и близким, экологическая катастрофа и т.п.[1]

[1] См.: *Ушаков Г.К.* Пограничные нервно-психические расстройства. 2-е изд. М., 1987. С. ПО.

Эмоциональный стресс бывает кратковременным, насыщенным яркими аффективно окрашенными, импульсивными поведенческими реакциями (в подобных случаях происходит бурное расходование адаптационной энергии человеком), и длящимся, имеющим затяжной по времени характер. В последнем случае адаптационные резервы организма расходуются постепенно. Человек, его психика успевают мобилизовать свои ресурсы, «подстроиться» к уровню длительных экстремальных требований среды. Вот почему, указывают исследователи данного процесса, симптоматика длящегося стресса нередко напоминает начальные общие симптомы соматических, а подчас и психических болезненных состоянии

Серьезное влияние на возникновение и развитие стресса оказывают индивидуальные различия, психофизиологические особенности человека, имеющийся у него запас устойчивости и приспособляемости к воздействующим раздражителям, адаптационные резервы психики, т.е. в конечном итоге — порог его индивидуальной стрессоустойчивости, или, как еще говорят специалисты, *уровень толерантности к стрессу*.

Особый интерес в уголовно-правовом отношении «представляют факты, свидетельствующие о том, что в стрессовом состоянии у человека заметно затрудняется оценка силы угрожающего фактора, наблюдается тенденция к завышению этой оценки»[2]. Данную закономерность необходимо учитывать при расследовании преступлений, связанных с превышением пределов необходимой обороны, при оценке суицидных поступков, поведения потерпевших по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности, когда есть основания полагать, что потерпевшая могла находиться в *психически беспомощном состоянии* (ст. 131, 132 УК РФ).

В гражданско-правовых спорах при обсуждении вопросов, например о признании недействительности заключенной сделки «гражданином хотя и дееспособным, но находившемся в момент ее совершения в таком состоянии, когда он не был способен понимать значение своих действий...» (ч. 1 ст. 177 ГК РФ), а также под влиянием заблуждения (ст. 178 ГК РФ), может также возникнуть необходимость в психологических знаниях о стрессе, чтобы разобраться в причинах того, почему субъект согласился заключить на явно невыгодных для него условиях сделку, лишившись способности прогнозировать неблагоприятные от этого последствия. Из-за этого в подобных случаях некоторые авторы такие соглашения называют «сделки с пороками воли»[3].

Появление стресса у потерпевшего под воздействием противоправных действий, совершенных виновной стороной, может свидетельство-

[1] См.: *Китавв-Смык Л.А.* Психология стресса. М., 1983. С. 13.

[2] *Коченов М.М.* Введение в судебно-психологическую экспертизу. М., 1980. С. 98.

[3] См. например: *Новицкий* [illegible] сделки. Исковая [illegible] М., 1954. С. 103; *Сахнова Т.В.* Основы судебно-психологической экспертизы по гражданским делам. М., 1997. С. 52—55.

вать о его *нравственных страданиях,* о нанесении ему *морального вреда,* что часто бывает необходимо устанавливать как по уголовным, так и по гражданским делам.

В динамике стресса Г. Селье выделяет следующие три стадии (фазы) его развития (рис. 5.4).

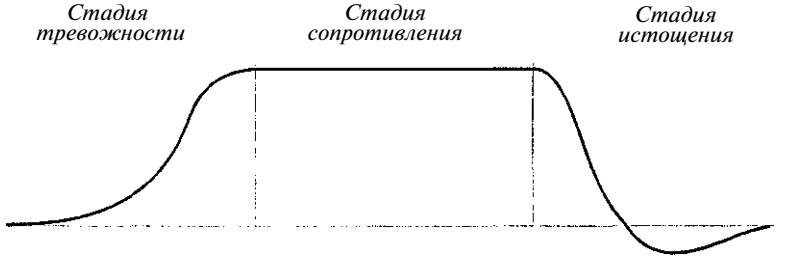


Рис. 5.4. Динамика стресса

Стадия тревожности. Данная стадия характеризуется тем, что под воздействием психотравмирующих факторов у субъекта возникает состояние беспокойства, тревоги, начинают перестраиваться физиологические функции организма, что проявляется в изменении частоты дыхания, пульса, в повышении артериального давления и т.д. На определенное время несколько снижается сопротивляемость организма. Однако затем постепенно начинается мобилизация его внутренних адаптационных резервов, защитных сил, раскрываются дополнительные возможности психики человека, активизируются его психические процессы (восприятие, память, мышление и др.). За счет этого до известных пределов повышаются его поисковая, творческая активность, эффективность деятельности.

Стадия сопротивления. Постепенно начальная стадия (фаза) стресса перерастает в его вторую стадию. Организм человека, его психика перестраиваются, приспосабливаются, адаптируются к новым усложненным условиям деятельности, активно расходуя свои внутренние ресурсы. При этом активизируются мыслительные процессы, его познавательная деятельность. С течением времени после относительной стабилизации в результате продолжающегося воздействия экстремальной ситуации наступает ослабление сопротивляемости организма, снижаются критичность мышления, работоспособность и начинается спад, переход к заключительной стадии.

Стадия истощения. Заключительная стадия характеризуется, по словам Г. Селье, истощением «адаптационной энергии», приводящим к дезорганизации деятельности, нервно-эмоциональному срыву и даже может закончиться смертельным исходом[1].

Селье Г. Указ. соч. С. 35.

Признаками, свидетельствующими о переходе стресса в завершающую стадию развития, являются: постепенное ослабление физической, волевой активности человека; ухудшение, провалы памяти; уменьшение объема внимания; сужение, ошибки восприятия; затруднения в осмыслении, понимании ситуации; замедление темпа мыслительной деятельности; нарушение процесса целеполагания, частичная утрата сложных интеллектуальных навыков, когнитивных, прогностических способностей; заторможенность при принятии решений и в то же время — неадекватные реакции на изменения ситуации, иногда парадоксально сочетающиеся с неоправданной обстоятельствами спешкой, суетливостью вплоть до полного срыва целенаправленной деятельности с потерей должного самоконтроля.

В этот период субъект может испытывать беспричинное раздражение, беспокойство, усталость, страх. У него нарушается сон, теряется аппетит, появляются головные боли, возникают различного рода вегетативные реакции, функциональные психосоматические расстройства, неврозы и другие так называемые «болезни стресса». При этом в поведении субъекта могут отмечаться такие психические явления, как повышенная обидчивость, вспыльчивость, импульсивные реакции, неадекватные представления об отрицательном к нему отношении окружающих, сниженный самоконтроль, «уход в себя», утрата связей с реальными условиями вплоть до полной дезорганизации поведения.

Возникновение отрицательной, направленной на себя активизации мыслительных процессов может привести к резкому снижению надежности в системе «человек — машина», в которую включен субъект[1]. Подобный отрицательный эффект воздействия стресса в виде его крайнего разрушительного для интеллектуальной сферы варианта, обозначенного Г. Селье как *дистресс* (на рис. 5.5 один из персонажей Х. Бидструпа явно находится в состоянии дистресса) , может проявляться в случаях, когда субъект причиняет вред, будучи не в состоянии до конца всесторонне оценивать значение своих действий, неумышленно допуская нарушение правил эксплуатации различного рода технических устройств, техники безопасности и т.п., на что необходимо обращать внимание при расследовании подобного рода правонарушений, совершенных в экстремальных условиях, когда налицо имеются признаки, свидетельствующие о несоответствии его психофизиологических ка-

Рис. 5.5. Из серии «Самоубийство» (Х. Бидструп)

[1] См.: *Китаев-СмыкЛ.А.* Указ. соч. С. 208.

честв требованиям экстремальных условий или нервно-психическим перегрузкам (см. ч. 2 ст. 28 УК РФ).

Посттравматические стрессовые расстройства — ПТСР (posttraumatic stress disorder — PTSD). В современных условиях особое актуальное значение приобретают постстрессовые нарушения психики, негативные психологические последствия пережитого субъектом сильного эмоционального стресса под воздействием событий, выходящих за пределы обычного человеческого опыта (массовая гибель людей во время природных катаклизмов, экологических катастроф, боевых действий, вооруженных нападений, терактов, под воздействием ионизирующей радиации, отравляющих веществ и т.д.).

Об этих расстройствах как о самостоятельном синдроме начали говорить в конце 70-х гг., когда в США обратили внимание на то, что значительную часть лиц, отбывающих наказание в американских тюрьмах, составляют участники вьетнамской войны. В литературе стали появляться выражения «вьетнамский синдром», «синдром участников войны»[1]. В последующем с подобными расстройствами психики у людей, переживших такого рода катаклизмы, столкнулись и отечественные специалисты, обследовавшие участников боевых действий в различных «горячих точках» бывшего СССР, в Афганистане, в Чечне. Как было установлено, особо разрушительные для психики человека последствия начинаются уже после месяца непосредственного участия в боях. Причем ощущение несправедливости войны еще более усугубляет ее негативное воздействие[2].

Характерной особенностью ПТСР является прежде всего то, что эти расстройства возникают в экстремальных условиях, охватывая большое число людей, когда их жизнь, здоровье и благополучие подвергаются серьезной, нередко смертельной опасности вследствие воздействия множественности внезапно действующих на них психотравмирующих факторов. В результате этого, отмечает Ю.А. Александровский, у большого числа пострадавших возникают психические расстройства и заболевания различной степени тяжести. При этом состояние психики в еще большей мере усугубляется тем, что пострадавшие, несмотря на развитие у них психогенных расстройств, какое-то время продолжают оставаться в жизнеопасной ситуации и даже участвуют в ликвидации последствий постигшего их бедствия.

Среди негативных эмоций, переживаемых людьми в подобных экстремальных, стрессогенных ситуациях, на первом месте стоят: тревога (тревожная напряженность), страх различной интенсивности, необоснованная боязнь преследования, сменяемые приступами ярости, агрессивности либо депрессивным состоянием, апатией, подавленностью, в еще большей мере усиливаемыми в результате неполной информиро-

[1] Обстоятельный обзор данной проблемы содержится в работе: *Съедин СИ., Абурахманов Р.А.* Психологические последствия воздействия боевой обстановки. М., 1992.

[2] См.: *Гессен М., Перевозкина М.* PTSD — плата за войну. Посттравматическое стрессовое расстройство // Итоги. 1996. № 11. С. 29.

ванности населения о характере, масштабах, к примеру, экологической обстановки и о ее последствиях.

Человека, находящегося в состоянии посттравматического стресса, начинают преследовать различного рода кошмары во сне и наяву, мысли о самоубийстве, своеобразный комплекс «вины выжившего».

Наблюдения, о которых сообщают исследователи данной проблемы, позволяют выделить три периода (этапа) развития экстремальной ситуации, в которой возникают ПТСР, с сопутствующими этим периодам эмоциональными проявлениями психики.

Первый, наиболее острый период. Данный период характеризуется внезапно возникшей угрозой жизни и гибели людей, их родных и близких. Он продолжается от момента воздействия угрожающего фактора до начала проведения спасательных работ. В этот период у человека особенно остро проявляется инстинкт самосохранения и развиваются острые психогенные реакции, основу которых составляют тревожное напряжение и страх различной интенсивности, возникают психогенные реакции психотического (реактивные состояния) и непсихотического характера в виде различного рода неврозоподобных расстройств при хронических психоматических заболеваниях (гипертоническая болезнь, сердечно-сосудистые нарушения и т.д.), невротические проявления, декомпенсация, обострение личностных акцентуаций характера.

Вот, например, как описывает свое состояние один из участников Чернобыльской трагедии, когда началась авария на атомном энергоблоке:

> В момент нажатия кнопки АЗ-5 (аварийная защита) пугающе вспыхнула яркая подсветка шкал сельсинов — указателей. Даже у самых опытных и хладнокровных операторов в такие секунды сжимается сердце... В первый миг — онемение, в груди все обрушивается лавиной, обдает холодной волной невольного страха прежде всего от того, что застигнут врасплох и вначале не знаешь, что делать, пока стрелки самописцев и показывающих приборов разбегаются в разные стороны, а твои глаза разбегаются вслед за ними, когда не ясна еще причина и закономерность аварийного режима, когда одновременно (опять же невольно) думается где-то в глубине, третьим планом, об ответственности и последствиях случившегося[1].

Некоторые люди, по их описанию, при внезапном возникновении различных жизнеопасных ситуаций ощущали оглушенность, испытывали ужас, утрату тактильной чувствительности, чувствовали нереальность происходящего, как будто время застыло, остановилось сердце, появилось ощущение парализованности. Головокружение, сильный шум в ушах, тошнота, темнота в глазах, сильная усталость — вот далеко не полный перечень субъективных переживаний людей в первый, начальный период развития ситуации острого экстремального воздействие, ситуации, следствием которой являются ПТСР. В этот же период

[1] См.: *Медведев Г.У.* Чернобыльская тетрадь /,/ Новый мир. 1989. № 6. С. 32—33.

может возникать паника, которая в еще большей мере усиливает состояние страха.

Второй период. Он начинается с начала развертывания спасательных работ; это своего рода «нормальная жизнь в экстремальных условиях». В этот период наибольшее значение приобретают индивидуально-психологические особенности личности пострадавших, а также влияние на их состояние новых стрессогенных факторов, таких, как гибель родных, потеря жилья, имущества, опознание погибших родственников. Все это еще больше усиливает стресс, ощущение тревоги, страха, состояния подавленности, депрессии, усугубляет переживаемые страдания.

Третий период. Данный период определяется началом эвакуации пострадавших в безопасные районы. С этого времени начинается сложная эмоциональная и когнитивная переработка происшедших событий, их последствий. Сознание, психика пострадавших, находящиеся под воздействием событий, дополнительно травмируются еще и тем, что у них резко изменяются прежние привычные для них жизненные стереотипы, круг общения. Эти факторы дополнительно способствуют формированию у пострадавших относительно устойчивых психогенных расстройств. С одной стороны, соматизации различных невротических проявлений и, с другой — невротизации, психопатизации, обусловленных осознанием полученных телесных повреждений, различного рода травм, соматических заболеваний, утрат, а также возникшими трудностями жизни в новых условиях. У пострадавших нарушается сон, который носит поверхностный, непродолжительный характер, сопровождается кошмарными сновидениями. Появляются интенсивные сдвиги в функциональной активности вегетативной нервной системы в виде колебаний артериального давления, лабильности пульса, озноба, головной боли, вестибулярных нарушений, желудочно-кишечных расстройств и т.п. При этом, как отмечает Ю.А. Александровский, динамика этих расстройств во многом зависит также от решения социальных проблем, в которые оказываются вовлеченными пострадавшие[1].

В этот наиболее продолжительный период у лиц с посттравматическими стрессовыми расстройствами особенно остро начинают обнаруживаться *признаки социальной дезадаптации.* Такие люди стараются избегать всего того, что может напоминать им о пережитом, нередко стремятся к уединению. Безобидные шутки порой могут восприниматься ими как тяжкое оскорбление и вызывать аффективно окрашенную агрессию, немотивированную жестокость, поскольку в подобном состоянии пострадавшие лица отличаются повышенной ранимостью, обидчивостью, эффективностью, большей конфликтностью в отношениях с окружающими. При этом, как считают некоторые исследователи данной проблемы, посттравматический стресс начинает про-

[1] См.: *Александровский Ю.А.* Пограничные психические расстройства. М., 1993. С. 264.

являться не раньше чем через полгода, например у военнослужащих, побывавших в боях[1].

В этих особенностях динамики ПТСР у пострадавших лиц в ряде случаев следует искать объяснение причин совершения ими в последующем различного рода противоправных поступков конфликтного характера. Оценивая содеянное такими людьми, нельзя не принимать во внимание, что человека, переживающего посттравматические стрессовые расстройства, на протяжении длительного периода после трагических событий нередко преследуют повторяющиеся навязчивые воспоминания о пережитом, тяжелые сны, ночные кошмары. По малейшему поводу, под влиянием каких-то звуков, случайно оброненных кем-то слов у него могут возникать ассоциативные связи с пережитым, появляться неадекватные гипертрофированные реакции, возникать аффективные вспышки гнева, приводящие к конфликтам с окружающими. Другими словами происходит внезапное, нередко без каких-то видимых причин, «воскрешение в памяти с патологической достоверностью и полным ощущением реальности травматического события или его эпизодов»[2]. Тяжелая депрессия, в которой находится человек иод влиянием пережитого, иногда приводит к самоубийству.

К данной группе психических явлений следует также относить длительно переживаемые состояния глубокой депрессии людьми, потерявшими работу, утратившими свои прежние социальные связи, что также может способствовать проявлению у них различных форм дезадаптивного, противоправного поведения, агрессии, подталкивать к алкоголизму, самоубийству.

Учитывая сильное воздействие указанных психических состояний, стрессогенных факторов на психику человека, законодатель оставил возможность судам с учетом обстоятельств дела, личности виновного оценивать состояние психической, эмоциональной напряженности (стресс), посттравматические стрессовые расстройства в качестве обстоятельств, смягчающих наказание виновному (см. ч. 2 ст. 61 УК РФ).

И последнее замечание. Подобные психические состояния, возникающие под влиянием неправомерных действий, как указывалось выше, могут подтверждать тот факт, что потерпевший действительно испытывал *нравственные страдания* и в соответствии с законом имеет право

[1] См.: *Гессен М., ПеревозкинаМ.* Указ. соч. С. 29. В последние, наполненные трагическими событиями годы появился целый ряд научных публикаций, посвященных ПТСР, которые могут представлять практический интерес для юристов. См., например: *Решетников ММ.* и др. Психофизиологические аспекты состояния, поведения и деятельности пострадавших в очаге стихийного бедствия // Психологический журнал. 1989. Т. 10, № 4. С. 125—134; Уфимская катастрофа: особенности состояния, поведения и деятельности людей // Психологический журнал. 1990. Т. 11. № 1. С. 95—101; *МоляковВ.А.* Психологические последствия Чернобыльской катастрофы // Психологический журнал. 1992. Т. 13, № 1. С. 135—146; *Пельман Л.* Стрессовые состояния у людей, потерявших работу // Психологический журнал. 1992. Т. 13. № 1. С. 126—130 и другие работы.

[2] *ТарабринаН.В., Лазебная И.О.* Синдром посттравматических стрессовых нарушений: современное состояние и проблемы // Психологический журнал. 1992. Т. 13. №2. С. 14—29.

на компенсацию причиненного ему морального вреда (ст. **151, 1101** ГК **РФ). В** этом состоит правовое значение рассмотренных выше экстремальных состояний психики.

Фрустрация. Среди других эмоционально насыщенных состояний, представляющих профессиональный интерес для юристов, является фрустрация.

Жизнь современного человека полна всевозможными ограничениями и запретами, и любые препятствия на пути удовлетворения его желаний вызывают естественные ответные эмоциональные реакции. Эти реакции, возникающие в условиях конфликта как следствие противоречия между неудовлетворенными желаниями и существующими в обществе ограничениями и запретами, получили название фрустрации. В буквальном переводе фрустрация — это обман, лишение чего-либо обманным путем, крушение планов[1].

Как пишет Н.Д. Левитов, «фрустрация — это состояние человека, выражающееся в характерных особенностях переживаний и поведения, вызываемое объективно непреодолимыми (или субъективно так понимаемыми) трудностями, возникающими на пути к достижению цели или к решению задач»[2].

Французский психолог П. Фресс отмечает, что фрустрация возникает каждый раз, когда физическое, социальное или даже воображаемое препятствие мешает действию, направленному на достижение цели, или прерывает его. «Фрустрация создает, таким образом, наряду с исходной мотивацией новую защитную мотивацию, направленную на преодоление возникшего препятствия»[3].

Г. Селье назвал фрустрацию еще короче — «стрессом рухнувшей надежды». Фрустрация, по его мнению, превращает стресс в дистресс.

Рассматривая фрустрацию, необходимо видеть: причину, вызывающую это состояние, фрустрационную ситуацию и ответную реакцию на нее.

Описывая фрустрацию, многие авторы наибольшее внимание уделяют ее негативному влиянию на психику, сознание человека. Однако это не совсем точно, поскольку фрустрация играет в поведении многих людей и определенную конструктивную роль, способствуя достижению поставленной цели. Благодаря ее воздействию на психику субъекта в мотивационной сфере его личности нередко доминирующее значение приобретают мотивы достижения, усиливается привлекательность поставленной цели (Д. Креч, Р. Кратчфилд и др.)[4].

Конструктивное воздействие фрустрации на человека проявляется в виде следующих особенностей его поведения. Прежде всего происхо-

[1] Психология: Словарь. 2-е изд. М., 1990. С. 434.

[2] *Левитов Н.Д.* Фрустрация как один из видов психических состояний // Вопросы психологии. 1967. № 6. С. 120.

Экспериментальная психология. Вып.V / Ред.-сост. П. Фресс, Ж. Пиаже. М.. 1975. С. 139.

[4] См.: Психологическое самообразование: читая зарубежные учебники / / Проблемы психологии личности. М., 1992. С. 82.

дит интенсификация усилий на пути достижения поставленной цели. Давно подмечено, что у многих чем более сложные возникают препятствия, тем активнее происходит мобилизация внутренних резервов для их преодоления. Нередко брошенный нашим устремлениям вызов приводит к еще большей активности. Именно такой механизм преодоления преграды, своеобразной пружиной которого является фрустрация, имеет место в следственной ситуации со строгим соперничеством, когда следователь поставил перед собой цель раскрыть преступление в условиях активного ему противодействия со стороны преступника.

К сожалению, не всегда интенсификация усилий завершается преодолением препятствий на пути к установлению истины с использованием «лобовой» атаки, и следователь, находясь в состоянии фрустрации, вынужден менять тактику своего поведения. В подобных случаях происходит своеобразная замена средств достижения цели и производится пересмотр предыдущих действий, направленных на ее достижение, переоценка всей ситуации с одновременным поиском обходных путей с последующим выходом из состояния фрустрации.

И наконец, может производиться замена цели. Пребывая в состоянии фрустрации, субъект может пойти на поиск альтернативной цели, частично удовлетворяющей его потребности и желания. Однако это возможно только путем достижения компромисса. Поэтому изначальное напряжение, обусловленное фрустрацией, может остаться неразрешимым до конца, особенно в тех случаях, когда субъект сохраняет свой прежний завышенный уровень притязаний, не считаясь с собственными возможностями и обстановкой, в которой он оказался.

Если интенсификация усилий, замена средств достижения поставленной цели и даже замена самой цели не приводят к успеху и состояние фрустрации остается, субъект должен будет (безусловно, при развитом интеллекте, устойчивой нервной системе) переоценить ситуацию и произвести выбор между возможными альтернативами, обеспечивающий ему адаптацию к новой ситуации с последующим выходом из состояния фрустрации.

Последний вариант наиболее сложный, так как далеко не каждый в состоянии продолжительное время сохранять самообладание, взвешенно оценивать конфликтную ситуацию и свои возможности для ее разрешения.

При достаточно низком уровне (пороге) сопротивляемости (толерантности) к фрустрации, зависящей от величины эмоционального напряжения, психологических особенностей индивида и типа ситуации, может проявиться ее характерное деструктивное воздействие на личность.

Деструктивное воздействие фрустрации проявляется: в нарушениях тонкой координации усилий, направленных на достижение цели; в когнитивной ограниченности, из-за которой субъект не видит альтернативных путей или какой-либо другой подходящей цели; в эмоциональном возбуждении, аффективно окрашенных агрессивных действиях с частичной утратой контроля над собой и ситуацией.

Достаточно наглядно поведение человека в состоянии фрустрации передано Х. Бидструпом в одной из его карикатур (рис. 5.6).

Рис. 5.6. Характерные проявления состояния фрустрации (Х. Бидструп)

В подобного рода конфликтных ситуациях типичными эмоциональными реакциями на действие фрустраторов являются: а) *агрессия,* в том числе в виде так называемых *замещающих действий,* нередко направляемых на совершенно посторонние объекты (так называемая реакция замещения); б) *депрессия*, сопровождаемая беспочвенными самообвинениями, которые могут перерасти в *аутоагрессию* с попытками самоубийства, причинения себе боли, увечий. При этом агрессивные действия могут перемещаться по ассоциации смежности на другой, близкий к первоначальному раздражителю, либо даже вообще на совершенно случайный объект. В этой закономерности нередко кроется объяснение агрессивного поведения человека, отличающегося своей какой-то непонятной для окружающих с точки зрения здравого смысла неадекватности реагирования, немотивированностью, *особой жестокостью.*

С усилением фрустрации происходит генерализация агрессии, усиливается расплывчатость, неуловимость ее источника. В подобных ситуациях действия виновного могут сопровождаться аффективно окрашенными эмоциями гнева, импульсивными, беспорядочными действиями агрессивного характера, а сама фрустрация может рассматриваться как одна из причин, объясняющая агрессивное поведение виновного.

Известно, что реакции агрессивного характера, связанные с фрустрацией, чаще наблюдаются у людей недостаточно воспитанных, несдержанных в проявлении эмоций, грубых в обращении с окружающими, психопатизированных. Депрессивные реакции при фрустрации более распространены у лиц невротического склада, неуверенных в себе, тревожно-мнительных по складу своего характера. Деструктивное воздействие фрустрации на поведение таких лиц может усугубляться употреблением алкоголя.

У каждого человека свой порог индивидуальной толерантности к фрустрации. Юрист должен обладать высоким уровнем фрустрационной устойчивости, поскольку правоохранительная деятельность нередко сопровождается большими нервно-психическими перегрузками, связанными с принятием ответственных решений, достижением различных по важности целей в условиях активного противодействия заинтересованных лиц.

Разумеется, фрустрация ни в коей мере не ставит вопрос об освобождении виновного от ответственности за совершенное преступление. Воспитанный человек никогда не совершит агрессивных, тем более про-

тивоправных действий из-за того, что находился в состоянии фрустрации. Напротив, он сумеет подавить, направить в иное, безопасное для окружающих русло возникшее беспокойство, эмоциональное напряжение и раздражение.

Знание психологических предпосылок возникновения фрустрации помогает понять причины, побудительные силы, мотивы некоторых опасных насильственных преступлений против личности, которые по своей жестокости могут, на первый взгляд, показаться «безмотивными» либо даже совершенными психически неполноценным человеком. Представляется, что в некоторых случаях, особенно когда фрустрация возникла у виновного под воздействием неправомерных действий потерпевшего, она может рассматриваться в качестве обстоятельства, смягчающего наказание. Тем более что законодатель предоставил такую возможность судам (см. ч. 2 ст. 61 УК РФ).

Длительное состояние эмоциональной напряженности, стресс, переходящий в дистресс, фрустрация могут приводить к эмоциональным срывам, одним из которых является аффект. Поэтому перейдем к более подробному рассмотрению данного класса эмоциональных явлений.

Аффект (физиологический аффект). Это одно из тех эмоциональных состояний, к которому давно обращено внимание юристов. В Уголовном кодексе РФ понятие аффекта (наряду с понятием внезапно возникшего сильного душевного волнения) введено законодателем в правовые нормы, предусматривающие уголовную ответственность за умышленное совершение убийства, причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью потерпевшего «в состоянии аффекта» (ст. 107, 113 УК РФ).

Что же представляет собой данное эмоциональное состояние, каковы его признаки и значение для установления истины по уголовным делам? *Аффект* (от лат. afectus — душевное волнение, страсть) — *это кратковременный эмоциональный процесс взрывного характера, стремительно овладевающий человеком, бурно протекающий, характеризующийся значительными изменениями сознания, частичным снижением волевого контроля.*

Как считает автор данного определения аффекта один из видных отечественных психологов С.Л. Рубинштейн, аффект дает не подчиненную сознательному волевому контролю разрядку в действии. «Действие в состоянии аффекта, т.е. аффективное действие как бы вырывается у человека, а не вполне регулируется им»[1]. Аффективную форму могут приобретать различные эмоциональные переживания страха, гнева, радости и т.д.

Аффект, несмотря на свою необычную форму выражения, нормальное психическое явление. Его следует отличать от патологического аффекта, который изучается в психиатрии. Чтобы избежать смешения этих понятий, в юридической психологии к термину «аффект» иногда добавля-

[1] *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. Т. 1. С. 173.

ют «физиологический», подчеркивая тем самым, что его основу составляют естественные физиологические, нейродинамические процессы[1].

Аффективное поведение человека предстает как целостное психическое явление, своеобразный симптомокомплекс вегетосоматических, поведенческих признаков, дополняемых субъективными переживаниями, ощущениями, частичными изменениями сознания. Совокупность всех этих объективных (внешне наблюдаемых) признаков и субъективно переживаемых ощущений позволяет распознавать действительный физиологический аффект с достаточной надежностью и отличать его от симул ятивного, установочного поведения. Знание диагностических признаков аффекта помогает следователю (суду) путем допроса свидетелей, потерпевших, самого обвиняемого (подсудимого) собирать необходимую информацию для ее оценки на предмет установления с помощью судебно-психологической экспертизы состояния аффекта с последующей квалификацией правоохранительными органами содеянного виновным.

Диагностическими признаками аффекта являются:

• субъективная внезапность возникновения аффективного возбуждения прежде всего для самого субъекта, у которого возник аффект;

• кратковременный, взрывной характер эмоциональной разрядки;

• интенсивность, напряженность эмоциональных переживаний, проявляющиеся в мышечном напряжении, двигательном возбуждении в виде импульсивных, стереотипизированных действий (так называемые привычные автоматизмы);

• специфические изменения сознания, его «суженность», концентрация мышления на аффективно окрашенных переживаниях, вследствие чего субъектом осознаются лишь ближайшие цели и принимаются неадекватные возникшей ситуации решения в ущерб собственным интересам и планам, о чем он сам впоследствии обычно сожалеет;

• нарушения психических познавательных процессов (фрагментарность восприятия, частичная амнезия происшедшего и т.п.);

• внешне наблюдаемые признаки расстройства вегетативной нервной системы (изменение цвета кожных покровов лица, аффективно окрашенная мимика, прерывистая речь с нарушенной артикуляцией, измененным тембром голоса, замедленным темпом произнесения слов в стадии спада);

• снижение эмоционально-волевой регуляции поведения, самоконтроля;

• постаффективное истощение нервной системы, упадок сил, снижение активности, оглушенность, заторможенность в стадии спада (М.М. Коченов, О.Д. Ситковская и др.).

[1] См.: *Печерникова Т.П., Гульдан В.В., Остришко В.В.* Особенности экспертной оценки аффективных реакций в момент совершения правонарушения у психически здоровых и психопатических личностей: Методические рекомендации. М., 1983. С. 9; см. также: *Сафуанов Ф.С.* Судебно-психологическая экспертиза аффекта в свете нового УК РФ: проблемы и перспективы // Психологический журнал. 1997. Т. 18, № 2. С. 50—57.

Для правильного решения вопроса о том, находился ли обвиняемый (подсудимый) в состоянии аффекта, помимо отмеченных выше признаков необходимо исследовать:

• характер аффектогенной ситуации;

• индивидуально-психологические особенности личности обвиняемого (подсудимого);

• его психофизиологическое состояние накануне преступления;

• характер действий обвиняемого в момент совершения преступления;

• особенности поведения виновного сразу же после преступления, его реакция на слова окружающих, отношение к своим противоправным действиям и наступившим последствиям.

Аффектогенная ситуация обычно носит неожиданный, остроконфликтный кратковременный характер. Она сопровождается реальными угрозами, насилием, оскорблениями в отношении субъекта или его близких. Причем сила воздействия негативных раздражителей, как справедливо отмечает О.Д. Ситковская, «определяется в первую очередь субъективным смыслом событий и ситуации, в которых действует человек»[1].

Неожиданно оказавшись в угрожающей, психотравмирующей обстановке, субъект испытывает острую потребность действовать, однако не может найти адекватные формы поведения. Это противоречие между сильной потребностью действовать и неспособностью быстро найти наиболее подходящий способ реагирования служит одной из причин возникновения аффекта. В противном случае аффект просто может не наступить.

К индивидуально-психологическим особенностям личности субъекта, предрасполагающим к аффекту, относятся: значительное преобладание у него процессов возбуждения над процессами торможения, эмоциональная неустойчивость, повышенные чувствительность (сенситивность), ранимость, обидчивость, склонность к застреванию на психотравмирующих фактах, высокая, но неустойчивая самооценка.

На появление аффективной реакции также влияют возрастные особенности субъекта, его временные функциональные психофизиологические состояния, нарушающие устойчивость психики к воздействию аффектогенной ситуации (усталость, бессонница, посттравматические расстройства психики, о которых говорилось выше и т.п.). У разных людей с учетом их характерологических особенностей, того или иного физического состояния «порог» аффективного реагирования различен, и это, безусловно, нельзя не учитывать при диагностике аффекта.

В динамике аффекта выделяют три следующие друг за другом фазы, или стадии (рис. 5.7).

Первая фаза (подготовительная) —н*арастание эмоциональной напряженности* (ЭН). Развитие данной стадии определяется временем

[1] *Ситковская О.Д.* Судебно-психологическая экспертиза: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 1979. С. 18.

существования конфликтных отношений: от психотравмирующих действий до аффективного взрыва. Несмотря на возрастание эмоциональной напряженности, первые признаки эмоциональной расторможенности, неврастенической симптоматики иногда проявляются не сразу.

Вторая фаза — кульминация. Переход ко второй стадии происходит внезапно. Фактор внезапности в качестве обязательного признака аффективного взрыва должен оцениваться с учетом индивидуально-психологических особенностей личности субъекта. В подобных случаях речь идет не об абстрактной, а о *субъективной внезапности возникновения аффекта* у конкретного человека с учетом его индивидуально-психологических особенностей.

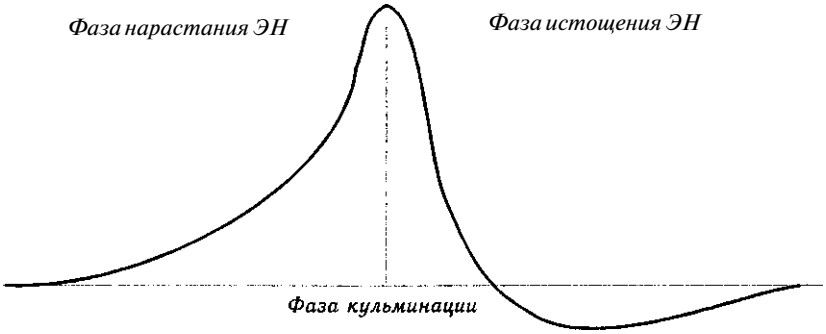


Рис 5.7. Динамика развития аффекта

Данная стадия самая кратковременная. Это собственно аффективный взрыв в виде резких, неупорядоченных, повторяющихся, стереотипизированных действий агрессивного характера с привычными двигательными автоматизмами на фоне общего интенсивного двигательного возбуждения. Сопутствующими признаками являются: «суженность» сознания, сопровождаемая фрагментарностью восприятия, непоследовательностью, «разорванностью» мышления (принимаемые решения носят неадекватный ситуации характер, процессы целеобразования, мотивации непоследовательны, сумбурны). Резко снижаются волевая регуляция действий, самоконтроль.

Большое количество повреждений, наносимых потерпевшему, нередко создает внешне обманчивую картину (с точки зрения объективной стороны состава преступления), будто виновный действовал с особой жестокостью, хотя на самом деле он находился в состоянии аффекта. Иногда это приводит к ошибочной квалификации содеянного, например как убийства, совершенного с особой жестокостью, а не в состоянии аффекта (внезапно возникшего сильного душевного волнения) с назначением уголовного наказания, несоразмерного вине подсудимого.

Третья фаза — истощение аффективного возбуждения. На данной заключительной стадии наступает угасание аффективного возбуждения, происходит резкий спад, торможение физической активности.

Ввиду значительной затраты внутренних энергетических ресурсов организма активные формы поведения резко сменяются пассивными. Человек, переживший аффект, ощущает усталость, испытывает апатию, растерянность. Его поведение заторможено, что внешне проявляется в замедленном реагировании на обращения к нему окружающих и даже в сонливости.

Нередко обвиняемый, совершивший убийство, причинивший телесные повреждения в состоянии аффекта, искренне сожалеет о случившемся, стремится сам оказать помощь своей жертве. Причем эта помощь также зачастую носит сумбурный, неадекватный ситуации и содеянному характер.

В ходе расследования преступлений могут встретиться и несколько иные ситуации, когда аффект возникает не сразу после первого отрицательного воздействия, а при многократных повторениях. «Именно повторение ситуаций ведет к накоплению, аккумуляции переживаний, которые могут в дальнейшем вызвать аффективный взрыв. Весьма показательно, что последнее по времени действие потерпевшего может быть и не столь резким и оскорбительным, как показалось бы, но оно-то и вызывает аффект, являясь «последней каплей», тем пусковым сигналом, который приводит к аффективной вспышке»[1]. Подобного рода физиологические аффекты получили название *кумулированных (накопительных) аффектов.*

Такое своеобразное развитие аффекта становится часто источником заблуждений при рассмотрении уголовных дел о преступлениях против жизни и здоровья граждан. При этом «последняя капля» недооценивается правоохранительными органами, ошибочно полагающими, что человек, систематически подвергавшийся оскорблениям, в какой-то мере должен был к ним привыкнуть, тем более что последнее унижение его достоинства по своему характеру выглядело, возможно, даже менее тяжким по сравнению со всем тем, что он уже перенес. В подобных случаях забывается, что любой психически нормальный человек с развитой личностью не может «привыкнуть» к оскорблениям и побоям. Он может терпеть, но не привыкнуть! А это далеко не одно и то же.

Не замечая этой особенности в динамике развития аффективного напряжения накопительного характера, органы правосудия иной раз приводят признаки развития у подсудимого кумулированного аффекта в качестве подтверждения отсутствия фактора внезапности возникновения аффекта, поскольку-де последнее оскорбление по сравнению со всеми предыдущими было не столь тяжким, а все, что было ранее, достаточно отдалено от трагической развязки. Такому ошибочному подходу к оценке эмоционального состояния аффектанта способствует еще и низкий научный уровень многих заключений судебно-психологической экспертизы, с чем нередко приходится сталкиваться при изучении уголовных дел данной категории.

[1] *Коченов М.М.* Введение в судебно-психологическую экспертизу. С. 88—89.

Высказанную мысль уместно проиллюстрировать одним поучительным в этом отношении примером из уголовного дела по обвинению военнослужащего Т., совершившего убийство своей жены на семейно-бытовой почве. Его действия были квалифицированы по ст. 103 ранее действовавшего УК РСФСР (окончательная мера наказания — 5 лет лишения свободы).

Т. проходил службу на территории военного городка, где проживал со своей семьей. На протяжении более чем десятилетней совместной жизни между супругами постоянно происходили ссоры. Поводами для них служили различные обстоятельства: низкий заработок мужа, грубость, высокомерие жены, всевозможные разногласия по любым причинам. Во время этих ссор потерпевшая допускала оскорбления его родителей, выражения непристойного сексуального характера в адрес Т., унижающие его мужское достоинство.

События развивались следующим образом. Накануне праздника Т. заступил на дежурство по части. В 21 час, оставив за себя помощника, отлучился домой поужинать. Дома жена рассказала, что знакомые, сослуживцы мужа, проживающие там же, на территории военного городка, приглашают их к себе отмечать праздник, и стала уговаривать мужа пойти к ним.

Как пояснил на суде Т., чтобы избежать очередной ссоры, он согласился отвести жену к своим сослуживцам, а затем решил вернуться в штаб части. Однако, когда супруги пришли к своим знакомым, Т. решил побыть немного у них. Начались танцы, во время которых он пригласил хозяйку квартиры танцевать. Приревновав к ней мужа, жена нанесла ему при всех пощечину. После этой сцены супруги ушли. По пути домой, по словам Т., жена оскорбляла его нецензурными словами.

Дома оскорбления продолжались в присутствии 13-летней дочери. Жена плюнула мужу в лицо и ударила его своим сапогом в плечо. После этого Т. взял оставленный им на шкафу пистолет и, наставив его на жену, угрожающе сказал: «Ну, продолжай дальше!» Испугавшись, жена выбежала из квартиры, хлопнув дверью.

Услышав через несколько минут стук в дверь, Т., продолжая держать пистолет руках, пошел ее открывать. Как только дверь открылась, в прихожую вошла жена и тут же снова плюнула ему в лицо и нанесла пощечину. Однако в этот момент, увидев у него в руках пистолет, испугалась и бросилась бежать вниз по лестнице. Т. побежал за ней, стреляя на ходу. Два полученных его супругой ранения оказались смертельными.

О своем состоянии в момент убийства Т. показал следующее: «...я открыл дверь. На пороге стояла жена, которая, матерясь и оскорбляя меня, с силой ударила меня по щеке и плюнула в лицо. Когда я стал стирать слюну, она увидела у меня в руке пистолет и бросилась бежать. В это время у меня что-то помутилось в голове, и я потерял рассудок. Как снял предохранитель, как стал стрелять — не помню. Все было как во сне. Слышал только выстрелы. Я ничего не соображал. Казалось, что во мне лопнула какая-то пружина, и я стал неуправляемым. Я был как сумасшедший...»

Чтобы оценить уровень проведенной по делу судебно-психологической экспертизы, стоит дословно привести хотя бы вывод, к которому пришел эксперт: «Т. мог находиться в состоянии психологического аффекта, и можно предположить, что психологический аффект возник в начальный момент ссоры Т. с женой в квартире и мог продолжаться

длительный период времени, но какой именно — ответить не представляется возможным». (Акт экспертизы написан на одной странице, результаты исследования в нем не указаны.)

Эксперты-психиатры были более категоричны. И хотя диагностика физиологического аффекта не входит в их компетенцию, тем не менее они определили у Т. одновременно и физиологический аффект, и сильное душевное волнение, что, кстати, тоже не относится к их компетенции, поскольку решение вопроса о «сильном душевном волнении» — это прерогатива суда.

Вместо того чтобы в данной ситуации назначить повторную комплексную психолого-психиатрическую экспертизу для устранения неполноты, получения более весомой научной аргументации выводов экспертов (их допрос в суде не устранил отмеченных недостатков), суд по существу подменил собой специалистов в области психологии и самостоятельно без их помощи пришел к выводу о том, что внезапности возникновения «аффективного состояния» у Т. не было, поскольку ссора имела продолжительный характер (дома, потом в гостях, затем опять дома), а последние пощечина и плевок в лицо Т. не являются ни насилием, ни тяжким оскорблением (?!), тем более что подобные поступки жены имели место и ранее, в том числе в присутствии посторонних, но они не вызывали столь бурного ответа».

Таким образом, обстоятельства, свидетельствовавшие о развития у виновного кумулированного аффекта, судом были приведены в обоснование того, что аффекта, а следовательно, и внезапно возникшего сильного душевного волнения не было. К сожалению, адвокат не заметил ошибочность аргументации суда в приговоре и не использовал при его обжаловании[1].

С принятием нового УК РФ проблема квалификации убийства (причинения тяжкого или средней тяжести вреда здоровью), совершенному в состоянии кумулированного аффекта, получает более определенное разрешение, поскольку в новый уголовный закон введен дополнительный квалифицирующий признак, которого ранее не было в ст. 104 и 110 УК РСФСР, а именно: *«длительная психотравмирующая ситуация,* возникшая в связи с систематическим противоправным или аморальным поведением потерпевшего» (ст. 107, 113 УК РФ). Представляется, что именно такая ситуация и является необходимым условием, предпосылкой формирования и разрешения кумулированного физиологического аффекта у виновного.

Не менее сложным в практическом отношении является процесс установления аффекта у лиц, совершивших правонарушения насильственного характера с признаками аффективного возбуждения в *состоянии простого алкогольного опьянения.* Наибольшую трудность с уголовно-правовой точки зрения представляет оценка поведения обвиняемого, находившегося в легкой степени алкогольного опьянения, так как

[1] См.: *Романов В.В.* Последняя капля... // Домашний адвокат. 1996. № 6. С. 6; см. также: Аффект // Домашний адвокат. 1996. № 4. С. 6—7.

в случаях, когда имела место средняя или тяжелая форма алкогольной интоксикации, вопрос об аффекте, как правило, не ставится. В подобных случаях сознание, интеллект, эмоционально-волевая сфера, психические, мотивационные процессы субъекта настолько искажаются под воздействием алкоголя, что практически лишают его возможности адекватно оценивать обстановку, принимать решения на должном интеллектуальном уровне, выбирать оптимальные варианты поведения. Поэтому в целом следует полностью согласиться с утвердившимся в настоящее время мнением о том, что основной причиной совершения насильственных действий лицом, находившимся в состоянии алкогольного опьянения средней или тяжелой степени, является, как правило, алкогольная интоксикация, и оценивать действия виновного следует как действия, совершенные им под влиянием обычного алкогольного опьянения.

Иное дело с оценкой ситуации, в которой субъект, подвергшийся насилию, издевательствам или тяжким оскорблениям либо иным противоправным или аморальным действиям потерпевшего, а равно находившийся под воздействием длительной психотравмирующей ситуации, возникшей в связи с систематическим противоправным или аморальным поведением потерпевшего (ст. 107, 113 УК РФ), совершил ответные насильственные действия, будучи в легкой степени опьянения.

Безусловно, что, несмотря даже на легкую степень алкогольного опьянения, под его влиянием у человека происходят некоторые нарушения в структуре сознания, эмоциональной регуляции поведения, приводящие к большей субъективизации познавательных процессов, к более упрощенному восприятию происходящих событий, к переоценке своей деятельности, причин и существа допускаемых ошибок; к неадекватно завышенной самооценке, снижению самоконтроля; к генерализации агрессивного смысла ситуации с переоценкой ее как более опасной, более конфликтной, с предпочтением внешнеобвиняющих форм реагирования[1]. Однако эти изменения не столь значительны, чтобы можно было говорить о полной деформации мыслительных процессов, о значительно искаженном восприятии действительности.

Такой более гибкий подход позволил выделить из класса аффективных состояний аффекты, развивающиеся на фоне простого алкогольного опьянения легкой степени, и ввести новое, отличное от патологического и более близкое к физиологическому аффекту понятие *аномального аффекта,* или просто — «аффекта в состоянии алкогольного опьянения»[2].

В этой связи уместно сослаться на мнение известных специалистов-психологов, всесторонне исследовавших данную проблему: «одна лишь

[1] См.: *Кудрявцев ИЛ.* Судебная психолого-психиатрическая экспертиза. С. 117.

[2] См: Там же. С. 118; *Кудрявцев ИЛ., Сафуанов Ф.С., Голев А.С.* Нарушения поведения лиц в состоянии алкогольного опьянения: психологические механизмы и правовые аспекты профилактики // Психологический журнал. 1986. Т. 7, № 6. С. 75—85.

констатация употребления обвиняемым алкогольных напитков в период времени, предшествующий правонарушению, без учета временного промежутка между употреблением алкоголя и совершением правонарушения, а также без учета данных о наличии или отсутствии физических признаков опьянения, изменениях поведения, эмоционального состояния, связанных с употреблением алкоголя, без анализа сложившейся конфликтной ситуации и повода, вызвавшего эмоциональное возбуждение, а также без исследования характера и особенностей течения самой аффективной реакции, является недостаточным для безоговорочного суждения об отсутствии физиологического аффекта. Наличие данных об употреблении обвиняемым алкогольных напитков в период, предшествующий аффективному деликту, не снимает с экспертов обязанности тщательного анализа всех обстоятельств дела в каждом конкретном случае для заключения о наличии или отсутствии аффекта»[1].

Другой разновидностью аномального аффекта является аффект, развивающийся у психопатических личностей, у которых отклонения психики от психической нормы не носят характер патологии, но вместе с тем не исключают и определенных нарушений эмоционально-волевой, мотивационной сферы. Аффективные реакции у таких лиц существенно отличаются от аффекта тех, у кого психика не отягощена психопатическими аномалиями, некоторыми ярко выраженными акцентуированными свойствами характера. Во время аффекта у психопатических личностей «возможность осознавать, рефлексировать свои действия, отдавать себе в них отчет и произвольно их регулировать, «руководить» ими снижается в значительно большей мере, чем у здоровых, хотя и не утрачивается полностью...»[2].

Следует также учитывать и то, что тип психопатизации таких лиц в каждой фазе развития аффекта придает ему характерную эмоциональную окрашенность. Так, например, для психопатических личностей возбудимого круга наиболее типичен непосредственно взрывной характер реагирования, для тормозных — кумулятивно-взрывной, для истерических — демонстративно-подчеркнутый, внешне преувеличенный аффективный разряд[3]. Характерной чертой для всех этих случаев, как писал в свое время еще В.П. Сербский, является то, что аффекты у лиц психопатического круга возникают легко и по своей силе далеко не соответствует вызвавшей их причине. Аффективная раздражительность у таких лиц нередко достигает такой степени, что даже ничтожное противоречие может вызывать у них бурную вспышку гнева[4].

Диагностика аффекта имеет некоторые особенности, которые определяются прежде всего тем, что пережитое человеком состояние невозможно ни фактически, ни по этическим соображениям воспроизвести.

[1] *Печерникова Т.П., Гульдан В.В., ОстришкоВ.В.* Особенности экспертной оценки аффективных реакций в момент совершения правонарушения у психически здоровых и психопатических личностей ... С. 13—14.

[2] *Кудрявцев И.А.* Указ. соч. С. 114.

[3] См.: *Печерникова Т.П., Гульдан В.В., Остришко В.В.* Указ. соч. С. 11.

[4] См.: *Ушаков Г.К.* Пограничные нервно-психические расстройства. 2-е изд. М., 1987. С. 190.

И тем не менее за последние годы накоплен большой опыт установления аффекта у лиц, совершавших различные по тяжести преступления против личности. Трудами отечественных психологов (В.В. Гульдан, М.М. Коченов, И.А. Кудрявцев, В.В. Остришко, Т.П. Печерникова, Ф.С. Сафуанов, О.Д. Ситковская и др.) на современном научном уровне создана солидная методическая база, разработаны необходимые рекомендации для диагностики аффекта.

Основными методами, которыми пользуются при установлении аффекта специалисты-психологи, являются:

психологический анализ ситуации, в которой совершено преступление, по материалам уголовного дела;

изучение анамнестических сведений о лице, совершившем противоправное деяние;

беседа с обвиняемым, его близкими, родными, хорошо знающими, в каких условиях он рос, жил, воспитывался;

психологическое тестирование испытуемого с применением тестовых методик, выявляющих индивидуально-психологические особенности его личности, самооценку, уровень нервно-психической, эмоционально-волевой устойчивости, фрустрированности, импульсивности, тревожности, чувствительности к эмоциогенным раздражителям; к тестам, положительно зарекомендававшим себя в подобного рода ситуациях, прежде всего можно отнести: MMPI, 16-ФЛО Р.Б. Кеттелла, фрустрационный тест С. Розенцвейга, тест незаконченных предложений и некоторые другие методики;

ретроспективный анализ поведения испытуемого в криминальной ситуации с использованием результатов его психологического тестирования, анамнестических сведений, информации о происшедшем событии по материалам уголовного дела.

Более подробно эти вопросы рассматриваются в главе 7, посвященной судебно-психологической экспертизе.

Страдание. Рассмотренные выше эмоции, эмоциональные состояния: тревожности, страха, напряженности (стресса, фрустрации), аффекта нередко сопровождаются страданиями. Законодатель в ряде правовых норм уголовного и гражданского законодательства использует понятия: *«психические страдания»* (ст. 117 УК РФ), *«нравственные страдания»* (ст. 151, **1101** ГК РФ).

В настоящее время суды при рассмотрении уголовных и гражданских дел, определяя размеры компенсации морального вреда, стали чаще обращать внимание на вопросы, относящиеся к установлению признаков, которые подтверждают пережитые субъектом физические или нравственные страдания.

Подобная судебная практика в полной мере соответствует требованиям закона. Так, в ст. 151 ГК РФ судам предписывается при решении вопросов, связанных с компенсацией морального вреда, «учитывать степень физических и нравственных страданий, связанных с индивидуальными особенностями лица, которому причинен вред».

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 1994 г. № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда», специально посвященном вопросам компенсации морального вреда, указано, что под *моральным вредом* понимаются нравственные или физические страдания, причиненные действиями (бездействием), посягающими на принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона нематериальные блага (жизнь, здоровье, достоинство личности, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна и т.п.), или нарушающими его личные неимущественные права (право на пользование своим именем, право авторства и другие неимущественные права в соответствии с законами об охране прав на результаты интеллектуальной деятельности) либо нарушающими имущественные права гражданина[1].

Таким образом, страдание, будучи чисто психологическим понятием, в настоящее время приобрело достаточно актуальное правовое значение, понимание сущности и раскрытие содержания которого при рассмотрении целого ряда уголовных дел, гражданско-правовых споров становится непременным условием юридически грамотного применения норм права.

Поэтому попытаемся ответить на вопросы: что же представляет собой данное психическое явление, каковы его признаки и, следовательно, что может служить доказательством пережитых субъектом страданий, а также подтверждать его право на компенсацию морального вреда?

В толковом словаре страдание определяется как «физическая или нравственная боль, мучение». В свою очередь боль связывается с «ощущением страдания»[2]. То есть и боль, и страдание неразрывно связаны между собой.

В психологии страдание рассматривается как одна из фундаментальных эмоций, которая при всем своем негативном характере вместе с тем выполняет очень важную в биологическом и психологическом отношении функцию, сигнализируя человеку о воздействии на него неблагоприятных факторов и тем самым побуждая его принимать те или иные меры, направленные на устранение причин их возникновения. По существу, страдание — самая первая эмоция, которую переживает человек, отторгаемый от матери в момент своего появления на свет. Этим, видимо, объясняется, что отчуждение человека (физическое или психологическое) на протяжении всей его последующей жизни является одной из распространенных причин страданий[3].

И другая сторона рассматриваемого эмоционального явления, нисколько не противоречащая предыдущей, более того, существенно дополняющая ее, состоит в том, что страдание выступает не только в качестве отдельно взятой эмоции, но и как *процесс неприятных переживаний* субъектом воздействующих на него неблагоприятных факторов физичес-

[1] Российская газета. 1995. 8 февр.
[2] *Ожегов С.И.* Словарь русского языка.
[3] См.: *Изард И.К.* Указ. соч. С. 251—289.

кого, социального (или, как мы говорим, нравственного, морального) характера, вызывающих у него «инстинктивное напряжение» .

В таком как бы двойственном взгляде на страдание нет никакого противоречия, поскольку эмоции в психологии рассматриваются именно сквозь призму переживаний, которые «всегда носят у человека личностный характер, особо интимно связанный с «Я», близкий ему и его захватывающий...». Как писал С.Л. Рубинштейн, «всякое переживание, т.е. психическое явление с подчеркнуто личностным характером, обязательно включено в сферу эмоциональности»[2].

С учетом выше приведенных рассуждений можно дать следующее определение страдания:

Страдания — это чувства, эмоция человека в виде отрицательных переживаний, возникающих под воздействием травмирующих его психику событий, глубоко затрагивающих его личностные структуры, настроение, самочувствие, здоровье.

Эмоциональный профиль страдания считается одним из сложных, поскольку собственно страдание отдельно, в чистом виде наблюдается крайне редко. Обычно страданию сопутствуют: страх, напряженность (стресс), гнев, импульсивность, аффект, вина, стыд и другие негативные эмоции. Наиболее распространена связь страдания и страха, страдания и стресса.

Угроза реальная или мнимая (запугивание) совершить то или иное преступление против личности может вызвать страх. Последний, действуя парализующим образом на волю субъекта, его мотивационную сферу (мотивацию достижения), способствует утрате смелости, активности, а следовательно, приводит к *нравственным страданиям.* Все это способствует появлению эмоциональной напряженности, стресса. Некоторые психологи напрямую связывают страдание со стрессом, рассматривая страдание в качестве одной из форм эмоционального стресса, его характерного признака. С другой стороны, глубокий эмоциональный стресс (дистресс), особенно достигший своей третьей стадии (истощения), а также различные виды посттравматического стрессового расстройства могут вызывать и нравственные, и физические страдания.

Весьма тесная взаимосвязь существует между страданиями и эмоциями гнева, аффекта. Страдание, по мнению ряда психологов, является своего рода внутренним возбудителем гнева, а затем и агрессии, что можно наблюдать при развитии аффекта с его разрушительной второй стадией эмоционального «взрыва» (фаза кульминации).

Поэтому установление у субъекта с помощью судебно-психологической экспертизы сильного эмоционального стресса, аффекта может служить подтверждением, доказательством того, что тот действительно пережил и страдания.

Характерными признаками страдания, которые могут быть установлены и доказаны в суде, являются следующие: внешне страдающий

[1] См.: *Райкрофт Ч.* Критический словарь психоанализа. СПб., 1995. С. 188.
[2] *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. Т. И. С. 165.

человек выглядит печальным, отрешенным от происходящих событий, оторванным от людей; испытывает одиночество, изолированность особенно от тех, кто заботится о нем; чувствует себя неудачником, несчастным, потерпевшим поражение, неспособным к достижению прежних успехов; уныние, упадок духа, мысли о своей профессиональной некомпетентности, об утрате смысла жизни все чаще посещают его; понижается и общий физический тонус, появляются сопутствующие этому различного рода функциональные расстройства, нарушаются сон, аппетит и т.д. Подмечено, что глубина страданий, равно как и стресса, во многом зависит не только от того, что произошло, но и в не меньшей мере от нашего отношения к этому.

Переживаемые человеком страдания отрицательно отражаются на его профессиональной деятельности, познавательной активности, что обычно не остается без внимания со стороны его ближайшего окружения.

В законе упоминаются две разновидности данного класса эмоций: *страдания нравственные* и *страдания физические.* Понятие «нравственность» и производное от него прилагательное «нравственный» имеют несколько смысловых оттенков. Прежде всего «нравственность — это правила, определяющие поведение человека в обществе. Кроме того, в понятие нравственности вкладываются «духовные, душевные качества, необходимые человеку в обществе, а также выполнение этих правил, поведение»[1].

Понятие «нравственный» употребляется не только по отношению к человеку, соблюдающему требования нравственности, но и как прилагательное, характеризующее то или иное явление, «относящееся к внутренней, духовной жизни человека»[2]. С этой точки зрения *нравственные (душевные) страдания человека* напрямую связаны с его личностными, глубинными структурами, которые подвергаются посягательствам, что и вызывает у него столь сильную ответную эмоциональную реакцию в виде отрицательных переживаний, называемых страданиями.

Поскольку с помощью понятий *«личность», «личностный»* раскрывается включенность человека в общественные отношения, его социальная сущность, его положение в обществе, есть все основания полагать, что источником нравственных страданий субъекта нередко являются прежде всего посягательства на его социальный статус, авторитет, честь и достоинство, личностные убеждения (если они, разумеется, не носят антиобщественный, противоправный характер), на его самооценку, положение, место в обществе, сложившуюся систему его межличностных отношений.

Все это, безусловно, связано с правами человека и его свободами, гарантированными Конституцией РФ. Поэтому посягательства на его неприкосновенность, свободы, мировоззрение, ценностные ориентации, т.е. на все то, что позволяет ему быть личностью, могут вызывать нравственные (душевные) страдания.

[1] *Ожегов СИ.* Словарь русского языка.

[2] Там же.

Например, принудительное лишение глубоко верующего человека возможности принимать участие в отправлении им тех или иных религиозных обрядов, его принуждение выполнять действия, противоречащие его религиозным взглядам и убеждениям, несомненно, посягают на его мировоззрение, ценностные ориентации, личностные установки, свободу совести (ст. 28 Конституции РФ) и вследствие этого не могут не вызывать у него ответной негативной реакции, неприятных переживаний в виде нравственных, душевных страданий. Лица, виновные в этом, представляется, должны по закону компенсировать причиненный своими противоправными действиями моральный вред его личности.

Моральный вред также может выражаться, как подчеркивается в упомянутом постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 10, в нравственных переживаниях, страданиях человека, связанных «с утратой родственников, невозможностью продолжать активную общественную жизнь, потерей работы, раскрытием семейной, врачебной тайны, распространением не соответствующих действительности сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию гражданина, временным ограничением или лишением каких-либо прав»[1].

В отличие от нравственных *физические страдания* связаны с причинением человеку физической боли, мучений, всегда сопутствующих нанесению телесных повреждений, различного рода увечий, с истязаниями, с заражением какой-либо инфекцией, с заболеванием, которое может быть результатом в том числе и перенесенных нравственных страданий.

При определении размера компенсации морального вреда суды должны учитывать «степень физических и нравственных страданий, связанных с *индивидуальными особенностями* лица, которому причинен вред» (ст. 151 ГК РФ), а также выяснять, «чем подтверждается факт причинения потерпевшему нравственных или физических страданий, при каких обстоятельствах и какими действиями (бездействием) они нанесены»[2].

С учетом этих требований судом могут быть признаны в качестве доказательств, подтверждающих факт причинения лицу физических страданий, различного рода медицинские документы, в которых отражены полученные им телесные повреждения, перенесенные заболевания, функциональные, психосоматические расстройства, его жалобы на самочувствие, а также характер оказанной ему медицинской помощи. Существенно дополнить эту картину могут показания свидетелей, общавшихся с потерпевшим, относительно его внешних, поведенческих признаков, того, что он им говорил о своих переживаниях. Так же подробно следует допросить самого пострадавшего о его ощущениях, мыслях, которые у него были в интересующий период. В некоторых особо сложных случаях потерпевший может быть направлен на дополнительное медицинское обследование либо на судебно-медицинскую экспертизу.

При доказывании факта причинения потерпевшему нравственных страданий требуется больше обращать внимания на индивидуально-

[1] Российская газета. 1995. 8 февр.
[2] Там же.

психологические особенности его личности: нравственные, ценностные ориентации, установки, самооценку, социальный статус, его стремление к самоактуализации, характерологические особенности, наличие у него акцентуированных свойств характера того или иного типа[1].

Известно, что повышенная тревожность, сенситивность, психастеничность, неврастеническая симптоматика и т.п. являются весьма благоприятной почвой для развития всевозможного рода глубоких переживаний, травмирующих психику, в том числе и негативного характера в виде страданий. И в этих случаях помимо допроса самого потерпевшего, а также лиц, близко знающих его, существенную помощь суду, несомненно, может оказать судебно-психологическая экспертиза аналогично тому, как это делается при установлении аффекта.

Завершая рассмотрение эмоциональных проявлений у различных субъектов правоотношений, следует подчеркнуть важное значение эмоций и чувств, поскольку они оказывают сильное влияние на поведение человека, особенно в конфликтных, экстремальных ситуациях, являются составной частью мотивационной сферы его личности.

Понимание роли эмоциональных явлений у субъектов уголовного, гражданского процессов помогает следователю, суду наиболее эффективно, с точки зрения задач правосудия, проводить следственные (судебные) действия, объективно оценивать поступки людей, их мотивационную сферу, принимать правильные решения по делу.

Существенное влияние эмоциональные состояния оказывают на эффективность и качество профессиональной деятельности самих юристов, которые должны владеть приемами саморегуляции собственной эмоциональной сферы, уметь вовремя нейтрализовать отрицательные и стимулировать положительные эмоции и чувства, о чем пойдет речь в следующем параграфе.

§ 3. Способы преодоления отрицательных психических состояний в профессиональной деятельности юриста

Профессия юриста предъявляет повышенные требования к психике, интеллекту, эмоционально-волевым качествам человека. В какой бы области правоприменительной деятельности он не занимался, его рабочий день нередко бывает насыщен разнообразными проблемными ситуациями, различного рода конфликтами, требующими принятия решений правового характера, что уже само по себе в гораздо большей мере, чем в других профессиях, способствует повышенной утомляемости, избыточному раздражению, появлению стресса.

Так, в ходе одного исследования выяснилось, что больше половины опрошенных прокурорских работников под воздействием перегрузок в работе постоянно испытывают отрицательные психические состояния,

[1] См.: *Романов В.В.* О наших с вами страданиях / / Домашний адвокат. 1996. № 2. С. 12—13.

усталость, апатию, растерянность. Многие из них переживают повышенную тревожность, ощущают малозначительность, ненадежность своего социального, профессионального положения. Практически половина из них жалуется на раздражительность, головную боль, нарушения сна[1].

Все это объясняет достаточно широкую распространенность среди работников правоохранительных органов различных психосоматических расстройств и заболеваний, возникающих под воздействием отрицательных эмоций и состояний, которые можно было бы значительно уменьшить, если бы сами юристы умели использовать естественные защитные механизмы своей психики от возрастающего давления нервно-психических перегрузок, владели бы достаточно простыми и в то же время доступными приемами нейтрализации ситуативной усталости, снятия психического напряжения (релаксации).

Методам релаксации в настоящее время посвящено огромное число публикаций, издано много специальной, в том числе переводной, литературы по психотренингу, в которой при желании всегда можно найти большое количество разнообразных полезных советов, различного рода физических расслабляющих упражнений. Однако, несмотря на все эти методические разработки и рекомендации, прежде всего следует помнить о правильном режиме труда, разумном чередовании его с отдыхом. Иногда стоит даже незначительно изменить свой образ жизни, отказаться от некоторых вредных привычек, чтобы резко поднять порог устойчивости к нервно-психическим перегрузкам.

Кроме того, с учетом своих индивидуально-психологических особенностей следует знать, как наиболее разумно вести себя в стрессогенных ситуациях, каким образом можно самому снимать у себя состояние избыточной тревожности, эмоциональной напряженности, усталости, повышая при этом эффективность своего труда, улучшая самочувствие и настроение. Проще говоря, необходимо научиться оказывать самому себе неотложную психологическую помощь, уметь своевременно пользоваться легкодоступными приемами и средствами снятия психической напряженности. Рекомендации здесь несложны, и каждый при необходимости может ими воспользоваться.

Итак, какие наиболее простые советы, не требующие специальной подготовки, посторонней помощи, можно дать? Вот некоторые из них.

Лучше своевременно предупредить нарастающее состояние эмоциональной напряженности, чем бороться с ним. Обычно наиболее распространенными предвестниками наступающего ухудшения психического состояния являются все более частые ощущения усталости, раздражения. Снижается острота восприятия, ухудшается память, эффективность мыслительной деятельности.

Первый, достаточно простой совет: если позволяют условия, сделайте во время работы небольшой, неплановый перерыв.

[1] См.: *Панчихин О.Н., Романов В.В., Кроз М.В.* Профессиональный психологический отбор // Законность. М., 1993. № 4. С. 40.

Проветрите помещение (особенно если в вашем кабинете накурено). Сядьте на стул (еще лучше в кресло). Расстегните ворот рубашки, ослабьте пояс. Слегка откиньте голову назад таким образом, чтобы затылок свободно лег на спинку стула. Опустите руки вдоль тела (если позволяет ваш рост, можно опереться локтями о сиденье стула).

Сняв обувь, положите ступни ног на другой стул, поставленный напротив. Закройте глаза. Расслабьте мышцы. Дышите спокойно, равномерно. Постарайтесь ни о чем тревожащем вас не думать.

Если вы беспокойный по характеру человек и сами себе не даете покоя, воспользуйтесь избирательностью своего мышления, используйте механизм вытеснения из сознания всего того, что вас сейчас тревожит, успокойте себя тем, что «все равно всех дел не переделаешь». В течение 20—30 мин, необходимых для того, чтобы привести себя в работоспособное состояние, за эти мысленно произнесенные слова, помогающие избавиться от напряжения, вас никто не осудит. В конце концов, подумайте о чем-нибудь приятном, вызовите в своем сознании наиболее весомые ценности в жизни и сравните: как много у вас есть из того, чего нет у других.

Если почувствуете сонливое состояние, не препятствуйте ему. Крепко вы все равно не заснете, но за это короткое время вскоре почувствуете облегчение.

Переходя в обычное состояние, сделайте легкий массаж поглаживанием лица (вокруг глаз, между бровей, виски, носогубные складки, подбородок), шеи, затылка, легкие кругообразные движения и наклоны головы, повороты вправо, влево. Затем ополосните лицо, ушные раковины холодной одой[1].

Объективно оценивайте то, что с вами происходит. Не будьте (хотя бы на время!) максималистом по отношению к себе. Как часто оказавшись в той или иной непростой обстановке, люди реагируют не на нее, а на свое отношение к ней. Порой, переживая свое неблагополучное психическое состояние (например, повышенную тревожность, раздражение и т.п.), мы не задумываемся над тем, что оно нередко является следствием не той ситуации, в которой мы оказались, а результатом нашего отношения к ней, т.е. того, как мы воспринимаем происходящие события, какую ценность сами приписываем им, образно говоря, сквозь какие очки смотрим на то или иное явление.

Еще две тысячи лет тому назад стоики в Древней Греции, отыскивая прочное разумное основание для нравственной жизни общества, разделяя все человечество на два класса — мудрых и безумных, считали: не существует вещей, которые могли бы так беспокоить нас, как наши собственные впечатления, представления, взгляды на вещи. Поэ-

[1] Более подробные рекомендации содержатся в различной справочной литературе. См. например: *Леонова А.Б., Кузнецова АС.* Психопрофилактика стрессов. М., 1993; *Каппони В., Новак Т.* Сам себе психолог. СПб., 1994; Стресс жизни: Сборник. ТОО «Лейла». СПб., 1994; *Шнайдер К.* Как снять стресс: 30 способов улучшить свое самочувствие за 3 минуты. М., 1993; *Рейф И.Е.* Полчаса, побеждающие усталость. М., 1994.

тому стоит поменять их, изменить свое отношение к происходящему, хотя бы несколько снизив его значение (спросите себя в этот момент: с кем этого не происходит?), как сила воздействующих на наше сознание факторов снизится. И как следствие этого уменьшится и характер нашего эмоционального реагирования.

Как писал Г. Селье, чаще для нас имеет значение не то, что с нами происходит, а как мы это воспринимаем[1]. т.е. причины появления состояний эмоционального напряжения нередко кроются в нас самих и объясняются в первую очередь нашими индивидуально-психологическими особенностями. В этой связи можно воспользоваться еще одним советом. Если нас что-то в данный момент сильно задевает и к чему-то очень обязывает, из-за чего мы испытываем сильное беспокойство, тревогу, раздражение, иногда бывает полезно спросить себя: будет ли данное событие по-прежнему волновать нас через несколько дней? А через пять лет? И если мы на эти вопросы ответим отрицательно, тогда, право, не стоит так сильно огорчаться и в настоящий момент.

Постарайтесь внушить себе, что вы не только «жертва» экстремальной ситуации, но и ее участник, посмотрите на себя со стороны. Осознание себя только в качестве «жертвы», пишет Л.А. Китаев-Смык, исследовавший поведение летчиков-испытателей в критических ситуациях, еще более усиливает дистресс со всеми сопутствующими этому последствиями[2].

Поэтому, воздав должное себе, мысленно отметив свои достоинства, несомненно, имеющиеся у вас, вспомните, как вам уже не раз приходилось выходить из трудных ситуаций, вспомните пережитые вами ранее чувства радости при преодолении трудностей и на этом фоне посмотрите на себя со стороны. Почувствуйте себя участником и одновременно ответственным за ход того, что происходит. И вам станет легче, потому что вы почувствуете себя сильнее. «Даже после сокрушительного поражения, — писал Г. Селье, — бороться с угнетающей мыслью о неудаче лучше всего с помощью воспоминаний о былых успехах. Такое преднамеренное припоминание — действенное средство восстановления веры в себя... Даже в самой скромной карьере есть что-то, о чем можно с гордостью вспомнить. Вы сами удивитесь, как это помогает, когда все кажется беспросветным»[3].

Как часто нашим злейшим врагом является недостаточное самоуважение. В этой связи совершенно справедливо рекомендуется обращать внимание в первую очередь на те возможности, которые у нас есть, использовать их, вместо того чтобы придавать значение тем, которых нет[4].

Отступитесь на время от решения стрессогенных проблем. Расслабьтесь, выкиньте из головы все, что вас тревожит. Скажите себе: сейчас, в данный момент мне это не нужно. На какое-то время сведите

[1] См. также: *Эверлидж. С., Розефельд Р.* Стресс: природа и лечение. М., 1985. С. 16.
[2] *Китаев-Смык Л.А.* Указ. соч. С. 38—39.
[3] *Селье Г.* Указ. соч. С. ПО.
[4] *Меркл Р.* Депрессия? Больше никогда! М., 1996. С. 50.

к минимуму вашу активность. Наконец, переключитесь на совсем другие занятия, не имеющие никакого отношения к стрессу, более того, вызывающие положительные эмоции, удовольствие. Проще говоря, займитесь тем, что приятно.

Такие занятия, увлечения, безусловно, есть почти у каждого. Ну а если их нет, делайте любую посильную работу (эффект «смещенной активности», «замещающих» действий по З. Фрейду), которая всегда найдется дома: мойте посуду, убирайте квартиру и т.д. Подобная физическая активность в стрессогенных ситуациях выполняет роль своеобразного громоотвода, помогающего отвлечься от внутреннего перенапряжения. В конце концов, сходите на выставку, в театр, просто прогуляйтесь, поболтайте с приятелем. Подумайте о чем-либо приятном, что есть или было в вашей жизни. Иногда одного сравнения ваших проблем в этот момент с проблемами других людей хватает, чтобы понять, что не все так уж плохо и безнадежно, как, может быть, кажется.

Положительный эффект в нейтрализации негативных эмоциональных состояний оказывают встречи с близкими и даже незнакомыми людьми, помогающими по-иному взглянуть на мир, переориентироваться с трагического настоящего на события, которые предстоят в будущем. В эти моменты огромную роль играет семья, близкие друзья, благодаря психологической помощи которых снимаются отрицательные эмоции и неблагоприятные психические состояния.

Активизируйте мотивы достижения. Не последнее по значению место в профессиональной деятельности юриста в качестве стрессорегулирующего фактора имеет мотивация. Установлено, что, несмотря даже на тяжелую ситуацию, при сохранности на должном уровне мотивации достижения, альтруизма, побуждающих нас к целенаправленной деятельности, имеет место значительное улучшение целого ряда психических показателей. И в этом процессе не последнее место занимает формирование уверенности человека в себе, в своих силах, его активность. Недаром говорят, что чувство уверенности — это ключ к успеху.

Для того чтобы быть уверенным в достижении поставленных целей, представьте себе реально желаемый результат, вплоть до наглядного образа того, к чему вы стремитесь, чего желаете достичь. Сконцентрируйтесь на этом мысленном образе, повторяя про себя: я чувствую сильное желание добиться поставленной цели. Я должен это сделать! Я верю в то, что это можно сделать потому, что я могу это сделать!

Без веры в успех нельзя преодолеть свое негативное настроение, подавленное психическое состояние. Необходимо верить в свои силы, в собственные возможности добиться успеха, и тогда вера вызовет решимость, которая нам так бывает необходима.

Еще лучше, если это будет подкреплено кем-либо из близкого, значимого для вас окружения:

— Я верю в твой успех, ты молодец! — как часто такие слова, сказанные матерью сыну, женой мужу, просто другом, побуждают нас добиваться того, чего бы мы никогда не достигли, не будь этой психологической поддержки со стороны близких людей.

Разумеется, все это далеко не полный перечень рекомендаций, которыми можно воспользоваться. Тем более что каждый сам выбирает для себя то, что ему более всего подходит.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Что представляют собой эмоции и чувства? В чем их сходство и различия?
2. Дайте психологическую характеристику состоянию тревожности. Какие существуют причины возникновения состояния тревоги?
3. Что такое страх? Назовите признаки, свидетельствующие о переживании человеком страха.
4. Какое значение могут иметь эмоции тревоги, страха при оценке поведения лиц, участвующих в уголовном и гражданском процессах?
5. Дайте определение состояния психической напряженности (стресса).
6. Какое влияние оказывает стресс на поведение человека?
7. Динамика развития стресса и его признаки.
8. Какое правовое значение может иметь установление стресса у обвиняемого, потерпевшего?
9. Что представляют собой посттравматические стрессовые расстройства?
10. Какие существуют причины возникновения у людей посттравматических стрессовых расстройств? Охарактеризуйте периоды развития данного состояния.
11. Что такое фрустрация, какое влияние она оказывает на поведение человека? Что общего между стрессом и фрустрацией, в чем состоит различие между ними?
12. Дайте психологическую характеристику аффекта. Назовите его признаки, опишите динамику его развития.
13. Какие вам известны виды аффективных состояний, в чем состоят их особенности?
14. Какое уголовно-правовое значение имеет аффект?
15. Что представляют собой страдания? Дайте определение данного эмоционального состояния, перечислите его признаки.
16. Какие правовые последствия предполагает установление у потерпевшего страданий в результате совершения в отношении него неправомерных действий?
17. Какие Вам известны способы преодоления отрицательных эмоциональных состояний?

Глава 6

ИНДИВИДУАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЗНАНИЙ О НИХ ЮРИСТОМ В ПРАКТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Темперамент. Какое влияние оказывает он на формирование личности, поведение человека? Основные типы и свойства темперамента. Характер и его роль в профессиональной деятельности юриста. Акцентуированные свойства характера, психолого-криминологическая характеристика различных типов акцентуированных личностей. Воля. Направленность, мировоззрение, правосознание, мотивационная сфера в структуре личности субъектов правоприменительной деятельности. Мотивы и мотивация поведения.

§ 1. Темперамент, его влияние на поведение субъектов правоприменительной деятельности

Темперамент. Важнейшими структурными компонентами, определяющими личностные особенности каждого человека, являются темперамент и характер. Рассмотрим их подробнее, проследим как они влияют на поведение людей, вовлеченных в сферу правоохранительной деятельности.

Темперамент (от лат. temperamentut — надлежащее соотношение частей, соразмерность) — *это совокупность индивидуальных, относительно устойчивых психодинамических свойств психики человека, проявляющихся в его поведении и деятельности.*

Темперамент в отличие от других особенностей психики относительно устойчив, поскольку его физиологической основой являются унаследованные человеком свойства нервной системы, которые влияют на быстроту усвоения знаний, формирования навыков. От этих свойств зависит динамика психических процессов и состояний, психической деятельности в целом. «Психологически они проявляются прежде всего в особенностях темперамента человека, окрашивающего самые различные поведенческие акты, создающего более или менее определенный индивидуальный стиль деятельности, специфическую для каждого человека динамику приобретения, например профессиональных навыков и т.п.»[1].

Свойства нервной системы и обусловленные ими свойства темперамента влияют на перцептивные процессы, память, внимание, двигательные навыки человека. Эти свойства в большей степени определяют не то, что он делает, а то, как это делает.

Темперамент оказывает существенное влияние на формирование характера, на динамические особенности поведения человека, на инди-

[1] *Равич-Щербо И.В.* Возможный экспериментальный подход к изучению биологического и социального в человеке // Биологическое и социальное в развитии человека. М., 1977. С. 160.

видуальность последнего. Вот почему темперамент нельзя отделить от личности. Темперамент выступает своеобразным связующим звеном между организмом, познавательными процессами и личностью[1].

История возникновения учения о темпераментах относится к V в. до н.э., когда древнегреческий врач Гиппократ выдвинул идею о том, что жизнедеятельность, здоровье человека зависят от четырех основных соков организма: крови (sanguis), лимфы (phlegma), желчи (chole) и черной желчи (melan chole). Опираясь на эти представления, древнеримский врач Гален (II в. н.э.) сформулировал гуморальную теорию, согласно которой различное соотношение этих жидкостей влияет не только на здоровье, но и определяет психическое состояние, поведение человека. Гален предложил первую классификацию видов темперамента. В зависимости от преобладания в организме той или иной жидкости люди, согласно его теории, отличаются друг от друга силой, скоростью, темпом, ритмом движений, экспрессивностью выражения чувств. Отсюда пошли названия четырех типов темперамента: сангвинический, флегматический, холерический и меланхолический.

В последующем на смену гуморальной пришла конституциональная, или соматическая, теория, на основе которой пытались связать различные типы темпераментов с конституцией, строением тела человека, с соотношением его отдельных частей и тканей, о чем мы уже писали в главе 2, посвященной личности, ссылаясь на взгляды Э. Кречмера, У. Шелдона и др.

Рациональным зерном во всех этих взглядах, как сейчас это видно с позиций современной науки, является то, что и тип строения тела, и динамические свойства психики в значительной мере обусловлены воздействием гормонов, выделяемых железами внутренней секреции.

В дальнейшем обусловленность того или иного темперамента стали объяснять деятельностью центральной нервной системы, ее возбудимостью и чувствительностью. В создании и развитии этой теории важную роль сыграли исследования свойств головного мозга, проведенные в 20—30-е гг. нашим великим физиологом И.П. Павловым, который создал учение о *типах высшей нервной деятельности*, определяющих типы и свойства темпераментов.

И.П. Павлов теоретически обосновал и экспериментально подтвердил ведущую роль в динамических процессах центральной нервной системы — «единственной из всех систем организма, обладающей способностью к универсальным регулирующим и контролирующим влияниям»[2]. Он считал, что «темперамент есть самая общая характеристика каждого отдельного человека, самая основная характеристика его нервной системы, а эта последняя кладет ту или другую печать на всю деятельность каждого индивидуума»[3]. Им было выделено три основных

[1] См.: *Немов Р.С.* Психология. Учебник в 3 кн. Кн. 1. Общие основы психологии. 2-е изд. М., 1995. С. 333.

[2] Цит. по: *Небылицын В.Д.* Психофизиологические исследования индивидуальных различий. М., 1976. С. 182—183.

[3] *Павлов И.П.* Поли. собр. соч. М., Л., 1951. Т. III, кн. 2. С. 85.

свойства нервной системы: сила, уравновешенность и подвижность нервных процессов.

Сила нервной системы. Это самый важный показатель типа нервной системы. Она проявляется в способности нервной системы выдерживать длительное воздействие, не приходя в состояние запредельного торможения. Сила нервной системы — показатель работоспособности нервных клеток, их функциональной выносливости, способности задерживать реакцию на воздействие одних раздражителей под влиянием других, еще более значимых.

Уравновешенность нервной системы. Данное свойство означает соответствие силы возбуждения силе торможения. Значительное преобладание одного из этих процессов над другим свидетельствует о неуравновешенности нервных процессов.

Подвижность нервных процессов. Подвижность характеризуется быстротой и легкостью сменяемости процессов возбуждения и торможения. Противоположной этому свойству является *инертность нервных процессов,* исключающая их быструю и легкую перестройку.

Различные сочетания силы, уравновешенности, подвижности нервных процессов определяют, по И.П. Павлову, индивидуальные особенности условно-рефлекторной деятельности, темперамент. Эти сочетания составляют разные типы нервной системы, служат физиологической основой традиционно описываемых в литературе четырех типов темперамента (рис. 6.1):

1) сильный, уравновешенный, подвижный тип нервной системы, лежит в основе *сангвинического темперамента;*

2) сильный, уравновешенный, инертный тип нервной системы, соответствует темпераменту *флегматика;*

3) сильный, неуравновешенный тип нервной системы с преобладанием возбуждения над процессами торможения, соответствует *холерическому темпераменту;*

4) слабый тип нервной системы, соответствует *меланхолическому темпераменту.*

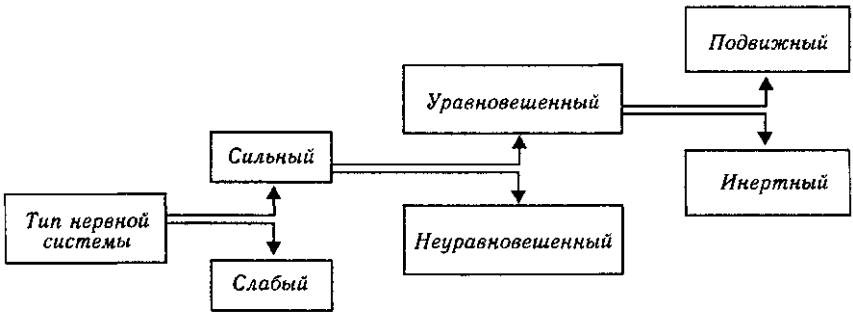


Рис. 6.1. Типы нервной системы по И.П. Павлову

В последующем учение И.П. Павлова было развито и дополнено. Исследования Б.М. Теплова, В.Д. Небылицына и др., проведенные в 50—60-х гг., показали, что «сама структура свойств нервной системы как нейрофизиологических изменений темперамента много сложнее, чем это представлялось ранее, а число основных комбинаций этих свойств гораздо больше, чем это предполагалось И.П. Павловым»[1].

Так, оказалось, что сила нервных процессов является показателем не только работоспособности нервной системы, но и ее *чувствительности* (сенситивности). Если работоспособность нервной системы определяется верхним «пределом» силы нервной системы, то уровень ее чувствительности соответствует нижнему «пределу».

Значительно расширилось и понятие подвижности, которое стало означать подвижность не только в узком смысле этого слова (как способность нервных процессов переходить из одного состояния в другое), но и как *лабильность,* характеризующуюся скоростью возникновения и прекращения нервных процессов. Так было выявлено еще одно важное свойство нервных процессов — *динамичность,* выражающаяся в легкости, быстроте генерации процессов возбуждения или торможения.

В настоящее время традиционные комбинации свойств нервной системы дополнены новыми свойствами, наметилась 12-мерная классификация свойств нервной системы человека на основе сочетаний по крайней мере восьми первичных (сила, подвижность, динамичность и лабильность по отношению к возбуждению и соответственно к торможению) и четырех вторичных (уравновешенность по силе, подвижности, динамичности и лабильности) свойств[2].

Кроме указанных выше были выявлены и другие свойства нервной системы, связанные с темпераментом:

реактивность — свойство нервной системы, проявляющееся в непроизвольности реакций различной интенсивности в ответ на какие-либо посторонние воздействия;

активированность (активность) нервной системы — свойство, свидетельствующее о том, насколько энергично человек воздействует на окружающий мир, познает его, преодолевает препятствия на пути к поставленной цели.

Реактивность и активированность характеризуют энергетический уровень поведения человека. Их соотношение показывает: чем в большей степени определяется поведение человека — случайными факторами (настроение, поведение окружающих и т.д.) или его стойкими намерениями, убеждениями. Преобладание реактивности нередко наблюдается в поведении так называемых «случайных», «ситуационных» правонарушителей.

Пластичность и противоположное этому свойству — *ригидность* нервных процессов выражают подвижность либо инертность нервной

[1] *Небылицын В.Д.* Указ. соч. С. 183.

[2] Подробнее см.: *Русалов В.М.* Биологические основы индивидуально-психологических различии. М., 1979. С. 78.

системы, определяют, насколько человек легко, гибко приспосабливается к изменяющейся обстановке (ситуации). Пластичность — профессионально важное свойство темперамента, необходимое юристу, поскольку оно влияет на гибкость его поведения при выборе различных форм реагирования.

Экстравертированность — интровертированность — характеристика индивидуально-психологических различий, также в определенной мере связанных с темпераментом, проявляющаяся в большей обращенности человека либо на внешний, окружающий мир, либо на свой внутренний мир, что также в значительной мере влияет на его поведение.

Между свойствами нервной системы и темпераментом существует тесная и неоднозначная взаимосвязь. От одного и того же свойства нервной системы может зависеть несколько различных свойств темперамента. В результате этого образуются своеобразные симптомокомплексы различных свойств нервной системы, коррелирующих между собой. Причем в совокупности различных признаков того или иного свойства один из них является ведущим, определяющим. Этим во многом объясняются достаточно прочные *компенсаторные возможности психики,* позволяющие человеку приспосабливаться к окружающей среде.

Ввиду большого разнообразия сочетаний различных свойств нервной системы наряду с четырьмя традиционными типами темперамента, которые в чистом виде встречаются крайне редко, существует большое количество промежуточных типов, различных вариантов темперамента. Поэтому проблема четкого деления людей по общим признакам нервной системы, исходя только из четырех типов темперамента, уступила место более углубленному изучению отдельных свойств нервной системы, лежащих в основе индивидуального темперамента конкретного человека, у которого могут наблюдаться черты разных традиционно выделявшихся ранее типов темперамента.

И тем не менее, основываясь на анализе перечисленных выше свойств, все же полезно дать следующую общую психологическую характеристику четырем традиционно описываемым в литературе типам темперамента с тем, чтобы потом их использовать при сравнительном анализе индивидуально-психологических особенностей различных людей.

Итак, обладатель *сангвинического темперамента* характеризуется несколько пониженной сенситивностью, высокой реактивностью и активностью, уравновешенностью, эмоциональной подвижностью, пластичностью, лабильностью, экстравертированностью, что проявляется в гибкости поведения.

Обладатели этих свойств темперамента обычно весьма деятельны, продуктивны в работе, особенно если она вызывает у них живой интерес. Они подвижны, легко приспосабливаются к новым условиям, умеют легко вступать в контакты с людьми, однако испытывают затруднения при выполнении длительных, монотонных операций.

Холерик отличается повышенной возбудимостью, высокой реактивностью и активностью с преобладанием реактивности, повышенной

эмоциональной возбудимостью, ригидностью, экстравертированностью, ускоренным темпом реакций.

Холерики нередко демонстрируют повышенную возбудимость, неуравновешенность поведения, определенную цикличность в работе — от страстного увлечения делом до полной апатии, сопровождающейся временной бездеятельностью. При отрицательном воспитательном воздействии в поведении холерика чаще могут проявляться: несдержанность, неспособность к самоконтролю в эмоционально напряженных ситуациях, агрессивность в конфликтных ситуациях, что может стать одним из условий, способствующих совершению такими лицами противоправных действий насильственного характера.

Флегматик характеризуется пониженной сенситивностью, низкой реактивностью, ригидностью, пониженной эмоциональной возбудимостью, замедленным темпом реакций, интровертированностью.

Люди, наделенные чертами флегматического темперамента, обычно спокойны, более уравновешенны, основательны в работе, успешно трудятся там, где требуется методичность, упорство, кропотливое отношение к делу.

Из недостатков флегматика следует отметить некоторую инертность, малоподвижность, необходимость дополнительного времени для переключения от одного вида занятий на другой.

Меланхолический темперамент обусловлен слабым типом нервной системы. Темперамент меланхолика характеризуется повышенной сенситивностью, невысокой реактивностью и низкой активностью, ригидностью, пониженной эмоциональной возбудимостью, отрицательной окраской эмоций, эмоциональной ранимостью, интровертированностью.

В силу того, что торможение у меланхолика преобладает над процессами возбуждения, сильные отрицательные раздражители могут воздействовать деструктивным образом на его поведение и деятельность в целом. Поэтому люди, наделенные в значительной мере свойствами меланхолического темперамента, чаще испытывают тревогу, страх, нередко переоценивают характер угрозы, легче становятся жертвами правонарушений насильственного характера. Иллюстрацией темпераментов может служить карикатура известного датского художника Х. Бидструпа «Четыре темперамента» (рис. 6.2). По тому, как реагируют на смятую шляпу ее владельцы, можно определить тип темперамента каждого из них.

Учет особенностей, свойств темперамента в профессиональной деятельности юриста. Каким образом оценивать свойства темперамента? Данный вопрос оказывается не таким простым. В психологической литературе высказывается обоснованное возражение против ценностного подхода к тому или иному темпераменту, тем более против того, чтобы делить их на «плохие» и «хорошие», «лучшие» и «худшие»[1].

[1] См., например: *Стреляу Я.* Роль темперамента в психическом развитии. М., 1982. С. 162—164.

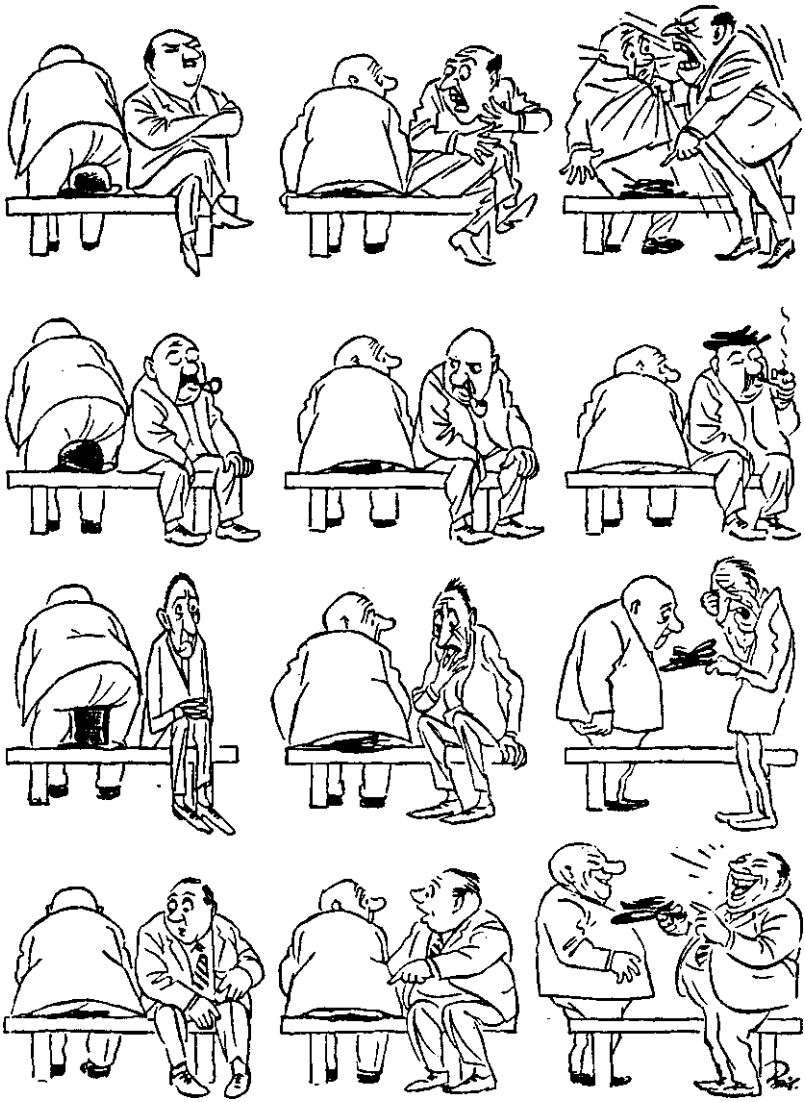


Рис. 6.2. Четыре темперамента (Х. Бидструп)

Более продуктивным представляется иной подход к оценке того или иного темперамента, его отдельных свойств — с точки зрения изучения адаптивных возможностей индивида в процессе поддержания им равновесия между организмом и средой. Поэтому с социальной, тем более с правовой, точки зрения темперамент не подлежит оценке, так как не определяет социальную ценность человека, поскольку не связан с его

мировоззрением, убеждениями, правосознанием. «Никакой темперамент не служит препятствием для развития общественно ценных свойств личности, равно как и отрицательных ее свойств. Генетически детерминированные свойства темперамента — это лишь предпосылки воспитания, обучения, формирования характера, развития умственных и физических способностей»[1].

Исходя из основных динамических свойств нервной системы, темперамента человека, необходимо видеть, к какой деятельности он более всего предрасположен. В этом состоит одно из направлений учета человеческого фактора в решении вопроса о повышении эффективности и качества труда любого работника, в том числе, разумеется, и юриста.

Правоохранительная деятельность, как и любая другая, имеет свои особенности[2]. С ними коррелируют различные свойства темперамента. Она предъявляет определенные требования к психике, нервной системе, темпераменту юриста. Игнорирование этих факторов, психологическая неподготовленность к их воздействию на психику, избыток отрицательных раздражителей при определенных свойствах темперамента может приводить к неоправданно повышенной нервно-психической напряженности, к различным психосоматическим расстройствам. Например, установлено, что у высокореактивных индивидов быстрее наступает фаза перегрузки, нервного истощения. Напряжение, являющееся для низкореактивных людей оптимальным, у высокореактивных может вызвать резкое снижение эффективности их деятельности.

Способность организма противостоять отрицательным воздействиям внешних факторов во многом определяется свойствами нервной системы, темперамента. Например, труд человека со слабым типом нервной системы, быстрее истощающего свои нервно-психические ресурсы в эмоционально насыщенных ситуациях, будет менее продуктивен, особенно по временным показателям. А такие сопутствующие данному типу свойства темперамента, как низкая активность, ригидность, повышенная эмоциональная возбудимость, эмоциональная чувствительность, значительно осложняют выполнение функциональных обязанностей юристом с указанными свойствами темперамента и нервной системы, создают для такого человека дополнительные трудности в работе и скорее всего отрицательно отразятся на ее результатах и на состоянии его здоровья.

В этой связи в литературе высказываются различные мнения о возможности успешно заниматься любой, в том числе и следственной, деятельностью независимо от типа нервной системы и темперамента. Так, А.Р. Ратинов полагает, что нет оснований ставить вопрос «о наиболее предпочтительном для следственной работы типе высшей нервной деятельности или темпераменте», поскольку «различные ситуации в одной

[1] *Дубинин Н.П., Карпец И.И., Кудрявцев В.Н.* Генетика, поведение, ответственность: (О природе антиобщественных поступков и путях их предупреждения). М., 1982. С. 21.

[2] Подробнее см. главу 11 учебника.

и той же деятельности делают предпочтительными разные темпераменты». В принципе, это правильно, поскольку «отрицательные в той или иной ситуации расследования свойства темперамента компенсируются положительными, нейтрализуются соответствующими навыками и привычками. Темперамент человек может обуздать и подчинить своему характеру»[1].

Да, в общем это так. Но какой ценой будет достигнуто «обуздание» темперамента? Не лучше ли заранее выявить у данного человека симптомокомплекс свойств его темперамента, нервной системы, более предрасполагающий к другой, менее напряженной деятельности? В противном случае недооценка этого фактора в дальнейшем может привести такого субъекта к нервно-психическим, соматическим заболеваниям либо побудит его перейти на другую работу ввиду утраты для него привлекательности юридической профессии. Тот факт, что 30% опрошенных следователей высказали мнение о том, что они ошиблись в выборе профессии[2], говорит о многих просчетах при отборе абитуриентов в юридические вузы страны, в том числе и о недооценке индивидуально-психологических особенностей личности будущих следователей.

Следователь должен быть осведомлен о свойствах своей нервной системы и темперамента, уметь компенсировать отрицательные проявления отдельных свойств, поскольку нет людей, наделенных только положительными свойствами. И в этом отношении следует полностью согласиться с точкой зрения А.Р. Ратинова. Однако когда человек обладает целым симптомокомплексом отрицательных с точки зрения профессиональных требований к нему свойств, видимо, нецелесообразно ориентировать его на работу в правоохранительных органах, требующую тех свойств нервной системы, темперамента, которых у него нет и для компенсации которых он не располагает необходимыми компенсаторными возможностями. Поэтому правы те авторы, которые считают, в частности, что следователь должен обладать определенными свойствами психики, темперамента, которые не осложняли бы, а напротив, облегчали его и без того чрезвычайно сложную профессиональную деятельность.

В настоящее время со всей очевидностью установлено, что свойства нервной системы, темперамента оказывают существенное влияние на успешность деятельности, особенно в профессиях, предъявляющих повышенные требования к нервной системе[3]. Более того, для некоторых профессий (и к ним вполне можно отнести профессию следователя, прокурора, судьи) слабая нервная система может рассматриваться как профессиональное противопоказание.

Таким образом, темперамент с его свойствами следует оценивать не абстрактно, а с точки зрения адаптивных возможностей человека к

[1] *Ратинов А.Р.* Судебная психология для следователей. С. 72.
[2] См.: *Найденов В.В.* Советский следователь. М., 1980. С. 59.
[3] См.: *Гуревич К.М.* Профессиональная пригодность и свойства нервной системы. М., 1970.

тому или иному виду профессиональной деятельности с типичными для этой деятельности ситуациями, предъявляющими к психике человека определенные повышенные требования.

Руководителю органа юстиции следует правильно оценивать свойства темперамента своих подчиненных, умело распределять между ними функциональные обязанности, организовывать их взаимодействие, например при групповом методе ведения следствия, таким образом, чтобы свойства темперамента разных следователей дополняли друг друга, взаимно компенсировали свои отрицательные особенности в сложных следственных ситуациях.

Известно, например, насколько отличается с динамической стороны расследование преступлений, которое начинается с ведения розыска преступника «по горячим следам» при получении сигнала о происшедшем убийстве, разбойном нападении, изнасиловании, от расследования так называемых «хозяйственных» преступлений, совершенных в сфере экономики.

Если расследование первых характеризуется быстроменяющейся обстановкой, мобильным, оперативным принятием и выполнением тактических и процессуальных решений по делу, то расследование вторых обычно не носит столь динамичный характер, поскольку установление истины по таким делам во многом определяется кропотливой работой с бухгалтерскими, финансовыми документами.

В первом случае большое значение имеют свойства, которые в своей традиционной совокупности объединяются сангвиническим и холерическим темпераментами: высокая активность и реактивность, эмоциональная подвижность, пластичность и т.п. Во втором случае наряду с активностью не менее важную роль играют свойства, присущие флегматику с его уравновешенностью и основательностью в работе, способностью к методичному выполнению однотипных операций, необходимых, например, при внимательном изучении большого объема документов, хозяйственных операций и т.п.

Как в том, так и в другом случае весьма ценным свойством темперамента, которое традиционно относилось к меланхолическому темпераменту (слабому типу нервной системы), является повышенная сенситивность (чувствительность), лежащая в основе интуиции. Более того, как сейчас установлено, индивиды со слабой нервной системой в условиях монотонной работы демонстрируют более высокую эффективность, допускают меньшее количество ошибок. «При переходе от монотонной, однообразной деятельности к деятельности с элементами «драматизма», т.е. с нерегулярным возникновением раздражителей, неравномерным распределением сенсорной нагрузки, наличием неожиданных стимулов, стрессовых ситуаций, преимущества получают лица с сильной нервной системой»[1].

[1] *Русалов В.М.* Биологические основы индивидуально-психологических различий. М., 1979. С. 270—271.

Такой же дифференцированный подход можно наметить и при сравнительном психологическом анализе следственных действий, например осмотра места происшествия и допроса, особенно в остро конфликтных ситуациях.

Говоря о таких профессионально важных для юриста свойствах темперамента, как активность, динамичность, уравновешенность, сенситивность, эмоциональная подвижность, пластичность, мобильность, следует также выделить экстравертированность, которая лежит в основе такой черты характера юриста, как коммуникабельность, определяет его умение устанавливать психологические контакты с различными людьми, оптимальным образом поддерживать и в нужном русле развивать с ними общение. Неразвитость этого свойства, нежелание формировать в себе эти качества могут стать серьезной преградой для успешного выполнения своих обязанностей лицом, занимающим должность следователя, прокурора и т.д.

Общепризнанно, что прирожденные свойства нервной системы, темперамент наряду с другими, и в первую очередь с социальными факторами играют важную роль в формировании личности. Однако правильно отмечается, что «быстрота реакции, подвижность нервных процессов имеют одинаковое отношение как к плохим, так и к хорошим поступкам человека»[1]. Свойства нервной системы, темперамента не влияют на содержательную сторону личности, а отражают лишь динамическую характеристику поведения, на что мы уже обращали внимание.

Однако крайние варианты некоторых свойств темперамента при неблагоприятных условиях формирования личности нередко бывают связаны с нежелательными формами поведения, особенно в детском и юношеском возрасте. При отсутствии направленного воспитательного воздействия такие крайние черты темперамента, как гипервозбудимость, психомоторная нестабильность, могут серьезно затруднять процессы социальной адаптации. Например, индивид с неуравновешенным типом нервной системы, со значительным преобладанием процессов возбуждения над процессами торможения, наделенный гиперактивностью, к тому же еще и не получивший должного воспитания и в силу всех этих обстоятельств не сформировавший в себе привычку корректировать недостатки своего темперамента, сложнее адаптируется к новым для него условиям, труднее привыкает к требованиям дисциплины и правопорядка, существенно ограничивающим его произвольную и плохо управляемую активность. Эмоциональная невыдержанность, аффективность таких лиц может стать причиной межличностных конфликтов в семье, на работе, в общественных местах и т.п.

Таким образом, свойства темперамента нередко проявляются в способах совершения преступления, в тех импульсивных действиях, которые в экстремальной обстановке совершения противоправных действий хуже поддаются сознательной волевой регуляции. Более заметны свойства темперамента в преступлениях, носящих остроконфликтный ха-

[1] *Лейкина Н.С.* Личность преступника и уголовная ответственность. М., 1968. С. 20.

рактер (убийства, нанесение телесных повреждений и т.п.), сопровождающихся яркими проявлениями аффективно окрашенных эмоций, которые бывает трудно скрыть от окружающих.

В ходе проведения допроса, других следственных судебных действий необходимо учитывать свойства темперамента свидетелей, потерпевших, обвиняемых (подсудимых), чтобы наиболее продуктивно развивать с ними в нужном направлении диалог.

§ 2. Характер, его свойства и черты

Когда мы оказываемся не в состоянии объяснить логику поведения человека, когда трудно бывает с позиций житейской психологии понять причины его поступков, мы начинаем (нередко подсознательно) обращать внимание на характер субъекта, пытаемся найти в нем объяснение его действиям, иногда настолько противоречивым, жестоким и несоразмерным тем внешним поводам, которые толкнули его к их совершению, что наш здравый смысл, обыденное сознание оказываются бессильными. И только изучив характер человека, постепенно начинаем понимать подлинные причины его поступков и поведения, их мотивы.

Что же тогда представляет собой характер человека? Каким образом он влияет на то, как мы ведем себя, на мотивы, побуждающие нас к той или иной деятельности? Попытаемся ответить на все эти вопросы.

Понятие о характере. Характер, как известно, имеет тесную связь с темпераментом, который является его природной основой, динамической стороной. Более того, характер развивается на базе темперамента. Поэтому он, как и темперамент, достаточно устойчивое личностное образование.

История развития представлений о характере уходит далеко в глубь веков. Еще древнегреческий философ Аристотель (384—322 гг. до н.э.) предлагал определять характер человека по его лицу, внешности, имеющей сходство с различными видами животных. В последующем взгляды на характер и подходы к его изучению, естественно, менялись. Одни ученые связывали особенности характера с соматическим типом человека (Э. Кречмер, Шелдон и др.), другие видели в характере конгломерат различных черт, образованных сексуальными влечениями (З. Фрейд и др.), связанных со стремлением к господству (А. Адлер), с влечением к самостоятельности и равновесию (К.Г. Юнг). Третьи видели в характере предрасположенность к той или иной форме деятельности (эстетической, практической и т.п.).

Трудности в определении характера побуждали представителей одних научных школ отождествлять характер с понятием личности, других — интерпретировать характер в качестве моральной оценки личности, относя учение о характере в область этики, давая различные, порой противоречивые, оценки процесса формирования характера то как сугубо социального образования, то как наследственно предопределенной структуры личности.

В отечественной психологии под влиянием марксистского объяснения сущности личности как совокупности общественных отношений сформировался подход к интерпретации характера как выражения индивидуально-специфического способа отношения и действия (Б.Г. Ананьев, С.Л. Рубинштейн, А.Г. Ковалев, Н.Д. Левитов и др.).

Все сказанное выше предопределило то, что до настоящего времени не сформировано единого взгляда на характер, нет общепризнанной его формулировки. И это надо иметь в виду при изучении данной темы. Наиболее приемлемым определением характера для юридической психологии, с учетом тех целей и задач, которые она решает, является следующее определение: *Характер — это совокупность устойчивых индивидуально-психологических свойств, проявляющихся в жизнедеятельности, поведении человека в виде его отношения к окружающим людям, к самому себе, к делу, другим различным обстоятельствам бытия.*

Как считает А.Ф. Лазурский, характер представляет собой целостное образование воедино слитых свойств индивида. В нем «все переплетено так тесно, что трудно, почти невозможно изучать отдельные качества, не изучая всего человека»[1].

Характер проявляется в деятельности, общении, в манере поведения человека. В нем выражается отношение субъекта к явлениям общественно-трудовой, личной жизни в различных ситуациях, в которых субъект проявляет себя в целом как личность. Эти отношения формируют *индивидуальный стиль поведения.*

Зная характер индивида, легче прогнозировать его поведение в любых, самых неожиданных ситуациях. И наоборот, по тому, как ведет себя субъект, каким способом, например, обвиняемый совершил преступление, можно в определенной мере судить о его характере и в зависимости от этого выбирать тактические приемы допроса, более целенаправленно вести розыск преступника, решать вопросы, связанные с его наказанием и перевоспитанием.

Характер в отличие от темперамента обусловлен не только свойствами нервной системы, наследственными факторами, но он также формируется и в условиях активного воздействия на человека социально-культурной среды, зависит от воспитания, общественных, межличностных отношений, в которые он вовлечен и в которых активно участвует.

Свойства, черты характера. Существуют различные подходы к описанию, классификации свойств, черт характера. Условно их можно сгруппировать следующим образом.

Черты, в которых отражается отношение человека к другим людям (к родным, близким, знакомым и незнакомым, к лицам противоположного пола, к людям, которые к нему относятся хорошо или настроены враждебно).

Аналогичный подход может иметь место и при изучении отношений субъекта к различным формальным и неформальным группам, в кото-

[1] *Лазурский А.Ф.* Классификация личностей. 2-е изд. М., Пг., 1923. С. 310.

рых протекает его жизнедеятельность. Эти отношения помогают выявлять такие свойства характера, как доброжелательность, отзывчивость, общительность, коллективизм либо, напротив, высокомерие, зависть, агрессивность, жестокость, эгоцентризм, конфликтность, авторитарность и властолюбие, аутизм (замкнутость), индивидуализм.

Черты, в которых проявляется отношение человека к самому себе (к своему социальному статусу, своей внешности, собственному здоровью и т.п.). Они тесно переплетаются с чертами характера, проявляющимися в отношениях с людьми. По тому, как человек относится к себе, можно сказать и о его отношении к окружающим. Отношение к другим людям во многом формирует отношение человека к самому себе. К таким чертам характера относятся: скромность, отзывчивость, альтруизм и, напротив, эгоизм, высокомерие, самолюбие, тщеславие, обидчивость и т.д., которые проявляются в самооценке личности.

Черты, выражающие отношение к делу, работе, служебной, профессиональной деятельности (трудолюбие, добросовестность, аккуратность, леность, безответственность и т.п.). Эти черты характера влияют на авторитет, социальный престиж человека. Среди них необходимо также выделить черты характера, выражающие отношение к дисциплине, правопорядку: исполнительность, пунктуальность.

Черты, в которых отражается отношение к вещам, материальному благополучию (щедрость, жадность, корыстолюбие, бережливость и некоторые другие).

Кроме того, черты характера иногда довольно ярко проявляются в отношениях индивида к различным общественно-политическим институтам, праву. Иногда в каких-то случайно возникших обстоятельствах характер может буквально засверкать своими удивительными гранями сквозь призму отношений человека к животным, природе, к произведениям искусства, литературы. Узнав о том, как относится к ним субъект, можно иногда сделать предварительные выводы о его отзывчивости, доброте, чувствительности либо о совершенно противоположных качествах.

В характере человека проявляются его потребности, интересы, убеждения, мировоззрение. По отдельным свойствам характера иногда можно определить, что именно доминирует в структуре ценностей человека: духовные или материальные, узкокорыстные потребности, интересы; имеют ли общественно-полезную направленность его убеждения, мировоззрение или в их основе лежат стяжательство, стремление к обогащению любыми средствами вплоть до нарушения нравственно-этических или уголовно-правовых норм.

Как уже отмечалось, значительное влияние на характер человека оказывают свойства его темперамента. Так, темперамент определяет в характере такие его черты, как уравновешенность, подвижность, динамичность, активность.

Акцентуации характера. Количество разнообразных черт, особенностей, свойств характера у людей достаточно велико. Какой-либо единой классификации их нет. Поэтому все зависит от того, какой прин-

цип берется за основу, чтобы тем или иным образом сгруппировать различные варианты особенностей и свойств характера человека. Причем, как отмечает А.В. Петровский, «вариативность черт характера проявляется не только в их качественном многообразии и своеобразии, но и в количественной выраженности... Когда количественная выраженность той или иной черты характера достигает предельных величин и оказывается у крайней границы нормы, возникает так называемся акцентуация характера»[1].

Проблема *акцентуированных свойств характера* человека (употребляются также термины: акцентуация характера, акцентуированная личность) представляет профессиональный интерес не только для психологов, но и в неменьшей степени для юристов, особенно работающих в сфере борьбы с преступностью, поскольку некоторые типы акцентуаций лежат в основе дезадаптивного типа личности, близкого к кругу лиц, наделенных психопатиями разной степени выраженности. Однако, несмотря на свою близость к ним, акцентуации характера — это тем не менее варианты психической нормы (в отличие от патологических типов характера — психопатий). Особенность акцентуаций состоит в том, что акцентуированные или крайние варианты отдельных свойств характера психически здорового человека, пограничные с психопатиями, особенно ярко проявляются только в определенных, сложных для субъекта обстоятельствах, предъявляющих «повышенные требования к месту наименьшего сопротивления в характере данного типа»[2].

Данное обстоятельство нередко способствует различным асоциальным формам поведения, тем более при отсутствии должного сдерживающего воспитательного воздействия в отношении лиц, наделенных такими чертами.

В контексте рассматриваемой проблемы возникает по крайней мере три вопроса. Что представляют собой с психологической точки зрения лица, наделенные акцентуированными свойствами характера? Каким образом выявляются эти особенности характера и как они влияют на поведение человека, в том числе в конфликтных ситуациях, требующих правового регулирования? То есть возникает необходимость в подобных случаях дать рассматриваемому психическому явлению квалифицированную оценку, которая послужила бы основанием для правильного разрешения целого ряда правовых вопросов, тем более что новый Уголовный кодекс содержит достаточно много правовых норм, понятий и терминов с психологическим содержанием, которые имеют отношение к рассматриваемой проблеме акцентуированных свойств характера (акцентуированных личностей).

В качестве иллюстрации приведем некоторые из таких формулировок Уголовного кодекса РФ:

[1] *Петровский А.В.* Введение в психологию. С. 456.

[2] *Личко А.Е.* Психопатии и акцентуация характера у подростков. Изд. 2-е Л., 1983. С. 9; см. также: *Леонгард К.* Акцентуированные личности. Киев, 1981.

• *психическое расстройство,* не исключающее вменяемости (ч. 2 ст. 22);

• деяние, совершенное *по легкомыслию* (ч. 1,2 ст. 26);

• несоответствие... *психофизиологических качеств* требованиям экстремальных условий или нервно-психическим перегрузкам (ч. 2 ст. 28);

• лишение права... заниматься определенной деятельностью, ...если с учетом *характера* и степени общественной опасности совершенного преступления и *личности виновного* суд признает невозможным сохранение за ним права... заниматься определенной деятельностью (ч. 3 ст. 47);

• при назначении наказания учитываются *характер* и степень общественной опасности преступления и *личности виновного...* (ч. 3 ст. 60);

• совершение преступления с *особой жестокостью...* (п. «и» ч. 1 ст. 63, п. «д» ч. 2 ст. 105, п. «в» ч. 2 ст. 131).

Очевидно также и то, что установление экстремальных состояний психики участников как уголовного, так и гражданского процесса в ряде случаев также невозможно без изучения индивидуально-психологических, в том числе, разумеется, и характерологических, особенностей личности субъектов различных правоотношений, а именно:

аффекта у виновного при совершении убийства (ч. 1 и 2 ст. 107), при причинении тяжкого или средней тяжести вреда здоровью потерпевшего (ст. 113);

беспомощного состояния потерпевшей (потерпевшего) по делам об изнасилованиях (ч. 1 ст. 131), о насильственных действиях сексуального характера (ч. 1 ст. 132);

такого состояния гражданина, участника сделки, когда он не был способен понимать значения своих действий или руководить ими (ч. 1 ст. 177 ГК РФ).

Таким образом, знакомство с различными типами акцентуаций характера, знание закономерностей их проявления и особенностей их воздействия на поведение участников процесса поможет не только юридически грамотно квалифицировать содеянное, но и понять механизм совершения противоправных действий виновным, причины поведения потерпевшей стороны, принятия тех или иных решений участниками гражданско-правовых сделок и обоснованности их претензий друг к другу.

Как считает один из ведущих исследователей данной проблемы А.Е. Личко, акцентуация характера (акцентуированные свойства характера) — «это крайние варианты его нормы, при которых отдельные черты характера чрезмерно усилены, отчего обнаруживается избирательная уязвимость в отношении определенного рода психогенных воздействий при хорошей и даже повышенной устойчивости к другим»[1]. Поэтому акцентуация всегда предполагает усиление степени выраженности определенной черты характера субъекта на фоне других особенностей, свойств его характера. Вследствие этого данная черта и становится акцентуированной[2]. Это усиление степени выраженности опреде-

[1] См.: *Личко А.Е.* Указ. соч. С. 10.
[2] *Леонгард К.* Указ. соч. С. 15.

ленной черты, эта ее своеобразная «уязвимость» обычно обнаруживаются только под воздействием каких-то одних стрессогенных (психогенных) факторов, и то лишь в определенных условиях. И тогда мы видим, какие трудности социальной адаптации испытывает субъект, какие побуждения в его мотивационной сфере являются ведущими, какие формы социально-дезадаптивного поведения для него наиболее характерны именно с данной формой акцентуации.

Все же другие воздействия на психику, сознание человека, не направленные на наиболее уязвимые точки характера человека, обычно переносятся им без осложнений, не доставляя никаких неприятностей ни ему самому, ни окружающим.

Из этого следует, что «каждый тип акцентуации характера имеет свое слабое место, свою «ахиллесову пяту». Если психическая травма, эмоциональный стресс или просто трудная ситуация в жизни задевает эту уязвимую черту, то возникают разного рода срывы — от невротических реакций до состояния тяжелой и длительной психической дезадаптации с асоциальным поведением»[1]. Таким образом, диагностика определенного вида акцентуации характера человека позволяет прогнозировать его поведение, особенно в социально неблагоприятных, осложненных ситуациях. Да и сам субъект, знающий «трудности» своего характера, может при желании сознательно осуществлять волевой самоконтроль за своим поведением, вовремя подавляя те или иные нежелательные для себя и окружающих формы реагирования.

И последнее не менее важное замечание, которое необходимо сделать: проявление акцентуированных свойств характера может получить не только негативную оценку, но и свидетельствовать о социально положительных качествах личности, о невозможности совершения субъектом определенных форм противоправного поведения, например, из корыстных, хулиганских побуждений, с особой жестокостью и т.д.

Виды акцентуаций характера. Рассмотрим наиболее распространенные акцентуированные свойства характера, представляющие интерес для судебной практики.

Так, для субъектов, имеющих крайне возбудимый — *гипертимный тип характера* с присущими ему чертами (большая подвижность, активность, избыточная общительность, повышенная речевая продуктивность, стремление к лидерству), отрицательными обстоятельствами, провоцирующими, по существу, проявление негативных форм поведения, являются отсутствие неформальных контактов и строгая регламентация образа жизни. При наличии неблагоприятного социального влияния, серьезных дефектов воспитания такие «возбудимые» личности легче вовлекаются в групповые формы развлечений, сопровождающиеся употреблением спиртных напитков, азартными играми, с последующей трансформацией этих развлечений в групповые преступления против общественного порядка, против жизни и здоровья граждан. Лица с

[1] *Личко А.Е., Лавкай И.Ю.* Акцентуации характера у подростков // Психологический журнал. 1987. Том 8, № 2. С. 113.

подобными чертами характера более других склонны к групповым формам противоправного поведения и нередко сами становятся вдохновителями правонарушений не только ради развлечений, из корыстных побуждений, но и ради желания самоутвердиться среди своих сверстников, из желания пережить ощущения, связанные с риском[1].

Помимо «чистого» гипертимного типа характера встречаются и различные смешанные с ним типы. Наиболее распространенным из них является *гипертимно-неустойчивый тип характера*. Кроме него известны: *гипертимно-истероидный (демонстративный) тип личности,* для которой склонность к демонстративному поведению, стремление произвести впечатление на других являются ведущими; *гипертимно-эксплозивный тип личности,* в структуре характера которой доминируют раздражительность, гневливость, агрессивность, вспыльчивость, аффективная окрашенность эмоций. Однако их агрессивные, импульсивные, эмоционально насыщенные реакции, внешне напоминающие взрывчатость эпилептоидов, о которых речь пойдет впереди, не носят такого глубокого, застойного характера, как у последних. Поэтому лица, наделенные чертами характера по гипертимному типу, весьма отходчивы, не злопамятны, легко прощают причиненные им обиды.

Близким к гипертимному является *неустойчивый тип акцентуации характера,* нередко выступающий как смешанный гипертимно-неустойчивый тип. «Все дурное словно липнет к ним», образно характеризует таких людей А.Е. Личко. Они довольствуются примитивными развлечениями и живут без каких-либо устойчивых жизненных планов на будущее. Их эмоции крайне нестабильны. Субъекты с такими чертами характера чаще других противятся требованиям дисциплины и в силу этого в большей мере нуждаются в контроле. Любимыми развлечениями таких лиц являются азартные игры, быстрая езда и т.п. Как считает Личко, молодые люди с чертами характера, относящимися к неустойчивому типу акцентуации, наиболее подвержены противоправному поведению. Так, среди обследованных им подростков с чертами неустойчивого типа характера 75% совершали противоправные действия.

О том, что у субъекта ярко выражены свойства характера по гипертимному (гипертимно-неустойчивому) типу, обычно свидетельствует высокое значение шкалы 9 MMPI, в том числе в сочетании с пиком по шкале 4 в психологическом профиле личности (70 Т-баллов и выше).

С возрастом у таких лиц черты характера могут трансформироваться в *циклоидный тип акцентуации.* Субъекты, характер которых отличается свойствами циклоидной акцентуации, чаще других без видимых причин бывают раздражительны, в большей мере подвержены апатии, беспричинным переменам настроения без какого-либо серьезного повода. То они весьма деятельны и болтливы, то вдруг становятся медлительными, скупыми на слова, подавленными. Причем такая смена настроения может вызываться не только значимыми для них событиями, но и происходить под влиянием каких-то трудноуловимых обстоя-

[1] См.: *Личко А.Е.* Указ. соч. С. 94—95.

тельств. Циклы смены настроения у них могут различаться от нескольких дней, недель до нескольких месяцев и даже лет (у людей преклонного возраста). В фазе субдепрессивного состояния они избегают межличностных контактов, погружаясь в мир собственных представлений и переживаний. Им труднее адаптироваться к новой обстановке, в эмоциональном отношении они более ранимы, быстрее переутомляются. В это время все у них буквально как будто валится из рук.

Попадая в условия коренной ломки привычного жизненного стереотипа, например на военную службу, лица данного круга более подвержены затяжным субдепрессивным реакциям, которые могут приводить к суицидным попыткам по различным, даже малозначительным поводам. Поэтому такие субъекты требуют к себе большего внимания, оказания определенной психокоррекционной помощи и поддержки.

Близким к описанному выше типу характера является *сенситивный тип акцентуации.* Лица, наделенные свойствами сенситивной акцентуации, отличаются чрезмерной чувствительностью, повышенной впечатлительностью. У них резко выражено чувство собственной неполноценности, снижен уровень притязаний. В поведении они робки, излишне застенчивы, замкнуты. Их слабым звеном является обостренное восприятие отношений к ним со стороны окружающих. Непереносимой для них оказывается ситуация, в которой они становятся объектом насмешек, подозрений в каких-то неблаговидных поступках, несправедливых обвинений. По этой причине лица данного круга могут совершить самоубийство даже по ничтожному поводу.

Среди различных акцентуаций определенный профессиональный интерес для юриста может представлять *психастенический тип акцентуации характера,* напоминающий своими отдельными чертами (повышенная чувствительность, впечатлительность, замкнутость, застенчивость), сниженным уровнем стрессоустойчивости (толерантности к стрессу) сенситивный тип акцентуации. Однако главной отличительной чертой психастенического варианта характера является повышенная тревожность, мнительность. Поэтому такой характер нередко называют еще *тревожно-мнительным.* Причем применительно к личности таких субъектов тревожность, о которой мы подробно писали в предыдущей главе, рассматривается не только как психическое состояние, в котором они нередко пребывают по поводу самых различных, порой совершенно малозначительных, обстоятельств, но и как ведущее свойство их характера, накладывающее свой заметный отпечаток на принятие ими решений, на их поведение в целом. Из-за этого такие люди гораздо труднее бывают для самих себя, чем для окружающих[1].

В то же время лица данного круга отличаются более развитым чувством ответственности, совестливостью. Они обязательны, добросовестны в делах, тщательно выполняют свои обязанности и при развитом интеллекте, достаточных знаниях обычно являются хорошими исполни-

[1] См.: *Собчик Л.Н.* Стандартизированный многофакторный метод исследования личности: Методическое руководство. С. 42—45.

телями, которые не нуждаются в дополнительном контроле. Однако при принятии решений они часто проявляют склонность к необоснованным сомнениям, навязчивому беспокойству, вследствие чего бывают нерешительны. Ситуации с непредсказуемым исходом, с быстрой сменой привычной обстановки, неупорядоченные, не поддающиеся планированию для лиц с тревожно-мнительным характером являются стрессовыми[1]. «Всякие перемены и нарушения привычного стереотипа жизни переносятся ими с трудом. В этих случаях еще больше обостряются все психастенические черты характера: тревожность, неуверенность в себе, склонность к сомнениям»[2]. Вот почему обстановка, которая резко меняется и может расцениваться ими как опасная для их жизни и здоровья, может неожиданно привести их к аффективному срыву. Таким людям гораздо труднее контролировать свое поведение в экстремальных условиях, в ситуации необходимой обороны.

Поучительным примером, иллюстрирующим недооценку судом психастенической акцентуации характера у подсудимого, послужившей причиной вынесения неправосудного приговора, является уголовное дело по обвинению одного молодого человека в совершении убийства, которое суд необоснованно квалифицировал по пункту «г» ст. 102 УК РСФСР (умышленное убийство с особой жестокостью).

К автору этих строк обратилась гражданка Н., которая рассказала, что ее сын за совершенное им убийство с особой жестокостью приговорен к 12 годам лишения свободы. Не отрицая самого факта совершенного им убийства, Н. никак не могла согласиться с тем, что суд квалифицировал его действия, как совершенные с особой жестокостью, поскольку сын, по ее словам, «всегда был мягким, добрым, отзывчивым, никогда никому не причинял зла». Безусловно, ее доводы нуждались в проверке.

Судя по материалам уголовного дела, кратко обстоятельства совершенного Н. преступления выглядели следующим образом. Между Н. и его сокурсником по институту Д., который оказался его случайным попутчиком на рыбалку, ночью во время следования к месту подледного лова рыбы возникла ссора. Поводом для нее послужили слова, сказанные Н. в ответ на реплику Д. о том, что его, Д. никто не уважает в институте:

— Ты сам в этом виноват!

Будучи в нетрезвом состоянии, Д. обиделся на Н. и пригрозил ему, что «замочит» его. Последний, не предполагая, что тот действительно имеет серьезные намерения его «замочить», бросил:

— Ну что ж, попробуй!

После этого Д. неожиданно для Н. выхватил у себя из-за пояса туристский топор и нанес Н. удар по голове, причинив последнему небольшую (2 см) рану в теменной области головы. От удара топор вылетел из руки Д., после чего он ударил Н. еще один раз кулаком в плечо. От этого удара Н.

[1] См.: *Березин Ф.Б., МирошниковМ.П., Соколова Е.Д.* Методика многостороннего исследования личности (структура, основы интерпретации, некоторые области применения). С. 74.

[2] *Мельников В.М., Ямпольский Л.Т.* Введение в экспериментальную психологию личности. С. 92.

потерял равновесие и упал на снег. В этот момент его рука случайно коснулась топора. Н. схватил его, вскочил и стал, защищаясь, наносить им удары Д. Всего на трупе погибшего было обнаружено 28 телесных повреждений на голове, спине, других частях тела различного происхождения. На основании только лишь объективного критерия (28 повреждений на теле убитого) и не оценив должным образом субъективную сторону содеянного (из приговора даже не видно, какие суд установил мотивы и цели убийства!), суд пришел к выводу о том, что Н. совершил убийство «с особой жестокостью».

В ходе проведения по делу судебно-психиатрической экспертизы у Н. была выявлена акцентуация характера по психастеническому типу («повышенные чувства тревожности, совестливости, застенчивости, непрерывный контроль за собой»).

Как видно из этого примера, отмеченные психиатрами в акте экспертизы характерологические особенности личности Н. полностью противоречили версии суда о возможности убийства Д. подсудимым Н. «с особой жестокостью». Однако на указанное противоречие в судебном заседании не было обращено никакого внимания и оно не было устранено (объяснено) в суде. Эксперт-психолог также не дал своей научно аргументированной оценки данному существенному противоречию, так и не устраненному в ходе судебного следствия.

В связи с рассматриваемым примером уместно привести слова известного немецкого ученого в области пограничной психиатрии К. Леонгарда, писавшего о «тревожных (боязливых) личностях». «Временами к (их) робости присоединяется пугливость, которая может иметь чисто рефлекторный характер, но может быть и проявлением внезапного страха. Чем ярче выражена пугливость, тем более вероятна сопровождающая ее повышенная возбудимость автономной нервной системы, усиливающая соматическую реакцию страха, которая через систему иннервации сердца может сделать страх еще более интенсивным»[1].

По существу, данная мысль ученого применительно к рассматриваемым обстоятельствам является убедительным подтверждением того, что Н. в момент неожиданного на него нападения оказался в состоянии *аффекта страха,* которым (но отнюдь не особой жестокостью!) и можно было объяснить большое количество телесных повреждений на трупе убитого.

К сожалению, несмотря на жалобы ни областной суд, судивший Н., ни Верховный Суд РСФСР, ни соответствующие надзирающие прокурорские инстанции вплоть до Генеральной прокуратуры СССР, не посчитали нужным пересмотреть вынесенный неправосудный приговор в отношении Н. И только лишь постановлением Пленума Верховного Суда СССР частично была устранена судебная ошибка: приговор был изменен и действия виновного были переквалифицированы с пункта «г» ст. 102 на ст. 105 УК РСФСР, по которой Н. вместо 12 лет было назначено 2 года лишения свободы, которые он к этому моменту уже отбыл, и его освободили из-под стражи.

В последующем при психологическом обследовании автором этих строк освобожденного из-под стражи Н. с применением тестовых методик MMPI, 16-ФЛО в его психологическом профиле в качестве ведущих оказались шкалы 7, 3, 2, 1 (более 70 Т-баллов) по MMPI, а также были выявлены средние, ниже средних значения факторов Е, F, Н по 16-ФЛО, что достаточно

[1] *Леонгард К.* Указ. соч. С. 131.

объективно и убедительно подтверждало наличие у него ярко выраженных психастенических свойств характера, несовместимых с формами поведения, отличающихся «особой жестокостью».

Выявление психастенических, сенситивных свойств характера может также иметь важное значение по делам о преступлениях против половой неприкосновенности личности. Так, например, установление у потерпевшей (потерпевшего), подвергшейся изнасилованию, насильственным действиям сексуального характера, акцентуации характера по психастеническому, сенситивному типам может косвенно (разумеется, с учетом всех других обстоятельств исследуемого события) подтверждать, что она действительно могла находиться в психически беспомощном состоянии (ч. 1 ст. 131, ч. 1 ст. 132 УК РФ). Это особенно важно иметь в виду в тех спорных случаях, когда есть основания полагать, что подозреваемый оговаривает потерпевшую, утверждая противоположное, будто их интимные отношения развивались по взаимному согласию, и не он, а она его оговаривает и шантажирует.

Особое место среди различных акцентуаций характера занимает так называемый *эпилептоидный тип,* названный так за чисто внешнее сходство некоторых его черт с отдельными чертами характера эпилептиков: их гневливостью, раздражительностью, вспыльчивостью, склонностью к импульсивным поведенческим реакциям. Это один из самых трудных и неблагоприятных для социальной адаптации, воспитательного воздействия и социальной коррекции типов людей, занимающий второе (после неустойчивого типа) место по количеству лиц, подверженных противоправному поведению (по данным Личко 61 %)[1]. К. Леонгард называет их «возбудимыми» личностями, черты характера которых формируются в связи с их недостаточной управляемостью. Решающим для образа жизни и поведения таких лиц является, по его мнению, «не благоразумие, не логическое взвешивание своих поступков, а влечения, инстинкты, неконтролируемые побуждения. То, что подсказывается разумом, не принимается во внимание»[2].

Наиболее яркими чертами характера таких лиц являются: избыточная агрессивность, гневливость, аффективная без достаточных поводов окрашенность настроения, импульсивность, постоянная конфликтность с окружающими. Поводами для конфликтов могут быть самые незначительные ущемления их интересов. Аффекты у таких лиц часто сопровождаются безудержной яростью, жестокими избиениями жертвы, несмотря на ее слабость и беззащитность. Причем во время аффективного состояния возбудимая личность не столько эмоционально напряжена, сколько сосредоточена на самом аффекте. При отсутствии внешнего повода такие лица ищут тех, на ком можно сорвать зло. Иногда обладатели такого характера проявляют садистские наклонности, становятся, по словам К. Леонгарда, «зверски жестокими», чему нередко способствует

[1] *ЛичкоА.Е.* Указ. соч. С. 54.
[2] *Леонгард К.* Указ. соч. С. 93.

их физическая сила, которая значительно возрастает под влиянием аффективного возбуждения и сниженного самоконтроля.

По наблюдениям Личко, подростки с акцентуированными чертами характера по эпилептоидному типу легко переходят грань между обычными правонарушениями и совершением опасных преступлений с нанесением ножевых ранений, сексуальной агрессией, совершением грабежей, краж со взломом и т.п. Многие правонарушения совершаются ими в группе.

Говоря о таких лицах, следует отметить, что эпилептоидные черты характера у них до поры до времени могут быть скрыты от окружающих. Нередко они могут выглядеть даже подчеркнуто корректными, гиперсоциальными, выделяться своей сверхаккуратностью, педантизмом в соблюдении правил поведения, в других же ситуациях могут неожиданно проявить крайнюю озлобленность, какую-то непонятную, как будто немотивированную жестокость, изощренную мстительность.

Кроме того, у некоторых лиц данного круга вспышки аффективно окрашенного гнева сменяются депрессивным состоянием, которое так же, как и возбуждение, требует своей разрядки, порой толкающей субъекта на самоубийство.

Еще одной особенностью лиц с эпилептоидными чертами является характер их мышления, который также влияет на их поведение, формирует определенный тип личностного реагирования. Их мышление отличается излишней скрупулезностью, педантичностью, тяжеловесностью, замедленностью мыслительных процессов. «Задавая простейшие вопросы, приходится подолгу ждать ответа. Если же предоставить такому человеку возможность говорить, не перебивая его, то замедленность проявляется в чрезмерной обстоятельности. Они рассказывают о мелких подробностях, «размазывают» их, а на информацию по существу их все равно приходится «наводить»[1]. «Не должен вводить в заблуждение и тот факт, — пишет далее К. Леонгард, — что эпилептоиды не раскаиваются в своих преступлениях... Ведь истинное раскаяние предполагает взвешивание, анализ, в результате чего можно осознать значение проступка и представить себе его возможные последствия. Эпилептоидам такой анализ не свойствен»[2].

Тем не менее более смягченный эпилептоидный вариант характера человека позволяет ему не идти на обострение отношений с окружающими, создавая поведенческие трудности только лишь для самого себя. Его излишняя скрупулезность, педантичность, эмоциональная холодность может восприниматься окружающими всего лишь как «трудный» характер. Такие люди могут быть даже достаточно социально благополучными. Но когда мы с ними общаемся, нельзя не обратить внимание на то, как они не могут что-либо рассказывать, не начав издалека, не вплетая в канву своего повествования массу ненужных, не относящихся к делу подробностей. Перебивать их, напоминать, чтобы они были

[1] *Леонгард К.* Указ. соч. С. 92.
[2] Там же. С. 100—101.

«ближе к делу», равносильно тому, чтобы заронить у них подозрение в том, что их не желают слушать, не уважают и т.п. (не путать со старческой болтливостью).

В более сложных случаях, особенно при расследовании преступлений, установление эпилептоидных черт характера имеет значение прежде всего для понимания мотивационной сферы личности, процесса мотивации, механизма, причин совершения противоправных действий, которые по своей агрессивности, жестокости нередко бывают столь неадекватны их внешнему поводу, что порой, особенно на уровне обыденного сознания, вызывают сомнения относительно болезненных нарушений психики у виновного. И лишь после заключения психиатров о психическом здоровье направленного на судебно-психиатрическую экспертизу такого обвиняемого делаются попытки с помощью судебных психологов докопаться до подлинных психологических причин его поведения, объясняемых особенностями его характера, мотивационной сферы.

Выявление эпилептоидных черт характера в структуре личности виновного (разумеется, в совокупности с другими обстоятельствами, с объективной стороной преступления) может служить дополнительным доказательством того, что, к примеру, убийство (изнасилование) действительно совершено «с особой жестокостью» (п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ).

Интересным с точки зрения выраженности эпилептоидных черт характера и влияния их на поведение человека представляется личность осужденного к высшей мере наказания военнослужащего Ф., курсанта одного из военных училищ МВД, совершившего преступление, предусмотренное п. «г», «д» и «з» ст. 102 УК РСФСР, в тот период, когда открыто об этом писать было нельзя.

Как видно из материалов уголовного дела, у Ф. во время учебы в училище сложились неприязненные отношения со своими однокурсниками по учебной группе. Последние, несмотря на завышенную самооценку Ф. и его весьма высокий, но совершенно не соответствующий его возможностям уровень притязаний быть неформальным лидером в группе по учебе, весьма средне оценивали его способности и не скрывали этого. Поскольку Ф. не удавалось учиться лучше других в группе, его товарищи по учебе открыто подшучивали над ним и, иронизируя, уничижительно называли его «Федькой» (хотя Ф. звали Анатолием), что обижало и задевало самолюбие последнего.

Особенно конфликтными складывались у Ф. отношения со старшим учебной группы, бывшим войсковым сержантом З., который, видя стремление Ф. к неформальному лидерству в группе, стал предъявлять к нему по сравнению с другими курсантами повышенную требовательность и даже придирчивость, говоря Ф., что ему «надо еще послужить в войсках, повзрослеть, а потом уж поступать в училище» (Ф. был принят в училище сразу после школы).

И наконец, третий, более скрытый и глубокий конфликт, о котором знали немногие, развивался у Ф. с отцом и мачехой, которые категорически возражали против его стремления жениться во время учебы на втором курсе училища.

Не умея гибко вести себя, будучи неспособным адекватно оценивать свои скромные способности и возможности, Ф. шел на обострение конфликтных отношений со всеми. Товарищи по учебе, несмотря на его настойчивые требования прекратить давать друг другу прозвища, открыто в глаза

и за глаза продолжали звать его «Федькой». Старший группы сержант З. за малейшие нарушения дисциплины постоянно объявлял ему наряды вне очереди, что небезосновательно воспринималось Ф. как явные придирки к нему. А отец с мачехой стояли на своем, предупредив сына, что если он все же вопреки их воле женится, то они порвут с ним всякие отношения. Однако внешне ничто не предвещало надвигающейся трагической развязки.

Трагедия произошла во время несения караульной службы. В первом часу ночи в караульном помещении раздались автоматные очереди. Ф. первым убил сержанта З. Затем такая же участь постигла еще пятерых его сокурсников, находившихся в караульном помещении. Двое других получили тяжкие огнестрельные телесные повреждения. В завязавшейся перестрелке был тяжело ранен и сам Ф.

По делу была назначена комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза. Психиатры признали, что Ф. во время совершения преступления был вменяем, никакими психическими заболеваниями и расстройствами психики не страдал.

В распоряжение экспертов помимо самого обвиняемого были представлены материалы уголовного дела, из которых были видны черты и свойства характера Ф., их внутренняя противоречивость, акцентуированность по эпилептоидному типу, особенно обострившиеся в период, непосредственно предшествующий преступлению, в результате воздействия внешних фрустрирующих факторов на наиболее восприимчивые, чувствительные места в его психике, мотивационной сфере личности.

Судя по характеристике из местной школы, Ф. считался там одним из лучших учеников, был выбран старостой класса. В числе ведущих свойств его характера отмечались «сильная, целеустремленная воля, проявляемая в любом деле», аккуратность, добросовестность, трудолюбие, профессиональная ориентация стать работником органов МВД. Также в целом положительно оценивался он и по службе в военном училище.

Те, кто знал его ближе, говорили о том, что он с пяти лет после смерти матери воспитывался мачехой, которая достаточно жестко обращалась с ним («била куда попало и чем попало, иногда палкой, совком по голове», — как он показал на суде). Дома на него как на старшего ребенка в семье возлагались многочисленные обязанности. Особенно обращала на себя внимание еще с детства его «чрезмерная аккуратность, доходящая до педантизма».

По показаниям курсантов, Ф. «обладал исключительно сильной волей, являлся человеком эгоистичным. Не имея особых способностей, он за счет большей усидчивости, работы над собой, добивался успехов в учебе и поэтому не мог терпеть курсантов, которые были способнее, учились не хуже его, хотя и значительно меньше занимались».

В ходе психологического обследования Ф. «в структуре его личности были выявлены такие черты инфантильной психики, как чрезмерная прямолинейность и негибкость суждений в сочетании с тенденцией к самоутверждению, искаженная самооценка, что свидетельствовало о недостаточной психической зрелости его личности. В характере Ф. установлено преобладание эпилептоидных черт, таких, как эмоциональная холодность, жестокость, склонность к накоплению отрицательных эмоций, злопамятность, инертность, педантизм, приверженность к аккуратности и порядку» [1].

[1] Психологическая часть заключения комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы составлена врачом-психологом Ленинградской детской психиатрической больницы Л.И. Лычагиной.

Кроме того, эксперт-психолог констатировала, что испытуемый в период, непосредственно предшествующий совершенному им преступлению, находился в состоянии фрустрации, в которой он «отходит от наиболее адаптивных форм поведения и реагирует преимущественно в экстрапунитивной (внешнеобвиняющей) манере, направляя агрессию на социальное окружение». В поведении Ф. она усмотрела «привычные для него стереотипы деятельности, прежде всего гиперкомпенсацию, т.е. стремление ликвидировать отставание в любой области. Другой особенностью проявления психической деятельности Ф. следует считать реакции психически незрелой личности, проявившиеся в его неспособности избрать тактику гибкого реагирования в травмирующих его ситуациях. В конечном итоге это способствовало накоплению отрицательно окрашенных эмоций и осознанию Ф. сложившейся ситуации как конфликтной, в которой давлению подверглась наиболее значимая для него потребность: стремление к самоутверждению».

Наличие эпилептоидной акцентуации характера Ф. проявилось достаточно наглядно и в его поведении на суде. Вот некоторые фрагменты из его показаний: «Меня стали называть «Федькой». Я говорил, чтобы меня звали по имени. Я считаю это издевательством. Выходом из создавшегося положения было покончить с собой, но это было бы расценено всеми как малодушие. Поэтому я решил рассчитаться со своими обидчиками — убить их, а потом уже покончить с собой. Я решил, что это хотя и преступление, но иного выхода у меня нет. У меня была такая злость и ненависть к своим обидчикам, что я к ним был беспощаден...» и т.п. Характерным для личности Ф. был и его отрицательный ответ на вопрос председательствующего в судебном заседании: раскаивается ли он в совершенном преступлении? На что он не только не выразил раскаяния, но и заявил, что если бы ему снова пришлось решать, как поступить, то он сделал бы то же самое.

Вопросы, которые получили отражение в материалах рассмотренного выше уголовного дела, имеют не только чисто уголовно-правовое значение. Они имеют отношение и к другой весьма важной для юридической психологии проблеме: профессиональному психологическому отбору в правоохранительные органы, различные государственные, властные структуры, в юридические вузы, готовящие кадры для этих подразделений, в которых субъекту с описанными выше свойствами характера легче всего удовлетворять свои скрытые нередко в подсознании побуждения, питаемые завышенным уровнем притязаний, неуемной жаждой к лидерству, к власти над другими ради своего собственного избыточного, гипертрофированного честолюбия. К чему это приводит, хорошо видно, когда лица с подобными чертами характера оказываются во властных структурах, получают власть и возможность таким образом самоутверждаться.

В связи с изложенным, естественно, возникает вопрос: возможно ли при расследовании преступлений выявлять подобный тип акцентуации характера у субъектов, совершивших то или иное деяние? Безусловно, можно, используя целый ряд специально подобранных для этих целей личностных, проективных и некоторых других тестовых методик. Так, большую ценность для оценки эпилептоидных черт характера у субъекта могут иметь результаты применения MMPI, соответствующие высоким значениям (более 75 Т-баллов) шкалы 4, особенно в сочетании

с пиками шкал 6, 9, имеющим также высокие показатели в психологическом профиле личности. У лиц такого профиля, возрастают трудности социальной адаптации, уменьшается эффективность корригирующих мероприятий. Они, как правило, отличаются своей угрюмостью или дисфорически-злобным аффектом, склонностью к упорным возражениям и в этой связи трудны и неприятны в общении[1].

Помимо описанных выше типов акцентуированных свойств характера для работников правоохранительных органов профессиональный интерес могут представлять также лица с чертами характера «застревающей» личности (по К. Леонгарду) или, что равнозначно, с чертами так называемой *паранойяльной акцентуации*. Тем более что подобного рода люди нередко сами активно добиваются встреч с представителями судебных, государственно-правовых органов, с постоянным упорством занимаясь всевозможного рода судебными тяжбами, порой малозначительными по своему поводу, либо совершают преступления под влиянием преследующих их страха, ревности, в состоянии аффекта, фрустрации и т.п.

Данный тип акцентуации в чем-то даже несколько похож на эпилептоидный тип, поскольку также негативным образом влияет на процесс социальной адаптации личности, на совместное социальное сосуществование «застревающей» личности с окружением.

Однако лица, наделенные свойствами характера по данному типу, выделяются прежде всего своей аффективной захваченностью, одержимостью какой-либо сверхценной, на их взгляд, идеей, которая становится для них доминирующей. Как правило, у них ранимое самолюбие, выраженное честолюбие, завышенная самооценка. Их поведение отличается самоуверенностью, временами переходящей, особенно когда их мнение не разделяют другие, в заносчивость. А поскольку большинство, которое их окружает, равнодушно к их одержимости, лица данного круга начинают подозревать, как говорится, «всех и вся» в различных кознях против них, и постепенно подозрительность у них из состояния становится устойчивой особенностью их личности, приобретая всеохватывающий характер, подчиняющий себе все, что есть в таком субъекте. Таким образом, их подозрительность коренится прежде всего в самой личности, а не во внешних обстоятельствах, которые для таких субъектов служат всего лишь формальным поводом. Поэтому возникающее на этой почве аффективно окрашенное возбуждение приобретает у них постоянный, застревающий характер. Благодатной почвой для развития такого состояния возбуждения может служить, к примеру, ревность, случайно задетое честолюбие, болезненная фантазия и т.п. «Они повышенно чувствительны ко всему, что задевает их личность»[2].

[1] См.: *Березин Ф.Б., Мирошников М.П., Соколова Е.Д.* Методика многостороннего исследования личности (Структура, основные интерпретации, некоторые области применения). М., 1994. С. 72; см. также: *Собчик Л.Н.* Стандартизированный многофакторный метод исследования личности: Методическое руководство. С. 34—35.

[2] *Мельников В.М., Ямпольский Л.Т.* Введение в экспериментальную психологию личности. С. 91.

Помимо «ревнивцев» среди данной категории людей можно встретить довольно распространенный тип личности «борца за справедливость», «неутомимых жалобщиков», анонимщиков и истцов, конфликтующих на ниве правдоискательства»[1]. Характерно, что эта борьба у них, как правило, не выходит за пределы удовлетворения их собственных желаний, интересов, амбиций. А всевозможного рода обобщения придают этой борьбе в их собственных глазах больший вес и большую значимость, некую кажущуюся принципиальность. При этом, как обращает внимание К. Леонгард, застревание на этих «сверхценных, сверхсправедливых» идеях борьбы сопровождается у них самонадеянным, заносчивым поведением. Поэтому такой субъект, как он сам считает и как он сам верит в это, умнее, способнее других. А поскольку окружение, разумеется, не может с этим согласиться, он, будучи болезненно чувствительным, постоянно страдает от созданного его фантазией мнимого «плохого отношения» к нему, «теряет доверие к людям, точно так же, как и человек, недоверие которого объективно обоснованно. Однако в последнем случае нормальная, объяснимая обстоятельствами подозрительность как черта характера, присущая многим людям, не идет дальше конкретного случая, ставшего поводом ее появления. Подозрительность же «застревающей» личности, напротив, носит всеохватывающий характер. Вследствие этого субъекты, относящиеся к данному кругу лиц, крайне несговорчивы при отстаивании своих взглядов, являются, по определению К. Леонгарда, «твердолобыми», не просто упрямыми, а «упертыми» людьми. Они являют собой так называемый тип преследуемых преследователей. Это тяжелый вид акцентуации характера, поставляющий в социум различного рода сутяжников, склочников, от которых особенно тяжело людям, вынужденным с ними жить в семье, сотрудничать по работе. Лица данного круга «постоянно готовы к аффективной реакции на любое реальное или мнимое действие по отношению к ним, чрезвычайно заботятся о своем личном престиже, и любое возражение, несогласие или просто равнодушие воспринимается ими как личная обида и оскорбление»[2].

Все это способствует возникновению у них в конфликтных ситуациях экстремальных психических состояний: аффекта, стресса, фрустрации в форме раздражения, гнева, что имеет важное уголовно-правовое, криминологическое значение, о чем мы уже говорили в предыдущей главе, посвященной эмоциям и психическим состояниям.

Выявление лиц данного круга с помощью психодиагностических методик также не составляет особых затруднений. Обычно для этих целей используются личностные опросные методики, некоторые проективные тесты. Например, психолог, применяющий в ходе изучения индивидуально-психологических особенностей личности 66-ФЛО Р.Б. Кеттелла,

[1] *Собчак Л.Н.* Стандартизированный многофакторный метод исследования личности: Методическое руководство. С. 40.

[2] *Мельников В.М., Ямпольский Л.Т.* Введение в экспериментальную психологию личности. С. 91.

обращает внимание на величину фактора L[1]. Еще более четко вырисовываются характерологические особенности «застревающей» личности с помощью MMPI. Для лиц с пиком по шкале 6 (70 Т-баллов и выше) характерны: «застревающая» враждебность, повышенное себялюбие, недовольство отсутствием или недостаточностью признания своих заслуг, выдающихся способностей, чувствительность к мнимой несправедливости, ригидность аффективно окрашенного напряжения, появление сверхценностных идей. «Сочетание такого рода сенситивности с тенденцией к самоутверждению порождает подозрительность, критическое враждебное или презрительное отношение к окружающим, упрямство, а нередко и агрессивность». Шкала 6, считают авторы, дает ценный материал, который часто трудно получить другим путем[2]. Сочетание высоких значений (пиков) шестой шкалы и четвертой дает психологический профиль личности, склонной к агрессии, асоциальному поведению.

Еще один тип акцентуации, на котором следует остановиться, это так называемый (по Е. Кречмеру) *шизоидный тип* характера. Как считает А.Е. Личко, наиболее существенными чертами данного типа людей являются их замкнутость, эмоциональная холодность, отгороженность от окружающих, неспособность или просто нежелание устанавливать и поддерживать с ними неформальные контакты, сниженная потребность в общении, равнодушие даже по отношению к своим близким[3]. Еще одна характерная особенность лиц данного круга состоит в отсутствии у них внутреннего единства, согласованности их психической деятельности, в причудливости, оригинальности, порой парадоксальности мышления, высказываний, эмоций, поведения. Они ориентированы главным образом на свой внутренний мир. Поэтому не способны взглянуть на себя со стороны, встать на место других. Вследствие этого в эмоциональном отношении они зачастую неадекватно реагируют, выглядят со стороны несколько странными, малопонятными людьми. Не любят, когда к ним «лезут в душу», что делает их трудными в общении. Ради какой-то идеи, торжества каких-то отвлеченных ценностей готовы пожертвовать всем. В конфликтных ситуациях, особенно когда они возникают из-за того, что их не понимают, бывают обидчивы, злобны, агрессивны, могут совершить противоправные действия насильственного характера, не адекватные их поводу.

Однако при развитом интеллекте лица данного типа выделяются своей творческой направленностью, разнообразными интересами и увлечениями, нестандартным, аналитическим складом ума. Они тонко чувствуют, эмоционально реагируют на созданные их воображением абстрактные образы.

[1] См. главу 3 учебника.

[2] *Березин Ф.Б., Мирошников М.П., Соколова Е.Д.* Методика многостороннего исследования личности (структура, основы интерпретации, некоторые области применения). С. 67.

[3] См.: *Личко А.Е.* Указ. соч. С. 135.

В ходе психодиагностического обследования лиц, например при отборе на службу в правоохранительные органы, шизоидные черты характера достаточно легко выявляются в психологическом профиле личности с помощью MMPI. В данной методике имеется специальная шкала 8 «шизоидности», или, как ее еще называют, когда речь идет о психической норме, шкала аутичности (индивидуалистичности). При высоких значениях данной шкалы (более 70 Т-баллов и выше) указанные личностные особенности приобретают более ярко выраженный, более заостренный характер. Особенно неблагоприятным с точки зрения социальной адаптации является психологический профиль личности, в котором пик по шкале 8 сочетается с высокими значениями (более 70 Т-баллов и выше) шкал 4, 6 и 9. Лица с подобным профилем отличаются подчеркнутым нонконформизмом, противопоставлением своих субъективных взглядов и суждений общепринятым, эгоцентризмом установок, жестокостью, выраженной социальной дезадаптивностью с антисоциальной направленностью интересов и поведения, некритическим отношением к своим действиям. Такой профиль отражает эмоционально-личностный тип психопатической личности *экспансивно-шизоидного типа.*

По данным других исследователей, лица, имеющие описанный выше психологический профиль, нередко совершают асоциальные поступки в результате каких-то недоразумений, неприспособленности к тем или иным условиям, «неспособности четко осознать социальную норму и своеобразного подхода к ситуации... Такой тип профиля характерен для подростков и юношей с выраженной тенденцией относиться к окружающим с недоверием, воспринимать их как источник потенциальной опасности... Постоянное ощущение угрозы может толкать их на превентивное нападение. Если такой стереотип поведения сохраняется в зрелые годы, он способствует нарастанию отгороженности и отчуждения и усилению нарушений социальной адаптации»[1].

Данная мысль представляется важной особенно в случаях, когда следователь, суд пытаются глубоко разобраться в причинах совершенного правонарушения, понять скрытые побуждения, мотивы, толкнувшие виновного к противоправному поведению, оценить степень общественной опасности его личности при назначении наказания (ч. 3 ст. 60 УК РФ).

Таким образом, мы рассмотрели основные, наиболее распространенные типы акцентуированных свойств характера, которые могут вызывать профессиональный интерес у юристов. Некоторые из названных типов характера могут быть смешанными.

Воля в структуре характера личности. Одним из первых, кто ввел понятие воли в «науку о душе», был древнегреческий философ Аристотель, обративший внимание на то, что благодаря ей человек изменяет свое поведение. Воля, эмоционально-волевая устойчивость личности являются составной частью характера человека. В повседневной жизни по тому, насколько у субъекта выражены волевые качества, о

[1] *Собчик Л.Н.* Стандартизированный многофакторный метод исследования личности: Методическое руководство. С. 46.

нем говорят как о человеке с «сильным» или, напротив, со «слабым» характером, хотя очевидно, что далеко не только воля свидетельствует о своеобразии характера.

Воля — это сознательная психическая активность, регулирующая поведение, деятельность человека и направляющая его на преодоление каких-либо препятствий на пути к достижению поставленных целей при совершении целенаправленных действий и поступков.

Воля — составной элемент сложных целенаправленных умышленных актов поведения. Она является мощной побудительной силой, входящей в мотивационную сферу поведения человека, в том числе и противоправного. В то же время некоторые преступления совершаются только потому, что субъект не может мобилизовать свою волю, чтобы справиться со своими сиюминутными желаниями и влечениями. Подмечено, что гораздо труднее преодолеть самого себя, чем какие-либо препятствия, возникающие на пути к достижению цели.

Поведение человека становится волевым благодаря мотиву, который определяет его направленность и активность. Кроме того, волевой акт всегда связан с приложением усилий, принятием решения и его практической реализацией. Волевым, целеустремленным действиям обычно сопутствует продуманный план их осуществления. Данное обстоятельство весьма характерно проявляется в деятельности следователя, работающего по одному или по группе уголовных дел. Поэтому обычно расследование начинается с планирования.

Наличие воли, волевой регуляции поведения в структуре целенаправленной деятельности человека свидетельствует о его умысле на совершение им тех или иных действий, а в случае противоправного их характера — об умышленной вине содеянного.

Однако в юридической литературе в отличие от психологической можно встретить выражение *«порок воли»*[1]. В психологии такое понятие отсутствует. Поэтому, признавая некоторый условный характер данного термина, вместе с тем следует отметить, что он употребляется юристами, когда говорят о каких-то эмоционально-волевых личностных нарушениях, о некоторой интеллектуально-волевой неполноценности регуляции субъектом своего значимого с правовой точки зрения и собственных интересов поведения. Такой сниженный уровень волевой регуляции субъектом своих действий, не выходящий за пределы психической нормы, в рамках вменяемости выражается в его сниженной способности всесторонне оценивать ту или иную значимую для него ситуацию и адекватно ей и своим возможностям принимать решения, эффективно руководить своими действиями, направленными на достижение поставленных целей (см. ч. 1 ст. 177 ГК РФ).

Объективно это может иметь место при заключении сделок и проявляется в несоответствии воли субъекта его волеизъявлению, неаде-

[1] См., например: *Новицкий И.Б.* Сделки. М., 1954. С. 103.

кватности самого акта волеизъявления подлинным интересам данной личности.

Кроме того, явление, которое называют «пороком воли», может иметь место и в тех случаях, когда воля и непосредственно само волеизъявление совпадают. Однако порочна интеллектуальная сторона поведения субъекта, вследствие чего у него формируется искаженное представление о цели (результате) сделки под влиянием ошибочной ее оценки, и тогда мы имеем дело с «заблуждением, имеющем существенное значение» (ч. 1 ст. 178 ГК РФ).

Таким образом, понятие «порок воли» означает неполноценность волевой регуляции субъектом принимаемых им решений, своего поведения при отстаивании собственных интересов (интересов своих близких) во время заключения гражданско-правовых сделок.

О том, что у субъекта снижен уровень волевой регуляции, могут свидетельствовать прежде всего *психологические критерии «порока воли»,* а также чисто оценочные *объективные критерии,* которые могут быть установлены самим судом в ходе судебного заседания при решении вопроса о признании недействительности заключенной сторонами гражданско-правовой сделки.

К *психологическим критериям,* подтверждающим наличие у субъекта сниженной способности руководить своими действиями в пределах психической нормы, можно отнести следующие факторы:

• сниженный уровень интеллекта, существенно осложняющий принятие человеком важных для него решений в нестандартных ситуациях в условиях когнитивного диссонанса[1], затрудняющий прогнозирование, планирование им своих последующих действий (соответствующие этому уровню интеллекта низкие значения факторов B, Q_1 по 16-ФЛО);

❒ наличие определенных устойчивых черт характера, составляющих в своей совокупности синдром так называемой «сниженной волевой устойчивости», формирующих «конформный тип» личности человека, решения которого очень часто принимаются им под влиянием каких-то внешних, порой случайных обстоятельств, под воздействием группового мнения; ведущими свойствами характера таких лиц являются: повышенная тревожность, постоянная озабоченность, избыточная осторожность, чрезмерная подозрительность, мнительность, склонность постоянно усложнять происходящие вокруг себя события; отсюда неуверенность в себе и в своих возможностях, отсутствие инициативы, самостоятельности, смелости в выборе собственной линии поведения, в достижении поставленной цели, сниженный самоконтроль (низкие значения факторов E, F, G, H, Q_2 и особенно фактора Q_3 по 16-ФЛО);

❒ заниженные самооценка, уровень притязаний, вызывающие у субъекта чувство собственной неполноценности, ожидание всевозможного рода неудач;

[1] О явлении когнитивного диссонанса подробнее см. в § 3 настоящей главы.

❒ наличие в мотивационной сфере личности в качестве ведущих мотивов избегания неудачи (см. подробнее § 3 настоящей главы);

• сниженный уровень эмоциональной устойчивости (стрессоустойчивости) личности, существенно затрудняющий осуществлять субъекту должный волевой контроль за своими эмоциями и поведением (при низких значениях фактора С в сочетании с высокими значениями факторов О, Q_4 по 16-ФЛО).

Установление перечисленных выше факторов (психологических критериев), косвенно подтверждающих сниженные способности субъекта к волевой регуляции своего поведения, к волеизъявлению («порок воли»), входит в компетенцию судебно-психологической экспертизы, имеющей в своем распоряжении достаточно большой и разнообразный набор психодиагностических методик, позволяющих выявлять волевые качества субъекта[1].

К *объективным критериям,* подтверждающим сниженные способности субъекта к волевой регуляции своего поведения («порок воли»), могут быть отнесены любые фактические данные о поведении субъекта, его высказываниях, которые устанавливаются в ходе судебного заседания путем его допроса, а также иных свидетелей, хорошо знающих данное лицо и способных охарактеризовать его поведение в повседневной жизни, то есть в процессе доказывания по делу.

Окончательный вывод суда о сниженном уровне волевой регуляции субъектом своего поведения, о его недостаточной способности понимать значение своих действий или руководить ими в пределах психической нормы формируется на основе психологических и объективных критериев, рассмотренных выше.

Установление патологических психических состояний, психических расстройств и заболеваний у субъекта, которые отрицательно повлияли на процессы его волевой регуляции, волеизъявления, нарушили его целенаправленную деятельность, служит безусловным основанием для признания недействительности заключенной им сделки, а в уголовном праве — основанием для признания лица невменяемым со всеми вытекающими из этого правовыми последствиями.

В остальных же случаях дефекты волеизъявления, волевой регуляции поведения («порок воли») в совокупности с другими обстоятельствами могут рассматриваться как подтверждение того, что противоправные действия могли быть совершены по «легкомыслию», а лицо, их совершившее, не отличалось необходимой внимательностью и предусмотрительностью (ст. 26 УК РФ).

Юристу с развитой волей присущи следующие черты характера:

❒ целеустремленность, т.е. ясное представление того, чего он хочет добиться, определение главной и второстепенных целей;

[1] Приведенные выше ссылки на те или иные факторы методики 16-ФЛО Кеттелла носят чисто иллюстративный характер, ни в коей мере не исключающий и другие психологические тесты, с помощью которых можно оценивать уровень волевых качеств личности.

➶ решительность, которая проявляется в продуманном, своевременном принятии решений относительно того, какими путями и способами необходимо добиваться цели, и в планомерном осуществлении поставленной задачи;

➶ настойчивость, способность вопреки различным трудностям идти к поставленной цели, довести начатое дело до конца;

➶ выдержка, самообладание, проявляющиеся в умении сдерживать проявление отрицательных психических состояний, эмоций, мешающих достижению цели;

➶ самостоятельность, выражающаяся в способности противостоять посторонним воздействиям; самостоятельность тесно связана с инициативой, творческим подходом к решению возникающих задач, с умением аргументированно отстаивать собственную точку зрения и добиваться ее осуществления; самостоятельность ничего общего не имеет с негативизмом, упрямством, немотивированным отрицанием других мнений.

Воля определяет многие положительные качества юриста: его исполнительность, дисциплинированность, самоотверженность, мужество, смелость.

Изучение следователем (судом) характера участников уголовного (гражданского) процесса. Изучение характера свидетелей, потерпевших, особенно обвиняемых (подсудимых) и т.д. является необходимой предпосылкой полного, объективного исследования обстоятельств уголовного дела, разрешения гражданско-правового спора.

Изучение характера участников процесса проводится:

1. В целях более глубокого изучения механизма преступления, причин его совершения. Так сведения о характере обвиняемых (подсудимых) могут быть использованы при оценке объективной стороны преступления, умысла виновного, мотивов совершенного преступления.

Знание характера обвиняемого (подсудимого) помогает лучше разобраться в мотивационной структуре его личности. Особо тесная связь преступного поведения, процессов мотивации прослеживается с такими характерологическими особенностями личности, как эмоциональная, нервно-психическая неустойчивость, легкомыслие, избыточная агрессивность. Совпадение личностных характеристик (в том числе включающих отмеченные выше свойства характера) и мотивации ряда преступлений по некоторым показателям достигает 70—75%[1].

Определенную помощь при исследовании механизма насильственных преступлений могут оказать сведения о свойствах характера потерпевшего. Изучение характера потерпевшего помогает следователю (суду) правильно оценить причины поведения обвиняемого (подсудимого) в момент совершения преступления.

2. В тактических целях при проведении следственных (судебных) действий, особенно допроса. В зависимости от характера допрашиваемого применяются различные приемы допроса: от постановки нейтраль-

[1] См.: *Лунеев В.В.* Преступное поведение: мотивация, прогнозирование, профилактика. М., 1980. С. 37—39.

ных вопросов до вопросов с предъявлением доказательств, изобличающих обвиняемого, свидетеля и других лиц во лжи.

Знание характера подозреваемого помогает следователю принять наиболее правильное тактическое решение: о его задержании, об избрании меры пресечения, о выборе момента для проведения обыска, о порядке проведения очных ставок и других следственных действий.

3. При проведении юристами воспитательной, предупредительной работы с гражданами. Выявление лиц, наделенных крайне отрицательными чертами характера (особенно по эпилептоидному, гипертимно-неустойчивому, паранойяльному типу), позволяет своевременно наметить индивидуальный подход к ним, систему воспитательных мер, особенно в местах отбывания наказания.

§ 3. Направленность, мотивационная сфера в структуре личности субъектов уголовного и гражданского процессов

Направленность личности. Одной из основных социально обусловленных подструктур личности является ее направленность.

Направленность — это система устойчивых побуждений человека, определяющая его социальную активность, избирательность отношений к различным явлениям, к той или иной социально полезной либо, напротив, антиобщественной деятельности. Изучая направленность личности, можно заранее предвидеть, к чему будет стремиться субъект, чего от него следует ожидать. Зная элементы, составляющие направленность, легче воздействовать на поведение человека. Рассмотрим эти элементы направленности более подробно.

Основными составляющими ее элементами являются *потребности.* Они отражают зависимость человека от окружающих его условий бытия и служат источником его активности (А.В. Петровский). Потребность — это испытываемая человеком нужда в чем-либо необходимом. Она может проявляться не только в состоянии, когда человеку не хватает чего-то важного для его жизнедеятельности, но и в стремлении избавиться от всего того, что ему мешает. Такие потребности в отличие от первых (позитивных) называют негативными.

Переживание человеком своей зависимости от потребности, ее актуальности и важности для него формирует, по А.Н. Леонтьеву, *потребностное состояние*, которое постепенно переходит в *побуждение.*

Осознанные субъектом потребности принимают форму *желаний,* которые при достаточно сильном волевом начале перерастают в *стремления.*

Основное свойство любой потребности — ее *предметность.* Потребность всегда конкретна. Она соотносится с теми объективно существующими предметами реального мира, с помощью которых может быть удовлетворена.

Другим важным свойством потребности является ее *динамичность,* т.е. способность изменять свою напряженность, угасать или возникать вновь.

Различают потребности чисто физиологического характера, материальные, интеллектуальные (познавательные), духовные и социальные (общественные) потребности.

Обычно человек испытывает несколько потребностей, которые находятся в постоянном взаимодействии. Одни из них занимают доминирующее положение, сдерживая проявление других потребностей, тем самым влияя на направленность личности. Такое динамическое взаимодействие различных потребностей в их сложном иерархическом единстве во многих случаях объясняет механизм и мотивы совершения многих поступков человека, в том числе и противоправных.

В случае блокирования личностно значимой потребности у субъекта может появиться состояние психической напряженности (фрустрации), стремление добиться удовлетворения этой потребности «обходным», неправомерным путем. Конфликт личности с окружающими людьми, препятствующими удовлетворению данной потребности, может привести к противоправным действиям, послужить основой совершения того или иного (насильственного или корыстного) преступления[1].

Под воздействием внешних факторов, мировоззрения потребности претерпевают внутреннюю перестройку, некоторые из них деформируются от позитивно-нейтрального до отрицательного качественного состояния. По данным В.Н. Кудрявцева, почти 90% преступлений совершается лицами с деформированными в социальном отношении потребностями. Например, анализ потребностей молодых правонарушителей показал, что у этих лиц чаще ведущее положение занимают элементарные, биологически обусловленные потребности при отсутствии или крайней бедности высших, духовных потребностей[2].

Составным элементом направленности личности являются *интересы.* Интерес — это сосредоточенность человека на определенном объекте в силу его личностной значимости, привлекательности для него. Интерес побуждает субъекта лучше ознакомиться с объектом, глубже познать его, включить тот или иной предмет в сферу своих отношений с окружающей действительностью. Интерес порождает любознательность, стимулирует внимание, позволяет сосредоточить мысли на определенном объекте. Благодаря проявленному интересу к предмету последний приобретает эмоциональную привлекательность.

Человек, духовно и гармонично развитый, испытывает разнообразные интересы, удовлетворение которых приносит пользу не только ему, но и окружающим людям, обществу. Устойчивый, глубокий интерес к чему-либо побуждает индивида к определенной общественно полезной либо, напротив, противоправной деятельности. В свою очередь, включенность субъекта в ту или иную деятельность пробуждает новые интересы.

[1] См.: *Кудрявцев В.Н.* Причины правонарушений. М., 1976. С. 101, 108.

[2] См.: *Дубинин Н.П., Карпец И.И., Кудрявцев В.Н.* Генетика, поведение, ответственность (О природе антиобщественных поступков и путях их предупреждения). М., 1982. С. 181.

В деятельности юриста большое значение имеют *профессиональные интересы,* которые побуждают его овладевать необходимыми знаниями, приобретать опыт, успешно применять их на практике. Особое место среди профессиональных интересов следователя, судьи, прокурора, адвоката занимают *познавательные интересы,* столь необходимые для качественного расследования (рассмотрения) уголовных дел, разрешения гражданско-правовых споров. Познавательные интересы являются одним из факторов профессиональной активности юриста, постоянных поисков им истины в работе.

Основополагающим, связующим звеном в общей структуре направленности личности является *мировоззрение.* Мировоззрение представляет собой систему взглядов, убеждений человека, определяющих его моральный, идейно-нравственный облик. В структуру мировоззренческой основы личности входят ее философские, социально-экономические, нравственные, правовые, эстетические и другие взгляды. Зная мировоззренческую основу личности, легче предвидеть, как поступит человек в той или иной ситуации.

Например, как показали исследования, многие преступники, особенно из числа совершивших насильственные преступления и отбывающих за них уголовное наказание, как правило, одобряли предложенные им среди прочих противоправные варианты поведения, что косвенно свидетельствовало об их стойком антиобщественном мировоззрении, формирующем негативную ценностно-нормативную модель поведения[1].

На основе мировоззрения у человека формируются *нравственные идеалы,* т.е. созданные воображением образы, к которым он стремится, правосознание. Идеалом может стать конкретная (или воображаемая) личность, определенный образ жизни, поведение того или иного человека или группы людей, отдельная черта характера. Мировоззрение, правосознание являются основополагающими элементами, определяющими направленность личности наряду с ее интересами, взглядами, убеждениями, идеалами.

Исключительно важное значение в современных условиях построения правового государства приобретает задача формирования у будущих юристов правосознания, высоконравственной гуманистической ориентации, идейной убежденности, политической зрелости, социальной активности — именно тех качеств, которые должны составлять основу мировоззрения юриста.

Неосознаваемые побуждения в структуре направленности личности. В психике человека, в структуре направленности его личности наряду с процессами и явлениями осознаваемыми, сознательно регулируемыми имеют место и неосознаваемые (полностью или частично) психические процессы, различным образом влияющие на его перцептивную, мыслительную деятельность, на проявление эмоций. В научной литературе эти явления психики относят к неосознаваемой, бессознательной психичес-

[1] См.: Личность преступника как объект психологического исследования / Под ред. А.Р. Ратинова и др. М., 1979. С. 13, 37—40.

кой деятельности, о которой в свое время писал известный австрийский психолог, создатель психоанализа З. Фрейд (1856—1939). К одним из таких бессознательных явлений следует отнести *психологическую установку личности*.

Психологическая установка является целостным динамическим состоянием субъекта, состоянием его готовности к определенной активности, которое обусловливается двумя факторами: потребностью субъекта и соответствующей объективной ситуацией[1].

Как писал С.Л. Рубинштейн, «установка — это занятая личностью позиция, которая заключается в определенном отношении к стоящим перед ней целям или задачам и выражается в избирательной мобилизованности и готовности к деятельности, направленной на их осуществление»[2]. Таким образом, установка является своеобразным регулятором, сохраняющим относительную устойчивость направленности личности, психических процессов, динамической стороны отдельных действий индивида.

Одним из необходимых условий формирования установки является предшествующая ее появлению деятельность субъекта, нашедшая отражение в его прошлом опыте. Условиями возникновения и проявления установки также являются: появившаяся у человека потребность; восприятие им объектов, с помощью которых может быть удовлетворена эта потребность; наличие среды (ситуации), благоприятной для удовлетворения возникшей потребности. Причем сама потребность, а также объект (предмет), с помощью которого она может быть удовлетворена, иногда полностью и не осознаются им в данный момент.

Подсознательное воздействие этого процесса на поведение человека очень наглядно показано Ф.М. Достоевским, описавшим душевное состояние и поведение Раскольникова после убийства. Читатель помнит, как Раскольникова безотчетно тянуло на место преступления (кстати, явление довольно распространенное в поведении лиц, совершавших подобного рода тяжкие преступления), как он, не осознавая этого, оказался там, вместо того чтобы попасть в полицейскую контору, куда направлялся. «В контору надо было идти все прямо и при втором повороте взять влево: она была тут в двух шагах. Но, дойдя до поворота, он остановился, подумал, поворотил в переулок и пошел обходом, через две улицы, — может быть безо всякой цели, может быть, чтобы хоть минуту протянуть и выиграть время. Он шел и смотрел в землю. Вдруг как будто кто шепнул ему что-то на ухо. Он поднял голову и увидел, что стоит у того дома, у самых ворот. С того вечера он здесь не был и мимо не проходил. Неотразимое и необъяснимое желание повлекло его».

У лиц, склонных к конфликтным отношениям с обществом, с окружающими людьми, постепенно складывается стойкая индивидуалистическая установка, которая в криминологии именуется антиобществен-

[1] См.: *Узнадзе Д.Н.* Экспериментальные основы психологической установки: Хрестоматия по психологии. М., 1977. С. 233—236.

[2] *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. Т. II. С. 105.

ной (асоциальной) установкой. Антиобщественная установка, пишет В.Н. Кудрявцев, взятая в наиболее «концентрированном» виде, включает в себя индивидуалистическую жизненную организацию, пренебрежение нормами правопорядка и нравственности, безразличие к выбору средств для достижения своих целей, негативное отношение к общественным нуждам и интересам[1]. Выделяются три основные разновидности антиобщественной установки (ориентации) личности: корыстная, насильственная и социально-пассивная, которые формируют соответствующие социальные стереотипы поведения.

Антиобщественная корыстная установка лежит в основе противоправной деятельности, направленной на достижение материальной выгоды за счет других. Такая установка чаще всего наблюдается у лиц, совершающих хищения, берущих взятки и другие подобные им преступления.

Антиобщественная насильственная установка формирует у субъекта во имя удовлетворения узкоэгоистических интересов состояние внутренней готовности к агрессивным, жестоким по своему характеру насильственным действиям, которые приводят к различным преступлениям против личности: убийствам, изнасилованиям и т.п.

В процессе формирования личности преступников (особенно рецидивистов) может вырабатываться довольно стойкая антиобщественная *насильственно-корыстная установка,* поскольку добиться преступных целей в некоторых случаях возможно лишь путем преодоления сопротивления потерпевшего с помощью физического или психического насилия над ним, что имеет место при совершении, например, разбойных нападений, грабежей, рэкета. Так, более 30% воров и хулиганов совершают в последующем разбои и убийства[2]. Однако включение человека на разных этапах формирования его личности, начиная с детского возраста, в общественно полезную деятельность, формирование у него гуманистического мировоззрения, правосознания снимает вопрос о фатальности криминальной установки.

Весьма интересным выглядит эффект воздействия смысловой установки на мыслительные процессы в плане повышения эффективности деятельности следователя, расследующего преступления в сложной проблемной ситуации. С одной стороны, установка играет положительную роль, мобилизуя на решение поставленной задачи все его знания, профессиональный опыт. Под влиянием установки мыслительные процессы приобретают строго избирательный характер, отбрасывается все, что противоречит приобретенному опыту. Это оптимизирует мыслительную деятельность следователя, помогает ему отграничить круг исследуемых вопросов, быстрее найти главное звено.

С другой стороны, смысловая установка, если она полностью выпадает из-под контроля сознания, может длительное время удерживать

[1] См.: *Кудрявцев В.Н.* Причинность в криминологии (о структуре индивидуального преступного поведения). М., 1968. С. 33—34.

[2] Там же. С. 36.

следователя в плену его ошибочных представлений, препятствующих принятию более правильного нестандартного решения, т.е. может сыграть роль своеобразного «барьера внутри нас». Кстати, анализ отмененных приговоров позволил обнаружить аналогичный эффект отрицательного воздействия смысловой установки и в судебной деятельности, о чем пойдет речь в последней главе.

Воздействие установки необходимо учитывать и при оценке показаний свидетелей, обвиняемых и других лиц, неумышленно допускающих так называемые ошибочные действия (по Фрейду) в виде всевозможных оговорок, описок, различного рода искажения истины, в основе которых лежат описанные в литературе «бессознательные умозаключения», построенные на неосознаваемых перцептивных процессах[1].

Другим недостаточно осознаваемым побуждением в структуре направленности личности, ее мотивационной сферы являются *влечения,* которые представляют собой не всегда отчетливо осознаваемые потребности, некие ожидания, сопровождаемые эмоциональными переживаниями различной силы и направленности. Фрейд уподоблял их грандиозным по своей неопределенности мифическим существам, которые нельзя упускать из виду при объяснении поступков человека. Среди них он выделял влечения к самоутверждению, подражанию, игре, общению, к лицам противоположного пола[2].

Если субъект утрачивает способность управлять своими влечениями, оказывается в их власти, они могут стать одной из предпосылок его конфликтных отношений с обществом, первопричиной совершения им некоторых умышленных так называемых ситуативных, а также неосторожных правонарушений.

Мотивационная сфера личности, мотивы поведения. Любой поступок может быть объективно и правильно оценен лишь тогда, когда будут полностью установлены и поняты его мотивы. Только зная мотивы принятия решений человеком, можно всесторонне оценивать его действия и поступки, его личность в целом. Вот почему в законе в числе обстоятельств, подлежащих обязательному установлению по каждому уголовному делу, указаны мотивы преступления (см. п. 2 ч. 1 ст. 68 УПК РСФСР).

Придавая важное значение установлению мотивов преступления, законодатель дополнительно ввел в целый ряд статей УК РФ в качестве специальных квалифицирующих обстоятельств различные мотивы (побуждения), которые должны быть непременно доказаны по делу при наличии к тому необходимых оснований. Например, в ст. 105 УК РФ в качестве специальных квалифицирующих признаков убийства указаны корыстные, хулиганские побуждения, мотивы национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды, кровной мести (п. «з», «и», «л» ч. 2 ст. 105). Упоминание «корыстных, иных низменных побуждений» содержится и в ряде других статей УК РФ.

[1] *Фрейд З.* Введение в психоанализ: Лекции. М., 1991. С. 13.
[2] Там же. С. 358.

Кроме того, некоторые побуждения могут учитываться судом либо в качестве обстоятельств, смягчающих наказание виновному за содеянное (например, мотив сострадания: п. «д» ч. 1 ст. 61 УК РФ либо отягчающих его вину (см. например, п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ).

Значение мотивов в понимании поведения человека исключительно велико. Известный психолог В.Н. Мясищев подчеркивал, что результаты, которых достигает человек в своей жизни, на 70% зависят от мотивов, которые побуждают его добиваться поставленных целей.

Мотив — это побуждение, направленное на удовлетворение значимой для субъекта потребности. Мотив является внутренним побуждением человека к тому или иному поступку, способному удовлетворить личностно значимые для него потребности, интересы. Мотив обусловливает формирование намерений человека принять решение совершить какие-либо действия (либо, напротив, воздержаться от них) во имя достижения поставленной цели. Поэтому мотивы в качестве побудительных сил лежат в основе различных, в том числе и преступных, действий человека, объясняющих их совершение. Поэтому некоторые авторы определяют мотив «как объяснение причин действия»[1].

Основной побудительной мотивообразующей силой человека являются потребности (материальные, духовные и т.п.). В качестве побудительной силы также могут быть интересы, взгляды, убеждения, желания, влечения, привычки, переживаемые чувства, эмоции, психические состояния и установки. Большое влияние на мотивацию оказывают характерологические особенности личности виновного. Мощной побудительной силой, лежащей в основе мотивации, являются мировоззрение личности ее ценностные ориентации, правосознание.

Человеческая деятельность, как правило, *полимотивированна,* т.е. определяется не одним, а несколькими мотивами, находящимися в определенной иерархии и зависимости между собой. Некоторые из них занимают доминирующее положение, выполняя *смыслообразующую функцию,* другие являются всего лишь *мотивами-стимулами.*

Эта многомерная, строго иерархизированная система мотивов, находящихся в тесной связи с психическими свойствами и состоянием личности, образует ее *мотивационную сферу,* или *мотивацию,* как высшую психическую, социально детерминированную функцию. Мотивационная сфера (мотивация) личности находится в постоянном развитии под воздействием внешней среды, сознания человека.

Процесс возникновения и формирования мотивов поведения человека, его мотивационной сферы тесно связан с развитием и удовлетворением им своих потребностей, с формированием в целом его личности. С одной стороны, нельзя не заметить изменений характера и направленности мотивов личности в ее развитии, а с другой — мы отчетливо видим изменения в структуре личности, в ее мотивационной сфере, происходящие под влиянием различных жизненных ситуаций. Следовательно, личность с ее мотивационной сферой представлена как

[1] *Обуховский К.* Психология влечений человека. М., 1972. С. 16.

бы в двух плоскостях: на протяжении длительного периода ее развития и в постоянно окружающем ее социальном пространстве. В подобном пространственно-временном развитии находятся и мотивы, мотивация человеческой деятельности, в том числе и те, которые толкают субъекта на противоправный путь поведения.

Помимо того, что термин *«мотивация»* употребляется как синоним понятия мотивационной сферы, он также может означать и собственно *процесс формирования мотива,* приведения его в действие, процесс непрерывного взаимного влияния субъекта действия и ситуации, в результате чего формируется то или иное поведение человека.

Таким образом, мотивация — это своего рода повторяющийся процесс выбора и принятия решений человеком на основе оценки им различных поведенческих альтернатив, в основе которых лежат разные мотивы, различные побуждения. И с этой точки зрения понятие мотивации, безусловно, шире понятия мотива.

Говоря о процессе мотивации, следует подчеркнуть, что он может протекать как на сознательном, так и подсознательном уровне, т.е. не осознаваться субъектом действия в момент его совершения[1]. Это особенно важно иметь в виду, когда приходится исследовать субъективную сторону совершенного преступления и решать вопрос о форме вины.

В психологии представителями разных научных школ и направлений создано около десятка различных теорий, в которых в основу процесса мотивации положены разнообразные факторы, начиная от врожденных инстинктов, органических потребностей и кончая исключительно сознанием, разумом, волей человека. Поскольку жизнь современного человека настолько сложна, а его поступки бывают столь противоречивы, оказывается, что каждая из этих теорий в отдельности далеко не всегда позволяет объяснить все многообразие различных феноменов мотивации. И только взаимная интеграция этих теорий с глубоким анализом накопленного материала и выделением всего положительного, что в нем имеется применительно к каждому конкретному случаю, может объяснить причины поведения человека[2].

Для юристов с профессиональной точки зрения одним из интересных подходов к проблеме мотивации является *когнитивный подход,* в котором особое значение придается сознанию, знаниям человека. В данном подходе особенно часто используются понятия когнитивного диссонанса, мотивации достижения успеха либо мотивации боязни, избегания неуспеха, а также уровня притязаний. Все эти составляющие процесс мотивации категории тесно связаны между собой, особенно в ходе принятия решений человеком. Изучив их, можно прогнозировать его поведение, что бывает особенно важно, например при отборе в правоохранительные органы.

[1] *Немое Р.С.* Психология. Учебник. В 3 кн. Кн. 1. Общие основы психологии. 2-е изд. М., 1995. С. 391—395.

Подробное изложение различных теорий мотивации в их историческом аспекте представлено в упомянутом выше учебнике по психологии Р.С. Немова (с. 395—427).

Теория когнитивного диссонанса была разработана в 50-х *гг.* американским психологом Л. Фестингером. В психологии под *когнитивным диссонансом* понимается негативное побудительное состояние, которое человек испытывает в ситуации неопределенности, обусловленной тем, что он располагает двумя и более противоречивыми «знаниями», мнениями, представлениями об одном каком-то объекте, явлении, которое нужно объяснить. Это состояние диссонанса между какими-то отрывочными «знаниями» и «незнаниями» переживается им как внутренний дискомфорт, приводящий к тому, что субъект стремится снять, нейтрализовать либо просто уменьшить возникшую рассогласованность в своей осведомленности о личностно значимом для него явлении. Вследствие этого состояние когнитивного диссонанса начинает оказывать на субъекта сильное мотивационное влияние, становясь побудительной силой в мотивационной сфере его личности.

Наиболее мощное мотивационное воздействие на субъект когнитивный диссонанс оказывает в жизненно (профессионально) важных для него ситуациях, когда необходимо принимать ответственное решение, разрешать конфликтные отношения, оценивать групповое мнение значимой для него социальной группы и т.д. Примеров воздействия когнитивного диссонанса на принятие решений в профессиональной деятельности юристов достаточно много. Взять хотя бы, к примеру, поведение следователя, приступающего к расследованию совершенного преступления в условиях неочевидности, принятие им решения о задержании подозреваемого, проведении обыска, отдельных тактических комбинаций, связанных с использованием тех или иных доказательств и т.п.

И здесь очень важно обратить внимание на одну очень существенную деталь. С принятием решения под воздействием когнитивного диссонанса субъект начинает придавать ему большую ценность по сравнению с решением, которое им было отвергнуто. «В этом просматривается действие своеобразного психологического механизма оправдания человеком сделанного им выбора уже после того, как он совершен», — обращает внимание на эту очень важную закономерность Р.С. Немов. Установлено, пишет далее он, что «после принятия решения человек невольно начинает искать дополнительные его оправдывающие аргументы и тем самым искусственно повышает для самого себя ценность избранной альтернативы. Одновременно с этим он обнаруживает склонность игнорировать неприятную для него информацию, говорящую о том, что он принял не самое лучшее из решений». И далее: «в тех случаях, когда силой обстоятельств человек бывает вынужден совершить действие, повлекшее за собой нежелательный результат, он стремится задним числом повысить ценность данного результата для того, чтобы уменьшить возникший в результате этого диссонанс»[1].

Именно данной закономерностью воздействия психологического механизма оправдания человеком сделанного им выбора (принятия решения) в условиях когнитивного диссонанса, выступающего в роли побуди-

[1] *Немов Р.С.* Указ. соч. С. 404.

тельной силы, можно объяснить поведение, к примеру, следователя, отстаивающего свое, порой ошибочное, мнение о виновности лица, которое им было задержано и которому он поспешил предъявить обвинение. Думается, что в подобных случаях самым разумным способом вывести расследование уголовного дела из своеобразного когнитивного тупика будет передача этого дела другому сотруднику прокуратуры, не находящемуся под воздействием описанного выше механизма самооправдания.

Совершая те или иные поступки, наблюдая за поведением других лиц, человек, как правило, пытается их объяснить. Причинное объяснение поступков человека в психологии получило название *каузальной атрибуции* (от лат. causa — причина, attribuo — придаю, наделяю). С этой точки зрения одни люди, как правило, считают, что достигнутые ими результаты, успехи в их деятельности, равно как и неудачи, зависят главным образом от них самих (так называемый внутренний локус контроля), другие же, напротив, полагают, что все зависит от внешних факторов, от складывающихся независимо от их воли каких-то обстоятельств, попросту говоря, от везения, случая (так называемый внешний локус контроля).

Такое отношение к себе, подобного рода оценка внешних обстоятельств оказывают серьезное влияние прежде всего на процесс мотивации личности и в конечном итоге сказываются в целом на результативности и успешности самой деятельности. Оказывается, что направленность лиц первой группы (с внутренним локусом контроля) прежде всего на самих себя определяет их более высокую ответственность, большую настойчивость на пути к достижению поставленных целей. Поэтому у таких людей определяющей является мотивация достижения успехов. Для лиц противоположной группы (с внешним локусом контроля) в структуре их мотивационной сферы ведущими являются мотивы избегания неудачи.

Установлено, что лица, мотивационная сфера которых определяется мотивацией достижения, в жизни, в профессиональной деятельности добиваются гораздо больших результатов, успехов, нежели те, у кого ведущими являются мотивы избегания неудачи. Как показали результаты обследования большой группы прокурорских работников, профессионально успешные сотрудники прокуратуры имеют действительно более выраженный внутренний локус контроля, что свидетельствует о том, что у них выше уровень персональной ответственности за происходящие события, принимаемые решения и их последствия, больше инициативы. Они считают, что сами добились всего, что было и есть в их жизни, благодаря собственной воле и энергии[1].

Интересным выглядит и еще одно психологическое различие в поведении описанных выше двух групп людей. Лица, мотивированные на достижение успеха, в случае неудачи, как говорится, не опускают руки. Более того, их упорство и активность возрастают. Данный феномен осо-

[1] См.: *Романов В.В., Кроз М.В.* Руководство по профессиональному психологическому отбору кандидатов на службу в органы прокуратуры РФ: Методическое пособие. М., 1994. С. 84.

бенно наглядно проявляется в работе следователей, добивающихся высоких результатов в раскрытии преступлений, расследуемых в условиях неочевидности. Напротив, у лиц, мотивированных на избегание неудачи, в случае неуспеха интерес к решению поставленной задачи, а следовательно, и результативность их деятельности падают.

Таким образом, изучение мотивов поведения людей, процессов мотивации деятельности имеет исключительно важное значение. С одной стороны, установление мотивов, которыми руководствовался виновный, помогает правильно квалифицировать его действия, устанавливать причины и условия, способствовавшие совершению преступления, объективно оценивать полученные при расследовании доказательства, определять виновному то или иное, даже более мягкое наказание, чем оно предусмотрено в Уголовном кодексе (см. ч. 1 ст. 64 УК РФ). С другой стороны, процессы мотивации играют исключительно важную роль в профессиональной деятельности юристов, оказывают существенное влияние на результативность их труда.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Что такое темперамент?
2. Перечислите основные типы темпераментов, дайте им краткую характеристику.
3. Существует ли связь между темпераментом и личностью?
4. Какие основные свойства нервной системы влияют на формирование темперамента?
5. Каким образом надо подходить к оценке свойств темперамента в профессиональной деятельности юриста?
6. Раскройте понятие характера, перечислите его основные свойства.
7. Каково соотношение характера и темперамента?
8. Что представляют собой акцентуированные свойства характера?
9. Назовите основные типы акцентуаций характера, дайте им краткую психологическую характеристику.
10. Раскройте криминологическое значение отдельных видов акцентуаций характера.
11. Что такое направленность личности? Раскройте ее содержание.
12. Что представляет собой психологическая установка личности? Какое влияние она оказывает на профессиональную деятельность юриста?
13. Что такое воля? Ее место и роль в структуре личности.
14. Раскройте психолого-правовое значение воли в гражданском и уголовном праве.
15. Что выражает собой понятие «порок воли»? Критерии данного понятия.
16. Что такое мотив? Раскройте психолого-правовое значение мотива, его соотношение с понятием мотивации.
17. Что представляет собой мотивационная сфера личности?
18. В чем состоит сущность теории когнитивного диссонанса процесса мотивации? Какое влияние данное явление оказывает на поведение юриста?
19. Каким образом воздействует на профессиональную деятельность юриста мотивация достижения успеха и избегания неудачи (покажите на примере)?

Глава 7
СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА В УГОЛОВНОМ И ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССАХ

Предмет судебно-психологической экспертизы. Этапы ее развития и становления в России. Основания и поводы назначения в уголовном и гражданском процессах. Методологические основы проведения судебно-психологической экспертизы, ее компетенция. Основные вопросы, решаемые экспертом-психологом в ходе предварительного следствия, в суде. По каким категориям уголовных дел, при разрешении каких гражданско-правовых споров чаще всего проводится судебно-психологическая экспертиза. Подготовка, назначение, использование судебно-психологической экспертизы следователем, судом.

§ 1. Предмет судебно-психологической экспертизы, основания и поводы ее назначения

Первая попытка проведения судебно-психологической экспертизы в России относится к 1883 г. Экспертиза, которую мы сейчас называем судебно-психологической, тогда была названа известным юристом, общественным деятелем А.Ф. Кони экспертизой чувств и впечатлений. И хотя он не мог не признать ее интересной, тем не менее отнесся к ней скептически ввиду ее субъективного характера, низкого научного уровня, что определялось общим состоянием развития психологической науки в то время[1].

В дореволюционный период активным сторонником внедрения психологических знаний в уголовный процесс был известный русский юрист Л.Е. Владимиров, который предлагал проводить в суде психологические исследования для выяснения психического состояния подсудимого «при отсутствии достаточности мотива», для определения силы аффекта и некоторых других вопросов[2].

В 1929 г. вышла первая монография, посвященная судебно-психологической экспертизе А.Е. Брусиловского. В ней намечались основные направления использования психологических знаний при расследовании уголовных дел, в которых обвинение «строилось на показаниях малолетних свидетелей», при расследовании железнодорожных катастроф, убийств, самоубийств и некоторых других преступлений[3]. В это же время проводились исследования А.В. Внуковым, Я.М. Канторови-

[1] См.: *Кони А.Ф.* Суд — наука — искусство. Пг., 1923. С. 66; подробнее см.: *Крылов И.Ф.* В миро криминалистики. Л., 1980. С. 36—42.

[2] См.: *Владимиров Л.Е.* Психологическое исследование в уголовном суде. М., 1901.

[3] См.: *Брусиловский А.Е.* Судебно-психологическая экспертиза. Предмет, методика и пределы. Харьков, 1929.

чем, А.С. Тагером в области практического применения психологических знаний в уголовном процессе.

Интересными и многообещающими в те годы были эксперименты А.Р. Лурии, направленные на выявление «психических следов» преступления, разработку методики психологической диагностики возможной причастности к совершенному преступлению заподозренных в нем лиц[1].

Наряду с этим высказывались и довольно расплывчатые суждения, например о медико-психологическом обследовании подозреваемых в целях решения вопроса о том, не относятся ли они по своим психологическим особенностям к числу возможных преступников. Эти и подобные им взгляды подвергались справедливой критике.

К сожалению, в последующие годы возобладала крайняя точка зрения о недопустимости вообще какой бы то ни было судебно-психологической экспертизы, поскольку она якобы умаляла роль суда, подменяла «судейское убеждение произволом, который лишь завуалирован квазинаучным облачением»-. Некоторые авторы в своих обличениях судебно-психологической экспертизы доходили до совершенно абсурдных утверждений — будто с ее помощью «протаскиваются» в уголовный процесс «фашистско-неоломброзианские идеи»[3].

Тем не менее разумный взгляд на использование судебно-психологической экспертизы в уголовном процессе и прежде всего по делам о несовершеннолетних пробил себе дорогу. На рубеже 60-х гг. гонения на нее постепенно прекратились. Началась активная исследовательская работа ведущими учеными-юристами страны (А.В. Дулов, Г.М. Миньковский, М.М. Коченов, А.Р. Ратинов, Л.И. Рогачевский, Я.М. Яковлев и др.), нацеленная на создание теоретического фундамента и внедрение ее практических рекомендаций в уголовный процесс[4]. Были проведены первые экспертные психологические исследования по конкретным уголовным делам.

В 1964 г. во всех юридических вузах страны в качестве обязательной учебной дисциплины вводится судебная психология. Это еще больше активизировало разработку проблем судебно-психологической экспертизы.

В 1978 г. в Прокуратуре СССР совместно с представителями Верховного Суда СССР, учеными-юристами, психологами состоялось заседание, посвященное использованию судебно-психологической экспер-

[1] См.: *Лурия А.Р.* Экспериментальная психология в судебно-следственном деле // Советское право. 1927. № 2/26. С. 84—100; *Лурия А.Р.* Психология в определении следов преступления // Научное слово. 1928. № 3. С. 79—104.

[2] *Строгович М.С.* Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М., 1955. С. 319.

[3] *Рахунов Р.Д.* Теория и практика экспертизы в советском уголовном процессе. М.. 1950. С. 55.

[4] Среди первых работ этого периода необходимо указать следующие публикации: *Миньковский Г.М.* Особенности расследования и судебного разбирательства дел о несовершеннолетних. М., 1959: *Рогачевский Л.И.* О судебно-психологической экспертизе // Вопросы криминалистики. М., 1964 № 10.; *Яковлев Я.М.* Судебная экспертиза при расследовании половых преступлений. Душанбе, 1966 и др.

тизы. На этом совещании было принято решение о дальнейшем расширении исследовательских работ в области судебно-психологической экспертизы, более широком внедрении их результатов в практику борьбы с преступностью.

В институте прокуратуры в секторе психологических проблем борьбы с преступностью (проф. А.Р. Ратинов) была создана экспертная группа психологических исследований (рук. М.М. Коченов), на которую возлагалась разработка и координация научно-исследовательских работ в области судебно-психологической экспертизы, что дало свои положительные результаты. Например, если в 1969—1970 гг. по всей стране удалось выявить всего лишь около 20 уголовных дел, по которым проводилась судебно-психологическая экспертиза, то в последующие годы она заняла прочное, равноправное место среди других видов экспертных исследований.

В 1980 г. Прокуратурой СССР во все подведомственные прокуратуры было разослано методическое письмо, посвященное судебно-психологической экспертизе, которое, с одной стороны, явилось своеобразным итогом проделанной работы в этом направлении, а с другой — открыло еще больший простор применению психологических знаний в форме экспертизы при расследовании (рассмотрении в судах) уголовных дел[1].

Предмет судебно-психологической экспертизы. Известно, что предмет любой судебной экспертизы определяется предметом той науки, которая для нее является базовой, а также задачами, которые решаются в ходе процессуальной деятельности правоохранительных органов.

Основная задача судебно-психологической экспертизы сводится к оказанию помощи суду, органам предварительного следствия в более глубоком исследовании специальных вопросов психологического содержания, входящих в предмет доказывания по уголовным делам, являющихся составным элементом гражданско-правовых споров, а также в исследовании психологического содержания целого ряда юридических, правовых понятий, содержащихся в законе.

Поэтому предметом исследования судебно-психологической экспертизы являются психические процессы, состояния, свойства психически здоровых лиц, участвующих в уголовном и гражданском процессах, особенности их психической деятельности, временные (неболезненные) изменения сознания под влиянием различных факторов, экспертная оценка которых имеет значение для установления объективной истины по делу. То есть, предметом экспертизы являются индивидуально-своеобразные черты психического отражения участниками процесса различных явлений окружающей действительности, которые имеют значение для правильного разрешения уголовных или гражданских дел[2].

[1] См.: Назначение и проведение судебно-психологической экспертизы: Методическое письмо. М.: Прокуратура СССР, 1980 (авторы: М.М. Коченов, А.А. Цыганова).

[2] См.: *Коченов М.М.* Введение в судебно-психологическую экспертизу. С. 14; *Он же.* Теоретические основы судебно-психологической экспертизы: Дисс. ... д-ра психол. наук. М., 1991. С. 7—8, 21.

Основания назначения судебно-психологической экспертизы. Общие основания для назначения любой, в том числе судебно-психологической, экспертизы, когда требуются специальные познания в уголовном процессе, в частности в области психологии, содержатся в ст. 78 УПК РСФСР.

Кроме того, перечисляя случаи обязательного проведения экспертизы (п. 3 ст. 79 УПК РСФСР), законодатель указывает, что экспертизу следует проводить: «для определения психического... состояния свидетеля или потерпевшего в случаях, когда возникает сомнение в их способности правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них правильные показания». Совершенно очевидно, что здесь подразумевается широкий круг психических явлений, которые являются предметом изучения не только в психиатрии, но и в психологии.

В ст. 392 УПК РСФСР законодатель упоминает об «умственной отсталости несовершеннолетнего, не связанной с душевным заболеванием», как о факторе, влияющем на способность подростка полностью сознавать значение своих действий.

Пленум Верховного Суда СССР в своем постановлении от 3 июля 1963 г. № 6 «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» обязал суды при наличии данных об умственной отсталости несовершеннолетнего правонарушителя выяснять уровень этой отсталости, его способность полностью осознавать значение своих действий и руководить ими путем проведения экспертизы «специалистами в области детской, юношеской психологии» либо экспертами-психиатрами. В этом постановлении, по существу, впервые было конкретно указано на необходимость использования в уголовном процессе специальных психологических познаний.

В постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 25 марта 1964 г. № 2 «О судебной практике по делам об изнасиловании» говорится о необходимости исследования судами беспомощного состояния потерпевшей, имевшего место не только в силу ее физического, но и в силу психического состояния, из-за которого она «не могла понимать характера и значения совершаемых с нею действий или не могла оказать сопротивления виновному».

Мысль о правомерности привлечения эксперта-психолога в ходе предварительного следствия, судебного разбирательства возникает также и при анализе п. 2 ст. 72 УПК РСФСР, которая запрещает допрашивать в качестве свидетеля «лицо, которое в силу своих... психических недостатков не способно правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них правильные показания». Очевидно, что в содержание данной статьи входит не только чисто правовой, но и специальный — психологический — критерий, установить который с научных позиций может не только специалист в области судебной психиатрии (в случае психической патологии), но и психолог, изучающий влияние на познавательные процессы (восприятие, мышле-

ние, память), речь различных отклонений от средней психической нормы, пограничных состояний психики.

В гражданском процессе также предусмотрены законные основания для проведения любой, равно как и судебно-психологической экспертизы с привлечением в качестве экспертов специалистов соответствующих отраслей знания, в том числе, разумеется, и в области психологии (ст. 74, 75 ГПК РСФСР).

Поводы назначения судебно-психологической экспертизы. В ходе расследования целого ряда преступлений возникают следственные ситуации, когда, несмотря на, казалось бы, всесторонне проведенное исследование всех обстоятельств по делу, тем не менее полностью не удается вскрыть механизм совершенного преступления, установить побудительные силы, толкнувшие человека на противоправное поведение, объяснить внешне непонятное поведение потерпевшей стороны при условии, что нет никаких сомнений относительно психической полноценности этих лиц.

В этих и подобных им случаях возникает предположение, что субъект находился в каком-то необычном психическом состоянии, поскольку действовал не совсем так, как следовало бы ожидать, совершал поступки, явно не соответствовавшие требованиям ситуации и его интересам, необъяснимые с точки зрения здравого смысла.

Естественно, в законе невозможно предусмотреть все многообразие эмоциональных, психических проявлений, существенно влияющих на поведение обвиняемых (подсудимых), потерпевших, свидетелей, различных участников гражданско-правовых споров. И тем не менее законодатель ввел ряд основополагающих понятий, наполненных довольно определенным психологическим содержанием.

В частности, в новом уголовном законе содержится более широкий и с психологической точки зрения более определенный перечень психических явлений, имеющих уголовно-правовое значение (психические расстройства, психическое принуждение, аффект, психотравмирующая ситуация, психические страдания и пр.), которые подробно рассмотрены в главе учебника, посвященной эмоциональным состояниям. В некоторые статьи УК РФ введены такие понятия и категории из области психологии, как: «психофизиологические качества» лица, причинившего вред в «экстремальных условиях», «нервно-психические перегрузки» (ст. 28), «обоснованный риск» (ст. 61) и т.п.

Выявленные в ходе допроса свидетелей, потерпевших, обвиняемых отдельные признаки упомянутых выше явлений, проявившиеся в поведении этих лиц, могут рассматриваться в качестве повода для назначения судебно-психологической экспертизы. Например, при оценке поведения обвиняемого в убийстве в качестве такого повода могут быть отдельные признаки его необычного поведения (повышенная эмоциональная возбудимость, фрагментарность восприятия обстановки, внешне наблюдаемые признаки расстройства вегетативной нервной системы, речи и т.п.).

По делам об изнасиловании поводами для назначения судебно-психологической экспертизы обычно служат признаки поведения потерпевшей в момент нападения на нее, свидетельствующие о ее психической беспомощности, не связанной с психическим заболеванием (не звала на помощь, не оказывала активного сопротивления, хотя физически могла бы это сделать и т.д.). Аналогичные обстоятельства могут стать поводом для назначения судебно-психологической экспертизы по делам о совершении мужеложества, насильственного удовлетворения половой потребности в извращенной форме.

При расследовании происшествий, связанных с управлением различными техническими устройствами, в качестве поводов для назначения судебно-психологической экспертизы могут послужить некоторые индивидуально-психологические особенности личности, психофизиологические качества оператора, несоответствующие требованиям его профессии, должностным обязанностям, отдельные поведенческие признаки, свидетельствующие о том, что он, оказавшись в условиях воздействия нервно-психических перегрузок, значительно превосходящих порог его стрессоустойчивости, проявил свою профессиональную непригодность.

По уголовным делам о совершении преступлений несовершеннолетними поводами для назначения судебно-психологической экспертизы обычно служат признаки их отставания в психическом развитии, кажущаяся безмотивность, жестокость, избыточная демонстративность их действий, признаки их педагогической запущенности.

Иногда поводами для назначения экспертизы служат сомнения следователя (суда) относительно способности свидетеля или потерпевшего правильно воспринимать важные для дела обстоятельства, давать о них показания, с психологической точки зрения соответствующие действительности.

Одним из наиболее распространенных поводов назначения судебно-психологической экспертизы служит существенная неполнота изучения индивидуально-психологических (характерологических) особенностей субъекта, совершившего тяжкое преступление, устойчивых мотивационно-смысловых образований его личности, не разобравшись в которых нельзя до конца понять причины совершенного им преступления, определить меру наказания, соответствующую содеянному.

Так же как и при расследовании преступлений, помощь судебно-психологической экспертизы может потребоваться и при разрешении гражданско-правовых споров. Поводом для ее назначения в этих случаях также могут стать любые фактические данные, имеющие отношение к психологическим аспектам поведения одной из конфликтующих сторон.

Например, при рассмотрении судом искового заявления о признании недействительности сделки поводами для назначения судебно-психологической экспертизы могут быть определенные поведенческие признаки заявителя, необычное состояние его психики в момент заключения договора, свидетельствующие о том, что он находился под

воздействием сильного эмоционального стресса, оказавшим негативное влияние на его познавательные, прогностические способности, в том числе и на способность полностью понимать значение своих действий (ст. 177 ГК РФ)[1].

Поводами назначения экспертизы по гражданским делам также могут явиться данные о сниженных интеллектуальных, познавательных способностях субъекта, который при заключении сделки оказался под влиянием заблуждения (ст. 178 ГК РФ).

Иногда сам характер спора, например: с кем из родителей после расторжения брака будет находиться ребенок, может послужить поводом для назначения судебно-психологической экспертизы с привлечением для ее проведения специалистов в области детской психологии.

При разрешении вопросов, связанных с возмещением гражданину морального вреда (ст. 151 ГК РФ), поскольку суд должен установить, что именно подтверждает факт причинения потерпевшему нравственных или физических страданий[2], в качестве повода для назначения экспертизы могут рассматриваться признаки сильных эмоциональных переживаний, психической травмы, о которых свидетельствует сам гражданин или его близкие, иные лица, наблюдавшие за ним после причиненного ему вреда.

Таким образом, как в уголовном, так и в гражданском судопроизводстве поводами для назначения судебно-психологической экспертизы могут быть любые фактические данные, имеющие отношение к решению тех или иных (спорных) вопросов, входящих в компетенцию суда, которые требуют психологического объяснения, психологической диагностики различных проявлений психики лиц, проходящих по уголовным делам, участвующих в гражданском судопроизводстве.

Поводы для назначения экспертизы должны указываться в постановлении следователя, в определении суда, на них должны обращать внимание лица (защитник, потерпевший и т.д.), ходатайствующие о проведении судебно-психологической экспертизы по делу.

§ 2. Методологические основы судебно-психологической экспертизы, ее компетенция. Основные вопросы, решаемые экспертом-психологом

Методологические основы судебно-психологической экспертизы. Методологическую основу судебно-психологической экспертизы составляют общепсихологические научные принципы: детерминизма, развития психики человека в единстве его сознания и деятель-

[1] Об использовании судебно-психологической экспертизы при разрешении гражданско-правовых споров см.: *Сахнова Т.В.* Основы судебно-психологической экспертизы по гражданским делам. М., 1997.

[2] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 1994 г. № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда».

ности, системности, что предполагает изучение его психической деятельности как единого целого. Такой подход исключает изолированное исследование отдельных проявлений психики вне их связи с другими психическими особенностями, свойствами личности. При этом любое психическое явление, свойство психики изучаются с учетом воздействия на них, на сознание человека социальной среды.

Наряду с общепсихологическими принципами на формирование методологии судебно-психологической экспертизы оказывают влияние принципы, теоретические положения правовой науки, такие, как теория доказательств, принципы законности, объективности, всесторонности исследования доказательств, принципы справедливости, гуманизма.

Методика проведения судебно-психологической экспертизы в каждом конкретном случае с учетом задач, выдвигаемых перед ней правоохранительными органами, предполагает широкий выбор различных методов исследования:

изучение материалов дела и других документов, имеющих к нему отношение;

ретроспективный психологический анализ (метод ретроспективной диагностики) происшедшего события, поведения подэкспертного лица, его психического состояния на основе диагностических признаков последнего (М.М. Коченов, О.Д. Ситковская);

знакомство с анамнестическими данными о личности подэкспертного;

беседа с ним и другими участниками процесса;

экспериментальное психодиагностическое обследование испытуемого с применением различных тестовых методик.

Методика судебно-психологической экспертизы должна содержать методы, позволяющие получать данные о динамике и содержании общего психического развития испытуемого, т.е. о формировании у него процессов познавательной активности, адаптации к социальным условиям, мотивации деятельности, о наиболее выраженных чертах его характера, особенностях эмоционально-волевой сферы[1].

С пониманием этого важного положения следует подходить представителям правоохранительных органов к оценке любого заключения судебно-психологической экспертизы. В противном случае следователь, суд не в состоянии будут отличить рассуждения, основанные на здравом смысле специалиста в области житейской, но отнюдь не научной психологии, что, к сожалению, иногда встречается на практике при рассмотрении уголовных и гражданских дел в судах.

Компетенция судебно-психологической экспертизы. В целом компетенция судебно-психологической экспертизы определяется содержанием психологической науки, ее прикладных отраслей (юридической, медицинской, инженерной психологии и т.п.). Поэтому в ее компетенцию входит исследование различных проявлений психики, психических процессов, эмоциональных состояний, индивидуально-психологических особенностей психически здоровых лиц (свидетелей, потер-

[1] *Коченов М.М.* Теоретические основы судебно-психологической экспертизы. С. 24.

певших, обвиняемых, подсудимых и т.д.), участвующих в уголовном, гражданском судопроизводстве, факторов психологического воздействия на их поведение, на принятие ими решений в различных конфликтных, экстремальных ситуациях, ставших предметом рассмотрения суда.

В компетенцию экспертизы также входит изучение «психологического содержания некоторых юридических понятий, описывающих поведение людей и его внутренние механизмы, фиксирующих временные психические состояния, изменения сознания под влиянием различных факторов» (М.М. Коченов).

В частности, при расследовании, рассмотрении уголовных дел в суде к компетенции судебно-психологической экспертизы следует отнести:

• установление индивидуально-психологических особенностей личности участников уголовного процесса, уровня их психического, интеллектуального развития, наличия у них определенных психофизиологических качеств (повышенная тревожность, внушаемость, импульсивность и т.д.), существенно повлиявших на их поведение в экстремальных условиях (в том числе при выполнении каких-либо профессиональных обязанностей), в психотравмирующих (криминальных) ситуациях повышенной сложности;

❐ диагностику состояний психической напряженности непатологического характера (тревожности, страха, стресса, аффекта и т.п.), послуживших причиной совершения противоправных действий, неадекватного поведения, например потерпевшей в опасной для ее жизни и здоровья ситуации, оператора, не справившегося со своими профессиональными обязанностями, и т.д.;

• исследование мотивационной сферы личности, составляющих ее психологических мотивов, побудивших субъекта к той или иной деятельности;

• выявление у несовершеннолетних правонарушителей с признаками отставания в психическом развитии непатологического характера способности осознавать значение своих действий и руководить ими;

• установление способности психически здоровых свидетелей, потерпевших (с учетом их индивидуально-психологических, возрастных особенностей, уровня психического развития) правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них правильные показания, что имеет немаловажное значение не только для уголовного, но и для гражданского процесса.

При разрешении гражданско-правовых споров к компетенции судебно-психологической экспертизы относится то же самое — исследование вопросов психологического характера, относящихся к индивидуально-психологическим особенностям личности участников гражданско-правовых споров, уровню их интеллектуального развития, перцептивным, познавательным способностям, эмоционально-волевой сфере. Так же, как и при расследовании уголовных дел, в компетенцию судебно-психологической экспертизы по гражданским делам входит изучение психического состояния некоторых участников процесса. Например, в случаях, когда рассматривается вопрос о признании недействи-

тельности сделки, совершенной гражданином «в таком состоянии, когда он не был способен понимать значение своих действий или руководить ими» (ст. 177 ГК РФ), либо когда субъект в результате причиненного ему морального вреда, по его словам, испытывал нравственные страдания и нужно доказать, что это было действительно так (ст. 151 ГКРФ).

Безусловно, очерченные выше границы компетенции судебно-психологической экспертизы имеют подвижный характер, поскольку с развитием психологической науки расширяются и ее возможности. Кроме того, постоянно совершенствуется законодательство, а следовательно, растут и потребности судебной практики в решении новых проблем психолого-правового характера.

В тех же случаях, когда у суда возникают сомнения в том, что по делу проходят участники процесса с пограничными психопатологическими состояниями (психопатии, неврозы, легкая степень олигофрении и т.п.), «вопрос о выборе формы экспертизы должен однозначно решаться в пользу комплексной психолого-психиатрической экспертизы»[1].

Вопросы, решаемые судебно-психологической экспертизой. Исходя из структуры предмета общей психологии, изучающей психические (познавательные) процессы, состояния, свойства личности, а также из практики использования судебно-психологической экспертизы правоохранительными органами, можно дать следующий перечень наиболее распространенных вопросов, выносимых на разрешение данной экспертизы, сгруппировав их следующим образом.

Вопросы, решаемые судебно-психологической экспертизой относительно психических процессов. Оценивая перцептивные способности свидетеля (потерпевшего и т.п.), нельзя не учитывать того, что в процессе сохранения субъектом воспринятой информации она часто на подсознательном уровне подвергается определенной переработке.

Кроме того, на сохранение информации воздействуют такие психологические факторы, как повышенная внушаемость, склонность субъекта к фантазированию (особенно у детей и подростков), эмоциональная неустойчивость, стремление субъекта заполнить пробелы памяти вымышленными образами и т.д.

И наконец, в ходе исследования перцептивных способностей свидетеля следует также оценивать и уровень владения им речью: насколько он может правильно воспроизвести прежде воспринятое.

Поэтому, принимая во внимание отмеченные выше закономерности перцептивной деятельности, можно рекомендовать постановку следующих вопросов перед экспертизой[2]:

[1] *Кудрявцев ИЛ.* Судебная психолого-психиатрическая экспертиза. М., 1988. С. 54.

[2] Здесь и далее большинство вопросов дается в редакции М.М. Коченова. См.: *Коченов М.М.* Введение в судебно-психологическую экспертизу. М., 1980; Справочник следователя. Практическая криминалистика: подготовка и назначение экспертиз: Практическое пособие. М., 1992. Вып. 3. С. 176—183.

Каковы индивидуально-психологические особенности познавательной деятельности (восприятия, памяти, мышления, воображения, внимания) свидетеля (потерпевшего)?

Имеются ли у свидетеля какие-либо индивидуально-психологические особенности, психические недостатки перцептивной деятельности, существенно снижающие его способность правильно воспринимать события (предметы) и давать о них правильные показания?

С учетом индивидуально-психологических особенностей личности свидетеля, его психического состояния в момент совершения противоправных действий обвиняемым, а также условий, в которых происходило событие, мог ли свидетель правильно его воспринимать?

Учитывая уровень интеллектуального развития, особенности мышления свидетеля, его психическое состояние в момент восприятия события, мог ли он правильно понимать его содержание и характер?

Каков уровень развития у свидетеля мышления, памяти, речи? Достаточен ли он для правильного воспроизведения обстоятельств дела?

Формулируя вопросы перед экспертом-психологом, ни в коем случае не следует забывать, что судебно-психологическая экспертиза решает вопросы сугубо психологического характера и ничего общего не имеет с проверкой правдивости свидетельских показаний, с. их правовой оценкой, что является неотъемлемой функцией органов предварительного следствия, суда.

Если рассматривается уголовное дело об изнасиловании, вопросы могут быть поставлены с учетом специфики расследования подобного рода преступлений:

Имеются ли у потерпевшей какие-либо индивидуально-психологические особенности личности, которые могли существенно воспрепятствовать пониманию ею характера и значения совершаемых с нею противоправных действий либо оказанию сопротивления обвиняемому?

С учетом индивидуально-психологических особенностей, возраста потерпевшей, ее умственного развития, перцептивных способностей, психического состояния в момент нападения на нее могла ли она правильно понимать подлинный характер и значение совершаемых с нею действий, предвидеть возможные последствия своего поведения и поведения обвиняемого?

В ходе расследования изнасилования подобные вопросы, касающиеся перцептивных, познавательных процессов, могут быть поставлены и в отношении обвиняемого (особенно молодого возраста). Такой подход допустим, когда в ходе следствия выявляются признаки «способствующего поведения» потерпевшей, по существу сыгравшего провоцирующую роль. В результате этого обе стороны могли неправильно воспринимать, интерпретировать и оценивать поведение друг друга. В подобных случаях рекомендуется проведение так называемой «двусторонней» экспертизы с использованием одинакового набора методик исследования личности как обвиняемого, так и потерпевшей (Л.П. Конышева, М.М. Коченов, О.Д. Ситковская).

Как пишет в этой связи М.М. Коченов, предмет такой судебно-психологической экспертизы «имеет существенную особенность: способность понимать психическое состояние другого человека реализуется не только рациональным, логическим путем, но и в значительной степени за счет выработанной жизненным опытом интуиции и таких психических явлений, как эмпатия, эмоциональная синтонность и т.п.»[1]. Поэтому объектами экспертизы являются не только перцептивные процессы, но и сама ситуация, повлиявшая на эти процессы, в которой оказались потерпевшая и обвиняемый.

При расследовании происшествий, связанных с управлением различными техническими устройствами, могут быть поставлены вопросы:

Соответствует ли требованиям профессиональной деятельности обвиняемого ситуация, в которой он оказался, уровень развития его мышления, внимания, перцептивных способностей?

Каким образом обстановка происшествия, психическое состояние обвиняемого в это время могли повлиять на восприятие им тех или иных обстоятельств, имеющих значение для дела?

Имеются ли у обвиняемого какие-либо недостатки перцептивной, мыслительной деятельности, которые существенно затруднили или сделали невозможной полноценную реализацию им своих профессиональных навыков в сложившейся экстремальной обстановке?

При рассмотрении гражданско-правовых споров в суде о признании недействительности сделки, совершенной под влиянием заблуждения, имеющего существенное значение, для доказывания данного факта иногда бывает целесообразно от эксперта-психолога получить ответ на следующий вопрос: имеются ли у гражданина, заключившего сделку, какие-либо особенности, недостатки мыслительной деятельности, нарушения перцептивных процессов, повлиявшие на правильное восприятие и оценку им условий договора, которые бы способствовали его заблуждению относительно последствий заключенной им сделки?

Вопросы, решаемые судебно-психологической экспертизой о психических, эмоциональных состояниях. Наиболее распространенными вопросами, которые ставятся перед экспертами-психологами для исследования различных эмоциональных, психических состояний, являются:

С учетом индивидуально-психологических особенностей личности находился ли обвиняемый (подсудимый) в момент совершения противоправных действий (указать, каких) в состоянии аффекта или в каком-либо ином эмоционально напряженном состоянии, какое влияние оно могло оказать на его сознание, поведение, способность руководить своими действиями и контролировать их?

Что послужило причиной возникновения у него аффекта (иного эмоционального состояния)?

При необходимости установить иные состояния нервно-психической напряженности, эмоционального стресса у обвиняемого, потерпев-

[1] *Коченов М.М.* Теоретические основы судебно-психологической экспертизы. С. 32.

шего, гражданского истца, влияние этих состояний на их поведение перед экспертом-психологом можно поставить следующие вопросы:

Находился ли испытуемый в период, предшествовавший совершению действий (указать каких), в состоянии повышенного нервно-психического напряжения, эмоциональной неустойчивости?

Существует ли причинная связь между психическим состоянием, в котором находился испытуемый в период, предшествовавший совершению действий (указать каких), и психическим состоянием испытуемого в момент совершения этих действий?

Если испытуемый в момент совершения инкриминируемых действий находился в состоянии повышенного нервно-психического, эмоционального напряжения, в какой мере оно повлияло на его способность понимать содержание ситуации, осознавать значение своих действий и контролировать их?

При доказывании факта невиновного причинения вреда подозреваемым перед экспертом-психологом может быть поставлен вопрос: с учетом эмоционального состояния, индивидуально-психологических (психофизиологических) особенностей личности подозреваемого, мог ли он точно соотнести свои оборонительные действия с экстремальными условиями ситуации, в которой оказался?

Если в деле имеются данные о некоторых психических аномалиях личности непатологического характера (неврозы, неврастения и т.п.), в ходе проведения судебно-психологической экспертизы исследуется влияние этих психических аномалий на состояние, сознание, поведение, формы эмоционального реагирования субъекта в конфликтных ситуациях.

Аналогичные вопросы могут интересовать суд и при рассмотрении гражданско-правовых споров о признании недействительности сделки, совершенной гражданином «в таком состоянии, когда он не был способен понимать значение своих действий или руководить ими» (ст. 177 ГК РФ).

При расследовании изнасилований, а также иных насильственных действий сексуального характера в ходе проверки версии о том, не находилась ли потерпевшая в беспомощном состоянии (ч. I ст. 131, ч. 1 ст. 132 УК РФ), на разрешение судебно-психологической экспертизы могут быть поставлены следующие вопросы:

Каково было психическое состояние потерпевшей в ситуации, составляющей содержание уголовного дела?

Могло ли психическое состояние потерпевшей препятствовать пониманию характера и значения совершаемых с нею действий или оказанию сопротивления обвиняемому?

С учетом психического состояния, индивидуально-психологических особенностей, психического развития личности потерпевшей могла ли она осознавать характер, значение совершаемых с нею действий и оказывать сопротивление?

Результаты проведенной экспертизы могут быть использованы следователем (судом) в совокупности с другими доказательствами по делу при окончательном решении вопроса о том, находилась ли потерпевшая в беспомощном состоянии или не находилась. Основная задача су-

дебно-психологической экспертизы в подобных случаях состоит в том, чтобы предоставлять правоохранительным органам психологическую характеристику и оценку психического состояния, психологических возможностей потерпевшей, но ни в коем случае не решать за них правовые вопросы.

Особые трудности при расследовании изнасилований возникают, когда потерпевшая в результате сильных потрясений, связанных с насилием, покончила жизнь самоубийством, а подозреваемый, зная об этом, отрицает факт насилия, утверждая, что самоубийство никакого отношения не имеет к «добровольно» совершенному половому акту.

В подобных ситуациях важное значение приобретает изучение с помощью эксперта-психолога характерологических особенностей потерпевшей, а также ее психического состояния после насилия и перед самоубийством: определение того, насколько ее психическое состояние предрасполагало к самоубийству и в какой мере оно явилось результатом насильственных действий подозреваемого.

При определенных индивидуально-психологических особенностях потерпевшей, ее возраста, воспитания, ценностных ориентаций, акт насилия нередко вызывает состояние глубокой депрессии, заторможенности психических процессов. Острые эмоциональные переживания, осознание непоправимости происшедшего и субъективно связанных с этим морально-этических последствий, крушение ценностных ориентаций, жизненно важных планов и надежд, определенная суженность сознания могут свидетельствовать о том, что состояние стресса достигло своего наивысшего разрушительного уровня.

Выявление причинных связей между актом насилия и совершенным самоубийством потерпевшей путем установления у нее с помощью эксперта-психолога состояния психической напряженности, обусловленного актом насилия, является важной задачей, стоящей перед следователем (судом). В подобных ситуациях факт самоубийства потерпевшей в силу ее необычного психического состояния, возникшего в результате насилия, косвенно может подтверждать это насилие (разумеется, в совокупности с другими доказательствами). Поэтому в подобных случаях перед экспертом-психологом бывает целесообразно поставить следующие вопросы:

С учетом индивидуально-психологических, возрастных особенностей потерпевшей находилась ли она после изнасилования в состоянии, предрасполагающем к самоубийству?

Если потерпевшая находилась в период, предшествовавший смерти, Б психическом состоянии, предрасполагавшем к самоубийству, чем оно могло быть вызвано?

Аналогичный вопрос может быть поставлен и при расследовании других суицидных поступков.

Вопросы, решаемые су дебно-психологической экспертизой относительно индивидуально-психологических (характерологических) особенностей, свойств личности. В качестве примерных вопро-

сов, которые могут быть поставлены перед экспертом-психологом, можно назвать следующие:

• Какие индивидуально-психологические (характерологические) особенности присущи личности испытуемого?

❐ Имеются ли у обвиняемого (подсудимого) индивидуально-психологические особенности (интеллектуальные, характерологические, эмоционально-волевые, мотивационные и др.), которые могли существенно повлиять на его поведение в исследуемой ситуации?

• Имеются ли у свидетеля (потерпевшего) психологические особенности (повышенная внушаемость, склонность к фантазированию и другие), снижающие его способность правильно воспринимать события или предметы (указать какие) и адекватно воспринятому воспроизводить увиденное (услышанное)?

При расследовании уголовных дел об автопроисшествиях, нарушениях правил техники безопасности и других тяжких по своим последствиям происшествиях, когда субъект (оператор) не справился со своими профессиональными обязанностями, перед экспертом-психологом, специалистом в области инженерной психологии могут быть поставлены следующие вопросы:

• Каким образом индивидуально-психологические особенности личности обвиняемого, его психическое состояние в момент происшествия могли оказать влияние на оценку им сложившейся ситуации, принятие решения и его реализацию?

• Каково время двигательной реакции у испытуемого, соответствует ли она требованиям, предъявляемым его профессиональной деятельностью?

• При возникающих сомнениях относительно невиновного причинения вреда, когда субъект, хотя и предвидел вредные последствия, но не сумел их предотвратить, перед экспертом-психологом целесообразно поставить вопрос: соответствуют ли психофизиологические качества испытуемого, уровень сформированности у него профессионально-психологических навыков требованиям экстремальных условий, в которых он оказался, характеру нервно-психических перегрузок?

В тех случаях, когда в совершении преступления принимали участие несовершеннолетние, в целях установления у них способности осознавать свои действия и руководить ими на разрешение судебно-психологической экспертизы могут выноситься следующие вопросы:

• Имеются ли у несовершеннолетнего правонарушителя признаки не связанного с психическим заболеванием отставания в психическом развитии или иных аномалий психического развития непатологического характера; если имеются, в чем они выражаются и какое влияние они оказали на его поведение в исследуемой ситуации?

• Мог ли он с учетом уровня своего психического развития в полной мере осознавать значение своих действий и руководить ими?

• Если несовершеннолетний правонарушитель участвовал в групповом преступлении и по материалам дела видно, что на него могла оказать сильное влияние группа, перед экспертом-психологом целесообраз-

но поставить вопрос: учитывая возрастные, индивидуально-психологические особенности личности правонарушителя, какое влияние на его поведение могли оказать члены преступной группы, находился ли он от них в психологической зависимости?

В настоящее время в связи с кардинальными изменениями общественно-экономических отношений в стране происходит активный процесс обновления законодательства. В ряде правовых актов появляются новые понятия и термины, требующие при разрешении конкретных спорных вопросов в суде установления не только правовых признаков тех или иных явлений, но и раскрытия с научных позиций их психологического содержания. К таким понятиям, требующим доказывания в процессе судопроизводства относятся, например: «временное особое психическое состояние», «длительная психотравмирующая ситуация», «психофизиологические качества», «нервно-психические перегрузки», «психическое принуждение», «обоснованный риск» и т.д.; «нравственные страдания, связанные с индивидуальными особенностями лица», «заблуждение» и т.д.; «психические недостатки», «правильное восприятие», «психическое состояние» свидетеля, потерпевшего и т.д.

Для психологической диагностики этих и других подобных им понятий применительно к конкретным обстоятельствам того или иного уголовного или гражданского дела также может потребоваться помощь специалистов-психологов. В подобных случаях вопросы перед экспертами формулируются применительно к тому или иному исследуемому психологическому явлению. Например:

• Каковы психологические критерии оценки понятия «длительная психотравмирующая ситуация»? Являлась ли с психологической точки зрения ситуация (указываются конкретные обстоятельства), в которой оказался обвиняемый, для него психотравмирующей? Какое влияние она оказала на его сознание, поведение, способность контролировать свои действия?

• Учитывая индивидуально-психологические особенности личности обвиняемого, являлись ли для него обстоятельства, составляющие содержание уголовного дела (указываются конкретно), экстремальными?

• Каковы психологические мотивы, составляющие содержание мотивационной сферы личности обвиняемого, побудившие его совершить противоправные действия?

Безусловно, это далеко не исчерпывающий перечень вопросов. В каждом конкретном случае их форма, редакция в пределах научной компетенции судебно-психологической экспертизы могут меняться в зависимости от обстоятельств дела, задач, решаемых судом. Главное, формулируя вопросы перед экспертом-психологом, необходимо видеть психологическое содержание того или иного явления, ставшего предметом судебного разбирательства.

§ 3. Подготовка, назначение, использование судебно-психологической экспертизы следователем (судом)

Подготовка судебно-психологической экспертизы. Качество и результативность судебно-психологической экспертизы во многом определяются подготовительной работой, которая включает в себя:

Сбор материалов, необходимых для проведения экспертизы. Следователь (суд), предвидя возможность проведения судебно-психологической экспертизы, направляет свои усилия на получение объективной информации о личности обвиняемого (потерпевшего, свидетеля) и ситуации, имеющей значение для всестороннего изучения обстоятельств совершенного преступления.

Информация о личности испытуемого. В зависимости от целей, которые стоят перед экспертизой, в ходе изучения личности индивида собираются сведения о том, как он рос, развивался, какие имеются неблагоприятные наследственные факторы, каким образом и в чем конкретно проявлялись особенности его нервной системы, психики, какие наблюдались у него заболевания, психические отклонения на разных этапах развития.

При выявлении данных о типологических особенностях высшей нервной деятельности испытуемого необходимо обращать внимание на его поведение не только в обычных условиях, но и, что не менее важно, в ситуациях повышенной сложности, когда роль навыков, умений, опыта значительно уменьшается, а роль врожденного фактора — природной организации нервной системы — возрастает.

Особое значение имеет изучение процессов формирования психологических особенностей личности, сознания человека под влиянием воспитания, образования, общения.

В ходе изучения развития сознания субъекта следует уделять внимание так называемым критическим возрастным периодам жизни человека, когда значительно обостряется чувствительность нервной системы к различным средовым воздействиям.

В процессе расследования собираются сведения об индивидуально-психологических особенностях личности, проявляемых в разнообразных видах деятельности. Эти свойства личности определяются отношением субъекта к различным явлениям окружающей действительности. Прежде всего обращается внимание:

- на отношение испытуемого к окружающим людям, насколько он общителен, активен, разборчив в установлении межличностных контактов, с кем поддерживает знакомства; его положение и роль в неформальной группе;
- характер его отношений с родителями; какими воспитательными средствами пользовались родители, боялся ли он их в детстве, насколько был зависим от них; были ли у него побеги из дома, их поводы; есть ли братья, сестры, отношения с ними; если женат, как часто возникали ссоры с женой, их поводы и причины;

• эмоциональные реакции в связи с неприятными происшествиями в коллективе, семье; степень сопереживания, эмоционального реагирования, чуткость, доброта, отзывчивость, садистские наклонности и пр.;

• отношение к себе, самооценка (адекватная, завышенная, заниженная); уровень притязаний и его соотношение с реальными способностями и возможностями; отношение к своим телесным ощущениям, здоровью, лечению; жизненные планы, отношение к своему будущему; насколько испытуемый аккуратен в быту, у себя дома, на рабочем месте;

• отношение к различным видам деятельности; успехи в учебе, где и как учился; способности к усвоению нового материала, склонности к учебным дисциплинам;

• поведение испытуемого, совершал ли он правонарушения, их характер, мотивы совершения правонарушений; наблюдались ли у него агрессивные формы поведения; в одиночку или в группе сверстников совершал противоправные действия; физическая активность; проявлялась ли лживость в отношениях со старшими, сверстниками; смел или труслив; насколько способен к самостоятельному принятию решений; степень настойчивости в достижении поставленных целей;

• как характеризуется его поведение в целом; не отличается ли оно манерностью, демонстративностью; не замечались ли за ним суицидные попытки или высказывания подобного рода; не свидетельствуют ли его поступки о проявлениях упрямства, немотивированного негативизма;

• увлечения, любимые занятия;

❒ употребляет ли алкогольные напитки, наркотики, как их переносит;

❒ сексуальные отношения; когда начал половую жизнь; наблюдались ли какие-либо отклонения в поведении сексуального характера;

• обычное настроение (приподнятое, ровное, депрессивное и т.д.), его устойчивость; характер эмоций; динамика эмоциональных состояний, их продолжительность, глубина.

Информация о ситуации, имеющей значение для всестороннего изучения особенностей личности испытуемого. При исследовании *аффектогенной ситуации* рекомендуется выяснять:

• характер поступков окружающих, их высказывания, затрагивающие самооценку обвиняемого, травмирующие его психику;

• обстоятельства, угрожающие физическому состоянию человека;

• характер неожиданно возникшего раздражителя, непосредственно предшествовавшего противоправным действиям (внезапное нападение, грубое оскорбление и т.п.); в некоторых случаях — характер длительно травмирующей обстановки (стойкие неприязненные отношения с потерпевшим, длительные систематические унижения и издевательства со стороны последнего);

• фактор субъективной значимости, эмоциональной окрашенности обстановки совершения преступления, субъективного восприятия ситуации в качестве безвыходной, трудно разрешимой; была ли необходимость быстрого принятия решения в сложной, конфликтной ситуации.

При изучении *стрессогенной конфликтной ситуации* выясняются внешние факторы, воздействовавшие на субъекта. Ими могут быть: условия среды обитания (радиация, газовые примеси, шум, вибрация), а также раздражители, связанные с социальными условиями (неблагоприятный социальный микроклимат в семье, коллективе, частые конфликты с родными, близкими, сослуживцами, грубость, оскорбления с их стороны и т.п.).

В ходе расследования выявляются ситуационно обусловленные признаки; субъективно воспринимаемая в качестве реальной угроза жизни, здоровью, благополучию человека; необычность, неопределенность обстановки; неблагоприятное социальное воздействие, вызывающее чувство внутреннего дискомфорта; общественное порицание, противоречащее оценке субъектом своего места и значения в группе, создающее отрицательный эмоционально окрашенный фон восприятия действительности.

По делам о происшествиях, связанных с управлением техникой, особое внимание обращается на степень сложности, необычности ситуации, различных объективных обстоятельств, затруднивших деятельность оператора.

Выбор эксперта. К выполнению обязанностей эксперта-психолога, как правило, допускаются специалисты с высшим психологическим образованием, работающие в области психологии (имеющие ученую степень в области психологии). Чтобы убедиться в компетентности специалиста необходимо выяснить: в какой отрасли психологии он работает и соответствует ли круг его профессиональных, научных знаний содержанию вопросов, выносимых на разрешение экспертизы; каков стаж его работы в области психологии и экспертной деятельности, его профессиональные, научные возможности.

Назначение судебно-психологической экспертизы. Экспертиза должна назначаться и проводиться своевременно, как только возникли вопросы, для разрешения которых требуются специальные познания, и достаточно полно собраны материалы, необходимые для составления заключения.

В постановлении следователя, определении суда о назначении судебно-психологической экспертизы в описательной части излагаются обстоятельства дела, указываются те признаки в поведении лица, его характерологические особенности и т.п., которые являются элементами предмета юридической (общей, инженерной и т.п.) психологии, рассматриваются в качестве повода для назначения экспертизы.

Аналогичный подход должен быть и к составлению ходатайства защиты о проведении судебно-психологической экспертизы по делу.

Взаимодействие и процессуальные отношения между следователем и экспертом-психологом обычно устанавливаются сразу же после ознакомления последнего с постановлением о назначении экспертизы и разъяснения ему его процессуальных прав и обязанностей. Следователь совместно с экспертом уточняет вопросы, определяет место и сроки производства экспертизы.

В распоряжение эксперта направляются: обвиняемый (потерпевший, свидетель) и материалы уголовного дела с постановлением о назначении экспертизы.

Использование заключения судебно-психологической экспертизы. Экспертное заключение должно содержать психологическую оценку тех или иных явлений, интересующих органы правосудия. Эта оценка может выражаться либо в психологической диагностике, квалификации исследованных фактических данных, либо в аргументированных суждениях об отношении выявленных фактов к интересующим правоохранительные органы событиям[1].

Использованию заключения экспертизы предшествует его оценка следователем, судом, которые знакомятся с ним, обращая внимание на то, насколько оно соответствует полученному заданию. Также оценивается научный уровень заключения, аргументированность содержащихся в нем выводов, в каком объеме экспертами использованы предоставленные материалы, даны ли исчерпывающие ответы на поставленные вопросы; насколько полно описана в заключении проделанная ими работа, какие методы исследования применялись.

В своем заключении эксперты-психологи должны не только указать, какие исследования провели и получили результаты, но и научно обосновать свои выводы.

В уголовном процессе заключение судебно-психологической экспертизы используется следователем (судом) в следующих случаях.

При изучении механизма совершенного преступления. Содержащаяся в заключении информация о личности испытуемого помогает понять динамику, мотивы преступления, увидеть подлинные причины, способствовавшие совершению противоправных действий.

При доказывании и квалификации содеянного. Заключение судебно-психологической экспертизы является одним из доказательств фактических обстоятельств, имеющих значение по делу. Например, установленный в помощью эксперта-психолога доказательственный факт о психологических особенностях и эмоциональном состоянии обвиняемого в момент совершения противоправных действий может являться одной из многочисленных посылок для выводов о субъективной стороне преступления, о форме вины, мотивах преступления, т.е. для правильной квалификации содеянного, а иногда и служить доказательством, подтверждающим отсутствие состава преступления по уголовным делам о превышении необходимой обороны, по делам об авариях, катастрофах на транспорте, производстве.

Кроме того, судебно-психологическая экспертиза может быть использована как способ установления фактов, имеющих значение для более качественного проведения других экспертных исследований. Например, результаты, полученные в ходе проведения судебно-психологической экспертизы о времени двигательной реакции и особенностях восприятия водителя могут использоваться в ряду других исходных

[1] *Коченов М.М.* Теоретические основы судебно-психологической экспертизы. С. 24.

данных при проведении автотехнической экспертизы при решении вопроса о наличии (отсутствии) у водителя технической возможности предотвратить наступление вредных последствий в конкретных дорожных условиях.

При необходимости проверить факт невиновного причинения вреда лицом, которое хотя и предвидело наступление вредных последствий, но не могло предотвратить их в результате несоответствия своих психофизиологических качеств нервно-психическим перегрузкам, экстремальным условиям, в которых оно оказалось.

Для установления обстоятельств, смягчающих наказание, например, при совершении преступления под влиянием аффекта, иного состояния эмоциональной, психической напряженности, при обнаружении у обвиняемого (подсудимого) признаков отставания в психическом развитии, не исключающих вменяемости.

В целях применения справедливых мер уголовно-правового характера в отношении виновных в совершении преступлений с учетом их личности (см. ч. 1 ст. 6 УК РФ).

В тактических целях: для установления психологического контакта во время допроса, проведения других следственных действий; для изобличения допрашиваемого во лжи, а также для выяснения причин неумышленного искажения фактов свидетелем.

В заключениях судебно-психологической экспертизы содержится обширная информация об особенностях лиц, склонных к конфликтным отношениям, трудно адаптирующихся к социальным условиям. Полученные сведения широко используются в профилактической, разъяснительной, воспитательной работе с различными категориями граждан.

В гражданском судопроизводстве возможности судебно-психологической экспертизы пока еще используются недостаточно. Однако и здесь ее заключения могут оказать существенную пользу при разрешении споров о признании сделок недействительными, о компенсации морального вреда, о праве на воспитание детей и т.п.

Таким образом, судебно-психологическая экспертиза является важным средством получения доказательств — фактических данных о психологических особенностях, свойствах личности обвиняемого (подсудимого), потерпевшего, гражданского истца, свидетеля. С помощью судебно-психологической экспертизы создаются необходимые условия для наиболее полного исследования субъективной стороны преступления, объективной оценки показаний свидетелей, потерпевших, обвиняемых (подсудимых), выявления обстоятельств, смягчающих наказание виновному, данных, характеризующих его личность, а также для установления психологических причин и условий, способствовавших совершению преступлений.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Что является предметом судебно-психологической экспертизы?
2. В чем состоит отличие оснований от поводов назначения судебно-психологической экспертизы?

3. Назовите наиболее распространенные методы, используемые экспертом-психологом при проведении экспертизы.

4. Чем определяется компетенция судебно-психологической экспертизы, научная компетенция эксперта?

5. Решение каких вопросов входит в компетенцию эксперта-психолога по уголовным делам о преступлениях против жизни и здоровья граждан?

6. Какие вопросы могут исследоваться экспертом-психологом при рассмотрении гражданско-правовых споров в суде?

7. Может ли эксперт-психолог высказывать свое мнение о правдивости свидетельских показаний? Обоснуйте вашу точку зрения.

8. Из чего складывается подготовка судебно-психологической экспертизы?

9. Каким требованиям должны отвечать постановление следователя, определение суда, ходатайство адвоката о назначении судебно-психологической экспертизы по делу?

10. В каких целях используется заключение судебно-психологической экспертизы?

Р А З Д Е Л Т Р Е Т И Й

КРИМИНАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Глава 8
ПСИХОЛОГИЯ ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ (ПСИХОЛОГИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ)

Общие понятия: деятельность, поведение, действия. Преступное деяние. Виды действий (движений). Потребности, потребностное состояние, мотивы и цели деятельности. Мотивационная сфера личности. Этапы преступного поведения: мотивационный и этап реализации принятого решения. Соотношение результатов и цели преступной деятельности. Психологические особенности преступного поведения при различных формах вины.

§ 1. Общая психологическая характеристика деятельности

Данная глава открывает один из центральных разделов, посвященных криминальной психологии, который включает в себя вопросы, традиционно относящиеся к психологическим проблемам преступного поведения, психологическим особенностям умышленных и неосторожных преступлений. В разделе рассматриваются психологические закономерности совершения групповых преступлений, функционирования различных преступных групп и сообществ, психологические методы борьбы с групповой преступностью, психология личности преступника.

Приступая к изложению перечисленных выше вопросов, прежде всего остановимся на общей психологической характеристике такого фундаментального понятия, как деятельность, которое разрабатывается в социальной психологии и является одним из основополагающих для юридической (криминальной) психологии.

1. С точки зрения психологии любое правонарушение, любое преступление можно рассматривать как особый вид деятельности, определенной социальной активности человека, проявляющейся в специфических формах противоправного поведения, в котором выражаются отношение субъекта к социальным ценностям, особенности его психики, индивидуально-психологические свойства, мотивационная сфера личности, психическое состояние.

Анализируя психологические особенности преступления, кем бы оно ни совершалось, мы не можем не опираться на такие фундаментальные психологические понятия, как деятельность, поведение, действия, мотивы и цели деятельности.

Под *деятельностью в психологии понимается та или иная (внутренняя или внешняя) активность человека, направленная на достижение поставленной цели.* Как писал С.Л. Рубинштейн, «специфическая особенность человеческой деятельности заключается в том, что она *сознательна* и *целенаправленна.* В ней и через нее человек

реализует свои цели, объективирует свои замыслы и идеи в преобразуемой им действительности»[1].

Деятельность человека связана многообразными узами с деятельностью окружающих его людей, жизнью всего общества, с общественными отношениями[2]. Деятельность включена в систему социальных ожиданий, ориентирована на то, как ее примет общество. Поэтому любая целенаправленная деятельность человека, даже та, которая со стороны выглядит сугубо индивидуальной (например, труд художника, писателя и т.п.), по своей природе глубоко *социальна.*

В деятельности, через нее человек реализует себя как личность. В ней формируются и проявляются его психические свойства, особенности личности.

Другим присущим деятельности признаком является ее *предметность.* То есть любая (в том числе, разумеется, и противоправная) деятельность наполнена своим внутренним, конкретным смысловым содержанием, направлена к определенной цели, а «предметы, существующие в окружающем человека мире или подлежащие реализации в нем, становятся целями человеческой деятельности через соотношение с ее мотивами»[3].

Будучи активным субъектом деятельности, человек активно включается в общественные, межличностные отношения, тем самым занимает определенную позицию относительно других людей, общества в целом, социальных ценностей. На этой стадии, как обращает внимание на данную закономерность С.Л. Рубинштейн, деятельность приобретает новый специфический аспект, становясь поведением.

Таким образом, *поведение — это внешнее проявление деятельности, действий человека, процесс взаимодействия с окружающей средой, опосредованный его внешней (двигательной) и внутренней (психической) активностью.* В поведении выражается его отношение к нравственным, моральным, правовым нормам, традициям, существующим в обществе. По поведению судят о личностных особенностях субъекта.

Предметом специального изучения юридической психологии является противоправное, *преступное поведение,* которое имеет все вышеназванные элементы. Однако оно по своей антиобщественной направленности, способам достижения цели существенно отличается от обычного поведения человека, не вступающего в конфликт с нормами права. Эта антиобщественная направленность преступного поведения особенно заметна, когда приходится анализировать процессы мотивации, целеполагания, принятия решения, выбора средств достижения поставленных целей и практической реализации преступного замысла при совершении преступлений с различными формами вины.

[1] *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. Т. II. С. 8.
[2] См.: *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975. С. 82.
[3] *РубинштейнС.Л.* Указ. соч. С. 8.

Своеобразной единицей поведения человека является *поступок*. «Поступком в подлинном смысле слова является не всякое действие человека, а лишь такое, в котором ведущее значение имеет сознательное отношение человека к другим людям, к обществу, к нормам общественной морали»[1]. Более того, поступком может быть и воздержание субъекта от каких-либо действий (или, как говорят юристы, бездействие), если в этом воздержании (бездействии) проявляется его позиция, отношение к происходящим явлениям.

Кроме того, рассматривая деятельность, мы не можем не видеть две ее стороны: внутреннюю (психическую) и внешнюю (физическую) предметную сторону. Осознание субъектом предстоящей деятельности, мысленное перемещение его в связи с этим во времени и пространстве называется *интериоризацией* (превращением во внутреннее). Процесс интериоризации может протекать как на вербальном уровне, так и свернуто в виде мысленных образов. Напротив, внешнюю, предметную, сторону деятельности следует рассматривать как *экстериоризацию* внутренней, психической стороны деятельности.

Эти обе стороны деятельности неразрывно связаны между собой. «Внешняя сторона — движения, с помощью которых человек воздействует на внешний мир, — определяется и регулируется внутренней (психической) деятельностью, мотивационной, познавательной и регуляторной... Вся эта внутренняя, психическая деятельность направляется и контролируется внешней, которая обнаруживает свойства вещей, процессов, осуществляет их целенаправленные преобразования, выявляет меру адекватности психических моделей, а также степень совпадения полученных результатов и действий с ожидаемым»[2].

Все эти процессы лежат в основе формирования умысла лица в ходе подготовки и совершения им преступления, поскольку преступление представляет собой разновидность деятельности, главной особенностью которой является ее антиобщественная направленность.

2. Неотъемлемым элементом деятельности является *потребность* человека, которая служит источником его активности, предваряющей собственно саму деятельность. *Потребность, приобретшая побудительную силу, направляющую деятельность, становится ее мотивом.* Как писал А.Н. Леонтьев, «деятельности без мотива не бывает; «немотивированная» деятельность — это деятельность не лишенная мотива, а деятельность с субъективно и объективно скрытым мотивом»[3]. Данное положение имеет исключительно важное значение для понимания проблемы так называемых безмотивных преступлений, к которой мы еще вернемся.

Чтобы активность приобрела характер деятельности независимо от ее направленности, перед человеком должна стоять *цель.* Только в этом случае можно говорить о целенаправленной деятельности. *Процесс це-*

[1] *Рубинштейн С.Л.* Указ. соч. С. 9.
[2] Общая психология / Под ред. А.В. Петровского. 3-е изд. М., 1986. С. 105—106.
[3] *Леонтьев А.Н.* Указ. соч. С. 102.

леобразования может иметь различные временные интервалы, завершаясь постановкой общей цели в виде некоего *образа будущего результата* (продукта) деятельности. Однако на пути достижения этой общей цели субъект может намечать более конкретные (частные) цели, соотнося их с общей целью.

Данный процесс целеобразования в большей мере присущ видам деятельности с высоким уровнем организации. В деятельности с относительно низким уровнем организации, с четко выраженной ориентацией на быструю реализацию возможностей в какой-то предметной ситуации доминирующей формой целеобразования является постановка конкретных целей.

Детерминантой выбора целей в том и другом случае является такое важное личностное образование, *как уровень притязаний.* Значительно завышенный уровень притязаний, неадекватная самооценка личности нередко приводят к тому, что субъект ставит перед собой (с точки зрения своих способностей и объективных условий) реально недостижимые цели. Крах в достижении этих целей может вызвать у субъекта состояние фрустрации, обострить состояние психической напряженности, служить причиной развития конфликтных отношений с окружающими и провоцировать агрессивные (противоправные) формы поведения.

Серьезные нарушения процессов целеобразования обычно свидетельствуют о психической незрелости человека, его инфантильности, легкомыслии и даже о возможных расстройствах и нарушениях его психики.

3. Единицей деятельности является действие. С помощью действий осуществляется та или иная деятельность. Совокупность действий может составлять определенный вид деятельности.

Под действием в психологии понимается относительно законченный элемент деятельности, направленный на выполнение какой-то одной, простой текущей задачи, на достижение той или иной конкретной (частной) цели.

В основе действия лежат *побуждения* в виде различных потребностей, интересов, которые становятся для субъекта мотивом как только появляется цель. Поэтому в мотивах отражаются побуждения индивида.

Отдельные действия могут распадаться на более мелкие, или, как их называет С.Л. Рубинштейн, «частичные действия» (операции).

В уголовном законе (ст. 14 УК РФ) употребляется специфический термин — «деяние». *Деяние* с точки зрения науки уголовного права — это поведение, поступок человека в «форме действия или бездействия». А под действием понимается общественно опасное, волевое, активное поведение[1].

По тому, как человек управляет своими действиями, как контролирует их, можно выделить следующие действия.

[1] Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. А.В. Наумова. М., 1996. С. 53, 64.

Инстинктивные действия. Они инициируются органическими импульсами и осуществляются вне сознательного контроля. Обычно они наблюдаются в раннем детском возрасте.

Рефлекторные, или ***действия-реакции.*** Они совершаются рефлекторно. Такие действия также не подвергаются сознательной регуляции. Типичным примером подобных действий может служить непроизвольное отдергивание руки от источника тока, горячего предмета и т.д.

Как те, так и другие действия не представляют особого интереса с правовой точки зрения. Поэтому они не рассматриваются в юридической психологии.

Импульсивные действия. Данный вид действий наблюдается у лиц, находящихся в состоянии сильного, чаще аффективного возбуждения. Поэтому их еще называют *импульсивно-аффективные действия.* Подобное аффективное действие (действия) — разрядка «определяется не целью, а только причинами, его порождающими, и поводом, его вызывающим»[1]. Поэтому целенаправленный, волевой контроль за ними, их регуляция в момент аффективной вспышки, во время их совершения могут оказаться для субъекта непосильными. Импульсивные действия легче предвидеть и не допустить, чем регулировать их силу и направленность во время совершения, особенно в тех случаях, когда субъект находится в состоянии аффекта, достигшего стадии кульминации.

Возможность совершения преступлений против жизни и здоровья граждан с использованием импульсивно-аффективных действий учтена законодателем при конструировании некоторых уголовно-правовых норм (см. ст. **107, 113** УК **РФ).**

Волевые действия. В отличие от описанных выше волевые действия четко осознаются и регулируются субъектом. Они целенаправленны. Их совершению предшествуют выбор цели, процессы мотивации, принятие решения. Прогнозируются (предвидятся) результаты, которые должны или могут наступить после их выполнения. По ходу их совершения лицо в состоянии вносить определенные коррективы в свое поведение.

И тем не менее в зависимости от ситуации, уровня эмоционально-волевой устойчивости субъекта волевые действия могут при определенных условиях перерастать в импульсивно-аффективные действия, в том числе они могут проявиться в качестве замещающих действий, основное назначение которых снять эмоциональное напряжение с помощью аффективной разрядки.

4. Действия человека складываются из совокупности *движений,* каждое из которых представляет собой единицу анализа психики[2].

Движения, как и действия, развертываются во времени и в пространстве. Поэтому они поддаются измерениям, имеют разные динами-

[1] *Рубинштейн С.Л.* Указ. соч. С. 18.

[2] См.: *Гордеева Н.Д., Зинченко В.П.* Функциональная структура действия. М., 1982. С. 23.

ческие характеристики по скорости, силе, темпу, ритму, координации, точности, пластичности и т.д.

В психологии движения подразделяются на *непроизвольные* и *произвольные*. С помощью последних совершаются волевые действия с прямым или косвенным умыслом.

Основными видами движений являются: движения, связанные с изменением позы тела; движения связанные с передвижением (походка, осанка и пр.); выразительные движения лица, тела (мимика, пантомимика); семантические (смысловые) движения в виде жестов и т.п.; речь как моторная функция в ее динамике (ритмика, интонация, артикуляция и т.д.); рабочие движения, необходимые в различных видах трудовой деятельности (С.Л. Рубинштейн).

Некоторые действия под влиянием упражнений приобретают автоматизированный характер в виде динамического стереотипа (по И.П. Павлову), становятся устойчивым *навыком*. Юристу в своей профессиональной деятельности необходимо обращать внимание на те или иные действия (движения) лиц, с которыми ему приходится вступать в общение, на их навыки поведения.

Движения соединяют человека с предметным миром, с различными жизненными ситуациями, которые наполнены динамическими процессами. Вот почему, если в целях познания истины по делу нужно, чтобы допрашиваемый вспомнил какие-то важные обстоятельства, его просят подробно (по существу, разложив на отдельные действия, движения) рассказать, как он, например, шел, куда свернул, сколько сделал примерно шагов в сторону и т.д. Причем иногда, чтобы активизировать мнемические процессы, допрашиваемому предлагается воспроизвести последовательность своих действий не только в прямой последовательности, но и в хронологически обратном порядке.

Расчленение действий на отдельные движения может происходить и во время следственного эксперимента, когда следователь предлагает, к примеру, подозреваемому в умышленном убийстве, объясняющему случившееся своим неосторожным обращением с оружием, показать — движение за движением, — как тот обращался с оружием, каким образом мог «случайно» задеть за спусковой крючок и произвести выстрел.

В подобных случаях подозреваемый по инициативе следователя совершает этот своеобразный, скрытый от поверхностного взгляда, переход от образов-действий к демонстрации «живых движений» в виде чисто механических действий с сопутствующими этим действиям мнемическими процессами, эмоционально-волевыми проявлениями и т.п., т.е. происходит то, что называется процессом экстериоризации.

Таковы наиболее общие слагаемые любой деятельности человека, которые также можно увидеть и при анализе противоправной деятельности, преступного поведения, преступных действий. Поэтому перейдем к их более подробному рассмотрению.

§ 2. Психологический анализ преступного поведения при различных формах вины

1. В литературе нередко встречается употребление терминов *«преступное поведение»* и *«преступление»* в качестве синонимов. Однако такое словоупотребление будет не совсем точным, поскольку преступное поведение — понятие более широкое, включающее не только само преступление как общественно опасное, противоправное деяние (действие или бездействие), «но и его истоки; возникновение мотивов, постановку целей, выбор средств, принятие субъектом будущего преступления различных решений и т.д.»[1].

Анализируя с психологической стороны преступное поведение, следует видеть не только само преступление, но и его связи с внешними факторами, а также «внутренние, психические процессы и состояния, детерминирующие решение совершить преступление, направляющие и контролирующие его исполнение». Как пишет В.Н. Кудрявцев, преступное поведение — это процесс, развертывающийся во времени и пространстве, «включающий не только сами действия, изменяющие внешнюю среду, но и предшествующие им психологические явления и процессы, которые определяют генезис противоправного поступка»[2].

2. Если схематически представить себе процесс формирования и проявления преступного поведения субъекта, умышленно совершившего преступление, то такой процесс условно можно разделить на два основных этапа.

/ этап — мотивационный. На данном этапе у субъекта под воздействием возникшей потребности формируется весьма активное *потребностное состояние,* которое может затем перейти в *мотив противоправного поведения,* особенно в тех случаях, когда возникшая потребность не может быть реализована законным способом.

На данном этапе нередко происходит *борьба мотивов.* Процессу мотивации, содержанием которого является борьба мотивов на совершение преступления, сопутствуют процессы целеобразования, выбор объекта, на который субъект планирует направить свои преступные действия. Первоначально мотивы и цели могут и не совпадать. Однако в последующем возможен своеобразный сдвиг мотивов на цель.

Своеобразным завершением данного этапа является *прогнозирование,* протекающее либо в развернутом виде с мысленным проигрыванием ролей-образов, либо в сжатом, свернутом виде, и затем —*принятие решения.*

После того как решение принято, оцениваются условия, в которых будут совершаться противоправные действия с точки зрения того, насколько они будут способствовать достижению поставленных целей, подыскиваются, выбираются средства и способы, орудия совершения пре-

[1] Механизм преступного поведения / Отв. ред. В.Н. Кудрявцев. М., 1981. С. 31.
[2] Там же. С. 30—31.

ступления. В случае готовящегося группового преступления распределяются роли с их функциональными обязанностями среди его участников.

3. Поскольку сердцевиной данного мотивационного этапа является формирование мотивации преступного поведения, остановимся более подробно на данном процессе[1].

Проблема возникновения и формирования мотивов противоправного поведения имеет многоплановый характер и может быть специально исследована в зависимости от вида преступления и других обстоятельств. Особый интерес представляют наиболее общие закономерности возникновения и формирования мотивов преступления. При этом в мотивационных процессах можно выделить следующие наиболее важные этапы.

Появление потребности как источника активности личности. Возникновению мотивов любой, в том числе противоправной, деятельности, как правило, предшествует появление определенной потребности. Вначале эта потребность может существовать безотносительно к тем объектам, с помощью которых она может быть удовлетворена. В последующем происходит «опредмечивание» данной потребности под воздействием тех объектов внешнего мира, которые воспринимаются лицом и отражаются в его сознании. «До своего первого удовлетворения, — писал А.Н. Леонтьев, — потребность «не знает» своего предмета, он еще должен быть обнаружен. Только в результате такого обнаружения потребность приобретает свою предметность, а воспринимаемый (представляемый, мыслимый) предмет — свою побудительную и направляющую деятельность функцию, т.е. становится мотивом»[2].

В результате переживания субъектом возникшей потребности как своей, личностно значимой, появляется особое, актуальное для данного субъекта *потребностное состояние.* Оно все с большей силой оказывает влияние на отношение субъекта к объектам (предметам), способным удовлетворить эту потребность, что может служить основой зарождения в дальнейшем «напряженного мотивационного поля», «функционально-энергетического, динамического потенциала человека»[3]. При этом потребностное состояние не обязательно должно содержать в себе признаки противоправности. В последующем при значительном расхождении потребностного состояния с возможностями удовлетворения потребности могут появиться отрицательные эмоции как одна из предпосылок конфликтного противоправного поведения.

Потребностное состояние не является чем-то застывшим, заранее запрограммированным. Под воздействием различных субъективных и внешних факторов потребности могут изменять свою напряженность, угасать и воспроизводиться вновь, персонифицироваться в соответствии с основными структурами личности — мировоззрением, ценностными ориентациями и т.д. Потребности в онтогенезе личности претерпевают

[1] Подробнее см.: Криминальная мотивация / Под ред. В.Н. Кудрявцева. М., 1986. С. 116—125.

[2] *Леонтьев А.Н.* Указ. соч. С. 190.

[3] *Асеев В.Г.* Мотивация поведения и формирование личности. М., 1976. С. 79, 83—84.

внутреннюю перестройку. Искажение отдельных потребностей личности, нарушение их соотношения между собой ведут к формированию двух видов систем потребностей: дисгармоничной и деформированной[1]. Первая предполагает доминирование одних потребностей над другими, вторая — гипертрофию отдельных потребностей или их извращение.

Понятно, что сама по себе потребность, например в материальном достатке, не может оцениваться отрицательно. Иное дело, когда та же потребность под воздействием негативных влияний среды и антиобщественного мировоззрения, оправдывающего хищения, злоупотребления служебным положением, деформируется.

Таким образом, потребностная сфера большинства правонарушителей характеризуется нарушением равновесия между различными видами потребностей и способами их удовлетворения, преобладанием в ее структуре духовно обедненных, асоциальных потребностей, которые существенно превосходят нормальные потребности этих лиц и в случае борьбы мотивов могут «перевесить», отрицательно повлияв на выбор целей и средств деятельности.

Переход потребности в мотив противоправного поведения. Одна и та же потребность в сознании различных людей оценивается по-разному. Субъективная значимость потребности может и не совпадать с ее объективным значением в общественном сознании. В зависимости от того, какое значение придает ей конкретный человек, она либо становится побудительной силой (мотивом), либо постепенно утрачивает свое актуальное значение.

Именно в человеческой пристрастности, субъективной значимости той или иной потребности человека во многом кроется секрет понимания на первый взгляд «загадочных» мотивов некоторых преступлений. Кому выгодно совершенное преступление (иначе: кто заинтересован в его результате?) — узловой вопрос, на который необходимо получить ответ в ходе следствия. Выявление интересов и потребностей, которые могут быть удовлетворены с помощью преступления, помогает определить круг лиц, возможно причастных к его совершению, обоснованно наметить версии о подозреваемых.

Вот почему преступник стремится скрыть свои истинные потребности и то значение, *личностный смысл,* которые он придает им и своим действиям, направленным на их удовлетворение. Он не заинтересован раскрывать их низменный характер и даже тогда, когда личность его известна органам следствия. Нередко, признавшись в совершенном преступлении, виновные упорно отказываются называть истинные побуждения, прикрывая их от общества и своего окружения менее порицаемыми побуждениями. Это — своеобразная психологическая защита, самооправдание, перенос ответственности за происшедшее на потерпевшего, приписывание себе благородных мотивов, стремления к справедливости и пр.

[1] См.: *Кудрявцев В.Н.* Правовое поведение: норма и патология. М., 1982. С. 161.

Например, при изучении группы расхитителей, совершавших преступления по корыстным мотивам, были получены данные, свидетельствующие о том, что они высоко оценивали себя по таким противоположным характеру их действий качествам, как « бескорыстный», «щедрый». У лиц, совершивших насильственные преступления (хулиганы, убийцы) наблюдались завышенные самооценки по качествам, характеризующим «вежливое», «предупредительное», «доброжелательное» отношение к людям. Подобные самооценки, прикрывающие низменные побуждения (мотивы), были установлены и в других группах преступников, приукрашивающих личностный смысл совершения преступлений борьбой «за правду», справедливость и т.п.

Таким образом, личностный смысл самооценок преступников имеет как бы две стороны: одну для себя (своеобразный «рабочий вариант») и другую — для окружающих, выполняющую тактическую (скрыть истинные побуждения от органов правосудия, чтобы смягчить меру наказания) и нравственно-психологическую (оправдать свои поступки перед ближайшим окружением) функции.

На процесс преобразования потребности в мотив преступного поведения, помимо ее личностного смысла для субъекта, серьезное влияние оказывает конкретная жизненная ситуация, в которую активно включается человек, стремящийся удовлетворить эту потребность. С этого момента потребность, ранее существовавшая в качестве «внутреннего условия деятельности», преобразуется в мощный фактор, побуждающий субъекта совершить определенный поступок с учетом конкретных жизненных обстоятельств. Таким образом, в процессе формирования мотива мы видим своеобразный треугольник: *потребность — личностный смысл — ситуация,* элементы которого постоянно взаимодействуют между собой. В ходе этого взаимодействия, своеобразного «примеривания» потребности, ее субъективной значимости (личностного смысла) и ситуации, в которой оказывается лицо, формируются мотивы деятельности, происходит *«ситуативное развитие мотивации».*

Ситуативно обусловленное развитие мотивации имеет место и в преступном поведении. Эту ситуацию называют *криминогенной.* Такой ее могут сделать различные обстоятельства: неопределенность, непредсказуемость развития события, поведения различных лиц; экстремальность, быстротечность происходящих событий; конфликтный характер отношений сторон с наличием провоцирующих элементов, например в виде неправомерного поведения потерпевшего; бесконтрольность, отсутствие должного порядка, дисциплины и т.д.

Ситуация перед совершением преступления — это обычно ситуация морального выбора, неразрывно связанная с мировоззренческой определенностью решения человека. В ситуации выбора объективные обстоятельства и личное решение взаимообусловлены как элементы единой системы объективных и субъективных факторов[1]. Например, для человека, имеющего высокие нравственные установки, сам по себе

[1] См.: Механизм преступного поведения. С. 90—91.

факт отсутствия постоянного контроля за ним практически не имеет значения. Однако то же самое объективное условие, в котором оказывается субъект с антиобщественной направленностью, может явиться важным составным элементом криминогенной ситуации при совершении хищения государственного имущества путем злоупотребления должностного лица своим служебным положением. Каждый человек включается в ту жизненную ситуацию (или сам формирует ее), которая более всего соответствует структуре и направленности его личности. В противном случае он исключает себя из неблагоприятно складывающейся для него ситуации, чтобы не оказаться в сфере ее воздействия.

Определенное влияние на формирование мотивов противоправного поведения оказывают искаженное восприятие и недооценка правонарушителем конкретной жизненной ситуации в качестве криминогенной. В соответствии с жизненным опытом, полученным воспитанием, интеллектом, характерологическими особенностями личности эта ситуация в сознании правонарушителя либо вовсе не отражается как криминогенная, либо оценивается им таковой частично или в полной мере. В последних двух случаях она может послужить «провоцирующим» фактором, влияющим на процесс мотивообразования.

Весьма важное место в процессе формирования мотивов имеют психологические *механизмы целеобразования.* Цель действий по сравнению с мотивами всегда более предметна, более обнажена и осязаема. В ней как бы кумулируются в сознании человека и его потребности, и его стремления, интересы, и сами мотивы смещаются на цель деятельности.

Таким образом, в формировании мотивации личности правонарушителя важное значение приобретают процессы, обусловленные взаимодействием ряда факторов — его потребностей, их субъективной значимости для данного лица, криминогенной ситуации и оценки субъектом того, в какой мере достижение выдвинутых им целей в конкретной ситуации позволяет удовлетворить значимую для него потребность.

4. После того как решение принято, на смену мотивационного приходит // *этап — реализации решения:* совершаются противоправные действия и, как следствие этого, наступает *преступный результат,* который может и не совпадать с ранее намеченной целью[1].

В подобной ситуации (кроме случаев, когда цель и результат совпадают) могут встретиться следующие варианты:

цель оказалась «недовыполненной»: результат полностью или частично не достигнут в силу объективных или субъективных факторов;

цель оказалась «перевыполненной» достигнутый результат в ходе совершения преступных действий превзошел ранее поставленную цель (например, в результате разбойного нападения наступила смерть потерпевшего от полученных телесных повреждений), т.е., имел место первоначально не запланированный результат, который в ходе совершения преступления виновный тем не менее мог или должен был предвидеть, но не сумел внести коррективы в свои действия, отказаться от ранее заду-

[1] См.: *Петелин Б.Я.* Психология правонарушения. М., 1974. С. 19—21.

манного замысла, будучи в состоянии избыточной психической напряженности либо просто из-за рассогласованности совместных действий (в случае группового преступления) или по другим каким-то причинам.

Особой разновидностью криминальной ситуации может быть ситуация, когда от противоправных действий возникает побочный результат, который вообще не охватывался целью Такие противоправные действия могут носить и неосторожный характер.

Перечисленные выше процессы завершаются *оценкой* виновным достигнутого результата, *прогнозированием* своего дальнейшего поведения в ходе предварительного расследования и на суде.

Определенную рассогласованность на данном этапе в процессы осознания им происшедшего в его мотивационную сферу, поведение вносят результаты, наступление которых не прогнозировалось, вызывающие состояние повышенной психической напряженности, особенно в первые дни после совершения преступления, что, безусловно, должен учитывать следователь (особенно в тактических целях).

Кроме того, нельзя не учитывать и того, что первоначально возникшие у субъекта потребности, сыгравшие свою роль в совершении им преступления, уступают свое доминирующее место в иерархии всех его потребностей теперь для него наиболее актуальной — потребности избежать разоблачения и наказания.

Появление такой в высшей степени значимой потребности у правонарушителя является характерной особенностью, отличающей его мотивационную сферу от мотивационной сферы любого законопослушного гражданина. Если до совершения преступления стремление уйти от наказания в системе побуждений бывает, как правило, не столь актуальным, а иногда и попросту искаженным в сознании субъекта в силу различных «мотивационных иллюзий», то после достижения преступной цели мотив избежать наказания и связанные с ним отрицательные эмоции зачастую становятся ведущими в его мотивационной сфере, подчиняющими многие поступки правонарушителя и все его поведение в целом на протяжении довольно продолжительного периода.

В общей мотивационной структуре личности потребность уйти от наказания в отдельные периоды (особенно до тех пор, пока субъект, совершивший преступление, пребывает в состоянии своеобразной правовой неопределенности) занимает прочное, ведущее положение. Эта потребность порождает такой сильный эмоционально насыщенный мотив, как страх перед наказанием. Он в свою очередь является мощным «мотиватором» всей последующей, в том числе и противоправной, деятельности, направленной на достижение вновь возникающих (теперь уже в связи с совершенным преступлением) целей: уничтожить следы преступления, скрыться от органов правосудия, укрыть от них нажитые преступным путем ценности, устранить свидетелей преступления и т.д.

В этой типично криминальной ситуации виновный переживает состояние психической напряженности, вызванное тем фактором, что достижение преступной цели, раньше, казалось бы, способной удовлетворить его первоначально возникшую потребность, теперь уже выполняет

иную функцию — обусловливает появление новых побуждений, направленных на избежание наказания.

В своеобразном мотивационном профиле личности преступника наряду с ведущим мотивом, обусловленным его потребностью избежать наказания, выявляется (нередко неожиданно и для самого преступника) новая потребность, связанная с ситуацией правовой неопределенности его положения (недостаточная доказанность его вины, альтернативы в квалификации деяния и в назначении различных видов и мер наказания), затрагивающей жизненно важные для него перспективы. Преступник начинает испытывать потребность устранить возникшую ситуацию неопределенности, заполнить своим активным деятельным участием своеобразный информационный вакуум. Причем побуждения, связанные с этой потребностью, бывают настолько сильными, что даже такая потребность, как желание во что бы то ни стало избежать наказания, уступает ей свое доминирующее положение. Это объясняется еще и тем, что ситуация неопределенности нередко обусловливает появление характерных эмоциональных явлений: психической напряженности и страха. Ситуация неопределенности является объективным фактором, который влияет на дальнейшие мотивационные процессы личности правонарушителя, в том числе нередко побуждает его давать правдивые показания.

Анализируя механизм преступного поведения, нельзя также игнорировать такие важнейшие факторы, определяющие поведение субъекта, как особенности, свойства его личности (направленность, мировоззрение, ценностные ориентации, социальные установки, уровень правосознания, индивидуально-психологические особенности, характер) и воздействие социальной среды на формирование его личности и поведение до возникновения криминогенной ситуации и непосредственно в ходе нее.

Эти «внешние и внутренние факторы, влияющие на принятие решения совершить преступление, находятся в тесном взаимодействии. Свойства личности, равно как и объем внешней информации, определяют не только количество, но и содержание вариантов поведения, которые корректируются моделями прогнозируемого будущего»[1].

5. Изложение данной проблематики будет неполным, если не остановиться на психологических особенностях преступного поведения, основным содержанием которого являются так называемые безмотивные преступления. Понятно, что такое название весьма условно и не отражает полного отсутствия мотива в действиях виновного (что само по себе исключается, поскольку речь идет о сознательной деятельности психически здорового человека), а скорее показывает иллюзорность нашего видения данной проблемы, когда установить мотив преступления традиционным путем, без квалифицированной помощи специалиста-психолога представляется чрезвычайно сложным делом.

Кудрявцев В.Н. Право и поведение. М.. 1978. С. 24.

Первую группу так называемых безмотивных умышленных преступлений, если их условно так называть, составляют преступления, внешне отличающиеся своей какой-то бессмысленностью, непонятной с первого взгляда избыточной жестокостью по отношению к жертве. Такое впечатление усугубляется явно неадекватным характером насильственных действий по отношению к малозначительному поводу для их совершения. Скрытая от поверхностного взгляда мотивированность таких действий нередко вызывает сомнения относительно психического здоровья подозреваемого. Исключение болезненной симптоматики в результате обычно назначаемой в таких случаях судебно-психиатрической экспертизы еще больше обостряет возникшую проблему, поскольку при этом исключается и сама возможность объяснения противоправного поведения лица болезненным состоянием его психики, в конечном счете — его невменяемостью.

Круг подобных вопросов замыкается сам по себе, если юристу, привычно оценивающему подобную ситуацию, не удается выйти за рамки стереотипных суждений, избавиться от непонимания того, что противоправная, преступная деятельность (как и вообще любая деятельность человека) *полимотивированна,* и объяснять действия виновного только одним каким-то мотивом равносильно нежеланию видеть все многообразие психических явлений и состояний, переживаемых субъектом.

И лишь после того как удается разрушить привычный стереотип мышления и перейти от безуспешного поиска какого-то одного мотива, лежащего на поверхности, к более глубокому исследованию всей мотивационной сферы личности, включающей в себя не только отдельные потребности, интересы, но скрытые в глубинах психики индивида, его подсознания влечения, настроения, а также его психические состояния, эмоции, можно понять кажущуюся на первый взгляд «безмотивность» преступления и найти истинные мотивы преступного поведения.

Особенно сложными в этом отношении представляются случаи, когда преступления совершаются лицами, имеющими психические отклонения от нормы, наделенными акцентуированными чертами характера, испытывающими из-за этого серьезные трудности в процессе социальной адаптации в новых условиях жизни, в экстремальных условиях деятельности.

Вторую группу «безмотивных» преступлений образуют преступления насильственного характера, возникающие по механизму «смещения» агрессивности в состоянии фрустрации. Указанные действия могут даже носить характер аутоагрессии, и тогда следователю приходится иметь дело с суицидальным поведением[1].

Благодаря «смещающим» действиям, направленным на совершенно иной, посторонний объект (что и вызывает в первую очередь сомнения относительно «безмотивности» таких действий), у субъекта ослабляется избыточное напряжение психики, возникшее в результате неудовле-

[1] Подробнее см.: *Амбрумова А.Г., Тихоненко В.А,* Диагностика суицидального поведения: Методические рекомендации. М., 1980.

творения какой-либо личностно значимой для него потребности, создается своего рода иллюзия реагирования на какие-то неблагоприятные факторы, с которыми субъект не смог в свое время справиться. А тот негативный опыт, который он приобрел, переносится им теперь на совершенно иных лиц, порой не имеющих никакого отношения к тем переживаниям, которые ему пришлось испытать.

6. Рассмотренный выше механизм преступного поведения нередко, особенно когда речь идет о *неосторожных преступлениях,* носит свернутый характер. В подобных случаях, отмечает В.Н. Кудрявцев, неосторожность обычно проявляется не в отношении самого действия или бездействия, а в отношении общественно вредных последствий, «Что же касается действия (бездействия), то оно не только в случае противоправной самонадеянности, но часто и при противоправной небрежности совершается сознательно. Следовательно, оно полностью подчинено тем психологическим и социальным закономерностям, которые действуют применительно к генезису умышленных правонарушений»[1].

Поведение человека перед совершением неосторожного преступления характеризуется тем, что субъект нередко находится под воздействием противоречий между требованиями ситуации, предписывающей ему поступать определенным образом, и его намерениями, частично или полностью несовпадающими с этими требованиями, его легкомысленным стремлением во что бы то ни стало добиться поставленной цели.

Законодателем связывается неосторожное совершение преступления с легкомыслием, с отсутствием «необходимой внимательности и предусмотрительности» у субъекта (ст. 26 УК РФ). Отмеченные выше критерии в поведении субъекта нередко усиливаются определенными особенностями его личности, в числе которых могут быть невротизм, повышенная аффективая возбудимость, психопатизация, импульсивность, ригидность мыслительных процессов при недостаточно высоком интеллектуальном уровне развития, завышенная самооценка, сниженный самоконтроль. Сюда же относятся дефекты восприятия, внимания, памяти, координации движений, которые могут недооцениваться самим субъектом.

Среди психологических факторов, в значительной мере влияющих на поведение лиц, неосторожно совершивших преступление, особое место принадлежит психологической установке в виде легкомысленно-безответственного отношения к соблюдению правил предосторожности, социальным ценностям и своим обязанностям по отношению к ним.

Говоря об отличиях с психологической точки зрения неосторожных преступлений от умышленно совершаемых преступных деяний, следует особое внимание обратить на процессы мотивации и целеполагания. Если в умышленных преступлениях мотив и цель непосредственно связаны с наступившим результатом, то в неосторожных преступлениях имеет место разрыв между мотивом и целью противоправного поведения субъекта, с одной стороны, и наступившим результатом — с дру-

[1] *Кудрявцев В.Н.* Причины правонарушений. М., 1976. С. 115—116.

гой. Этот разрыв заполняется мотивом и целью допускаемых субъектом нарушений определенных правил поведения, объективно направленных на недопущение тяжких последствий, которые, в представлении субъекта, могут наступить, а могут и не наступить. В этом проявляется волевой характер противоправного поведения субъекта и отдельных его действий, связанных с несоблюдением им тех или иных предписаний обязательного характера.

Следует также помнить, что отсутствие мотивации на достижение преступного результата в неосторожных преступлениях не исключает в целом мотивов противоправного поведения, следствием которого в конечном итоге и явился этот результат.

Таким образом, мотив присущ любому волевому, а следовательно, и любому преступному поведению, независимо от формы вины. Но поскольку при неосторожной форме вины наступившие последствия не охватываются желанием виновного, следует различать «мотивы умышленных преступлений и мотивы поведения, объективно приведшего к общественно опасным последствиям в неосторожных преступлениях»[1].

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Что понимается в психологии под понятием «деятельность»? Какие элементы являются неотъемлемой частью деятельности, раскрывающей ее содержание и направленность?
2. Что такое мотив деятельности? Опишите процесс формирования мотивов противоправного поведения человека.
3. Из чего складывается мотивационная сфера личности?
4. Дайте психолого-правовую оценку действиям, которые совершает человек.
5. Что такое поведение человека? Какие признаки присущи преступному поведению?
6. Из каких этапов состоит преступное поведение?
7. В чем состоят отличия психологического свойства между умышленными и неосторожными преступлениями?
8. Есть ли мотивы в неосторожном преступлении? Обоснуйте свою точку зрения.

[1] *Лунеев В.В.* Мотивация воинских преступлении М,, 1974. С. 7.

Глава 9
ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА

Личность преступника. ее структура и содержание. Понятие психических аномалий, их место в структуре личности преступника. Психопатические расстройства, их влияние на поведение преступника. Агрессивность, жестокость в структуре личности преступника. Виды агрессии. «Норма агрессии» и «норма возмездия», оценка их судом. Понятия особой жестокости, жестокого обращения. Типология личности преступника.

§ 1. Понятие, структура личности преступника

Личность преступника. Понятие это многогранное. с ярко выраженным междисциплинарным характером, поскольку изучается не только психологами, но и юристами, занятыми разработкой вопросов, относящихся к уголовному праву и процессу, криминологии и криминалистике. В юридической психологии данная проблема одна из центральных. В ходе изложения материала мы уже частично касались ее. когда говорили о понятии личности в целом, о некоторых экстремальных состояниях психики, акцентуированных свойствах характера.

Понятие личности преступника. т.е. личности человека, виновно совершившего общественно опасное деяние, запрещенное законом под угрозой привлечения к уголовной ответственности, выражает его социальную сущность, сложный комплекс характеризующих его свойств, связей. отношений. его нравственный и духовный мир, взятые в развитии, во взаимодействии с социальными условиями, с психологическими особенностями, в той или иной мере повлиявшими на совершение им преступления[1].

В науке уголовного права под личностью преступника понимается вменяемое лицо, достигшее к моменту совершения преступления определенного, указанного в уголовном законе возраста. Поэтому о личности преступника говорят, когда имеют в виду субъекта преступления, т.е. лицо, совершившее преступление, что нашло свое подтверждение в приговоре суда, вступившего в законную силу.

Понятие личности преступника включает в себя целый комплекс социально-демографических, социально-ролевых (функциональных), социально-психологических признаков, которые в той или иной мере связаны с преступным деянием, характеризуют его общественную опасность, объясняют причины его совершения-.

Такой утвердившийся в юридической литературе подход побуждает дополнить понятие личности применительно к субъекту преступления рядом признаков, которые в общей психологии не рассматриваются.

[1] См.: Личность преступника / Поя ред. В.Н. Кудрявцева и др. М., 1975. С. 21.
[2] См.: *Кудрявцев В.Н.* Причины правонарушений. М.,1976. С 190.

Именно поэтому юридическая психология изучает более широкий аспект характеристик личности человека, совершившего преступление, обращая внимание не только на его нравственные качества, знания, навыки, привычки, формы психического отражения, темперамент, но и на физическую сущность лица как человеческого индивида, его возраст, психическую способность к вменению, некоторые его функционально-ролевые признаки, например должностное положение, особые обязанности или особое положение по отношению к потерпевшему и т.д., а также психологическую характеристику личности преступника во всем сложном комплексе интеллектуальных, эмоционально-волевых и других его качеств[1].

Все эти качества, признаки, особенности личности имеют достаточно емкое содержание. Например, возраст не сводится только лишь собственно к самому факту достижения лицом уголовно-правовой дееспособности, а рассматривается как особенность, связанная со многими социальными функциями и проявлениями личности.

В уголовном праве наряду с термином «личность преступника» употребляются выражения: лицо, совершившее преступление; субъект преступления; личность виновного (см., например, ст. 6, 60 УК РФ и др.). Так, последнее из этих выражений охватывает те же признаки и свойства, что и личность преступника, но с некоторым уточнением. В последнем случае акценты расставляются на таких особенностях личности субъекта, его поведения, которые имеют большее отношение к оценке степени вины в содеянном, помогают объяснить причины совершенного им преступления, имеют значение для определения меры его ответственности и тяжести наказания за содеянное.

В юридической психологии личность субъекта, совершившего преступление, изучается в целях оказания помощи правоохранительным органам:

• при принятии решений уголовно-правового, уголовно-процессуального характера (при квалификации противоправных действий, при избрании меры пресечения обвиняемому, при определении меры наказания подсудимому с учетом характера совершенного преступления и особенностей его личности);

• в выборе оптимальных тактических решений, тактических комбинаций и приемов воздействия на подозреваемого, обвиняемого (подсудимого) в различных следственных ситуациях;

• в ходе установления некоторых обстоятельств, подлежащих доказыванию, в частности мотивов преступления, обстоятельств', характеризующих личность обвиняемого (подсудимого), потерпевшего и др.;

• при изучении причин совершенных преступлений (по видам преступных посягательств, по лицам, участвовавшим в их совершении и т.д.);

❒ в целях определения мер воспитательного воздействия на личность тех, кто совершил преступление и нуждается в перевоспитании.

[1] Личность преступника. С. 22.

Методы изучения личности преступника в юридической психологии применяются те же, что и при изучении личности любого участника процесса в зависимости от задач исследования[1].

В научно-практических целях понятие личности преступника подразделяется на составные части (структурные элементы или подсистемы). Такой структурный анализ делает более удобным проведение различных исследований личности правонарушителей.

В настоящее время в научной литературе наиболее широкое распространение получил подход к изучению личности преступника, предполагающий наличие в ней следующих двух наиболее крупных подсистем, объединяющих различные более мелкие признаки, отдельные характеристики личности, а именно: социально-демографической и социально-психологической подсистем личности преступника.

Социально-демографическая подсистема личности преступника. Она включает: пол, возраст, семейное положение, образование, профессиональную принадлежность, род занятий, социальное, материальное положение, наличие судимости (иных связей с криминальной средой). Сюда же относятся признаки, характеризующие личность преступника с точки зрения выполнения им определенных функционально-ролевых обязанностей[2].

Понятно, что все эти признаки сами по себе (пожалуй, разве только за исключением судимости) не могут характеризовать конкретного субъекта как человека, обязательно склонного к совершению преступлений. Однако в сочетании с другими особенностями его личности они позволяют сформировать о нем более целостное представление.

Более того, анализ социально-демографических признаков, присущих лицам, совершившим преступления, проводимый в масштабах страны, отдельного региона, в той или иной деятельности людей, позволяет определять наиболее важные направления в предупредительной работе среди различных групп, слоев населения, работников той или иной сферы народного хозяйства.

Например, по мнению авторов учебников по криминологии, на которых мы ссылались выше, среди преступников значительно больше мужчин, чем женщин. Наибольшей криминогенной активностью отличаются представители возрастных групп от 25 до 29 лет, затем следуют 18—24-летние, 14—17-летние и, наконец, 30—45-летние. Основная масса таких преступлений, как убийства, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, разбои, грабежи, кражи, хулиганства, изнасилования, совершаются лицами до 30 лет. Многие из тех, кто совершал хулиганство, разбойное нападение, грабежи, кражи, часто меняли место работы, периодически имели длительные перерывы в трудовой деятельности, т.е. не занимались общественно полезным трудом. Самый низкий уровень образования за-

[1] См. гл. 3 настоящего учебника.

[2] *См.:* Криминология. Учебник / Под ред. Б.В. Коробейникова, Н.Ф. Кузнецовой, Г.М. Миньковского. М., 1988. С. 93; Криминология. Учебник / Под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. /Д., 1995. С. 84.

регистрирован у лиц, виновных в совершении насильственных, насильственно-корыстных преступлений, хулиганства; наиболее высокий — у совершивших должностные преступления и хищения путем присвоения, растраты или злоупотребления доверием и т.д.[1].

Наибольшая криминогенная активность лиц более молодого возраста во многом объясняется не только их большей активностью, но и в значительной мере социальной незрелостью их личности, еще не завершившимся процессом социализации, низким уровнем культуры, отношений и поведения, примитивностью интересов, ценностных ориентаций, отсутствием устойчивых жизненных планов. Таких лиц отличает отрицательное или безразличное отношение к выполнению гражданских обязанностей добросовестно трудиться, заботиться о воспитании детей и т.п. «Преобладающей части преступников присуща та или другая степень отчужденности, оторванности от трудового или учебного коллектива, от неформальных групп, которые объединяют лиц с положительным поведением. Они ориентированы преимущественно на деятельность и одобрение в неформальных группах с негативной направленностью»[2].

Все перечисленные выше, как и другие, подробно изученные криминалистами социально-демографические признаки, безусловно, имеют тесную связь с определенными психологическими (социально-психологическими) качествами человека, его психикой. Например, низкий образовательный уровень во многом бывает связан с невысоким интеллектом человека, а трудности социальной адаптации — с низким уровнем его эмоциональной устойчивости, повышенной импульсивностью, агрессивностью и т.д. Таким образом, анализ социально-демографических признаков помогает лучше понять процесс социализации, формирования у людей под влиянием социальных условий различных психологических особенностей, на которые нужно обращать внимание в ходе расследования преступлений Поэтому перейдем к рассмотрению второго блока в структуре личности преступника, к ее социально-психологической подсистеме.

Социально-психологическая подсистема личности преступника. В главе 2 при изложении общепсихологической концепции личности была представлена признанная многими учеными психологическая структура личности в виде ее четырех основных структурных элементов:

1) ***подструктура направленности*** в виде совокупности наиболее устойчивых, социально значимых качеств личности (мировоззрение, ценностные ориентации, социальные установки, ведущие мотивы и т.д.), связанных с правосознанием человека;

2) ***подструктура опыта.*** включающая знания, навыки, привычки и другие качества, которые проявляются в выборе ведущих форм деятельности:

См.: Криминология / Под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. С. 84—87
Криминология / Под ред. Б.В. Коробейникова и др. С. 96.

3) ***подструктура психических форм отражения,*** проявляющихся в познавательных процессах, психических, эмоциональных состояниях человека;

4) ***подструктура темперамента и других биологически, наследственно*** *обусловленных свойств,* которые наряду с социальными факторами влияют на формирование характера и способностей человека.

Перечисленные выше подструктуры личности во всем многообразии их содержания имеют место, разумеется, и в структуре личности тех, кого принято считать преступниками.

Существенное отличие всех этих структурных образований личности преступника от структурных образований личности законопослушных граждан состоит прежде всего в том, что в первом случае многие составляющие черты, свойства личности (особенно те, которые сформировались под влиянием социальных условий) характеризуют личность с негативной стороны, делая ее более восприимчивой к воздействию криминогенных факторов. Справедливо считается, что основное отличие личности преступника от личности законопослушного гражданина состоит в негативном содержании ценностно-нормативной системы, некоторых устойчивых психологических особенностей, сочетание которых имеет криминогенное значение и специфично для преступников[1].

По сравнению с ранее действовавшим, в недавно принятом уголовном законодательстве социально-психологическим качествам личности субъектов различных преступлений уделено гораздо большее внимание. Более того, отдельные психические явления, состояние психики лиц, совершающих уголовно наказуемые деяния, прямо указаны в уголовном законе, введены в некоторые составы преступлений. И с этой точки зрения можно говорить об определенной психологизации отдельных институтов, принципов (справедливости, гуманизма и т.д.) и даже норм уголовного права. Например, законодателем введены в уголовно-правовую материю такие психические явления, как: *психические расстройства, не исключающие вменяемости,* находящиеся в ряду различных отклонений от средней психической нормы (ст. 22 УК РФ); неспособность несовершеннолетнего правонарушителя в «полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими» вследствие *отставания в психическом развитии* (ст. 20 УК РФ); *легкомыслие,* т.е. с точки зрения психологии определенная характеристика субъекта, свидетельствующая о его сниженном интеллекте, недостаточно развитых прогностических способностях в качестве одного из возможных элементов субъективной стороны преступления, совершенного по неосторожности (ст. 26 УК РФ); *психофизиологические качества* личности субъекта, совершившего опасное деяние, которые не соответствовали требованиям экстремальных условий или *нервно-психическим перегрузкам* (ст. 28 УК РФ); понятие *психического принуждения,* препятствующего процес-

[1] См.: *Антонян Ю.М., Еникеев М.И., Эминов В.Е.* Психология преступника и расследования преступлений. М., 1996. С *Аї.*

сам волеизъявления потерпевшего (ч. 2 ст. 40, п. «к» ч. 1 ст. 63 УК РФ); понятие *риска,* предполагающее оценку эмоционально-волевой устойчивости субъекта, уровня развития у него интеллекта, прогностических способностей, мыслительной деятельности (ст. 41. п. «ж» ч. 1 ст. 61 УК РФ); *особая жестокость, жестокое обращение* как способы совершения целого ряда преступлений (см.: п. «и» ч. 1 ст. 63, п. «д» ч. 2 ст, 105, ст. 110, п. «б» ч. 2 ст. 111,ч. 1 ст. 356 УК РФ); *аффект* как одно из экстремальных состояний психики, *длительная психотравмирующая ситуация,* нередко завершающаяся состоянием стресса, кумулированным аффектом (ст. 107, 113 УК РФ) и т.д.

Все эти, а также и другие социально-психологические особенности, например мотивационная сфера личности субъекта, совершившего преступное деяние, подробно рассматриваются в соответствующих разделах, посвященных психическим (познавательным) процессам, эмоциональным, психическим состояниям, индивидуально-психиологическим особенностям личности преступника, психологическим особенностям его преступного поведения.

Рассмотрение социально-демографических, социально-психологических особенностей личности тех, кто совершает преступление, было бы не полным без изложения взглядов на роль биопсихологических, психофизиологических факторов в преступном поведении.

Известно, что современная криминология отвергает наличие у человека каких-то особых генетически запрограммированных, наследственно передаваемых от поколения к поколению наклонностей к нарушениям закона, совершению преступлений. Перефразируя известные слова А.Н. Леонтьева о формировании личности, можно точно также сказать и о людях, совершающих преступление: преступниками не рождаются — преступниками становятся. Однако, как справедливо замечают Ю.М. Антонян и СВ. Бородин, «признание социального характера причин преступного поведения в целом вовсе не означает игнорирования биологических особенностей человека, его психической сферы и патологии в ней»[1].

Поэтому мы не можем игнорировать отдельные индивидуально-психологические особенности, довольно типичные для некоторых групп правонарушителей в виде так называемых *психических аномалий,* т.е. отклонений от средней психической нормы, в значительной мере связанных с типом, свойствами нервной системы. которые определяются наследственными факторами.

Психические аномалии объединяют такую совокупность психических явлений, которые находятся между акцентуациями личности и психическими заболеваниями. Сюда же относят и такие расстройства психики, которые связаны с алкоголизмом, наркоманией (токсикоманией). В определенных (неблагоприятных, экстремальных) условиях психические аномалии «снижают сопротивляемость к воздействию ситуаций,

[1] *Антонян Ю.М., Бородин С.В.* Преступность и психические аномалии. М., 1987. С. 45.

в том числе конфликтных; создают препятствия для развития социально полезных черт личности, особенно для ее адаптации к внешней среде; ослабляют механизмы внутреннего контроля; сужают возможности выбора решений и вариантов поведения; облегчают реализацию импульсивных, случайных, непродуманных, в том числе противоправных, поступков. Все это отрицательно сказывается на развитии личности и может способствовать преступному поведению»[1].

Таким образом, психические аномалии — это расстройства психической деятельности, не достигшие болезненного, психотического уровня, но которые ввиду определенных личностных изменений могут приводить к отклоняющимся формам поведения. Но поскольку у таких лиц все же преобладают нормальные психические явления и процессы, они в своем подавляющем большинстве трудоспособны, дееспособны и вменяемы[2].

Многими учеными разделяется мнение, что психические аномалии часто способствуют противоправному поведению, поскольку «препятствуют усвоению социальных норм, регулирующих поведение людей, затрудняют получение высокой квалификации и образования, выполнение отдельных социальных ролей»[3]. Благодаря этому лица с перечисленными выше аномалиями психики в наибольшей степени отчуждены от общества, малых социальных групп, испытывают затруднения в общении с лицами противоположного пола. Им трудно адаптироваться в новой социальной среде, в особенно сложных для них современных условиях жизни, предъявляющих повышенные требования к психике людей.

Как полагают Ю.М. Антонян и В.В. Гульдан, психические аномалии предопределяют более обостренные формы реагирования таких лиц на конфликтные ситуации, хотя это вовсе не предполагает фатальной неизбежности совершения преступлений этими лицами. Просто им, как иногда говорят, легче «сорваться». В подобных случаях особенно при неблагоприятных для них обстоятельствах насильственные действия «преступников с психическими аномалиями, часто спровоцированные ими же, носят... особенно разрушительный, уничтожающий характер, причем жертвами могут быть и лица, не имевшие отношения к конфликту. Гораздо чаще, чем у здоровых, мотивация поведения у таких лиц является бессознательной, а само поведение менее опосредовано» сознанием[4].

В ряде случаев все это может еще более усугубляться сниженным уровнем интеллектуального развития лиц с психическими аномалиями, узостью, предметностью, выхолощенностью их мышления, затрудняющих принятие ими адекватных решений в ситуациях выбора, А неудовлетворенные в силу этого потребности постоянно провоцируют состоя-

[1] *Дубинин Н.П., Карпец И.И., Кудрявцев В.Н.* Генетика, поведение, ответственность: О природе антиобщественных поступков и путях их предупреждения. 2-е изд. М., 1989. С. 277—278.

[2] См.: *Антонян Ю.М., Бородин С.В.* Указ. соч. С. 9.

[3] *Антонян Ю.М., Гульдан В.В.* Криминальная патопсихология. М., 1991. С. 46.

[4] Там же. С. 47.

ние фрустрации с сопутствующей ей агрессивностью, расторможенностью эмоционально-волевых процессов, снижением самоконтроля.

Особенно заметны эти явления у подростков с незначительными отклонениями в умственном развитии, которые остаются в обычных школах, поскольку не подходят для учебы в соответствующих спецшколах для умственно отсталых детей. В результате они, будучи не в состоянии справиться с общими требованиями, предъявляемыми ко всем обучаемым, оказываются, особенно в старших классах, в положении постоянно порицаемых за низкое качество учебы, недобросовестное отношение к выполнению заданий и т.д. А это в свою очередь вызывает у них чувство враждебности к окружающим, формирует агрессивные, антиобщественные установки[1].

Мотивационный потенциал таких лиц с различными психическими аномалиями, в том числе отличающихся сниженным уровнем интеллектуального развития, обычно характеризуется своей обедненностью, направленностью на удовлетворение ближайших, как говорят, сиюминутных потребностей (по принципу «здесь и сейчас»), среди которых доминирующую роль играют мотивы психопатической самоактуализации.

Как отмечалось выше, среди различных аномалий психики, предрасполагающих к дезадаптивным, а поэтому чаще всего к противоправным формам поведения, наибольшее внимание судебных психологов привлекают психопатии, различные психопатоподобные состояния, некоторые крайне выраженные виды акцентуаций характера, о которых шла речь в гл. 6. Причем з контексте рассматриваемых проблем в юридической психологии речь не идет о психопатии как о психическом заболевании, достигшем патологического развития, которое является предметом изучения судебной психиатрии, позволяющем при определенных условиях ставить вопрос о невменяемости субъекта и о его принудительном лечении в связи с содеянным им правонарушением.

Для юридической психологии, имеющей дело с психической нормой и ее некоторыми пограничными вариантами, более приемлем подход к пониманию психопатии (ее психопатоподобных состояний) как к своего рода «патологическому варианту характера», от особенностей которого, как писал П.Б. Ганнушкин, страдают не только окружающие, но в первую очередь сам субъект.

Как полагают криминологи, изучавшие данную проблему, психопатия представляет собой «существенный криминогенный фактор», поскольку поведение психопатизированной личности нередко отличается своей импульсивностью, направленностью на немедленное удовлетворение своих желаний без учета возможного наступления от этого негативных последствий не только для окружающих, но и для самого субъекта.

Но, как справедливо считают Ю.М.. Антонян, В.В. Гульдан и другие криминологи, свести объяснение причин противоправного поведения к одной лишь психопатизации личности было бы не совсем правильно, поскольку очень многие лица с чертами психопатизации никогда не совер-

[1] См.. *Холыст Б.* Криминология. Основные проблемы. М.. 1980. С. 128—129.

шали преступлений. Оказалось, что существенное влияние на выбор противоправных форм поведения психопатизированной личности, усугубляющих такой выбор, оказывает антиобщественная установка человека.

Также не следует забывать и того, что у психопатических личностей имеется целый комплекс эмоционально-волевых, интеллектуальных особенностей, благодаря которым внешние факторы среды еще более способствуют совершению ими противоправных действий (чаще насильственного характера). А при наличии соответствующей для проявления этих особенностей личности ситуации такие люди свободнее включаются в криминогенную среду, проще усваивают и реализуют криминальные формы поведения, не тратя много времени на принятие решения совершить или не совершать преступление (так называемый ситуационный тип преступника)[1].

Согласно принятой Международной классификации психопатий выделяются следующие три основные группы лиц, проявляющих психопатические расстройства: по возбудимому, интероидному и тормозному типу, которые могут представлять интерес для юридической психологии[2]:

Возбудимые (аффективные) формы психопатических расстройств характеризуются вспыльчивостью, раздражительностью, гневливостью, импульсивностью, аффективно окрашенными формами реагирования даже по незначительному поводу, переменчивостью настроения, повышенной обидчивостью, жестокостью, склонностью к накоплению отрицательных переживаний, плохо контролируемой разрядкой.

При *эпилептоидной форме у возбудимых психопатов в* их суждениях преобладают вязкость мышления, застревание на аффективно окрашенных переживаниях, мстительность, жестокость.

Лица, проявляющие признаки *неустойчивой формы возбудимой психопатии,* выделяются своей неорганизованностью, безволием, легкомысленным отношением к происходящим явлениям, нетерпимостью к какой-либо регламентации, сниженной критичностью, повышенной внушаемостью, жаждой новых развлечений, большей подверженностью средовым влияниям, случайным ситуациям. По наблюдениям Ю.М. Антоняна и В.В. Гульдана, психопатические личности неустойчивого типа преимущественно совершают корыстные преступления, хулиганство, задерживаются за бродяжничество, нарушения паспортного режима.

Для *паранойяльной формы возбудимой психопатии* характерны ригидность мышления, узость, застреваемость на отдельных обстоятельствах, нетерпимость к иному мнению, противодействию, эгоцентрические притязания, повышенная самооценка, завышенный уровень притязаний, обидчивость, подозрительность.

[1] См.: *Антонян Ю.М., Гульдан В.В.* Указ. соч. С. 59—60.

[2] См.: *Кербиков О.В.* К вопросу о понятии и классификации психопатий // Проблемы судебной психиатрии (пограничные состояния). М., 1971. Вып. 19. С. 9—18; там же. *Фелинская Н.И.* О понятии и классификации пограничных состояний. С. 19—35; *Ушаков Г.К.* Пограничные нервно-психические расстройства. 2-е изд. М., 1987. С. 99.

Таким образом, отличительной особенностью описанных выше лиц является повышенная возбудимость, эксплозивно-брутальный («взрывчатый»), аффективно окрашенный модус реагирования, что бывает особенно заметно при совершении ими преступлений насильственно-корыстного характера.

Следующей формой психопатического расстройства личности, влияющей на ее асоциальное поведение, которое может приводить к нарушениям норм уголовного права, является *истероидная (истерическая) психопатия.* Лица данного круга отличаются своим эгоцентризмом, демонстративным поведением, театральностью, «жаждой признания», эмоциональной неустойчивостью, повышенной обидчивостью, вспыльчивостью, особенно когда такого признания не получают. В общении с окружающими такие люди нередко проявляют лживость, склонность к фантазированию. Их интеллектуальные возможности чаще бывают ограничены, суждения незрелы и поверхностны. По наблюдениям Ю.М. Антоняна и В.В. Гульдана. поведение таких лиц в основном зависит от случая, ситуации. Какое-либо планирование, прогнозирование подменяется ими всевозможного рода фантазиями, исключающими отрицательное развитие событий. Все это создает особый «рисунок» совершаемых ими преступлений против личности и собственности, в основе которых лежат обман, мошенничество, умышленное введение в заблуждение потерпевших.

Менее других (по сравнению с описанными выше) криминальную активность проявляют психопатизированные лица, относимые к так называемому *тормозимому типу* (по классификации О.В. Кербикова, Н.И. Фелинской), который объединяет *астенических, психастенических* и *аутистических (шизоидных) психопатов.*

У лиц, отличающихся психопатическими расстройствами *астенического характера,* преобладают: обостренная впечатлительность, повышенная утомляемость, чрезмерная чувствительность. застенчивость, неуверенность в себе, ощущение собственной неполноценности.

Весьма близким к данному типу являются лица, проявляющие черты *психастенической психопатии,* в поведении, образе мыслей которых доминируют повышенная, некоррегируемая тревожная мнительность, навязчивые сомнения по поводу принимаемых решений, собственных поступков, нерешительность, особенно в ситуациях неопределенности. Для них наиболее характерными видами противоправного поведения могут быть действия, направленные против общественного порядка, уклонения от общественно полезного труда, дезертирство (для военнослужащих), а также самоубийства. Кроме того, они могут совершать и преступления против личности, собственности, сексуальные преступления, выбирая для этого соответствующий, более «удобный» для себя тип жертвы.

В группу *тормозимых психопатов* помимо лиц с чертами астенического и психастенического характера относятся субъекты, имеющие *аутистические (шизоидные) психопатические расстройства с* преобладанием у них замкнутости, отгороженности от окружающих, повы-

шеннои чувствительности, ранимости и в то же время эмоциональной холодности и отчужденности. Среди данной группы выделяются лица весьма настойчивые в достижении своих целей, сближающиеся по характеру аффективных переживаний с представителями паранойяльной психопатии, нередко прибегающие в конфликтных ситуациях к *агрессивным, насильственным,* а порой и к *жестоким* формам противоправного поведения.

Таким образом, среди тех. кто совершает насильственные, насильственно-корыстные преступления, мы нередко видим лиц с чертами повышенной агрессивности, злобливых и жестоких по своему характеру и способам действий.

Рассмотрим более подробно с психологической точки зрения эти наиболее часто встречающиеся у преступников свойства личности, тем более что *особая жестокость* при совершении ряда преступлений рассматривается законодателем либо как обстоятельство, отягчающее уголовное наказание, либо в качестве квалифицирующего признака целого ряда преступлений.

Понятия *агрессия* и производное от него — *агрессивность, жестокое обращение* и *жестокость, особая жестокость,* употребляемые в Уголовном кодексе РФ, по смыслу близки друг к другу и некоторыми психологами иногда даже используются почти как синонимы[1]. Однако все эти термины отличаются друг от друга, поскольку имеют разное содержание.

По мнению известного западноевропейского психолога Х. Хекхаузена, понятие *агрессия* означает множество разнообразных действий, нарушающих физическую или психическую неприкосновенность человека, наносящих ему материальный (и, надо полагать, моральный) вред, препятствующих осуществлению им своих намерений, противодействующих его интересам или же приводящих к его уничтожению. То есть, как пишет он, агрессивные действия по своим последствиям всегда приводят «к одному общему знаменателю — намеренному причинению вреда другому человеку»[2].

Некоторые авторы говорят об агрессии как о «специфически ориентированном поведении, направленном на устранение или преодоление всего того, что угрожает физической и (или) психической целостности живого организма»[3]. Поэтому агрессивные действия, агрессивное поведение человека в определенной ситуации предполагают готовность его именно к таким формам активности. С этой точки зрения подобная ситуационно обусловленная готовность субъекта, т.е. его агрессивность, рассматривается как состояние его личности, которое может утрачивать свою актуальность с изменением обстановки. Однако если агрессивное состояние у субъекта носит постоянный характер и не зависит от вызывающих

[1] См.. например: *Годфруа Ж.* Что такое психология В 2 т. М . 1992 Т. 1. С. 44—45, 289—293.
[2] *Хекхаузен Х,* Мотивация и деятельность. В 2 т. М., 1986. Т. I. С 365—366.
[3] Там же С. 367.

его каких-то адекватных ему поводов, можно говорить об агрессивности как о ведущей черте, свойстве характера человека, его личности.

Агрессивность как свойство личности выражает враждебное отношение индивида к окружающим с тенденцией причинения им вреда[1]. Данное свойство достаточно легко выявляется с помощью различных психодиагностических методик, о которых писалось в главе 3 (MMPI, TAT, методика изучения фрустрационных реакций С. Розенцвейга и др.). Так, например, высокие (более чем 75 Т-баллов) значения шкалы 4 MMPI (тем более в сочетании со шкалой 6) выявляют лиц «несдержанных, агрессивных, конфликтных, пренебрегающих социальными нормами...» (В.М. Мельников, Л.Т. Ямпольский), «личности возбудимого круга с тенденцией к взрывным агрессивным реакциям» (Л.Н. Собчик), людей, у которых пренебрежение к принятым в обществе правилам поведения «проявляется в гневных и агрессивных реакциях» (Ф.Б. Березин, М.П. Мирошников, Е.Д. Соколова). По данным С.Н. Ениколопова, исследовавшего уровень агрессивности у преступников с помощью теста С. Розенцвейга, у лиц данной категории преобладал внешнеобвиняющий (экстрапунитивный) тип реагирования, эгозащитные формы поведения в процессе межличностного общения[2].

Многими психологами разделяется точка зрения, согласно которой агрессия является реакцией субъекта с относительно высоким уровнем агрессивности на фрустрацию, сопровождаемую эмоциями гнева, враждебности, ненависти и даже аффектом (Ю.М. Антонян, В.В. Гульдан, С.Н. Ениколопов, А.В. Петровский и др.). С этой точки зрения в подобных случаях говорят о *реактивной агрессии.* Иногда такую форму агрессивного реагирования еще называют *экспрессивной* или *импульсивной агрессией.*

Однако понятно, что одной лишь фрустрацией нельзя объяснить все случаи агрессивного поведения людей, в том числе, разумеется, и в криминальных ситуациях. Существуют и другие причины совершения по своему характеру агрессивных действий, когда, например, субъект (правонарушитель) стремится целенаправленно причинить вред другому, обдуманно выбирая те или иные наиболее подходящие для этого средства (инструменты). Типичными примерами такой агрессии служат трагические случаи совершения заранее ' продуманных заказных убийств, всевозможного рода террористические акты, расправы со своими противниками, конкурентами и т.д.

Применительно к подобным случаям говорят о так называемой *инструментальной агрессии,* несомненно, отличающейся своей большей по сравнению с реактивной агрессией общественной опасностью, что,

[1] См.: *Ениколопов С.Н.* Экспериментальное исследование агрессивности у преступников // Юридическая психология: Тезисы научных сообщений на VI съезде общества психологов СССР. М., 1983. С. 54.

[2] См.: *Ениколопов С.Н.* Агрессивность как специфическая форма активности и возможности ее исследования на контингенте преступников // Психологическое изучение личности преступника (методы исследования). М., 1976. С. 83—114.

разумеется, должно учитываться судом при определении наказания виновным.

При оценке характера, уровня агрессивности действий виновного, а следовательно, и их общественной опасности, также следует обращать внимание и на такой важный критерий, который в психологии получил название *«норма агрессии»* — понятие, производное от уровня социализации личности, ориентации субъекта на культурно-социальные нормы поведения, традиции, существующие в той социальной, культурной, этнической среде, в которой сформировались его личность, ценностные ориентации, правосознание.

Как считает Х. Хекхаузен, наряду с общими для всех культур критериями каждая из них определяет свои специфические нормы, критерии оценок агрессивных действий: что запрещается и что допустимо, а что и поощряется. Часть таких запретительных норм собрана в уголовных кодексах. Например, убийства из корыстных, хулиганских побуждений (п. «з», «и» ч. 2 ст. 105 УК РФ) наказываются гораздо строже, чем убийство, совершенное в состоянии аффекта (ст. 107 УК РФ), когда имеет место так называемая «импульсивная агрессия». А убийство в состоянии необходимой обороны «посягающего лица» (ст. 37 УК РФ) вовсе не является преступлением. В подобных случаях, разумеется, речь идет о нормах уголовной ответственности, но которые, безусловно, связаны с нормами социальной, моральной ответственности, существующими в обществе. Более того, в соответствии с этими принятыми в обществе нормами некоторые формы агрессии, агрессивного поведения могут даже поощряться.

При этом нельзя не заметить и того, что понимание и оценка агрессии, с одной стороны, и принятые в обществе нормы социальной, моральной ответственности, с другой — тесно переплетаются между собой в обыденном сознании людей на уровне житейской психологии, здравого смысла, формируют их правосознание и не считаться с этим, оценивая действия виновного, нельзя.

Фундаментальное правило, которое многими усваивается с детства — хотим мы этого или нет — «состоит в необходимости, подвергшись агрессии, ответить соразмерной агрессией»[1]. Эта ответная «соразмерная агрессия», пропорциональная первоначальной, составляет такое понятие, как *«норма возмездия»*. В подобных случаях одна агрессия как бы компенсирует другую. Укорененность в правосознании значительной части людей с большей или меньшей степенью выраженности этой имеющей глубокие исторические корни «нормы возмездия» в ее первоначальной ветхозаветной формулировке («око за око, зуб за зуб») нередко до сих пор служит мотивом самооправдания у многих при совершении целого ряда насильственных преступлений агрессивного характера, мотивом кровной мести, распространенной среди отдельных групп населения, и даже сведения «счетов с обществом».

[1] *Хекхаузен Х.* Указ. соч. С. 371.

Таким образом, говоря о «норме агрессии», побуждающей субъекта совершить насильственные действия, и «норме возмездия» в качестве ответной реакции, необходимо видеть социально-культурные, национальные факторы, его ценностные ориентации, возрастные, интеллектуальные, иные характеристики, условия формирования личности.

Замечено, что человек, ранее подвергавшийся насилию, впоследствии и сам становится более агрессивным, чаще прибегает к агрессивным формам поведения. Например, данная закономерность была выявлена при изучении все еще распространенной в армейской среде «дедовщины». Так, две трети тех, кто отбывал уголовное наказание за нарушение уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности, ранее сами подвергались издевательствам и насилиям со стороны старослужащих[1].

Нередко человек, проявляющий агрессию, чтобы снять с себя груз ответственности, прибегает к различного рода приемам психологического характера. Происходит своего рода «рационализация» собственной агрессии. В частности, это было выявлено при изучении социально-психологических механизмов «дедовщины», в условиях которой оправдание издевательств над молодыми солдатами выражалось в словах, которые приходилось слышать от старослужащих: «нас били — теперь мы будем бить».

В литературе описаны следующие наиболее распространенные способы самооправдания агрессии, которые необходимо учитывать, чтобы понять причины некоторых преступлений насильственного характера. К этим *способам самооправдания агрессии* можно отнести следующие:

о снижение значимости предпринятой агрессии путем одностороннего сравнения своих действий с более агрессивными действиями других («меня еще и не так били!»);

о оправдание собственных агрессивных действий тем, что они были призваны обеспечивать более высокие ценности («пора, наконец, наводить порядок!»);

о отрицание либо разделение своей ответственности с другими лицами, особенно в случаях коллективной агрессии («все бьют, не только я!»);

о дегуманизация жертвы с отказом признать за ней личностные, чисто человеческие качества, ее право на уважение, право на жизнь («сам виноват!»)[2].

Агрессивным действиям нередко сопутствуют проявления *жестокости* или даже *«особой жестокости»,* о которой наряду с *«жестоким обращением»* говорится в уголовном законодательстве. Кроме того, понятие жестокости (особой жестокости), как на это обращает внимание О.Ю. Михайлова, имманентно содержится в ряде уголовно-правовых понятий, которые сами по себе характеризуют деяние как

[1] См.: *Романов В.В.* Дедовщина (опыт социально-психологического исследования) / Юридическая панорама. 1993. № 1. С. 30.

[2] См.: *Хекхаузен Х.* Указ. соч. С. 374.

жестокое или даже как «особо жестокое»[1]. К таким уголовно-правовым понятиям следует отнести прежде всего: *садизм,* т.е. ненормальную страсть к жестокости, наслаждение чужими страданиям, мучительство, извращенную, изощренную жестокость[2]; совершение преступления с *мучениями* для потерпевшего (п. «и» ч. 1 ст. 63, п. «б» ч. 2 ст. 111, п. «в» ч. 2 ст. 112 УК РФ); *истязание* (от истязать, жестоко мучить[3]), в том числе с применением пыток (п. «д» ч. 2 ст. 117 УК РФ).

По своему первоначальному смыслу *жестокость* предполагает отсутствие жалости, сострадания к жертве, в отношении которой совершаются агрессивные действия. В более широком смысле слова жестокость, как и агрессия, — и это их роднит — представляют собой способ реализации насилия. Но по сравнению с агрессивностью жестокость более узкое понятие. Как справедливо отмечает Ю.М. Антонян, жестокость — это особое качество агрессивности сугубо социального происхождения, присущее только поведению человека, продукт его страстей и противоречий.

Несмотря на свою связь с агрессивностью понятие жестокости не совпадает с ней. «Агрессивный человек может быть не жестоким, если его действие не мотивировано причинением страданий и мучений ради них самих. Жестокий же человек всегда агрессивен»[4]. Агрессивные действия в отличие от жестоких, как правильно подчеркивается, не совершаются ради причинения страданий потерпевшему.

Жестокое поведение, считает Ю.М. Антонян, это — намеренное, т.е. умышленное, осмысленное причинение субъектом другому существу мучений и страданий ради них самих или даже ради достижения других целей, например самоутверждения, подчинения своей власти и пр., либо как угроза такого причинения. Это насильственные действия, совершая которые субъект осознавал или предвидел подобные последствия. Поэтому неосторжные действия, поступки даже с самыми тяжкими последствиями не могут считаться жестокими[5].

Кроме того, жестокость, как и агрессивность, можно рассматривать в качестве личностной особенности, черты характера индивида, которая проявляется в жестоком обращении с потерпевшим, в жестоких по характеру действиях по отношению к нему. Аналогичной точки зрения придерживаются и другие авторы. Например, О.Ю. Михайлова считает, что «жестокость есть свойство личности, которое возникает в результате неблагоприятных условий формирования, искаженной социализации личности»[6].

[1] *Михайлова О.Ю.* Криминально-психологическая природа жестокости // Преподавание юридической психологии и ее практическое применение: Тезисы докладов. Часть 2. Тарту, 1986. С. 27.
[2] См.: *Ожегов СИ.* Словарь русского языка; см. также: Словарь иностранных слов.
[3] См.: *Ожегов СИ.* Там же.
[4] *Антонян Ю.М., Гульдан В.В.* Криминальная патопсихология. М., 1991. С. 125.
[5] См.: *Антонян Ю.М.* Жестокость в нашей жизни. М., 1995. С. 11, 21.
[6] *Михайлова О.Ю.* Указ. соч. С. 28.

Распространенным способом оценки насильственных действий преступника с точки зрения того, совершены они с особой жестокостью или нет, является изучение объективной стороны содеянного, оценка способа совершения преступления, а также наступивших от него последствий. Однако в некоторых случаях только этого бывает недостаточно, поскольку насильственные действия, совершенные с особой жестокостью, и аналогичные действия в состоянии аффективного возбуждения (импульсивные действия) по количеству повреждений, причиненных потерпевшему, по конечным результатам во многом имеют внешнее сходство. Иногда это приводит, например, к тому, что большое количество телесных повреждений на трупе расценивается как доказательство особой жестокости в действиях того, кто их наносил, без учета психологических факторов: личности виновного, его мотивационной сферы, а также целей, которые он преследовал. И здесь в подобных случаях большую помощь правоохранительным органам может оказать судебный психолог.

§ 2. Типология личности преступника

Основная цель создания различных типологических вариантов личности преступника состоит в том, чтобы оказать помощь правоохранительным органам в изучении лиц данной категории, причин, совершаемых ими преступлений, в разработке наиболее эффективных тактико-психологических приемов и методов разоблачения их преступной деятельности, в оказании последующего воспитательного воздействия на их личность.

Поскольку личность преступника — проблема междисциплинарная, в ходе разработки типологии лиц, совершающих преступления, можно использовать различные основания, критерии (правовые, социальные, психологические и т.д.) или, как еще говорят, *типообразующие признаки:* социально-демографические (пол, возраст, образование и т.д.); отношение к содеянному; степень общественной опасности; психологические особенности; направленность противоправных действий; содержание, глубина и стойкость криминогенной мотивации; ведущие свойства характера; психические аномалии; уровень социальной адаптации, криминогенной зараженности и т.д. Классификация может быть построена и по субъективной стороне содеянного и даже по отдельным составам преступлений Особенной части УК РФ. Все зависит от того, как тонко подметил Г.М. Миньковский, что, для чего и как должно изучаться[1].

В криминологии — • науке, специально посвященной изучению личности преступника, достаточно подробно разработана классификация различных криминальных типов[2]. Не будем дублировать их описание.

[1] *Миньковский Г.М.* О некоторых общих положениях криминологического изучения личности // Теоретические проблемы учения о личности преступника, М., 1979. С. 28.

[2] См.: Личность преступника / Под ред. В.Н. Кудрявцева и др. М., 1975. С. 50—53; из последних работ см.: Криминология: Учебник / Под ред. Б.В. Коробейникова и др. С. 99—101; Криминология: Учебник / Под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Н. Эминова. С. 89—91: см. также: *Антонин Ю.М., Еникеев М.И., Эминов В.Е.* Психология преступника и расследования преступлений. С. 20—28.

Лишь кратко напомним наиболее известные из них с тем, чтобы посмотреть на эти типы с психологической точки зрения.

Итак, по объекту посягательства, характеру преступных действий выделяются следующие три наиболее крупные типологические группы преступников:

корыстные.

насильственные,

корыстно-насильственные.

По характеру, степени общественной опасности преступные типы подразделяются на:

случайный тип, объединяющий лиц, впервые совершивших преступление в результате случайного стечения обстоятельств при общей социально-положительной направленности личности;

ситуационный тип личности преступников, совершивших преступление под воздействием неблагоприятных условий формирования их личности, однако в целом характеризуемых больше положительно, чем отрицательно;

неустойчивый тип, к которому относятся лица, также совершившие преступление впервые, но допускавшие ранее различного рода правонарушения, аморальные поступки;

злостный тип, включающий лиц, неоднократно (см.ст. 16 УК РФ) совершавших преступления, в том числе ранее судимых за это;

особо опасный тип личности преступников, признанных опасными либо особо опасными рецидивистами за совершенные тяжкие преступления и т.п. (подробнее см. ст. 18 УК РФ).

Возможна разработка и иных типологических вариантов личности преступников, например по субъективной стороне в зависимости от формы вины — умышленно или неосторожно совершено преступление и т.д.

В отличие от криминологии, уголовного права юридическую психологию интересуют прежде всего *психологические критерии оценки личности преступников,* особенности их характера, ценностных ориентацией, социальных установок, повлиявших на их противоправное поведение.

В ходе исследования психологических особенностей лиц, совершивших различные преступные деяния, обращает на себя внимание такое интегративное качество личности, как *социальная адаптивность,* которая влияет на поведение человека в самых различных, в том числе и в криминальных, ситуациях. Данное комплексное личностное образование влияет на отношения субъекта с окружающей его социальной средой, определяет в целом его жизненную стратегию, тактику повседневного поведения, взаимоотношений с окружающими его людьми, способы разрешения им различных конфликтов с помощью правовых либо неправовых (криминальных) средств.

В основе социальной адаптивности личности лежит *психическая адаптация* человека «как результат деятельности целостной самоуправляемой системы, активность которой обеспечивается не просто со-

вокупностью отдельных компонентов (подсистем), а их взаимодействием и «содействием», порождающим новые интегративные качества, не присущие отдельным образующим предметам»[1].

Система психической адаптации, как пишет Ю.А. Александровский, постоянно находится в состоянии готовности у субъекта к выполнению присущих ей функций. В тех же случаях, когда данная система не срабатывает, когда вследствие этого нарушаются взаимоотношения субъекта с окружением, последний начинает предпринимать усилия для того, чтобы изменить сложившееся положение либо попросту выйти из него в любую сторону и часто, как замечают Ю.М. Антонян и С.В. Бородин, любым путем. Такой «любой путь» может быть просто не понят окружающими, поскольку выходит за пределы обычного здравого смысла, общепринятых стереотипов поведения.

У лиц же, обремененных психическими аномалиями, к тому же находящихся в состоянии фрустрации в усложненных жизненных ситуациях, вероятность выбора «любого пути», выходящего за пределы норм права, значительно возрастает. В итоге лица с психическими аномалиями, которые значительно снижают уровень их социальной адаптации, чаще других в большей мере оказываются в жесткой зависимости от конкретных обстоятельств. «Эту зависимость они очень часто пытаются «снять» с помощью насильственных действий. Такие действия (обычно на бессознательном уровне) имеют смысл разрушения, уничтожения объекта, демонстрирующего лицу его несостоятельность или недостаточность, и выступают в роли психологической защиты»[2]. Все это нередко объясняет агрессивные формы поведения людей, прибегающих к насилию.

Проведенные исследования подтвердили высокий процент лиц с психическими аномалиями среди осужденных за убийства (72%), нанесение тяжких телесных повреждений (64,8%)[3].

С этой точки зрения лиц, совершающих преступления, условно можно разделить на две большие группы, два основных типа: *социально-адаптивный* и *социально-дезадаптивный тип личности с* выделением промежуточных вариантов личности.

Какие психологические факторы, свойства личности человека вообще и личности преступника в первую очередь определяют уровень социальной адаптивности последнего и, во-вторых, каким образом можно оценивать этот уровень или эту качественную характеристику личности?

В этой связи прежде всего обращают на себя внимание следующие факторы:

нервно-психическая, эмоционально-волевая устойчивость личности;

[1] *Александровский Ю.А.* Пограничные психические расстройства. М., 1993. С. 34—35.

[2] *Антонян Ю.М., Бородин С.В.* Преступность и психические аномалии. С. 71.

[3] См.: *Антонян Ю.М., Виноградов М.В., Голумб Ц.А.* Преступность и психические аномалии // Сов. государство и право. 1979. № 7.

интеллектуальный уровень развития субъекта;

мотивационная сфера личности, включающая не только мотивы достижения, избегания неуспеха, но и такие более сложные образования, как ценностные ориентации, мировоззренческая основа личности.

Различное сочетание качественных характеристик, формирующих тот или иной фактор, позволяет оценивать уровень социальной адаптивности личности и, что особенно важно, прогнозировать поведение субъекта, его наиболее предпочтительные способы разрешения конфликтов, позволяет судить о том, насколько он в состоянии управлять ситуациями, в которых неожиданно оказывается либо которые, напротив, сам целенаправленно ищет во имя удовлетворения своих потребностей, достижения уровня собственных притязаний. Итак, рассмотрим эти два основных типа.

Социально-адаптивный тип личности преступника. Данный тип отличается высоким уровнем нервно-психической, эмоционально-волевой устойчивости, сопротивляемостью (толерантностью) к стрессу, к длительно воздействующим психофизическим перегрузкам, стеническим типом реагирования в сложных, критических ситуациях, развитыми адаптивными свойствами нервной системы: силой, подвижностью нервных процессов. Эти качества могут усиливаться хорошо развитым интеллектом, позволяющим субъекту успешно осваивать тот или иной способ совершения преступлений, гибким мышлением, сообразительностью, прагматическим складом ума, способностью прогнозировать развитие событий не только на время совершения преступления, но и в последующем в ситуациях активного противодействия усилиям правоохранительных органов. Такие лица нередко имеют достаточно широкий круг интересов (и не только в криминальной сфере), хорошую память, развитое внимание и воображение, обостренное восприятие.

Кроме того, субъекты, относимые к данному типу, часто отличаются высоким (завышенным) уровнем притязаний, что иногда приводит их к переоценке своих сил и возможностей и может послужить одной из причин ошибок в ходе их противодействия работникам правоохранительных органов.

В мотивационной структуре личности данного криминального типа, как правило, преобладают мотивы достижения, ценностные ориентации, позволяющие им осознанно игнорировать социальные нормы, общепринятые правила поведения, преступать недозволенное.

Поэтому характерной чертой таких лиц является низкий уровень нормативности поведения, соответствующий такому же уровню правосознания, По наблюдениям Ю.М. Антоняна, «среди преступников немало лиц с ярко выраженной индивидуальностью, большой предприимчивостью и инициативой, устойчивой системой взглядов, с тем, что можно назвать мировоззрением»[1].

[1] Криминология: Учебник / Под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. С. 91.

Совокупность отмеченных выше качеств личности позволяет представителям данного типа дольше других правонарушителей оставаться неразоблаченными, основательно усваивать криминальный опыт, умело используя его в своей преступной деятельности, приобретать соответствующую криминальную квалификацию. Такой тип личности распространен среди тех, кого относят к *профессиональным преступникам*,кто является лидерами организованных преступных групп, активными участниками совершения групповых преступлений, руководителями различных организованных преступных сообществ, бандитских формирований.

Если воспользоваться вышеприведенной типологией, можно сказать, что *высокий уровень социальной адаптивности* отличает прежде всего лиц, отнесенных к *злостному* и к *особо опасному криминальным типам.* Благодаря своей социальной «мимикрии», быстрой приспособляемости к происходящим в обществе переменам представители указанных выше преступных типов в своих корыстных интересах способны умело извлекать различные преимущества, всевозможного рода блага, присваивая незаконным путем огромные материальные средства.

Социально-дезадаптивный тип личности преступника. Лица, которых можно отнести к данному типу, отличаются прежде всего своей низкой эмоционально-волевой устойчивостью, сниженной сопротивляемостью к стрессу, невротической симптоматикой, ярко выраженными акцентуированными свойствами характера по гипертимно-неустойчивому, эпилептоидному и некоторым другим типам, психическими аномалиями, психотическими расстройствами, психопатическими особенностями личности.

Неразвитые в должной мере социально-адаптивные качества таких лиц, сниженный порог их нервно-психической устойчивости могут усугубляться недостаточно высоким интеллектом, слабо развитыми прогностическими способностями.

Кроме того, поведение подобного рода субъектов во многом бывает обусловлено достаточно примитивными потребностями (проводить время в постоянных развлечениях, сопровождаемых употреблением спиртных напитков, наркотиков и пр.). Интересы, ценностные ориентации, мировоззренческая основа таких лиц характеризуются своей бездуховностью, примитивным складом, отсутствием высоких идеалов. Поэтому им трудно прогнозировать свои поступки, поведение во имя достижения более значимых целей по сравнению с удовлетворением каких-то сиюминутных потребностей. А поскольку такие потребности далеко не всегда могут быть удовлетворены, все это способствует появлению у них неконтролируемого состояния фрустрации, повышенной агрессивности, проявляемых при совершении различных преступлений насильственного характера, начиная от обычного хулиганства и кончая более опасными преступными деяниями, актами вандализма, разбойными нападениями и пр.

Низкий уровень социальной адаптации можно наблюдать у лиц, относимых криминологами к так называемому *неустойчивому,* а также *ситуационному типам преступников,* нередко оказывающих-

ся во власти обстоятельств, которыми им трудно управлять, сохраняя должную эмоционально-волевую устойчивость, самоконтроль за своими действиями и поведением. Поэтому такие лица чаще других оказываются под сильным воздействием аффективно окрашенных состояний, эмоций гнева, фрустрации и т.п. А сниженный интеллект при высоком уровне притязаний, отсутствие должного воспитания, навыков поведения, принятых в обществе, в еще большей мере могут способствовать совершению такими лицами всевозможного рода насильственных преступлений.

Нарушения социальной адаптации выявляются с помощью различных тестовых методик. Например, с помощью MMPI (СМИЛ или ММИЛ), 16-ФЛО Р.Б. Кеттелла. Так, у лиц, испытывающих серьезные трудности в области социальной адаптации, наблюдаются высокие показатели (80 Т-баллов и выше) шкал 2, 4, 6, 8, 9 MMPI, низкие значения факторов С, G, Q_3 при высоких показателях факторов О, Q_4 16-ФЛО в разных сочетаниях[1].

Такова краткая психологическая характеристика двух противоположных по уровню социальной адаптивности типов личности преступников. Понятно, что типологические свойства тех, кто совершает преступления, имеют различную степень выраженности, разнообразные сочетания. С этой точки зрения можно говорить о *промежуточных* или о *смешанных типах*, поскольку у лиц, виновных в совершении преступлений (как, разумеется, и у законопослушных граждан), в разной степени сформированы различные *компенсаторные свойства личности,* позволяющие поддерживать определенный уровень социальной адаптации в различных ситуациях. Например, даже при сниженном уровне нервно-психической устойчивости некоторым лицам с развитым интеллектом за счет своих незаурядных умственных, прогностических способностей удается поддерживать необходимый для занятия криминальной деятельностью уровень социальной адаптации, умело используя несовершенство системы наших правоохранительных органов, ошибки и просчеты в их деятельности, своевременно уходя от уголовной ответственности.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Раскройте содержание понятия «личность преступника».
2. В каких целях изучаются психологические особенности личности субъекта, совершившего преступление?
3. Чем отличается с психологической точки зрения личность преступника от личности законопослушного гражданина?
4. Что представляют собой психические аномалии, психические расстройства? Какое влияние они могут оказывать на поведение человека?
5. Что такое агрессивность как свойство личности, в чем она проявляется?
6. Виды агрессии (агрессивного поведения), их краткая характеристика.

[1] Об этом сообщают многие авторы. См.: *Антонян Ю.М., Бородин С.В.* Преступность и психические аномалии. С. 96: *Антонян Ю.М., Еникеев М.И., Эминов В.Е.* Психология преступника и расследования преступлений. С. 46—50; и др.

7. «Норма агрессии» и «норма возмездия» — их психолого-правовая оценка.

8. Раскройте понятие жестокости (особой жестокости), назовите ее разновидности, указанные в уголовном законе.

9. Проведите сравнительный анализ понятий агрессивности и жестокости.

10. Перечислите известные вам типы личности преступников, опишите их основные характеристики.

11. Что такое социальная адаптивность личности? Какое влияние данное личностное образование может оказывать на характер противоправного поведения правонарушителей?

12. Дайте краткую психологическую характеристику социально-адаптивному и социально-дезадаптивному типу личности преступника.

Глава 10
ПСИХОЛОГИЯ ГРУППОВОГО ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ (ПСИХОЛОГИЯ ПРЕСТУПНОЙ ГРУППЫ)

Понятие группы, ее виды, их характеристика. Социальный статус, социальные роли и групповые ролевые ожидания. Структура малой группы. Групповые кормы и ценностные ориентации, система групповых санкций. Виды преступных групп: случайные и организованные. Банда. Сплоченность, устойчивость организованной преступной группы. Преступное сообщество (преступная организация). Объединение организованных преступных групп. Основные признаки организованных преступных формирований. Психологические особенности расследования организованной преступной деятельности.

§ 1. Понятие, психологическая характеристика группы

Понимание того, что представляет собой группа с точки зрения социальной психологии, каким образом она воздействует на своих членов, что движет людьми, состоящими в ней, помогает, с одной стороны, правильно оценивать их действия и поступки, а с другой — выбирать наиболее оптимальные методы борьбы с организованной групповой преступностью. Поэтому рассмотрим некоторые основополагающие понятия, категории, объективно существующие закономерности группового поведения людей, определяющие жизнь любой группы, которые необходимо учитывать юристу, имеющему дело с групповой преступностью.

1. В социальной психологии существуют различные взгляды на понятие группы. В контексте проблем, изучаемых юридической психологией, наибольший интерес представляет определение группы в качестве реально существующего образования, в котором люди находятся вместе, в идентичных условиях, объединены общей, совместной деятельностью и осознают свою принадлежность к этому образованию[1].

Современное общество включает в себя огромное количество разнообразных социальных групп, различающихся по целям и содержанию деятельности, по способу объединения, характеру функционирования и т.д. В системе существующих общественных отношений каждая из них занимает свое определенное место.

По числу входящих в них людей социальные психологи выделяют большие общественные группы (макрогруппы) и малые группы (микрогруппы).

Малая группа возникает, как правило, на основе совместной деятельности, общих интересов небольшого числа людей, между которыми поддерживаются непосредственные, личные контакты. Члены такой

[1] См.: *Андреева Г.М.* Социальная психология. М., 1996. С. 137—138.

группы находятся в постоянном общении друг с другом. Это приводит к формированию групповых взглядов и норм поведения.

Число лиц. входящих в малую группу, бывает различным. Нижний ее предел, естественно, не может быть меньше двух человек. Верхняя граница соответствует тому уровню, на котором сохраняются и наиболее активно поддерживаются межличностные контакты, оказывается взаимное влияние членов группы. Считается, что наиболее распространены микрогруппы, составляющие из (±) семи человек.

В свою очередь малые группы подразделяются на *формальные* и *неформальные.* В отличие от формальных групп, структура которых определена свыше, неформальные группы складываются стихийно и могут существовать внутри большей по размерам группы.

В социальной психологии встречается и другая классификация малых групп. Они подразделяются на так называемые *группы членства* и *референтные группы.* В референтной группе субъект может даже и не состоять, но на мнение, взгляды группы, к которой он сам себя относит, ориентирован настолько, что они существенно влияют на его мотивационную сферу, поступки, поведение, что мы нередко наблюдаем в современных молодежных группах.

Социально-психологический механизм воздействия подобных групп нередко помогает понять, почему субъект поступил определенным образом, иногда даже вопреки своим личным интересам, разобраться в истинных причинах его противоправного поведения, увидеть скрытые мотивы, подтолкнувшие его на этот путь.

Значение группы во взаимоотношениях людей состоит в том, что она выступает субъектом определенного вида деятельности (в том числе и противоправной.) и в силу этого включена в систему определенных отношений, существующих в обществе. Общность содержания, форм деятельности людей, объединенных в группу, порождает и общность группового сознания членов группы.

2. В социальной психологии основными характеристиками группы считаются: ее параметры (состав, структура); внутригрупповые, межличностные процессы; групповые нормы и ценностные ориентации; система санкций.

В тех случаях, когда юристу приходится иметь дело с группой, с оценкой группового поведения людей, весьма важно обращать внимание на содержание функциональных обязанностей ее членов в ходе их совместной деятельности, а также на характер их межличностных, ролевых отношений в динамике групповой жизни. Именно по этим признакам и отличается каждая группа людей от другой группы. «Для индивида, входящего в группу, осознание принадлежности к ней осуществляется прежде всего через принятие этих характеристик, т.е. через осознание факта некоторой психической общности с другими членами данной социальной группы, что и позволяет ему «идентифицироваться с группой»[1].

[1] *Андреева Г.М.* Указ соч. С. 140.

Все эти факторы формируют такой социально-психологический феномен, который называется *психологической общностью людек,* входящих в ту или иную группу, пробуждающих у них так называемыми-чувства. Эти *мы-чувства»* часто доминируют в мотивационной сфере личности, побуждая членов группы разделять всех людей на две большие категории: «мы» и «они», на «наших» и «ненаших». При этом следует подчеркнуть, что в любой группе положение ее членов строго определяется той позицией или статусом, которые они занимают или имеют.

Под *статусом индивида* понимается некое единство объективно заданных ему характеристик, позволяющих субъекту занимать «свое» место в группе, изменить которое он может, только сменив первоначально заданные ему характеристики.

Каждой позиции индивида соответствует определенный набор функций, которые в своей совокупности позволяют ему играть строго определенную *социальную роль* в группе. Этой роли соответствуют *групповые ролевые ожидания* по отношению к тому или иному члену группы, предусмотренные образцы поведения последнего. Серьезные расхождения между «ролевым поведением» члена группы и «групповыми ожиданиями» по отношению к нему со стороны других членов группы нередко служат причиной возникновения внутригрупповых конфликтных отношений, приводящих в действие *«групповые санкции»* в отношении лица, пренебрегающего принятыми в группе нормами ролевого поведения, что особенно бывает заметно в групповых преступных формированиях.

Стремление, потребность члена группы соответствовать групповым ожиданиям часто являются ведущими мотивами, побуждающими субъекта действовать в интересах группы даже вопреки своим личным потребностям, взглядам, установкам. Именно данной закономерностью объясняются те нередкие случаи, когда члены преступной группы совершают действия в интересах группы, берут на себя вину за других, как правило, ее лидеров, упорно отказываются давать правдивые показания, несмотря на изобличающие их доказательства.

И тем не менее благодаря тому, что мера принятия каждым членом группы норм групповой жизни и морали различная, данное явление может послужить своеобразной трещиной в групповой сплоченности членов группы, в конечном итоге стать причиной ее развала, особенно если следователем тактически грамотно строятся отношения с каждым ее членом. Наглядно эти процессы дают о себе знать при расследовании групповой преступной деятельности, о чем более подробно пойдет речь в следующем параграфе.

3. Любую малую группу с точки зрения ее структурного построения можно представить в виде трех основных слоев (или, как еще говорят, «страт»).

Прежде всего любая малая группа, состоящая из нескольких (5—7 и более) членов, имеет свое *ядро,* включающее *лидера* группы и его ближайшее окружение (слой А), для которых принадлежность к группе, их совместная деятельность имеют наибольшее значение.

Следующий слой группы (Б) охватывает других ее членов и характеризуется тем, что они связаны совместной деятельностью, имеют общие взгляды, ориентации относительно основных ценностей, способов их совместной деятельности, хотя и в меньшей степени. Г.М. Андреева определяет слой Б как *ценностно-ориентационное единство* членов группы.

И наконец, группа, особенно при относительно большой численности ее членов, может иметь еще и свой внешний слой групповой структуры (слой В) из лиц, главным образом поддерживающих только эмоциональные контакты между собой, симпатизирующих друг другу.

Каждому уровню (слою) групповой структуры соответствует та или иная *степень сплоченности* членов группы. Для юристов понятие сплоченности имеет особое значение, поскольку оно введено законодателем в уголовно-правовую норму в качестве одного из признаков, характеризующих «преступное сообщество», участие в котором признается преступлением (см. ч. 4 ст. 35 УК РФ).

С точки зрения социальной психологии сплоченность группы — это ее характеристика, отражающая различный уровень, процесс развития внутригрупповых связей, превращающий внешне заданную структуру в психологическую общность людей, занятых совместной деятельностью, живущих по своим, одобряемым группой законам (Г.М. Андреева). С помощью данного понятия оценивается групповая активность, «деятельностное опосредование межличностных отношений в группе» (А.В. Петровский).

Социальными психологами выведен *индекс групповой сплоченности* (в известной мере довольно формальная характеристика малой группы), который подсчитывается по отношению количества взаимных положительных выборов членов группы к их общему возможному числу. Благодаря применению социометрического метода устанавливается уровень благополучия взаимоотношений ее членов, который позволяет судить о степени сплоченности, устойчивости группы, вероятности внутригрупповых конфликтов, напряженности либо, напротив, комфортности психологической атмосферы в группе. Известны случаи успешного использования данного метода с привлечением социального психолога при расследовании сложных преступлений, совершенных устойчивой группой правонарушителей (бандой).

Понятно, что наибольший уровень групповой сплоченности соответствует слою А. Если применять сказанное к преступной группе (о чем более подробно пойдет речь в следующем параграфе), то в ней сплоченность проявляется в том, что ее члены (слой А) не только разделяют общие цели своей совместной преступной деятельности, но и активно участвуют в ней. В свою очередь успешная групповая преступная деятельность становится фактором сплочения группы, детерминантой дальнейшего развития последней.

Средний уровень развития групповой сплоченности, соответствующий слою Б, в своей основе имеет ценностно-ориентационное единство членов группы, выражающееся в совпадении у них основ-

ной системы ценностей, интересов, связанных с процессом их совместной деятельности.

И наконец, самый низкий уровень развития групповой сплоченности, соответствующий внешнему, поверхностному слою В внутригрупповых отношений, характеризуется главным образом эмоциональными контактами между лицами, которые считают себя членами группы.

Наряду с понятием группы в отечественной психологии широко используется и понятие коллектива. Далеко не всякая группа может считаться коллективом. *Коллектив — это социальная общность людей, объединенных на основе общих задач и целей в процессе их совместной общественно полезной деятельности.*

4. Говоря о *больших социальных группах людей* (макрогруппах), следует помнить об исключительно важной роли в динамических процессах внутри таких общностей людей их национальных обычаев, привычек, социально-культурных, религиозных традиций, социальных установок. Все эти факторы активно влияют на индивидуальное сознание человека, его поведение в группе. Особенно велика их роль в возникновении паники, массовых беспорядков, конфликтных ситуаций на национальной и религиозной почве, в обстановке, приближенной к боевым условиям, в районах массовых, стихийных и иных бедствий.

§ 2. Психолого-правовая оценка организованных преступных формирований (групп), их противоправной деятельности

Борьба с организованной групповой преступностью является одной из актуальных проблем современного общества. Понимание социально-психологических особенностей возникновения и функционирования различных преступных групп (группировок), сообществ (преступных организаций), объединений преступных групп, созданных для совершения тяжких или особо тяжких преступлений, внутригрупповых динамических процессов, происходящих в них, правильная психолого-правовая, криминалистическая оценка их преступной деятельности является необходимым условием разработки наиболее эффективных приемов и методов борьбы с ними.

В современных условиях с введением в действие Уголовного кодекса РФ сложились более благоприятные предпосылки, позволяющие гораздо точнее дифференцировать различные формы групповой, организованной преступности, разнообразные виды преступных групп, организаций, сообществ. Поэтому с позиций юридической психологии, учитывая изученные социальными психологами закономерности групповой деятельности людей, рассмотрим подробнее различные организованные преступные формирования, социально-психологические особенности их преступной деятельности, методы их нейтрализации.

1. К наиболее простому типу преступных формирований принято относить так называемые *случайные преступные группы,* состоящие из двух и более исполнителей, совершающих преступления без предва-

рительного сговора, имеющие самый низкий уровень психологической сплоченности, возникшие случайно, нередко в неожиданно сложившейся обстановке (см, ч. 1 ст. 35 УК РФ).

В группах подобного типа отсутствует четкая психологическая, функциональная структура, еще не выделился лидер, решения соучастниками преступления нередко принимаются под влиянием какой-то спонтанно возникшей ситуации, под воздействием эмоций, настроения, чувства солидарности соисполнителей. Именно поэтому участники такой совместной преступной деятельности совершают преступления без предварительного сговора, без распределения ролей и функциональных обязанностей, без заранее продуманного плана, как говорили раньше, скопом, т.е. вместе, сообща.

Такая группа обычно совершает преступление внезапно, часто поддавшись брошенному кем-то призыву типа: «наших бьют!», либо просто под влиянием общего эмоционально-волевого настроя. В подобных случаях однородные действия, направленные на достижение одной или нескольких целей, совершаются одновременно. Поскольку степень групповой сплоченности между членами такой группы весьма низкая, взаимная зависимость, поддержка, защита у них в случае разоблачения проявляется слабо[1].

Данная форма группового соучастия имеет наибольшее распространение среди молодежи, лиц психопатического круга, не располагающих криминальным опытом, при совершении хулиганских действий, убийств, групповых изнасилований. В обстановке совершения подобного рода преступлений соучастники присоединяются к исполнителю, уже начавшему совершать противоправные действия, при этом, разумеется, сознавая, что все они действуют совместно[2].

2. К следующей разновидности преступных групп, выделенных законодателем, относятся группы типа компании, состоящие из двух и более лиц, заранее, *по предварительному сговору* договорившихся совместно совершить преступление (см. ч. 2 ст. 35 УК РФ). Такой сговор происходит относительно места, времени или способа совершения преступления. Данная форма соучастия может сочетаться как с обычным соисполнительством, так и с соучастием в прямом смысле этого слова, т.е. с распределением ролей[3].

Подобные группы обычно возникают из случайных групп, особенно если последним удается остаться неразоблаченными. В таких группах, хотя и не сформировались до конца ее структурные элементы, система подчинения, пока нет еще четко признанного всеми лидера (вожака), тем не менее уже выделяется из наиболее активных ее членов руково-

[1] См.: *Васильев В.Л.* Психологические аспекты преступных формирований и расследования совершаемых ими преступлений: Учебное пособие. СПб., 1994. С. 11—12; см также: *Ткачев Н., МиненокМ.* Объединения преступников: формы и специфические признаки // Соц. законность. 1991. № 12. С. 10.

[2] См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. А.В. Наумова. М., 1996. С. 123.

[3] Там же. С. 123.

дящее ядро, возрастает значимость взаимоотношений между членами группы в связи с совершением ими преступлений. Однако участники таких групп еще не чувствуют острой необходимости в более сложной организации. Межличностные отношения у них строятся в основном на личных предпочтениях и симпатиях, эмоциональных связях.

Подобные преступные группы обычно состоят из воров, мошенников, грабителей, разбойников. И все же, поскольку преступные группы данного типа более организованны по сравнению со случайными, — справедливо отмечает В.Л. Васильев, — их члены проявляют большую сплоченность в ходе противодействия усилиям правоохранительных органов. Для соучастников преступных групп типа компании мнение ее членов, особенно руководящего ядра, значит уже больше. Поэтому показания об их личной и групповой преступной деятельности у них получить бывает труднее. Вместе с тем сплоченность членов таких групп не настолько высока, чтобы невозможно было преодолеть связывающую их круговою поруку и добиться от них правдивых показаний[1].

Данный тип преступной группы является как бы промежуточным между рассмотренными выше случайными и организованными преступными группами.

3. *Организованная преступная группа* — более совершенная, а поэтому и более опасная форма криминального объединения, поскольку представляет собой «устойчивую группу лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений» (см. ч. 3 ст. 35 УК РФ).

Как разъяснил Пленум Верховного Суда РФ, «под организованной группой, предусмотренной в качестве квалифицирующего признака... следует понимать *устойчивую группу* из двух и более лиц, *объединенных умыслом* на совершение одного или нескольких преступлений. Как правило, такая группа *тщательно готовит и планирует преступление, распределяет роли* между соучастниками, оснащается техникой и т.д.»[2].

По мнению известного исследователя организованной преступности А.И. Гурова, организованная устойчивая группа (или, как он ее называет, группировка) имеет четко выраженную *иерархию*. Состав таких преступных групп (группировок) может доходить до нескольких десятков участников. В них есть лидер, руководящее ядро, состоящее из нескольких человек, строго соблюдается принцип единоначалия. Главарь планирует и готовит преступления, распределяет роли между участниками. В зависимости от характера преступной деятельности группировка делится на несколько звеньев, обеспечивающих ее жизнедеятельность: боевики, группы прикрытия, разведчики и т.д. Организатора участники группы (группировки), как правило, знают в лицо.

[1] См.: *Васильев В.Л.* Указ. соч. С. 13.

[2] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 4 мая 1990 г. «О судебной практике по делам о вымогательстве» // Бюллетень Врховного Суда РСФСР. 1990. № 7. С. 8—9.

«Такого рода объединения, — отмечает А.И. Гуров, — существуют продолжительное время, занимаясь преступлениями как бизнесом. Чаще всего это контрабанда, вымогательства, хищения, кражи автомашин, разбои. Отсюда возникает потребность в специалистах разной квалификации, что и определяет число участников группировки, создавая достаточно обширную периферию (внешние контакты)»[1].

Ярким примером такой организованной, устойчивой группы может служить *банда,* т.е. организованная, устойчивая *вооруженная группа* из двух и более лиц, заранее объединившихся для совершения нападений на граждан или организации. Банда, как разъясняет Пленум Верховного Суда РФ, может быть создана и для совершения одного, но требующего тщательной подготовки нападения[2].

Таким образом, обязательным признаком банды как устойчивой группы является *вооруженность ее членов* (ст. 209 УК РФ), предполагающая наличие у них огнестрельного или холодного оружия, различного рода взрывных устройств, а также газового или пневматического оружия. Для признания того, что банда вооружена, достаточно, чтобы оружие было хотя бы у одного из ее членов при осведомленности об этом других участников данного преступного формирования.

Обычно численность банды редко превышает 10 человек. Среди различных организованных преступных группировок банда отличается самым высоким уровнем своей организованности, строжайшей соподчиненностью, беспрекословным подчинением главарю[3]. Как писал В.С. Овчинский, бандитизм является наиболее концентрированным проявлением организованной преступности. «В банде есть атаман, контрразведка, иерархия отношений, строжайшее подчинение и неминуемая расправа за неповиновение и ослушание, а тем более за попытку отказа от продолжения преступной деятельности»[4].

Примером подобной организованной преступной группы может служить банда братьев Ларионовых А. и С, длительное время орудовавшая в Приморье. Ее структура наглядно демонстрирует такой характерный признак, как своеобразное «разделение труда» между ее членами (см. рис. 10.1).

Об *устойчивости* организованных преступных групп (группировок) свидетельствуют следующие признаки:

о стабильность, замкнутость, постоянство, обособленность преступной группы как средство ее самосохранения, общность взглядов, социальных установок негативного характера, схожие эгоистические интересы, порождающие психологическую сплоченность, ценностно-ориентационное единство, групповое стремление к достижению постав-

[1] *Гуров А.И.* Красная мафия. М., 1995. С. 297.

[2] Постановление Пленума Врховного Суда РФ № 1 от 17 января 1997 г. «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм» / Бюллетень Верховного Суда РФ. 1997. № 3.

[3] См.: *Овчинский В.С.* Стратегия борьбы с мафией. М., 1993. С. 55.

[4] Основы борьбы с организованной преступностью / Под ред. В.С. Овчинского, В.Е. Эминова, Н.П. Яблокова. М.. 1996. С. 373.

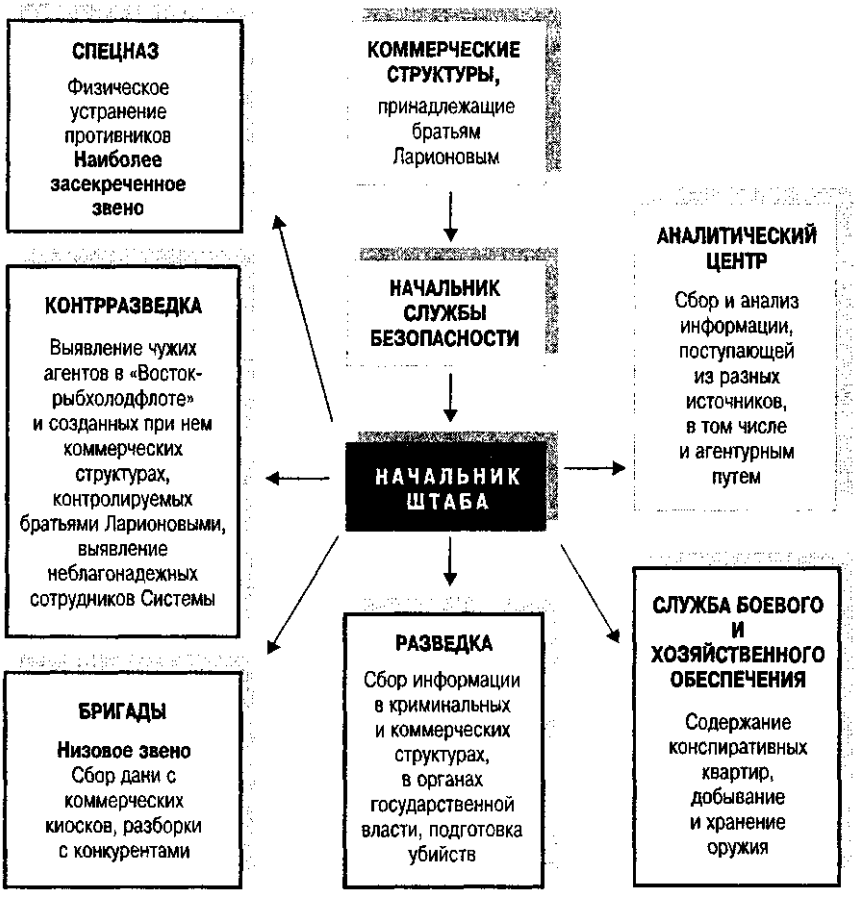


Рис. 10.1. Структурное построение банды Ларионовых

ленных преступных целей, формирующие единство умысла участников совершения преступлений;

• тесная взаимосвязь, непосредственная контактность между членами организованной преступной группы (банды), постоянно поддерживаемые личные отношения, приобретшие характер ответственной зависимости между ними;

• согласованность их действий, построенная на хорошо продуманной системе распределения ролей и функциональных обязанностей между членами такого криминального формирования, на надежной системе связи, взаимовыручки, конспирации и контроля между ними;

[1] Подробное описание преступной деятельности банды приводится в статье И. Королькова // Известия. 1995. 28 апр.

• постоянство форм и методов организованной преступной деятельности, способов совершения, как правило, однотипных насильственно-корыстных преступлений;

• длительность существования организованной преступной группы (банды), количество совершенных ее членами преступлений.

Характерной чертой устойчивой организованной преступной группы (банды) является также насильственный, принудительный характер отношения к лицам, стремящимся выйти из-под влияния группы, пренебрегающих групповыми взглядами, отказывающимся выполнять действия, которые навязываются лидерами группы. В таких группах н*асилие* в отношении ее членов является способом, обеспечивающим ее существование, поддержание определенного психологического микроклимата в группе, характеризующегося своей *жестокостью* и *взаимной подозрительностью*.

Кроме того, необходимо также иметь в виду, что любой преступной группе сопутствует *круговая порука* среди ее членов, сущность которой состоит в их взаимной поддержке друг друга в целях противодействия усилиям правоохранительных органов. О существовании круговой поруки обычно свидетельствуют: однотипность, односложность ответов допрашиваемых лиц на уточняющие вопросы, «запамятование» ими таких событий, которые объективно невозможно забыть, несоответствие сообщаемых сведений бесспорно установленным фактам, ложь «по пустякам» и т.п.[1].

Стремясь нейтрализовать противодействие лиц, охваченных круговой порукой, прежде всего необходимо выявить лиц, менее других заинтересованных в сокрытии противоправных действий.

Эффективным способом разрушения круговой поруки является разобщение ее наиболее активных участников, локализация их деятельности, направленной на то, чтобы помешать усилиям правоохранительных органов, выведение из-под влияния организаторов круговой поруки остальных участников преступной группы.

4. И наконец, наиболее совершенной в криминальном отношении, а потому и наиболее опасной формой организованного преступного формирования, по мнению законодателя, является *сплоченная организованная группа (организация),* созданная для совершения тяжких или особо тяжких преступлений (ч. 4 ст. 35 УК РФ). От рассмотренных выше организованных устойчивых преступных групп данное организованное преступное формирование отличается еще большей сплоченностью, которая становится его необходимым признаком.

Сплоченность с уголовно-правовой точки зрения, по мнению авторов Комментария к Уголовному кодексу РФ, предполагает наличие в преступной организации сложных организационно-иерархических связей, тщательной конспирации, системы защитных мер (внутренней контрразведки), охранников, боевиков, наемных убийц, связей с государственными правоохранительными органами (коррумпированности), нахождение

[1] См.: *Ряшев В.М., Сазонов Н.Е.* Расследование хищений оружия и боеприпасов, 974. С 33.

в обороте значительными органами (коррумпированности), нахождение в обороте значительных денежных средств, иных материальных ценностей[1]. Это как бы внешние, объективные признаки сплоченности организованной преступной группы. Наряду с ними существуют и социально-психологические критерии сплоченности, о которых говорилось выше.

Если первый подход к оценке уровня сплоченности преступной группы по объективным признакам позволяет определить место того или иного участника группового преступления, его статусно-ролевое положение в ней, то второй, социально-психологический подход дает возможность увидеть в группе «сложный психологический механизм, живущий по своим собственным законам»[2].

В этом отношения значительный практический интерес для работников правоохранительных органов могут представлять исследования групповой активности, внутренней структуры преступных групп, которые были проведены в НИИ проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры РФ. Учеными института были выведены коэффициенты, характеризующие групповую преступную деятельность, внутригрупповые, межличностные отношения членов группы, их сплоченность, а также индивидуально-психологические особенности последних, что может успешно использоваться при проведении судебно-психологической экспертизы в ходе расследования преступлений, совершенных преступными группами[3].

Характерно, что с развитием межличностных отношений в постоянно функционирующей организованной преступной группе личные контакты на эмоциональной основе, на взаимной личной симпатии постепенно становятся ненужными и вследствие этого вытесняются сугубо криминальными, чисто деловыми отношениями, основанными исключительно на интересах совместной преступной деятельности.

В этих целях участники преступной группы начинают прибегать к конспирации, стараются не поддерживать между собой заметных со стороны связей, а их лидер контактирует лишь с узким кругом наиболее приближенных к нему лиц («авторитетов»), которых рядовые члены группы могут даже и не знать в лицо.

На данной стадии развития организованной преступной группы происходит своеобразная трансформация и в распределении преступных доходов между ее членами: от их дележа в равных долях к присвоению ценностей, добытых криминальным путем, в зависимости от положения каждого участника преступления в группе с выделением из них средств в специальный денежный фонд группы («общак»), которым распоряжается лидер[4].

[1] См.: Комментарий к Уголовному кодексу РФ. М., 1996. С. 124—125.

[2] См.: *Андреева Г.М.* Социальная психология: Учебник. М., 1996. С. 212.

[3] Подробнее см.: *Ратинов А.Р., Лукашевич В.Г., Ратинов В.А.* Личность в преступной группе // Личность преступника как объект психологического исследования. М., 1979. С. 135—177.

[4] См.: *Быков В.* Психологические основы расследования групповых и организованных преступлений // Следователь. 1996. № 11. С. 73.

5. Следующим типом еще более организованных преступных формирований являются *преступные сообщества (преступные организации),* а также различного рода *объединения организованных преступных групп,* созданные для совершения тяжких или особо тяжких преступлений (ч. 4 ст. 35 УК РФ).

Как считают авторы Комментария к новому Уголовному кодексу РФ, «преступным сообществом (преступной организацией) является объединение входящих в его структуру организованных преступных групп для разработки, координации, поддержки, развития преступной деятельности этих групп, систематического совершения ими тяжких или особо тяжких преступлений»[1].

К формированию подобных преступных сообществ, организаций криминального типа приводит расширение масштабов преступной активности, что в свою очередь требует привлечения все большего числа участников, специализирующихся в различных видах деятельности, обеспечивающих преступный бизнес, создания собственных управленческих структур, аналитических подразделений, своей разведки, служб «безопасности», хозяйственного обеспечения. Постепенно возникает разветвленная коррумпированная сеть.

Организованное преступное сообщество в целях самосохранения стремится опираться уже не только на преимущества своей организации, но и на государственные, общественные институты, начинает внедряться в легальное предпринимательство. В подобных условиях возникшее преступное сообщество становится не просто вышестоящей инстанцией по отношению к другим преступным формированиям, а уже «неким координационным органом, имеющим и черты «криминального профсоюза» для преступников-профессионалов, и черты партии, когда оно начинает влиять на политические процессы в стране»[2].

Преступные сообщества (организации) занимаются разработкой наиболее важных, с их точки зрения, стратегических вопросов организованного, систематического совершения тяжких или особо тяжких преступлений, распределения сфер своей криминальной деятельности (по отраслям, территориям и т.п.), создания полулегальной системы «отмывания» доходов, нажитых преступным путем, внедрения в государственные органы, кредитно-финансовые учреждения, т.е., по существу, систематически занимаются преступным бизнесом. Нередко преступные организации возникают на основе успешно действующей, хорошо организованной, устойчивой преступной группы.

По мнению А.И. Гурова, подобные организованные преступные формирования отличаются тем, что имеют:

а солидную материальную и финансовую базу — от общих денежных касс («общаков»), до создания собственных коммерческих структур, вложения крупных денежных средств в недвижимость или банки;

[1] Комментарий к Уголовному кодексу РФ. М., 1996. С. 504.

[2] *Долгова А.Н.* Организованная преступность, ее развитие и борьба с ней // Организованная преступность-3. М., 1996. С. 9—15.

• коллегиальный орган, с помощью которого управляется преступное сообщество, курируются его различные филиалы, поддерживается связь с государственными чиновниками, «отмываются» деньги и пр.;

• устав в виде неформальных, но в то же время обязательных для исполнения правил и норм поведения членов группы, существующих традиций, санкций за их нарушение;

• еще более усовершенствованную функционально-иерархическую систему построения организации, различного рода группы защиты, прикрытия с вовлечением в них представителей властных структур, всевозможные примирительные комиссии, свои «суды»;

• информационную базу о коррумпированных чиновниках государственного аппарата, о положении дел в органах власти, банках, предпринимательских структурах и т.п.;

• своих доверенных людей в органах власти, в судебной, правоохранительной системах, что свидетельствует о коррумпированности этих систем;

• свой жаргон, языково-понятийный аппарат внутригруппового общения[1].

Исходя из особой, исключительной опасности для общества подобных устойчивых, сплоченных преступных группировок, различного рода преступных сообществ (преступных организаций), их создание, участие в них или в совершаемых ими преступлениях в любой форме соучастия признается преступлением (ст. 210 УК РФ).

6. Теперь несколько подробнее остановимся на психологических особенностях личности наиболее активных членов организованных преступных формирований.

Как показало изучение участников организованных преступных групп, в своем подавляющем большинстве это лица мужского пола, имеющие средний возраст 22—35 лет. Не менее половины членов подобных групп были ранее судимы, отличаются всеми или почти всеми признаками *криминального профессионализма:*

а устойчивость преступного занятия с соответствующей криминальной специализацией;

а достаточно высокий уровень владения криминальными знаниями и навыками (криминальная «квалификация»);

• преступная деятельность является для них основным источником получения средств существования;

а прочные связи с асоциальной средой[2].

Имея в виду перечисленные выше признаки, можно сформулировать понятие профессионального преступника. Наиболее удачным представляется следующее определение: *Профессиональный преступник* — это лицо, систематически занимающееся преступной деятель-

[1] См.: *Гуров А.М.* Указ. соч. С. 299—302.

[2] См.: *Гуров А.И.* О некоторых вопросах изучения криминального профессионализма /./ Советское государство и право. 1987. № 5. С. 85; см. также: Основы борьбы с организованной преступностью / Под ред. В.С. ОБНИНСКОГО И др. С. 261; *Селиванов НА.* Некоторые особенности расследования преступлений, совершаемых преступными группами .// Прокурорская и следственная практика. 1997. № 1. С. 102.

ностью с использованием криминальных познаний и опыта, которая носит устойчивый характер и служит основным источником получения средств существования[1]. Именно профессиональные преступники, как правило, являются организаторами, активными участниками, исполнителями совершаемых преступлений. Среди них много тех, кто имеет основательную спортивную подготовку, в совершенстве владеет оружием, навыками вождения автомашины. Многие из них злоупотребляют спиртными напитками, употребляют наркотики.

Участники преступных групп обычно либо хорошо знакомы с детства, либо знают друг друга по учебе, военной службе, по совместному проведению досуга, либо ранее вместе отбывали наказание в одних местах лишения свободы, связаны общими уголовно-воровскими традициями. Нередко членов преступных групп связывают узы родства, общая национальная, профессиональная принадлежность.

Ведущими чертами характера, мотивационной сферы таких лиц являются: насильственно-корыстная направленность их личности, интересов, «агрессивность, жестокость, цинизм, порой исключительная дерзость, готовность идти на риск и самопожертвование, пренебрежительное отношение к благам других лиц, на которых они посягают»[2].

Среди участников организованных преступных групп особенно выделяются фигура лидера (главаря, вожака), нередко имеющего криминальный статус «вора в законе», а также его ближайшее окружение, состоящее из наиболее активных, авторитетных ее членов.

Наличие лидера является одним из главных отличительных признаков организованной преступной группы. Лидер пользуется непререкаемым авторитетом. Его требования обязательны для всех. На него возлагаются функции руководства остальными членами группы, принятие решений, связанных как с планированием, материальным обеспечением и организацией преступной деятельности, так и с совершением конкретных нападений, с распределением средств, добытых преступным путем.

По своим личностным качествам лидеры организованных преступных групп (формирований) отличаются криминальным опытом, хорошими физическими данными, предприимчивостью, сообразительностью, решительностью, склонностью к риску, способностью быстро ориентироваться в новой обстановке и принимать решения в сложных ситуациях, подчинять своей воле других, умением обеспечивать конспиративность готовящихся преступлений. Однако постоянная опасность быть разоблаченными формирует у многих из них и такие черты характера, как повышенная подозрительность, мстительность, бескомпромиссная жестокость. По наблюдениям ряда криминологов (В.С. Разинкин и др.), у многих лидеров криминальных формирований, оказавшихся за решет-

[1] См.: *Ткачев Н., МиненокМ.* Объединения преступников: формы и специфические признаки // Соц. законность. 1991. № 12. С. 12.

[2] *Селиванов Н.А.* Указ. соч. С. 102.

кои, отмечались неврозы, психопатические расстройства и другие отклонения от средней психической нормы[1].

Среди лидеров организованных преступных формирований встречаются различные типы. Наиболее опасным и психологически сильным типом является *лидер-вдохновитель,* который в целях безопасности преступной группы выполняет функции своеобразного «криминального» советника, предостерегающего членов от наиболее опрометчивых шагов и в то же время оказывающего на них сильное воздействие, стимулирующее их решимость совершить преступление.

Центральной фигурой, по данным криминологов, является *лидер-организатор,* представляющий «последовательно-криминогенный тип личности, характеризующийся высокой степенью антиобщественной направленности, крайне негативной личностной ориентацией, который не просто использует или подыскивает подходящую ситуацию для совершения преступлений, но и создает ее, активно преодолевая встречающиеся препятствия»[2]. Распространены также и другие, смешанные типы лидеров, выполняющих одновременно роли вдохновителя, инициатора, организатора и даже исполнителя преступлений.

Рассматривая динамические процессы, межличностные отношения внутри организованных преступных формирований разного уровня, отмечая исключительно важную роль в них лидерства, в то же время нельзя не обратить внимания на две разнонаправленные тенденции в процессах групповой динамики. С одной стороны, особенно на начальном этапе формирования преступной группы, в ней чаще всего доминирует стремление к интеграции, к более тесному и устойчивому объединению. Однако в то же время в ней объективно, исподволь начинают проявляться и центробежные процессы[3]. Своеобразным «генератором», выразителем этих тенденций в развитии межличностных внутригрупповых отношений обычно выступают так называемые оппозиционеры, т.е. те члены группы, которые менее других удовлетворены своим статусом в ней, поведением лидера, его методами руководства, дележа материальных ценностей, добываемых преступным путем. По этой причине между ними могут возникать неприязненные отношения, стремление самим захватить лидерство, выйти из этой группировки и создать свою преступную группу, независимую от прежней.

Все это приводит к появлению в группе скрытых от постороннего наблюдения конфликтных отношений. Межличностные конфликты в преступной группе могут быть также связаны и с прежними отношениями ее членов, с их разногласиями, возникавшими ранее на этнической,

[1] Организованная преступность-2 / Под ред. А.И. Долговой, СВ. Дьяковой. М., 1993. С. 132: см. также: Основы борьбы с организованной преступностью / Под ред. В.С. ОБНИНСКОГО И др. С. 261.

[2] Основы борьбы с организованной преступностью / Под ред. В.С. Овчинского и др. С. 261—262.

[3] По некоторым данным подобные тенденции были выявлены в 30% изученных уголовных дел. См.: Основы борьбы с организованной преступностью / Под ред. В.С. Овчинского и др. М.. 1996. С. 263.

социокультурной почве и т.п. Способность заметить эти отношения, увидеть причины разногласий, назревающих конфликтов, помогает работникам правоохранительных органов выбирать наиболее оптимальные, тактически грамотные приемы воздействия на участников организованной преступной деятельности, активно использовать противоречия в их показаниях, развенчивать их «мы-чувства», демонстрируя им подлинные отношения в группе, объективно существующие расхождения, с одной стороны, в их индивидуальных мотивах участия в группе и, с другой — в групповых целях. Особенно сильное влияние оказывают эти противоречия на членов преступной группы в связи с активно проводимым расследованием совершенных ими преступлений.

7. Итак, какие существуют предпосылки психологического характера для успешного расследования преступной деятельности организованных преступных формирований? Что требуется в первую очередь для того, чтобы нейтрализовать, а затем и пресечь их преступную деятельность? Кратко ответы на поставленные вопросы можно представить в виде следующих рекомендаций, которые разработаны специалистами в этой области.

Прежде всего необходимо установить базовую направленность организованной преступной группы (организации), поскольку информация об этом поможет точнее определить сферу, регион ее преступной деятельности, общественную опасность группы, а также ее примерную численность и структуру. При этом особое внимание следует обращать на побочные, нетипичные для данной группы преступления, отличающиеся более низким криминальным профессионализмом в выборе способов их совершения отдельными членами группы.

Такой подход позволяет быстрее собрать информацию о наименее защищенных от разоблачений звеньях преступной группировки (организации), ее отдельных членах, не отличающихся высоким уровнем криминального профессионализма. Считается, что «чаще всего более низкий профессионализм побочных и нетипичных преступлений создает более благоприятные условия для их расследования с последующим использованием полученных данных для расследования основных преступлений»[1].

Система следственно-розыскных действий должна носить активный, упреждающий характер, что предполагает своевременную изоляцию организаторов преступного формирования от остальных ее членов, выведение из-под их влияния остальных участников группы, для которых членство в ней, нормы групповой жизни и морали представляют меньшую ценность, выявление лиц, недовольных отношением к ним со стороны других членов группы, а также тех, кто оказался обиженным при разделе материальных ценностей, добываемых преступным путем, находящихся в оппозиции к лидерам группы, стремящихся к лидерству.

[1] Основы борьбы с организованной преступностью / Под ред. В.С. Овчинского и др. С. 270 и далее.

Поскольку в преступных группах «всегда существуют скрытые или открытые разногласия и конфликты, между отдельными задержанными подозреваемыми могут складываться напряженные отношения, которые обычно при их задержании еще более усиливаются из-за незнания того, как поведет себя и какие даст показания другой задержанный»[1]. Причем эти конфликты могут быть еще более усилены следователем во время допроса, проведения очных ставок и т.д., что специально разрабатывается в криминалистике. Опасения среди отдельных участников преступной группировки относительно того, что кто-то из них может «заложить» другого, — это объективная реальность, которую необходимо видеть тем, кто ведет расследование, и тактически грамотно ее использовать.

Существенную помощь работникам правоохранительных органов в расследовании преступлений, совершаемых организованными преступными группами, могут оказать судебные психологи (специалисты в области социальной психологии), которым поручается проведение судебно-психологической экспертизы либо к которым обращаются как к специалистам, имеющим возможность дать соответствующую консультацию, различные рекомендации относительно использования в ходе следствия особенностей межличностных внутригрупповых отношений членов преступной группировки, их влияния друг на друга, наиболее устойчивых мотивов преступной деятельности каждого обвиняемого (подсудимого).

В этом отношении поучительным примером является расследование преступлений одной из молодежных бандитских группировок в г. Балашове, совершавшей убийства, грабежи и разбои. Привлеченному к участию в расследовании в качестве специалиста судебному психологу были поставлены следующие вопросы:

какие социально-психологические факторы могли способствовать зарождению бандитской группы К.?

имеются ли у отдельных членов бандитской группы индивидуально-психологические особенности, которые могли способствовать их вступлению в банду и участию в преступлениях, в том числе в убийствах?

каковы психологические особенности межличностных контактов (отношений) в группе, каково взаимовлияние отдельных ее участников друг на друга и на деятельность преступной группы в целом?

Значение психологической консультации состояло в том, что она помогла следователям выработать определенный подход к анализу и оценке факторов, имеющих психологическую природу, открыла перед следователями возможность более глубокого проникновения в скрытые психологические механизмы преступного поведения подростков, в их мотивационную сферу. Благодаря этому поведение подростков — участников банды рассматривалось в динамическом единстве и не отрывалось от наиболее глубоких и устойчивых особенностей их личности.

[1] См.: Основы борьбы с организованной преступностью / Под ред. В.С. Овчинского и др. С. 273—274.

Психологический подход выражался в том, что бандитская группа изучалась не просто как сумма личностей, имеющих свои индивидуальные цели, но еще и групповые цели, принимающих требования этой группы и испытывающих на себе ее постоянное влияние[1].

Весьма важное значение в борьбе с организованными преступными группировками имеет использование работниками правоохранительных органов «опосредованной информации» (как называет ее В.С. Овчинский), которая из «эпицентров» групповой преступной деятельности прорывается в смежные с ней области, например в сферу интимных, семейно-бытовых, родственных отношений организаторов криминальных формирований, в сферу проведения ими досуга, дачного строительства, приобретения различного рода ценных вещей, зарубежных поездок и т.д. По мнению В.С. Овчинского, первым тактическим правилом является детальное изучение всех без исключения сфер общения выявляемых лиц независимо от того, постоянно, длительно или кратковременно существование этих сфер.

Параллельно с этим выявляются «зоны криминальной активности» и «зоны вероятного прорыва информации», в частности различного рода неформальные объединения с антиобщественной направленностью, предприятия автосервиса, охранные фирмы, места концентрации ранее судимых, подпольные игорные, различные увеселительные заведения, а также та социальная среда, которая обслуживает преступные элементы (проститутки, работники всевозможных пансионатов, спорткомплексов, охотхозяйств, яхтклубов и т.п.).

В настоящее время в нашем обществе идет процесс трансформации криминальных образований. Происходит дальнейшая профессионализация членов этих организованных преступных формирований, их укрепление, усложнение структуры, наблюдается еще большая их вооруженность, коммерциализация их деятельности, появляется криминальное лобби. Среди организованных преступных группировок продолжается дальнейшее разделение труда, сфер влияния, раздел территорий. Организованная преступность достигла такого развития, когда стала оказывать свое влияние не только на экономическую, хозяйственную, но и на политическую жизнь общества. Наиболее распространенной формой такого давления являются взятки, подкупы, запугивание должностных лиц, государственных чиновников, в том числе и тех, кто работает во властных структурах.

Как отмечают исследователи указанных процессов, в стране создается «особая инфраструктура повседневных взаимоотношений политиков и мафиози»[2]. Все это делает еще более актуальной необходимость ведения бескомпромиссной борьбы с организованной групповой пре-

[1] См.: *Шейкина З.К., Коченов М.М.* Использование психологической консультации при расследовании сложного уголовного дела // Следственная практика. Вып. 97. М., 1973. С. 93—109.

[2] *Крыштановская О.* Мафиозный пейзаж России // Социологические исследования 1995. № 8.

ступностью. В решение этой задачи свой посильный вклад должна внести и юридическая психология.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Что такое группа? Какие существуют разновидности групп, в чем состоят их отличия?
2. Какие социально-психологические процессы и явления имеют место в малой группе?
3. Какова структура малой группы?
4. Какие виды преступных групп существуют согласно действующему уголовному законодательству?
5. В чем состоят сходство и различия между случайной преступной группой и группой преступников, действующей по предварительному сговору?
6. Что представляет собой организованная преступная группа? Назовите ее признаки.
7. Дайте определение банды.
8. Какие признаки свидетельствуют об устойчивости организованной преступной группы?
9. Что такое круговая порука? По каким признакам можно определять, что расследованию преступления противодействует круговая порука среди его участников? Назовите методы нейтрализации круговой поруки.
10. Что представляет собой преступное сообщество (преступная организация), его характерные признаки?
11. Что такое сплоченность организованной преступной группы?
12. Назовите основные направления (методы) психологического характера в борьбе с организованной преступностью.

РАЗДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ

ПСИХОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЮРИСТА

Глава 11

ОБЩАЯ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЮРИСТА. ТРЕБОВАНИЯ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫЕ К ЕГО ЛИЧНОСТИ[1]

Социально-психологические особенности правоохранительной деятельности. Основные структурные компоненты профессиональной деятельности юриста: познавательная, коммуникативная, управленческая, правовоспитательная подструктуры. Психология личности юриста. Факторы профессиональной пригодности: социальная адаптация, нервно-психическая устойчивость, познавательная активность, коммуникативная компетентность, организаторские способности. Общие и специальные способности юриста. Оценка способностей юриста к профессиональной деятельности.

§ 1. Социально-психологическая характеристика профессиональной деятельности юриста

Коренные изменения общественно-экономических отношений в стране, формирование правового государства, потребность общества в существенном улучшении деятельности государственно-правовых структур, правоохранительных органов, в повышении качества прокурорского надзора, судебного рассмотрения дел выдвинули на одно из приоритетных мест задачу научной разработки и практической реализации кадровой политики в системе правоохранительных органов, юридических служб, в том числе их кадрового обеспечения.

Для успешного решения этой задачи прежде всего необходимо всесторонне исследовать специфику профессиональной деятельности юриста, дать ее точное, научно обоснованное описание, т.е., по существу, создать ее *профессиограмму.* Необходимо определить требования, которые предъявляет эта деятельность к психике, личности юриста, к его психофизиологическим качествам, которые должны составить содержание *психограммы* личности юриста с определением четких критериев его профессиональной пригодности либо непригодности к работе в правоохранительных органах, в различных государственно-правовых и других структурах.

Профессиональная деятельность юристов, особенно тех, кто работает в органах прокуратуры, суда и т.д., представляет собой разновидность государственной службы с присущими этой деятельности специфическими особенностями. Знание этих особенностей необходимо не только для разработки профессиограммы труда юриста, но может быть

[1] Настоящая глава написана в соавторстве со старшим научным сотрудником НИИ проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры РФ Крозом М.В. При подготовке главы использовались материалы совместных исследований авторов.

полезным и для тех, кто стремится получить юридическое образование, овладеть профессией юриста, приложить свои способности на поприще правоохранительной деятельности, кто должен быть готовым к преодолению тех трудностей, которые он неизбежно встретит в своей работе.

Таким образом, всестороннее рассмотрение юридической деятельности, психологических особенностей труда юриста позволяет увидеть в этой области наиболее важные направления, наметить пути повышения эффективности трудовых затрат работников правоохранительных органов, более качественно проводить оценку и отбор лиц, желающих получить юридическое образование и в последующем стать юристом.

Под этим углом зрения перейдем к более подробному рассмотрению данной проблемы. Итак, основными особенностями профессиональной деятельности юриста являются:

• правовая регламентация (нормативность) профессионального поведения, принимаемых решений работников правоохранительных органов, юридических служб и других юристов, профессионально участвующих в правоприменительной деятельности;

• властный, обязательный характер профессиональных полномочий должностных лиц правоохранительных органов;

• экстремальный характер правоохранительной деятельности многих юристов, особенно тех, кто работает в органах суда, прокуратуры, налоговой службы и налоговой полиции и т.п.;

• нестандартный, творческий характер труда юриста;

• процессуальная самостоятельность, персональная (для многих — повышенная) ответственность юристов, работающих в правоохранительных органах, государственно-правовых структурах.

Правовая регламентация профессиональной деятельности юриста. Правоприменительная деятельность работников государственно-правовых структур разного должностного положения, довольно четко регламентирована. Отступление от своих служебных обязанностей, нарушение юристом должностных полномочий рассматривается как нарушение закона, свидетельствует прежде всего о низком уровне его профессиональной компетентности.

Данное обстоятельство формирует стремление строго придерживаться правовых норм, воздействующее на поведение, направленность личности. Потребность соблюдать нравственные, правовые нормы является одной из ведущих, доминирующих среди прочих социально значимых потребностей, влияющих на правосознание. Все это определяет высокий уровень социализации личности, особенно сотрудников правоохранительных органов, их ответственности перед обществом, нормативности (конвенциальности) поведения. Данное интегративное свойство рассматривается в качестве одного из главных факторов профессиональной пригодности юриста.

Особенно велика роль правосознания, установочного отношения юриста к соблюдению нравственных, правовых норм поведения в неожиданно складывающихся ситуациях, которые можно назвать ситуа-

циями или факторами профессионального риска. Остановимся кратко на некоторых таких ситуациях (факторах) риска.

Ситуация получения (приобретения) юристом каких-либо благ (предметов) с отступлением от установленного порядка когда эти блага предоставляются якобы «просто так», «из уважения», а на самом деле в целях налаживания неформальных отношений с юристом, занимающим какое-либо ответственное должностное положение. Вынужденной расплатой, требуемой с юриста за предоставленные услуги, могут стать советы, содержащие профессиональную тайну, отказ от объективного, непредвзятого подхода к разрешению того или иного вопроса (дела).

Ситуация, провоцирующая взятку. Существуют различные способы передачи взятки, но в любом случае субъект, стремящийся за взятку добиться выгодного результата, сначала оценивает ситуацию, возникающую на приеме у юриста, работающего в том или ином правоохранительном органе, его поведение, особенности его личности.

Передаче взятки может предшествовать своеобразная «словесная разведка» взяткодателя в виде выражения не соответствующей действиям юриста благодарности, многозначительных обещаний отблагодарить и пр. Если подобные действия решительно не пресекаются должностным лицом правоохранительного органа, его поведение может быть истолковано как своего рода подтверждение того, что оно оценивает свои служебные действия как действительно заслуживающие «благодарности».

Иногда взяткодатель может повести себя еще более решительно и нагло, сразу же положив на стол предметы взятки, ссылаясь на якобы существующие обычаи, уверяя, что он ничего взамен не просит, а только действует в соответствии с принятыми местными традициями и обычаями.

Единственный выход в подобных ситуациях — решительное поведение, пресекающее в самом зародыше мысль о возможности предложения взятки, немедленный вызов свидетелей, доклад руководителю правоохранительного органа о провокации или о самом факте покушения на передачу взятки. Надежным барьером может служить прием подобного рода посетителей в присутствии других сотрудников и коллег по работе.

Ситуация посещения, особенно во время командировок, в **вечернее** *время мест общественного питания ресторанного типа,* в которых свободно продаются спиртные напитки, устраиваются всевозможного рода развлечения, в том числе и сомнительного характера. Организовать свой рабочий день и питание необходимо таким образом, чтобы даже при самых неблагоприятных условиях работы исключить пребывание в подобного рода заведениях, где можно легко оказаться вовлеченным в какой-либо конфликт, организованный в целях дискредитации юриста, занимающего ответственное служебное положение.

Ситуация допроса свидетеля (потерпевшего) в его квартире, в номере гостиницы, кроме случаев, когда, например, человек серьезно болен. Необходимо помнить, что в подобных случаях возможны провокации со стороны допрашиваемого лица, направленные на дискредитацию следователя, попытки построить отношения с ним на личной основе и таким путем в последующем оказать на него давление или даже опорочить его.

Ситуации «случайного» знакомства в гостинице, в различного рода увеселительных заведениях и т.п., когда «случайность» заранее организуется лицами, заинтересованными установить неформальные отношения с юристом или попросту дискредитировать его.

Факт риска, обусловленный обещаниями, сделанными юристом, занимающим должностное положение, адвокатом, даже из самых благих побуждений, если нет полной гарантии в том, что они будут выполнены. Нередко подобным обещаниям заинтересованными лицами придается выгодная для себя интерпретация. Такие случаи используются ими при составлении всевозможных жалоб клеветнического характера в качестве подтверждения «злоупотреблений» по службе представителя правоохранительного органа, для распространения всевозможных инсинуаций.

Властный, обязательный характер профессиональных полномочий должностных лиц правоохранительных органов. Использование юристом, работающим в правоохранительных органах, своих властных служебных полномочий нередко существенно затрагивает интересы граждан, юридических лиц, организаций. Поэтому предоставление должностным лицам правоохранительных органов соответствующих полномочий предполагает и разумное их использование с учетом характера содеянного виновным, сложившейся ситуации, личности субъекта, в отношении которого применяются те или иные меры правового характера.

Известно, что малейшее отступление от требований закона относительно использования властных полномочий тем или иным должностным лицом может привести к тяжелым последствиям, причинить моральный вред, нанести серьезную психическую травму человеку и его близким, отрицательно повлиять на его авторитет и репутацию среди окружающих, сформировать искаженное мнение о нем.

Принятие решений в подобного рода ситуациях конфликтного характера с использованием в соответствии с законом властных полномочий требует от юриста — сотрудника правоохранительных органов не только глубоких профессиональных знаний, высокого уровня профессиональной компетентности, но и особых личностных качеств, развитого интеллекта, аналитического склада ума, способности прогнозировать последствия своих решений, эмоциональной уравновешенности, уважительного отношения к людям.

Экстремальный характер правоохранительной деятельности. Профессиональная деятельность юристов, особенно тех, кто находится на переднем крае борьбы с преступностью, в ряде случаев носит весьма напряженный, ответственный характер, обусловленный выполнением большого объема сложной, многообразной работы в условиях острого дефицита информации и времени, активного противодействия заинтересованных лиц, нередко игнорирующих правовые нормы.

Нередко нервно-психические перегрузки усугубляются нерегулярной сменой условий труда, нарушениями привычного режима суточной жизнедеятельности. вынужденным отказом от обычного для многих людей отдыха, что иногда приводит к развитию стойких состояний психической напряженности, эмоциональной неустойчивости, избыточной фрустриро-

ванности, появлению невротических реакций, психосоматических функциональных расстройств и различных заболеваний на этой почве.

Поэтому юристы, особенно те, которые служат в правоохранительных органах, должны отличаться хорошим физическим здоровьем, выносливостью к длительно воздействующим психофизическим перегрузкам, высокой работоспособностью, иметь высокий уровень нервно-психической, эмоциональной устойчивости, что следует рассматривать в качестве одного из важнейших факторов их профессиональной пригодности.

Нестандартный, творческий характер профессионального труда юристов. Одна из особенностей труда юриста состоит в том, что ему приходится иметь дело с разнообразными жизненными ситуациями, судьбами различных людей, требующими индивидуального, творческого подхода, внимательного изучения возникших правоотношений. Поэтому юристу необходимы не только сугубо профессиональные правовые, общественно-политические, но и специальные знания из различных областей науки и техники, образования и культуры, развитый интеллект. А сколь безграничны в познавательном отношении сфера межличностного общения с различными участниками уголовного, гражданского процесса, сам процесс познания людей, какое бесконечное сочетание всевозможных характеров, взглядов, поступков!..

Процессуальная самостоятельность, персональная ответственность юристов, работающих в органах прокуратуры, суда, милиции и т.п. Независимость деятельности должностных лиц правоохранительных органов является одним из основополагающих принципов правосудия, согласно которому каждый следователь, прокурор, судья при исполнении возложенных на них обязанностей подчиняются только закону и не должны зависеть от каких бы то ни было местных влияний. Воспитание юристов в духе подчинения Закону формирует их правосознание, способность самостоятельно принимать решения, чувство персональной ответственности за свои решения и поступки.

Например, в ст. 127 УПК РСФСР указано, что «при производстве предварительного следствия все решения о направлении следствия и производстве следственных действий следователь принимает самостоятельно, за исключением случаев, когда законом предусмотрено получение санкции от прокурора, и несет полную ответственность за их законное и своевременное проведение». В этой статье специально оговорены случаи, когда следователь может не согласиться с мнением прокурора, сохраняя за собой право принятия самостоятельного решения по вопросам, связанным с привлечением лица в качестве обвиняемого, квалификацией преступления, объемом обвинения, с направлением дела для предания обвиняемому суду или с прекращением дела. В этой связи совершенно справедливо отмечается, что «индивидуальность следственной работы подкрепляется процессуальной самостоятельностью следователя»[1], которая, безусловно, налагает особый отпечаток на весь склад его психической деятельности.

[1] *Ратинов А.Р.* Судебная психология для следователей. М., 1967. С. 65.

Принципы самостоятельности, независимости и персональной ответственности являются основополагающими и в работе судьи, прокурора, руководителя того или иного органа юстиции. Особенно наглядно это видно, когда читаешь ст. 16 УПК РСФСР о «независимости судей и подчинении их только закону».

Процессуальная самостоятельность следователя, прокурора, судьи в пределах, определяемых законом, предполагает высокий уровень ответственности. Сбалансированность этих сторон их профессиональной деятельности требует от них: высокого уровня профессиональной адаптации, личностной интеграции, социальной зрелости; нервно-психической, эмоционально-волевой устойчивости; интеллекта, гибкого творческого мышления; смелости, решительности, уверенности в себе, способности брать на себя ответственность за принимаемые решения, настойчивости при высоком уровне самокритичности.

Понятно, что приведенные выше особенности профессиональной деятельности юристов являются наиболее общими, базовыми и в какой-то степени, возможно, в деталях не отражают некоторой специфики различных видов правоохранительной деятельности (расследование преступлений, надзор за соблюдением законности и др.), особенностей работы в прокуратурах различного уровня и специализации (военная и транспортная, районная и областная прокуратуры и т.п.), в судебных органах разного уровня и т.д. И тем не менее такой подход нисколько не препятствует созданию типовой профессиограммы труда юриста, о чем пойдет речь дальше.

§ 2. Структурно-психологический анализ профессиональной деятельности юриста

Психологический анализ профессиональной деятельности юриста, помимо социально-психологических особенностей охватывает также ее структурные компоненты (подструктуры деятельности). Выделение этих структурных образований позволяет дополнить профессиограмму правоприменительной деятельности (описание различных объективных характеристик деятельности и ее требований к индивидуальным особенностям человека), определить психограмму (профессионально значимые свойства) личности юриста и в конечном итоге создать надежную систему оценки и отбора кандидатов на службу в правоохранительные органы.

Характерным для всех видов правоохранительной деятельности является то, что ее основные структурные элементы присущи и следственной, и прокурорской, и судебной, и юрисконсультской деятельности. Однако в зависимости от особенностей того или иного вида деятельности удельный вес, значимость каждой отдельно взятой подструктуры несколько меняется.

Итак, в наиболее обобщенном виде основными подструктурами профессиональной деятельности юриста являются:

познавательно-прогностическая (когнитивная),

коммуникативная (общения),

организационно-управленческая,
воспитательная.

Познавательно-прогностическая (когнитивная) подструктура правоохранительной деятельности. Расследование преступлений, изучение причин совершения правонарушений, разработка рекомендаций по их устранению, разрешение гражданско-правовых споров представляют собой разновидность всеобщего процесса познания.

Характерная особенность познавательного процесса, осуществляемого следователем, судьей, адвокатом, состоит в том, что главными объектами познания чаще всего являются события прошлого. Однако этим событиям, как правило, сопутствуют очень важные элементы настоящего, устанавливая которые следователь, судья выявляют их связи с прошлыми фактами и по этим связям ретроспективно познают событие, имевшее место в прошлом. При этом если познавательной деятельности следователя в большей мере присущи черты непосредственного, чувственного познания объектов, которые до него еще фактически не были познаны, то судья, адвокат чаще исследуют обстоятельства, установленные следователем, перепроверяя их. Однако особенности познавательной деятельности следователя не следует полностью абсолютизировать, так как на практике встречаются далеко не единичные случаи, когда первооткрывателем истины по делу все же оказывается не следователь, пришедший в ходе предварительного следствия к неправильным выводам, а судья.

Составной частью познавательной подструктуры является *прогнозирование,* т.е. мысленное представление хода и результатов действия, а также планирование предстоящих действий, как пишет об этом проф. А.В. Дулов, относящий эти элементы к выделенной им так называемой *конструктивной деятельности* (подструктуре).

Характерной чертой познания истины следователем, судом является закрепление в строго определенной процессуальной форме получаемых результатов, т.е. совершение регламентированных, документально фиксируемых действий, с помощью которых можно удостовериться в правильности полученных знаний и принятых решений. Проверяемость (верифицируемость) — обязательная черта знаний, получаемых в процессе уголовного и гражданского судопроизводства.

В этой связи справедливо замечание о том, что познавательная деятельность следователя «обязательно сопровождается выполнением *удостоверительной функции*»[1]. Эта удостоверительная функция познавательного процесса следователя, судьи проявляется в составлении особого рода процессуальных документов, которые отражают весь ход и результаты установления истины по делу, что, несомненно, придает доказательственный характер всему процессу познания.

[1] *Дулов А.В.* Основы психологического анализа на предварительном следствии. М., 1973. С. 43.

Особенностями познавательных процессов, имеющих место в деятельности юристов и требующих от них определенных личностных качеств, являются:

строгая законодательная регламентация процесса познания (как самой процедуры познания, так и закрепления ее хода и результатов);

ретроспективный характер процесса познания, объектом изучения которого являются не только настоящее, но и события прошлого;

негативный характер объектов познания в виде результатов преступной деятельности;

мысленное моделирование событий прошлого, последовательность процесса познания;

доказательственно-удостоверительный характер процесса познания с фиксацией результатов познания с опорой на доказательственные факты;

дефицит, неупорядоченность, разнообразие информации (дезинформации);

противодействие заинтересованных лиц процессу объективного установления истины;

принудительный характер применяемых методов познания с использованием властных полномочий;

эмоционально-волевой фон, сопутствующий процессу познания, воздействие стресс-факторов, нередко вызывающих избыточную эмоционально-психическую напряженность;

общественный резонанс по поводу познавательной деятельности работников правоохранительных органов и ее результатов.

Изучение социальных явлений, их правовой анализ, особенности самого процесса познания предполагают наличие определенных когнитивных, личностных качеств, составляющих в своей совокупности один из основных факторов профессиональной пригодности. К их числу относятся: разносторонние общие и глубокие профессиональные знания; развитый интеллект, гибкое, творческое мышление, высокая умственная работоспособность; аналитический склад ума, прогностические способности, умение выделить главное; активное восприятие, емкая память, устойчивое внимание, развитые воображение, интуиция.

Коммуникативная подструктура профессиональной деятельности юриста. Профессиональная деятельность юристов в значительной своей части протекает в условиях общения, которое нередко составляет основное содержание их деятельности, становится особым видом труда — *профессиональным общением*.

Неразрывное единство деятельности и общения, деятельностное опосредование общения и личности имеет важное методологическое значение при определении места и роли общения в любой, тем более в юридической деятельности. Общение актуализирует в себе и общественные (социальные) отношения людей, и индивидуально-психологические особенности, свойства личности субъектов тех или иных правоотношений.

Во многих случаях общение для юриста приобретает самостоятельный, процессуальный характер как особый вид профессиональной дея-

тельности, например в ситуации допроса в ходе предварительного следствия или в судебном заседании, при постановлении приговора составом суда в совещательной комнате, в ходе публичных выступлений перед судебной аудиторией, во время встреч с представителями средств массовой информации, общественностью и т.д. При этом профессиональное общение в качестве подструктуры юридической деятельности следует рассматривать не только как собственно обмен информацией (коммуникативная сторона), но и как процесс взаимодействия (интерактивная сторона), восприятия людьми друг друга (перцептивная сторона).

Способность устанавливать межличностные (психологические) контакты с различными участниками общения, *коммуникативная компетентность* являются качествами, в значительной мере влияющими на эффективность труда юристов, одним из важнейших факторов их профессиональной пригодности.

Организационно-управленческая подструктура правоохранительной деятельности. Значительный удельный вес в деятельности юриста занимают организационно-управленческие вопросы, от правильного разрешения которых во многом зависит эффективность его труда в целом. Причем в некоторых видах юридической деятельности значение организационно-управленческих вопросов значительно возрастает и нередко управленческий аспект становится одним из ведущих, оказывающих существенное влияние на деятельность других лиц.

Умение работать с людьми — важнейшее качество, которым должен обладать юрист. Особое значение это качество имеет для юриста, являющегося по своему должностному положению руководителем (заместителем, помощником руководителя), который помимо установления официальных и межличностных контактов с представителями различных государственных органов, предприятий, учреждений должен эффективно, с учетом индивидуально-психологических особенностей подчиненных, распределять между ними обязанности, координировать и контролировать ход выполнения ими служебных заданий. Ему необходимо поддерживать в коллективе благоприятный психологический микроклимат, своевременно устранять условия, способствующие возникновению конфликтных ситуаций. Важную роль в организационно-управленческой деятельности юриста играет способность в любой конфликтной ситуации, сохраняя самообладание, принимать оптимальные решения организационного, тактического характера, прогнозируя их последствия.

Поэтому многим юристам, особенно управленческого звена, помимо глубоких профессиональных знаний и опыта необходимо иметь организаторские качества. Прежде всего это: активность, инициативность, находчивость, распорядительность; смелость, решительность, настойчивость; умение выделять главное, прогнозировать последствия принимаемых решений; самостоятельность, ответственность за свои действия и поступки.

Важную роль в структуре организаторских способностей играют и другие отмеченные выше качества: коммуникативная компетентность; нервно-психическая устойчивость; адекватная самооценка; высокая мотивация достижения успеха.

Напротив, качествами, существенно снижающими организаторские возможности юриста, эффективность его управленческого воздействия, являются: психопатические черты и свойства характера, повышенная агрессивность, эмоциональная неустойчивость, пассивность, безответственность, избыточная мнительность, тревожность.

Воспитательная подструктура правоохранительной деятельности. Воспитательная функция в деятельности сотрудников правоохранительных органов определяется прежде всего целями и задачами правосудия, их участием в проведении профилактических мероприятий в ходе борьбы с правонарушениями, при разъяснении законодательства различным категориям граждан, в том числе и с помощью средств массовой информации.

Участие юристов в воспитательной работе предполагает наличие у них высокого общеобразовательного уровня, культуры, широкого кругозора, эрудиции. Они должны уметь выступать перед аудиторией, свободно владеть вербальными и невербальными средствами общения.

Безусловно, выделение и раздельное рассмотрение перечисленных выше структурных образований правоохранительной деятельности носит условный характер, поскольку в действительности все они тесно связаны между собой и выступают в едином комплексе. Так, например, при расследовании уголовных дел во время допроса свидетеля, обвиняемого и познавательная, и коммуникативная подструктуры в деятельности следователя столь тесно взаимосвязаны, что практически невозможно вычленить их отдельные элементы. Однако такой методологический подход помогает более углубленно проанализировать профессиональный труд юристов, разработать профессиограмму их деятельности, определить критерии оценки психологических качеств лиц, стремящихся стать юристами, создать надежную систему профессионального психологического отбора в правоохранительные органы.

§ 3. Психологическая структура, профессионально значимые качества (психограмма) личности юриста

Определение путей повышения эффективности и качества правоохранительной деятельности предполагает всестороннее изучение индивидуально-психологических особенностей, свойств личности юриста, его соответствия требованиям, предъявляемым профессией. Установление четких связей между этими требованиями и свойствами личности юриста, выявление лиц, пригодных по своим индивидуально-психологическим качествам к этой деятельности, лежат в основе активизации человеческого фактора.

В настоящее время неотложным делом является кадровое обеспечение правовой реформы, предполагающее создание стройной системы оценки, подбора, воспитания, подготовки и переподготовки юристов, принимаемых на работу в различные правоохранительные органы, государственно-правовые структуры. В этих условиях особую актуальность начинают приобретать вопросы, относящиеся к исследованию личности

юриста, разработка ее психограммы и на этой основе создание соответствующих методик психологической оценки и профессионального отбора лиц, направляемых на работу в сферу правоохранительной деятельности.

О том, что это необходимо делать, показал анализ деятельности прокурорско-следственных работников, тот, к сожалению, очевидный факт, что значительная часть выпускников юридических вузов, направляемых в настоящее время по распределению в органы прокуратуры, в психологическом отношении оказывается далеко не всегда профессионально пригодной. Несоответствие их индивидуально-психологических качеств весьма специфическим, порой жестким требованиям труда в прокуратуре способствует возникновению у многих из них состояния психического перенапряжения и, как следствие этого, возникновению различных невротических, психосоматических расстройств и заболеваний. В конечном итоге это приводит к неудовлетворенности своим служебным положением, избранной профессией, в результате чего часть из них уходит в другие структуры, либо вообще меняет профиль работы. К сожалению, подобное явление имеет место не только среди начинающих, но и среди профессионально зрелых работников.

Например, почти каждый третий опрошенный следователь, проработавший в прокуратуре не более двух лет, не скрывает своей апатии, безразличия к работе; 42,6% из них жалуются на неудовлетворительное состояние желудочно-кишечной системы; 35,2% — на повышенную возбудимость, раздражительность, головные боли; 18,5% — на болезненные симптомы в области сердечно-сосудистой системы (всего было опрошено 114 чел.).

По данным опроса работников территориальных органов прокуратуры с большим стажем работы, находившихся на учебе в институтах повышения квалификации Москвы и Санкт-Петербурга (78 чел.), проведенного отделом правовой психологии НИИ проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры РФ, 74% из них испытывают негативные эмоции (усталость, апатию, растерянность). Многие (65%) переживают состояние тревоги, ощущение малозначительности своего труда, ненадежности социального положения. Все это, безусловно, не может не влиять негативным образом на эффективность и качество их труда[1].

Проведенный профессиографический анализ правоохранительной деятельности прокурорско-следственных работников позволил сформулировать пять основных факторов профессиональной пригодности, включающих соответствующие им комплексы профессионально значимых психологических качеств.

Рассмотрим эти факторы на примере прокурорско-следственных работников.

[1] См.: *Романов В.В., Кроз М.В.* Психологическая оценка при профессиональном отборе кадров для прокуратуры (современное состояние и перспективы) // Вопросы психологии. 1994. № 3. С. 95: см. *они же:* Руководство по профессиональному психологическому отбору кандидатов на службу в органы прокуратуры Российской Федерации. М., 1994.

I фактор — высокий уровень социальной (профессиональной) адаптации. Данный фактор напрямую связан с нормативностью поведения юриста в любых, в том числе в сложных, экстремальных условиях профессиональной деятельности. Поэтому его следует рассматривать в качестве одного из главных факторов профессиональной пригодности работников правоохранительных органов.

К качествам личности, формирующим указанный фактор, следует отнести:

высокий уровень правосознания;

честность, гражданское мужество, совестливость;

принципиальность (непримиримость) в борьбе с нарушениями правопорядка;

обязательность, добросовестность, исполнительность, дисциплинированность.

Свидетельством профессиональной непригодности юриста являются полярно противоположные качества: низкий нравственный облик, нечестность, безответственное отношение к делу, недисциплинированность, склонность к алкоголизму.

II фактор — нервно-психическая (эмоциональная) устойчивость личности юриста. Рассматриваемый фактор предполагает:

устойчивость к стрессу, высокий уровень самоконтроля над эмоциями и поведением, работоспособность в критических, вызывающих фрустрацию ситуациях;

развитые адаптивные свойства нервной системы (сила, уравновешенность, подвижность, чувствительность, активность, динамичность, лабильность, пластичность нервных процессов), позволяющие на должном уровне сохранять работоспособность в состоянии утомления, способность адекватно реагировать на различные события.

Отрицательно оцениваются следующие качества личности: низкий порог устойчивости к стрессу, повышенная эмоциональная напряженность; избыточная агрессивность, импульсивность поступков; невротические симптомы, быстрая истощаемость нервных процессов; психопатические свойства характера.

III фактор — высокий уровень интеллектуального развития, познавательная (когнитивная) активность юриста, которые обусловлены следующими качествами личности:

развитый интеллект, широкий кругозор, эрудиция;

гибкое, творческое мышление, умственная работоспособность, сообразительность;

аналитический склад ума, прогностические способности, умение выделять главное;

активность, подвижность психических познавательных процессов (восприятия, емкой памяти, продуктивного мышления, внимания);

развитое воображение, интуиция, способность к абстрагированию, рефлексии.

Напротив, низкая умственная работоспособность, сниженные познавательная активность, интеллект, неразвитое воображение, слабая

память — качества, несовместимые с эффективностью профессионального труда, и они оцениваются как прогностически неблагоприятные.

IV фактор — коммуникативная компетентность юриста. Коммуникативная компетентность предполагает следующие качества личности:

способность устанавливать эмоциональные контакты с различными участниками общения, поддерживать с ними в необходимых пределах доверительные отношения;

проницательность, способность понимать внутренний мир собеседника, его психологические особенности, потребности, мотивы поведения, состояние психики;

доброжелательное, вежливое отношение к людям, умение слушать участника диалога, эмпатийность (способность эмоционально отзываться на переживания собеседника);

свободное, гибкое владение вербальными и невербальными средствами общения;

умение в конфликтных ситуациях проводить адекватную ситуации стратегию коммуникативного поведения, менять в зависимости от обстоятельств стиль общения;

способность к сотрудничеству, достижению компромиссов, соглашений;

развитый самоконтроль над эмоциями, настроением в экстремальных ситуациях;

адекватную самооценку;

чувство юмора.

Качествами, существенно затрудняющими коммуникативные процессы, снижающими их результативность, являются: замкнутость (аутизм), повышенная сосредоточенность на своих проблемах, переживаниях (интравертированность); легкоранимое самолюбие, повышенная обидчивость, конфликтность, агрессивность; эмоциональная неустойчивость, импульсивность; слабое владение вербальными и невербальными средствами общения.

V фактор — организаторские способности. Организаторские способности позволяют юристу, независимо от рода его профессиональной деятельности, оказывать управляющее воздействие на различных субъектов, с которыми приходится вступать в диалог в процессе профессионального общения.

Поэтому юрист, особенно управленческого звена, помимо глубоких профессиональных знаний и опыта должен иметь следующие качества:

активность, инициативность, находчивость, распорядительность;

смелость, решительность, настойчивость, целеустремленность, умение выделять главное, прогнозировать последствия принимаемых решений;

самостоятельность;

чувство ответственности за свои действия и поступки;

организованность, собранность, аккуратность в работе.

Важную роль в структуре организаторских способностей играют и другие отмеченные выше свойства:

коммуникативная компетентность,

нервно-психическая устойчивость,

адекватная самооценка,

высокая мотивация достижения успеха.

Качествами, существенно снижающими организаторские возможности юриста, эффективность его воздействия на других лиц, являются: психопатические свойства характера, повышенная агрессивность, несбалансированность процессов торможения и возбуждения, эмоциональная неустойчивость, пассивность, безответственность, избыточная мнительность, тревожность, сниженный интеллект, завышенная самооценка, властолюбие, пренебрежительное отношение к людям.

Помимо перечисленных выше качеств личности, имеющих отношение к различным подструктурам правоохранительной деятельности, эффективность труда юриста во многом зависит также и от мотивационной сферы его личности: в какой мере в ней доминируют социально значимые мотивы, потребность в достижении успехов в работе, в завоевании профессионального престижа, авторитета и уважения среди сотрудников, а также граждан, чьи законные права и интересы ему приходится защищать.

Рассмотренные выше факторы профессиональной пригодности, различные сочетания (симптомокомплексы) соответствующих им психологических качеств личности представлены в профессиограмме, в которой психограмма личности занимает свое место. В качестве примера приводится профессиограмма правоохранительной деятельности прокурорско-следственных работников (см. таблицу).

ПРОФЕССИОГРАММА

правоохранительной деятельности прокурорского работника (следователя, прокурора)

1. Основные содержательные особенности профессиональной деятельности прокурорского работника

Основные особенности правоохранительной деятельности прокурорского работника	Ведущие факторы профессиональной пригодности и соответствующие им социально-психологические качества (психограмма) личности работника	Критерии профессиональной пригодности к деятельности следователя, прокурора
1. Правовая регламентация (нормативность) профессионального поведения, принимаемых решений следователя, прокурора	I фактор профессиональной пригодности — высокий уровень социализации личности (конвенциальность, нормативность поведения): высокий уровень правосознания, социальной ответственности: честность, гражданское мужество, совестливость: принципиальность, непримиримость в борьбе с нарушениями правопорядка; обязательность, добросовестность, исполнительность, дисциплинированность; доминирование социально значимых мотивов в сфере профессиональной деятельности.	Прогностически благоприятные показатели: а) наличие в документах поощрений, оценочных характеристик: «честен», «принципиален», «трудолюбив», *пользуется уважением сослуживцев», «дисциплинированный, исполнительный, добросовестный работник», «ответственно относится к выполнению своих обязанностей», «личные интересы подчиняет служебным» и т.п.

Продолжение таблицы.

		б) показатели психодиагностических методик: средние, выше среднего значения факторов 16-ФЛО: C, G, H, Q2, Q_3: низкие, средние значения факторов 16-ФЛО: O, Q_4; линейный профиль личности по СМИЛ со средне нормативными величинами шкал; средние, выше среднего значения шкал теста УСК.
	Негативные качества личности:	Прогностически неблагоприятные показатели:
	низкий нравственный облик, нечестность, склонность к обману, употреблению алкоголя: безответственное отношение к выполнению служебных заданий, недисциплинированность.	а) имеет дисциплинарные взыскания за обман, нарушения законности, утрату документов, пьянство; оценочные характеристики: «недисциплинирован», «систематически опаздывает на работу», «требует контроля» и т.п. б) показатели психодиагностических методик: низкие значения факторов 16-ФЛО: C, G, Q_3, в сочетании с высокими значениями факторов O и Q_4; высокие значения шкал 4, 6, 8 СМИЛ в качестве ведущих при низких значениях шкал 5, 7 (возможны различные варианты сочетаний шкал 4, 6, 8 с шкалой 9 со значениями более 70 Т-баллов: высокие значения шкалы L СМИЛ: низкие значения шкал теста УСК.
2. Властный, обязательный характер профессиональных полномочий работника прокуратуры	Профессионально необходимые качества:	Прогностически благоприятные показатели:
	развитый интеллект: гибкое, творческое мышление, способность к глубокому, всестороннему анализу, к прогнозированию; умение выделить главное: настойчивость, принципиальность в отстаивании принимаемых решений: смелость брать на себя и нести персональную ответственность за свои действия и решения: эмоциональная уравновешенность; адекватная самооценка: уважительное отношение к людям.	а) наличие в документах оценочных характеристик: «целеустремленный», «настойчивый», «умеет отстаивать свою точку зрения» и т.д.: б) показатели психодиагностических методик: высокие значения факторов 16-ФЛО: B, Q_3: средние, выше средних значения факторов 16-ФЛО: C, G. N; высокий показатель IQ по методике Равена: линейный профиль личности по СМИЛ со средненормативными величинами шкал: ведущее место шкал 4, 6 СМИЛ в сочетаниях со шкалами 5, 7 в нормативном профиле личности; высокие значения показателей теста УСК.
	Негативные качества личности:	Прогностически неблагоприятные показатели:
	сниженные интеллектуальные способности: недостаточно развитые волевые качества; эмоциональная неустойчивость: неадекватно завышенная самооценка: властолюбие, пренебрежительное отношение к людям.	а) наличие в документах оценочных характеристик: «постоянно нуждается в помощи», «в сложных ситуациях теряется», «слабоволен». «высокомерен», «не пользуется авторитетом сослуживцев» и т.п.: б) показатели психологических методик: средние, низкие значения фактора B 16-ФЛО и показателя 1Q теста Равена; низкие значения факторов 16-ФЛО: C, G, N, Q_3; высокие значения шкал 4, 6, 8 СМИЛ в качестве ведущих более 70 Т-баллов; высокое значение шкалы 2 СМИЛ в качестве ведущей в сочетании с

Продолжение таблицы

		низким значением У шкалы: низкие значения шкал теста УСК.
3. Экстремальный характер правоохранительной деятельности следователя, прокурора	II фактор профессиональной пригодности — нервно-психическая (эмоциональная) устойчивость личности: выносливость к длительно воздействующим психофизическим перегрузкам. высокая работоспособность: нервно-психическая устойчивость к стрессу, высокий уровень самоконтроля над своими эмоциями, настроением, стенический тип реагирования в критических, вызывающих фрустрацию ситуациях: развитые адаптивные свойства нервной системы (сила, уравновешенность, подвижность, чувствительность, активность, динамичность, лабильность, пластичность нервных процессов). Негативные качества личности: низкий порог устойчивости к стрессу, повышенная эмоциональная напряженность: избыточная агрессивность, импульсивность поступков: невротические симптомы, быстрая истощаемость нервных процессов: психопатические свойства характера.	Прогностически благоприятные показатели: а) наличие в документах оценочных характеристик: «в сложной обстановке не теряется», «способен длительное время переносить физические и психические перегрузки»: б) показатели психодиагностических методик: средние, выше средних значения факторов 16-ФЛО: С, Q_3 в сочетании с низкими, средними значениями факторов О, Q_4: линейный профиль личности СМИЛ со средненормативными величинами шкал: средненормативное расположение шкал невротической триады СМИЛ (шкалы 1, 2, 3). Прогностически неблагоприятные показатели: а) наличие в документах оценочных характеристик: «в условиях повышенной нагрузки теряется, не может сосредоточиться», «отличается низкой работоспособностью», «постоянно нуждается в помощи» и т.п.: б) показатели психодиагностических методик: низкие значения факторов 16-ФЛО: С, G, Q_3 в сочетании с высокими значениями факторов Е. О, Q_4; высокие, выше нормативных (более 70—75 Т-баллов) показатели шкал 2, 4, 6, 8 СМИЛ при высоких значениях шкалы 9; высокое значение шкалы F СМИЛ: подъем профиля с высокими значениями шкал 1, 2, 7 и 8 СМИЛ.
4. Нестандартный, творческий характер правоохранительной деятельности работника прокуратуры	III фактор профессиональной пригодности — познавательная (когнитивная) активность. продуктивность мышления: развитый интеллект, широкий кругозор, эрудиция: гибкое, творческое мышление, умственная работоспособность, сообразительность: аналитический склад ума, прогностические способности, умение выделить главное: активность, подвижность психических познавательных процессов (восприятия, мышления, внимания), емкая память: развитые воображение, интуиция, способность к абстрагированию, рефлексии. Негативные качества личности: низкая умственная работоспособность, сниженная познавательная активность; сниженные интеллект, эрудиция: неразвитое воображение: слабая память.	Прогностически благоприятные показатели: а) наличие в документах: сведений о высоких показателях, достигнутых в школе, вузе: оценочных характеристик: «проявляет аналитические способности», «умеет выделить главное», «любит читать», «способен расследовать дела любой сложности», «работоспособен» и т.п.: б) показатели психодиагностических методик: высокие значения фактора В 16-ФЛО и показателя IQ теста Равена: низкие значения шкалы L СМИЛ. Прогностически неблагоприятные показатели: а) наличие в документах: данных о слабой успеваемости в школе, вузе: сведений о низкой работоспособности. нераскрытых преступлениях, возвращенных на доследование уголовных дел, отсутствии познавательных интересов и пр.: б) показатели психодиагностических методик: низкие значения фактора В 16-ФЛО и IQ теста Равена:

Продолжение таблицы

		высокие значения шкалы L СМИЛ; высокие (выше нормативных) значения 4, 8 шкал СМИЛ в качестве ведущих.
5. Процессуальная самостоятельность, персональная ответственность работника прокуратуры	I, II, III факторы профессиональной пригодности: социальная зрелость личности: нервно-психическая, эмоционально-волевая устойчивость: развитый интеллект, гибкое творческое мышление, прогностические способности: смелость, решительность, способность брать на себя ответственность, уверенность в себе, настойчивость при высоком уровне самокритичности: адекватная самооценка, устойчивая мотивация на достижение успеха. Негативные качества личности: нервно-психическая, эмоциональная неустойчивость: слабые интеллект, эрудиция, сниженная познавательная активность: повышенные тревожность, мнительность, недостаточно развитые волевые качества: отсутствие мотивации на достижение успехов в работе	Прогностически благоприятные показатели: а) наличие в документах оценочных характеристик: «проявляет самостоятельность, инициативу», «отстаивает свою точку зрения», «настойчив», «умеет планировать свою работу» и пр.: б) показатели психодиагностических методик: показатели теста Равена, 16-ФЛО, СМИЛ, УСК, указанные в пп. 1—4. Прогностически неблагоприятные показатели: а) наличие в документах оценочных характеристик: «постоянно нуждается в помощи», «в сложной обстановке теряется» и т.п.: б) показатели психодиагностических методик: показатели тестов Равена, 16-ФЛО, СМИЛ, УСК, указанные в пп. 1—4.

2. Основные подструктуры правоохранительной деятельности прокурорского работника (следователя, прокурора) и соответствующие ее основным структурным элементам факторы (личностные качества) профессиональной пригодности

Основные подструктуры профессиональной деятельности работника прокуратуры	Основные факторы профессиональной пригодности и соответствующие им социально-психологические качества личности (психограмма) работника прокуратуры	Критерии профессиональной пригодности к деятельности следователя, прокурора
1	9	3
1. Познавательно-прогностическая (когнитивная) подструктура деятельности следователя, прокурора	III фактор профессиональной пригодности: разносторонние общие и глубокие профессиональные знания: развитый интеллект, гибкое, творческое мышление, высокая умственная работоспособность: аналитический склад ума, прогностические способности, умение выделять главное: активное восприятие, емкая память, устойчивое внимание, развитое воображение, интуиция. II фактор профессиональной пригодности: нервно-психическая, эмоциональная устойчивость, высокий порог стрессоустойчивости, волевые качества: в мотивационной сфере в качестве ведущих — познавательные потребности, мотивы достижения успеха в работе.	Прогностически благоприятные и неблагоприятные показатели: (см. выше п. 3, 4).

Продолжение таблицы

	Негативные качества личности (см выше п. 3, 4).	
2. Коммуникативная подструктура правоохранительной деятельности следователя, прокурора	IV фактор профессиональной пригодности — коммуникативная компетентность прокурорского работника:	Прогностически благоприятные показатели:
	способность устанавливать и поддерживать эмоциональные контакты с участниками общения; способность понимать внутренний мир собеседника, его психологические особенности, мотивы поведения, психическое состояние; доброжелательность, вежливость по отношению к людям, умение слушать, эмпатийность; свободное владение вербальными, невербальными средствами общения; умение в конфликтных ситуациях проводить адекватную ситуации стратегию коммуникативного поведения; способность к сотрудничеству, достижению компромиссов, соглашений; развитый самоконтроль над эмоциями, настроением, стенический тип реагирования в психогенных ситуациях; адекватная самооценка: чувство юмора.	а) наличие в документах оценочных характеристик: «доброжелательный», «пользуется уважением сослуживцев», «легко устанавливает психологический контакт с допрашиваемыми» и т.д.: б) показатели психодиагностических методик: средние, выше средних значения факторов 16-ФЛО: A, C, H, I, N, Q_3: низкие значения факторов 16-ФЛО: O, Q_4: в нормативном профиле личности по СМИЛ ведущие 5, 4 шкалы с умеренным повышением 3 шкалы при 0 (нулевой) шкале в пределах 50 Т-баллов.
	Негативные качества личности:	Прогностически неблагоприятные показатели:
	замкнутость (аутизм), повышенная сосредоточенность на своих проблемах, переживаниях (интравертированность): повышенные обидчивость, тревожность, легко ранимое самолюбие, конфликтность, избыточная агрессивность: неадекватно завышенная самооценка: эмоциональная неустойчивость, импульсивность: недостаточное владение вербальными и невербальными средствами общения.	а) наличие в документах оценочных характеристик: «в коллективе неуживчив», «авторитетом не пользуется», «конфликтен», «высокомерен», «груб», «с трудом вступает в контакт с допрашиваемыми» и т.п. б) показатели психодиагностических методик: низкие значения факторов 16-ФЛО: A, C. H, 1, N, Q_3 в сочетании с высокими значениями факторов O, Q_4: высокие значения шкал 4, 6, 8, 9 СМИЛ в качестве ведущих (более 70 Т-баллов) отдельно или в комплексе с другими шкалами: высокие значения шкалы 7 СМИЛ (более 70 Т-баллов) в сочетаниях с высоко расположенными шкалами 1, 2, 8: высокие значения 0 (нулевой) шкалы СМИЛ (более 70 Т-баллов).
3. Организационно-управленческая подстуктура правоохранительной деятельности следователя, прокурора	V фактор — организаторские :пособности:	Прогностически благоприятные показатели:
	активность, инициативность, находчивость, распорядительность: смелость, решительность, настойчивость, целеустремленность, умение выделять главное, прогнозировать последствия принимаемых решений; самостоятельность; чувство ответственности за свои поступки: организованность, планомерность в работе: в мотивационной сфере доминирование социально-значимых	а) наличие в документах оценочных характеристик: «инициативен», «настойчив», «хороший организатор», «объективно, взвешенно подходит к принятию решений», «оперативен, собран в работе» и пр.; б) показатели психодиагностических методик: высокие значения факторов G, Q_1, Q_3 16-ФЛО: средние, выше средних значения шкал теста УСК.

Продолжение таблицы

1	2	3
	мотивов достижения успеха в работе; II фактор — нервно-психическая устойчивость. IV фактор — коммуникативная компетентность. Негативные качества личности: отсутствие организаторских способностей: психопатические черты и свойства характера, эмоциональная неустойчивость, несбалансированность процессов торможения и возбуждения: пассивность, безынициативность, избыточная тревожность, мнительность: отсутствие мотивации достижения успеха в работе.	Прогностически неблагоприятные показатели: а) наличие в документах данных, характеризующих прокурорского работника малоинициативным, теряющимся в сложной обстановке, нуждающимся в постоянной помощи и т.п. б) показатели психодиагностических методик: низкие значения факторов G, Q_1, Q_3 16-ФЛО; низкие значения шкал теста УСК: см. также п. 3.
4. Воспитательная подструктура правоохранительной деятельности следователя, прокурора	I фактор — социализация личности, высокий уровень правосознания: III фактор — познавательная активность, развитый интеллект: эрудиция, творческое мышление, емкая память: IV фактор — коммуникативная компетентность, свободное владение вербальными, невербальными средствами общения. Негативные качества личности (см. п. 1	Прогностически благоприятные и неблагоприятные показатели: (см.п. 1, 4).

Анализ рассмотренных выше различных сочетаний качеств личности дает возможность строить прогноз относительно того, в какой мере тот или иной кандидат сможет успешно заниматься в избранной области правоохранительной деятельности, т.е. позволяет оценивать его профессиональные способности при приеме на работу, при распределении служебных обязанностей, при выдвижении на более высокую должность.

§ 4. Оценка способностей к юридической деятельности по психологическим качествам личности

Общее понятие, классификация способностей. После того как были рассмотрены социально-психологические качества, необходимые юристу для успешного занятия им своей профессиональной деятельностью, возникает вопрос: должны ли быть у субъекта, желающего посвятить себя правоохранительной деятельности, какие-либо особые способности к этому, и вообще, что такое способности в целом?

В психологии под *способностями* понимаются относительно устойчивые индивидуально-психологические свойства личности, определяющие высокие достижения субъекта в какой-либо деятельности. По мне-

нию К.К. Платонова, «способности — это те же свойства личности, но рассматриваемые в их соответствии с определенной деятельностью»[1].

Более развернутое понятие способностей содержится в трудах другого известного психолога Б.М. Теплова, который выделил три главных признака способностей. «Во-первых, — указывал он, — под способностями разумеются индивидуально-психологические особенности, отличающие одного человека от другого; никто не станет говорить о способностях там, где дело идет о свойствах, в отношении которых все люди равны... Во-вторых, способностями называют не всякие вообще индивидуальные особенности, а лишь такие, которые имеют отношение к успешности выполнения какой-либо деятельности или многих деятельностей... В-третьих, понятие «способность» не сводится к тем занятиям, навыкам или умениям, которые уже выработаны у данного человека»[2].

Например, психические процессы (память, мышление, восприятие и т.д.) проявляются у людей по-разному, видоизменяясь, приобретая наиболее выраженные индивидуальные свойства. Причем эти индивидуальные различия психических процессов нередко становятся настолько яркими, облегчающими ту или иную деятельность, что они как бы предрасполагают субъекта заниматься определенной конкретной деятельностью, становясь способностями индивида, значительно облегчающими его труд и помогающими ему добиваться высоких профессиональных результатов. В этом смысле можно говорить, например, о способностях человека логически мыслить (познавательные, мыслительные способности), запоминать большое количество информации (мнемические способности), тонко чувствовать и различать малейшие оттенки каких-либо раздражителей (сенсорные способности) и т.д.

Всестороннее развитие способностей человека к той деятельности, которой он хочет посвятить себя, создание необходимых условий для максимального проявления этих способностей, является, по существу, главной, составной частью повышения роли человеческого фактора, раскрытия творческого потенциала каждого человека.

Изначально каждый имеет определенные *задатки* в виде врожденных, наследственно обусловленных анатомо-физиологических и других особенностей, свойств нервной системы, лежащих в основе развития способностей. Чтобы эти задатки проявились, нужны благоприятные условия, которые бы стимулировали их дальнейшее развитие.

Задатки проявляют себя в определенной склонности человека к различным видам занятий. При умелом развитии задатков у субъекта полнее начинают проявлять себя биологически обусловленные способности (например, сенсорные способности), которые представляют собой как бы сплав врожденных свойств и приобретаемого опыта. На их основе в процессе дальнейшей социализации у человека формируются социально обусловленные способности уже как продукт усвоения определенного соци-

[1] *Платонов К.К.* О системе психологии. М., 1972. С. 134.

Теплое Б.М. Способности и одаренность // Ученые записки ГНИИ психологии. М., 1941. Т. И. С. 22—23.

ального опыта, становления характера и всестороннего развития личности. Задатки по отношению к способностям поливалентны: на основе одних задатков могут развиваться разные способности.

Совокупность нескольких способностей, которые определяют особые профессиональные достижения человека, заметно выделяющие его среди других лиц, свидетельствует о его особой *одаренности.* Высшим проявлением одаренности является *талант,* помогающий человеку творчески решать сложные задачи, создавать новое, находить оригинальные решения сложных проблем.

В психологии выделяют общие и специальные способности, которые имеют связь между собой. *Общие способности* обеспечивают в целом относительную легкость и высокую продуктивность овладения знаниями, различными видами деятельности. К общим способностям относят *интеллектуальные способности*, которые проявляются в обучаемости индивида, и *творческие способности,* позволяющие человеку использовать свои знания и умения применительно к новым объектам познания, принимать оптимальные решения в нестандартных условиях при значительном дефиците информации и времени.

В отличие от них *специальные способности* помогают человеку добиваться высоких достижений в какой-либо узко профессиональной деятельности. Можно назвать целый ряд таких специальных способностей. С психологической стороны это сенсорные, двигательные способности и т.п. С профессиональной точки зрения в качестве примера можно указать на музыкальные, художественные, математические способности и т.д.

Кроме того, в деятельности человека постоянно проявляются два уровня развития способностей. Первый из них — это *репродуктивный уровень* развития способностей, характеризующийся умением человека усваивать знания, овладевать навыками их применения в типовых условиях деятельности при решении стандартных задач. И второй, более высокий уровень развития способностей — *творческий.* Он проявляется в проблемных ситуациях, в умении находить оригинальные, нестандартные решения, создавать новое.

Деятельность юриста весьма многогранна. Поэтому она прежде всего требует широко развитых общих способностей, основу которых составляют интеллектуальные и творческие способности человека. Многие ученые-юристы справедливо считают, что для тех, кто стремится овладеть профессией юриста, стать следователем, прокурором, судьей и т.п., необходимы именно высокоразвитые общие способности, среди которых первое место, безусловно, отводится интеллектуальным способностям[1]. Говоря о профессии следователя как о наиболее сложной юридической профессии, А.Р. Ратинов относит ее «к тем видам деятельности, успех и даже издающиеся достижения в которых более связаны с общим высоким развитием личности, чем со специальными способностями»[2]. Такую же, по существу, мысль

[1] См.: *Радушная Н.В.* Народный судья. Профессиональное мастерство и подготовка. М.. 1977. С. 105.

[2] *Ратинов А.Р.* Судебная психология для следователей. С. 17.

высказывают и другие ученые, которые среди ведущих «следственных способностей» называют также общие способности человека и прежде всего его интеллектуальные (умственные), творческие способности.

Интеллектуальные способности человека как показаель его уровня общего развития включают в себя сложные психические образования: мышление (гибкость, переключаемость мыслительных процессов, способность генерирования новых идей и т.д.), развитое воображение, хорошую емкую память, острую наблюдательность, восприятие и т.д., которые тесно связаны с творческим потенциалом личности. Считают, что «интеллект проявляется не в простой организации знаний, применении их к различным ситуациям, а в творческом преобразовании заданного материала и получении на этой основе новых данных (знаний, способов работы, приемов решения задач и т.д.), в своеобразии и оригинальности такой переработки»[2]. Это проявляется в способности и потребностях человека активно познавать неизвестное, в его умении обобщать и выделять главное, осуществлять перенос усвоенной информации на новый материал, прогнозировать процесс познания и его результаты. Интеллектуальные, познавательные способности проявляются в умственной работоспособности, быстроте и устойчивости мыслительной работы, в выборе видов занятий и отдыха. Развитый интеллект — основа творческих способностей юриста, так как интеллект и творческие способности неразрывно связаны между собой.

Поскольку одним из основных компонентов правоохранительной деятельности является общение, весьма важное значение в структуре способностей юриста имеют и *коммуникативные способности,* облегчающие взаимопонимание людей, организацию ими совместной деятельности, продуктивный обмен информацией и сотрудничество.

Юрист должен быть наделен также и хорошими *организаторскими способностями,* в основе которых лежат такие черты характера, как активность, самостоятельность, инициативность, решительность, определенные волевые качества, способность предвидеть результаты своей целенаправленной деятельности.

Разумеется, перечисленными выше не исчерпываются все способности, которые необходимы юристу. В зависимости от решаемых им задач одни из них на время будут проявлять себя в качестве ведущих, другие же будут играть вспомогательную роль.

И наконец, последнее замечание, которое необходимо сделать. Когда мы говорим о способности к той или иной профессиональной, в том числе и к правоохранительной деятельности, следует видеть не некую застывшую совокупность, некий набор отдельных качеств и свойств личности, а их постоянное взаимодействие, в процессе которо-

[1] См.: *Дулов А.В.* Судебная психология. Минск, 1975. С. 268; *Котов Д.П., Шиханцов Г.Г.* Психология следователя. Воронеж, 1976. С. 98.

- Психологическая диагностика: проблемы и исследования / Под ред. К.М. Гуревича. М., 1981. С. 205.

го одни из них компенсируют недостаток, недоразвитость других. Феномен компенсации, *компенсаторные возможности психики* субъекта деятельности являются составным элементом такого интегративного понятия, каким являются способности, в данном случае — профессиональные способности юриста. Именно феноменом компенсации можно объяснить высокие результаты в работе многих юристов, наделенных в разной мере теми или иными профессионально важными качествами, свойствами личности, которые придают столь несхожий характер их стилю деятельности.

Различное сочетание описанных выше способностей образует тот необходимый сплав индивидуально-психологических особенностей личности, который можно охарактеризовать как *профессионально значимые способности* к юридической деятельности, определяющие в конечном итоге профессиональную пригодность юриста.

Оценка способностей юриста к профессиональной деятельности. Объективная оценка способностей юриста, его индивидуально-психологических, характерологических особенностей, свойств личности под углом зрения требований его профессиональной деятельности проводится с использованием разработанных для этих целей специальных критериев профессиональной пригодности.

Профессионально значимые способности юриста, в конечном итоге его пригодность к правоохранительной деятельности, уровень профессионализма оцениваются с помощью:

квалификационных критериев, которые отражаются в различного рода документах о полученном образовании, переподготовке, специализации, присвоении классного чина и т.д.;

объективных критериев, отражающих эффективность труда юриста с использованием количественных и качественных (оценочных) характеристик, например по числу рассмотренных (расследованных) дел, проведенных проверок за какой-то определенный период времени, по числу полученных поощрений и взысканий, наконец, по его отношению к выполнению своих служебных обязанностей и т.д. (см. графу 3 в приведенной выше таблице);

психологических критериев, выявленных в результате психодиагностического обследования юриста с использованием специально подобранных для этих целей тестовых методик.

Таким образом, психологические критерии проявляются в тестовых оценках кандидата. Их надежность в первую очередь зависит от качества психодиагностического обследования, правильности интерпретации полученных результатов. Именно поэтому данную работу могут выполнять только квалифицированные психологи. Эти психологические (тестовые) ркритерии должны быть тесно связаны с объективными критериями профессиональной пригодности юриста, о чем речь пойдет дальше.

Критерии профессиональной пригодности (как объективные по результатам работы, так и психологические, выявленные в ходе тестирования) должны:

отражать только значимые показатели, соответствующие стабильным, устойчивым параметрам правоохранительной деятельности;

различать работников с высокой и низкой степенью профессиональной пригодности;

быть удобными в использовании при оценке деятельности и личности любого юриста, способности которого к профессиональной деятельности необходимо исследовать[1].

Совокупность всех этих критериальных оценок позволяет составить предварительный профессиональный прогноз на кандидата, отбираемого в правоохранительные органы, выдвигаемого на ту или иную работу в них, подготовить заключение о степени его профессиональной пригодности с точки зрения того, насколько его психологические, личностные качества, способности соответствуют требованиям, предъявляемым правоохранительной деятельностью к личности.

Общее представление о психодиагностическом обследовании кандидатов, отбираемых в правоохранительные органы. Психодиагностическое обследование кандидатов на службу в правоохранительные органы должно проводиться с помощью специально подобранной батареи тестов, которые обеспечивают решение следующих связанных между собой задач:

отбор кандидатов, наиболее пригодных по своим индивидуально-психологическим качествам к работе в правоохранительных органах;

выявление и отсев лиц, которые по своим интеллектуальным способностям, психическому складу, личностным особенностям могут быть в значительной степени подвержены профессиональной дезадаптации и, соответственно, не отвечают требованиям, предъявляемым к работникам правоохранительных органов.

При психодиагностическом обследовании кандидатов из резерва на выдвижение может проводиться психологическая оценка степени их пригодности для работы в качестве руководителей. В этом случае используется та же самая батарея тестов, что и при отборе лиц, впервые поступающих на работу, однако с той лишь разницей, что оценке подвергаются также качества, профессионально важные для лиц, назначаемых на должности руководящих работников.

В соответствии с указанными выше задачами психодиагностические тесты должны:

выявлять общий уровень интеллектуального развития кандидата, структуру его индивидуально-психологических свойств, особенности темперамента и характера, адаптивные возможности к избранной профессии;

быть достаточно надежными, обладать не только текущей (диагностической), но и прогностической валидностью, т.е. давать возможность не только оценивать актуальное состояние кандидата, но и составлять научно обоснованный, достоверный прогноз относительно его дальнейшего наиболее эффективного использования;

[1] См.: *Кулагин Б.В.* Основы профессиональной психодиагностики М., 1984. С. 40—47.

быть компактными, удобными для группового обследования кандидатов в ограниченные промежутки времени с использованием автоматизированной обработки результатов тестирования;

перепроверять и взаимодополнять друг друга в целях повышения надежности, точности и достоверности полученных результатов.

Ниже в качестве примера будет показано, как может проводиться психологическое обследование лиц, отбираемых в органы прокуратуры, а также выдвигаемых из кадрового резерва на руководящие должности в прокуратурах областного и им равного звена[1].

После всестороннего изучения опыта профессионально-психологического отбора, накопленного в некоторых государственно-правовых ведомствах, близких по характеру работы своих сотрудников к профессиональной деятельности прокурорских работников, а также на основе специально проведенного исследования была скомплектована батарея тестов, в которую в качестве основных вошли следующие психодиагностические методики: шкала прогрессивных матриц Дж. Равена; 16-факторный личностный опросник Р.Б. Кеттелла (16-ФЛО); стандартизированный метод исследования личности (СМИЛ) — адаптированный Л.Н. Собчик вариант Миннесотского многофакторного личностного опросника (MMPI); в качестве дополнительных: цветовой тест М. Люшера; опросник «Уровень субъективного контроля» А.М. Эткинда и др., опросник УСК; тест «Стратегии поведения в конфликтной ситуации» К. Томаса (MODE).

В ходе проведенного исследования психологические критерии профессиональной пригодности, выявленные с помощью отобранных тестов, сопоставлялись с объективными критериями оценки прокурорских работников (всего с применением указанных тестов было обследовано 349 прокурорских работников — 319 мужчин и 30 женщин в возрасте от 22 до 56 лет). В последующем были проанализированы личные дела всех указанных лиц. Материалы личных дел, а также факт назначения на руководящую должность в группе прокурорских работников из резерва для выдвижения позволили разделить всех обследованных на четыре группы профессиональной пригодности:

1-я группа — высокий уровень профессиональной эффективности, полное служебное соответствие, высоковероятный прогноз профессиональной успешности;

2-я группа — средний уровень профессиональной пригодности (в основном соответствует требованиям прокурорско-следственной специальности);

3-я группа — кандидат частично соответствует требованиям прокурорско-следственной специальности (может быть принят на работу при большом числе вакантных мест);

[1] Содержание последующих страниц предназначено для студентов, которые более глубоко интересуются проблемами профессионального психологического отбора и намерены в будущем использовать свои знания в работе с кадрами.

4-я группа — низкий уровень профессиональной эффективности, несоответствие кандидата служебному предназначению, прогноз его профессиональной неуспешности.

Кроме того, на основе тех же критериев была сформирована отдельная («эталонная») группа, которая включала в себя наиболее профессионально успешных прокурорских работников, утвержденных на руководящие должности органов прокуратуры областного (республиканского, краевого, окружного) звена. Усредненные тестовые показатели данной группы продемонстрировали особенности личности высокоуспешного руководящего работника органов прокуратуры.

В целом результаты исследований подтвердили высокую надежность и достоверность используемых тестовых показателей в качестве критериев для профессионального психологического отбора прокурорских работников. Таким образом, была доказана обоснованность применения избранных методик и психологических критериев оценки при проведении профессионального отбора.

Теперь перейдем к рассмотрению того, как, в принципе, можно оценивать результаты применения выше упомянутых тестовых методик, проследим по этим результатам выраженность тех или иных психологических особенностей, свойств личности обследованных прокурорско-следственных работников, позволяющих судить о выраженности у них профессиональных способностей[1].

Шкала прогрессивных матриц Дж. Равена (тест Равена). Как известно, данный тест предназначен для исследования интеллекта субъекта, выявления его способности логически мыслить, находить существенные связи между предметами и явлениями, для определения уровня умственной работоспособности, умения концентрировать внимание, сообразительности в целом, т.е. качеств, необходимых в деятельности юриста, тем более прокурорско-следственных работников.

Низкие результаты по методике позволяют выявлять лиц со сниженными интеллектуальными, познавательными способностями, с недостаточно развитым аналитическим складом мышления, неспособных концентрировать внимание.

Как показали результаты проведенного исследования, средняя оценка по данному тесту у группы профессионально успешных прокурорско-следственных работников оказалась более высокой, чем у группы профессионально неуспешных. Еще выше значение этого показателя было в группе профессионально успешных руководящих работников органов прокуратуры ($IQ_{ср} = 112{,}55$).

Результаты исследования позволили разработать четкие количественные критерии оценки кандидатов на работу в органы прокуратуры по тесту Равена с отнесением их к одной из следующих групп профессиональной пригодности:

[1] Полные данные проведенных исследований приведены в методическом пособии: *Романов В.В., Кроз М.В.* Руководство по профессиональному психологическому отбору кандидатов на службу в органы прокуратуры Российской Федерации.

I группа — IQ = 110 и выше — кандидат по своему интеллекту полностью соответствует требованиям специальности;

II группа — IQ от 101 до 110 — кандидат в основном соответствует требованиям специальности;

III группа — IQ от 90 до 100 — кандидат частично соответствует требованиям специальности, может быть принят на работу при большом числе вакантных мест;

IV группа — IQ менее 90 — кандидат по уровню своего интеллектуального развития не соответствует требованиям специальности.

При анализе полученных результатов по тесту Равена во избежание случайных ошибок эти данные сопоставлялись с показателем методики Кеттелла по фактору В, выявляющему интеллектуальные способности испытуемого на вербальном и числовом материале.

16-факторный личностный опросник Р.Б. Кеттелла (16-ФЛО). Результаты проведенных исследований индивидуально-психологических особенностей прокурорско-следственных работников на предмет определения их профессиональной пригодности по психологическим критериям с помощью 16-ФЛО позволили построить обобщенные «психологические портреты» профессионально успешных и малоэффективных работников прокуратуры, выявить, в чем между ними проявляются сходство и различия (рис. 11.1).

Как показали проведенные исследования, наиболее важные межгрупповые различия были зафиксированы по факторам С и G. Профессионально успешные прокурорско-следственные работники обладают большей эмоциональной устойчивостью, чем профессионально неуспешные. Они стабильнее, реалистичнее, лучше умеют управлять своими эмоциями и настроением, более обязательны, дисциплинированны и ответственны, стремятся к соблюдению общественных правил и требо-

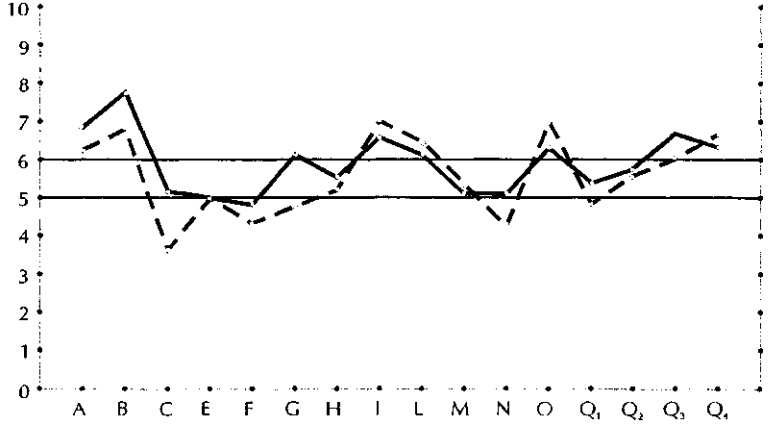


Рис. 11.1. Усредненные личностные профили группы профессионально успешных (сплошная линия) и профессионально неуспешных (штриховая линия) прокурорских работников, полученные с помощью 16-ФЛО

ваний. Профессионально неуспешные работники менее «нормативны», в большей степени склонны к непостоянству, менее надежны.

В качестве иллюстрации ниже приводятся профили личности двух молодых следователей, проявивших себя на работе в первые два года работы после окончания юридического факультета с противоположной стороны.

Следователь Б. по материалам личного дела характеризуется дисциплинированным, исполнительным сотрудником прокуратуры, способным переносить различные виды нагрузок в работе. По характеру общительный, доброжелательный человек, имеет пытливый ум. В профессиональном отношении отличается работоспособностью, личные интересы подчиняет служебному долгу, может расследовать сложные дела, легко и быстро находит контакт с допрашиваемыми лицами. Напротив, С. за тот же период работы следователем освоил расследование лишь несложных уголовных дел. Несмотря на свое трудолюбие, тем не менее нередко допускал нарушения УПК, к оценке доказательств подходит не всегда продуманно. При расследовании преступлений проявлял поверхностное отношение, волокиту.

Сопоставив конфигурацию тестовых профилей Б. и С. (рис. 11.2), можно увидеть существенные различия между ними по факторам: B (интеллект), C (эмоциональная устойчивость), F (активность, оптимизм), G («нормативность» поведения), I (эмоциональная чувствительность), N (проницательность), O (настроение), Q_1 (гибкость мышления).

Как видно из приведенного примера, между профессионально успешными и малоэффективными прокурорско-следственными работниками имеются существенные различия по фактору N, что нашло статистически достоверное подтверждение в исследовании. Так, профессионально успешные работники более проницательны, расчетливы, чем профессионально неуспешные. Они лучше разбираются в людях, умеют контролировать свое поведение, «просчитывать» последствия принима-

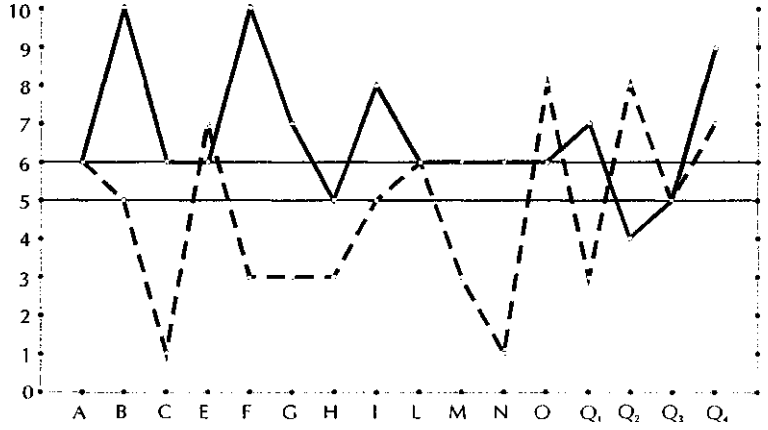


Рис. 11.2. Тестовый профиль личности следователей: Б. (сплошная линия) и С. (штриховая линия), полученный с помощью 16-ФЛО

емых решений и эмоциональное состояние партнера по взаимодействию. Несомненно, данные качества, так же как эмоциональная стабильность и позитивное отношение к общественным нормам, морали, законам, крайне важны для достижения успеха в профессии следователя, прокурора, да и любого юриста. Профессионально неуспешные более прямолинейны, просты, непосредственны, хуже контролируют свои эмоции, не столь четко и логично мыслят, плохо понимают состояние и мотивы поведения других людей.

В группе профессионально успешных руководящих работников органов прокуратуры указанные тенденции проявились еще более ярко: среднегрупповые оценки по факторам G и N у них оказались еще выше, чем в общей группе профессионально успешных. Кроме того, в данной группе была получена очень высокая оценка по фактору Q_3 (самоконтроль поведения). Данный факт свидетельствует о том, что обследованные руководящие работники прокуратуры придают большое значение соответствию своего поведения групповым и социальным нормам, они хорошо организованы, лучше умеют контролировать свое поведение, обладают более выраженными волевыми качествами. Это наглядно видно из усредненного профиля личности данной группы сотрудников прокуратуры (рис. 11.3).

Еще одной отличительной особенностью обследованных руководящих работников прокуратуры, как видно из приведенного выше тестового профиля личности, явились сравнительно низкие значения по факторам Q_1 и F, что характеризует их людьми несколько консервативными, приверженными традициям, а также серьезными, осторожными и рассудительными.

Для успешной оценки, интерпретации тестовых данных, а по ним и оценки профессионально значимых способностей юриста, как уже отме-

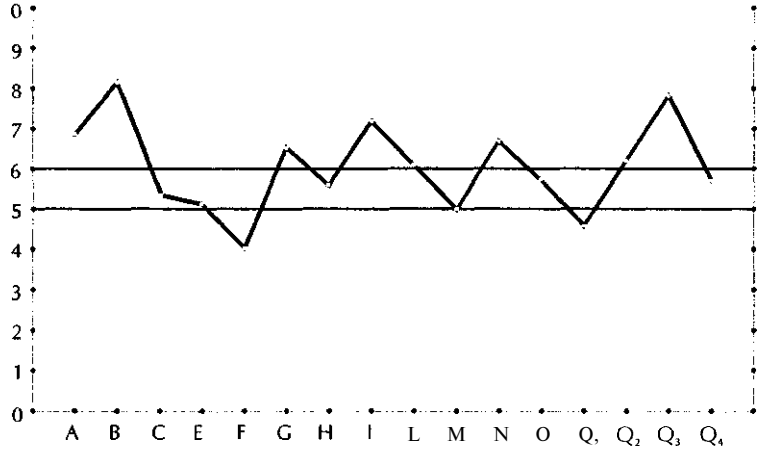


Рис. 11.3. Усредненный личностный профиль группы профессионально успешных руководящих работников органов прокуратуры (16-ФЛО)

чалось выше, целесообразно анализировать не только отдельные показатели, но и целостные их комплексы, образующие устойчивые обобщенные личностные особенности обследуемых: уровень нервно-психической устойчивости, коммуникативной компетентности, конфликтности, нормативности поведения и др. Данные комплексы качеств (факторы) наиболее значимы при проведении профессионального психологического отбора в правоохранительные органы. Ниже проанализированы диагностические показатели теста 16-ФЛО, с помощью которых можно оценивать степень выраженности этих профессионально важных качеств личности юриста.

Оценка нервно-психической устойчивости. Для оценки нервно-психической, эмоциональной устойчивости личности особый интерес представляют прежде всего факторы C, G, O, G3, Q4. Неблагоприятное сочетание показателей по данным факторам, внешне проявляющееся в дезадаптивных формах поведения человека, опосредованно связано с эффективностью и качеством его. профессионального труда.

Итак, прогностически неблагоприятными в профессиональном отношении качествами личности работника прокуратуры, которые могут выявляться с помощью 16-ФЛО (в сочетании со СМИЛ), являются следующие свойства.

Низкая стрессоустойчивость. Данное качество выражается в том, что субъект с трудом переносит нервно-психические, эмоциональные нагрузки, резкое увеличение объема работы или изменение ее содержания, особенно в напряженных, экстремальных условиях профессиональной деятельности. Вследствие этого у таких лиц чаще возникают стрессовые реакции, нервные срывы, что может вызвать негативное отношение к работе, избранной специальности и в конечном итоге привести к снижению эффективности профессиональной деятельности.

Для работника прокуратуры (особенно следователя) прогностически неблагоприятным является следующее наиболее часто встречающееся сочетание факторов: высокие значения O и Q_4 наряду с низкими показателями C и Q;3, что наглядно можно представить следующим образом:

$$\underline{C} \quad \overset{+}{O} \quad \underline{Q_3} \quad \overset{+}{Q_4}$$

Недобросовестность, низкий уровень нормативности поведения. Эти качества, в определенной степени связанные с низкой стрессоустойчивостью, проявляются в частом отступлении от принятых правил поведения, моральных норм, в недобросовестном исполнении своих обязанностей, служебных поручений, в конфликтных отношениях с коллегами по работе, проявлениях повышенной агрессивности и т.д. Все это может быть обусловлено как особенностями воспитания, низким уровнем интеллектуального развития, так и нервно-психической неустойчивостью, что проявляется в сниженной социальной, профессиональной адаптивности, в отходе от социально приемлемых, норматив-

ных правил поведения. Таким образом, прогностически неблагоприятным следует также рассматривать сочетание следующих факторов:

$$\underline{C}\ \overset{+}{\underline{E}}\ \underline{G}\ \overset{+}{O}\ \underline{Q_3}\ \overset{+}{Q_4}$$

В подобных случаях полученные результаты обязательно следует сопоставить с показателями шкал 2, 4, б и 9 СМИЛ. Кроме того, возможно дополнительное углубленное обследование данного лица медицинским (клиническим) психологом, невропатологом, психиатром. И наоборот, при сочетании факторов С, G, Q_3 с высокими и даже со средними значениями при отрицательном значении фактора F (ниже 5,5 стен) нервно-психические срывы маловероятны. Это сочетание можно оценивать как своего рода надежный моральный контроль человека за своим поведением[1]. При наличии других положительных данных такого кандидата можно рекомендовать к работе, требующей повышенной нервно-психической устойчивости.

Склонность к алкоголизму. Среди 16 факторов методики Р.Б. Кеттелла четыре из них (С, G с низкими значениями и О, Q_4 с высокими) позволяют прогнозировать предрасположенность обследуемого к алкоголизму, которая им может и не осознаваться:

$$\underline{C}\ \underline{G}\ \overset{+}{O}\ \overset{+}{Q_4}$$

Например, при обследовании юристов, имевших взыскания за употребление алкогольных напитков, наблюдались даже неполные сочетания указанных факторов (например, низкие значения факторов С, G при высоком показателе фактора О или Q4)[2].

Характерен в этом отношении тестовый профиль следователя прокуратуры Т., получившего за три года службы после окончания вуза три взыскания, в том числе неполное служебное соответствие, за употребление спиртных напитков в служебное время. На приведенном графике (рис. 11.4) обращает на себя внимание ярко выраженный у него симптомокомплекс профессиональной непригодности к службе в правоохранительных органах:

$$\underline{C}\ \underline{G}\ \overset{+}{O}\ \overset{+}{Q_4}$$

При получении подобных результатов в ходе обследования лиц, принимаемых на службу в правоохранительные органы, необходимо обращать особое внимание на таких кандидатов, сопоставляя их тестовые профили, полученные с помощью методик 16-ФЛО и СМИЛ. Беседа с такими обследуемыми также должна носить целенаправленный характер с учетом полученных результатов тестирования.

[1] См.: *Кулагин Б.В.* Основы профессиональной психодиагностики. М., 1984. С. 184.
[2] См.: *Романов В.В.* Профессиональный психологический отбор кандидатов на военно-юридический факультет Военного Краснознаменного института: Методическое пособие. М., 1989. С. 51.

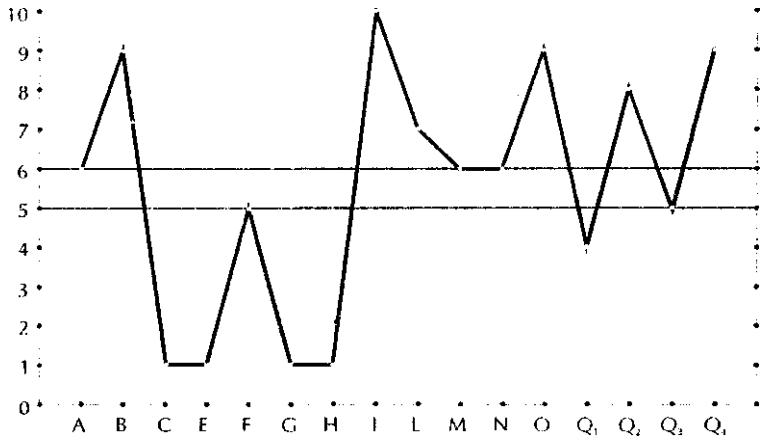


Рис. 11.4. Тестовый профиль личности следователя прокуратуры Т. (16-ФЛО)

Конфликтность, внутренняя дисгармоничность, неадекватно завышенная самооценка. Данные качества на поведенческом уровне обычно проявляются в том, что субъект с трудом адаптируется к социальным условиям, к окружающим, затрудняется строить правильные взаимоотношения с ними, неадекватно реагирует на конфликтные ситуации и по этим причинам не способен эффективно решать служебные вопросы, принимать решения. Об определенной конфликтности личности может свидетельствовать следующее сочетание факторов:

$$\underline{A}\ \overset{+}{\underline{E}}\ \underline{I}\ \overset{+}{\underline{L}}$$

Наиболее прогностически неблагоприятным является такой профиль в сочетании с низкими значениями факторов B, C, G и Q_3 и высокими показателями по факторам O и Q_4.

Стандартизированный мет.од исследования личности (СМИЛ). В гл. 3 учебника уже обращалось внимание на то, что данный тест предназначен для количественной и качественной оценки структурных компонентов личности, характерологических особенностей, нервно-психической, эмоциональной устойчивости, особенностей мышления, межличностного поведения, ведущих потребностей, мотивационной направленности личности. Как показали исследования, СМИЛ позволяет прогнозировать уровень социальной, профессиональной адаптации личности юриста, проводить сравнительный анализ юристов, пользуясь психологическими критериями оценки их индивидуально-психологических качеств. Так, при анализе группы профессионально неуспешных прокурорско-следственных работников, вошедших в 4-ю группу на основании объективных критериев оценки их деятельности, оказалось, что на две трети ее составили лица, в тестовом профиле которых в качестве ведущих были шкалы 4, 6, 8 со значительными превышениями нормы (около 80Т-баллов и выше) (рис. 11.5).

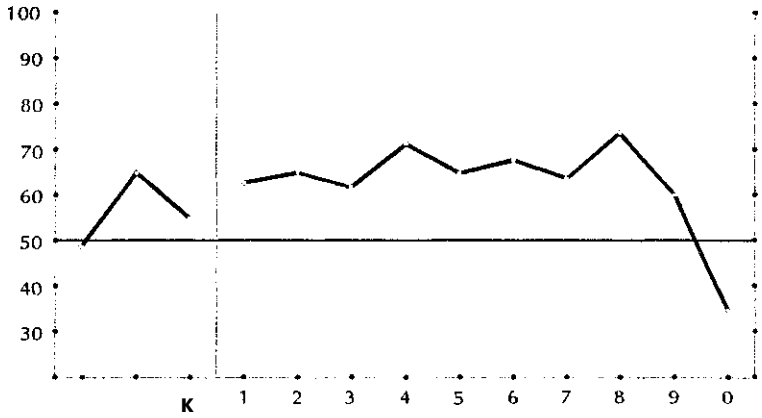


Рис. 11.5. Усредненный профиль личности группы профессионально непригодных к службе в органах прокуратуры работников, полученный с помощью СМИЛ

Кстати, на подобный неблагоприятный с профессиональной точки зрения профиль личности обращалось внимание и при отборе в органы внутренних дел[1].

Таким образом, типы тестовых профилей с высокими значениями упомянутых выше шкал признаются прогностически неблагоприятными в условиях деятельности, предъявляющей повышенные требования к психике субъекта, его эмоциональной, нервно-психической устойчивости, и требуют углубленного клинического обследования кандидата, поступающего на службу в правоохранительные органы.

При оценке тестовых профилей личности профессионально успешных прокурорских работников, полученных с помощью СМИЛ, было выявлено несколько типов таких лиц. Один из распространенных типов профессионально успешных работников прокуратуры (примерно одна треть) составили лица, в тестовом профиле личности которых в качестве ведущей на первом (втором) месте находится шкала 2 с показателями, близкими к 65—75 Т-баллов. Характерно, что среди малоэффективных прокурорских работников почти не встретились лица, профиль которых по СМИЛ имел бы шкалу 2 в качестве ведущей.

Усредненный профиль личности профессионально успешного прокурорского работника с ведущей шкалой 2 в пределах 65—75 Т-баллов характерен для сотрудников прокуратуры с глубоким осознанием ответственности за порученное дело, обостренным переживанием из-за неуспехов в работе, самокритичным отношением к своим недостаткам, обостренным чувством вины. Такие прокурорские работники отличаются

[1] См.: *Виноградов М.В., Буйлов И.К., Варламов В.А.* и др. Методика и организация психиатрического освидетельствования лиц, поступающих на службу в органы внутренних дел. М., 1982. С. 62.

чувствительностью к средовым воздействиям, впечатлительностью, глубиной переживаний, высоким уровнем осознания существующих проблем, тревожностью, рефлексивностью, склонностью к глубокому аналитическому осмыслению происходящих явлений, скрупулезному обдумыванию принимаемых решений, гуманистической направленностью, сотрудничающим стилем межличностного поведения.

Повышенная тревожность, сенситивность, склонность к переживаниям и волнениям в условиях жесткого директивного стиля управления, дефицита поддержки, одобрения могут вызвать у представителей данной группы депрессивные формы реагирования, сниженный фон настроения и в силу этого отрицательно отражаться на их самочувствии. Однако, при ровном, доброжелательном к ним отношении процесс их профессиональной адаптации и роста протекает успешно. В этих условиях у них появляется больше уверенности в собственных силах, активности, инициативы, сопротивляемости к стрессу. И они, как правило, становятся профессионально надежными сотрудниками с обостренным, повышенным чувством ответственности, что связано с ведущей шкалой 2, не выходящей за пределы нормы.

Однако картина может резко меняться в негативную сторону при значительном повышении (более 75—80 Т-баллов) величины шкалы 2, особенно в сочетаниях с такими же высокими показателями шкал 4, 6 и 8 в качестве ведущих. По данным исследований, проведенных в органах МВД, работники, в профиле личности которых наблюдался значительный подъем по шкалам 2, 4, 6 и 8, намного чаще проявляли агрессивные формы реагирования, имевшие импульсивный характер. Они труднее адаптировались к социальным условиям, к своей профессиональной деятельности, отличались сниженной сопротивляемостью к стрессу и в силу этого признавались негодными к службе[1].

Особого внимания среди работников прокуратуры заслуживают лица, в тестовом профиле которых ведущей является шкала 4. К оценке ее показателей следует подходить весьма осторожно и дифференцированно в зависимости от высоты профиля и показателей других шкал. Так, высокие значения шкалы 4 (более 70 Т-баллов) при одновременном подъеме шкал 6, 8 и 9 и спаде шкал 1, 2, 5 и 0 чаще встречаются у лиц несдержанных, агрессивных, склонных к межличностным конфликтам, проявляющих упрямство, не желающих подчиняться, стремящихся всегда найти оправдание своим, в том числе и неблаговидным, поступкам. Несомненно, что подобные лица не смогут эффективно выполнять обязанности прокурорского работника и будут малоуспешными в любой правоохранительной деятельности.

Напротив, в нормативном профиле личности (не выходящем за пределы 70 Т-баллов) наличие шкалы 4 в качестве ведущей, особенно в сочетании со шкалами 2, 5, указывает на такие профессионально важные

[1] См.: *Виноградов М.В., Буйлов Н.К., Варламов В.А.* и др. Методика и организация психиатрического освидетельствования лиц, поступающих на службу в органы внутрен-

качества личности, как активность, стремление к самоутверждению, самореализации, решимость, разумная склонность к риску, настойчивость в достижении поставленной цели, высокий уровень притязаний, ориентированность на достижение успехов в работе. В таких случаях правоохранительная деятельность (особенно следственно-прокурорская) предоставляет лицам с ведущей шкалой 4 (в пределах 70 Т-баллов) широкие возможности для реализации свойственной им социальной и профессиональной активности.

В качестве примера, иллюстрирующего выявленную закономерность, уместно сослаться на результаты психологического обследования следователей военной прокуратуры лейтенантов юстиции И. и Ч., в тестовом профиле которых шкала 4 (но с разными значениями и в разных сочетаниях с другими шкалами) является ведущей (рис. 11.6).

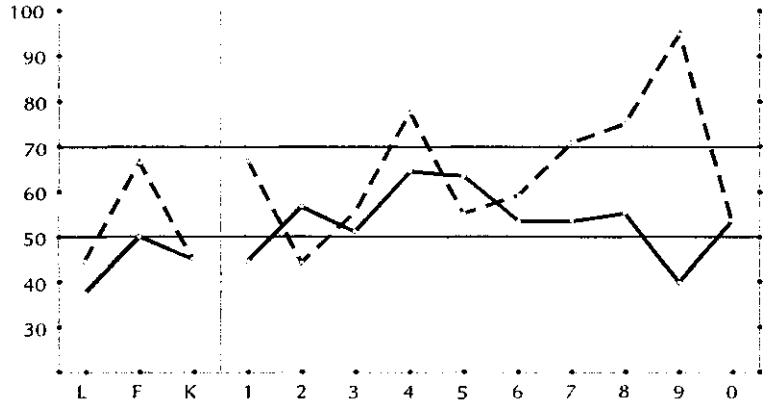


Рис. 11.6. Тестовые профили личности следователей И. (сплошная линия) и Ч. (штриховая линия), полученные с помощью СМИЛ

Как видно из материалов личного дела И., школу, военно-юридический факультет он окончил с отличными оценками. За время учебы на факультете был удостоен 28 поощрений (взысканий не имел), зарекомендовал себя трудолюбивым, целеустремленным, добросовестным курсантом. По характеру общителен, требователен к себе, выдержан, принципиален. Умеет организовать свой труд. Пользуется авторитетом.

Попав в суровые климатические, а также сложные в профессиональном отношении условия, И. показал себя способным переносить длительные нагрузки. За расследование опасных преступлений, умелое применение НТС криминалистики поощрен военным прокурором Северного флота. В служебном отзыве военного прокурора гарнизона отмечается: «И. требователен к себе, настойчив, работоспособен, дисциплинирован. К себе относится самокритично, умеет признавать свои ошибки и стремится к их устранению. С личным временем не считается. Принципиален. Высказывает свое мнение и может его отстаивать. Коммуникабелен. Правильно строит взаимоотношения

с командованием воинских частей». На втором году работы следователем И. был зачислен в резерв на выдвижение.

Напротив, как видно из тестового профиля другого представителя военной прокуратуры лейтенанта юстиции Ч., шкала 4 у него, несмотря на то, что также является ведущей, однако имеет более высокие показатели и находится в сочетании со шкалой 9, имеющей еще большее значение, что усиливает определяемые шкалой 4 негативные качества (эмоциональная неустойчивость, импульсивность, эгоцентризм и т.п.).

Так же, как и его товарищу по учебе на военно-юридическом факультете, через год работы следователю Ч. была дана служебная аттестация, но совершенно иного характера. В частности, в ней отмечалось, что он «...не умеет самостоятельно мыслить и действовать. Поступающие материалы своевременно не изучает и выводов из них не делает. По этой причине ряд дел довел до критического состояния. Недостаточно организован, неоднократно оставлял материалы дела без присмотра, в результате чего у него был похищен дипломат с уголовным делом... Нуждается в серьезной помощи и постоянном надзоре».

Возможно, что со временем Ч. и овладеет профессией следователя (при высоком уровне мотивации достижения), однако, несомненно, процесс его профессиональной адаптации будет проходить с гораздо большими осложнениями, чем у И.

Среди других относительно распространенных эмоционально-личностных типов прокурорских работников обращают на себя внимание лица, чьи психологические особенности во многом связаны со шкалой 6. С точки зрения профессиональной адаптации ее вклад, как и шкалы 4, в структуру личности следует оценивать также неоднозначно в зависимости от ее величины и от сочетания с другими, особенно со шкалами 2, 4, 8 и 9.

В норме, при умеренном повышении шкалы 6 в качестве ведущей у обследованных работников прокуратуры наблюдались: целеустремленность, упорство, настойчивость, организованность, аккуратность, разумный педантизм в работе. В коммуникативных процессах такие лица более прямолинейны. В ходе профессиональной адаптации у них большую роль играют лидерские качества, в наибольшей мере проявляется предрасположенность к управленческой деятельности.

В качестве иллюстрации указанной закономерности уместно привести результаты психодиагностического обследования А. — прокурора одного из крупных городов, представленного к назначению на должность заместителя прокурора республики (начальника следственного управления), успешно проработавшего более 20 лет на различных прокурорско-следственных должностях (рис. 11.7).

Как видно из личного дела, А. характеризуется как инициативный, эмоционально уравновешенный, эрудированный работник, отличающийся «чувством нового», наделенный организаторскими способностями, имеющий ряд поощрений за достигнутые успехи в работе. Характерно, что при тестировании по методике Равена А. продемонстрировал один из самых высоких показателей интеллектуального развития (IQ = 127) в группе профессионально успешных руководящих работников прокуратуры, находящихся в резерве на выдвижение.

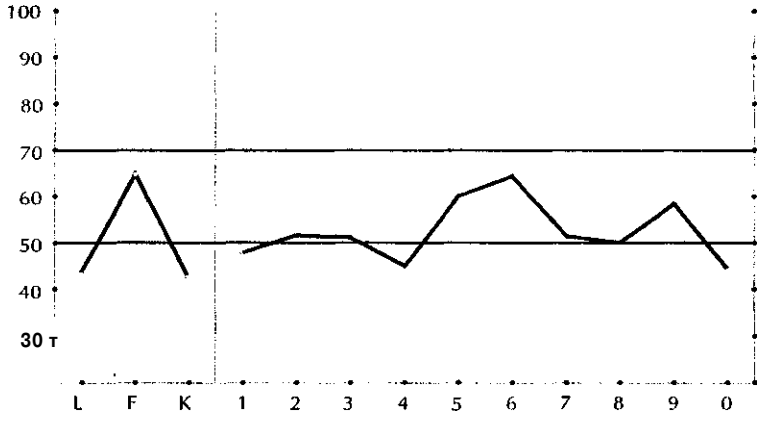


Рис. 11.7. Тестовый профиль личности А. (по СМИЛ)

В связи с нашими наблюдениями относительно роли шкалы 6 в психологическом профиле личности профессионально успешных прокурорских работников уместно привести данные, сообщаемые В.М. Звониковым с соавторами, исследовавшими с помощью СМИЛ летный состав, в частности испытателей, и обнаружившими у этой группы испытуемых также повышение шкалы 6 в сочетании с показателями по шкалам 2, 5 СМИЛ. Как отмечают авторы публикации, усредненный профиль испытателей с ведущей шкалой 6 по СМИЛ характеризует данную группу лиц «как людей настойчивых, активных, рациональных», которым присущи «высокая целенаправленность в действиях, преданность основной жизненной цели, идее, склонность к анализу своих поступков, рациональный подход к решению проблем (сочетание показателей по шкалам 2, 5 и 6 СМИЛ), выраженное умение собирать и классифицировать информацию, склонность к лидерству, высокая социальная обязательность, контроль над эмоциями в сочетании с некоторым повышением уровня тревожности»[1].

Причем повышение уровня тревожности, не выходящее за пределы нормы, совершенно обоснованно рассматривается ими в качестве показателя «психологической готовности к действиям в экстремальных условиях», когда тревожность еще не становится фактором, дезорганизующим деятельность.

Таким образом, эмоционально-динамический тип личности с ведущей шкалой 6 в тестовом профиле, не превышающем значительно верхний предел нормы, особенно если данная шкала находится в сочетаниях со шкалами 2, 5, можно также признать одним из показателей благоприятного профессионального прогноза при отборе в правоохранительные органы, при выдвижении кандидатов из резерва на руководящую работу.

[1] См.: *Звоников В.М., ПономаренкоВ.А., ЦуваревВ.И.* К вопросу о психологическом отборе профессионалов // Психологический журнал. 1988. Т. 9, № 3. С. 96—97.

В заключение следует отметить, что сопоставительный анализ результатов тестирования, проведенного с помощью методик 66-ФЛО и СМИЛ, позволяет оценивать широкий спектр личностных характеристик, особенностей состояния и поведения испытуемых, определять способности того или иного лица к правоохранительной деятельности.

Разумеется, что помимо описанных выше тестовых методик могут применяться и другие. Однако наша задача состояла лишь в том, чтобы показать в главном суть методологического подхода при оценке профессионально значимых способностей юриста на примере наиболее распространенных и общепризнанных личностных тестов.

Таким образом, после того как мы рассмотрели общие социально-психологические особенности профессиональной деятельности юристов, ее основные структурные элементы, раскрыли психограмму юриста (прокурорско-следственного работника), можно перейти к более подробному изложению психологических аспектов собственно самой правоохранительной деятельности, чему и будут посвящены последующие главы.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Охарактеризуйте общие социально-психологические особенности профессиональной деятельности юриста.
2. Какие основные структурные элементы (подструктуры) включает правоохранительная деятельность?
3. Что представляет собой психограмма личности юриста?
4. Назовите основные факторы професионально-психологической пригодности юриста к правоохранительной деятельности, раскройте их содержание?
5. Что такое способности человека? Дайте определение этому понятию.
6. Чем отличаются способности человека от его задатков?
7. Перечислите виды способностей и уровни их развития.
8. Как проводится оценка профессионально значимых способностей юриста?
9. Какие существуют критерии оценки профессионально значимых способностей юриста?
10. Каким образом должны оцениваться психологические качества личности юриста при отборе в правоохранительные органы?

Глава 12

ПОЗНАВАТЕЛЬНАЯ ПОДСТРУКТУРА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЮРИСТА

Психология осмотра места происшествия. Место происшествия — источник информации о личности преступника. Особенности психической деятельности следователя на месте происшествия. Психология проведения обыска. Психологические особенности поведения обыскиваемого и обыскивающего во время обыска. Психология предъявления для опознания. Симультанное и сукцессивное узнавание. Психологические особенности проведения следственного эксперимента (проверки показаний на месте).

Исследование социально-правовых отношений между различными субъектами права, познание истины в процессе расследования преступлений, в ходе разрешения гражданско-правовых споров, установление причин возникновения всевозможного рода конфликтов в обществе, между людьми является составной частью профессиональной деятельности многих юристов (следователей, судей, адвокатов и т.д.).

В российском законодательстве (в уголовном и гражданском процессах) действует целый ряд правовых норм, регламентирующих порядок исследования, изучения, познания тех или иных деликтов, установления истины при разрешении различных конфликтов уголовного либо гражданско-правового характера. Так, в уголовно-процессуальном законе детально разработана процедура специально предусмотренных для этих целей следственных (судебных) действий, основное назначение которых состоит в том, чтобы дознаватель, следователь, суд, используя закономерности познавательных (когнитивных) процессов, имели возможность устанавливать истину по делу. К таким действиям следует прежде всего отнести: осмотр места происшествия, местности, помещений, предметов, в том числе трупа, документов, различных вещественных доказательств (ст. 178—180, 291, 293 УПК РСФСР), обыск и выемку (ст. 167—174 УПК РСФСР), предъявление для опознания (ст. 164—165 УПК РСФСР), следственный эксперимент (ст. 183 УПК РСФСР), экспертизу (ст. 184, 187, 189, 194, 288, 290 УПК РСФСР), а также допрос, в том числе на очной ставке, различных участников уголовного процесса[1]. Ряд аналогичных действий может проводить суд и при рассмотрении гражданско-правовых споров, в частности осматривать вещественные доказательства, исследовать различного рода документы, при необходимости назначать экспертизы (ст. 66, 72, 75, 78 ГПК РСФСР).

[1] Психологическим особенностям допроса, очной ставки специально посвящается следующая глава учебника, поскольку процесс познания истины в ходе их проведения в значительной мере обусловлен закономерностями общения.

Юристам, вовлеченным в процесс познания, необходимы знания не только процессуального порядка проведения этих действий, но и психологических особенностей поведения лиц, участвующих в них, оценивающих доказательственную информацию, которую получают с помощью этих действий. Поэтому перейдем к рассмотрению психологических особенностей проведения наиболее распространенных следственных (судебных) действий, имеющих наиболее ярко выраженный познавательный характер. Одним из них является осмотр места происшествия.

§ 1. Психология осмотра места происшествия

Осмотр места происшествия, следственный (судебный) осмотр вещественных доказательств, обнаруженных на месте совершения преступления, является одним из распространенных и в то же время наиболее ответственным следственным действием прежде всего ввиду своей неповторимости.

Под каким бы углом зрения мы ни рассматривали проблему повышения качества осмотра места происшествия, перед нами неизбежно возникают по крайней мере два основных, связанных между собой вопросов, на которые необходимо получить ответы.

Во-первых, почему преступники, какими бы, казалось, изощренными и предусмотрительными они ни были, тем не менее нередко оставляют на месте происшествия следы, которые могут изобличить их? И во-вторых, почему, несмотря на это, следователи порой не могут обнаружить эти следы, не видят на месте происшествия тех признаков, которые со всей очевидностью указывают на определенные индивидуально-психологические особенности личности совершившего преступление? Можно ли это объяснить только недобросовестным отношением следователя к своим обязанностям, низким уровнем его профессионализма или здесь имеются еще и какие-то другие причины чисто психологического характера, которые влияют на его поведение во время осмотра?

В ответах на эти вопросы кроется проблема предупреждения ошибок в деятельности следователя на месте происшествия, повышения эффективности и качества следствия в целом. Попытаемся ответить на поставленные вопросы, подойдя к ним с психологической точки зрения, рассматривая место совершения преступления прежде всего как источник информации об индивидуально-психологических особенностях личности преступника, которые отражаются на объектах места происшествия, материализуются в виде различных следов, которые далеко не всегда, к сожалению, замечает следователь.

Место происшествия — источник информации о психологических особенностях личности преступника. Место происшествия — это прежде всего пространство, на котором разворачивается предметная деятельность лица, совершившего преступление, а также потерпевшего, свидетелей, в последующем — следователя, понятых, специалистов.

Различная направленность действий этих лиц по-разному отражается на материальных объектах, которые, в свою очередь, воздействуют на их психику, оставляя у них в сознании следы психического отражения в виде различных образов, вызывая определенные эмоции, чувства, внося в их поведение непредвиденные «помехи», к воздействию которых они не всегда бывают готовы.

Таким образом, имеет место взаимное влияние друг на друга субъектов уголовно-процессуальной деятельности и материальной обстановки места происшествия. Вот почему изучение обстановки места происшествия «позволяет с большей или меньшей степенью вероятности судить о психических особенностях преступника»[1].

В действиях преступника на месте происшествия проявляются: особенности его психических процессов (восприятия, памяти, мышления), психическое состояние, которое у него было при совершении преступления, различные психические свойства его личности: темперамент, характер, его способности, навыки, умения, установки, особенности мотивации.

Особенно наглядно в обстановке места происшествия отражаются потребности преступника, направленность его личности на их удовлетворение, мотивы, побудившие его совершить преступление. Например, следы хищения со склада, из аптеки медикаментов, содержащих некоторые лекарственные препараты, дают основание делать предположение о причастности к хищению лиц, употребляющих наркотические вещества либо занимающихся их сбытом. Характерные признаки содержит, например, место происшествия, связанное с изнасилованием и убийством потерпевшей. Об определенных сексуальных извращениях преступника могут свидетельствовать повреждения на трупе его жертвы и т.д.

Довольно наглядно проявляются в способах совершения и сокрытия преступления навыки, способности, психомоторика, интеллект преступника, т.е. тот индивидуальный стиль деятельности, основанный на типологических свойствах нервной системы, который позволяет судить о привычках, занятиях, профессиональной принадлежности разыскиваемого субъекта. Несмотря на разное предметное содержание, привычный способ совершения усвоенных действий (по И.П. Павлову — динамический стереотип), или, как еще говорят, «модус реагирования», у человека не изменяется.

Нередко по оставленным на месте происшествия следам с помощью метода составления психологического портрета преступника удается составить представление об особенностях его характера, поведения, эмоциональном состоянии в момент совершения преступления и даже о его некоторых внешних, физических данных[2].

Так, при расследовании известного уголовного дела А. Чикатило по характеру повреждений, оставляемых им на трупах, было составлено

[1] *Ратинов А.Р.* Судебная психология для следователей. М., 196/. С. 254.

[2] Подробнее см.: *Образцов В.А.* Выявление и изобличение преступника. М., 1997. С. 246—264.

описание убийцы, которое впоследствии во многом подтвердилось. Разыскивая преступника, следователи еще до того, как был задержан А. Чикатило, пришли к выводу, что убийцей мог быть мужчина в возрасте от 25 до 55 лет, высокого роста, мускулистый, имеющий группу крови АВ, размер обуви 44 или больше. Преступник, вероятнее всего, ходит с «дипломатом» или с какой-либо сумкой, в которой носит остро заточенные ножи. Вероятно, судим за преступления, совершенные на сексуальной почве. Страдает нарушениями психики в форме половых извращений (онанизм, педофилия, некрофилия, гомосексуализм, садизм), возможно, импотенцией. Знаком с анатомией человека. Его род работы предполагает свободу передвижения. На основании этого были выдвинуты версии о лицах, возможно, причастных к совершенным убийствам[1].

Нельзя также не учитывать и такой важной особенности в поведении преступников, когда они, готовясь к совершению преступления, обдумывая, казалось бы, в деталях свой замысел, тем не менее нередко недооценивают дезорганизующее влияние на их сознание, целенаправленную преступную деятельность своего психического состояния, что, в свою очередь, не может не отражаться на обстановке места происшествия.

Поскольку преступления совершаются в условиях воздействия на психику различных помех субъективного и объективного характера, таких, например, как страх оказаться застигнутым на месте совершения преступления, дефицит времени, усилия, необходимые для преодоления неожиданно возникшего сопротивления потерпевшего, и т.п., — все это вызывает непрогнозируемое по своей интенсивности состояние избыточной нервно-психической, эмоциональной напряженности. Вследствие этого нарушается гибкость мыслительных процессов, частично сужается поле восприятия, ослабляется внимание к своим действиям и сопутствующим им изменениям в материальной обстановке.

По этой причине резко возрастает вероятность совершения так называемых ошибочных действий, которые не входили в заранее продуманный преступником сценарий своего поведения. Еще З. Фрейд в начале нашего века в своих лекциях по психоанализу, рассматривая природу бессознательного, говорил о так называемых *ошибочных действиях* (всевозможных оговорках, описках, иных не контролируемых сознанием отклонениях в поведении), которые должен, как полагал он, замечать опытный криминалист, расследующий преступление[2].

Существенные различия в условиях, когда намечалась последовательность совершения преступных действий, и в реальных условиях их выполнения нередко снижают остроту мыслительных процессов преступника, сужают его возможности использования приобретенных знаний и опыта. И это важно помнить следователю, который не должен терять уверенности найти следы на месте происшествия, а также в после-

[1] См.: *Лурье Р.* Охота на дьявола. М., 1996. С. 85; см. также: *Водько Н.П.* Почему так долго искали Чикатило, М., 1996. С. 62.

[2] См.: *Фрейд З.* Введение в психоанализ: Лекции. М., 1989. С. 13—14.

дующем следы с места происшествия на разыскиваемом преступнике. Данное обстоятельство должно стать доминантой, прочной основой убежденности в успехе своего дела, целевой установкой следователя, направленной на раскрытие преступления.

Связь преступника с местом происшествия имеет далеко не однозначный характер. Не только преступник видоизменяет обстановку на месте происшествия, но и сами обстоятельства преступления (в том числе и место преступления) в последующем длительное время влияют на его психику, оказывая сильное воздействие на сознание и поведение, нарушая адекватные формы реагирования на различные, порой даже нейтральные раздражители, вызывая в сознании стойкие очаги возбуждения, своеобразные аффективно окрашенные комплексы, которые нарушают привычное течение психических процессов, поведение человека.

Периодически возникающие воспоминания, связанные с совершенным преступлением, с тем, что ему сопутствовало, нередко вызывают так называемые *вторичные (следовые) аффекты.* Данное явление было исследовано еще в конце 20-х гг. А.Р. Лурия, который выявлял в психике лиц, совершивших убийство, чрезвычайно сильные аффективно окрашенные следы не только от самого преступления, но и от обстановки, в которой оно происходило. Эти следы нарушают ассоциативные связи, физиологические процессы, координацию действий, двигательные реакции, что не может не отражаться на материальных объектах места происшествия, на поведении самого преступника.

Как установил Лурия, попытки преступника полностью скрыть аффективно окрашенные переживания обычно не удаются. Напротив, эти попытки обостряют аффективно окрашенные симптомы, делают их еще более заметными для окружающих. «Многое, — писал он, — убеждает нас в том, что психические следы после каждого преступления остаются в весьма заметной форме. Поэтому, задаваясь целью вскрыть причастность к преступлению, мы должны не только пытаться найти внешние следы и вещественные доказательства (отпечатки пальцев, пятна крови, вещи преступника на месте преступления), но и обратить серьезное внимание на те следы от преступления, которые сохранились в самом преступнике, в его психике. Эти следы столь же ощутимы и объективны, как и любые следы внешней среды»[1].

Данную мысль можно проиллюстрировать показаниями одного обвиняемого в убийстве и покушении на изнасилование. Как он пояснил, «совершенное убийство очень сильно угнетало, давило страшным грузом. Мне хотелось уйти куда-нибудь забыться. Все валилось из рук, не хотелось работать. Я был в каком-то смятении, перед глазами стояла женщина, которую я убил. Мне было страшно...».

Подобные примеры сильного эмоционального расстройства психических, прежде всего мыслительных, процессов, разрушающего воздействия эмоционально окрашенных образов, связанных с обстановкой

[1] *Лурия А.Р.* Психология в определении следов преступления // Научное слово. 1928. №"3. С. 82.

места совершения преступления, далеко не единичны и встречаются у людей даже с сильным типом нервной системы. В подобных случаях возникают не управляемые сознанием эмоциональные срывы, внешне выглядящие совершенно неадекватными тем словесным раздражителям, которые воздействуют на совершившего преступление как в повседневном общении с ним окружающих, так и в его общении со следователем. И здесь по аналогии со следами материального происхождения можно также говорить о различных *негативных обстоятельствах, но психологического характера,* которые хотя и не являются доказательствами по делу, но при определенных условиях могут рассматриваться *как улики поведения* и побудить следователя обратить больше внимания на изучение жизни человека, проявляющего неадекватные формы эмоционального реагирования на происходящие вокруг него события.

Совершая преступление, преступники нередко на месте происшествия прибегают к различного рода *инсценировкам,* чтобы направить следователя по ложному пути. Например, инсценируется совершение одного преступления для сокрытия другого или непреступное событие — для сокрытия преступления.

Как правило, инсценировка сопровождается умышленным искажением действительной картины события, уничтожением определенных вещественных доказательств. Поскольку инсценировка на месте происшествия является одной из форм проявления ложного поведения лица, независимо от его желания создаются внутренние противоречия, которые при внимательном к ним отношении должны привлечь внимание следователя.

Показателями инсценировок на месте происшествия являются: признаки сокрытия, уничтожения отдельных следов преступления; демонстративный характер признаков менее опасного преступления; признаки совершения несовместимых преступных действий; негативные обстоятельства, противоречащие наблюдаемой картине на месте происшествия.

Особенности психической деятельности следователя при осмотре места происшествия. Осмотр места происшествия представляет собой особую разновидность познавательной деятельности следователя, которая протекает в сложных условиях воздействия на его психику, сознание различных неблагоприятных факторов, и прежде всего таких, как: внезапность вовлечения его в эту деятельность, дефицит информации, неопределенность следственной ситуации, непривычность обстановки, воздействие отрицательных раздражителей, отвлекающих его внимание, наконец, осознание зависимости своей последующей деятельности, направленной на раскрытие преступления, от результатов осмотра.

Наиболее активную роль в познавательной деятельности следователя на месте происшествия играют закономерности восприятия, мышления, направляющего перцептивные процессы, с помощью которого анализируется поступающая информация, а также особенности воображения, помогающие мысленно реконструировать обстановку, создавать

возможные модели происшедшего события, выдвигать версии. Эти закономерности были подробно рассмотрены в главе 4 нашего учебника.

Основным методом изучения обстановки места происшествия является наблюдение, в котором ведущую роль играют *восприятие* и *мышление.* В процессе восприятия участвуют, как правило, почти все виды анализаторов. При этом наиболее активную роль играют зрительные, осязательные рецепторы, через которые воспринимается наибольшая часть информации. На повышение порога чувствительности анализаторов положительное влияние оказывают использование следователем НТС криминалистики, его умение нейтрализовать воздействие на психику отрицательных факторов с помощью приемов аутогенной тренировки.

Существенно повышает эффективность восприятия *вербализация* увиденного. Считается, что нет лучшего способа увидеть, рассмотреть объект, чем воспроизвести его образ. Именно этим можно объяснить положительную роль, которую играет совместное обсуждение участниками осмотра обстановки на месте происшествия, подробное протоколирование, детальное вычерчивание планов и схем. Как показывает следственная практика, посредственное качество протокола осмотра места происшествия, как правило, свидетельствует о поверхностной перцептивной деятельности следователя во время осмотра и во многих случаях служит причиной низкого качества следствия, ошибочных выводов, к которым приходят органы предварительного следствия, а порой — и суды.

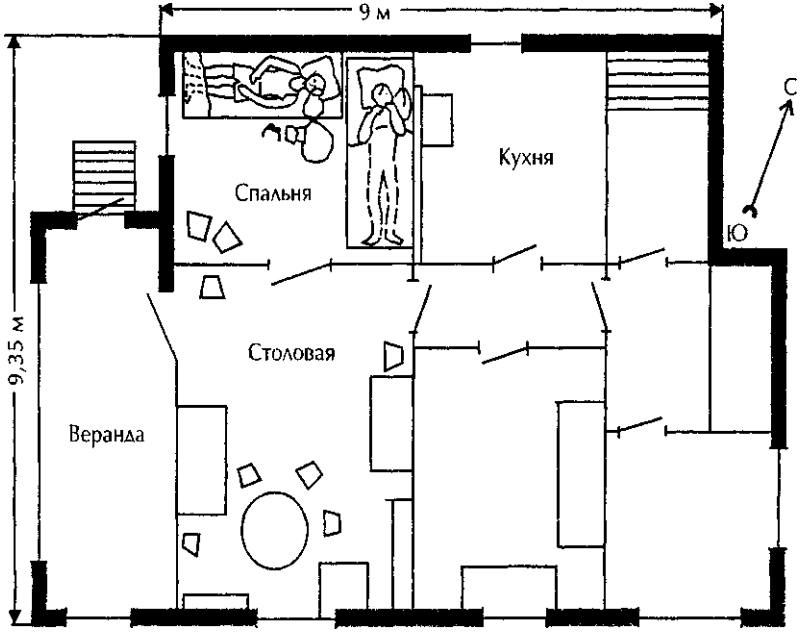


Рис. 12.1. План места происшествия, составленный при первоначальном осмотре

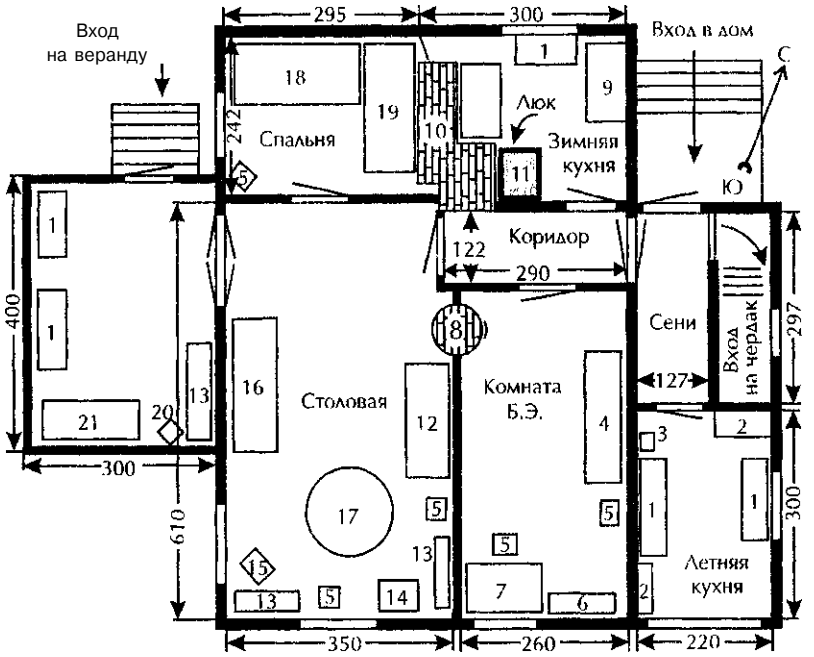


Рис. 12.2. План места происшествия, составленный при повторном осмотре

В качестве примера, иллюстрирующего эту важную мысль, ниже приводятся результаты осмотра по одному уголовному делу, которые наглядно можно сравнить по составленным различными следователями планам места происшествия, приложенным к протоколам осмотра.

В первом случае (рис. 12.1) работники прокуратуры, осматривавшие место происшествия, особо не утруждали себя оформлением результатов поверхностного осмотра дома, где были обнаружены трупы пожилых супругов с огнестрельными ружейными повреждениями головы, поскольку ошибочно исходили из того, что произошло «парное самоубийство» и дело в любом случае «за смертью виновного подлежит прекращению».

Во втором случае (рис. 12.2 и 12.3) после отмены постановления о прекращении данного уголовного дела и возобновления по нему следствия спустя почти 8 месяцев был проведен повторный осмотр. Первое, что сразу же бросается в глаза при сопоставлении приложенных к протоколам осмотра планов одного и того же места происшествия, — гораздо большая детализация предметов, иное расположение многих из них на месте происшествия при повторном осмотре и, что особенно важно, — разная планировка комнаты, в которой были обнаружены трупы. При этом сразу же обращает на себя внимание различное положение (навеска) двери в комнату — весьма немаловажная деталь в

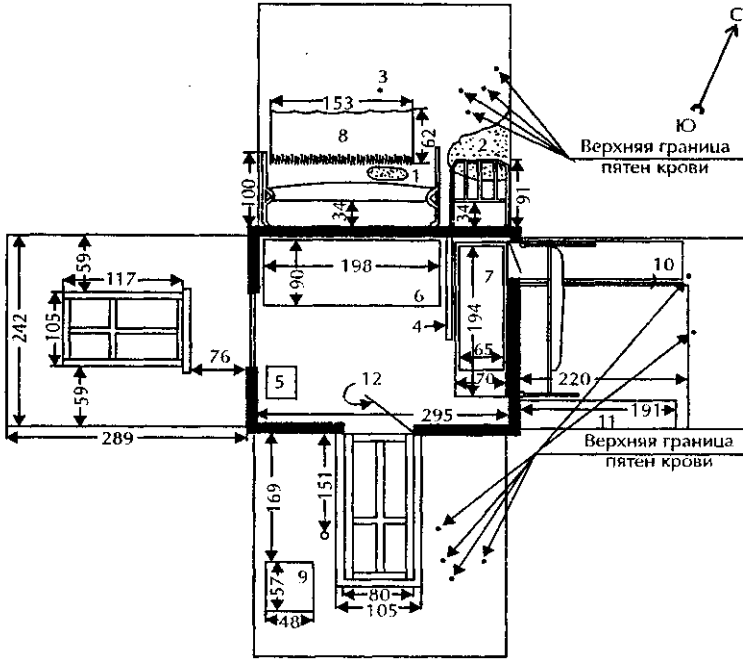


Рис. 12.3. План места происшествия (так называемая «развертка» комнаты), составленный при повторном осмотре

этом деле, поскольку мелкоточечные пятна (брызги), похожие на кровь, при повторном осмотре были выявлены именно на наружной стороне этой двери, чего вообще не заметили при первом осмотре места происшествия. Данное обстоятельство говорит о том, что эта дверь во время первого осмотра вообще не осматривалась.

Существенные расхождения в результатах повторного осмотра и в показаниях сына убитых супругов о том, что дверь во время выстрелов была закрыта (и следовательно, в этом случае кровь никак не могла бы попасть на наружную сторону двери), могли сразу привести к тому, что подозреваемый в убийстве был бы установлен тут же на месте совершенного им преступления в самом начале расследования, чего, к сожалению, не случилось, и дело в последующем было прекращено «за смертью виновного».

Лишь благодаря стечению случайных обстоятельств постановление о прекращении дела было отменено, преступник (сын убитых им родителей) был изобличен и понес заслуженное наказание, чему в немалой степени способствовали результаты повторного осмотра места происшествия.

Приступая к осмотру, целесообразно получить максимум информации о происшедшем событии, определить цель, сформулировать задачу предстоящей поисковой детальности, мысленно наметить общий план

или схему наблюдения, в то же время не ограничивая себя жесткими рамками этого плана.

В ходе осмотра места происшествия рекомендуется мысленно расчленять объект наблюдения, последовательно изучая различные детали обстановки. При этом не следует доверять однократному наблюдению. Один и тот же предмет лучше всего осматривать под разными углами зрения, подвергая сомнениям свои предварительные выводы относительно тех или иных его свойств, постоянно ставя перед собой вопросы: «почему», «что это означает» и т.д., критически относясь к своим предварительным выводам.

Осматриваемые предметы следует сравнивать с аналогичными объектами, сопоставляя результаты наблюдения с исходной информацией о них, а также с научными данными[1].

Существенную роль в организации восприятия, мыслительных процессов, в целом всей познавательной деятельности следователя на месте происшествия играет *установка*. Она направляет познавательную деятельность, либо помогая кратчайшим путем прийти к истине, либо заводя его в тупик. В первом случае установка стабилизирует поисковую деятельность следователя, оказывая ему помощь в преодолении всевозможных побочных отрицательных воздействий. Во втором случае, напротив, она выполняет функцию своеобразного «барьера внутри нас», препятствующего творческому решению познавательных задач на месте происшествия иным, нетрадиционным способом, сковывая порой мышление следователя.

Под воздействием установки у него вырабатывается готовность реагировать на ситуацию строго определенным образом. В силу этого мышление при осмотре места происшествия может приобретать избирательный характер, значительно суживающий перцептивные возможности следователя. Именно поэтому установка в ряде случаев является своеобразным психологическим тормозом, источником заблуждений следователя, когда он не только не ищет следы преступления на месте происшествия, но и не замечает их, несмотря на то, что они оказываются в поле его зрения.

Поскольку установка «своя», сформированным под ее воздействием выводам придается личностный смысл. Особенно четко это проявляется при отстаивании собственных взглядов и убеждений, несмотря на их даже ошибочный характер. В подобных случаях имеет место так называемая функциональная фиксированность на тех объектах, которые находятся в общем контексте существующей установки. В силу этого в еще большей степени проявляется ригидность мышления с его односторонне избирательным характером, значительно суживающим перцептивные возможности следователя. В подобных случаях, как пишут об этом психологи, человек не только верит в то, что видит, но и замечает именно то, во что верит[2].

[1] См.: *Ратинов А.С.* Указ. соч. С. 90.

[2] См.: *Грегори Р.Л.* Разумный глаз. М., 1972. С. 13.

23 37

Данному явлению в значительной мере способствует такое негативное побудительное психическое состояние, которое получило название *когнитивного диссонанса* (от лат. cognitio — знание, познание), о котором мы уже писали. Состояние когнитивного диссонанса возникает у субъектов познания, в том числе, разумеется, и у следователя, особенно когда в ситуации неопределенности возможны различные варианты (версии), объясняющие происшедшее событие (как это, например, бывает при осмотре места происшествия в случае обнаружения трупа: убийство, самоубийство, несчастный случай и т.д.), а также допускающие возможную причастность к преступлению нескольких заподозренных лиц.

Субъективно состояние когнитивного диссонанса зачастую переживается как своего рода недостаточно осознаваемый конфликт, внутренний дискомфорт, от которого любой человек с нормальной психикой, естественно, всегда стремится избавиться. Как пишет один из известных современных западноевропейских психологов, исследовавших данную проблему, «невозможность согласования порождает мотивацию к уничтожению возникшего диссонанса через изменение поведения, пересмотр одного из пришедших в противоречие представлений или через поиск новой информации, смену убеждений»[1].

Но как только какая-то альтернатива принята, субъект начинает отдавать предпочтение именно той информации, которая повышает ценность принятого им решения. Причем нередко это происходит на подсознательном уровне. Человек оказывается как бы в плену своих собственных убеждений и вследствие этого старается действовать так, чтобы избежать событий, информации, возвращающих его в прежнее состояние когнитивного диссонанса. Это — объективная реальность, часто влияющая на поведение людей, принимающих важные для себя решения. И неважно, происходит ли это в политике или в какой-либо другой области человеческой практики, в частности при расследовании преступлений. От этой закономерности никуда не денешься. О ней надо просто знать, ее роль надо учитывать.

Поэтому, чтобы вовремя отказаться от своего сомнительного решения, иногда надо самому себе сказать: я могу ошибаться... А для этого, безусловно, нужны и ясное, четкое мышление, и развитые интеллект, воля, и наконец, мужество, чтобы, оказавшись в тупиковом положении, признать ошибочность собственных принятых решений и действий. Однако, к сожалению, люди в подобных ситуациях нередко выбирают ту информацию, которая повышает ценность выбранной линии поведения, противоположная информация ими игнорируется[2]. В этом видится одна из тех причин психологического характера, которая побуждает следователя не только идти по ошибочному пути в расследовании преступления, но и добывать доказательства, подтверждающие правильность собственных ошибочных выводов, которые нередко формируются на стадии осмотра места происшествия.

[1] *Хекхаузен Х.* Мотивация и деятельность. В 2 т. М., 1986. Т. 1. С. 73.
[2] См.: *Хекхаузен Х.* Указ. соч. С. 171.

В этой связи уместно еще раз вернуться к такому явлению, как каузальная атрибуция. Как уже отмечалось, каузальная атрибуция в современном ее понимании сводится к приписыванию субъектом познания тем или иным явлениям (объектам, людям) различного рода психологических характеристик, в том числе и причин, объясняющих их поведение. Каузальная атрибуция рассматривается в целом как «основной механизм социального восприятия, позволяющий включать воспринимаемые объекты в смысловую систему»[1]. Разумеется, к таким объектам можно отнести и место совершения преступления, причинная интерпретация которого начинает существенно влиять на поведение тех, кто его осматривает и по результатам осмотра делает свои выводы о случившемся, о лицах, причастных к исследуемому событию.

Как пишет Х. Хекхаузен, «каузальная атрибуция, вне сомнения, представляет собой базовую способность человека понимать и прогнозировать причинно-следственные отношения»[2]. Это одна сторона или функция каузальной атрибуции в процессе познания. Другая ее сторона заключается в том, что каузальная атрибуция входит в процесс мотивации той деятельности, которой активно занят человек, в данном случае следователь, поставивший перед собой цель найти того, кто совершил преступление, с использованием результатов осмотра места происшествия.

С этого момента каузальная атрибуция начинает активно вторгаться в его поисковую деятельность и — что самое главное — направлять и подчинять ее себе. А поскольку область возможных вариантов, объясняющих причины происшедшего события, как и причастность к нему тех или иных лиц, бывает (особенно в условиях неочевидности) достаточно широка, каузальная атрибуция начинает как бы оправдывать собственные выводы следователя, помогая ему избавиться от состояния когнитивного диссонанса и тем самым лишая его возможности усомниться в них, прислушаться к чужому мнению, принять иную точку зрения. Вот почему следователь иной раз не видит тех следов, которые имеются на месте происшествия, либо дает им такую интерпретацию, которая заводит его в тупик, в процессе длительного бесплодного поиска различных фактов, основное назначение которых подтвердить (убедить других!), что его выводы вовсе не ошибочны.

В таком случае возникает вопрос: как поступать в этих обстоятельствах, особенно когда становится очевидно, что следователю не удается справиться с негативным воздействием на его сознание описанных выше психических явлений, когда он оказывается не в состоянии пересмотреть свои взгляды на расследуемое преступление, в основе которых лежит его искаженная оценка обстановки места происшествия, тех следов, которые там были найдены? Представляется, что в такой тупико-

[1] Психология: Словарь / Под ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. 2-е изд. М. 1990. С. 30.

[2] *Хекхаузен Х.* Указ. соч. С. 74.

вой ситуации наиболее разумным может стать решение надзирающего прокурора о передаче уголовного дела другому следователю.

Теперь несколько замечаний о роли *эмоционального фактора* при осмотре места происшествия. Известно, что место происшествия является средоточием достаточно большого количества различных раздражителей, нередко вызывающих отрицательные эмоциональные состояния, которые влияют на результативность следственного осмотра. Эти объекты, воздействуя на психику следователя через зрительные, обонятельные рецепторы, вызывают эмоции, обусловленные биохимическими факторами. Например, объекты с неприятным запахом вызывают обонятельные ощущения, окрашенные *негативными эмоциями,* что, в свою очередь, может снижать оптическую чувствительность зрительного анализатора — явление, получившее название *сенсибилизации,* о котором мы писали в главе 4.

Кроме того, возникающие при этом эмоции имеют еще и определенный социальный подтекст, поскольку уже сам по себе факт преступления вызывает резко отрицательное отношение к нему, сопереживание жертве преступления. Поэтому эмоциям отвращения могут сопутствовать эмоции сострадания, жалости.

Человек, испытывающий эмоции отвращения, подсознательно стремится отстраниться от объекта, вызывающего такие эмоции, либо сократить время контакта с ним. У следователя, других лиц, занятых в осмотре места происшествия, трупов, различных объектов — носителей следов биологического характера, сильные эмоции отвращения могут привести к деструктивному поведению и вследствие этого существенно снизить результативность осмотра.

Весьма наглядно иллюстрируют эту мысль объяснения следователя, не справившегося с расследованием убийства, когда ему пришлось осматривать место происшествия с двумя трупами, результаты осмотра которого приводились выше (см. рис. 12.1). «Казалось бы, — пояснял он потом, — я привык бывать на местах происшествия, не раз видел трупы, но тогда в доме не мог долго находиться: обширные огнестрельные повреждения из ружья на головах потерпевших, частицы мозга, тошнотворный запах крови — все это действовало на меня и приходилось выходить, чтобы отдышаться, успокоиться».

Такое эмоциональное состояние также отрицательно повлияло на качество осмотра, который проводился, по свидетельству его участников, всего лишь в течение 20 минут! Поэтому некоторые детали обстановки дома, где произошло убийство, были отражены в протоколе с грубыми искажениями, а на многие вообще не было обращено внимания. Все событие подгонялось под заранее искусственно созданную схему «парного самоубийства», что также отразилось на ходе и результатах осмотра, о чем мы уже писали выше.

Следственная ситуация, связанная с осмотром места происшествия, является ситуацией повышенной ответственности. Поэтому психическое состояние следователя во многом зависит также и от результатов самой поисковой деятельности. Низкая результативность, пере-

оценка следователем возникающих в связи с этим трудностей раскрытия преступления нередко приводят к излишним волнениям, вызывают повышенное беспокойство за судьбу дела и связанного с этим личного профессионального престижа.

Большое влияние на возникновение у следователя тех или иных интеллектуальных, волевых психических состояний (заинтересованности, деловой, познавательной активности и т.п.), на эффективность его перцептивной, мыслительной деятельности на месте происшествия оказывают межличностные отношения в системе следователь — прокурор. Напоминание следователю перед выездом в обостренно негативной, тем более в грубой форме о его прежних упущениях по службе может лишь усугубить отрицательные эмоции, вызвать у него сомнения в своей профессиональной пригодности и в сочетании с другими факторами (например, с тревожно-мнительными чертами характера) ослабить положительное влияние способностей, знаний, затормозить перцептивные процессы, существенно снизить уровень внимания во время осмотра.

Напротив, выражение прокурором убежденности в том, что следователь справится с полученным заданием, проявит знания, раскроет свои творческие способности, демонстрация готовности прийти к нему на помощь будут способствовать повышению у следователя уверенности в своих силах, еще большей сосредоточенности, готовности успешно выполнить поручение. Особенно чувствительны к такому отношению начинающие работать в органах прокуратуры следователи.

Получив сообщение о происшествии, не следует проявлять излишней торопливости, создавать без особой необходимости обстановку дефицита времени, нагнетающей состояние психической напряженности.

Находясь в пути к месту происшествия, следователю целесообразно отключиться от всяких посторонних раздражителей, всевозможных мыслей о каких-либо служебных или семейных неприятностях. Следует еще больше активизировать состояние деловой активности, желание приступить к осмотру, найти следы преступления. Заботясь о своем настроении, в это время необходимо акцентировать мысли на положительных моментах своей прошлой профессиональной деятельности, на своих положительных качествах, которые помогали добиваться успеха.

В сложных случаях при наличии достаточного числа оперативных работников на место происшествия обычно выезжает группа из двух-трех и более прокурорско-следственных работников, один из которых, как правило, из числа наиболее опытных либо старший по своему должностному положению, является руководителем.

В этих случаях, как только формируется группа, неизбежно начинают действовать социально-психологические механизмы ее функционирования. В процессе общения членов группы на месте происшествия и после его смотра формируется групповое мнение, которое иногда бывает довольно трудно оспаривать членам данной микрогруппы, особенно из числа тех, у кого меньший опыт работы, более низкий групповой статус. В подобных случаях начинают проявлять себя известные в социальной психологии феномен группового давления, эффект внушающего

воздействия группы, что может приводить к конформному поведению отдельных членов группы, снижающему эффективность совместной поисковой деятельности, препятствующему раскрытию творческих возможностей каждого участника осмотра.

Имея в виду данную закономерность межличностного общения людей в группе, участникам осмотра с более высоким статусным положением не следует делать поспешные выводы о механизме происшедшего события, тем более в категорической форме, навязывать их своим более молодым и менее опытным коллегам.

В целях поддержания высокого уровня делового сотрудничества между членами группы успехи каждого из них следует рассматривать как достижение всей группы, предотвращая возможные конфликты и ненужное соперничество.

Перспективным направлением в работе следователя, особенно по сложным уголовным делам, видится участие в осмотре места происшествия в качестве специалиста судебного психолога, который сможет оказать необходимую помощь участникам осмотра в дешифровке по материальным следам смысловых показателей психологического содержания преступного поведения правонарушителя, в составлении психологического портрета преступника.

§ 2. Психология проведения обыска

В отличие от осмотра места происшествия поисковая деятельность следователя во время обыска осуществляется чаще всего в условиях непосредственного контакта с лицами, не заинтересованными в том, чтобы искомые предметы были найдены, в обстановке открытого психологического противодействия со стороны этих лиц, которые в силу своего процессуального положения имеют непосредственную возможность оценивать результативность усилий следователя, его индивидуально-психологические, профессиональные качества и другие особенности личности.

Психология личности обыскиваемого, некоторые психологические особенности его поведения во время обыска (психология прячущего). С точки зрения обыскиваемого в ходе расследования преступления могут сложиться две основные ситуации. Первая, — когда обыск для него явился неожиданным, в результате чего он не сумел предпринять действий, направленных на сокрытие (уничтожение) вещественных доказательств. И вторая ситуация, — когда обыскиваемый допускал (предвидел) возможность проведения у него обыска (дома, на рабочем месте и т.д.), в связи с чем предпринял необходимые меры к сокрытию искомого, психологически подготовился к конфликтной ситуации, на уровне своего интеллектуального развития мысленно смоделировал возможный ход поисковой деятельности следователя и в зависимости от этого различные варианты своего поведения.

На сокрытие искомого, на поведение обыскиваемого во время обыска влияют: его интеллектуальное развитие, особенности мышления

(способность абстрактно мыслить либо, напротив, невозможность выйти за пределы предметного мышления), познавательные интересы, ведущие потребности, которые в своей совокупности формируют индивидуальный стиль деятельности, отражающий определенные предпочтения человека в выборе способов усвоения и переработки информации, его ценностные ориентации, потребностно-мотивационную сферу.

В тесной связи с этими свойствами личности, влияющими на выбор способов сокрытия искомого, находятся характерологические особенности (эгоизм, жадность, трусливость, аккуратность и т.д.), приобретенные человеком привычки, профессиональные знания и навыки.

Определенная рассогласованность в поведении обыскиваемого во время проведения у него обыска, совершение им «ошибочных» действий, о которых говорилось выше, могут быть в значительной мере обусловлены его низкой эмоционально-волевой устойчивостью, повышенной тревожностью.

Наиболее простая линия поведения обыскиваемого лица, направленная на сокрытие разыскиваемых органами предварительного следствия предметов, состоит в том, чтобы укрыть их в недоступных (труднодоступных) местах из расчета на то, что следователь не в состоянии будет преодолеть объективно существующие преграды. Такими местами сокрытия предметов могут оказаться, например, различные чердачные, захламленные помещения, выгребные ямы, колодцы, специально сооруженные и тщательно маскируемые тайники в домостроениях, в различных частях бытовых приборов и т.п.

Лица, наделенные развитым интеллектом, и в силу этого иногда переоценивающие свои способности и недооценивающие познавательные возможности тех, кому предстоит делать обыск, помимо объективно недоступных используют и субъективно недоступные для проводящих обыск места, т.е. прибегают в подобных случаях к нестандартным решениям в расчете на то, что следователь, увлекшись поиском искомого в труднодоступных для него местах, не обратит внимания на объекты, открыто находящиеся в поле его зрения. В подобных случаях говорят об объективной и субъективной недоступности искомого.

Интересной иллюстрацией этого может служить сюжет, описанный известным американским писателем Э. По в новелле «Похищенное письмо», в которой его герои безуспешно ищут важный документ, дотошно осматривая буквально все предметы обстановки, но не удосуживаясь заглянуть в висящую у всех на виду картонную сумку для визитных карточек, в которой находится разыскиваемое письмо.

Ценную для поиска информацию следователь может получить в ходе обыска, наблюдая за поведением, психофизиологическими реакциями обыскиваемого. Чтобы такая информация не ускользнула от следователя, обыск целесообразно проводить не менее чем двум работникам прокуратуры, один из которых занят собственно поиском, а другой в это время незаметно наблюдает за обыскиваемым.

Стремясь ввести следователя в заблуждение, а иногда просто желая скрыть свое волнение, обыскиваемые прибегают к различного рода уловкам:

• демонстрируют мнимое сотрудничество со следователем, свою готовность оказать ему содействие в расчете на то, чтобы притупить его бдительность, настороженность, внушить ему мысль, что его поиски бесплодны, так как искомые предметы отсутствуют;

• умышленно отвлекают внимание следователя посторонними разговорами, различными просьбами, жалобами на свое здоровье, хождением по квартире под видом какой-либо срочной необходимости;

• дезориентируют следователя относительно объектов, подлежащих осмотру, вплоть до прямого его обмана;

• совершают провокационные действия, высказывают в адрес следователя всевозможные угрозы, направленные на то, чтобы вывести его из состояния психического равновесия.

В таких случаях следователю необходимо, сохраняя самообладание, нейтрализовать подобные усилия обыскиваемого, спокойным тоном потребовать от него соблюдения установленного порядка при проведении обыска. Лучшим способом предотвращения всевозможных эксцессов является уравновешенное поведение следователя.

Психологические особенности поисковой деятельности следователя во время обыска (психология ищущего). Истина, во многом определяющая результативность усилий следователя во время обыска, довольно проста: нельзя рассчитывать на положительные результаты (особенно в условиях противодействия заинтересованных лиц), если утрачена уверенность в успехе, если поиски во время обыска ведутся «на всякий случай» — вдруг вещественные доказательства будут найдены. Вот почему во время обыска у следователя должна быть сформирована своего рода поисковая доминанта, когда буквально весь его интеллектуальный, эмоционально-волевой потенциал подчиняется единственной задаче — найти искомое. Проще говоря: чтобы что-то найти, надо очень сильно желать этого.

Такому целенаправленному поведению предшествует соответствующая психологическая подготовка к обыску, во время которой оценивается вся добытая по делу информация, формируется *целевая установка* — отыскать разыскиваемые вещественные доказательства, преодолеть связанные с этим трудности, т.е. создается тот необходимый эмоционально-волевой настрой, который сопутствует любой творческой, поисковой деятельности. Неуверенность в себе — в психологическом отношении одно из серьезных препятствий, которое необходимо преодолеть, если окончательно принято решение проводить обыск.

Другое важное в психологическом отношении условие, во многом влияющее на решение следователем творческих поисковых задач, обусловлено многопредметностью обстановки, в которой проводится обыск. Известно, что с увеличением количества воспринимаемых предметов, величина поля восприятия, качественные показатели восприятия, полнота внимания резко снижаются, что приводит к различным

пробелам в любой познавательной деятельности, тем более в такой специфической, как обыск. Чтобы нейтрализовать эти неблагоприятно действующие факторы, во время обыска (как и при осмотре места происшествия) вся обстановка, подлежащая обследованию, мысленно разбивается на отдельные участки, соответствующие находящимся здесь предметам, и определяется последовательность их изучения.

Нельзя не учитывать и того, что объекты (предметы) во время обыска обследуются следователем в незнакомой для него обстановке, а иногда еще и в условиях активного противодействия обыскиваемого, что в совокупности само по себе является фактором, в сильной степени отвлекающим, рассеивающим внимание следователя. Все это приводит к повышенной утомляемости, к более быстрому снижению, особенно к концу обыска, работоспособности. Поэтому во время обыска необходимо делать небольшие перерывы в работе, внося соответствующие коррективы в ход и последовательность поисковых действий.

Поскольку основная нагрузка во время обыска ложится на органы зрения, необходимо создавать такие условия, которые повышали бы порог их чувствительности, поддерживали перцептивные способности следователя на высоком уровне. В этих целях на месте обыска должна быть обеспечена необходимая освещенность (не случайно криминалисты рекомендуют начинать обыск утром, чтобы иметь достаточный резерв светлого времени), следует применять научно-технические средства криминалистики и специальные приемы (например, используются лупы, предметы осматриваются под разными углами зрения с применением дополнительной подсветки и т.д.).

Весьма важно исключить воздействие на психику, сознание следователя затрудняющих его деятельность отрицательных раздражителей, таких, например, как посторонние разговоры и т.п. От всего, что не имеет отношения к проведению обыска, необходимо полностью отрешиться. Ничто постороннее не должно беспокоить, отвлекать внимание следователя. Никакой спешки, суеты в проведении обыска. В этот момент важно осознать, внушить себе, что пока обыск не завершен, ничего другого не существует.

Особенно важно следить за своим эмоциональным состоянием. По возможности следует нейтрализовать негативные эмоции, связанные с обследованием объектов, вызывающих отвращение, чувство брезгливости. В подобных ситуациях целесообразно иметь с собой техническую одежду (халаты, фартуки, перчатки, сапоги и т.п.). Не следует поддаваться растерянности в случае безрезультатности поисков, тем более показывать такое состояние обыскиваемому.

Если весь объем работы, как представляется следователю, выполнен, а искомые предметы не найдены, нужно еще раз проанализировать весь ход своих поисковых действий, подумать над тем, что еще не сделано, на что не было обращено должного внимания. Поиск можно прекращать лишь тогда, когда есть безусловная уверенность в том, что сделано было все возможное, чтобы найти искомые предметы. Если такой уверенности нет, завершать обыск нельзя.

Большое влияние на эффективность обыска оказывают интеллектуальные качества следователя, его высокая познавательная активность, гибкое, творческое, нестандартное мышление, позволяющие в изменяющейся обстановке своевременно использовать новую, порой незначительную на первый взгляд информацию, быстро переключать свое внимание в условиях воздействия большого объема информации, выбирать из информации самое нужное в данный момент. К этим качествам следует добавить собранность, организованность, высокую работоспособность, склонность к оперативному анализу, сопоставлению разрозненных фактов и выявлению на этой основе скрытых взаимосвязей. Например, многое может дать следователю такой, казалось бы, незначительный факт, как совпадение по времени осмотра какого-либо предмета и возникших едва уловимых признаков нервно-психической неустойчивости, напряженности в поведении обыскиваемого.

Помимо наблюдения следователь может применять различные тактико-психологические методы, приемы проверки непроизвольных реакций обыскиваемого, которые разработаны в судебной психологии и криминалистике[1]:

а метод беседы («словесной разведки»), суть которого состоит в том, что следователь, прежде чем начать обследование какого-либо нового объекта, интересуется у обыскиваемого, что там находится, и наблюдает за реакцией обыскиваемого;

а метод испытания, когда следователь через некоторое время вновь возвращается к обследованному объекту, осмотр которого совпал с появлением у обыскиваемого непроизвольных реакций;

• метод сравнения, позволяющий выявлять в осматриваемых предметах существенные различия, неоднородность окраски или, например, оклейки обоями стен, отсутствие признаков, которые должны быть.

Применяются и другие тактико-психологические и технико-криминалистические методы (приемы) проведения обыска, описанные в различных учебниках и руководствах по криминалистике.

§ 3. Психология предъявления для опознания

1. Среди различных следственных действий познавательного характера в психологическом отношении особое место занимает предъявление для опознания, которое наряду с собственно опознанием содержит в себе еще и отдельные элементы осмотра, допроса и даже в какой-то мере эксперимента. И все же, несмотря на такой комплексный характер, опознавательный процесс, т.е. психическая деятельность человека, в основе которой лежат связанные между собой перцептивные и мнемические процессы, составляет главное содержание данного следственного действия.

[1] См.: *Ратинов А.Р.* Указ. соч. С. 235, 239.

Предъявление для опознания довольно широко применяется при расследовании преступлений против личности, в том числе имущественного характера. Оно проводится почти по каждому второму-третьему уголовному делу.

В общей психологии под опознанием понимается процесс отнесения предъявленного объекта, играющего роль своеобразного стимула, к ранее известному объекту, зафиксированному в памяти в виде образа, или даже к целому классу (категории) тех или иных однородных объектов. Последнее называется родовыми *(категориальным) узнаванием*, поскольку с его помощью устанавливается сходство (или различие) предъявленного объекта с определенным классом подобных ему объектов.

Для следственной (судебной) практики наибольший интерес представляет первый вариант опознавательного процесса, который получил название *идентификации (установления тождества)* объекта-стимула с помощью образа, запечатленного в памяти человека, опознающего предъявляемый ему объект в группе других однородных объектов.

Сохранение в памяти образа в значительной степени определяется возможностями перцептивных органов (зрения, слуха и т.д.), которые участвовали в восприятии объекта. Некоторые образы, например голос человека, могут быть сформированы с помощью только одного анализатора, в данном случае органа слуха.

2. Условно опознавательный процесс с точки зрения психической деятельности человека можно разбить на следующие этапы.

Восприятие объекта будущим субъектом опознания. Данный этап, предшествующий собственно предъявлению для опознания, составляет весьма важный в психологическом отношении процесс восприятия объекта, усвоения свидетелем (потерпевшим и т.д.) значимых (релевантных) признаков воспринимаемого объекта, иначе говоря, *процесс перцептивного изучения объекта* и на этой основе — *процесс формирования его образа.*

Под признаком воспринимаемого объекта понимается доступное восприятию свойство, которое используется в опознавательных целях. *Признак* объекта может содержать один или несколько *опознавательных ориентиров,* которые воспринимаются каждый в отдельности либо как единое целое, не поддающееся подробному описанию на вербальном уровне.

Например, свидетель, затрудняющийся указать конкретные признаки разыскиваемого лица в виде каких-то четких опознавательных ориентиров, тем не менее утверждает, что он может его опознать по внешности, характерной для лиц определенного этнического типа. Такое усвоение образа без подробного описания его признаков не говорит еще о том, что свидетель не сможет опознать разыскиваемое лицо (аналогичное может иметь место и при предъявлении для опознания предметов). При этом следует иметь в виду, что на усвоение *перцептивного образа воспринимаемого объекта* влияют следующие объективные и субъек-

тивные факторы, которые необходимо учитывать, прогнозируя ход и результаты предъявления для опознания:

• физические условия восприятия (недостаточная освещенность объекта, наличие помех во время восприятия, большое расстояние до объекта, определенный ракурс, в котором он воспринимался);

• продолжительность и частота восприятия объекта;

• состояние, порог чувствительности перцептивных органов, особенно зрения, с помощью которого воспринимается наибольший объем информации, закономерности восприятия;

• психофизиологическое состояние опознающего, в частности состояние повышенной психической напряженности, аффекта, обусловленное криминальной ситуацией, в которой он подвергался насильственным действиям, что нередко приводит к искажению, гиперболизации образа нападавшего;

• уровень мотивации восприятия тех или иных объектов, в основе которой лежат познавательные интересы, установка личности, влияющие на перцептивные процессы, активность внимания.

Сохранение воспринятого образа в целом или его отдельных признаков. Как показали проведенные исследования, первоначально воспринятый образ объекта лучше всего сохраняется в памяти в течение первой недели с момента восприятия. Вот почему обычно наилучшие результаты опознания достигаются в указанный отрезок времени и оказываются особенно высокими на 6—7-й день. Затем результативность опознания снижается.

Воспроизведение (описание) воспринятого объекта и признаков, по которым опознающий может его узнать. После возбуждения уголовного дела следователь вправе предъявить для опознания тот или иной объект свидетелю, потерпевшему и т.д. Опознающий предварительно допрашивается об обстоятельствах, в которых он наблюдал соответствующее лицо или предмет, о приметах и особенностях, по которым он может опознать его (ст. 164 УПК РСФСР).

Данное положение, хотя и должно выполняться, не всегда достигает своей цели, поскольку свидетели нередко не в состоянии описать приметы и особенности, так как в их памяти запечатлелся цельный образ предмета, а не его отдельные признаки в виде опознавательных ориентиров, о которых говорилось выше. Известны многочисленные случаи, когда свидетели в ответ на вопрос о приметах не могут их четко назвать, не теряя, однако, уверенности опознать интересующий следователя объект. Неспособность описать признаки предмета отнюдь не исключает возможности безошибочного опознания его, так же как и описание его признаков далеко не всегда гарантирует успех в опознании. Однако предшествующий опознанию допрос о признаках объекта, который предполагается предъявить свидетелю, позволяет следователю более критически отнестись к решению о предъявлении для опознания, особенно в тех случаях, когда необходимо опознать человека, заподозренного в совершенном преступлении.

Тактические приемы такого допроса подробно описаны в криминалистической литературе. Дополнительно к ним можно рекомендовать следователю, чтобы он помимо выяснения вопросов, относящихся к признакам объекта, внимательно оценил объективные и субъективные факторы, оказавшие влияние на восприятие объекта, интеллектуальные, мнемические способности свидетеля.

Во время общения со свидетелем в ходе допроса важно пробудить у него познавательный интерес к предстоящему следственному действию, желание оказать помощь органам предварительного следствия в установлении истины по делу.

Сличение (сопоставление) предъявляемых объектов с образом, запечатленным в сознании опознающего лица. Такое сличение завершается выбором (узнаванием) одного из них. Процессуальный порядок, условия предъявления для опознания различных объектов перечислены в законе (ст. 165 УПК РСФСР).

В психологическом отношении ситуация предъявления для опознания любых объектов (особенно людей) при расследовании преступлений является довольно сложной, поскольку на опознающего воздействует большое количество разнообразных внешних факторов. Кроме того, всеми участниками этого следственного действия, и в первую очередь самим опознающим, осознается, что результаты опознания могут иметь различные уголовно-правовые, нравственные последствия, и это налагает на него особую ответственность, вызывает состояние повышенной психической напряженности.

В ходе мысленного сличения сохранившегося в сознании образа с предъявленными объектами-стимулами происходит взаимодействие между следами памяти и поступающими перцептивными сигналами от предъявленных объектов. Причем такое сличение далеко не обязательно совершается как развернутое сознательное действие с оценкой и фиксацией воспринимаемых признаков. Чаще всего происходит одномоментное узнавание. Это объясняется тем, что многомерные стимулы в виде опознавательных ориентиров опознающим в отдельности не осознаются. Более того, они слиты и представлены в сознании как один (одномерный) образ-стимул конкретного человека или какого-либо предмета. Вот почему в некоторых случаях свидетели нередко затрудняются называть приметы и особенности опознаваемого объекта.

В подобных случаях происходит одномоментное узнавание объекта, во время которого познающий попросту не в состоянии заметить последовательность фиксации опознавательных признаков-ориентиров. Это подтверждают следующие данные. Например, средняя величина порога узнавания человеческого лица находится в пределах каких-то 0,05—0,8 *с,* а порог узнавания лица по фотографии равен 0,03 с[1]. Такое, по существу, моментальное, или, как еще говорят, одномоментное узнавание в психологии получило название *симультанного узнавания.*

См.: *Бодалев А.А.* Восприятие человека человеком. Л., 1965. С. 43.

Иным по своему психологическому характеру является *сукцессивное узнавание,* при котором опознающий, прежде чем принять решение о тождестве предъявленного объекта, мысленно совершает своеобразный перебор имеющихся в его памяти опознавательных признаков-ориентиров (иногда их называют опорными признаками), сопоставляя их с признаками, которыми наделены предъявленные ему объекты. То есть в данном случае в перцептивной деятельности человека активную роль играют процессы мышления, с помощью которых в воспринимаемом объекте выделяются наиболее информативные места (опорные признаки). Этот процесс проявляется в движениях глаз. Одни движения — *прослеживающие* — представляют собой сглаженные, плавные движения; другие — *саккадические* — проявляются в виде едва заметных скачков, перемежающихся кратковременными фиксациями на отдельных опорных точках.

Установлено, что при рассматривании человеческого лица больше всего внимание сосредотачивается на глазах, губах и на носу. Такова, например, известная экспериментально сделанная запись движений глаз человека, рассматривающего фотографию скульптурного портрета Нефертити (рис. 12.4)[1].

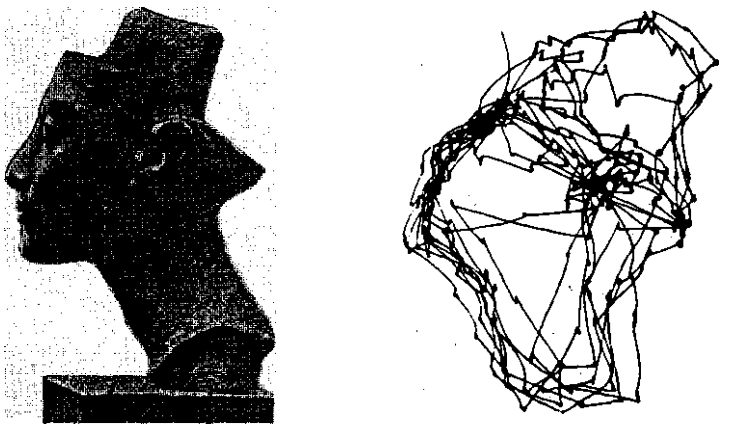


Рис. 12.4. Траектория движения глаза при рассматривании фотографии скульптурного портрета Нефертити в течение 1 мин

Таким образом, проведенными опытами было установлено, что движения глаз оказываются необходимым условием для успешного решения зрительных задач опознавательного характера.

Практика показывает, что если симультанное узнавание занимает сотые доли секунды, то на сукцессивное затрачивается гораздо больше времени, хотя эффективность его может быть намного ниже. Даже

[1] Подробнее см.: *Ярбус А.Л.* Движение глаз при восприятии сложных объектов Хрестоматия по ощущению и восприятию. М., 1975.

внешне, наблюдая за поведением опознающего, за микродвижением зрачков его глаз, можно отличить симультанное опознание от сукцессивного. При симультанном узнавании микродвижения зрачков глаз практически незаметны, чего нельзя сказать о сукцессивном узнавании.

Следует также иметь в виду, что нередко симультанное и сукцессивное узнавание имеют место в одном опознавательном акте, как бы дополняя друг друга. Симультанное узнавание сменяется сукцессивным, выполняющим своеобразную контролирующую функцию в опознавательном процессе.

Для правильной оценки результатов опознания большое значение имеет количество предъявляемых объектов. Считается, что в условиях средней сложности, к которым может быть отнесена сама обстановка предъявления для опознания человеком визуально, может опознаваться не более трех объектов[1]. Этим во многом объясняются периодически повторяющиеся неудачи в расследовании, когда некоторые следователи, игнорируя данные психологии, и даже вопреки требованиям закона пытаются в целях мнимой экономии времени предъявлять для опознания свидетелям, потерпевшим большие группы людей, предметов, что категорически запрещается делать.

На данной стадии после мысленного сличения предъявленного объекта с имеющимся в сознании образом достигается перцептивный результат в виде совпадения (несовпадения) предъявленного стимула и сохранившегося в памяти образа, т.е. происходит идентификация (установление тождества) опознаваемого объекта. Когда же этого сделать не удается, опознающий может заявить о частичном сходстве одного из предъявленных ему объектов с тем, который он ранее видел, либо о том, что среди предъявленных ему объектов нет того, который им ранее воспринимался.

Оценка результатов опознания следователем (судом). Данный этап является логическим завершением опознавательного процесса. Поскольку этот процесс не поддается стороннему наблюдению и только его результат становится очевидным для следователя (суда), который в силу этого не располагает какими-то достаточно четкими критериями его достоверности, большое значение приобретает оценка достигнутого результата в контексте со всеми факторами, относящимися к опознавательному процессу.

Внимательного отношения к себе требует поведение лица, выступающего в роли опознающего, во время его допроса, непосредственно в ходе самого процесса опознания. Анализируются также поведение и характер реагирования опознанного лица.

Все это оценивается в совокупности с другими доказательствами по делу на основе внутреннего убеждения следователя (судьи). Отсутствие других доказательств, подтверждающих результаты опознания, более того, наличие противоречащих им данных является серьезным ос-

[1] См.: *Шехтер М.С.* Зрительное опознание. Закономерности и механизмы. М., 1981. С. 91.

нованием для возникновения сомнений относительно достоверности полученных результатов.

§ 4. Психологические особенности проведения следственного эксперимента (проверки показаний на месте)

Психологические особенности следственного эксперимента (в отличие от предъявления для опознания, осмотра места происшествия) обусловлены, в первую очередь, характером опытных действий, с помощью которых следователь (в необходимых случаях с участием специалистов) исследует динамические процессы, происходящие с человеком в окружающей его обстановке, его двигательную сферу, различные классы движений (действий), приобретенные навыки, как регулируемые сознанием, так и навыки, контроль за которыми совершается бессознательно либо почти неосознанно (рефлекторные, условно-рефлекторные действия). Примером этого, в частности, могут служить так называемые привычные автоматизмы, тот динамический стереотип в действиях, который сформирован у каждого.

В следственном эксперименте наряду с перцептивными, мнемическими процессами большое значение имеют психомоторика человека, его двигательные реакции и способности. Для наиболее полного и всестороннего их исследования от лиц, проводящих эксперимент, требуются умение реконструировать обстановку, в которой имели место проверяемые факторы, моделировать те или иные действия, высокая познавательная активность, гибкое творческое мышление.

Другим слагаемым результативности эксперимента является желание участников уголовного процесса совершить те или иные проверяемые действия, показать динамику происходившего. Поэтому лица, готовящие следственный эксперимент, в случае, когда непременным условием его проведения является участие свидетелей, потерпевших и особенно подозреваемого (обвиняемого), должны сформировать у них соответствующую мотивацию на выполнение различных действий, разумеется, не связанных с опасностью для самих участников и окружающих их лиц и не противоречащих морально-этическим нормам.

Наиболее благоприятным моментом для проведения следственного эксперимента с этой точки зрения чаще всего бывает период, когда свидетели, обвиняемые и т.д. дают правдивые показания, будучи в той или иной мере заинтересованными в том, чтобы помочь следователю как можно точнее разобраться в обстоятельствах, подлежащих доказыванию.

Законодатель в достаточно общей форме указывает, что следственный эксперимент проводится по усмотрению следователя «в целях проверки и уточнения данных, имеющих значение для дела... путем воспроизведения действий, обстановки или иных обстоятельств определенного события и совершения необходимых опытных действий» (ст. 183 УПК РСФСР). В криминалистике разработана тактика следственного эксперимента, определены его виды по целям, которые могут

быть достигнуты в ходе его проведения. В частности, различаются следующие виды следственного эксперимента.

Следственный эксперимент для проверки возможности восприятия и сохранения в памяти субъектом каких-либо фактов. С помощью проведения различных опытных действий проверяются перцептивные способности различных участников уголовного процесса, когда их показания о том, что они восприняли какие-то важные для дела обстоятельства, вызывают сомнение.

Во время следственного эксперимента в тех же самых (а при невозможности — в максимально приближенных) условиях повторяются аналогичные совершенным ранее действия, например воспроизводятся различные звуковые сигналы, создаются соответствующие условия освещения и т.д., благодаря чему проверяется чувствительность тех или иных анализаторов, определяется порог их чувствительности, перцептивные способности человека в зависимости от его индивидуально-психологических особенностей, возраста, профессии и т.д.

Поскольку с процессами восприятия тесно связаны возможности человека сохранять в памяти различные образы, разный объем информации, могут быть исследованы его индивидуальные мнемические способности, например способность сохранять в памяти длительное время значительно больший по сравнению с другими объем информации, эйдетические (наглядные) образы, содержащие массу подробностей, деталей, которые многими вообще не воспринимаются и не запоминаются.

Следственный эксперимент на исследование возможности совершения субъектом определенных действий, наличия у него тех или иных двигательных навыков, способностей. Подобный эксперимент проводится, когда необходимо выявить (подтвердить) у субъекта определенные навыки, способности совершать проверяемые действия, операции. Совершение в этих случаях опытных действий, о которых говорится в законе, послужит подтверждением того, что они были (могли быть) совершены данным лицом.

Если действия носили импульсивный характер и на их динамику в значительной мере оказывали влияние сильные эмоции, в частности аффект, такие действия полностью не воспроизводимы, так как во время эксперимента невозможно (и фактически, и по этическим соображениям) создать тот эмоционально напряженный фон, который сопутствовал им и во многом определял их динамику, как это, например, бывает при совершении преступных действий насильственного характера. В подобных случаях субъекту предлагается только продемонстрировать последовательность своих действий, связанных с перемещениями на месте происшествия, с выполнением отдельных движений, показывающих направление ударов потерпевшему и т.д.

При расследовании хищений, различных нарушений правил эксплуатации техники и некоторых других преступлений нередко возникает необходимость проверить определенные навыки, умения, степень обученности субъекта каким-то специальным приемам. Несмотря на то что все эти опытные действия носят дублирующий характер, они не всегда

точно могут повторить в эксперименте свои характеристики. Например, чтобы определить, какое время потребовалось на совершение тех или иных действий, во время эксперимента с интервалами выполняется серия подобных опытных действий с последующим выведением усредненных показателей. Требование о многократности, вариативности опытов (особенно с участием дублеров) является обязательным при проведении подобного рода следственных экспериментов.

Если у субъекта наблюдаются психофизиологические нарушения, состояние избыточной психической напряженности, проведение опытов с его участием откладывается.

Следственный эксперимент на выявление объективной возможности существования какого-либо явления, определенной закономерности. Поскольку в жизни какие-то объективно существующие явления, закономерности, как правило, не зависят от проявлений психики человека, при проведении следственного эксперимента от следователя требуется создание максимально приближенных условий, соответствующих тем, которые имели место в момент происшествия. Например, подобного рода эксперименты проводятся при расследовании происшествий, связанных с нарушением правил техники безопасности. В какой-то мере они напоминают стендовые испытания. Разумеется, что в проведении подобного рода опытов должны участвовать соответствующие технические специалисты, при этом принимаются дополнительные меры безопасности.

Следственный эксперимент на установление механизма происшедшего события, его динамических характеристик и других связанных с этим обстоятельств. Такой эксперимент чаще всего носит комплексный характер и как бы завершает процесс расследования. Весьма распространены подобные эксперименты при расследовании автотранспортных происшествий. В таких случаях от следователя помимо хороших организаторских способностей требуются аналитические качества ума, способность быстро использовать получаемую в ходе проводимых опытов информацию, позволяющую посмотреть на уже известное событие под другим углом зрения, увидеть какие-то иные скрытые в происшедшем закономерности. Самостоятельной задачей, решаемой в ходе эксперимента, может стать изучение механизма образования различных следов.

Своеобразной разновидностью следственного эксперимента является *проверка показаний на месте.* Это могут быть: место совершения преступления, место, где были выброшены орудия преступления, иные предметы, имеющие значение для установления истины по делу, территория, по которой двигался тот или иной участник процесса и т.п. В психологическом отношении проверка показаний на месте является эффективным средством активизации памяти, мыслительных процессов ее участников.

Проверка показаний свидетеля, обвиняемого и других лиц позволяет сопоставить сообщаемую ими информацию с материальной обстановкой места происшествия, иных мест, связанных, например, с сокрытием

похищенного и т.д. Во время выхода на место происшествия в сознании субъекта нередко возникают ассоциативные связи, в результате чего он получает возможность вспомнить какие-то дополнительные детали, подробности тех или иных событий, интересующих следователя. С помощью проверки показаний на месте нередко удается изобличить лицо, дающее ложные показания, убедиться в несостоятельности его прежних утверждений.

Особую опасность в ходе проверки показаний на месте может представлять внушающее воздействие следователя (особенно когда он располагает определенной информацией по делу) на лиц, показания которых проверяются, например во время выхода на место происшествия, на место сокрытия каких-либо доказательств. Чтобы исключить такое воздействие, в криминалистике разработаны тактические приемы осуществления проверки показаний применительно к той или иной следственной ситуации.

Планируя проведение следственного эксперимента (проверки показаний на месте), следователь помимо решения многочисленных вопросов организационно-тактического характера должен предусмотреть проведение соответствующей психологической подготовки будущих участников, направленной на устранение причин, которые могут вызвать у них избыточную психическую напряженность, мешающую естественному поведению.

В период подготовки следственного эксперимента участникам разъясняется, что в предстоящем следственном действии нет ничего необычного, что это будничная работа следователя, помогающая ему более объективно разобраться в обстоятельствах происшедшего события. Поэтому задача каждого участника эксперимента (проверки показаний на месте) состоит в том, чтобы по возможности воспроизвести все как было. В случае забывания каких-либо отдельных фактов лучше об этом сказать, чем стремиться заполнить пробелы какими-то домыслами. При этом следователю не нужно излишне подчеркивать важность предстоящего следственного действия, которое для его будущих участников должно выглядеть как естественное продолжение познания истины, начатое во время допроса.

Если же проведение эксперимента может оказать психотравмирующее воздействие на свидетеля, особенно на потерпевшего, следует принять меры к тому, чтобы успокоить его, снять состояние нервно-психической напряженности. Предварительная психологическая подготовка должна быть направлена на формирование у будущих участников стремления оказать помощь следователю в установлении истины по делу.

Таким образом, мы рассмотрели психологические особенности проведения наиболее распространенных следственных (судебных) действий, составляющих содержание познавательной подструктуры юридической деятельности. Естественно, что познавательную деятельность следователя, других участников судопроизводства существенно дополняют коммуникативные процессы, собственно общение, имеющие ярко выраженную процессуальную, равно как и непроцессуальную, форму

взаимодействия сторон. Причем роль общения в профессиональной деятельности юриста бывает настолько велика, что оно в ряде случаев играет в ней основную, ведущую роль, чему и посвящается следующая глава учебника.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. В чем проявляются психологические особенности деятельности следователя во время осмотра места происшествия?
2. Что такое динамический стереотип, как он отражается на месте происшествия в поведении преступника?
3. С какой целью преступниками устраиваются инсценировки на месте совершения преступления, каковы их признаки?
4. Покажите роль психической установки на поисковую деятельность следователя во время осмотра места происшествия.
5. Как воздействует состояние когнитивного диссонанса на поведение следователя во время осмотра места происшествия, на его дальнейшую поисковую деятельность?
6. Сформулируйте основные психологические приемы и методы, повышающие эффективность и качество осмотра места происшествия следователем.
7. Какие психологические особенности личности обыскиваемого проявляются в выборе им способов сокрытия искомого?
8. В чем состоит объективная и субъективная недоступность искомых предметов, какое влияние она оказывает на характер поисковой деятельности следователя?
9. К каким уловкам психологического характера прибегают обыскиваемые лица с целью обмануть, ввести в заблуждение следователя, проводящего обыск?
10. Какие используются тактико-психологические приемы, методы проверки следователем непроизвольных реакций (так называемых ошибочных действий) обыскиваемого лица?
11. Раскройте психологическое содержание процесса опознания, дайте определение этому процессу.
12. Какие виды узнавания (опознания) вам известны, в чем их сходство и различие?
13. Назовите основные этапы опознавательного процесса, кратко охарактеризуйте их.
14. Какие факторы влияют на восприятие объекта свидетелем, на сохранение им в своей памяти воспринятого образа?
15. Каким образом оцениваются следователем (судом) результаты предъявления для опознания?
16. Назовите наиболее распространенные виды следственного эксперимента, дайте им краткую психологическую характеристику.
17. Какие психологические факторы учитываются следователем при организации и в ходе проведения следственного эксперимента?

Глава 13
ОБЩЕНИЕ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЮРИСТА (КОММУНИКАТИВНАЯ ПОДСТРУКТУРА)

Понятие, структура, виды профессионального общения юриста. Составные части процесса общения: коммуникативная, перцептивная, интерактивная. Социально-психологические закономерности профессионального общения. Социальные роли. Коммуникативная компетентность юриста. Социальный статус. Вербальное и невербальное поведение. Речь: ее понятие, виды и функции. Речевой этикет. Зоны общения. Процессы идентификации, эмпатии, рефлексии, каузальной атрибуции. Трансакционный анализ процесса общения. Коммуникативные барьеры, их роль в развитии конфликтов. Ситуации профессионального общения. Установление и поддержание психологического контакта, взаимопонимания с участниками процесса.

§ 1. Понятие, структура, виды профессионального общения юриста

Общение — тонкий, многоплановый процесс установления и развития межличностных контактов, обусловленный совместной жизнью, деятельностью людей, их отношениями, которые складываются по самым различным поводам.

В более узком смысле, в контексте рассматриваемых проблем, общение является составной частью профессиональной деятельности юриста независимо от его специализации. Как пишет Г.М. Андреева, «люди не просто общаются в процессе выполнения ими различных функций, но они всегда общаются в некоторой деятельности «по поводу» нее»[1].

Если иметь в виду правоохранительную деятельность, то об общении можно говорить не только как о ее структурном компоненте (подструктуре), но в ряде случаев и как об особом, самостоятельном виде профессиональной деятельности, например, когда речь идет о допросе, судебном рассмотрении дела и т.п.

И наконец, говоря о профессиональном общении юристов, необходимо подчеркнуть еще одну важную особенность: оно нередко протекает в особом процессуальном режиме с соблюдением определенных, строго очерченных форм коммуникации, таких, например, как: прием заявлений у граждан (ст. 110 УПК РСФСР, ст. 129, 156 ГПК РСФСР); допрос в ходе предварительного следствия (ст. 123, 150, 158, 159, 161 УПК РСФСР); допрос в суде при рассмотрении уголовных дел (ст. 280, 283, 285, 287, 289 УПК РСФСР), допрос и получение соответствующих объяснений у лиц, участвующих в гражданском судопроизводстве (ст. 162, 166, 168—171, 173, 180 ГПК РСФСР); судебные прения сто-

[1] *Андреева Г.М.* Социальная психология. М., 1996. С. 79.

рон, обмен репликами, произнесение последнего слова подсудимым (ст. 295—297 УПК РСФСР); судебные прения, обмен репликами сторон в судебном заседании при рассмотрении гражданско-правовых споров (ст. 185—187 ГПК РСФСР).

Особый вид и режим процесса профессиональной коммуникации предусмотрены законодателем и при вынесении приговора по уголовным делам (ст. 302—307 УПК РСФСР), в ходе принятия решения по гражданско-правовым спорам (ст. 189, 193—195 ГПК РСФСР).

Таким образом, начало, ход и развитие указанных коммуникативных форм в уголовном и гражданском процессе определяются правовыми (процессуальными) нормами, предписывающими обязательное соблюдение установленных законодателем формул общения, процессуальный порядок речевого взаимодействия сторон.

Процедура процессуально регламентированного общения, его формализованный, своего рода ритуальный характер применительно к различным коммуникативным ситуациям, обязательные условия, при которых такое профессиональное общение может осуществляться (гласность, непосредственность, устность, непрерывность — ст. 18, 240 УПК РСФСР, ст. 9, 146 ГПК РСФСР), никем не могут быть нарушены. Эти процедуры детально описаны в законе, начиная с оснований, без которых не может состояться сам акт общения, и кончая процессуальными формальностями, завершающими диалог сторон с его особым порядком протоколирования, которое отражает не только содержание, но и весь ход общения, соблюдение сопутствующих ему различных формальностей процессуального характера, игнорирование которых может послужить основанием для признания недействительными результатов, полученных в ходе общения, и даже повлечь правовые санкции к тем, кто нарушил предусмотренный порядок общения, произвольно упростил его и т.п.

Помимо указанных выше можно назвать и другие следственные, судебные процедуры коммуникативного характера, включающие в себя отдельные акты общения, которые подробно не описаны в законе, например привлечение специалистов, экспертов, понятых к участию в процессе. В подобных случаях законодатель детально не регламентирует порядок общения, что иной раз создает неблагоприятные коммуникативные ситуации, когда лицо, которому, например, предлагается исполнить обязанности понятого, под каким-либо предлогом уклоняется от выполнения этой роли, т.е. односторонне исключает себя из сферы процессуального общения со следователем. Поэтому от юриста помимо знаний закона требуются еще и определенные коммуникативные способности устанавливать отношения с людьми, умение убедить человека, учитывая его индивидуально-психологические особенности, в важности предлагаемой ему процессуальной роли, пробудить у него интерес к общению в связи с теми или иными обстоятельствами, имеющими правовое значение.

Юрист как субъект общественных отношений, всевозможных межличностных контактов активно участвует в различных видах делового

(профессионального) общения. Ему постоянно приходится вступать в контакты с различными должностными лицами, с руководителями местных органов власти, с представителями предприятий, учреждений. Общение со многими из них в определенной мере опосредованно влияет на принятие решений организационного, процессуального характера и в целом на всю его деятельность.

Поэтому, говоря о профессиональном общении юриста, необходимо учитывать не только его процессуальные (допрос, очная ставка и т.д.), но и непроцессуальные формы, в основе которых лежат принятые в обществе, в той или иной социальной среде правила речевого поведения, устойчивые этикетные формулы обращения, отражающие внешние проявления отношения любого человека к окружающим его людям, к различным социальным ценностям. В контексте подобных весьма распространенных случаев общения следует говорить о непроцессуальном общении юриста.

В социальной психологии в структуре общения выделяются три его непременные составные части:

коммуникативная сторона, состоящая в обмене информацией между людьми;

перцептивная сторона, то есть процесс взаимного восприятия, познания субъектов общения и на этой основе установления между ними взаимопонимания;

интерактивная сторона, заключающаяся в организации взаимодействия, совместных действий (деятельности) партнеров общения[1].

Поэтому перейдем к более подробному рассмотрению этих сторон общения, его наиболее общих социально-психологических закономерностей.

§ 2. Общие социально-психологические закономерности профессионального общения

В ходе профессиональной деятельности юристам, независимо от их специализации, постоянно приходится общаться с различными людьми, устанавливать с ними взаимопонимание, поддерживать на должном уровне психологический контакт, оказывая в необходимых случаях управляющее воздействие на развитие коммуникативных процессов. Понятно, что для того чтобы эффективно, с максимальной пользой участвовать в межличностных отношениях, плодотворно вести диалог, необходимо учитывать закономерности, лежащие в основе коммуникативных процессов. Поэтому знание, учет этих закономерностей, свободное владение навыками общения составляют такое профессионально важное качество личности юриста как *коммуникативная компетентность.*

1. Рассмотрим подробнее эти наиболее общие закономерности, лежащие в основе любых межличностных отношений, те факторы, кото-

[1] См.: *Андреева Г.М.* Указ. соч. С. 82.

рые в своей совокупности составляют такое емкое понятие, каким является *психологический (эмоциональный) контакт.*

Говоря об этих закономерностях, прежде всего необходимо исходить из того, что в процессе общения юрист всегда выступает в строго определенном социальном контексте, который выражается системой его отношений с обществом, государственно-правовыми институтами, должностными лицами, отдельными гражданами. Такие отношения обусловлены объективно заданной ему *социальной ролью* (следователя, судьи, защитника, юрисконсульта и т.д.).

Как считает Г.М. Андреева, социальная роль — это фиксация определенного положения, занимаемого конкретным человеком в системе общественных отношений[1]. По мнению Л.П. Буевой, социальная роль — это «общественно необходимый вид социальной деятельности и способ поведения личности»[2]. Это «функция, нормативно одобренный образец поведения, ожидаемый от каждого, занимающего данную позицию»[3].

Таким образом, любой человек, включенный в те или иные общественные отношения в определенных жизненных обстоятельствах, ситуациях играет (выполняет) различные заранее предписанные ему социальные роли (функции).

В свою очередь, та или иная социальная роль формирует у окружающих в отношении ее носителя, наделенного определенными правами и обязанностями, систему *ролевых ожиданий,* которые реализуются в конкретных коммуникативных ситуациях.

Аналогичное положение свойственно и другим лицам, с которыми юристу приходится вступать в межличностные, профессионально значимые контакты. И хотя *ролевые отношения,*как правило, безличны, поскольку они объективно заданы социальными ролями, тем не менее они имеют определенную личностную окраску, которая проявляется в *стиле исполнения* конкретным лицом заданной ему социальной роли. Этот стиль исполнения, своеобразный «диапазон возможностей» человека в зависимости от его индивидуальных свойств, речевых, поведенческих, характерологических особенностей, положительно или отрицательно влияет на ход и развитие коммуникативных процессов (Г.М. Андреева).

Нарушение правил *ролевого поведения* юристом, выполнение им несвойственных данной коммуникативной ситуации функций чаще всего вступает в противоречие с ролевыми ожиданиями окружающих, непосредственного партнера по общению, что неизбежно негативным образом отражается на всем ходе последующего развития межличностных отношений, рождает взаимное непонимание, плохо скрываемый антагонизм, а порой приводит и к открытому конфликту.

[1] *Андреева Г.М.* Указ. соч. С. 71.
[2] *Буева Л.П.* Социальная среда и сознание личности. М., 1967. С. 46—55.
[3] *Кон И.С.* Социология личности. М., 1967. С. 12—42.

Кроме того, на ролевые отношения сторон с их присущим каждому партнеру индивидуальным стилем исполнения большое влияние оказывает *социальный статус* носителей этих социальных ролей. Социальный статус — это положение, авторитет человека в обществе, в той или иной социальной группе. Социальный статус человека определяется его должностным положением, профессиональным опытом, служебным авторитетом, личными заслугами, возрастом и т.д. Эти факторы также активно влияют на процесс развития профессионального общения сторон. Недооценка их в ходе общения, как правило, приводит к малопродуктивному, конфликтному диалогу.

Рассматривая механизм ролевого взаимодействия в условиях служебных отношений, нельзя не заметить той *социальной установки доминировать,* которая с приобретением профессионального опыта формируется у юриста.

Установка доминировать может проявиться во время общения и со стороны различных должностных лиц, компетентных в сфере своей служебной деятельности, имеющих также достаточно высокий социальный статус и соответствующую (а иногда и несколько завышенную) самооценку. Таким лицам далеко небезразлична коммуникативная ситуация, в которой юрист обращает внимание на их упущения в работе, нарушения законодательства и т.п.

Учитывая все эти закономерности, необходимо помнить, что при одинаковой личностно значимой доминантности партнеров по общению в ситуации отстаивания каждым из них своей позиции только из-за этого могут возникать напряженно-неустойчивые отношения. Лица с завышенной самооценкой более склонны к конфликтным отношениям, особенно в тех случаях, когда они оценивают складывающуюся ситуацию как посягающую на сформированную у них *Я-концепцию.* Поэтому в целях предотвращения конфликтных отношений необходимо прогнозировать поведение партнера по общению, не допуская подмены ролевого взаимодействия статусным. Иногда борьба (особенно на первых порах общения) за лидерство различными, в том числе и невербальными, средствами коммуникации (поза, манера говорить, жестикуляция) может способствовать взаимному отчуждению сторон, исключающему всякую возможность установления психологического контакта.

В подобных коммуникативных ситуациях нужно быть особенно внимательным к тому, чтобы диалог от конструктивного обсуждения вопросов, ради которых состоялась встреча, не перешел к малопродуктивной критике личностных качеств друг друга. Такое отношение участников диалога, когда они из-за взаимной неприязни предпочитают скорее не согласиться, чем прийти к общему разумному решению, получило название *«симуляция несогласия»*.

Как показывает практика, в подобных случаях более результативным может оказаться отказ от опоры на внешне декларируемое доминирование, от стремления во что бы то ни стало сразу же навязать свою точку зрения и подчинить ей позицию партнера по общению. Можно, например, еще раз в корректной, статусно равноправной форме, демон-

стрируя свое желание понять доводы противоположной стороны, показать, что точка зрения, отстаиваемая юристом, не просто его личное мнение, а выражение требований закона, любое отступление от которого приведет к отмене, к примеру, ранее отданного распоряжения с допущенными нарушениями.

Как уже отмечалось выше, одной из составляющих профессионального общения является коммуникативная сторона. Рассмотрим ее более подробно.

Коммуникативная сторона общения. Под коммуникативной стороной общения понимается собственно сам процесс обмена информацией между людьми. Этот обмен осуществляется с помощью вербальных и невербальных средств коммуникации.

Вербальная коммуникация предполагает использование речи с ее богатой фонетикой, лексикой, синтаксисом. Речь — важнейший инструмент профессионального общения, форма существования языка, который функционирует и непосредственно проявляется в ней. Язык, речь, мышление тесно связаны с деятельностью людей в процессе их общения между собой. Если язык есть объективное явление в жизни общества, отражающее исторические ценности, накопленные многими поколениями людей, то речь представляет собой процесс использования языка в общении между людьми[1].

В речи выражаются социально-психологические особенности человека, особенности его мышления, направленность, отношение к объективной реальности, в том числе и к использованию самого языка.

Речь всегда мотивирована. За любыми высказываниями стоят, как правило, определенные мотивы. Выявление этих мотивов по тем фразам, которые произносятся, часто помогает во многом понять мысли, поступки и поведение людей. Ответ на вопрос: «зачем (почему) он мне (ему) это сказал?» нередко раскрывает истинные цели и побуждения партнера по общению. Таким образом, речь часто выдает подлинные мотивы поведения человека, причины совершения им поступков, даже если их пытаются скрыть. Как писал наш выдающийся психолог Л.С. Выготский, «в психологическом анализе любого высказывания мы доходим до конца только тогда, когда раскрываем последний и самый утаенный план речевого мышления: его мотивацию»[2].

Основными функциями языка и речи являются:

мыслеобразующая функция, связывающая слово, предложение с образами сознания, с мышлением, в силу чего с помощью языка и речи формируется и выражается мысль; именно поэтому речь является орудием мышления;

коммуникативная функция, определяющая передачу знаний, мыслей, чувств в процессе общения людей, в ходе установления между ними контактов;

[1] См.: *Маслов Ю.С.* Введение в языкознание. М., 1975. С. 7—9.
[2] *Выготский Л.С.* Мышление и речь // Собрание сочинений. М., 1982. Т. 2. С. 358.

прагматическая функция, или функция управляющего воздействия участников диалога друг на друга, которая проявляется в том, что речь очень часто бывает направлена на программирование тех или иных действий собеседника;

регулятивная функция, организующая собственные процессы, эмоциональные состояния, действия человека, т.е. речь служит средством регуляции (организации) собственных психических процессов человеком[1].

«Реально, — писал А.Р. Лурия, — речь выступает в двух формах деятельности. Одна из них — передача информации или общения — требует участия двух лиц: говорящего и слушающего. Вторая форма речи объединяет говорящего и слушающего в одном субъекте. В этом случае речь является не способом общения, а орудием мышления*[2].

Речь в качестве орудия общения выступает в двух процессах. Во-первых, речь воплощает мысль говорящего, формулирует ее в форме высказывания (психология экспрессивной речи). Во-вторых, речь воспринимается слушающим. При этом происходит декодирование им высказывания, т.е. протекает процесс превращения развернутого высказывания в свернутую мысль, осуществляется процесс понимания (психология импрессивной речи)[3].

В психологии различают *внутреннюю* и *внешнюю речь.* Внутреннюю речь не следует рассматривать упрощенно, в виде проговаривания отдельных слов или фраз «про себя». Она представляет собой более сложный процесс, подготавливающий развернутое речевое высказывание. Внутренняя речь занимает промежуточное положение между замыслом и развернутой устной речью и носит свернутый характер. Это «речь для себя» в отличие от внешней речи «для других», которая, по словам Л.С. Выготского, есть «процесс превращения мысли в слова, ее материализация и объективизация»[4]. Внешняя речь имеет устную или письменную форму.

Как отмечал А.Р. Лурия, наиболее простой формой устной речи является *аффективная речь,* состоящая из отдельных восклицаний, привычных речевых штампов. Побудительным моментом такой речи является аффективное напряжение говорящего. В ней зачастую отсутствует четкий замысел, осознанный мотив. Поэтому, анализируя подобные аффективно окрашенные высказывания, можно в какой-то мере судить о психическом состоянии лица. О возрастании у него состояния тревоги, враждебного отношения к тому, с кем он говорит, о его отношении к предмету разговора в целом. В отдельных случаях подобные фразы могут иметь и симулятивный характер, когда свидетель, например, пытается ввести следствие, суд в заблуждение относительно своего истинного эмоционального состояния, действительного отношения к происходящему.

[1] См.: *Лурия А.Р.* Основы нейропсихологии. М., 1973. С. 294—295.
[2] *Лурия А.Р.* Речь и мышление. М., 1975. С. 60.
[3] Там же. С. 60.
[4] *Выготский Л.С.* Указ. соч. Т. 2. С. 316.

Наибольшее распространение имеет *устная диалогическая речь* — основной вид речи, используемый в процессе общения следователя, судьи, прокурора, адвоката с участниками уголовного и гражданского процессов, с различными должностными, иными лицами. Диалогическое взаимодействие направлено прежде всего на взаимное ознакомление сторон с занятой позицией, на выяснение отношения к различным явлениям, событиям, людям и т.д.

Содержательной стороной диалога является обмен мнениями. Особенно велика роль диалога во время допроса. Диалогическая речь отчетливо мотивирована. По содержанию и форме высказываний нередко судят о мотивах, поняв которые можно разобраться и в отношении говорящего к предмету разговора, в его осведомленности. Очень часто устная диалогическая речь носит неполную, сокращенную (свернутую) по сравнению с литературной нормой форму, значительная часть ее смыслового содержания подразумевается и может быть понята только в контексте всего диалога.

Особым видом устной речи является *монологическая речь,* представляющая собой развернутое изложение системы взглядов, мыслей, знаний человека. Монологическая речь, как правило, имеет четкий замысел. Обычно она заранее готовится. По сравнению с диалогической монологическая речь более развернута, содержит в себе «достаточно полную речевую формулировку информации, которую она передает» (А.Р. Лурия).

Как и диалогическая, монологическая речь сопровождается невербальными, жестово-мимическими, интонационными сигналами. Однако их употребление носит более сдержанный характер, особенно если монологическая речь протекает в форме доклада, лекции, выступления в суде. Такую форму монологической речи иногда называют *эпической речью.* К ней прибегают в ходе судебных прений, при произнесении речей обвинителем, защитником, подсудимым[1].

Помимо эпической существует и так называемая *«драматизирующая» монологическая речь,* которая носит более живой, более экспрессивный характер. Ей в большей мере сопутствуют жестикуляция, мимика. В грамматическом и стилистическом отношении такая речь менее подготовлена. Нередко подобная монологическая речь возникает во время допроса после предложения свидетелю рассказать об известных ему обстоятельствах по делу. В последующем с постановкой вопросов свидетелю монологическая речь может снова вернуться в русло диалога.

Еще одной разновидностью внешней речи является *письменная речь* — наиболее сложный вид монологического высказывания, требующий точного знания предмета изложения, правильного использования лексико-грамматических кодов языка.

[1] Много интересных наблюдений и советов в этой связи содержится в работах видных русских юристов. См.: *Кони А.Ф.* Советы лекторам. Обвиняемые и свидетели // Избранные произведения. В 2 т. 2-е изд. М., 1959 Т. I; *СергеичП.* Искусство речи на суде. М., 1960.

В уголовном, гражданском процессе письменная монологическая речь используется при составлении процессуальных документов, в которых выражается позиция их составителя, анализируются доказательства, излагается мотивировка принятых решений.

В связи с существующей четкой регламентацией составления процессуальных документов в криминалистической литературе можно встретить термин *«протокольный язык» (протокольный стиль изложения).* Под этим термином подразумеваются не только совокупность специальных юридических терминов и понятий, но и определенные речевые обороты, стилистические правила составления процессуальных документов, их обязательные реквизиты, К протокольному стилю изложения предъявляются определенные требования: использование однозначных терминов, исключающих их произвольное толкование; употребление точных и сжатых формулировок, определенных фразеологических оборотов, определений; краткое понятное изложение материала.

Юристам постоянно приходится прибегать к различным речевым формам, оценивать особенности речевого поведения других лиц. Прежде всего к чужой речи следует относиться как к источнику информации, в частности как к источнику доказательств по делу. Однако сообщаемая информация может приобрести силу доказательства только в том случае, если речь свидетеля, потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого протекает в определенном процессуальном режиме, если она обрела *форму показаний.* В иных случаях речь упомянутых лиц может рассматриваться лишь в качестве обычных высказываний. Процессуальное оформление высказываний в виде показаний направлено на то, чтобы повысить их достоверность, побудить свидетелей и других лиц более ответственно относиться к своим словам.

Речь (устная или письменная) может также интересовать следователя, судью и как объект идентификации субъекта по ее особенностям (звук, почерк, другие признаки).

Как справедливо отмечается, речь участников общения с юристом часто бывает стилистически не организована, как правило, содержит избыточную информацию. По своей форме она близка к обычной разговорной речи, нередко далекой от литературной нормы, содержит большое количество информации, идущей по неязыковым (невербальным) каналам (мимика, жесты и т.д.).

Существенное влияние на качество, полноту речи оказывает состояние эмоциональной напряженности, в котором пребывает человек, вызванный в правоохранительные органы, находящийся в зале судебного заседания. Поэтому речь таких людей бывает весьма экспрессивной.

При возбудимом типе эмоциональной напряженности у людей чаще проявляется двигательное беспокойство, суетливость, раскрепощенность моторно-двигательных реакций, легкая отвлекаемость внимания. Напротив, при развитии тормозного типа эмоциональной напряженности могут наблюдаться скованное выражение лица говорящего, закрепощенность, фиксированность внимания на одном каком-то объекте, затруднения в осмысливании предмета разговора. В силу этих причин в

речи таких лиц обычно содержатся повторения как целых фраз, так и отдельных слов, слогов. Многие фразы, слова остаются незавершенными, сопровождаются различными оговорками, поправками, поисковыми словами типа: «это...», «ну...», «такой...» и т.п. Конечные гласные в словах, предшествующих искомому слову, растягиваются.

Например, подозреваемый в краже на вопрос следователя, зачем он взломал замок, пытаясь уменьшить свою вину, отвечает:

— Я, это... я, когда плечом д... ударился об эту вторую дверь, он, этот замок, отлетел что ли..., она открылась...

После уточняющего вопроса следователя:

— Вы что, были так пьяны, что не смогли идти сами?

Следует ответ:

— Нет, ну, просто так, это о... ну, я не помню, это о... после такого случая... э... у меня что-то... выскочило все из головы...

Нередко в речи таких лиц встречается перестановка слов в предложениях (инверсия), появляются формально-структурные нарушения фраз, неуклюжесть в их построении. Увеличивается количество «пауз нерешительности», латентный период реакции на вопросы и реплики допрашивающего лица. Речь нарушается глубокими вздохами, прерывистым дыханием.

Подмечено, что «за счет увеличения количества поисковых пауз в устных высказываниях в состоянии эмоциональной напряженности сокращается средняя длина отрезка речи, произносимого без пауз нерешительности, а также возрастает индекс нерешительности — отношение времени пауз в высказывании ко времени «чистой» речи»[1]. Уменьшается словарное разнообразие. Речь становится более стереотипной. Возрастает употребление слов со значением семантической безысключительности типа «всегда», «ничего», «никогда», «все» и т.п., передающих категорически позитивный или негативный оценочный смысл.

Вот пример одной из таких фраз допрашиваемого в следственном изоляторе, приводимый Э.Л. Носенко: «Пачку папирос мне не принесет никто... никогда. А я последнюю копейку всегда отдавал. И вот такая мне благодарность».

Чаще в состоянии эмоциональной напряженности употребляются усилительные частицы, по-иному расставляются ударения, что ведет к феномену так называемой «сверхподчеркнутой актуализации».

Юристу приходится иметь дело с различными людьми, в разной степени владеющими своей речью. В зависимости от образования человека, социально-культурной среды, в которой формировалась его личность, от его профессии форма и содержательная сторона речи меняются. На характер речи влияет также обстановка, в которой происходит общение, сама процедура такого общения.

Лица, с которыми приходится общаться юристам, часто испытывают существенные затруднения в оперативном подборе слов для адекват-

[1] См.: *Носенко Э.Л.* Особенности речи в состоянии эмоциональной напряженности. Пособие к спецкурсу по психолингвистике. Днепропетровск, 1975. С. 47.

ного выражения своих мыслей, из-за чего появляются «слова-паразиты», не несущие какой-либо смысловой нагрузки, типа: «видите ли», «так сказать», «знаете ли», «вот» и т.д. Меняется грамматический состав предложения, чаще употребляются глаголы, а не прилагательные, что делает речь более динамичной. Весьма распространены ошибки в согласовании членов предложения, которые не замечаются говорящими. Фразы становятся укороченными, появляется так называемый «телеграфный» стиль речи, что создает дополнительные трудности для понимания говорящего и протоколирования его показаний (объяснений).

Кроме того, во время проведения допроса в речевом поведении допрашиваемых лиц нередко наблюдается подсознательное стремление в своих ответах повторять слова, фразеологические конструкции, употребляемые следователем (судом). Данное явление опасно тем, что оно в значительной степени искажает смысл и содержание показаний. Например, слова «хулиганил», «совершил хулиганские действия», сказанные следователем, наполнены совершенно четким уголовно-правовым содержанием. Но этого обычно не наблюдается в речи свидетелей, далеких от правильного понимания юридического смысла подобной терминологии. Прибегая к тем же словам, свидетель может назвать любые действия обвиняемого, носившие насильственный характер, хулиганскими. Поэтому, задавая вопрос допрашиваемому, следует подбирать нейтральные в смысловом отношении выражения, которые не оказывали бы искажающего воздействия на его речь.

Аналогичное искажающее воздействие на речь допрашиваемого оказывает его неосознаваемое стремление мыслить так же, как думает и рассуждает вслух следователь, — явление, получившее название *вербальной ригидности*. Поэтому совершенно обоснованны рекомендации следователю ставить уточняющие вопросы, прибегая к передаче смысла сказанного с использованием других речевых оборотов, слов в виде так называемых перифраз.

Описанные выше явления следует рассматривать в качестве объективно существующих *коммуникативных барьеров*, носящих социальный либо психологический характер, поскольку партнеры по общению имеют разные взгляды, образование, отношение к предмету разговора и т.д.

Говоря обо всем этом, нельзя забывать и такой важной особенности, что во время допроса свидетель (обвиняемый и т.д.) с помощью своей речи не только передает мысли, определенные знания о предмете допроса, но и выражает чувства, эмоциональное состояние, свое отношение к нему. Это проявляется в интонациях, усилении ударений на важных в содержательном отношении словах, отдельных фразах, в прерывании речи вздохами, невротическим по своему происхождению смехом, неадекватным данной обстановке, в появлении слезливости и т.п. При этом наблюдаются различные акустические изменения речи: более выраженные колебания частоты основного тона и интенсивности речевого сигнала; возрастание темпа и ошибок при артикуляции; смазанность произношения в результате более ускоренного течения моторных процессов.

Допрашиваемый, будучи в состоянии эмоциональной напряженности, реагирует на реплики следователя, часто не дослушав их до конца, не вникнув порой глубоко в смысл сказанной фразы. Нарушается процесс восприятия, смысловой обработки речи следователя. Например, люди возбудимого типа лучше воспринимают начало обращенной к ним фразы, напротив, испытуемые тормозного типа точнее воспринимают ее конец.

Внимательно относясь к речи допрашиваемого, следователь имеет возможность всесторонне изучить его. В речи проявляются: направленность личности человека, его потребности, интересы, убеждения, интеллект, волевые качества. По темпу речи, относительной силе произношения можно судить о подвижности нервных процессов, свойствах нервной системы и темперамента. Как отмечает А.А. Бодалев, «голос «может выдать» переживания человека, сказать об отношении его владельца к тому или иному факту, помочь лучше понять самочувствие и темперамент человека и даже раскрыть некоторые черты его характера...»[1]. Некоторые специалисты в области психолингвистики полагают, что тон, тембр голоса, интонации говорят об отношении ведущего беседу к обсуждаемым проблемам иногда гораздо значительнее, чем другие приемы риторики. Считается, например, что с помощью только одной интонации доносится до 40% информации.

Рассматривая особенности речевого поведения участников процесса, нельзя не видеть еще одной очень важной особенности. Дело в том, что общение юриста с различными участниками, с одной стороны, протекает в виде эмоционально живых речевых высказываний, которые наполнены различными лексическими оттенками, интонациями, сопровождаются многочисленными средствами невербального общения, делающими речь яркой, образной, многозначительной как по содержанию, так и по форме. С другой стороны, устная речь свидетеля, других лиц в виде показаний фиксируется в материалах дела по правилам письменной речи.

Однако известно, что особенности выражения и восприятия устной и письменной речи существенно отличаются. И как бы ни стремился следователь (судебный секретарь) «по возможности дословно» (ст. 160 УПК РСФСР) от первого лица записывать в протокол чьи-либо показания, сделать это практически не удается. «В результате, — справедливо замечает А.Р. Ратинов, — протокол допроса чаще всего не отражает самого допроса, а лишь фиксирует его итог»[2]. Устранить этот разрыв можно только с помощью видео-, звукозаписи, которая применяется далеко не на каждом допросе.

И все же качество протоколирования можно существенно повысить. Для этого следователю необходимо в зависимости от особенностей речевого поведения свидетеля, невербальных средств, сопровождающих его речь, реагировать на них своими вопросами о причинах тех или иных эмоциональных проявлений допрашиваемого, смысловом со-

[1] *Бодалев А.А.* Восприятие человека человеком. Л., 1965. С. 26.
[2] *Ратинов А.Р.* Судебная психология для следователей. М.. 1967. С. 191.

держании его мимики, жестов с последующим занесением в протокол полученных ответов, прибегая в необходимых случая к использованию правил употребления прямой речи.

По манере речевого поведения можно судить об индивидуально-психологических особенностях человека, его воспитании, развитии, особенностях мышления, психическом состоянии, характере, психических отклонениях или расстройствах его психики.

Например, характерными нарушениями речи являются:

логоррея — повышенная речевая активность, перескакивание с одной темы на другую, когда говорящий не дожидается ответа на свои вопросы;

персеверация — многократная повторяемость высказываний полностью или частично;

разорванность, бессвязность речи, отсутствие в ней смыслового содержания при внешне правильной грамматической форме;

излишняя обстоятельность, подробность, вязкость изложения;

резонерство, мудрствование, беспочвенность и бесплодность рассуждений вплоть до их полной бессмысленности[1].

По закону лица, речь которых настолько нарушена, что они не способны давать правильные показания, не могут допрашиваться в качестве свидетелей (п. 2 ч. 2 ст. 72 УПК РСФСР, п. 2 ч. 2 **ст.61 ГПК** РСФСР).

Свои особенности имеет речевое поведение в криминальной среде, в которбй распространен *уголовный жаргон.* Уголовный жаргон — это условный язык со своей лексикой и фразеологией, особая словесная система. базирующаяся на фонетике и грамматике общенационального языка, но имеющая свои существенные диалектные и социально-групповые различия. Это язык различных преступных сообществ, отражающий специфику субкультуры преступной среды, степень ее организованности и профессионализации[2].

Основная функция уголовного жаргона состоит в обслуживании преступной деятельности, в обеспечении замкнутой жизни криминального сообщества. Кроме того, уголовный жаргон, особенно в молодежной преступной среде, служит средством самоутверждения, распознавания «своих», выявления «чужих».

Как пишет В.Ф. Пирожков, специально исследовавший данную проблему, по уголовному жаргону можно изучать как психологию личности отдельного преступника, его принадлежность к определенному преступному сообществу, так и психологию конкретных криминальных групп.

Особенности речевого поведения юриста. Эти особенности непосредственно связаны с его образованием, воспитанием, социальным статусом. Высказывания юриста в процессе профессионального общения нередко наполнены правовыми понятиями, содержат речевые кон-

[1] См.: *Леонтьев А.А., Шахнарович А.М., Батов В.И.* Речь в криминалистике и судебной психологии. М., 1977. С. 18.

[2] См.: *Пирожков В.Ф.* Законы преступного мира молодежи (криминальная субкультура). Тверь, 1994. С. 147—148.

струкции, отвечающие *правилам речевого этикета,* который влияет на установление и поддержание психологического контакта, взаимопонимание сторон.

Как писалось в свое время в своде правил хорошего тона, «этикет есть нечто иное, как собрание (свод) правил и формальностей, касающихся внешности и образа действий в общежитии того общества, которое принято называть хорошим, т.е. благовоспитанным»[1]. Иначе говоря, этикет — это совокупность правил поведения, касающихся внешних проявлений отношения к людям, их ценностным ориентациям. Эти правила поведения выражаются и в определенных ритуализированных формах общения применительно к различным ситуациям диалога.

Составной частью общего этикета является *речевой этикет*, под которым понимаются «национально-специфические правила речевого поведения, применяемые в ситуациях вступления собеседников в контакт и поддержания общения в избранной тональности соответственно обстановке общения, социальным признакам коммуникантов и характеру их взаимоотношений»[2]. Роль этих правил столь велика, что даже незначительное отступление от них может стать серьезным препятствием на пути установления психологического контакта и взаимопонимания, поскольку они выполняют очень важную контактоустанавливающую функцию.

Особо важную роль правила речевого этикета играют на начальном этапе общения независимо от того, в какой ситуации оно разворачивается (при непосредственном или опосредованном общении партнеров, например по телефону). В подобных случаях широко используются так называемые *тематические группы речевого этикета,* нацеленные на создание положительного психологического микроклимата, поддержание взаимной направленности общающихся сторон. Эти этикетные речевые группы, включенные в семантическую (смысловую) структуру диалога, выполняют функцию признания ролевой, статусной принадлежности партнера по общению, выражения своей расположенности к нему, своеобразного комплимента.

С помощью подобных тематических этикетных групп, соответствующих ситуации общения и социальному статусу партнера, выражаются положительные эмоции по поводу встречи, одобрение желания совместно обсудить тот или иной вопрос, положительная оценка деятельности партнера в целом. Это своеобразные «атомы вежливости», как их иногда образно называют[3]. И хотя они не несут какой-либо содержательной информации, тем не менее выполняют очень важную функцию установления психологического контакта.

Свободное владение этикетными речевыми формами общения свидетельствует о высокой коммуникативной компетентности, общей куль-

[1] Правила светской жизни и этикета. Хороший тон. Сборник советов и наставлений на разные случаи домашней и общественной жизни. СПб., 1889. С. 1.

[2] *ФормановскаяН.И.* Употребление русского речевого этикета. М., 1982. С. 5.

[3] См.: *Формановская Н.И.* Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты. М.. 1982. С. 45.

туре юриста. «На первый взгляд, это может показаться пустой тратой времени, поскольку тем, что мы привыкли считать «информацией'), здесь не обмениваются. Однако это впечатление следует, по-видимому, отбросить. В конечном счете обмен информацией типа «я тебя (вас) замечаю», «мы из одной общности», «я желаю тебе (вам) добра» и т.д. играет не меньшую роль в процессах социального взаимодействия, чем продуктивное обсуждение научно-технической, политической, художественной или иной проблематики»[1].

. Поскольку речь юриста имеет определенное общественное звучание, к ней предъявляются повышенные требования, игнорирование которых отрицательно влияет на его профессиональный авторитет. Поэтому речь юриста должны отличать:

• грамотность, понятность, доступность смысла высказываний для любой категории граждан;

о последовательность, логическая стройность изложения, убедительность, правовая аргументированность со ссылками на различные факты, доказательства, правовые нормы;

• соответствие нравственно-этическим правилам и нормам поведения;

• экспрессивность, широкий диапазон эмоциональных средств воздействия — от подчеркнуто нейтральных речевых форм до эмоционально-выразительных высказываний, сопровождающихся невербальными средствами воздействия;

• вариативность высказываний: от приглашения к участию в общении до употребления фраз, наполненных категорическими требованиями в зависимости от различных коммуникативных ситуаций.

В ходе профессиональной деятельности юристу необходимо постоянно совершенствовать навыки своего речевого поведения, повышать культуру общения. В процессе общения важно уметь не только говорить, но и как бы со стороны слушать себя, оценивая убедительность, понятность, доходчивость собственных высказываний, уместность употребления различных речевых и неречевых форм коммуникации, степень эмоциональной окраски речи, выразительность своего речевого поведения. Правильно оценить эти качества помогает наблюдение за реакцией аудитории, собеседника в процессе общения с ними.

Существенно дополняют речевое поведение *средства невербальной коммуникации*. К ним, в частности, относятся: жесты, мимика, позы, пространственное расположение сторон, различные средства вокализации речи (качество голоса, его диапазон, тональность), темп речи, паузы, плач, смех, покашливание и т.п. Все эти жестово-мимические, а также интонационные и прочие сигналы не только сопровождают речь, но и могут замещать отдельные единицы высказываний, нисколько не нарушая общей структуры, смыслового содержания разговора, а скорее, напротив, помогая более точно доносить смысл передаваемой информации до партнера и поддерживать с ним продуктивный диалог.

Добрович А.В. Общение: наука и искусство. 2-е изд. М., 1980. С. 32.

С помощью богатого арсенала средств невербального общения раскрываются индивидуально-психологические, характерологические особенности лиц, участвующих в общении, их социально-групповые, культурно-национальные признаки, создается доброжелательная атмосфера во время встречи, демонстрируется желание выслушать, понять собеседника.

Некоторые авторы считают, что с помощью невербальных средств коммуникации передается 55—65% (и более) информации. Значение их настолько велико, что если вербальные и невербальные сигналы не совпадают, оказываются рассогласованными (неконгруэнтными), то люди в большей мере полагаются на невербальную информацию, предпочитая ее словесной[1].

Среди невербальных средств общения особое значение имеет *контакт, глаз (визуальный контакт)* между партнерами, существенно дополняющий вербальную коммуникацию, помогающий раскрытию ими своего Я. Установлено, что с помощью взгляда производится своеобразный информационный поиск, привлечение внимания собеседника, демонстрация своего отношения к нему, своей заинтересованности в общении. Взглядом выражается внимание, одобрение или несогласие, эмоциональное состояние, начало или окончание фраз в диалогическом единстве реплик участников разговора. Считается, что при развитии заинтересованного общения, при хороших коммуникативных отношениях между партнерами их взгляды встречаются около 60—70% всего времени разговора. Напротив, свертывание визуальных контактов, нежелание кого-либо из участников диалога «общаться глазами» косвенно может свидетельствовать о неприятии им своего партнера, стремлении побыстрее завершить встречу.

Весьма важно во время диалога правильно смотреть на своего собеседника. Как пишет А. Пиз, «ведя деловые переговоры, представьте, что на лбу вашего собеседника находится треугольник. Направив свой взгляд на этот треугольник, вы создаете серьезную атмосферу, и другой человек чувствует, что вы настроены по-деловому. При условии, что ваш взгляд не опускается ниже глаз другого человека, вы сможете контролировать ход переговоров при помощи взгляда»[2].

Насколько велика роль взгляда можно проиллюстрировать хорошо известной сценой, описанной Ф.М. Достоевским в своем романе «Преступление и наказание», когда Раскольников пришел к Алене Ивановне, чтобы совершить задуманное им преступление, и сразу же ощутил на себе этот полный недоверия к нему, подозрительный взгляд своей будущей жертвы, как будто та уже почувствовала недоброе:

> Дверь, как и тогда, отворилась на крошечную щелочку, и опять *два острые* и *недоверчивые взгляда* уставились на него из темноты.

[1] См.: *Пиз А.* Язык телодвижений. Как читать мысли других людей по их жестам. Новгород. 1992. С. 13, 23.

[2] Там же. С. 158—159.

[3] Здесь и далее курсив автора.

Затем Раскольников решительно прошел в квартиру и «визуальный контакт» продолжился:

> Старуха взглянула было на заклад, но тотчас же *уставилась глазами пряно в глаза* незваному гостю. Она *смотрела внимательно, злобно* и *недоверчиво*. Прошло с минуту; ему показалось даже в *ее глазах что-то вроде насмешки,* как будто она уже обо всем догадалась. Он чувствовал, что теряется, что ему почти страшно, до того страшно, что, кажется, смотри она так, не говори ни слова еще с полминуты, то он бы убежал от нее.
>
> — Да, что вы так смотрите, точно не узнали? — проговорил он вдруг тоже со злобой. — Хотите берите, а нет — я к другим пойду, мне некогда.

Подмечено, что о положительной атмосфере общения, взаимопонимании сторон свидетельствуют большая частота визуальных контактов, сопровождаемая улыбками. Обычно во время диалога его участники попеременно смотрят в глаза друг другу. При этом взгляд задерживается на собеседнике в пределах до 10 секунд. Направленность взглядов на партнера, их относительная продолжительность во многом обусловлены социальным статусом партнеров, возрастными, поло-ролевыми различиями, их должностным, служебным положением и т.д.

Важную роль среди различных средств невербальной коммуникации играют *жесты, жестикуляция,* усиливающие, а иногда и подменяющие собой отдельные слова или фразы. Среди различных жестов, сопровождающих речь, особое смысловое значение приобретают акцентирующие, указательные, описывающие, замещающие жесты.

Эмоциональную нагрузку несут жесты, не играющие какой-либо коммуникативной роли, так называемые жесты-самоадапторы, по которым можно судить о психической напряженности человека: непроизвольное сжимание пальцев, всевозможные манипуляции с различного рода предметами, например с головным убором, сигаретой, переминание с ноги на ногу и т.д. «Один усиленно трет себе лоб, другой то и дело щурится, третий постукивает пальцами, четвертый слегка таращит глаза и поднимает брови, пятый пританцовывает. Такие жесты обычно непроизвольны и чаще всего незаметны для самого человека. Это не что иное, как непроизвольные сигналы внутренних коррекций, обычно в сторону сброса излишнего напряжения, но иногда и наоборот — тонизирующих, мобилизующих»[1].

Причем на интенсивность этих жестов в процессе речевой коммуникации не оказывают существенного влияния даже различия в свойствах нервной системы. Как показали исследования, «особенно наглядно влияние эмоциональной напряженности на характеристики кинестетического поведения говорящих проявилось в той группе испытуемых, которая состояла из лиц, находившихся под следствием из-за совершенных ими преступлений. В те периоды допроса, когда подследственные пытались скрыть истину, отрицая свое участие в преступлении, в их речи заметно возрастало количество акцентирующих и описывающих жестов, с помощью которых они как бы пытались придать большую убе-

[1] *Леви В.Л.* Разговор в письмах. М., 1982. С. 202.

дительность своим ложным показаниям. Заметно увеличилось при этом также количество поисковых жестов и самоадапторов»[1].

В определенных случаях подобная жестикуляция и некоторые другие невербальные средства общения могут приобретать значение *улик поведения,* показывая следователю заинтересованность допрашиваемого в исходе допроса, в результатах расследования, а возможно, и свою причастность к исследуемому событию. Кроме того, все эти неречевые средства общения могут играть роль своеобразного индикатора в тех случаях, когда допрашиваемый прибегает к ложным высказываниям в условиях недостатка времени на обдумывание, находясь в состоянии эмоциональной напряженности[2].

Существенную роль в системе средств невербального общения играют: *позы* участников диалога (как они стоят, сидят, передвигаются во время разговора), их *пространственное положение* относительно друг друга. Например, небольшой наклон корпуса во время диалога в сторону собеседника, легкие кивки головой свидетельствуют о внимании, заинтересованности в поддержании разговора, располагают к беседе. В таких случаях участник разговора всем своим внешним видом как бы показывает: «я весь внимание».

Напротив, весьма неловко чувствует себя человек в разговоре с тем, кто, сидя за столом, небрежно (важно) откинулся назад, невольно демонстрируя этим несколько отстраненно-высокомерное, а следовательно, неуважительное отношение к партнеру, свою низкую культуру поведения. Полезно помнить: если хотите, чтобы с вами было легко общаться другим, ведите себя естественно, непринужденно, не допуская манерности, позерства, самолюбования. Относитесь к участнику диалога так же, как хотели бы, чтобы относились к вам.

Говоря о пространственном положении партнеров во время делового общения в официальной обстановке, следует подчеркнуть, что как чрезмерно близкое, так и слишком удаленное их расположение друг от друга создают определенный дискомфорт, отрицательно сказываются на развитии диалога.

Планируя предстоящую встречу, не следует забывать, что вокруг общающихся людей образуются своеобразные пространственные зоны, очерчиваются некие невидимые границы, которые следует соблюдать в зависимости от той или иной коммуникативной ситуации, отношений сторон, социального статуса партнеров и т.п., что особенно тонко подмечено художником Х. Бидструпом (рис. 13.1)

Считается, что *интимную зону* составляет пространство вокруг субъекта радиусом примерно 45 см. В это пространство допускаются близкие люди, те, кому оказывается особое доверие (см. рис. 13.1,*а*).

Личную или *персональную зону* образует пространство вокруг человека радиусом от 45 до 120 см. Обычно оно используется во время

[1] *Носенко Э.Л.* Указ. соч. С. 94.

[2] К этому вопросу мы еще вернемся при рассмотрении психологических особенностей лжесвидетельства.

Рис. 13.1. Пространственное положение партнеров во время диалога (Х. Бидструп).

общения в официальной или в неофициальной обстановке со знакомыми людьми (см. рис. 13.1,6).

Более широкой пространственной сферой вокруг человека является *социальная зона* радиусом от 120 до 400 см. Она чаще всего соблюдается при общении с людьми, которых мы мало знаем, во время деловой встречи, в официальной обстановке, при приеме посетителей (см. рис. 13.1*в*).

И наконец, *общественная зона* от 4 м и более, соблюдаемая во время выступлений перед большими группами людей, перед аудиторией слушателей и т.п. (см. рис. .1,*г*)[1].

Рекомендации по успешному налаживанию коммуникативного контакта, развитию общения с помощью вербальных и невербальных

[1] См.: *Пиз А.* Указ. соч. С. 35—36; см также; *Лабунская В.А.* Невербальное поведение (социально-перцептивный подход). Ростов-на-Дону, 1986. С. 32.

средств предельно просты: «Будьте физически внимательными. Повернитесь лицом к говорящему. Поддерживайте с ним визуальный контакт. Убедитесь в том, что ваша поза и жесты говорят о том, что вы слушаете. Сидите или стойте на таком расстоянии от собеседника, которое обеспечивает удобное общение обоим. Помните, говорящий хочет общаться с внимательным, живым собеседником, а не с каменной стеной»[1].

Таким образом, средства невербальной коммуникации не только существенно дополняют речь, но и значительно усиливают вербальное воздействие, демонстрируя намерения общающихся сторон. В тех же случаях, когда средства невербальной коммуникации в чем-то не соответствуют речевому поведению, их рассогласованность (неконгруэнтность) может свидетельствовать о неискренности партнера по общению.

Перцептивная сторона общения. В процессе общения между *его* участниками происходит активное взаимное восприятие сторон. «Восприятие другого человека, — пишет Г.М. Андреева, — означает восприятие его внешних признаков, соотнесение их с личностными характеристиками воспринимаемого индивида и интерпретацию на этой основе его поступков»[2].

В процессе межличностного восприятия всегда присутствуют не только представления о другом человеке, но и представления о самом себе, которые, взаимно обогащаясь, помогают взглянуть на собеседника, на самого себя как бы сквозь призму тех образов, которые возникают в постоянном взаимодействии с различными людьми.

Соотнеся себя со своим партнером по общению, начинаешь лучше понимать его мотивы, поступки, более адекватно в эмоциональном отношении реагировать на них. Это уподобление себя другому в процессе общения получило название *идентификации*. Идентификация является одним из самых простых способов понимания другого человека.

Важную роль в установлении психологического контакта на начальной стадии общения, как, впрочем, и в ходе дальнейшего развития диалога, играют и другие социально-психологические явления: эмпатия, рефлексия, стереотипизация и др.

Эмпатия в отличие от рационального понимания поведения человека (идентификации) предполагает эмоциональный отклик, своеобразное прочувствование того, что он переживает, сочувственное отношение к нему. Г.М.Андреева называет эмпатию аффективным «пониманием», поскольку партнер по общению не столько «продумывается», сколько «прочувствуется».

Важное значение в процессе взаимного восприятия сторон во время общения имеет *рефлексия* — процесс осознания индивидом того, как он воспринимается партнером по общению. Это размышление, связанное с анализом собственных рассуждений и выводов, примерно такого

[1] *АтватерИ.* Я вас слушаю... (советы руководителю, как правильно слушать собеседника). М., 1984. С. 23.

[2] *Андреева Г.М.* Указ. соч. С. 120.

типа: «Я думаю, что он думает, будто я думаю... и т.д.»[1]. То есть содержательной стороной рефлексии является процесс мышления, охватывающий не только ход собственных мыслей, но и ход мыслей, представлений своего партнера по общению.

И здесь нельзя не обратить внимания на одну интересную особенность процесса такого общения. При всей очевидности того, что в диалоге участвуют два лица, в него незримо оказываются вовлеченными как минимум шесть «участников» (рис. 13.2). Во-первых, это субъектЛ, каков он есть на самом деле. Во-вторых, субъектЛ', каким А сам себя представляет. И, наконец, в-третьих, Л", каким его воспринимает партнер по общению. Аналогичное положение справедливо и по отношению ко второму участнику диалога *Б.*

Идеальным представляется случай, когда все три «участника» с каждой стороны полностью совпадают и предстают в одном лице. Но так практически никогда не бывает, особенно если партнеры малознакомы или поддерживают только формальные отношения. Обычно существующие образы расходятся, и тогда возникает диспропорция между Я-образом в сознании субъекта и его образом в сознании партнера, не говоря уже о значительных расхождениях этих образов с реальными Я каждого участника диалога.

Если же один из партнеров по общению обращается к другому как *А' к Б''*, а этот второй участник диалога, также не замечая этих расхождений, относится к тому как *Б'* к Л", то маловероятно, что между ними возникнет какое-либо взаимопонимание (см. рис. 13.2, а). Очевидно, что наиболее успешным будет диалог, когда Л обращается к *Б* или Л' к *Б'* (см. рис. 13.2, б).

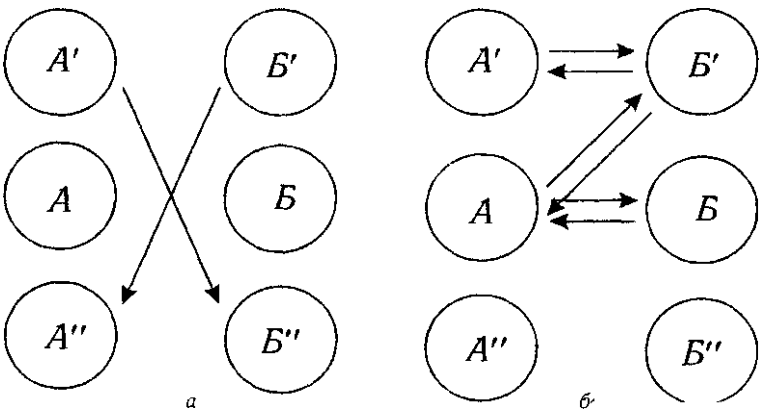


Рис. 13.2. Положение участников диалога в различных коммуникативных ситуациях: с — при отсутствии рефлексивного

[1] См.: *Ратинов А.Р.* Теория рефлексивных игр в приложении к следственной практике. Правовая кибернетика. М., 1970. С. 189.

Недооценка юристом описанного выше механизма рефлексивного взаимодействия с партнером по общению, роли этих трех «участников» в диалоге может рассматриваться в качестве коммуникативного барьера и послужить причиной взаимного непонимания, неосознанно возникающей неприязни друг к другу, особенно если Я-образ одного из них (Л') в значительной мере расходится с его образом (A'') в сознании другого партнера. В конечном итоге все это может завершиться конфликтом.

Своеобразным катализатором, способным усиливать негативные моменты в описанных выше явлениях, служит, особенно в условиях дефицита информации, потребность приписывать друг другу необъективные качества, видеть предосудительные причины поведения. В психологии данная закономерность получила название *каузальной атрибуции,* которой мы уже касались при рассмотрении особенностей мыслительной деятельности следователя во время осмотра места происшествия.

В процессе межличностного восприятия, в ходе общения, при отсутствии исчерпывающей информации о своем партнере она особенно активно проявляет себя. Благодаря каузальной атрибуции люди начинают приписывать друг другу как далекие от объективной реальности причины, объясняющие их поведение, так и давать различного рода искаженные (чаще в негативную сторону) характеристики. В то же время замечено, что в случае собственных неудач, совершения каких-то неблаговидных поступков мы более склонны приписывать причину этого обстоятельствам, а в случае успеха — заслуги себе. Если же такая оценка осуществляется со стороны, то происходит противоположное: заслуги ставятся в зависимость от обстоятельств, а неудачи объясняются поведением личности.

На появление искаженного образа своего партнера по общению большое влияние оказывает также *установка.* Особенно велика ее роль в формировании таких явлений, как эффекты ореола (галоэффект), новизны, стереотипизации.

Эффект ореола проявляется при формировании первого впечатления о человеке. Он состоит в том, что под влиянием заранее распространяемой и односторонне поданной информации (дезинформации) происходит целенаправленное приписывание субъекту определенных черт, которых у него нет и которые как бы заслоняют его подлинные качества. На этой основе создается его новый, искаженный образ, играющий роль своеобразного «ореола», мешающего видеть за ним действительные черты человека. Особенно отрицательно воздействует эффект ореола при знакомстве с лицом, в отношении которого сформировано общее неблагоприятное мнение, мешающее установлению с ним психологического контакта из-за искаженного первого впечатления о нем.

Первое впечатление о человеке в социальной психологии рассматривается в качестве сложного психологического феномена, включающего в себя, по определению А.А. Бодалева, чувственный, логический и эмоциональный компоненты. Как пишет он, «в него всегда входят те или иные особенности облика и поведения человека, оказавшегося объектом познания. Первое впечатление содержит также более или менее

осознаваемые и обобщенные оценочные суждения. Наконец, в нем всегда присутствует эмоциональное отношение к тому человеку, который оказался предметом восприятия и оценки»[1].

На формирование первого впечатления о человеке влияют следующие факторы: а) особенности его внешнего облика и поведения; б) ситуация, тот социальный фон, на котором воспринимается данный субъект; в) субъективный фактор, т.е. наши личностные качества, психический склад, отношение к различным сторонам действительности.

Проведенными исследованиями было установлено, что более полным и правильным первое впечатление чаще бывает у лиц с высшим гуманитарным образованием, преподавателей. Лица со сниженным уровнем самокритики более склонны приписывать другим собственные качества, состояния. Люди, уверенные в себе, чаще оценивают других доброжелательными, расположенными к ним. Напротив, неуверенные в себе рассматривают других более холодными, отгороженными от них[2].

Тесную связь с первым впечатлением имеют эффекты *«первичности»* и *«новизны»*. Если эффект «первичности») встречается при восприятии незнакомого человека, то эффект «новизны» наблюдается в ситуациях, когда последняя информация о человеке оказывается наиболее значимой и поэтому лучше запоминается (по аналогии с «эффектом края» при запоминании).

На появление искаженных образов партнеров, особенно при первоначальном, поверхностном знакомстве, влияют и бытующие в обществе однозначно усредненные характеристики, укрепившиеся за представителями той или иной профессии, социальной или этнической группы по какому-либо признаку, некие *социально-статусные оценочные стереотипы,* которые носят больше условный, чем конкретно-содержательный характер.

Эти стереотипы попадают в художественную литературу, оттуда возвращаются в разговорную речь и т.д. Этим, видимо, можно объяснить, что когда хотят отрицательно высказаться в адрес работников правоохранительных органов, иногда с ироническим оттенком добавляют — «законник», «буквоед» и т.п. А формальное отношение того или иного юриста к исполнению своих служебных обязанностей в еще большей мере способствует закреплению подобного рода негативных социальных стереотипов.

Роль описанных выше феноменов исключительно велика. Если юрист в процессе общения не замечает их воздействия на развитие межличностных отношений, они начинают активно проявлять себя в качестве коммуникативных барьеров, препятствующих установлению психологического контакта и взаимопониманию сторон.

Интерактивная сторона общения. Как уже отмечалось, в процессе общения происходит не. только обмен информацией, взаимное восприятие сторон, но и организуется взаимодействие людей. То есть

[1] *Бодалев А.А.* Личность и общение // Избранные труды. М., 1983. С. '242.

[2] См.: *Бодалев А.А.* Указ соч. С. 242—260.

можно сказать, что обмен информацией всегда предполагает и какой-то «обмен действиями» на вербальном либо невербальном уровне.

Особенно наглядно процесс такого взаимодействия людей можно увидеть, используя так называемый *трансакционный анализ,* позволяющий на простейшем уровне рассматривать действия участников общения во время диалога с позиций, которые занимает каждый из них, в различных коммуникативных ситуациях, прибегая к различным стилям ролевого обращения друг к другу[1].

Трансакция — это единица общения. Согласно теории трансакционного анализа. предложенной американским исследователем Э: Берном, каждый человек в процессе общения в различных жизненных ситуациях независимо от возраста занимает одну из трех условных коммуникативных ролей или позиций: Родителя *(Рд),* Взрослого *(В)* и Ребенка *(Рб)* (рис. 13.3). Эти попеременно занимаемые субъектом позиции (роли, состояния) предписывают ему соответствующую стратегию, правила, стиль ролевого поведения, выполнения действий, соответствующую самоподачу. Как пишет Берн, каждый человек носит в себе Родителя, в каждом есть Взрослый, каждый таит в себе маленького Ребенка. В процессе общения в зависимости от той или иной коммуникативной ситуации люди периодически переходят от одного коммуникативного состояния в другое.

Позиция (состояние, роль) Родителя всегда содержит в себе некую доминанту по отношению к другим позициям, особенно Ребенка, и выражается в обязательном требовании: «Надо!» Позиция Ребенка, напротив, предполагает подчиненное ролевое поведение с сохранением права

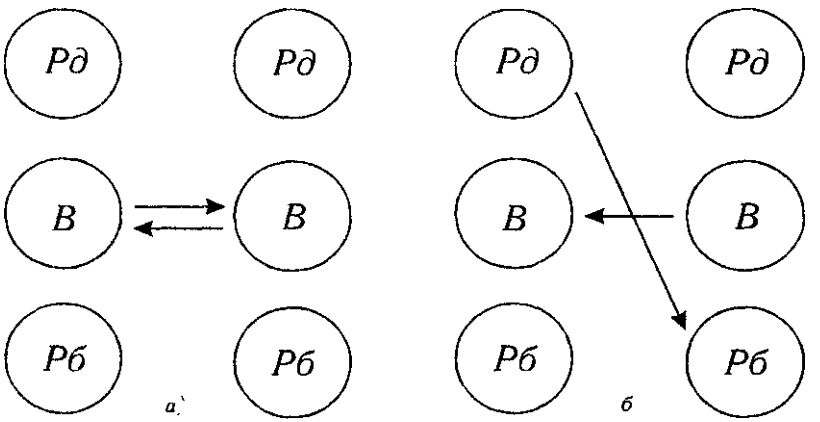


Рис. 13.3. Расположение позиций сторон в ситуациях общения (взаимодействия): *а* — в бесконфликтной; *б* — в конфликтной

[1] Здесь и далее материал излагается по книге: *Берн Э.* Игры, в которые играют люди. Психология человеческих взаимоотношений. Люди, которые играют в игры. Психология человеческой судьбы. М.. 1988.

выражать только желание: «Хочу!» Позиция Взрослого может быть выражена словом: «Могу!», совмещающимся с «Хочу!» и «Надо!»

Обычно в ходе общения каждый *коммуникативный стимул* вербального или невербального характера влечет за собой ответную *коммуникативную реакцию.* Если векторы трансакций, обозначающие обращение участников диалога, по своей направленности совпадают и не пересекаются, конфликта не будет (см. рис. 13.3. а). Такая коммуникативная ситуация возможна, когда стороны обращаются друг к другу с позиции Взрослого.

Если же один из участников диалога, заняв позицию Родителя, обращается к своему партнеру как к Ребенку, а тот, не принимая этого, сам с позиции Взрослого или тем более Родителя отвечает на такое обращение к нему, то векторы трансакции обязательно пересекутся, что будет свидетельствовать о начале диалога в конфликтной ситуации (см. рис. 13.3,б).

В качестве иллюстрации к приведенным выше рассуждениям можно привести отрывки диалога следователя с допрашиваемым. В первом случае в бесконфликтной ситуации общения (см. рис, 13.6, а) следователь (В) обращается к свидетелю (*В*):

— Иван Михайлович, уточните, в котором часу вы вышли из дома?
Свидетель (*В*):
— Мне кажется, еще не было восьми...

Во втором случае, предполагающем развитие конфликтных отношений (см. рис. 13.3, б), следователь (*Рд*):

— Как Вам не стыдно лгать...
Свидетель (*В*):
— А вы меня не стыдите! Мне стыдиться нечего. Не хотите верить — не верьте... (разг.).

Как видно, в последнем случае, если у следователя нет убедительных доказательств, разоблачающих ложь, дальнейший диалог будет малопродуктивным и ни к какому взаимодействию не приведет, поскольку он уже в себе таит конфликт.

Как пишет Г.М. Андреева, «каждая ситуация диктует свой стиль поведения и действий: в каждой из них человек по-разному «подает» себя, а если эта самоподача неадекватна, взаимодействие затруднено»[1].

Поэтому, предвидя конфликтное развитие отношений, следует заранее продумать линию своего поведения, выбрать позицию в диалоге, а также необходимые условия (время и место) предстоящего общения.

Также немаловажную роль играют временные условия общения, особенно когда предстоит обсуждать те или иные вопросы при наличии существенных разногласий. В таких ситуациях рекомендуется оставлять резерв времени, чтобы исключить всевозможные «накладки». Острый дефицит времени, ситуация, в которой одному из участников «некогда» вести обстоятельный разговор, как правило, приводят к прежде-

[1] *Андреева Г.М.* Указ. соч. С. 105.

временному свертыванию диалога, появлению напряженных отношений сторон, к их взаимному непониманию.

При планировании общения следует также внимательно отнестись и к выбору места предстоящего диалога, тем более что данный фактор в определенной мере связан с профессиональным статусом юриста.

В социальной психологии описываются следующие основные типы взаимодействия людей в коммуникативных процессах; это отношения кооперации и конкуренции.

Отношения кооперации всегда предполагают координацию совместных усилий, включенность всех участников в процесс взаимодействия на пути к достижению поставленной цели.

Отношения конкуренции представляют собой конфликтный тип отношений участников взаимодействия, преследующих различные цели. Конфликты подразделяют на деструктивные и продуктивные.

Деструктивные конфликты приводят к полному рассогласованию сотрудничества, формируя негативные установки у их участников по отношению друг к другу.

В *продуктивном конфликте* при различных целях и позициях, противоположных взглядах на проблему участников взаимодействия (как и в деструктивном конфликте) в то же время сохраняется потребность найти совместные взаимоприемлемые подходы и способы разрешения конфликта, и, что особенно важно, в нем отсутствует посягательство на личность, ее статусно-ролевое положение. То есть продуктивный конфликт содержит в себе начала кооперативного взаимодействия.

Описанные формы взаимодействия, безусловно, должны всегда рассматриваться в контексте той деятельности, в ходе которой они имеют место. Если говорить, например, о профессиональной деятельности следователя и, в частности, о ее такой процессуальной форме, как допрос, то о типах его взаимодействия с допрашиваемыми лицами говорят как о допросе в бесконфликтной или в конфликтной (со строгим или нестрогим соперничеством) коммуникативных ситуациях, о чем подробнее пойдет речь в следующем параграфе.

§ 3. Наиболее распространенные ситуации профессионального (непроцессуального) общения юриста

Различные формы непроцессуального профессионального общения широко распространены в деятельности юриста. Нередко с них начинаются, ими заканчиваются коммуникативные процессы. Эти формы встречаются и в ходе процессуального общения, например во время допроса. Их влияние на установление и развитие психологического контакта в различных коммуникативных ситуациях исключительно велико. Рассмотрим эти ситуации более подробно.

Коммуникативная ситуация делового знакомства (первоначальный этап установления психологического контакта). По времени данная ситуация весьма непродолжительна. Но она включает в

себя целый ряд очень важных подготовительных действий, направленных на взаимную демонстрацию партнерами своего социального статуса, своих социальных ролей, уважительного отношения друг к другу.

В этот короткий, но очень важный для последующего развития диалога промежуток времени происходит обмен этикетной информацией, ориентирование в партнере: оцениваются особенности его поведения, характера, самооценка, его «Я-концепция». Прогнозируется, насколько партнер заинтересован в общении, какое ролевое, позиционное общение для него наиболее предпочтительней.

В указанной ситуации (кроме встреч на «нейтральной территории») возможны следующие два основных варианта. Первый из них, когда юристу приходится принимать посетителей в своем служебном помещении (у себя на работе или в кабинете, предоставленном ему там, где он временно занят какими-либо делами). И второй вариант, когда юристу необходимо встретиться с тем или иным лицом там, где последний находится, в том числе и по вызову последнего.

Рассмотрим сначала некоторые особенности коммуникативного поведения юриста в наиболее распространенной ситуации делового знакомства при приеме им посетителей в своем служебном кабинете. Прежде всего следует помнить, что такое общение нередко начинается задолго до того, как произносятся первые слова, обращенные друг к другу. Немаловажное значение для предстоящего общения имеет опрятный внешний вид юриста, порядок на его столе, в служебном кабинете.

Собственно сам процесс непосредственного общения, установления психологического контакта начинается с так называемой *контактной фазы,* т.е. с момента, когда посетитель входит в служебный кабинет юриста и представляется ему. Как долго длится эта фаза? По мнению некоторых авторов, основа наших будущих отношений с собеседником закладывается в первые 10—15 с общения с ним[1]. И все дальнейшие отношения между людьми во многом будут зависеть от того, чем были заполнены эти первые секунды общения.

Что необходимо сделать, как следует себя вести юристу в этот столь короткий промежуток времени? Как всегда, все оказывается так просто и так мало требует от нас усилий, и в то же время как же часто это забывается нами! Прежде всего внимание к себе, к своим делам, насколько бы они не были неотложны, следует переключить на вошедшего посетителя (вызванного свидетеля и т.д.). С этого момента начинают действовать следующие элементарные правила поведения: вежливость в обращении, естественность и достоинство собственного поведения, такт[2]. Эти простые правила предполагают, что с вошедшим прежде всего должен быть установлен визуальный контакт, сопровождаемый

[1] *Дерябо С.Д., Ясвин В.А.* Гроссмейстер общения. М., 1996. С. 14.

[2] См.: *Виноградова В.И.* О деловой этике и этикете. М., 1994. С. 72; см. также: *Власова Н.М.* Проснешься боссом: Справочник по психологии управления. Новосибирск, 1994. Ч. 1. С. 96.

приветствием, сделанным в открытой, доброжелательной форме, с приглашением входить и садиться на заранее приготовленное место.

В определенной мере начало диалога будет зависеть от того, явился посетитель по вызову или он пришел по собственной инициативе, не поставив заранее в известность о своем визите. В качестве примера приведем несколько вариантов возможного развития диалога в зависимости от этих обстоятельств:

— Разрешите войти? Вы меня вызывали?
— Ваша фамилия?
— Петров.
— Да, это я Вас вызвал. Здравствуйте. Проходите (пожалуйста). Садитесь (разг. форма — присаживайтесь).

Иным будет диалог, когда юрист не планировал прием посетителя, был занят, и обращение к нему последнего оказалось неожиданным:

— Мне нужно к судье Ивановой...
— Как Вас зовут, гражданин?
— Александр Федорович Михайлов...
— Извините, Александр Федорович, я сейчас занята и не могу Вас принять. Если Вам очень нужно ко мне, посидите в коридоре. Через 30 минут я освобожусь и приму Вас (или: приходите завтра, у меня приемный день в среду). Если вам нужно только отдать документы, обратитесь в канцелярию.

Перечисленные выше и подобные им варианты диалога сопровождаются визуальным контактом, приветливым выражением лица, жестами, указывающими, куда посетителю следует пройти, где он может сесть. Если юрист желает подчеркнуть свое личное расположение, особо уважительное отношение к вошедшему, обусловленное его известным высоким общественным положением, заслугами, можно выйти из-за своего стола навстречу и свое приветствие сопроводить рукопожатием.

В различных руководствах по общению многими авторами даются советы использовать в целях установления психологического контакта улыбки, комплименты (так называемый «эффект поглаживания»). В целом с этими рекомендациями можно согласиться. Однако следует учитывать некоторые особенности профессионального общения юриста. Эти особенности требуют от него особого такта, чувства меры и даже интуиции!

Это связано прежде всего с тем, что юристу очень часто приходится выслушивать людей в связи с различного рода драматическими, а порой и трагическими событиями, к которым они в той или иной мере имели отношение. И принимая с улыбкой на лице посетителя, обратившегося со своей бедой, можно невольно вызвать у него раздражение и даже более того — неприязнь. Хотя это вовсе и не означает того, что лицо юриста непременно должно быть угрюмым и неприветливым. Да и сама улыбка, если она уместна и связана с намерением юриста защитить права гражданина (улыбка участия, поддержки, одобрения действий заявителя), может вызвать ответные положительные к нему чувства и уважение.

Также противоречивые мнения можно встретить и относительно комплиментов — насколько они уместны, особенно на начальной стадии об-

щения во время делового знакомства. Думается, дело вовсе не в том, высказывать их или нет. Важнее другое: чтобы они были уместны, имели под собой определенное основание и были искренними, как бы «к слову» сказанными. А поводами для них могут быть самые различные обстоятельства. Даже неформально проявленный интерес к каким-то обстоятельствам из жизни человека, когда ему пришлось проявить свои положительные качества, может сыграть роль своеобразного комплимента:

— Давно хотел с Вами познакомиться: много слышал о Вас интересного...

— Слышал о Вас как о большом специалисте в этой области... Поэтому хотел бы с Вами посоветоваться...

— Читал вашу статью в газете. Не со всем согласен, но многое в ней есть конструктивного.

— Часто приходилось бывать у Вас на родине, и каждый раз приятно удивляло радушие ваших земляков... и т.д.

Если же юрист по каким-либо объективным причинам, не зависящим от его желания, оказывается в ситуации делового знакомства не на своей, а на «чужой территории», когда он вынужден по тем или иным соображениям принять навязываемые ему условия встречи, более того, просто явиться по вызову того или иного должностного лица, представителя государственной власти, то ему придется считаться с предложенной ему формально-ролевой позицией. И хотя она в психологическом отношении для него может быть менее удобной, тем не менее не следует показывать своей позой, манерой говорить, что кто Я-образ задет, тем более нецелесообразно в одностороннем порядке разрывать подчеркнуто формально-ролевые отношения, предложенные ему субъектом с более высоким социальным статусом. Достоинство и такт, глубокие профессиональные знания юриста помогут ему продемонстрировать, что эти качества гораздо ценнее и весомее по сравнению с более высоким статусно-ролевым положением его оппонента, вынужденного тем не менее обратиться к нему за правовой помощью. Преимущества психологического характера, которыми располагает противоположная сторона, юристом будут сведены к минимуму.

Какие советы в этом отношении могут оказать помощь в том, чтобы ролевая позиция юриста не пострадала в подобного рода случаях? Эти советы весьма просты:

- прежде всего подумайте над тем, как будете выглядеть, в какой одежде лучше всего идти на встречу (наилучшей для любой ситуации может оказаться служебная форма, разумеется, если она предусмотрена для данного юриста);
- в особо ответственных случаях следует продумать возможный сценарий диалога, свою аргументацию; на всякий случай бывает целесообразно взять с собой необходимые правовые акты (не для себя, а для оппонента);
- отправляться на встречу следует, заранее договорившись о времени ее проведения; необходимо свести к минимуму условия, из-за которых пришлось бы ждать, когда пригласят;

❒ входить нужно уверенно, непринужденно (но не развязно!), с поднятой головой, устанавливать сразу же визуальный контакт; взгляд прямо в глаза собеседнику — считает известный американский социальный психолог — всегда дает преимущество; когда оппонент говорит, следует смотреть на него[1];

о если уместно рукопожатие, оно должно быть кратким, крепким и непродолжительным;

о на предложение сесть следует садиться свободно, непринужденно, так же, как пожимали руку; сидеть нужно прямо, не разваливаясь; если необходимо показать, что общение вызывает интерес, корпус слегка подается вперед;

о голос, осанка должны свидетельствовать о достоинстве, непринужденности манер и уверенности в себе (но не о самоуверенности).

И наконец, если не предложили сесть, стойте прямо, спокойно, с достоинством, не покачивайтесь, не переминайтесь с ноги на ногу, тем более не держите руки в карманах (особенно в присутствии старшего или женщины — это просто неприлично).

Таким образом, в ситуации делового знакомства во время контактной фазы необходимо продемонстрировать своему партнеру по общению уважение, доброжелательность, свое желание выслушать, понять его позицию и оказать ему необходимую правовую помощь.

Коммуникативная ситуация, обусловленная свободным рассказом посетителя. Умение слушать — важнейшее качество, свидетельствующее о коммуникативной компетентности юриста. Готовясь к приему посетителя, следует заранее создать необходимые условия, которые бы не мешали тому излагать свои мысли, не отвлекали внимание. Все постороннее, что может помешать беседе, должно быть устранено.

Выслушивая заявителя, недопустимо заниматься иными делами, даже если они и не мешают восприятию его рассказа. При необходимости прервать начатый разговор следует извиниться, еще раз продемонстрировав уважительное отношение к посетителю. Если последнему трудно справиться с волнением, можно незаметно перевести разговор на какую-либо нейтральную тему.

Поведение юриста должно поощрять посетителя наиболее полно, объективно излагать все, что он считает нужным сообщить. Этому в значительной мере способствуют: легкие одобрительные кивки головой, доброжелательный, заинтересованный взгляд, нейтральные фразы, свидетельствующие о том, что заявителя внимательно слушают, следят за ходом его мыслей, адекватно реагируя на те или иные детали повествования. Неумение слушать (выслушивать) того, кто обратился к юристу, следует рассматривать в качестве коммуникативного барьера на пути установления психологического контакта.

Поскольку к юристам чаще всего обращаются люди, психика которых в какой-то мере травмирована, переживающие нравственные страдания, состояние психической напряженности, фрустрацию, эти посе-

[1] См.: *ПаркинсонД.Р.* Люди сделают так, как захотите вы. М., 1993. С. 51.

тители требуют к себе более чуткого, более внимательного отношения особенно в ситуации, когда впервые рассказывают о личностно значимых для них обстоятельствах.

Некоторые из них, будучи в состоянии эмоциональной взволнованности, испытывают острое желание выговориться. Однако, несмотря на определенную избыточность их высказываний, недопустимо демонстрировать вызванное этим раздражение, отвлекаться, перебивать их.

Поэтому в подобного рода коммуникативных ситуациях наиболее распространено так называемое *нерефлексивное слушание,* т.е. выслушивание посетителя без анализа (рефлексии), без вмешательства со стороны, предоставляющее ему полную возможность выговориться. От юриста же требуется всего лишь умение «внимательно молчать», сопровождаемое краткими вербальными либо невербальными (взгляд, жесты, кивки головой, мимика) сигналами. В этих целях прибегают к коротким репликам, междометиям типа:

— Да, да,.. продолжайте...
— Надо же!..
— М-да,.. понимаю, понимаю... и т.д.

с соответствующим жестовым и мимическим сопровождением этих отрывочных фраз, с едва заметной подачей корпуса несколько вперед в сторону посетителя.

Во время нерефлексивного слушания не следует спешить, сразу же опровергать утверждения заявителя, даже если они, на первый взгляд, выглядят и не очень убедительными. Все, что нужно делать на данной стадии общения, это поддерживать течение речи собеседника, стараясь, чтобы он полностью выговорился. И лишь когда нерефлексивное слушание исчерпало свои возможности, следует переходить к приемам *понимающего слушания*[1].Остановимся кратко на этих приемах.

Одним из них в социальной психологии является *прием выяснения* (в юридической психологии это называется приемом постановки уточняющих, детализирующих вопросов). Суть данного приема состоит в выяснении того, что вызвало недопонимание, требует уточнения, детализации:

— Извините, я не совсем понял..,
— Уточните, пожалуйста...
— Что Вы имели в виду, когда говорили о... и т.п.

Другим приемом понимающего слушания является *перефразирование,* о чем мы уже писали выше. Данный прием особенно удобен, когда речь собеседника понята. Как тонко подметили С.Д. Дерябо и В.А. Ясвин, особенно полезно перефразирование, когда мы слабо ориентируемся в предмете разговора. «Человек, искусно владеющий этим приемом, может поддерживать беседу на любую тему часами, производя на говорящего очень благоприятное впечатление человека, хорошо знающего данную область»[2]. Вот некоторые примеры перефразирования:

[1] См.: *Дерябо С.Д., Ясвин В.А.* Указ. соч. С. 63.
[2] Там же. С. 70

— Иначе говоря, Вы утверждаете, что...

— Если я Вас правильно понял, то Вы... и т.д.

Весьма близким к перефразированию является прием, получивший название *резюмирование,* т.е. своего рода подведение итогов с выделением главного в предмете состоявшегося разговора.

Еще одним приемом понимающего слушания является прием, получивший название *«отражение чувств».* С его помощью человеку, повествующему о пережитом, собеседник (в данном случае юрист) с определенной долей участия говорит о том, что он понимает, как ему тяжело.

Высшим проявлением умения слушать, отражения чувств является *эмпатическое слушание,* своего рода «вчувствование», понимание посетителя, его проблем, его внутреннего мира, переживаний не «умом», а «сердцем». Это так называемый тип сопереживающего, сочувствующего отношения к посетителю, который обратился со своей бедой к юристу. Особенно восприимчивы к такому отношению к себе лица, страдающие различными неврозами, эмоционально-чувствительные, перенесшие тяжелый стресс, а также женщины, дети.

Использование юристом описанных выше приемов слушания должно соответствовать его эмоционально-ролевому поведению в процессе общения с обратившимся к нему субъектом. В случае несоответствия (неконгруэнтности) того или иного приема коммуникативной ситуации поведение юриста может оцениваться заявителем как неискреннее и приводить к напряженности, натянутости или даже к полному разрыву отношений.

И в заключение еще об одной коммуникативной ситуации, которая может складываться в процессе общения во время выслушивания посетителя, когда обратившийся к юристу гражданин в силу особенностей своего характера, не считаясь со временем юриста, начинает упорно повторять, по существу, уже сказанное, явно пытаясь склонить последнего на свою сторону (а такое действительно часто случается, особенно, когда юрист является представителем правоохранительного органа). В подобных случаях можно в вежливой форме прервать его. И если он не реагирует на замечание, можно более решительно напомнить ему:

— Извините, Иван Петрович. Я опять

ние признаки А. во многом совпадают с его описанием потерпевшим, который не исключает того, что, вероятно, сможет опознать преступника. Думаю, что А. надо задержать в порядке ст. 122 УПК РСФСР, чтобы он не скрылся от следствия и исключить его контакты с соучастниками...

Прокурор: Чем объяснил А. обнаружение у него разыскиваемых часов и свое отсутствие в общежитии в ночь, когда было совершено преступление?

Следователь: Когда у А. мы делали обыск, он сильно волновался. Особенно это было заметно после обнаружения у него часов. Сначала он говорил, что это его часы, купленные им давно в магазине. Однако, когда ему сказали, что год выпуска часов не соответствует времени их приобретения, А. заявил, что купил эти часы недавно около киоска у какого-то незнакомого парня. С показаниями своего соседа он не согласен, поскольку тот, по словам А., сам тогда пришел поздно в общежитие, был пьян и все мог перепутать.

Прокурор: Остается опознание...

Следователь: Да, я тоже хотел предъявить А. для опознания потерпевшему, но не очень уверен, что тот не ошибется. Если он не опознает А., это еще больше придаст тому уверенности избежать ответственности, и тогда вообще не придется рассчитывать на его признание... Тем более что А. временно проживает в нашем городе и может в любой момент скрыться...

Прокурор: И все-таки, может быть, рискнуть и предъявить его для опознания?

Как видно из приведенного выше диалога, в сложившейся следственной ситуации величина риска достаточно велика: опознает или не опознает подозреваемого потерпевший, есть ли полная уверенность, что потерпевший не ошибается? Если А. действительно участвовал в преступлении, не воспользуется ли он нерешительностью следователя, чтобы уехать из того города, в котором он временно проживает?

В сложившейся следственной ситуации тактических решений, сопряженных с риском, может быть несколько:

- сначала предъявить А. для опознания, а затем в случае положительного результата задержать его;
- предварительно задержать А., а потом предъявить его для опознания (возможен вариант: опознание не проводить);
- не проводить ни опознания, ни задержания до тех пор, пока не будут установлены остальные участники преступления.

Очевидно, что какое бы решение в этой ситуации не было принято, оно не гарантирует стопроцентной гарантии успеха и будет связано с *профессиональным риском* для следователя.

Интересно описан в упомянутой выше документальной повести Р. Лурье этап принятия решения И.М. Костоевым об избрании меры пресечения до предъявления обвинения в отношении Чикатило. Риск принятия данного решения, как потом оказалось, во многом способствовавшего разоблачению опасного преступника, был обусловлен тем, что на тот момент прямыми доказательствами его виновности следствие еще не располагало. Необходимо было, получив признание Чикатило в совершенных убийствах, добиться от него показа мест сокрытия им трупов. Ситуация усугублялась еще и тем, что его уже ранее задерживали по подозрению в убийствах, но были вынуждены в отношении него пре-

кратить материалы уголовного дела. Более того, его кровь относилась ко второй (А) группе, а сперма, обнаруженная на некоторых жертвах преступлений, имела четвертую (АВ) группу. Серьезные основания вновь заняться Чикатило возникли после того, как сотрудники милиции, осуществлявшие оперативное наблюдение недалеко от места обнаружения очередного трупа, обратили внимание на подозрительного вида мужчину, имевшего царапины на руках и правом ухе, которым, как оказалось, был Чикатило. Вот небольшой фрагмент из этой увлекательно написанной книги:

> Костоев понимал, что если и существуют какие-то веские улики, то их, скорее всего, следует искать в квартире Чикатило, либо в одном из тех мест, куда он имел доступ. Эти квартиры нельзя было обыскать до ареста Чикатило. Но как же его арестовать, не располагая серьезными доказательствами?
>
> У Костоева были основания арестовать Чикатило в качестве подозреваемого на десять суток, но в этом был *большой риск* (курсив наш. — *В.Р.*). Если не удастся добиться признания, Чикатило придется отпустить и, опять же в соответствии с законом, его нельзя будет вновь арестовать по подозрению в совершении тех же самых преступлений. В общем, как повезет. Ночью 18 ноября Костоев принял решение... .

Итак, преступника арестовали до предъявления обвинения в качестве подозреваемого. И хотя решение об этом было принято с определенным риском, оно, как показали дальнейшие события, оказалось правильным. Риск был обоснован, а потому и оправдан.

Другой участник расследования этого уголовного дела Н.П. Водько, в бытность свою в то время начальником Главного управления уголовного розыска МВД России, активно занимавшийся организацией поимки и задержания Чикатило, также отмечал, что в этой работе «для достижения эффективного результата нужны были вера в свои силы, инициатива, настойчивость, *профессиональный риск* (курсив наш. — *В.Р.*), оперативное чутье, благодаря которым сотрудники милиции и раскрывают тяжкие преступления»[2].

Таким образом, сказанное выше подтверждает право следователя в экстремальных условиях своей нелегкой, наполненной конфликтами рабсте прибегать к решениям, связанным с *обоснованным риском.* Однако такие решения целесообразно принимать, имея необходимый набор подстраховывающих решений, которые были бы определенной гарантией при необходимости выхода из остроконфликтной ситуации с наименьшими потерями. Иначе говоря, риск нельзя не контролировать. В умении видеть альтернативные варианты выхода из рискованных ситуаций, просчитывать последствия своих решений проявляется профессиональный уровень юриста, оперативного работника.

Методы принятия решений. Выбор решений представляет собой сложный психологический процесс, в котором логические построения нередко являются чисто внешним отражением более глубинных, скры-

[1] Цитируется по книге *Лурье Р.* Охота на дьявола. М., 1996. С. 131.
[2] *Водько Н.П.* Почему так долго искали Чикатило... М., 1996. С. 10.

тых не только от постороннего наблюдения, но и от самого субъекта психических явлений, влияющих на выбор им тех или иных приемов и методов принятия решений. Кратко остановимся на некоторых из этих методов.

Метод моделирования. Модель — это представление объекта, какой-то системы или даже идеи в некоторой форме, отличающейся от изучаемого явления, но воспроизводящей отдельные существенные свойства системы — оригинала. В основе построения тех или иных моделей лежит принцип частичного подобия (гомоморфизма). Считается, что создание модели позволяет принимать объективные решения в ситуациях, слишком сложных для простой причинно-следственной оценки альтернатив[1].

Для юриста такой моделью, представляющей профессиональный интерес, может служить модель того или иного конфликта (конфликтной ситуации) правового характера, в который вовлечены различные субъекты правоотношений. Так, В.А. Образцов среди различных моделей поисково-познавательной деятельности («практического следоведения») в уголовном процессе выделяет модели ситуаций, модели задач деятельности, путей и средств решения задач, модели условий оптимальной деятельности. Как он считает, «с учетом собираемых фактических данных и модельной информации принимаются и реализуются различные правовые, криминалистические и управленческие решения»[2].

В процессе моделирования широко используется *метод проигрывания ролей* с прогнозированием действий конкурирующих сторон в условиях воздействия на них различных вариантов принимаемых решений (альтернатив).

Метод «дерево решений». Данный метод представляет собой схематичное представление процесса поэтапного принятия решения с последующей оценкой влияния его возможных результатов на последующие решения. Данный метод широко применяется, например, когда планируется сложный допрос с предъявлением тех или иных доказательств допрашиваемому. Данный метод является составной частью *метода прогнозирования.*

Метод экспертной оценки. Достоинства данного метода состоят в том, что его использование дает возможность юристу учитывать мнения различных лиц с разным опытом работы, специализирующихся в той или иной области применения правовых знаний, прежде чем будет окончательно принято решение. У данного метода есть некоторое сходство с *методом обобщения независимых характеристик,* используемым при изучении личности.

Прибегая к описанным выше методам, помогающим вырабатывать и принимать наиболее правильные, оптимальные решения, следует помнить и о тех способах активизации мыслительной деятельности, которые описаны в § 3 главы 4 учебника.

[1] См.: *Мескон М.Х.* и др. Указ соч. С. 222.
[2] Подробнее см.: *Образцов В.А.* Криминалистика: Курс лекций. М., 1997. С. 125.

Таким образом, процесс принятия решений рассматривается как составная часть интеллектуальной деятельности человека, как один из ее этапов, связанный с определением задач (целей) деятельности, с разработкой плана достижения поставленных целей, выбором средств, тактических операций, и завершающихся сопоставлением полученных результатов с исходными данными. Принятие решения является сложным, интегративным поведенческим актом в общей системе целенаправленной сознательной деятельности юриста.

В процессе принятия решения отражаются мотивационная сфера, индивидуально-психологические особенности, свойства личности юриста: широта, глубина, гибкость мышления, аналитические качества ума, самокритичность, развитое воображение, волевые качества, решительность, эмоциональная устойчивость личности (особенно когда решение принимается в экстремальных условиях при остром дефиците информации и времени), его компетентность, профессиональная зрелость, ориентация на достижение успеха в своей профессиональной деятельности. Все эти качества формируют своеобразный индивидуальный стиль принятия правовых решений юристами.

Однако каким бы ни был этот стиль, решения по своему содержанию и форме должны строго соответствовать положениям закона. В этом отличительная черта многих решений, принимаемых юристами при расследовании уголовных дел, разрешении гражданско-правовых споров и т.п.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Что такое управление? Назовите основные принципы и функции управления.
2. Какое значение имеют организационно-управленческие вопросы в деятельности юриста? На примере знакомой вам юридической специальности проиллюстрируйте ваш ответ.
3. Какими индивидуально-психологическими качествами должен отличаться руководитель правоохранительного органа, юридической службы?
4. Что представляет собой с психологической точки зрения процесс принятия решения?
5. Виды решений, их краткая характеристика.
6. Какие этапы проходит принятие решения на основе анализа имеющейся информации?
7. Назовите факторы, влияющие на принятие решений юристом.
8. В каких ситуациях принимаются решения, как влияют эти ситуации на содержание решений?
9. Что такое риск? Опишите его правовые и психологические аспекты.
10. В чем состоит феномен «сдвига риска», к каким последствиям может приводить данное явление при принятии групповых решений?
11. Какие приемы и методы выработки решений вам известны? Дайте им краткую характеристику.

Глава 16
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СУДОПРОИЗВОДСТВА

Психологические особенности познавательной подструктуры судебной деятельности, оценки доказательств, установления истины в суде. Коммуникативная подструктура в деятельности судей при рассмотрении уголовных и гражданских дел. Психологические особенности судебного допроса, судебных прений сторон. Судебная речь; требования, предъявляемые к ней. Психологические особенности принятия решения судьей. «Эффект психической установки» и его влияние на принятие судебных решений.

§ 1. Психолого-правовая характеристика познавательной подструктуры судебной деятельности

Рассмотренные в предыдущих главах наиболее общие структурные компоненты (подструктуры) профессиональной деятельности юристов прослеживаются и в деятельности тех из них, кто работает в судебных органах, исполняя обязанности судей. Однако участие юристов в отправлении правосудия по уголовным и гражданским делам, сама процедура судебного разбирательства, несомненно, имеют свои особенности психологического характера, отличающие с этой стороны их труд от профессиональной деятельности юристов, находящихся на службе в других правоохранительных органах. Придерживаясь ранее принятой схемы изложения материала, кратко остановимся на некоторых из этих особенностях.

Прежде всего, говоря об особенностях познавательной деятельности суда, следует указать, что процесс оценки доказательств, познания истины в суде, в частности при рассмотрении уголовных дел, в значительной мере связан с результатами познавательной деятельности сотрудников органов предварительного следствия и дознания, с той версией, которая получила подтверждение в ходе предварительного расследования и свое окончательное выражение в обвинительном заключении, составленном следователем. Найдут ли подтверждение в ходе судебного разбирательства выводы последнего или они будут отвергнуты — в любом случае суд не может пройти мимо них, и они должны стать предметом исследования в ходе судебного разбирательства дела.

Однако, когда мы говорим об этом, очень важно, чтобы результаты предварительного расследования не оказали внушающего воздействия на процесс восприятия судьями выводов следствия, поскольку это может сформировать у них обвинительный уклон в подходе к оценке доказательств, в целом — в их познавательной деятельности, в основу которой может быть положен так называемый синдром общего дела.

Данное явление можно проиллюстрировать, сославшись на известное по своим трагическим последствиям «витебское дело», по которому

за совершенное убийство были осуждены, в том числе и к высшей мере наказания, совершенно невиновные лица. В этом отношении характерны слова одного из судей, подписавших обвинительный приговор невиновным: «Кому я должен был верить — моему коллеге-следователю, бок о бок с которым мы боремся с преступностью, или малоприятному субъекту, сидящему на скамье подсудимых?»[1].

Поэтому познавательная деятельность суда не может быть точной копией познавательной деятельности следователя. Применительно к судебному познанию такая деятельность должна состоять в новом, самостоятельном, ничем не связанном с выводами следствия исследовании материалов дела, дополнительно истребованных судом доказательств[2].

При рассмотрении в суде гражданских дел процесс познания истины в этом отношении имеет некоторые свои особенности. Если в уголовном процессе материалы предварительного расследования, в особенности обвинительное заключение, содержат «модель подлежащего исследованию преступления, то в гражданском процессе мысленная модель фактов, подлежащих установлению, создается самим судьей в ходе подготовки дела», который вносит в судебное заседание свои знания о деле, полученные им во время подготовки судебного разбирательства[3].

Исходным моментом для познавательной деятельности суда при рассмотрении гражданско-правовых споров является исковое заявление истца с приложенными к нему материалами. Из них судья черпает первичную информацию по делу о сущности конфликта, о лицах, заинтересованных в его разрешении, и представленных в суд доказательствах. Существенным дополнением служит информация, получаемая судьей во время опроса сторон, изучения их объяснений до начала судебного заседания. Все эти сведения, в том числе и о личности сторон, являются поистине неоценимыми. Судья получает не только исходный доказательственный материал, но и материл, позволяющий ему определить категорию дела, наметить меры процессуального обеспечения предстоящего судебного разбирательства, а также спрогнозировать поведение сторон в суде[4].

Следующая особенность познавательной деятельности, установления истины судом состоит в том, что процесс познания в форме судебного разбирательства, как правило, проводится открыто (за исключением тех редких случаев, когда это противоречит интересам охраны государственной тайны, а также некоторых случаев, затрагивающих интимные стороны жизни людей). *Гласность, открытость* судебного разбирательства являются важнейшими принципами судопроизводства, за-

[1] *Симкин Л.* Правосудие и власть // Новый мир. М., 1990. № 7. С. 182.

[2] См.: *Радушная Н.В.* Народный судья // Профессиональное мастерство и подготовка. М., 1977. С. 46; см. также: *Бозров В.М.* Процессуальные, криминалистические и психологические аспекты судебного следствия: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1991. С. 7.

[3] *Резниченко ИМ.* Психологические вопросы подготовки и судебного разбирательства гражданских дел. Владивосток, 1983. С. 4.

[4] См.: Там же. С. 5—8.

крепленными в законодательстве (см.: ст. 18 УПК РСФСР, ст. 9 ГПК РСФСР), и это не может не оказывать влияния на поведение участников процесса, на весь ход исследования, оценки доказательств в суде.

Открытость судебного разбирательства делает исследуемую в суде доказательственную информацию по делу доступной обществу, средствам массовой информации, оказывающим то или иное (порой, к сожалению, искажающее) влияние на формирование общественного мнения, которое в свою очередь возвращается в зал судебного заседания, с чем нельзя не считаться.

Другой чертой познавательного процесса в суде является его *состязательный характер* с участием конфликтующих сторон, представителей обвинения и защиты, доводы которых становятся тут же достоянием гласности для участников судебного разбирательства, всех заинтересованных лиц.

Одной из отличительных особенностей процесса установления истины в ходе судебного разбирательства является также *коллегиальное рассмотрение* уголовных и гражданских дел (кроме случаев, предусмотренных законом, когда специально оговорена возможность единоличного рассмотрения дел одним судьей) при полной независимости судей и подчинении их только закону в условиях, исключающих постороннее воздействие на них (ст. 15, 16 УПК РСФСР, ст. 6, 7 ГПК РСФСР).

К перечисленным выше основополагающим принципам судопроизводства, наполненным психологическим содержанием (гласность судебного разбирательства, состязательный характер процесса познания истины по делу, коллегиальность рассмотрения дел, независимость судей с подчинением их только закону), следует добавить и другие не менее важные принципы и прежде всего такие, как: *непосредственность и непрерывность* судебного разбирательства, *неизменность состава суда* при рассмотрении одного дела (ст. 240, 241 УПК РСФСР, ст. 146 ГПК РСФСР).

Важное психологическое значение этих принципов, закрепленных в законодательстве, состоит, в том, что они, как считает заместитель председателя Конституционного Суда Российской Федерации Т.Г. Морщакова, определяют эффективность и качество познания истины судьями, создают максимально благоприятные условия для судебного разбирательства, ограничивая искажающее влияние различных отрицательных факторов на психические познавательные процессы (восприятие, внимание, память, мышление), в определенной мере нейтрализуют предубеждение судей в восприятии и оценке ими той или иной информации, относящейся к делу, к личности отдельных участников процесса, неблагоприятное воздействие на состав суда общественного мнения, поддерживая у судей на должном уровне состояние познавательной активности, решительности и настойчивости в исследовании доказательств[1].

[1] Здесь и далее приводятся результаты исследований Т.Г. Морщаковой, опубликованные в коллективной монографии: Эффективность правосудия и проблема устранения судебных ошибок. Ч. II, гл. VII. Психологические истоки судебных ошибок и внутреннее убеждение судей. М., 1975. С. 7—8.

На процесс познания и установления истины по делу судом положительное влияние должны оказывать обстановка в зале судебного заседания, сама процедура исследования доказательств. Например: допрос свидетелей порознь и в отсутствие еще не допрошенных свидетелей (ст. 270, 283 УПК РСФСР, ст. 153, 168 ГПК РСФСР), исследование, осмотр вещественных доказательств, документов с предъявлением их всем участникам процесса (ст. 291, 292 УПК РСФСР, ст. 175, 178 ГПК РСФСР), проведение дополнительной или повторной экспертизы по мотивизированному определению (постановлению) суда (ст. 288—290 УПК РСФСР, ст. 180, 181 ГПК РСФСР) и т.д.

Существенную помощь суду в объективном исследовании доказательств, различных обстоятельств дела оказывают судебные прения, активизирующие мыслительную деятельность членов суда, в ходе которых сторонами с различных точек зрения обращается внимание, насколько глубоко, полно и всесторонне исследованы обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу, на любые фактические данные, которые должны быть установлены при разрешении любого гражданско-правового спора.

Характерной особенностью познавательной деятельности суда является то, что процесс познания истины протекает в условиях активного, открытого общения участников судебного разбирательства. Поэтому перейдем к более подробному рассмотрению коммуникативной подструктуры судебной деятельности, тесно связанной с процессами познания истины судом.

§ 2. Коммуникативная подструктура деятельности суда

В данной подструктуре отражаются коммуникативные процессы, которые имеют место в ходе судебного разбирательства дел, а также межличностные коммуникативные отношения, складывающиеся между судьями, работниками того или иного судебного органа.

Если говорить о первой стороне, составляющей содержание коммуникативной подструктуры в деятельности судьи, то одно из приоритетных мест в этом принадлежит, безусловно, *судебному допросу,* который является предметом подробного рассмотрения во многих специально посвященных ему работах[1]. Ввиду ограниченного объема учебника кратко остановимся лишь на менее освещенных в литературе социально-психологических особенностях судебного допроса как особой разно-

[1] См., например: *Ароцкер Л.Е.* Тактика и этика судебного допроса. М., 1969; *Перлов И.Д.* Судебное следствие в советском уголовном процессе. М., 1955; Проблемы судебной этики / Под ред. М.С. Строговича. М., 1974; *Кони А.Ф.* Обвиняемые и свидетели. Свидетели на суде // Избр. произведения в 2 т. М., 1959. Т. I; *Сергеич П.* Искусство речи на суде. М., 1960; *Резниченко И.М.* Психологические вопросы подготовки и судебного разбирательства гражданских дел. Владивосток, 1983; и др.

видности профессионального общения, протекающего в строго процессуальном режиме.

Для коммуникативной ситуации допроса в суде помимо его открытости характерно иное пространственное расположение всех участвующих в нем: как самого допрашиваемого лица, так и тех, кто задает ему вопросы. Кроме того, по сравнению с допросом в ходе предварительного следствия допрос в суде имеет подчеркнуто более ритуализированную форму с предоставлением права председательствующему отклонять любые вопросы, которые, по его мнению, не имеют отношения к делу, что не может не оказывать определенного психологического воздействия и прежде всего на допрашиваемых лиц.

При рассмотрении уголовных дел основная масса свидетелей, потерпевших, а также подсудимые допрашиваются, как правило, после того, как они уже ранее давали показания в ходе предварительного следствия. Поэтому нередко, как отмечается в литературе, они воспроизводят не только информацию, воспринятую и запомнившуюся им в связи с какими-то событиями по делу, но и то, что они ранее показывали следователю.

Данное явление объясняется вполне объективными закономерностями памяти, о которых говорилось в главе 4, в частности так называемым *ретроактивным торможением*, благодаря которому происходит забывание ранее воспринятого материала под влиянием последующего его воспроизведения, например в кабинете следователя. Тем более когда свидетеля допрашивают несколько раз, происходит своего рода непроизвольное заучивание того, о чем он рассказывал следователю.

Как показали специально проведенные эксперименты, «влияние ретроактивного торможения на ответ тем сильнее, чем большее число элементов было заучено после подлежащего воспроизведению элемента и чем более сложной и сходной с воспроизводимой была последующая деятельность»[1].

Председательствующему, ведущему допрос в суде свидетелей, необходимо иметь в виду данную закономерность особенно в тех случаях, когда видно, насколько свидетель «привязан» к своим прежним показаниям, данным во время предварительного следствия, как часто он использует фразеологию, несвойственную его образовательному, культурному, интеллектуальному уровню развития.

Кроме того, нельзя не учитывать и того, что в допросе того или иного свидетеля, потерпевшего и т.д. в суде принимают участие различные участники процесса. И хотя каждый из них декларирует единственную цель, которую он преследует, — установление истины, тем не менее в тактико-психологическом плане участники допроса нередко действуют по-разному, не скрывая при этом своего заинтересованного отношения к тому, что говорит допрашиваемый, к его личности. Послед-

[1] Психология: Словарь / Под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. 2-е изд. М., 1990. С. 404.

нее особенно наглядно проявляется в эмоциональной окрашенности вопросов, в различного рода репликах, заявляемых ходатайствах.

Своеобразная атмосфера повышенного, обостренного внимания к личности допрашиваемого, к тому, что и как он говорит, осознание опосредованного влияния его показаний на окончательные выводы суда подсознательно довлеют над ним. И в этом отношении можно говорить о психологическом воздействии на допрашиваемых не только поведения отдельных участников процесса, но и самой процедуры судебного следствия, что не может не вызывать у них состояния психической напряженности, некоторой заторможенности психических процессов (мышления, памяти), речевого поведения, особенно в начале судебного следствия, пока не завершится процесс адаптации к обстановке в зале суда.

Отрицательное психологическое воздействие на познавательные процессы, особенно в начале судебного заседания, может оказывать пространственная организация помещения, в котором приходится находиться участникам судебного процесса. Поэтому, готовя судебное заседание, особенно в неприспособленных для этого помещениях, следует заранее продумать расположение будущих участников процессуального общения, чтобы их визуальные контакты отрицательно не влияли на процесс получения показаний от допрашиваемых лиц. В специально оборудованных залах суда такая обстановка постоянно поддерживается особым расположением соответствующей мебели, мест для будущих участников процесса, аудитории. И даже когда свидетель проходит в зал суда, объективно должны быть созданы условия, исключающие прямое визуальное воздействие на него заинтересованных лиц.

Обстановка в зале, пространственное расположение в нем участников судебного процесса, тональность, доброжелательность обращения к допрашиваемым лицам членов суда должны помочь им в короткое время адаптироваться к новым, необычным для них условиям, исключающим посторонние раздражители, прямое визуальное воздействие иных лиц, кроме состава суда, пока судом не будет предоставлено право прокурору, подсудимому, его защитнику задавать вопросы свидетелю (потерпевшему).

В ситуации судебного допроса с психологической точки зрения значительно возрастает роль публичного разъяснения свидетелю его процессуальных прав и обязанностей. Сама процедура разъяснения должна помочь свидетелю сформировать у него установку говорить правду. Обращение председательствующего по делу к лицу, вызванному в зал судебного заседания в качестве свидетеля, должно подчеркивать сугубо процессуальный характер отношений, исключающий влияние каких-либо прежних его ролевых позиций на поведение в суде. Тональность, расстановка пауз и ударений в обращении к свидетелю должны показывать всем присутствующим серьезность происходящего и подчеркивать ответственность лица за уклонение от выполнения им своих процессуальных обязанностей.

Допрос ведется в спокойной, сдержанной манере. Не следует перебивать допрашиваемого, если он говорит по существу дела, сразу же выражать ему недоверие, проявлять необоснованную подозрительность.

Задавая вопросы следует учитывать интеллект, особенности мышления, характер допрашиваемого. Вопросы не должны быть громоздкими, содержащими такой объем информации, который оставляет допрашиваемому возможность отвечать только «да» или «нет». Во время допроса, когда решается судьба человека, недопустимы сниженно разговорные формы обращения к участникам процесса, шутливый тон и т.п.

Во время допроса подсудимого в манере постановки ему вопросов, в тональности, с которой они произносятся, не должны проявляться преждевременная оценка доказательств, предвзятое, заранее сложившееся мнение по делу. В высшей степени внимательно следует относиться к изменениям показаний допрашиваемым, тщательно выясняя мотивы такого поведения. Далеко не всегда можно рассматривать всякое изменение показаний только как попытку ввести в заблуждение суд.

Повышенное внушающее воздействие на психику допрашиваемого может оказывать так называемый *перекрестный допрос,* в котором принимают участие судьи, обвинители, защитники и другие лица. Как писал в свое время видный дореволюционный судебный деятель П.С. Пороховщиков, перекрестный допрос «для людей честных и умелых» является средством, с помощью которого удается «раскрыть то, что без него осталось бы недоступным для суда». Но в то же время перекрестный допрос является таким средством воздействия на психику, сознание допрашиваемого, которое может «заставить человека отречься от всего, что он знает»[1].

Чтобы этого не произошло, председательствующий должен умело оказывать *управляющее воздействие* на весь ход ведения допроса, устраняя вопросы, не имеющие отношения к делу (ст. 283 УПК РСФСР). Во время перекрестного допроса необходимо следить за тем, чтобы вопросы не дезорганизовывали психические процессы допрашиваемого, не сбивали ход его мыслей, не вызывали состояние неоправданной напряженности, а напротив — помогали бы ему наиболее полно вспомнить обстоятельства дела и точнее с помощью привычных для него речевых оборотов передать суду интересующие сведения.

Поэтому не рекомендуется задавать вопросы об обстоятельствах, не имеющих отношения к делу, иной раз самоочевидных, бесспорно установленных, а порой просто имеющих двусмысленный характер, сбивающих допрашиваемого, как говорится, с толку.

Весьма специфической формой профессионального общения, присущей судебной деятельности, являются *судебные прения,* состоящие из обмена речами обвинителей, защитников и других участников процесса в зависимости от того, рассматривается в суде уголовное дело

[1] *Сергеич П.* Искусство речи на суде. М., 1988. С. 151.

(ст. 295 УПК РСФСР) или какой-либо гражданско-правовой спор (ст. 185 ГПК РСФСР).

Выше уже говорилось о психологических закономерностях речевого поведения юристов (см. § 2 гл. 13). К сказанному следует добавить, что к речи участников процесса, особенно представителей обвинения и защиты, во время судебных прений предъявляются дополнительные требования.

В психологическом отношении речь, обращенная к судебной аудитории, к участникам процесса, должна строиться таким образом, чтобы ее содержание легко воспринималась всеми присутствующими, несмотря на их различное умственное развитие, тот или иной ритм мыслительной деятельности, чтобы содержание речи проходило, как образно говорил известный судебный деятель А.Ф. Кони, сквозь «призму их творческого воображения».

С этой точки зрения трудно что-либо добавить к тому, что было много лет назад рекомендовано другим видным судебным деятелем П.С. Пороховщиковым.

— В чем заключается ближайшая, непосредственная цель всякой судебной речи? — спрашивал он. И отвечал: — В том, чтобы ее поняли те, кому она обращена... Каждое слово оратора должно быть понимаемо слушателями совершенно так, как понимает он... Мало сказать: нужна ясная речь; на суде нужна необыкновенная, исключительная ясность. Слушатели должны понимать ее без усилий[1].

И здесь судебный оратор должен рассчитывать не только на ум, проницательность тех, к кому он обращается, но и на их воображение, наглядно-образное мышление. Как замечает в этой связи А.Ф. Кони, «человек редко мыслит логическими посылками. Всякое живое мышление, обращенное не на отвлеченные предметы, определяемые с математической точностью, как, например, время или пространство, непременно рисует себе образы, от которых отправляется мысль или воображение или к которым они стремятся... Жизнь постоянно показывает, как последовательность ума уничтожается или видоизменяется под влиянием голоса сердца... Вот почему искусство речи на суде заключает в себе умение мыслить, а следовательно, и говорить образами»[2].

Другой известный английский юрист Р. Гаррис, отмечая роль образного мышления в восприятии речи судебного оратора, в 1910 г. писал: «люди не столько слушают большую речь, сколько видят и чувствуют ее. Вследствие этого слова, не вызывающие образов, утомляют их»[3].

Важную роль в активизации образного мышления участников процесса во время судебных прений играют настроение, эмоциональное состояние, переживания, которые вызываются у присутствующих словами и поведением ораторов. Вот почему судебная речь должна содер-

[1] Цит. по: *Сергеич П.* Указ. соч. С. 17—18.

[2] Кони А.Ф. Искусство речи на суде // Избранные произведения в 2 т. М., 1959. Т. I. С. 121.

[3] Цит по кн.: *Сергеич П.* Указ. соч. С. 49.

жать не только правовую оценку содеянного, но и его нравственную характеристику, соответствующую мировоззрению, социальным ценностям современного общества.

Кроме того, сильное воздействие на эмоциональное состояние судебной аудитории во время прений оказывает не только содержание речей, но и сопровождающие их интонация, тональность, в которой произносятся те или иные слова, уместность и своевременность всех этих невербальных, в том числе и жестово-мимических, средств коммуникации. В этом смысле очень точно подмечено П.С. Пороховщиковым, что «истинно художественная речь состоит в совершенной гармонии душевного состояния оратора с внешним выражением этого состояния; в уме и в сердце говорящего есть известные мысли, известные чувства; если они передаются точно и притом не только в словах, но во всей внешности говорящего, его голосе и движениях, он говорит как оратор!»[1]

Для того чтобы речь воспринималась сидящими в зале судебного заседания, она должна быть краткой, чтобы в ней не было ничего лишнего. «Истинное красноречие, — писал в XVIII в. известный французский мыслитель Ф. Ларошфуко, — состоит в том, чтобы сказать все что нужно, но не более того».

Отличительной особенностью речи участников процесса, и в первую очередь представителей обвинения и защиты, является полемически доказательственный характер изложения ими исследуемых обстоятельств, побуждающий ораторов прибегать к анализу доказательств, опровергать противоположную точку зрения, если она противоречит их собственным убеждениям. И здесь, в частности при произнесении обвинительной речи, в какой-то мере по аналогии с предъявлением во время допроса доказательств, изобличающих лжесвидетеля, рекомендуется не начинать анализ с наиболее ярких доказательств. Впечатление усилится, советует П.С. Пороховщиков, если сначала будут приведены не столь весомые, хотя все же и верные, убедительные, а в заключение — решительные доводы. «Если улики сильны, следует приводить их порознь, подробно развивая каждую в отдельности; если они слабы, следует собрать их в одну горсть»[2].

Выступающему в суде оратору, чтобы содержание его речи было воспринято всеми присутствующими в зале судебного заседания, необходимо привлечь внимание к ней. Говорить следует достаточно громко, внятно, отчетливо, немонотонно, выразительно и вместе с тем просто, чтобы сказанное было слышно и понятно всем присутствующим в зале суда. В речи должна чувствоваться уверенность, убежденность, нравственная сила оратора. «Не должно быть учительского тона, противного и ненужного — взрослым, скучного — молодежи»[3].

[1] *Сергеич П.* Указ. соч. С. 45.

[2] Там же. С. 208. В цитируемой работе автор приводит целый ряд правил ведения спора в суде с использованием различных дидактических приемов, с которыми будет интересно ознакомиться при чтении его книги.

[3] *Кони А.Ф.* Советы лекторам // Избранные произведения в 2 т. М., 1959. Том 1. С. 131.

Существуют различные приемы привлечения внимания слушателей. Вот некоторые из этих приемов, которые рекомендуют использовать такие признанные в прошлом ораторы, как А.Ф. Кони, П.С. Пороховщиков.

Получив слово, не торопитесь начинать говорить, не кашляйте, не расстегивайтесь (хочется добавить: не держите руки в карманах, если не хотите выглядеть дурно воспитанным человеком). Поднявшись со стула, помолчите несколько секунд, сделайте небольшую паузу, а затем приступайте к речи. Помните: ваши первые слова должны привлечь внимание к вам.

Если почувствовали, что вам трудно говорить, начните с нескольких общих, незначительных слов, чтобы придать своей речи естественный тон, а затем уже, избегая общей фразеологии, переходите к изложению сути дела.

Если вступление все же необходимо, постарайтесь, чтобы оно было как можно короче и проще. Избегайте привычных для таких случаев речевых оборотов и штампов об исключительной важности дела и т.п.

Обращаясь к присутствующим, оторвите взгляд от своих бумаг на столе, посмотрите в зал (на судей, своего оппонента, с которым собираетесь полемизировать, и т.д.), задержите свой краткий взор на ком-либо из аудитории как будто обращаетесь именно к нему (так называемый визуальный контакт, о значении которого говорилось выше).

Держитесь естественно, но с достоинством, без ненужного позерства, говорите без нарочитой риторики, фальшивого пафоса. С таким же достоинством и уважением относитесь к другим участникам процесса. Не допускайте сниженно разговорных форм языка. Не употребляйте различного рода цитаты, редко встречающиеся и малопонятные публике выражения. В данной ситуации в контексте с исследуемыми, обычно весьма будничными обстоятельствами дела такие ссылки чаще всего выглядят неуместными и скорее будут свидетельствовать о стремлении оратора, воспользовавшись случаем, блеснуть красноречием, эрудицией, что ни в коей мере не вызовет к нему симпатии у присутствующих, а самое главное — не увеличит среди них числа сторонников его взглядов.

Жестово-мимические реакции выступающего должны соответствовать содержанию речи, смыслу и значению сказанных им фраз, тональности речи. Как пишет А.Ф. Кони, слишком частые, однообразные, суетливые, резкие движения рук неприятны, надоедают, раздражают слушателей.

Содержание речи следует излагать последовательно, с опорой на доказательства. Каждая новая мысль должна вытекать из предыдущей, чтобы переход от одного обстоятельства к другому был естественным и логичным. Чтобы поддерживать внимание аудитории на должном уровне, иногда бывает полезно делать краткие отступления, не уводящие слушателей далеко в сторону от главной мысли.

В конце речи целесообразно подвести итог сказанному, дать окончательную правовую оценку изложенным фактам, которая позволяет обратиться к суду принять то или иное решение по делу, основанное на

нормах права, учитывающее смягчающие (отягчающие) обстоятельства, особенности личности того, чья судьба решается в суде.

Разумеется, сказанное выше — только небольшая часть рекомендаций психологического характера, известных опытным судебным ораторам. Много интересных наблюдений, полезных советов содержится и в других работах А.Ф. Кони, П.С. Пороховщикова, Л.Е. Владимирова, современных авторов. Большую пользу может оказать ознакомление с речами известных отечественных и зарубежных юристов[1].

Своеобразной разновидностью судебной речи является последнее слово подсудимого, которое предоставляется ему после окончания судебных прений сторон (ст. 297 УПК РСФСР). Регламентируя порядок произнесения речи подсудимым, законодатель предусмотрел целый ряд процессуальных гарантий, максимально обеспечивающих ему его право высказать суду все, что он считает нужным, перед тем как суд удалится в совещательную комнату для постановления приговора. Все эти процессуальные гарантии (запрещение ограничивать продолжительность последнего слова подсудимого, задавать ему вопросы во время его выступления, возобновление следствия в случае сообщения подсудимым в своем последнем слове новых обстоятельств, имеющих существенное значение для дела) учитывают состояние психической напряженности человека перед вынесением приговора, что, безусловно, негативным образом влияет на качество его мыслительной деятельности, на его сосредоточенность, внимание, которые необходимы ему в этот момент для того, чтобы наиболее точно сформулировать свою мысль в этот весьма ответственный для него период жизни. Речь подсудимого, даже несмотря на то, что он мог к ней заранее готовиться, может быть далека от грамматических и стилистических норм языка, поскольку отражает его эмоционально напряженное состояние, и с этим следует считаться.

Психологическое значение последнего слова подсудимого состоит в том, чтобы суд ушел в совещательную комнату под самым последним, непосредственным впечатлением от его доводов, отношения к содеянному, проявленного раскаяния.

§ 3. Психологические особенности принятия решений судьей

В предыдущей главе были рассмотрены психологические особенности принятия решений юристами в качестве составной части организационно-управленческой подструктуры их профессиональной деятельности.

Свои психологические особенности волеизъявления, процесса выработки, принятия решений имеются и в деятельности юристов, непосредственно участвующих в судопроизводстве. Как известно, оконча-

[1] См.: Судебные речи известных русских юристов: Сборник. Сост. Е.М. Ворожейкин. Изд. 3-е. М., 1958; Судебные ораторы Франции XIX века. Речи в политических и уголовных процессах: Сборник. Сост. Е.М. Ворожейкин. М., 1959; *Кони А.Ф.* Судебные речи // Избранные произведения в 2 т. М., 1959. Т. I.

тельное волеизъявление судьи по конкретному делу облекается в особую процессуальную форму, которая предусмотрена в законодательстве в виде конкретных решений по делу, определений, постановлений, наконец, в форме приговора.

Принятие судьей разнообразных решений организационного характера в виде постановлений, определений, например о принятии дела к своему производству, о назначении дня слушания дела, вызове свидетелей и т.п., как правило, не вызывает особых затруднений, поскольку в законе существует определенный порядок (алгоритм) выполнения тех или иных действий (процедур), которые требуется соблюсти в тех или иных ситуациях. Подробно процессуальный порядок принятия таких решений на каждой стадии уголовного, гражданского (арбитражного) процесса содержатся в соответствующих правовых нормах и изучается в уголовно-процессуальном либо в гражданско-процессуальном (арбитражно-процессуальном) праве.

Большая часть таких решений принимается судьями единолично и не вызывает серьезных осложнений в процессе их волеизъявления. Это можно объяснить тем, что процесс поиска правильного решения судьей в подобного рода случаях требует прежде всего активизации вербально-логического мышления, извлекающего из памяти те или иные правовые знания (понятия, категории, нормы и т.п.), с позиций которых оценивается сложившаяся ситуация: насколько составные элементы (признаки) этой ситуации соответствуют содержанию конкретной правовой нормы. И в случае их полного соответствия судьей выносится определенное решение, представляющее собой разновидность так называемых рациональных решений, о которых говорилось выше в предыдущей главе.

Весь ход процесса принятия большинства таких единоличных решений на различных стадиях рассмотрения дела, начиная от оценки первичной информации, поступающей к судье, и кончая вынесением определения (постановления), в своей основе имеет тот или иной алгоритм построения логических операций, соблюдение предусмотренных законом процедур, произведя которые, можно прийти к какому-то однозначному выводу и принять решение. Поэтому судебные ошибки организационного, процессуального характера, которые все же встречаются при принятии подобных решений судьями, скорее связаны с их недостаточной квалификацией, нежели со сложностью решаемой задачи.

При принятии групповых решений составом суда, определяющих окончательные результаты рассмотрения то ли гражданского, то ли уголовного дела, роль профессионально значимых психологических факторов, прежде всего интеллекта, мышления судьи, значительно возрастает[1].

[1] Тех, кто более глубоко интересуется психологическими проблемами принятия правовых решений в судебной практике мы отсылаем к интересной, но еще, к сожалению, не переведенной на русский язык книге Ютты Ласхофер, см.: Lashofer J. Zum Stilwandel in richtlichen Entscheidungen: fiber stilistische Veranderungen in englischen, französischen und deutschen zivilrechtlichen Urtelien und in Entscheidungen des Gerichtshofs der Europaischen Gemeinschaften. Munster. N.-Y.: Waxmann, 1992.

Остановимся несколько подробнее на некоторых из этих психологических факторах. Поскольку коллективное принятие решений составом суда представляет особую разновидность совместной профессиональной групповой деятельности, на членов такой, пусть даже весьма специфической группы, на ход их мыслительной деятельности влияют тем не менее те же объективно существующие социально-психологические закономерности межличностного, группового взаимодействия людей.

В этих случаях провозглашенная в законе независимость волеизъявления судей как один из основополагающих принципов осуществления правосудия с психологической точки зрения далеко не всегда может быть реально достижима, поскольку любая — будь-то формальная (в данном случае), либо неформальная — группа функционирует под воздействием объективно существующих социально-психологических закономерностей межличностного взаимодействия, общения членов группы со своим признанным (формальным либо неформальным) лидером. И любой человек, оказавшийся в группе, в психологическом отношении не может быть полностью свободным от влияния на ход его мыслей, на его суждения группового мнения, от внушающего воздействия на него группы, ее лидера (в данном контексте — председательствующего), о чем мы уже говорили выше.

Безусловно, все это оказывает в суде определенное влияние на процесс познания истины, который завершается принятием соответствующего коллективного (группового) решения. Причем, как отмечают некоторые исследователи данной проблемы применительно к судебной деятельности, подобный конформизм при принятии групповых решений (то есть составом суда) обычно бывает выше, когда дело касается сложных вопросов, например, определение виновности подсудимого, и намного ниже при обсуждении более простых вопросов, в частности меры наказания[1].

Учитывая эти объективно существующие социально-психологические закономерности функционирования группы, стремясь как можно сильнее смягчить их возможное негативное воздействие на членов суда, законодатель предусмотрел целый ряд гарантий, соответствующих правил поведения судей, входящих в состав суда, определенные процедуры в их взаимоотношениях.

Например: равенство всех членов суда при решении любых вопросов, возникающих при рассмотрении дела и постановлении приговора; решение всех вопросов по делу простым большинством голосов; объявление председательствующим своего мнения последним; право на особое мнение судьи, не согласившегося с решением большинства (ст. 15, 306 УПК РСФСР); обязательный отвод судьи, заинтересованного в деле (ст. 23 УПК РСФСР).

[1] См.: *Морщакова ТТ.* Психологические истоки судебных ошибок и внутреннее убеждение судей // Эффективность правосудия и проблема устранения судебных ошибок. М., 1975. С. 43.

Аналогичные правила предусмотрены и при разрешении гражданско-правовых споров в суде (см.: ст. 16 ГПК РСФСР). Такого же рода гарантии предусмотрены законодателем и при рассмотрении дел с участием коллегии присяжных заседателей.

Безусловно, все эти правила и гарантии в определенной мере направлены на предупреждение судебных ошибок в процессе принятия тех или иных решений судами. Однако, к сожалению, в полной мере они не предотвращают их. И дело здесь вовсе не в отсутствии каких-то дополнительных гарантий, в низкой профессиональной квалификации того или иного судьи, а в тех психических явлениях, которые принято относить к так называемому человеческому фактору. Среди этих психических явлений следует указать на психическую установку, которая играет двойственную, в чем-то даже, если можно так выразиться, коварную роль (негативной роли психической установки мы касались, когда говорили о мыслительной, поисковой деятельности следователя при осмотре места происшествия).

Впервые на нее как на фактор, влияющий на появление судебных ошибок, обратила в 70-х гг. внимание Т.Г. Морщакова. По ее данным, не менее 50% случаев отмены приговоров как не отвечающих требованиям закона (всего было изучено 1803 уголовных дела) в той или иной мере были связаны с обнаруженным ею влиянием *«эффекта психической установки»* на принятие судьями окончательных решений по уголовным делам[1].

По мнению Т.Г. Морщаковой, данная закономерность объясняется тем, что «установка предшествует всем, в том числе и познавательным, психическим процессам, влияет на их течение, направляет мышление субъекта в соответствии с определенными условиями, представляя собой готовность к определенной форме реагирования в различных видах деятельности»[2].

Как и в познавательной деятельности следователя, так и в деятельности судей психическая установка, с одной стороны, выполняет положительную функцию, являясь своеобразной «психической гарантией максимальной мобилизации накопленных знаний». Под ее воздействием психические, познавательные процессы человека (восприятие, мышление, внимание и др.) приобретают строго избирательный характер, и вследствие этого каждая новая задача решается субъектом как уже прежде решенные им задачи.

С другой стороны, психическая установка может подталкивать судью к ошибочным выводам и решениям. В подобных случаях психическая установка судьи нередко бывает связана с «психологической значимостью предыдущих решений, состоявшихся по делу», т.е., по существу, с выводами следствия. А это, в свою очередь, по мнению Т.Г. Морщаковой, приводит к тому, что, во-первых, благодаря установке окончательное формирование внутреннего убеждения судьи часто

[1] См.: *Морщакова Т.Г.* Указ. соч. С. 7.
[2] Там же. С. 11 — 12.

задолго предшествует моменту удаления суда в совещательную комнату. И во-вторых, судья, подсознательно следуя сформировавшейся у него установке, в ходе судебного разбирательства невольно суживает пределы исследования обстоятельств дела, вследствие чего какие-то детали в познавательном плане становятся недоступными для его восприятия[1]. В результате возникает явление, получившее название *«субъективной недоступности»*, о которой говорилось, когда рассматривались психологические особенности проведения обыска следователем.

В ходе исследования механизма воздействия психической установки на мыслительные процессы, на формирование ошибочных решений судьями Т.Г. Морщаковой было выявлено три основные группы судебных работников, допускавших типичные для них ошибки при рассмотрении уголовных дел.

Первую группу составляли лица, которые правильно устанавливали обстоятельства дела, но под влиянием установки о виновности подсудимого, под воздействием обвинительного уклона, несмотря на наличие оснований для вынесения оправдательного приговора, не видели их и подписывали обвинительный приговор[2]. Это как раз те случаи, когда субъект видит новую задачу, но решает ее как старые.

Во вторую группу входили те, кто видел, что достаточные основания для вынесения обвинительного приговора отсутствуют, вследствие чего подсудимый должен быть оправдан, поскольку дополнительных доказательств о его виновности получить невозможно, либо в суде нужно провести дополнительные исследования, чтобы устранить неполноту предварительного следствия. Однако в отношении подсудимого оправдательного вердикта не выносилось, а само дело возвращалось для производства дополнительного расследования.

И наконец, в третьей группе находились те, кто при недостаточной обоснованности обвинения, подтвержденной в судебном заседании, участвовал в вынесении обвинительного приговора. Однако они определяли такую низкую меру наказания, которая явно не соответствовала тяжести содеянного, той мере наказания, назначение которой было бы необходимым, в случае полной доказанности виновности подсудимого. Причем это определялось вовсе не какими-то личностными качествами последнего, а было связано с сомнениями судей относительно недостаточности доказательств виновности подсудимого, т.е. недостаточность доказательств виновности отражалась в чрезмерно мягкой мере наказания[3].

Какой вывод напрашивается из сказанного? Он достаточно простой: психическая установка сопровождает любую познавательную деятельность человека, в том числе, разумеется, и судебную, оказывая на нее как положительное, так и отрицательное влияние. Психическая установка обычно предшествует решениям, которые принимаются под ее

[1] См.: *Морщакова Т.Г.* Указ. соч. С. 15.

[2] См. также: *Рубежов Г.С., Баренбойм П.Д.* Психологические вопросы судопроизводства // Психологический журнал. 1986. Том 7, № 3. С. 90

[3] См.: *Морщакова Т.Г.* Указ. соч. С. 12, 20

воздействием. Для нейтрализации негативного влияния психической установки необходимо, чтобы она была достаточно гибкой и подвижной. Но это уже во многом зависит от самого человека, от его интеллекта, других качеств личности, которые, если он сам не раскроет в себе, никто за него это не сделает.

Серьезное влияние на появление ошибочных судебных решений помимо психической установки, оказывают также различные психические состояния, которые может испытывать судья, как и любой человек. Среди этих состояний Т.Г. Морщакова в первую очередь обращает внимание на состояние сомнения в момент принятия судьей решения по делу, утомления, психической напряженности (стресса), существенно ослабляющих его познавательную активность, проявление профессионально значимых способностей, опыта.

Состояние сомнения, которое нередко связано с состоянием тревожности (см.: § 2 гл. 5), как правило, является результатом неуверенности судьи при оценке доказательств по делу. Если такое состояние, сопровождающее его интеллектуальную деятельность, не устранено, оно должно послужить основанием для решения тех или иных вопросов в пользу подсудимого.

Возникающие сомнения, колебания при рассмотрении дел различной сложности нередко обостряют, заметно усиливают состояние тревожности, которое у некоторых лиц может приобретать еще большую силу воздействия на их психику, сознание, снижая волевую активность человека, приводя его к неоправданной, крайне выраженной нерешительности в своих выводах и суждениях при принятии решений. Особенно заметно это бывает у лиц психастенического типа с избыточно высоким уровнем тревожности, с ярко выраженными чертами тревожно-мнительного характера, что может рассматриваться в качестве одной из причин, объясняющих недостаточную профессиональную успешность некоторых юристов, появление у них различного рода психосоматических расстройств и заболеваний, связанных с их профессиональной деятельностью.

Поэтому судье необходимо постоянно сохранять на должном уровне самоконтроль за своим эмоциональным состоянием, настроением, поведением, особенно в процессе общения с окружающими его людьми, участниками процесса, с коллегами по работе. Ничто, в том числе и его личностные качества не должны вызывать у граждан сомнений в его объективности, справедливости и беспристрастности в отправлении правосудия[1].

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Какие психологические факторы влияют на процесс оценки доказательств, познания истины в суде?
2. Дайте психологическую характеристику коммуникативным процессам, имеющим место в ходе судебного разбирательства дел.

[1] См.: ч. 2 ст. 3 Закона РФ от 26 июня 1992 г. «О статусе судей в Российской Федерации».

3. Какими психологическими особенностями характеризуется допрос в суде?

4. Что такое ретроактивное торможение, как оно может влиять на показания свидетелей в суде?

5. Какой с психологической точки зрения должна быть обстановка в зале суда в ходе судебного разбирательства дел?

6. Какие требования предъявляются к речи участников судебных прений?

7. Перечислите известные вам приемы психологического воздействия судебного оратора на внимание присутствующих в зале судебного заседания.

8. Какие психологические факторы могут оказывать влияние на процесс принятия решений составом суда?

9. Каким образом «эффект психической установки» может воздействовать на принятие решений судьей при рассмотрении уголовных дел?

УЧЕБНАЯ ПРОГРАММА ПО КУРСУ «ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ»[1]

Раздел I
Введение в юридическую психологию

Тема 1. ПРЕДМЕТ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Предмет юридической психологии, ее место в системе психологической науки. Этапы формирования юридической психологии как прикладной отрасли психологической науки. Основные пути и направления в ее развитии.

Содержание, система юридической психологии как научной отрасли психологических знаний и как учебной дисциплины. Задачи, решаемые юридической психологией; ее роль в формировании личности юриста, в повышении эффективности и качества труда работников правоохранительных органов, юридических служб предприятий, учреждений, адвокатуры.

Юридическая психология в системе различных научных отраслей знания. Ее методологические, естественно-научные и правовые основы. Междисциплинарные связи юридической психологии с общей, социальной, возрастной, педагогической, медицинской, инженерной психологией, с психологией управления, труда, а также с уголовным и гражданским правом и процессом, криминалистикой и криминологией. Связь юридической психологии с судебной психиатрией.

Раздел II
Личность в сфере правоохранительной деятельности

Тема 2. ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Понятие личности в психологии и правовой науке. Индивид, личность, субъект деятельности. Структура личности. Биологическое и социальное в структуре личности. Этапы формирования личности. Мировоззренческая основа, ценностные ориентации, направленность, мотивационная сфера личности. Неосознаваемое в структуре личности, в побуждениях человека. Цели изучения личности в профессиональной деятельности юриста.

Психологические методы изучения личности субъектов правоприменительной деятельности. Методы психологической диагностики. Место и роль психолога при изучении психологических особенностей участников уголовного, гражданского процесса. Использование юристом психологических знаний о личности в профессиональной деятельности.

[1] Программа рекомендована Советом по проведению Учебно-методического объединения университетов РФ в качестве типовой. В настоящий текст внесены некоторые несущественные поправки, не нарушающие ее общей структуры и основного содержания. См.: Программы спецкурсов юридических дисциплин. Ч. III. Уголовно-правовой цикл / Под ред. К.Ф. Гуценко, Н.Ф. Кузнецовой, П.Ф. Лунгу и др. М.: Юридический колледж МГУ, 1996. С. 217—230.

Тема 3. ПСИХИЧЕСКИЕ (ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЕ) ПРОЦЕССЫ, УЧЕТ ИХ ЗАКОНОМЕРНОСТЕЙ ЮРИСТОМ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Ощущение — элементарная форма чувственного отражения объективного мира. Виды ощущений, их закономерности и свойства. Понятие о порогах чувствительности анализаторов. Сенсибилизация. Синестезия. Адаптация. Последовательные образы. Пространственная локализация раздражителя.

Восприятие. Характеристика восприятия и его особенности. Основные свойства и закономерности восприятия. Предметность, целостность восприятия, константность, активность, осмысленность. Апперцепция. Иллюзии. Особенности восприятия предметов, пространства, времени, движения участниками уголовного процесса.

Влияние последствий несчастных случаев, аварий на производстве, экологических и других катастроф на процессы восприятия происшедших событий. Эффект «перцептивной защиты» и его роль в оценке несчастных случаев, происшедших по вине работника. Учет указанных факторов юристом, экспертом-психологом.

Понятие и виды памяти. Общая характеристика различных видов памяти. Образная, вербально-логическая, эмоциональная, произвольная и непроизвольная память. Закономерности мнемических процессов.

Запоминание (сохранение), воспроизведение и забывание. Явления реминисценции, ретроградной амнезии. Влияние криминогенной обстановки, катастроф, аварий, а также особенностей уголовного, гражданского процесса на память. Приемы, улучшающие запоминание, повышающие качество воспроизведения.

Мышление — высшая форма психического отражения человеком объективного мира. Использование особенностей мыслительных процессов в правоохранительной деятельности. Виды мышления. Этапы мыслительного процесса в ходе творческого поиска истины при расследовании (рассмотрении в суде) уголовных дел, в ходе разрешения гражданско-правовых споров, различных конфликтных ситуаций.

Характеристика мыслительной деятельности юриста. Сложность и многообразие задач, решаемых юристами при расследовании преступлений, в ходе разрешения гражданско-правовых споров. Явление «когнитивного диссонанса» и его негативное влияние на ход мыслительной деятельности. Способы активизации мыслительных процессов в правоохранительной деятельности. Включение в деятельность. Вербализация мыслительных процессов. Классификация информации. Методы проигрывания ролей, отсрочки, «мозговой атаки».

Воображение и его виды. Связь воображения с восприятием, мышлением, памятью. Роль воображения в деятельности юриста.

Внимание. Общая характеристика внимания и его основных свойств. Виды внимания. Факторы, обусловленные спецификой правоохранительной деятельности, влияющие на качество внимания ее участников.

Тема 4. ЭМОЦИИ, ЧУВСТВА, ПСИХИЧЕСКИЕ СОСТОЯНИЯ. ИХ ПСИХОЛОГО-ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА

Эмоции, чувства — специфическая форма отражения объективного мира, субъективного отношения к различным явлениям окружающей действительности. Соотношение понятий: эмоция, чувство, психическое состояние. Виды эмоций и чувств, их краткая характеристика. Выражение эмоциональных состояний. Настроение. Состояния депрессии, страха, апатии, неопределенности,

переживаемые участниками уголовного, гражданского процесса, лицами, пострадавшими в результате преступных посягательств.

Состояния тревожности, психической напряженности. Учение о стрессе Г. Селье. Общий адаптационный синдром. Стадии развития стресса, его признаки. Двойственный характер стресса. Влияние стресса на профессиональную деятельность юристов. Факторы, способствующие возникновению стресса и его переходу в дистресс.

Соотношение понятий стресса в психологии и психической беспомощности в уголовном праве. Учет юристом при разрешении гражданско-правовых споров негативного воздействия состояний тревоги, страха, стресса на способность участников сделок в полной мере осознавать значение принимаемых решений и сохранять волевое управление своими действиями.

Фрустрация. Механизм возникновения и ее роль в понимании причин агрессивного поведения, насильственных преступлений против личности, общественного порядка, совершения самоубийств.

Посттравматические стрессовые расстройства (ПТСР). Влияние ПТСР на поведение, психику людей.

Аффект. Уголовно-правовое значение аффекта, причины его возникновения. Соотношение понятий аффекта и внезапно возникшего сильного душевного волнения в уголовном праве. Диагностические признаки аффекта. Отличие физиологического от патологического аффекта. Динамика аффективного возбуждения. Признаки психотравмирующей, аффектогенной ситуации. Кумулированный аффект. Аффект и алкогольное опьянение. Понятие аномального аффекта. Установление аффекта у лиц, совершивших насильственные преступления против личности. Симуляция аффекта и способы ее разоблачения.

Страдания. Психические, физические, нравственные страдания. Понятие, признаки страданий как особой формы переживаний человека. Связь страданий с другими эмоциональными и психическими состояниями. Значение страданий при определении морального вреда потерпевшему.

Психические (эмоциональные) состояния — составная часть человеческого фактора применительно к проблеме повышения эффективности и качества правоохранительной деятельности. Способы саморегуляции своего психического состояния юристом.

Тема 5. ИНДИВИДУАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЗНАНИЙ О НИХ ЮРИСТОМ В ПРАКТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Темперамент. Понятие о темпераменте как о динамической характеристике психической деятельности индивида. Типологические свойства нервной системы — основа свойств темперамента. Учение И.П. Павлова об основных свойствах нервной системы. Дальнейшее развитие учения И.П. Павлова о свойствах нервной системы. Основные свойства различных типов темперамента.

Учет особенностей темперамента в правоохранительной деятельности. Свойства нервной системы, темперамента как составная часть человеческого фактора. Их влияние на динамические процессы в деятельности юриста. Изучение и учет юристом свойств темперамента различных участников процесса, иных лиц в ходе профессионального общения.

Характер и его свойства. Проявление в характере индивидуального своеобразия личности. Факторы, влияющие на формирование характера. Акцентуации характера. Акцентуированные свойства, индивидуально-психологические, характерологические особенности личности, предрасполагающие к различным

формам противоправного поведения, к несчастным случаям. Воля в структуре характера личности. Понятие «порока воли» в праве.

Направленность, мировоззрение, правосознание, мотивационная сфера в структуре личности субъектов правоприменительной деятельности.

Тема 6. СУДЕБНО-ПСИХЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА В УГОЛОВНОМ И ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Предмет, основания, поводы назначения судебно-психологической экспертизы (СПЭ). Компетенция СПЭ. Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза. Вопросы, решаемые экспертом-психологом в уголовном и гражданском процессе.

Подготовка и назначение СПЭ в ходе предварительного расследования, в судебном заседании при рассмотрении уголовных дел, при разрешении гражданско-правовых споров.

Порядок проведения СПЭ. Оценка, использование заключения СПЭ следователем, судом, защитой.

Раздел III
Криминальная психология

Тема 7. ПСИХОЛОГИЯ ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ (ПСИХОЛОГИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ)

Противоправные (преступные) проявления — разновидность антиобщественной деятельности. Проступок, правонарушение, преступление.

Психологическая характеристика, динамика умышленных и неосторожных преступлений. Структурно-психологический анализ преступного действия. Взаимодействие объективных и субъективных факторов. Понятие мотивационной сферы преступления. Соотношение мотива, цели и наступившего результата в умышленных и неосторожных преступлениях. Проблема так называемой профессиональной вменяемости.

Тема 8. ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА

Личность правонарушителя как специальный объект психологического исследования. Понятие и содержание личности преступника, его правосознание. Психологические особенности личности преступника. Различные подходы к вопросу классификации личности преступников. Криминальный профессионализм. Понятие профессионального преступника.

Изучение личности правонарушителя, его мотивационной сферы в ходе расследования (рассмотрения в суде) уголовного дела.

Использование информации психологического характера о личности правонарушителя в ходе предварительного расследования, рассмотрения уголовных дел в суде.

Тема 9. ПСИХОЛОГИЯ ГРУППОВОГО ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ (ПСИХОЛОГИЯ ПРЕСТУПНОЙ ГРУППЫ)

Понятие группы в социальной психологии. Группа как субъект деятельности. Основные признаки группы. Групповые нормы поведения. Классификация групп. Соотношение понятий группы и коллектива.

Психологическая характеристика больших социальных групп. Роль привычек, национальных обычаев, традиций, социальных установок в различных со-

циальных группах людей. Общественная психология и индивидуальное сознание членов группы. Учет указанных явлений в предотвращении паники, массовых беспорядков, конфликтов на национальной почве, в районах стихийных и иных бедствий.

Психологическая характеристика малой группы, ее структура и признаки. Классификация малых групп (долговременные и кратковременные, формальные и неформальные, группы членства и референтные группы). Групповые формы поведения, динамические процессы в малой группе. Групповая сплоченность и групповой конформизм. Феномен группового давления. Групповая совместимость членов группы. Психологическая основа межличностных взаимоотношений в группе (коллективе). Понятие психологического «климата» в группе (коллективе).

Психолого-правовая оценка организованных преступных формирований (групп), их противоправной деятельности.

Типы преступных формирований: случайная преступная группа; преступная группа, совершающая преступления по предварительному сговору; организованная, устойчивая преступная группа (банда); сплоченная организованная преступная группа (организация): преступное сообщество (объединение) организованных преступных групп.

Структура преступной группы (организации), ее признаки. Психология межличностных отношений в различных преступных формирования (группах).

Круговая порука в преступной группе. Факторы, способствующие формированию круговой поруки. Признаки круговой поруки. Психологические методы нейтрализации круговой поруки, борьба с групповой преступностью.

Раздел IV
Психология профессиональной деятельности юриста

Тема 10. ОБЩАЯ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЮРИСТА

Социально-психологическая характеристика правоохранительной деятельности — разновидности государственной службы. Структурно-психологический анализ правоохранительной деятельности

Профессиограмма профессиональной деятельности юриста. Когнитивная (познавательная) подструктура. Коммуникативная подструктура. Психологические особенности решения юристом организационно-управленческих вопросов. Теория и практика современного менеджмента применительно к правоприменительной деятельности. Правовоспитательная подструктура.

Психологические аспекты повышения эффективности труда юристов.

Тема 11. ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ ЮРИСТА

Психологическая структура личности, профессионально значимые качества юриста. Основные факторы профессиональной пригодности и соответствующие им социально-психологические качества личности (психограмма) сотрудников правоохранительных органов.

Конвенциальность,развитое правосознание Высокий уровень социализации личности. Установочное отношение к соблюдению правовых, нравственных норм.

Познавательная активность, продуктивность сознания. Развитый интеллект. Гибкое, творческое мышление. Высокая умственная работоспособ-

ность. Аналитический склад ума, прогностические способности, умение выделять главное. Развитые воображение, интуиция.

Коммуникативная компетентность юриста. Способность устанавливать и поддерживать эмоциональные контакты с участниками общения. Свободное владение вербальными и невербальными средствами общения. Способность к поиску компромиссов. Гибкость, адаптивность коммуникативного поведения. Адекватная самооценка, развитый самоконтроль.

Организаторские, управленческие качества личности юриста. Активность, инициативность, находчивость, распорядительность, воля. Умение прогнозировать последствия принимаемых решений. Самостоятельность, организованность, аккуратность в работе.

Нервно-психическая устойчивость. Выносливость, высокий уровень работоспособности в условиях длительного воздействия перегрузок и других неблагоприятных факторов. Сохранение мотивации достижения успеха. Стенический тип реагирования в психогенных (фрустрирующих) ситуациях.

Профессиональный психологический отбор на службу в правоохранительные органы. Прогнозирование индивидуальной успешности профессиональной деятельности юриста. Понятие профессиональной надежности. Концепция профессиональных ограничений для кандидатов, отбираемых на службу в правоохранительные органы. Объективные (внешние) и субъективные (психологические) критерии профессиональной пригодности лиц, отбираемых в правоохранительные органы.

Тема 12. ПОЗНАВАТЕЛЬНАЯ ПОДСТРУКТУРА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЮРИСТА

Психологическая характеристика познавательной деятельности юриста. Расследование преступлений — разновидность всеобщего процесса познания истины. Своеобразие форм и методов познания при расследовании преступлений.

Психология осмотра места происшествия. Место происшествия — источник информации о психологических особенностях личности преступника. Следы и результаты преступной деятельности как смысловые показатели поведения преступника на месте происшествия. Влияние на способы совершения преступлений динамического стереотипа. Установление по материальным следам структуры преступного поведения, субъективной стороны преступления, психологических особенностей личности преступника. Инсценировки преступника на месте происшествия, методы их распознания.

Психологическая деятельность следователя при осмотре места происшествия. Психологические приемы, повышающие результативность и качество следственного осмотра.

Психология обыска. Психологические особенности поисковой деятельности следователя во время обыска (психология ищущего). Поисковая доминанта. Психологические приемы активизации мыслительной деятельности следователя и нейтрализации воздействия отрицательных факторов на его психику во время обыска.

Психология обыскиваемого (прячущего). Учет данных о свойствах его личности, психическом состоянии следователем. Психологические факторы, влияющие на выбор способов сокрытия объектов. Объективная и субъективная недоступность искомого. Анализ поведения, идеомоторных реакций обыскиваемого. Улики поведения. Методы проверки его непроизвольных реакций.

Психология предъявления для опознания. Особенности восприятия человека и психологические закономерности его отождествления. Симультанное и

сукцессивное узнавание. Статические и динамические признаки внешности. Психологическая природа ошибок, допускаемых при опознании.

Психология следственного эксперимента, проверки показаний на месте происшествия. Моделирование объективных факторов, событий, явлений. Проверка психологических особенностей, свойств личности, способностей, навыков, умений. Проверка показаний как способ активизации памяти участников уголовного процесса.

Тема 13. ОБЩЕНИЕ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЮРИСТА (КОММУНИКАТИВНАЯ ПОДСТРУКТУРА)

Общие социально-психологические особенности профессионального общения юриста. Процессуальные и непроцессуальные формы профессионального общения.

Речь в профессиональном общении юриста. Функции и виды речи. Психологическая характеристика речи участников общения. Явления персеверации, вербальной ригидности. Нарушения речи, их психодиагностическое значение.

Речевое поведение юриста. Речевой этикет и его роль в установлении и поддержании психологического контакта. Требования, предъявляемые к речи юриста.

Социальные роли и статус партнеров по общению. Явление стереотипизации. Эмпатия. Рефлексия. Пространственная организация общения. Жесты и мимика. Способы предотвращения конфликтов в коммуникативных процессах. Средства невербального общения, их роль в установлении и поддержании продуктивного диалога.

Наиболее распространенные ситуации профессионального (непроцессуального) общения.

Тема 14. ПСИХОЛОГИЯ ДОПРОСА

Общие социально-психологические особенности ведения допроса.

Допрос в бесконфликтной ситуации. Понятие психологического контакта при допросе. Психологические закономерности получения, накопления и обработки информации. Закономерности приема, переработки и процессуального закрепления информации следователем. Приемы допроса в бесконфликтной ситуации. Пространственная организация коммуникативных процессов во время допроса. Виды вопросов, особенности их воздействия на психику допрашиваемого. Приемы активизации памяти допрашиваемого во время допроса. Особенности допроса несовершеннолетних.

Психологические особенности допроса потерпевшего. Влияние психического состояния потерпевшего на его показания. Мотивы ложных показаний потерпевшего.

Допрос в конфликтной ситуации. Психологическая природа межличностных конфликтов. Защитная доминанта, ее влияние на поведение допрашиваемого. Управление конфликтной ситуацией следователем. Индивидуально-психологический подход к допрашиваемому. Психическое состояние обвиняемого (подозреваемого), влияние его состояния на поведение во время допроса. Оговорки в показаниях допрашиваемого, их психологическое объяснение и оценка следователем. Использование характерологических особенностей личности допрашиваемого в ходе допроса.

Психология лжи. Структура ложного высказывания. Виды лжи. Психодиагностические признаки ложных показаний (лжесвидетельства). Улики поведе-

ния. Мотивы и цели оговора (самооговора). Методы разоблачения лжесвидетеля. Приемы нейтрализации агрессивного поведения допрашиваемых лиц.

Психология допроса на очной ставке.

Тема 15. ОРГАНИЗАЦИОННО-УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ ПОДСТРУКТУРА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЮРИСТА

Психологический анализ организационно-управленческой подструктуры деятельности юриста. Психология руководителя органа юстиции. Этика и стиль современного управления. Человеческий фактор в системе управления, его роль в оптимизации управленческого воздействия руководителя на своих подчиненных. Требования, предъявляемые к личности руководителя. Создание психологически благоприятной управленческой среды в коллективе сотрудников правоохранительных органов.

Психологические особенности принятия решений в сфере правоохранительной деятельности. Виды решений. Факторы, влияющие на процесс принятия управленческих решений. Прогнозирование последствий принимаемых решений. Психологические особенности принятия решений в экстремальных условиях деятельности. Проблема риска в деятельности юриста.

Тема 16. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СУДОПРОИЗВОДСТВА

Психолого-правовая характеристика процесса познания, установления истины в судебном заседании. Психологические особенности оценки доказательств, установления истины составом суда.

Коммуникативная подструктура в деятельности судей при рассмотрении уголовных и гражданских дел. Психологические особенности судебного допроса, судебных прений сторон. Судебная речь; требования, предъявляемые к ней. Факторы, влияющие на коммуникативное поведение участников процесса в суде. Использование этих факторов судом в целях активизации психических познавательных процессов у лиц, участвующих в судебном рассмотрении дела.

Психологические особенности коммуникативного поведения участников процесса в суде присяжных заседателей.

Психологические особенности принятия решения судьей. «Эффект психической установки» и его роль в процессе принятия судебных решений.

Тематический план по курсу юридической психологии[1]

Программа курса	Общее количество часов	Количество часов по видам занятий		
		Лекции	Практические занятия	Зачет (экзамен)
1	2	3	4	5
Раздел I **Введение в юридическую психологию**				
Тема 1. Предмет юридической психологии	2	2		
Раздел II **Личность в сфере правоохранительной деятельности**				
Тема 2. Психология личности в правоохранительной деятельности	6	2	4	
Тема 3. Психические (познавательные) процессы, учет их закономерностей юристом в профессиональной деятельности	6	6		
Тема 4. Эмоции, чувства, психические состояния. Их психолого-правовая оценка	8	6	2	
Тема 5. Индивидуально-психологические особенности личности. Использование знаний о них юристом в практической деятельности	6	4	2	
Тема 6. Судебно-психологическая экспертиза в уголовном и гражданском процессе	6	2	4	
Раздел III **Криминальная психология**				
Тема 7. Психология преступного поведения (психология преступления)	2	2		
Тема 8. Психология личности преступника	2	2		
Тема 9. Психология группового преступного поведения (психология преступной группы)	2	2		
Раздел IV **Психология профессиональной деятельности юриста**				
Тема 10. Общая социально-психологическая характеристика профессиональной деятельности юриста	2	2		
Тема 11. Психология личности юриста	2	2		

[1] Настоящий тематический план составлен из расчета 70 часов учебного времени. При необходимости его можно перестроить за счет сокращения количества занятий, если на изучение юридический психологии отводится 50 или даже 30 часов учебного времени.

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5
Тема 12. Познавательная подструктура профессиональной деятельности юриста	10	6	4	
Тема 13. Общение в профессиональной деятельности юриста (коммуникативная подструктура)	2	2		
Тема 14. Психология допроса	4	4		
Тема 15. Организационно-управленческая подструктура профессиональной деятельности юриста	2	2		
Тема 16. Психологические особенности судопроизводства	2	2		
Зачет (экзамен)	6			6
Всего:	70	48	16	6

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора 5

Раздел первый
ВВЕДЕНИЕ В ЮРИДИЧЕСКУЮ ПСИХОЛОГИЮ

Глава 1. ПРЕДМЕТ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ .
§ 1. Предмет, содержание, задачи юридической психологии 8
§ 2. Краткий исторический обзор развития юридической психологии 15
§ 3. Методологические проблемы юридической психологии 24

Раздел второй
ЛИЧНОСТЬ В СФЕРЕ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Глава 2. ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
§ 1. Понятие личности в психологической и правовой науке 34
§ 2. Структура и содержание личности 44

Глава **3. МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ ЛИЧНОСТИ В ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ**
§ 1. Методы изучения личности в профессиональной деятельности юриста 58
§ 2. Краткое введение в область психологической диагностики 61
§ 3. Классификация психологических методов (тестов) исследования личности 64

Глава 4. ПСИХИЧЕСКИЕ (ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЕ) ПРОЦЕССЫ, УЧЕТ ИХ ЗАКОНОМЕРНОСТЕЙ ЮРИСТОМ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
§ 1. Ощущения и восприятие. Их роль и значение в профессиональной деятельности юриста 90
§ 2. Память. Учет юристом закономерностей памяти участников процесса 110
§ 3. Мышление и воображение. Их роль в деятельности юриста 119
§ 4. Внимание в профессиональной деятельности юриста 129

Глава 5. ЭМОЦИИ, ЧУВСТВА, ПСИХИЧЕСКИЕ СОСТОЯНИЯ, ИХ ПСИХОЛОГО-ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА
§ 1. Общее представление об эмоциях, чувствах, психических состояниях 134
§ 2. Состояния эмоциональной напряженности, их роль и значение в уголовном и гражданском процессах 138
§ 3. Способы преодоления отрицательных психических состояний в профессиональной деятельности юриста 174

Глава 6. ИНДИВИДУАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЗНАНИЙ О НИХ ЮРИСТОМ В ПРАКТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
§ 1. Темперамент, его влияние на поведение субъектов правоприменительной деятельности 180
§ 2. Характер, его свойства и черты 191
§ 3. Направленность, мотивационная сфера в структуре личности субъектов уголовного и гражданского процессов 214

Глава 7. СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА В УГОЛОВНОМ И ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССАХ
§ 1. Предмет судебно-психологической экспертизы, основания и поводы ее назначения 225
§ 2. Методологические основы судебно-психологической экспертизы, ее компетенция. Основные вопросы, решаемые экспертом-психологом 231
§ 3. Подготовка, назначение, использование судебно-психологической экспертизы следователем (судом) 241

Раздел третий
КРИМИНАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Глава 8. ПСИХОЛОГИЯ ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ (ПСИХОЛОГИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ)
§ 1. Общая психологическая характеристика деятельности 248
§ 2. Психологический анализ преступного поведения при различных формах вины . . 254

Глава 9. ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА
§ 1. Понятие, структура личности преступника . . . 264
§ 2. Типология личности преступника . . . 279

Глава 10. ПСИХОЛОГИЯ ГРУППОВОГО ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ (ПСИХОЛОГИЯ ПРЕСТУПНОЙ ГРУППЫ)
§ 1. Понятие, психологическая характеристика группы . . . 286
§ 2. Психолого-правовая оценка организованных преступных формирований (групп), их противоправной деятельности . . . 290

Раздел четвертый
ПСИХОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЮРИСТА

Глава 11. ОБЩАЯ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЮРИСТА. ТРЕБОВАНИЯ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫЕ К ЕГО ЛИЧНОСТИ
§ 1. Социально-психологическая характеристика профессиональной деятельности юриста . . . 306
§ 2. Структурно-психологический анализ профессиональной деятельности юриста . . 311
§ 3. Психологическая структура, профессионально значимые качества (психограмма) личности юриста . . . 315
§ 4. Оценка способностей к юридической деятельности по психологическим качествам личности . . . 324

Глава 12. ПОЗНАВАТЕЛЬНАЯ ПОДСТРУКТУРА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЮРИСТА . . . 344
§ 1. Психология осмотра места происшествия . . . 345
§ 2. Психология проведения обыска . . . 358
§ 3. Психология предъявления для опознания . . . 362
§ 4. Психологические особенности проведения следственного эксперимента (проверки показаний на месте) . . . 368

Глава 13. ОБЩЕНИЕ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЮРИСТА (КОММУНИКАТИВНАЯ ПОДСТРУКТУРА)
§ 1. Понятие, структура, виды профессионального общения юриста . . . 373
§ 2. Общие социально-психологические закономерности профессионального общения . . . 375
§ 3. Наиболее распространенные ситуации профессионального (непроцессуального) общения юриста . . . 398

Глава 14. ПСИХОЛОГИЯ ДОПРОСА
§ 1. Общие социально-психологические условия ведения допроса . . . 407
§ 2. Психологические особенности допроса в бесконфликтной ситуации . . . 412
§ 3. Психологические особенности допроса в конфликтной ситуации . . . 416
§ 4. Психология допроса на очной ставке . . . 428
§ 5. Психологические особенности допроса несовершеннолетних . . . 432

Глава 15. ОРГАНИЗАЦИОННО-УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ ПОДСТРУКТУРА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЮРИСТА
§ 1. Общая психологическая характеристика организационно-управленческой подструктуры в деятельности юриста . . . 439
§ 2. Психологические особенности принятия решений юристом . . . 446

Глава 16. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СУДОПРОИЗВОДСТВА
§ 1. Психолого-правовая характеристика познавательной подструктуры судебной деятельности . . . 459
§ 2. Коммуникативная подструктура деятельности суда . . . 462
§ 3. Психологические особенности принятия решений судьей . . . 470

ПРИЛОЖЕНИЕ. Учебная программа по курсу «Юридическая психология» . . . 476

Книги Издательской группы «Юристъ»
можно заказать в фирме «Гардарика»

поадресу:

107005, Москва, ул. Ф. Энгельса, д. 3/5, стр. 6
(ст. метро «Бауманская»)
Тел.:(095)267-3405. Факс: (095)267-8252

Санкт-Петербург, Невский проспект, д. 85/11
(вход с. ул. Гончарной), тел.: (812)168-9934

Учебное издание

Владимир Владимирович РОМАНОВ

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Учебник

Редактор *И. Г. Карпас*

Корректор *Г. Д. Шаровка*

Художественный редактор *Е. Ю. Молчанов*

Компьютерная верстка *И. В. Клименко*

ЛР № 071461 от 26.06.97.

Подписано в печать 24.12.97. Гарнитура Антиква.
Формат $60 \times 90^{1}/_{16}$. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 30.5. Тираж 10000 экз. Заказ № 37
Издательская группа «Юристъ»

123286. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9
тел" (095) 244-8749

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93